

Е. В. Падучева

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

**Семантика времени и вида
в русском языке**

Семантика нарратива

ЯЗЫК • СЕМИОТИКА • КУЛЬТУРА

Е. В. Падучева

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Семантика времени и вида
в русском языке

*

Семантика нарратива

*Второе издание,
исправленное и дополненное*

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2010

УДК 811.161.1

ББК 81.031

П 16

Падучева Е. В.

П 16 Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Языки славянской культуры, 2010. — 480 с. — (Язык. Семиотика. Культура).

ISSN 1726-135X

ISBN 978-5-9551-0431-7

Изучаются возможности описания русского вида и времени с использованием понятия точки отсчета, противопоставленной моменту речи. Вводится понятие эгоцентрического элемента, которое позволяет представить пространственно-временной дейксис и субъективную модальность как единую область, подлежащую ведению лингвистической прагматики. Сравниваются речевой и нарративный режимы интерпретации эгоцентрических элементов. Предлагается лингвистически обоснованная типология повествовательных форм, базирующаяся на противопоставлении первичных и вторичных эгоцентриков.

ББК 81.031

ISBN 978-5-9551-0431-7

© Е. В. Падучева, 2010

© Языки славянской культуры, 2010

ВСТУПЛЕНИЕ

Настоящая книга состоит из двух частей. Часть I посвящена грамматической семантике: в ней объединены в одно целое работы автора по русской аспектологии и семантике времени, писавшиеся на протяжении более десятка лет. Это исследование пока не может считаться завершенным: если категорию времени можно описать в чисто грамматических терминах, то исчерпывающее описание семантики вида требует широкомасштабного изучения лексической семантики глагола, которое нельзя завершить в обозримом будущем. Одна из задач данной работы состояла в том, чтобы изложить теоретические предпосылки будущих лексикографических исследований.

Хочется назвать несколько наиболее ярких событий и имен, которые послужили стимулирующими импульсами для нашей работы в области аспектологии.

Первым стимулом явилось введенное Г. Рейхенбахом — и ставшее сейчас широко популярным — понятие точки отсчета, которое использовалось при описании семантики перфектных временных форм разных языков, но не было опробовано на русском материале. Оказалось, что это понятие с успехом применимо к русскому виду. Более того, абстрактному и не вполне однозначному рейхенбаховскому понятию точки отсчета оказалось возможно приписать прагматически конкретную интерпретацию, связав точку отсчета с фигурой наблюдателя, которая была обоснована, независимым образом, в работе Ю. Д. Апресяна (1986а), посвященной дейксису.

Другим важным фактором, на долгие годы определившим развитие русской аспектологии, явилась, конечно, работа Ю. С. Маслова (Маслов 1948), в которой был обоснован тезис о принципиальной связи семантики видовой формы с лексической семантикой глагола и намечена семантическая классификация глаголов, позволяющая делать семантические предсказания о неполноте видовой парадигмы глагола (т. е. об отсутствии форм противоположного вида), а также о функциональной неполноте парадигмы — отсутствии тех или иных частновидовых значений. Тем самым в русистике были заложены — задолго до появившейся в 1967 году влиятельной работы Вендлера — основы глагольной таксономии, определяющей взаимодействие грамматической и лексической аспектуальности.

Метод толкований, которым широко пользуется современная семантика, как лексическая, так и грамматическая, был впервые блистательно применен к описанию семантики глагольного вида Анной Вежбицкой в 1967 году. Можно только удивляться, что из всех грамматических категорий именно вид, с его запатентованной сложностью, послужил первым полигоном для отлаживания техники толкования грамматических значений¹.

Наконец, последним из "краеугольных камней", на которых основывается предлагаемая концепция семантики времени и вида, является введенное Бенвенистом разграничение двух планов употребления языка — плана речи (*plan de discours*) и плана повествования (*plan de récit*). Это разграничение позволяет выявить функциональные различия в употреблении видо-временных форм, обусловленные типом коммуникативной ситуации. Отсюда переход от собственно лингвистической проблематики к теории нарратива, которой посвящена II часть книги.

Работы, составившие часть I, в основном, публиковались ранее (каждая глава снабжена библиографическим примечанием, в котором оговаривается ее соотношение с первой публикацией). При перепечатке была внесена небольшая редакционная правка, устранены некоторые наиболее очевидные повторы. Полностью устранить повторения все-таки не удалось — работы тематически связаны друг с другом, но были написаны в свое время как независимые одна от другой. Повторяются из главы в главу некоторые примеры — это сделано сознательно, в тех случаях, когда пример иллюстрирует какой-то один и тот же аспект проблемы.

Главы 1–5 части I посвящены проблеме инварианта частных видовых значений, т. е. синтагматике вида: употребление видовой формы в разных контекстах, с упором на обусловленность значения контекстом с целью выявления инварианта, независимого от контекста. Главы 6–10 развивают масловскую проблематику — вид и лексика: варьирование основного значения сов. и несов. вида, обусловленное лексическим значением глагола. Задача этих глав — утвердить в правах понятие таксономической категории, которое, на наш взгляд играет такую же важную роль в семантике, как часть речи — в грамматике. В двух последних главах намечается выход за пределы видовой формы — видовое противопоставление рассматривается в контексте предложения, в плане сочетаемости видо-временной формы с показателями времени (глава 11) и количества (глава 12)².

Напротив, часть II не является собранием статей, а написана, как целое, в относительно короткий срок. Основные положения, которые легли в основу части II, были изложены ранее в статьях Падучева 1989б, Падучева 1991а, Падучева 1993. Некоторые разделы, впрочем, основываются на материале, опубликованном ранее. В главе II.2 используется материал моно-

¹ В дальнейшем описании семантики видовых форм методом толкований было продолжено в работе Гловинская 1982.

² В книге принят следующий способ отсылки к ее частям, главам и разделам. Главой II.5 называется глава 5 части II; при отсылке к другой главе той же части номер части обычно не указывается. Разделом 5.3 называется раздел 3 главы 5; при отсылке к разделу внутри главы не указывается номер главы.

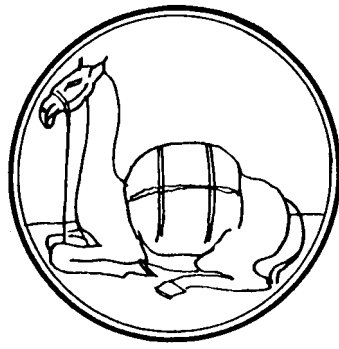
графии Падучева 1985а, в разделе 7 этой главы — статья Падучева 1983, а также написанные автором разделы из предисловия к сборнику "Новое в зарубежной лингвистике", вып. XVI. Разделы 1–3 главы II.5 представляют собой переработанный вариант статьи Падучева 1990. Глава II.6 написана в соавторстве с Анной А. Зализняк, см. нашу публикацию Зализняк, Падучева 1987.

Автор благодарен членам семинара на Кафедре славянских языков и литератур Берклийского университета Калифорнии (весна 1994 года) за участие в обсуждении проблем лингвистики повествовательных форм, а также профессору Алану Тимберлейку, который подал автору идею этого семинара. Искренняя благодарность — моему учителю Вячеславу Всеволодовичу Иванову, без которого работа о семантике нарратива не была бы и начата.

Автор пользуется также случаем выразить благодарность своим коллегам и помощникам — Нине Манашировне Якубовой за помощь в редактировании I части книги и Ольге Николаевне Ляшевской за участие в компьютерном наборе и за составление указателя. Неоценимую помощь автору в работе над книгой оказал Сергей Александрович Крылов — ее первый читатель, сочувственный критик и редактор. Он предложил ряд литературных примеров и дал ценные библиографические справки.

Часть I

**СЕМАНТИКА ВРЕМЕНИ И ВИДА
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Глава 1

СЕМАНТИКА ВИДА И ТОЧКА ОТСЧЕТА*

1. В поисках инварианта видового значения

В семантике славянского вида, которая была заманчивой загадкой для многих поколений лингвистов (см. Виноградов 1947 с обширной библиографией), в последние годы был достигнут значительный успех по двум направлениям. Одно из них, начатое еще работой Ю. С. Маслова (1948), связано с осознанием принципиальной обусловленности грамматического значения вида лексической семантикой глагола; другое — с применением к описанию грамматических единиц метода толкований (впервые использованного при описании славянского вида в 1967 году Анной Вежицкой, см. Wierzbicka 1967): толкования позволяют исчерпывающим образом охарактеризовать вклад граммы вида в смысл предложения.

Описание семантики видовых противопоставлений русского глагола методом толкований — в работах Ю. Д. Апресяна (1980а, 1985б) и в особенности М. Я. Гловинской (1982, 1983) — дало возможность:

— получить более полный набор так называемых частных видовых значений каждой из видовых граммем;

— обнаружить необычайное разнообразие содержания видовых противопоставлений в разных лексических классах глаголов и зафиксировать большое число таких аспектуально значимых лексических классов.

Описание семантики языковых единиц (как граммем, так и лексем или синтаксических конструкций) методом толкований при всех его преимуществах имеет, однако, одно нежелательное последствие: изолированное толкование каждого отдельного значения, в том числе и контекстно обусловленного, приводит к тому, что значение единицы, которое до начала анализа интуитивно воспринималось как "одно и то же", превращается в список различных. Разумеется, можно сказать, что до выявления всех

* Опубликовано в: Известия АН СССР, Серия лит-ры и языка, т. 45, 1986, № 5.

подлинных значений наше наивное представление о единстве значения было просто неверным. Было бы лучше, однако, если бы удалось после установления множественности значений все-таки показать, на чем основывалось представление о его единстве. Ставится задача вернуть единство значения граммеме несовершенного вида (НСВ).

Известны два способа восстановления единства языковой единицы, утрачиваемого при семантическом анализе, — выявление смыслового инварианта по Р. Якобсону и выделение первичного, основного значения (с указанием условий его превращения во вторичные, производные) по Е. Куриловичу. В данном случае, как оказывается, эти способы почти эквивалентны: основное значение НСВ присутствует в качестве инвариантного компонента во всех других "частных" значениях.

Ниже следует суммарный перечень частных видовых значений НСВ (по работам Гловинская 1982, Бондарко, Буланин 1967, Рассудова 1968, Маслов 1984, Forsyth 1970; многие примеры взяты из указанных работ).

Группа I. 1. Актуально-длительное (действие, процесс или состояние длится в момент наблюдения; в Бондарко, Буланин 1967 это значение называется конкретно-процессным): *Однажды летним утром они подходили к проходной; Не мешай, я работаю.*

2. Континуальное (т. е. длящееся, но не актуально длящееся): *Она работает в университете; Иван выращивает новый сорт пшеницы.*

3. Постоянно-непрерывное (глагол НСВ обозначает постоянное свойство или соотношение): *Окна гостиницы выходят на юг.*

Группа II. 1. Узуальное (значение узуально повторяющегося действия или события): *Каждое утро он открывает окно.*

2. Потенциальное: *Хороший был слесарь: любые замки открывал.*

3. Многократное (но не узуальное и не потенциальное): *Зачем ты каждую минуту открывал окно?; Я два раза открывал окно.*

Группа III. 1. Общефактическое неопредельное (значение прекратившегося состояния или неопредельного процесса): *Где мои ключи? Они лежали на столе.*

2. Общефактическое результативное (действие достигло предела): *Я их однажды на Фонтанку подвозил; Я вас предупреждал; Он показывал мне ее фотографию.*

3. Общефактическое двунаправленное (результат был достигнут, но аннулирован противоположно направленным действием): *К тебе кто-то приходил (= 'пришел и ушел'); Ты открывал окно?*

4. Общефактическое нерезультативное (действие не достигло предела): *Я умолял ее вернуться; Я много раз его уговаривал.* Ср. значение безуспешной попытки у НСВ *объяснял* в контексте *Объяснял, да не объяснил.*

5. Дуративное (в контексте обстоятельства длительности, см. Timberlake 1985a): *Они гуляли всю ночь.*

Можно показать, что все перечисленные значения производны от первичного, актуально-длительного, в следующем смысле слова "производность". Каждое из частных значений НСВ требует для своей реализа-

ции того или иного контекста. Как пишет про частные видовые значения А. В. Бондарко, это "значения, выражаемые <...> видом в сочетании с контекстом" (Грамматика 1980, т. 1: 604). Для актуально-длительного значения этот контекст минимальный, и в этом смысле оно является первичным. Для остальных значений толкование получается из толкования первичного значения как следствие изменения контекста. Иначе говоря, вторичные значения могут быть представлены как результат пополнения собственного значения граммы НСВ (первичное значение минус контекст первичного значения) за счет информации, заключенной в контексте. В этом семантическом выводе могут принимать участие общие законы прагматики (представленные в работе Грайс 1985 в виде постулатов речевого общения).

Описание частных значений языковых единиц в их связях друг с другом позволяет не только приписать тексту адекватное представление его смысла, но и раскрыть природу тех механизмов, которыми пользуется человек при понимании текста. Кроме того, стимулом для представления одних значений как производных от других служит обычный принцип экономии описания. Например, если представить потенциальное значение НСВ как разновидность многократного, то все условия, препятствующие реализации второго, автоматически переносятся на первое.

2. Противопоставления, выражаемые контекстом

Контекст, в котором у граммы НСВ возникает то или иное частное значение, может быть лексический (иногда это семантический тип слов, иногда — словарный список), синтаксический (он создается наличием того или иного элемента — скажем, обстоятельства времени или кратности — в том же предложении) и ситуативный (значение, выражаемое в соседнем предложении, является для данной видовой формы скорее ситуативным контекстом, чем синтаксическим). Разные типы контекста могут быть эквивалентны, т. е. создавать условия для реализации одного и того же частного значения НСВ.

Первое контекстное противопоставление, влияющее на значение граммы НСВ, — это противопоставление "многократность vs. единичность". Оно может выражаться ситуативным контекстом:

- (1) а. — Что это они там делают? — Они разжигают костер ["единичность"];
б. — Что делают туристы, чтобы приготовить пищу? — Они разжигают костер ["узуальность", т. е. "многократность"];

синтаксическим (ср. адвербиал *каждый день*):

- (2) Они *каждый день* разжигают костер;

и лексическим (глагол *ходить* моторно-кратный):

- (3) Он сам *ходит* в магазин.

Если многократность выражается лексически, то однозначность достигается в пределах словоформы; если синтаксически, то в пределах предложения, а если контекстом ситуации, то предложение остается неоднознач-

ным. Подчеркнем, что и значение однократности у граммы НСВ тоже требует определенного контекста, хотя и отрицательного — отсутствия контекста многократности.

Второе контекстное противопоставление — "синхронная vs. ретроспективная точка отсчета". Оно требует более подробного обсуждения. Фраза

(4) На стене справа висела картина (пример из Апресян 1980а: 33)

допускает два понимания: одно с синхронной точкой отсчета (картина находится перед глазами наблюдателя в описываемый момент в прошлом), актуально-длительное, а другое — с ретроспективной (говорящий помнит, что когда-то висела картина, но в описываемый момент не висит), общефактическое.

Понятие "точка отсчета" (point of reference), которое было введено в 1947 г. Г. Рейхенбахом (Reichenbach 1947: 289), противопоставлено более давнему и более активно используемому в семантике понятию "момент речи" и демонстрируется лучше всего на англ. Past Perfect. В предложении I had mailed the letter when he came прош. время придаточного when he came выражает предшествование ситуации 'he came' моменту речи и переносит точку отсчета в прошлое; после этого в главном предложении надо употребить уже не Past Indefinite, а Past Perfect. Иначе говоря, обязательное условие для употребления Past Perfect — наличие точки отсчета, отнесенной в прошлое. Present Perfect предполагает точку отсчета в настоящем и, в отличие от простого прошедшего, не порождает точки отсчета, отнесенной в прошлое. Отсюда неправильность фразы *I had mailed the letter when he has come: поскольку Present Perfect предполагает точку отсчета в настоящем, то во фразе не возникает той точки отсчета, отнесенной в прошлое, которая создает необходимое условие для употребления Past Perfect, см. о точке отсчета подробнее в главе II.4.

В применении к славянскому виду идея, близкая к рейхенбаховской, используется в Wierzbicka 1967: длительное значение НСВ, в противоположность общефактическому, Вежбицка называет синхронным (the contemporaneous meaning). Общефактическое значение НСВ определяется, однако, без обращения к точке отсчета, т. е. парное понятие ретроспективного значения отсутствует.

Понятие точки отсчета практически совпадает с понятием момента наблюдения, которое используется в работе Гловинская 1982: 128 для описания смыслового противопоставления актуально-длительного и общефактического значения НСВ в одном частном контексте — при наличии обстоятельства времени. Автор полагает, что общефактические значения в целом несовместимы с обстоятельством времени, но в предложении *В этом ущелье с июля по ноябрь геологи искали алмазы* значение НСВ общефактическое, поскольку описываемое событие предшествует моменту наблюдения. На самом деле точка отсчета, она же — момент наблюдения, важна для семантики вида не только в этом контексте, но и во всех других. Значение НСВ, представленное примером выше, мы называем не общефактическим, а дуративным. Дуративное значение, как и общефактическое, имеет ретроспективную точку отсчета.

Зависимостью от ретроспективной точки отсчета объясняется тот примечательный факт, что общефактическое значение вида невозможно у

глагола в настоящем времени, где точка отсчета совпадает с моментом речи и однозначным образом синхронная.

Если при НСВ точка отсчета может меняться, то при СВ точка отсчета всегда ретроспективна по отношению к ситуации, обозначаемой глаголом; при этом она синхронна итоговому состоянию (результату) ситуации. Например, нельзя сказать *Мой дядя сломал ногу*, если он сломал ногу, будучи ребенком, поскольку высказывание несет импликацию, что нога сломана в точке отсчета, которая в данном случае совпадает с моментом речи, см. подробнее о перфектном значении СВ в главах I.9 и II.4.

В предложении (4), с синхронной точкой отсчета при прош. времени глагола, категория времени имеет вторичную функцию. В самом деле, нормально ситуация, обозначенная глаголом в прош. времени, предшествует моменту речи, а если точка отсчета задается моментом речи, то и точке отсчета. Синхронная точка отсчета в (4) возникает в силу того, что можно назвать нарративным режимом интерпретации. Нарративный режим (эпический стиль) характеризуется тем, что отношение текста к речевой ситуации, а следовательно, и к моменту речи, для него не существует, ср. Forsyth 1970: 182; Бенвенист 1974: 271. Парным к нарративному прош. является наст. историческое, которое тоже не выражает, в отличие от обычного наст. времени, совпадения с моментом речи. Противопоставление "настоящее vs. прошедшее" преобразуется при нарративном режиме в дейктическое противопоставление "ближнее vs. дальнее".

В обычном диалогическом, или речевом, режиме момент речи широко используется для временной локализации ситуации. В предложении, не содержащем обстоятельства времени, время отсчитывается от момента речи: грамматическое время глагола характеризует время действия как синхронное моменту речи в случае наст. и предшествующее в случае прош. времени. В интерпретации предложения с обстоятельством времени участвуют и момент речи, и точка отсчета. Например, во фразе *В мае 1962 года я уже приехал в Воронеж* точка отсчета синхронна состоянию, наступившему с мая 1962 года (а не моменту речи, как было бы во фразе *Я уже приехал в Воронеж*), тогда как прош. время характеризует это состояние как предшествующее моменту речи.

Для глагола в наст. времени (в его первичной, т. е. диалогической функции) ретроспективная точка отсчета невозможна. Поэтому показатели ретроспективной точки отсчета надо искать в предложениях с прош. временем (буд. время и неличные формы глагола мы здесь не рассматриваем). Есть три фактора, способных фиксировать точку отсчета.

Первый — это режим интерпретации. Некоторые слова и элементы языка (например, дейктические слова типа *вот*) однозначно характеризуют предложение как включенное в речевой режим, а в нем прош. время имеет первичное значение предшествования моменту речи; отсюда ретроспективная точка отсчета. Например:

(4') *Вот* на этой стене висела картина.

Слово *я*, в отличие от *вот*, не определяет точку отсчета однозначно, поскольку возможно и в нарративе.

Включенность предложения в диалогический режим иногда почти однозначно задается его коммуникативной характеристикой. Отсюда тот факт, что утвердительное предложение может допускать обе точки отсчета, а соответствующий вопрос — одну. Так, фраза *Петя решал задачу* неоднозначна: то ли ситуация наблюдается из некоторой точки, "дальней", но синхронной по отношению к ситуации, то ли точка отсчета совпадает с моментом речи, т. е. ретроспективная. А вопрос *Петя решал задачу?* имеет однозначно ретроспективную точку отсчета¹. Впрочем, при соответствующем усложнении контекста и вопрос может войти в нарративный режим, так что точка отсчета станет синхронной, ср. диалог:

- А. У попа была собака.
В. А он ее любил?

Второй фактор, влияющий на точку отсчета, — обстоятельство времени или кратности.

а) Обстоятельства длительности, задающие интервал, на протяжении которого действие продолжалось и закончилось (*Я гулял в течение двух часов; Я гулял с десяти до двенадцати*), в своем большинстве исключают синхронную точку отсчета. Поэтому фразы *Я гуляю в течение двух часов; Я гуляю с десяти до двенадцати*, содержащие такое обстоятельство при глаголе в наст. времени, могут пониматься только как обозначения узуального действия.

б) Обстоятельства кратности, в том числе однократности, исключают синхронную точку отсчета, т. е. возможны, вне контекста узуальности, только в прош. или буд. времени, ср. *Я сегодня два раза гулял с собакой*.

в) Обстоятельство времени ("Когда?") в позиции темы обычно фиксирует синхронную точку отсчета; при этом в составе интервала времени, обозначенного обстоятельством, выделяется имплицитный интервал меньшей протяженности, ср.:

- (5) *Вечером* я писал отчет. Позвонил телефон [в некоторый момент вечера]²;
В прошлом году я отдыхал в Пицунде. Однажды мы шли по пляжу [в некоторый момент прошлого года].

При нетематической позиции обстоятельства точка отсчета обычно ретроспективная:

Я передавал ему журнал *в два часа*.

г) Адverbиалы типа *все еще, по-прежнему, все больше (все сильнее и проч.)* предполагают длящееся состояние и служат, следовательно, однозначными показателями синхронной точки отсчета:

Костер горел *все ярче*.

д) Обстоятельство времени, в своем значении содержащее ретроспективу, т. е. указывающее на прошлое в его отношении к настоящему, может

¹ Знаки \ и / фиксируют фразовое ударение: \ — каденция (главное фразовое ударение), / — восходящее ударение, антикаденция по Карцевскому.

² Принимается следующее соглашение об использовании скобок: в угловые скобки заключается выражение, составляющее языковой контекст рассматриваемого слова; в квадратных скобках даются метаязыковые пояснения.

содержать своего рода акцент на настоящем и не переносить точку отсчета в прошлое, даже будучи в тематической позиции. Так, во фразе *Раньше к нему заходили товарищи* точка отсчета ретроспективная.

Третью группу факторов составляет лексическое значение глагола, которое тоже может фиксировать точку отсчета. Так, глагол *видеть* в "зрелищном" значении (Апресян 1980а: 68) допускает только ретроспективную точку отсчета: можно сказать *Я видел по телевизору "Галатею"*, но нельзя **Не мешай, я вижу по телевизору "Галатею"*. То же для *слышать*, ср. *Я слышал (*слышу) эту новость*, ср. в Lehmann 1989 историческое объяснение семантической специфики глаголов *видеть* и *слышать*, которые сохранили древнее неразличение видов. Аналогично ведут себя многие глаголы с компонентом говорения: возможно *Он называл соседа гусаком*, *Он отмечал недостатки в работе торговой сети*, но невозможно *Он называет соседа гусаком*, *Он отмечает недостатки в работе торговой сети* в ответе на вопрос "Что он там делает?". К глаголам, допускающим, напротив, только синхронную точку отсчета, относятся *белеть*, *чернеться*, см. об этом в иных терминах в Булыгина 1982: 15.

Итак, мы рассмотрели два признака контекста, от которых зависит значение граммы НСВ, — это кратность и точка отсчета. Синхронная точка отсчета сочетается с обоими значениями признака кратность: группа I — это синхронные однократные значения (т. е. значения, возникающие в контексте синхронной точки отсчета и при отсутствии контекста многократности), а группа II (за вычетом значения 3) — синхронные многократные. Узуальное и потенциальное значение совместимо как с синхронной точкой отсчета (*Я сейчас каждый день гуляю с собакой*), так и с ретроспекцией (*Ведь я тогда каждый день гулял с собакой*). Что касается группы III, то ее составляют ретроспективные значения: все так называемые общефактические значения НСВ — это значения, возникающие в контексте ретроспекции. Дуративное значение тоже исключает синхронную точку отсчета (см., впрочем, уточнения в главе I.11).

При синхронной точке отсчета нейтрализация противопоставления по кратности невозможна — фраза *Они разжигают костер* неоднозначна: то ли сейчас, то ли узуально. Между тем при ретроспекции это противопоставление легко нейтрализуется — возникает третье значение 'по крайней мере однажды', ср. *Я купался в горном озере; Вы покупали этот сыр?*

Различия внутри групп I, II и III порождаются своими, более частными признаками контекста. Ниже мы рассмотрим подробно общефактические значения НСВ: для каждого из четырех общефактических значений мы покажем, как их толкования возникают из толкования НСВ в актуально-длительном значении (НСВ акт.) — в контексте, характеризующемся ретроспективной точкой отсчета, а также рядом других признаков, своих для каждого из четырех значений (в каждом значении рассматривается только однократный случай; подробнее о многократности см. в главе I.2). Предварительно — несколько слов об НСВ акт.

3. Толкование актуально-длительного значения несовершенного вида

Толкования для НСВ акт., которые будут использоваться в качестве исходных, были предложены в работах Wierzbicka 1967, Апресян 1980а, Гловинская 1982. Некоторые изменения, внесенные нами в эти толкования, преследовали две цели — уточнить тип взаимодействия глагола с временным локализатором и, насколько это возможно, отделить в толковании видовое значение от лексического, т. е. сблизить схемы толкований НСВ акт. для слов разных семантических классов.

Из числа выделенных в Гловинская 1982 классов глаголов с различными схемами толкования НСВ акт. мы ограничимся тремя. Класс 1 — это глаголы, обозначающие предельные процессы без каузатора-Агенса (такие как *сохнуть, зреть, просыпаться, замерзть, разогреться, желтеть, выздоравливать*). Класс 2 — глаголы с агентивным каузатором, т. е. действия (*садиться, открывать <окно>, стирать <кофту>, ловить <бабочку>, решать <задачу>*). Класс 3 — неопредельные глаголы, не входящие в видовую пару; а именно, состояния, типа *болеть, любить, висеть*; неопредельные процессы и деятельности — *идти* [о дожде], *купаться, разговаривать*.

Глагол может быть предельным не во всех своих значениях (так, фраза *Вода заполняет бассейн* в одном значении обозначает предельный процесс, а в другом — статическое состояние) и не во всех синтаксических употреблениях (так, глаголы *читать, ловить* предельные в контексте дополнения конкретно-референтного статуса; но в контексте объекта в родовом статусе, как во фразах *Он сейчас в зале периодики читает журналы; Он ловит на озере рыбу*, те же глаголы обозначают не действие с дискретной целью, а деятельность, не имеющую внутреннего предела). Поэтому классы 1–3 — это не классы глаголов, а скорее глаголуупотреблений.

Толкованиям следует предпослать некоторые общие пояснения.

1) Для ситуации S, обозначаемой предельным глаголом СВ, определено итоговое состояние ρ (S) — оно вытекает из смысла глагола, а формально должно быть задано в словаре. Так ρ (X *леж*) = «X лежит»; ρ (X *проснулся*) = «X бодрствует»; ρ (X *открыл* Y) = «Y открыт». Как будет видно из дальнейшего, итоговое состояние существенным образом входит также в семантику парного глагола НСВ.

2) Процесс, предельный или неопредельный, есть последовательность фаз, которые все могут в принципе называться тем же глаголом, что и процесс в целом. Каждой фазе процесса соответствует некоторое состояние участвующего в нем объекта. Состояние порождается данной фазой, если оно не имело места до этой фазы и имеет место после нее. Состояние возникает в данном процессе, если оно порождается одной из его фаз и не устраняется последующими. Фазы, соответствующие крайним времен-

ным точкам — когда процесс еще не начался и когда он уже закончился, — принадлежат самому процессу. Состояние тоже может быть представлено как последовательность временных фаз, которые все являются состояниями.

3) Действие есть последовательность актов (фаз); каждая фаза данного действия есть одноименное действие (хотя она может быть названа и более конкретно; так, *открывает окно* — значит подходит, поворачивает шпингалет, дергает за ручку и т. д.). Действие часто касается некоторого объекта: деятельность субъекта каузирует последовательность состояний объекта, которые являются результатами каких-то фаз этого действия.

4) Процесс, не имеющий агентивного каузатора, т. е. инактивный процесс, полностью задается своим итоговым состоянием. Например, ситуацию *X сохнет* можно определить как процесс, который приводит к состоянию «X сухой»; *X созревает* — как процесс, который приводит к состоянию «X зрелый». Для действия это не так: ситуация *X вынес шкаф в коридор* не задается итоговым состоянием «шкаф в коридоре», поскольку шкаф можно вынести, вытащить, вывезти и т. д., а итоговое состояние будет одно и то же — шкаф в коридоре. Поэтому когда речь идет о действии, то надо указать не только его итоговое состояние, но и конкретный характер деятельности (например, что эта деятельность — «вытаскивание»). Конкретный характер деятельности относится, однако, к лексической семантике и в толковании вида экспликации не подлежит.

5) Для действия, поскольку оно осуществляется агенсом, который имеет перед собой цель, возникает понятие успешного завершения: действие закончится успешно, если имея целью вызвать p , оно вызовет p и прекратится. Таким образом, предельный процесс не дойдет до своего предела, если только он преждевременно прекратится; а действие — также и в том случае, если оно окажется безуспешным.

6) Время измеряется интервалами различной длины: точка и момент времени — это, вообще говоря, тоже интервалы; как пишет А. М. Пешковский (1938: 126), "*мгновенье* мы воспринимаем как очень краткий отрезок времени и легко представляем себе начало, протяжение и конец этого отрезка". Интервалы t_i и t_j называются синхронными, если либо t_i укладывается в t_j , либо наоборот. Поскольку фазы ситуации, соответствующие интервалам неопределенной длины, могут тоже иметь неопределенную длину, формулировки 'ситуация находится в фазе F' и 'ситуация проходит через последовательность фаз $F_1, F_2, F_3 \dots$ ' могут быть эквивалентны.

Толкование дается не для класса слов, а для произвольного представителя этого класса. Как подставить в схему толкования любое другое слово того же класса, должно быть очевидно. Ниже приводятся схемы толкований НСВ акт. для каждого из трех классов.

Обозначения: t — произвольный временной момент; t_f — момент достижения итогового состояния; ТО — точка отсчета (она же — момент наблюдения, МН).

1. Глаголы, обозначающие предельные процессы без активного каузатора, например, *сохнуть*:

X сохнет [в момент t] =

- а) В момент t X находится в одной из ряда последовательных фаз такого процесса, в котором, если он не прекратится преждевременно, в некоторый момент t_f возникнет итоговое состояние « X сухой»;
- б) t есть ТО (т. е. точка отсчета синхронная).

Для сравнения приведем толкование СВ этого глагола:

X высох [в момент t_f] =

- а) В момент t , предшествующий ТО, X находится в одной из фаз такого процесса, в котором, если он не прекратится преждевременно, в некоторый момент t_f возникнет итоговое состояние p « X сухой»;
- б) в момент t_f состояние p возникло ("достижение предела");
- в) t и t_f предшествуют ТО ("ретроспекция");
- г) состояние p длится в ТО ("перфектность").

Компонент в) "ретроспекция" в толковании глагола СВ является следствием компонента б): сказать, что состояние p возникло в момент t_f , можно только находясь во временной точке, более поздней, чем t_f (в то время как в толковании глагола НСВ точка отсчета — независимый параметр). В значении СВ обычно выделяется компонент "однократность"; в этом толковании он получается как следствие компонента б), поскольку t_f — константа. Упоминание о предшествующем процессе (и характеризующей его импликации) включается в толкование СВ предельных глаголов не всеми авторами и не для всех глаголов. Необходимость такого компонента обосновывается в Wierzbicka 1967. Подробнее о толковании СВ см. в главе 4.

2. Глаголы, обозначающие действие, например, *открывать*:

X открывает окно [в момент t] =

- а) В момент t X производит одно из ряда последовательных актов такого действия, которое закончится успешно, если в результате в некоторый момент t_f возникнет состояние «окно открыто»;
- б) t есть ТО (т. е. точка отсчета синхронная).

Толкование парного глагола СВ:

X открыл окно [в момент t_f] =

- а) В момент t , предшествующий t_f , X находился в одной из фаз такого действия "открывания", которое закончится успешно, если в результате этого действия в некоторый момент t_f возникнет состояние «окно открыто»;
- б)–г) — как в классе 1.

3. Непредельные глаголы состояния и процесса:

X болеет [в момент t] =

- а) В момент t X находится в одной из ряда последовательных фаз состояния «болеть»;
- б) t есть ТО (т. е. точка отсчета синхронная).

X покупается [в момент t] =

- а) В момент t X участвует в одной из ряда последовательных фаз процесса «купаться»;
- б) t есть ТО (т. е. точка отсчета синхронная).

В толкование акт. значения предельного глагола НСВ входит импликация: ситуация характеризуется как такая, которая, если она не прекратится (или, иначе говоря, если она закончится успешно), приведет к

определенному итоговому состоянию. Действительно, поскольку точка отсчета при НСВ акт. синхронна ситуации, наблюдатель видит только ее срединную фазу, так что он называет ситуацию некоторым данным способом, исходя из предположения, что она в дальнейшем будет развиваться по определенному пути. Так, человек может сказать про бельё, что оно сохнет, если он имеет в виду ситуацию с естественным концом «высохло»; в противном случае он скажет, например, *Бельё висит на веревке* или *Бельё развеивается на ветру*.

4. Семантические связи между общефактическим и актуально-длительным значением НСВ

Ниже мы рассмотрим поочередно все общефактические значения НСВ и проследим их связь с актуально-длительным.

Общефактическое неопределённое значение НСВ, т. е. значение прекратившегося состояния или неопределённого процесса демонстрируется примером

(4') Вот на этой стене висела картина

(с дейктическим *вот*). Наша задача — объяснить, почему мы понимаем это предложение так, что в некоторый момент в прошлом картина висела, а сейчас — нет: именно в этом отличие НСВ общефактического от НСВ актуально-длительного.

Лексический контекст, в котором возникает это значение, составляют глаголы, выражающие состояние или неопределённый процесс. Собственно значение фразы (4') включает следующие компоненты:

Х висел на Y =

- а) существовал момент *t*, когда X находился в одной из ряда последовательных фаз состояния «висеть на Y»;
- б) *t* предшествует ТО ("ретроспекция");
- в) не утверждается, что состояние «висеть на Y» имеет место для X в ТО.

Компонент а) тот же, что в толковании НСВ акт. (для неопределённых глаголов) — с тем отличием, что глагол в НСВ акт. имеет или подразумевает обстоятельство времени, которое задает точную временную локализацию ситуации, а глаголы в общефактических значениях присоединяют обстоятельство времени с трудом; поэтому в толковании возникает квантор существования по моменту времени.

Компонент б) "ретроспекция" возникает потому, что дейктическое *вот* заставляет предположить для (4') включенность в речевой режим, где точка отсчета совпадает с моментом речи. Компонент в) — из значения прош. времени глагола в речевом режиме. Однако под действием коммуникативного постулата информативности (Грайс 1985) компонент в) усиливается до в') — 'в точке отсчета состояние «висеть на Y» не имеет места для X'. Постулат информативности понуждает слушающего к следующему рассуждению: если бы говорящий употребил наст. время, его высказывание, при той же "длине", было бы более информативным — оно включало бы и

компоненты а), б) и еще компонент в'') — 'в точке отсчета состояние «висеть на этой стене» тоже имеет место для X'; видимо, говорящий не употребил наст. время потому, что он не включает в смысл своего высказывания компонент в''); а тогда он имеет в виду, что в'). Так что в') — коммуникативная импликатура, а не компонент значения фразы (4').

Впрочем, в') может не входить не только в значение, но и в ситуативное содержание фразы (4'): когда мы представляем себе контекст, в котором могла быть сказана эта фраза, мы обычно не допускаем, что говорящий может не видеть стены, на которую он указывает (что он может стоять спиной к стене; что в комнате может быть темно и т. д.), а просто знать, что картина раньше висела; между тем в такой ситуации компонент в) не дополняется до в'). Чаще, однако, импликатура в') все же возникает. Так, начало пушкинского *Я вас любил* рассчитано на то, что адресат выведет в качестве импликатуры компонент 'в настоящий момент любовь угасла', что доказывается коммуникативным членением следующей фразы (*Любовь еще, быть может, В душе моей угасла не совсем*), где акцент падает на 'быть может, не совсем'.

Общезначимое результирующее демонстрирует пример

(6) Я их однажды на Фонтанку *подвозил* [= 'и подвез'].

Для возникновения этого значения необходим контекст предельного глагола. Можно предложить два источника для НСВ результирующего (НСВ рез.).

А. НСВ многократное; тогда достаточно объяснить, как значение многократности, быть может, в нейтрализованном варианте 'по крайней мере один раз', переходит в значение 'ровно один раз'; иногда это достигается тривиальным путем, ср. обстоятельство *однажды* в (5).

Б. НСВ акт.; тогда надо объяснить, как контекст порождает компонент "достижение предела". Путь к результирующему от многократности изучается в главе 3. Здесь мы рассмотрим путь к НСВ рез. от НСВ акт.

Значение фразы (6) включает следующие компоненты:

X *подвозил* Y на Фонтанку =

- а) Существовал момент t , когда X производил одно из ряда последовательных актов такого действия 'подвозить', которое закончится успешно, если в результате возникнет состояние «Y находится на Фонтанке»;
- б) t предшествует TO ("ретроспекция");
- в) в некоторый момент $t_f > t$, тоже предшествующий TO , действие закончилось.

Здесь компонент а) — как у НСВ акт. глаголов действия. Компонент б) возникает потому, что обстоятельство *однажды* не занимает тематической позиции в предложении и не создает точки отсчета в прошлом; тем самым точка отсчета совпадает с моментом речи. Компонент в) порождается прош. речевым. Однако во фразе (6) компонент в) усиливается до в'): 'действие закончилось успешно, т. е. привело к возникновению р'. Импликатура в') порождается контекстом глаголов, обозначающих процесс, который обычно, раз начавшись, достигает предела. Безуспешный исход таких действий требует эксплицитного указания, поскольку если действие оказалось безуспешным, то событие не представляет интереса — в силу посту-

лата релевантности (Грайс 1985). Во фразе *Я однажды решал эту задачу*, где глагол не принадлежит к этому классу, имплицатуры в'), вообще говоря, не возникает, см. Bogusławski 1981; см., однако, уточнения в главе 3.

На основании сказанного можно теперь сформулировать одно из важных различий между СВ и НСВ рез.: если для СВ достижение предела — коммуникативный центр высказывания, то для НСВ рез. это имплицатура. Само окончание действия в предложении с НСВ рез. выражается не граммемой вида, как при СВ, а граммемой времени. Как и при общефактическом неопредельном, компонент в') иногда не выражен в содержании предложения с глаголом НСВ, а присутствует в контексте; так, в примерах типа *Зимний дворец строил Растрелли, Где апельсины покупали?* достижение предела входит в общий фонд знаний или в общее поле зрения собеседников. Поскольку компонент в') — это коммуникативная имплицатура, а не устойчивый семантический компонент значения формы НСВ, он может и не возникать, ср. *Дворец Советов строил целый коллектив архитекторов*.

Отметим еще два аспекта семантики НСВ рез. Для удобства отсылок мы обозначим их как компоненты г) и д), хотя как компоненты толкования они избыточны.

г) 'Действие закончилось в неопределенный момент' (см. о временной неопределенности НСВ общефактического в работе Гловинская 1982: 120). Этот аспект значения НСВ рез. есть следствие коммуникативного статуса компонента в): неопределенность момента завершения действия, как и затрудненная сочетаемость НСВ рез. с обстоятельством времени, связаны с тем, что уже само завершение действия составляет имплицатуру, т. е. находится "не в фокусе".

д) 'Итоговое состояние не сохранилось в точке отсчета'. Этот компонент обычно отмечается как главное, что отличает НСВ рез. от СВ, в значение которого входит компонент "перфектность" (ср. *Я читал vs. Я прочел этот роман*). "Объяснять" компонент д) нет нужды, поскольку он сводится к отсутствию у формы НСВ некоторого компонента значения, свойственного противоположному виду.

Следует заметить, что среди глаголов НСВ, у которых при ретроспективной точке отсчета возникает результативное значение, многие не имеют актуально-длительного, и их результативное значение можно связать только с многократным. Таковы, например, глаголы с компонентом говорения (*приглашать, предупреждать, требовать, просить* и др.), а также многие глаголы, не образующие естественных семантических классов, ср. *появляться, посещать, покушаться*. Устойчивое значение достижения предела, возникающее у таких глаголов при ретроспективной точке отсчета, видимо, объясняется тем, что они не используются для обозначения начала процесса, не дошедшего до конца, или попытки совершения действия, про которую известно, что она не удалась: если просьба / предупреждение не дошли до конца, нужно сказать *пытался, начал, стал просить (предупреждать)*, а не *просил (предупреждал)*.

Некоторые проблемы с НСВ рез. все-таки остаются. Почему, например, *Зимний дворец строил Растрелли* или *"Карнавальную ночь" ставил Ря-*

занов звучит естественно, а "Войну и мир" писал Толстой — нет? См. об этом в главе 3.

Общефактическое двунаправленное значение НСВ (НСВ дв.) демонстрируется примером

(7) К тебе кто-то приходил ('и ушел').

Как справедливо утверждается в работе Гловинская 1982: 124, двунаправленное значение — это разновидность общефактического результативного. Значение двунаправленности требует для своего возникновения контекста реверсивного глагола, т. е. глагола, обозначающего действие, которое: а) имеет предел; б) приводит к итоговому состоянию, которое, вообще говоря, не прекращается само по себе; в) естественно ассоциируется со следующим за ним противоположно направленным действием, имеющим другое название.

К реверсивным глаголам относятся, например, *открывать, приходить, подниматься, входить, брать, включать, выезжать*, см. подробные списки в Forsyth 1970: 78. Ассоциация с противоположно направленным действием часто выражается в наличии у слова антонимической пары (см. о роли антонимических пар в формировании двунаправленного значения в работе Рассудова 1968: 26). Однако наличие антонимической пары не служит достаточным условием для отнесения глагола к реверсивным; так, глагол *ломать* при наличии антонима *чинить* не относится к реверсивным, поскольку ломка не обязательно сопровождается последующей починкой. Заметим, что члены антонимической пары не симметричны; так, *брать* — реверсивный глагол, поскольку, по крайней мере в одном из значений, связан с последующим 'отдавать'; а у *отдавать* связь с последующим 'брать назад' более слабая.

В толкование НСВ дв. входят компоненты а) — г) из толкования НСВ рез., а компонент д) из этого толкования преобразуется в д'): 'Итоговое состояние аннулировано противоположно направленным действием' (обычно — действием того же субъекта). Компонент д') — это результат "проработки" компонента д), которая происходит в контексте реверсивного глагола: поскольку итоговое состояние действия, обозначаемого реверсивным глаголом, не склонно прекращаться само по себе, возникает импликация, что его прекращение связано с некоторым действием, причем в силу указанной ассоциации ясно, с каким.

Общефактическое нерезультативное (НСВ нерез.) демонстрируется примером

(8) Я уговаривал ее вернуться:

уговорил или нет — неизвестно. О нерезультативном значении НСВ естественно говорить лишь в применении к предельным глаголам: ретроспективные значения глаголов типа *искать, ждать, подстрекать*, не имеющих парного СВ, следует отнести к неопредельным: поскольку здесь для формы НСВ нет формы СВ того же глагола, обозначающей достижение предела, форма НСВ не только не может означать, что предел достигнут, но и быть неоднозначной.

Толкование для НСВ *нерез.* получается из толкования НСВ *рез.* отбрасыванием компонентов в) – д).

Значение безуспешной попытки возникает только в специальном контексте, ср. *Я объяснял, но он не понял; Решал, но не решил.* Таким контекстом может, в частности, быть многократность (но не дистрибутивность!). Так, *много раз уговаривал* [одного и того же человека] означает, что в первый раз уговоры были безрезультатными (если речь идет о тождестве в конкретно-референтном, а не в родовом смысле), а тогда и все остальные – тоже, поскольку действия с разными исходами не являются повторением одного и того же действия. Толкование для значения безуспешной попытки получается из толкования НСВ *нерез.* добавлением компонента в) "безуспешная попытка". Например,

Х уговаривал Y-а вернуться <, но тщетно> =

- а) X производил в момент t одно из ряда последовательных актов действия "уговаривания", которое, если бы оно закончилось успешно, привело бы к состоянию p «Y согласился»;
- б) t предшествует ТО;
- в) в некоторый момент $t_f > t$, но предшествующий ТО, действие закончилось, но безуспешно, т. е. состояние p не наступило.

Итак, можно констатировать, что у всех глаголов, имеющих акт. значение НСВ, основу толкования общефактических значений составляет это акт. значение; его обобщенное толкование:

‘в момент t , синхронный точке отсчета, имеет место одна из ряда последовательных фаз ситуации, обозначаемой данным глаголом’.

Все общефактические значения НСВ возникают из НСВ акт. в результате изменения точки отсчета, а также под действием контекста (лексического, синтаксического или ситуативного), и соответствующие им толкования можно вывести из толкования для НСВ акт., опираясь на общие постулаты прагматики. Общефактические значения у моментальных глаголов, не имеющих акт. значения, имеют своей семантической базой многократное значение НСВ, которому посвящена глава I.3.

Глава 2

ОПЫТ ИСЧИСЛЕНИЯ ЧАСТНЫХ ВИДОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ*

К достижениям аспектологии последних лет следует отнести составление подробного перечня частных значений каждой из видовых форм, таких как актуально-длительное значение несовершенного вида, общефактическое значение в нескольких разновидностях, значения определенной и неопределенной кратности и др. (см., прежде всего, Маслов 1973, Бондарко 1971, Рассудова 1968, Forsyth 1970, Гловинская 1982). Представляется, однако, что до сих пор не было сделано всех выводов из того обстоятельства, что частные видовые значения — это "значения, выражаемые не видом самим по себе, а видом в сочетании с контекстом" (Грамматика 1980: 104).

Каждая из двух видовых форм имеет простой семантический инвариант. Форма СВ всегда описывает ситуацию изменения, т. е. предполагает момент, когда некоторое положение вещей не имело места, и момент, когда имеет (или наоборот). Форма НСВ описывает ситуацию в ее развитии во времени, т. е. как проходящую через ряд последовательных временных фаз. Все те частные видовые значения, которые служат основным объектом рассмотрения в аспектологии, возникают из взаимодействия общего инвариантного значения видовой формы с контекстом — лексическим, синтаксическим, ситуативным (ср. Бондарко 1971: 8). Можно думать, что набор контекстов, в который способна попадать каждая из видовых граммем, является для нее такой же внутренне присущей характеристикой, как и общее значение: синтактика граммемы не предопределяется общим значением, а всего лишь не должна противоречить ему¹.

* Сокращенный вариант статьи, опубликованной в сборнике "Типология и грамматика", (М.: Наука, 1990).

¹ Сочетаемостьную характеристику как отдельный компонент содержания граммемы вида отмечает А. В. Бондарко, комментируя узуальное значение НСВ: "В выражении этого значения обычно активную роль играет окружающий данную форму контекст. <...> Следует, однако, подчеркнуть, что форма несовершенного вида также при-

Существенная роль контекста в выражении частных видовых значений отражается на их природе. Дело в том, что различных факторов, способных влиять на видовое значение, имеется довольно много; они могут присутствовать в контексте одновременно, и каждый из них способен оказывать свое собственное воздействие, добавляя соответствующий смысловой компонент в видовое значение глагола или как-то иначе видоизменяя его. В таком случае частное видовое значение естественно представить как набор независимых признаков, принимаемых довольно большим числом параметров, где каждый параметр соответствует одному из контекстных противопоставлений. Отсюда следует, что частные видовые значения лучше задавать не списком, а в виде исчисления, т. е. перебором всех возможных сочетаний значений релевантных параметров контекста. Ниже приводится перечень контекстных противопоставлений, порождающих частные значения формы НСВ. Предстоит еще понять, какие из теоретически возможных сочетаний признаков реализуются в действительности.

Семантические признаки (контекстов и, соответственно, видовых значений) используются на правах упрощенного приема (см. Апресян 1980а, с. 32): и признакам контекста и признакам, которыми контекст "пополняет" значение видовой формы, должны быть сопоставлены семантические компоненты толкования предложения с данной формой.

Рассматриваются только личные формы глагола — без отрицания; без модальности и буд. времени; без переносного употребления времен (такого как наст. в будущем или наст. историческое). Многие примеры взяты, чтобы упростить сопоставление трактовок, из цитируемых работ.

ПРИЗНАК 1, "локализация во времени", отделяет ситуации с полнозначным НСВ, когда он обозначает "ситуацию в ее развитии во времени", от того вырожденного значения, которое форма НСВ получает в контексте предложений, выражающих вневременные свойства (или соотношения) объектов, свойства абстрактных объектов, не локализованных ни в пространстве, ни во времени (*Рыба дышит жабрами; Железо тонет в воде; Искусство принадлежит народу*); постоянные свойства материальных объектов с "долгим" сроком существования: *Эта речка впадает в небольшое озеро*. Нелокализованные во времени ситуации могут обозначаться и глаголом прош. времени — например, в нарративном режиме: *Эта речка впадала в небольшое озеро*. Все дальнейшие противопоставления касаются только ситуаций, локализованных во времени.

У вневременных ситуаций значение НСВ не укладывается в инвариант. Однако это не бросает тени на инвариант, поскольку инвариант должен сохраняться для тех употреблений граммы, которые входят в область определения данной грамматической категории. Между тем вневременные ситуации не входят в область определения категории вида (как говорит Э. Кошмидер, "факты без местоположения на линии времени не требуют, собственно говоря, никакого вида", Кошмидер 1962: 140). Равным образом, вневременные ситуации не входят и в область определения категории времени — настоящее время часто осмысливается

нимает участие в выражении рассматриваемого значения, поскольку в ее семантическом содержании заключена способность легко вступать в сочетание с показателями нелокализованности действия во времени" (Бондарко 1971: 27).

здесь, за исключением других возможностей, как время наблюдения ситуации, ср. *Сейчас Иртыш будет впадать в Обь* (Л. Зорин) = 'Сейчас мы будем проезжать то место, где Иртыш впадает в Обь'; *С вершины горы будет открываться прекрасный вид* = 'когда мы туда попадем'.

ПРИЗНАК 2 — "точка отсчета", или временная позиция наблюдателя. Он принимает два значения: 1) точка отсчета синхронная; 2) точка отсчета ретроспективная. Все общефактические значения НСВ (*Я вас предупреждал; К тебе кто-то приходил*) — это значения, возникающие при ретроспективной точке отсчета. Кроме того, ретроспективная точка отсчета является единственно возможной для НСВ в определенно-кратном значении, см. признак 3. О несоединимости определенной, т. е. точно указанной кратности с синхронной точкой отсчета (ср. **Он сейчас трижды целует ее; *В данный момент он ест два яйца*), см. Wierzbicka 1967 и главу 11.

Понятие точки отсчета объясняет тяготение общефактических значений к прош. времени (при общефактическом значении НСВ замена прош. времени глагола на наст. приводит к утрате существенных компонентов значения или даже к нарушению правильности, ср. **К тебе кто-то приходит*): общефактическое значение требует ретроспективной точки отсчета; между тем в наст. времени точка отсчета совпадает с моментом речи и поэтому является синхронной.

Возможность варьирования точки отсчета принадлежит к числу сочетаемостных характеристик грамматики НСВ, которые должны быть включены в ее синтактику: граммема НСВ, которая в своем основном значении выражает длящуюся ситуацию, могла бы и не допускать ретроспекции (например, граммема СВ, которая обозначает законченную ситуацию, не допускает синхронной точки отсчета).

ПРИЗНАК 3 "кратность" может принимать следующие значения:

- 1) единичность: *На козлах тарантаса сидел крепкий мужик* (Бунин. "Темные аллеи");
- 2) определенная кратность, когда точно указано количество повторений ситуации: *Ему дважды отказывали*;
- 3) неопределенная кратность: *Она <...> ходила в баню по субботам*;
- 4) нейтрализация противопоставления по кратности — 'по крайней мере один раз': *Вы когда-нибудь пили такое вино?*

Значения 1) и 3) совместимы с обеими точками отсчета, ср.:

- (1) *Каждую субботу он ходит в баню*, синхронность,
- (2) *Раньше он каждую субботу ходил в баню*, ретроспекция,

а значение 2) — как уже говорилось — и 4) требуют ретроспективной: при синхронной точке отсчета нейтрализация невозможна; если кратность не указана и не ясна из контекста, предложение воспринимается как неоднозначное.

Значение 1) противопоставлено значениям 2) — 4) как многократным. Точное указание кратности, даже если кратность равна единице, выводит ситуацию из класса единичных: наречие однократности относит ситуацию к тому же классу, что значение 3) или 4), а не к тому же, что значение 1). Так, употребление формы НСВ со значением достижения предела возможно в контексте наречия однократности (*Я один раз покупал сыр "Ромби-*

нас"), а также в контексте неопределенной кратности и нейтрализации, но не в контексте единичности: *Я стоял в очереди, покупал сыр "Ромбинас"*. Другой пример: глагол *находиться* не употребляется в контексте многократности и нейтрализации (**Ты когда-нибудь находился в Казани?*) и одновременно не употребляется с показателем однократности (**Я один раз находился в Казани*).

Противопоставление по признаку "кратность" в общефактических значениях обычно не принимается во внимание. Между тем оно, несмотря на частичную нейтрализацию, возможно (см. Маслов 1973):

- (3) а. К тебе только что приходила какая-то блондинка;
б. Помнишь, к тебе когда-то приходила такая блондинка.

В (3а) обстоятельство времени обозначает обычный временной интервал, что заставляет понять событие как однократное; а обстоятельство *когда-то* в (3б) задает сверхдолгий интервал, и предпочтительно понимание ситуации как неопределенно-кратной (о сверхдолгих временных интервалах см. Падучева 1988). У некоторых глаголов понимание НСВ в значении достижения предела обязательно требует контекста многократности, например, у глаголов со значением неконтролируемого действия; так, нельзя сказать: **Ты разбивал чашку?*, **Ты роняла платок?*, **Ты когда-нибудь роняла весло в реку?* (см. об этом Маслов 1984), но (4) допустимо:

- (4) Заядлый рыбак этот Сашка: выезжая с руководителем своего предприятия на лед, *топил* уже три машины, но сам уцелел при этом (В. Астафьев),

при том, что нельзя сказать **Кто топил эту машину?*, иначе как в случае, если это было действие с заранее намеченной целью.

Если при синхронной точке отсчета специального выражения требует многократность, то при ретроспекции, наоборот, единичность. Средством выражения единичности может служить конкретно-референтный объект в контексте глагола, обозначающего действие, которое можно совершить по отношению к данному объекту только один раз; ср. *А кто покупал билеты?* (возможно, многократно, т. е. покупал каждый раз, когда возникала необходимость) и *Кто покупал эти билеты?* (однократно).

Имеются две разновидности множественных ситуаций — многократные и дистрибутивные: если в обычной многократной ситуации повторяются события с одним и тем же участником (в разные моменты времени), то при дистрибутивности в разных повторениях участвуют разные субъекты. Некоторые глаголы обозначают ситуацию, которая не допускает повторения с одним и тем же участником — т. е. многократность исключена; но употребление в контексте дистрибутивности допустимо, а ее достаточно для возникновения нужного значения, а именно, значения достижения предела, ср. *Раньше женщины старели к сорока годам*, пример из Гловинская 1982.

В классе неопределенно-кратных значений имеется много различных подклассов, каждый из которых порождается своим контекстом. Подкласс "узуальное значение" не является семантически однородным; во всяком случае признаку "узуальность" нельзя сопоставить никакого единого семантического компонента или оператора. Так, семантически противопоставлены: 1) эксплицитно выраженная узуальность (*Каждую субботу она*

ходит в баню), где регулярное повторение данной ситуации ('Она ходит в баню') обусловлено другой, регулярная повторяемость которой очевидна (в данном примере — наступлением субботы); 2) утверждение о наличии некоторого свойства у повторяющейся ситуации, само повторение которой, быть может, уже ничем не регулируется и, вообще, не находится в центре внимания (*Я вспоминаю о ней с сожалением; Он с трудом доходит до двери*); 3) узуальность с "наглядно-примерным" оттенком (Бондарко 1971: 28), которая требует некротной формы у моторно-кратных глаголов (*Он делал гимнастику, потом час-два работал, а после этого бежал к реке купаться*); 4) обозначение привычек и предрасположений (*Он курит; Он берет взятки; Он до сих пор ухаживает за барышнями*); 5) родовая пропозиция (*Она одевается со вкусом*); 6) узуальность, осложненная потенциальностью (*Хороший был слесарь, любые замки открывал* = 'мог открыть') или другими модальными значениями — необходимости (*В случае порчи или утери имущества гостиницы проживающий возмещает* [= 'должен возместить'] *ущерб*), попытки (*Он избегает встреч с этой женщиной* = 'старается избежать') и т. д. Особый контекст составляют фреквентативные наречия — *обычно, часто, редко, иногда* и под., поскольку здесь узуальность эксплицитно выражена наречием и, быть может, не входит в значение НСВ. Узуальность возникает и в контексте качественных наречий образа действия: *Она ходит быстро* ≈ 'Она обычно ходит быстро'. Узуальное значение не всегда ясно отличается от неопределенно-кратного не узуального, ср. *Она уже задумывается о будущем* (= 'иногда', а не 'обычно'). Все это требует дополнительных исследований, поэтому мы оставляем класс неопределенно-кратных значений без дальнейших подразделений.

ПРИЗНАК 4 — "актуальность", или "конкретность временной локализации"; он характеризует, в своем положительном значении, актуально-длительное значение НСВ². Ближайшее аспектуальное значение, противопоставленное по этому признаку актуально-длительному (его можно назвать неактуально-длительным, или контитуальным), представлено многими из глаголов, попадающих обычно в списки слов, для которых акт. значение исключено в силу их лексического значения. Самый характерный класс — стативные глаголы по Вендлеру, т. е. глаголы, выражающие устойчивые состояния (в основном — внутренние состояния человека) — эмоциональные (*любить, ненавидеть, ревновать, уважать, презирать, страдать, гордиться, стыдиться* и т. п.); ментальные (*считать, верить, знать, надеяться, подозревать, понимать* и пр.); волитивные (*хотеть, желать*) и прочие (ср. *голодать*). Сюда же относятся глаголы, выражающие обобщенные состояния, generic states (Vendler 1967a: 109), или занятия — такие как *править, царствовать, господствовать, подчиняться, по-*

² Об "актуальном/неактуальном употреблении предиката" см. Булыгина 1982: 29 и сл. Употребляемым там же в качестве синонимов терминам "временная локализованность/нелокализованность" мы предпочитаем термины "конкретность/неконкретность временной локализации": вообще не локализованы во времени только вневременные ситуации (см. признак 1), каковой ситуация, скажем, с глаголом *править* очевидным образом не является.

мыкать, странствовать, руководить, воспитывать, выращивать (ср. *Он выращивает новый сорт пшеницы*, пример из Гловинская 1982), т. е. состояния или занятия, которые представляют собой результат абстракции от множества конкретных действий и состояний, ни одно из которых не одноименно с состоянием в целом; ср. о глаголах типа *воспитывать* Булыгина 1982: 54. Не допускают актуального употребления также многие из приведенных в Бондарко, Буланин 1967: 27 глаголов отношения — *значить, весить* [о живом существе], *зависеть, иметь, относиться, преобладать, принадлежать, противоречить, равняться, содержать, соответствовать, стоить* и под.

Однако противопоставление по признаку "актуальность" может порождаться не только лексическим контекстом, но и синтаксическим, т. е. противопоставление актуально-длительного и континуального значения возможно в пределах одной и той же лексемы. Так, в примере (5) *дописывал* имеет в (5б) актуальное значение, а в (5а) — континуальное:

- (5) а. Я *дописывал* "Романтиков", когда *однажды вечером* ко мне вошел худой юноша и представился корреспондентом местной газеты;
 б. Вечером я *дописывал* "Романтиков".

В самом деле, в ситуации фразы (5а) временной интервал, на протяжении которого происходит дописывание, таков, что обстоятельство *однажды вечером* составляет в нем небольшую часть; следовательно, этот интервал сверхдолгий, а дописывание представлено как обобщенное состояние писавшего (т. е. как состояние, верное также и для таких моментов, когда он обедал, гулял и пр.), а не как деятельность, которая имела место непрерывно на некотором обычном интервале. О том, что многие глаголы, обозначающие деятельность или действие, могут иметь вторичное значение обобщенного состояния, см. Vendler 1967a: 109. Чтобы деятельность переосмыслилась в состояние, она должна а) реально иметь место на некоторых отрезках сверхдолгого интервала и б) субъект должен воспринимать ее как каким-то образом "отбрасывающую тень" на остальные его участки. Такому переосмыслению подвергается, например, слово *уговаривать* во фразе

- (6) Он целый год *уговаривал* меня к нему приехать.

Таким образом, семантическое противопоставление между актуальным и неактуальным значением НСВ можно представить как прежде всего различие в относительной величине интервалов, в которых производится временная локализация ситуации: для состояний, обозначаемых глаголами типа *любить*, нормальной является локализация в сверхдолгих интервалах, и аспектуальное значение этих ситуаций имеет признак "неактуальность" — в противоположность состояниям, выражаемым глаголами типа *волноваться, болеть*, которые характеризуются признаком "актуальность".

Противопоставление по признаку "актуальность" релевантно не только для единичных, но и для многократных ситуаций. Всякого рода узуальные и потенциальные ситуации — это неактуальная разновидность неопределенно-кратной ситуации, здесь повторяющаяся ситуация — как целое — может быть локализована только в сверхдолгом временном интервале

(В молодости он доставлял на господскую кухню куропаток). В то же время неопределенно-кратная ситуация может быть локализована и в обычном интервале, т. е. быть актуальной: *Что ты каждую минуту вскакиваешь <сейчас>? Почему ты за обедом все время оборачивался?*

Различие неопределенно-кратных ситуаций по признаку "актуальность" может быть выражено лексическим контекстом; ср.

- (7) а. В этом слове я *всегда* делала ошибку;
 б. В этом слове я *все время* делала ошибку.

В (7б) повторяющееся событие имеет конкретную временную локализацию на некотором обычном временном интервале, а в (7а) повторения распределены "по всей жизни", поскольку наречие *всегда* (в отличие от *иногда* или *часто*) не может выражать повторение события на обычном, не сверхдолгом временном интервале, см. Падучева 1985б.

Противопоставление по признаку "актуальность" возможно и для определенно-кратных ситуаций: фраза *Я целовал ее три раза* без специального контекста будет понята в неактуальном смысле — ситуация разворачивается на сверхдолгом интервале "в жизни", поскольку при этом возникает самое сильное противопоставление с СВ: фраза *Я поцеловал ее три раза* обозначает конкретно-референтное событие, которое происходило на ограниченном временном интервале, скорее всего, известном из контекста. Актуальное понимание НСВ в определенно-кратном значении требует контекста — синтаксического или ситуативного.

В контексте ретроспекции противопоставление по актуальности остается лишь в тривиальном варианте — как обусловленное лексическим значением глагола (ср. *Ты болел?*, актуальное состояние, и *В этом доме жил Достоевский*, не актуальное).

ПРИЗНАК 5 "достижение предела", характеризующий, как известно, значение СВ, может возникать у НСВ лишь в определенном контексте — при ретроспективной точке отсчета и, разумеется, только у предельных глаголов. Этот признак имеет привативный характер, т. е. принимает значения: 1) предел был достигнут (*Он показывал мне эти письма*); 2) достижение предела неизвестно или несущественно (*Он решал эту задачу*). Значение "предел не достигнут" возникает во фразе только если оно эксплицитно выражено контекстом (*Он решал, но не решил*).

В контексте многократности любой предельный глагол понимается с положительным значением этого признака (*Каждое утро я его будил* = 'разбуживал'), если нет прямого указания на противное — быть может, заключенного в самом значении глагола; так, *Я много раз уговаривал его вернуться* = 'каждый раз безуспешно', поскольку только неуспех первых уговоров может заставить повторить попытку.

ПРИЗНАК 6, тоже привативный, "аннулированный результат", имеет смысл только в контексте, где уже обеспечены ретроспекция и достижение предела; положительное значение этого признака дает так наз. двунаправленное общефактическое значение НСВ (см. об этом значении Рассудова 1968, Гловинская 1982). Противопоставление по этому признаку может быть продемонстрировано на фразе *Машина 22—12 выезжала из гаража*,

которая имеет два значения: 1) машина снова в гараже, и фраза означает 'выехала и вернулась'; признак принимает положительное значение — аннулированный результат; 2) наблюдатель вне гаража зафиксировал, что машина выехала; а вернулась или нет — неизвестно или несущественно.

ПРИЗНАК 7 — "неограниченная длительность". В основных употреблениях НСВ — актуально-длительном и узуальном — форма несов. вида предполагает неограниченную длительность ситуации: *Старик ловил неводом рыбу*. Однако контекст может ограничивать длительность. Так, ограничение на длительность возникает при употреблении НСВ в общефактических значениях: в толкование этих значений входит компонент 'к моменту наблюдения ситуация прекратилась'. Ограничение на длительность ситуации возникает также при употреблении формы НСВ в контексте обстоятельства длительности (*С двух до пяти он перепечатывал статью* = 'Когда наступило 2 часа, действие началось, когда наступило пять часов — прекратилось').

Ограниченная длительность есть прямое следствие ретроспективной точки отсчета: в общефактических употреблениях НСВ идея прекращения ситуации выражается прош. временем (при речевом режиме интерпретации), а следовательно, ретроспекцией. В контексте обстоятельства длительности в выражении ограничения на длительность также принимает участие прош. время речевого режима; так, фраза *Он тридцать лет работал на производстве, а такого еще не слышал* не выражает смысла 'перестал работать', поскольку прош. время здесь интерпретируется в нарративном режиме (а обстоятельство длительности обозначает незамкнутый временной интервал, см. об этом подробно в главе 11).

Итак, исходное значение НСВ не включает ограничения на длительность ситуации. Однако форма НСВ может употребляться в контекстах, устанавливающих пределы длительности ситуации, и это означает, что признак "неограниченная длительность" является в общем значении НСВ неустойчивым (Зализняк 1987), т. е. может подавляться противоречащим контекстом.

Признак "ограниченная длительность" используется в работе Timberlake 1985a, где актуально-длительное значение НСВ (прогрессив), неограниченно длительное, противопоставляется дуративному, ограниченно длительному.

Набор противопоставлений, который оказался необходимым для характеристики частных значений НСВ, практически совпадает с тем, что в работе Маслов 1973 называется универсальными семантическими компонентами в содержании грамматической категории вида: те признаки, которые Ю. С. Маслов предлагает для отличия значений НСВ и СВ друг от друга, необходимы и для различения частных значений НСВ.

Глава 3

ОБЩЕФАКТИЧЕСКОЕ И АКЦИОНАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА*

Хотя общефактическим значениям несовершенного вида посвящена большая литература, они продолжают оставаться благодатным поприщем для любителей замысловатых лингвистических задач.

Основным среди общефактических значений является общефактическое *результативное*, когда глагол НСВ обозначает действие, достигшее предела; так, *показывал* во фразе

(1) Ты *показывал* ей это письмо?

означает приблизительно то же, что *показал*. В связи с этим значением НСВ возникает следующий вопрос: почему говорящий, имея в своем распоряжении глагол вида СВ, который обозначает действие, достигшее предела, употребляет, тем не менее, глагол НСВ, нормально лишенный этого значения; например, говорит *показывал*, а не *показал*? Иными словами, каково семантическое различие между глаголом НСВ в этом результативном значении и парным глаголом СВ?

Ответ на этот вопрос должен был бы вытекать из сопоставления толкования СВ, в его основном значении, и результативного НСВ. Толкование СВ не вызывает особых проблем, а толкования результативного значения НСВ в полном виде нет¹.

Толкование, предлагаемое ниже, не претендует на полноту, но должно удовлетворять следующим требованиям.

1. Оно должно прояснить условия, при которых возможно употребление НСВ в общефактическом значении, результативном или любом другом. Например, почему все-таки нельзя сказать в НСВ **Кто ронял коше-*

* Опубликовано в виде двух статей: К семантике несовершенного вида в русском языке: общефактическое и акциональное значение — ВЯ, 1991, № 6; Результативные значения несовершенного вида в русском языке — ВЯ, 1993, № 1.

¹ Некоторые компоненты толкования общефактического значения НСВ сформулированы в Гловинская 1982.

лек? (когда речь идет о кошельке, лежащем на полу), а надо — *Кто уронил кошелек?* Или почему во фразе *Ты решил задачу?* форма *решил* не означает ‘решил’, т. е. не имеет результативного значения?

2. Оно должно предсказывать тот лексический, синтаксический и прагматический контекст, который требуется для возникновения у глагола НСВ результативного значения: в идеале все многочисленные условия, которые благоприятны или же, наоборот, препятствуют реализации общефактического результативного (см. Гловинская 1982: 132–144), должны вытекать из тех или иных компонентов толкования.

3. Наконец, толкование должно обеспечивать возможность семантического сопоставления НСВ с СВ; т. е. все семантические различия между НСВ результативным и парным СВ должны либо состоять в различии каких-то компонентов их толкований, либо быть естественными семантическими следствиями таких различий.

В данной главе речь идет только о значении НСВ. Сопоставлению НСВ общефактического с СВ посвящена глава 4.

Общефактическое результативное значение НСВ противопоставлено нерезультативному (*Ты решил задачу?*) и неопредельному (*Я вас любил*). Так называемое общефактическое двунаправленное — *Приходил почтальон* (≡ ‘и ушел’) — является разновидностью результативного, поскольку *приходил* ≡ ‘пришел’². Неоднозначность в отношении достижения предела (*Кто строил этот завод?* — строительство может быть и не доведено до конца) мы будем рассматривать именно как неоднозначность — обусловленную недостаточным контекстом, — а не как особое значение.

Противопоставление результативного и нерезультативного понимания возможно только для тех глаголов НСВ, у которых имеется парный глагол СВ: только значение глагола СВ фиксирует результат, т. е. итоговое состояние ситуации, которое может быть достигнуто или не достигнуто. Так что только от парного глагола НСВ можно в принципе ожидать результативного понимания. Так, для глагола *искать*, непарного, во фразе

(2) Вы *искали* коменданта? (пример из Гловинская 1982)

значение достижения предела невозможно в такой же степени, как, скажем, для *любить* или *висеть*. Ю. С. Маслов относит *искать* к глаголам ‘бесперспективного протекания’, которые, по своей языковой семантике, “не дают никакой перспективы, кроме перспективы бесконечной себетождественной деятельности” (Маслов 1948: 309). Значение НСВ общефактического в (2) мы называем неопредельным. Аналогично для *стреляться*, *драться на дуэли*, *подстрекать* и др. Непарные глаголы НСВ, если даже их лексическая семантика включает идею результата, как, например, глагол *видеть* [о зрелищах], проанализированный в Апресян 1980а: 68, не будут нас интересовать, поскольку конечной целью анализа является различие между результативным НСВ и парным СВ, а *видеть* в этом значении не имеет пары; так, *Я увидел этот фильм* возможно лишь в специальном контексте, со значением ‘наконец увидел’.

² ≡ — знак семантического следования.

Глагол НСВ входит в видовую пару с СВ, если он может обозначать многократное осуществление той ситуации, которая обозначена глаголом СВ — это определение известно под названием критерия Маслова, см. Булыгина, Шмелев 1989; Падучева 1989а. Например, *находить* — *найти* — видовая пара, а *любить* — *полюбить*, *подозревать* — *заподозрить* — нет: *подозревать* не может означать ‘много раз заподозрить’. Не составляют видовой пары *умолять* — *умолить*, *уверять* — *уверить*, *настаивать* — *настоять*: *умолять* не может значить ‘много раз умолить’, *уверять* ≠ ‘много раз заставить поверить’, *настаивать* ≠ ‘неоднократно настоять’. Как справедливо утверждает Ю.С. Маслов, понятие видовой парности нельзя строить на основе семантического соотношения ‘попытка — успех’, которое, с одной стороны, может связывать и аспектуально не соотнесенные лексемы — такие, как *искать* и *найти*, *смотреть* и *увидеть*, *слушать* и *услышать*, и т. д., — а с другой стороны отсутствовать в заведомой видовой паре, как *принести* — *приносить*.

Ниже мы рассмотрим семантические признаки, которые упоминались в тех или иных работах как характеризующие общефактическое результативное (результативность, фактичность, кратность, неопределенность временной локализации, разобщенность с моментом речи и ретроспективность), и покажем, что многие из них свойственны лишь части результативных употреблений, так что следует различить по крайней мере три значения НСВ, которые все будут результативными.

Результативным значением НСВ мы называем, несколько условно, такое, которое включает в себя значение парного СВ. Так, результативным является не только употребление *строить* в значении ‘построить’ (*Я строил \ такие мосты*) или *показывать* в значении ‘показать’, как в (1), но и *повышаться* в значении ‘повыситься’, как во фразе *Давление в котле повышалось? ≈ ‘хоть раз повысилось?’*, хотя значение ‘повыситься’ само по себе не результативное, а скорее делимитативное: *повыситься* = ‘стать выше на некоторую величину’, см. главу 7.

Каждый признак мы представим как семантический компонент в составе толкования общефактического результативного.

1. Семантические компоненты НСВ результативного

Результативность. Признак “результативность” имеет следующее толкование: ‘ситуация (обозначаемая глаголом) достигла своего внутреннего предела, и в некоторый момент наступило ее итоговое состояние’. Для моментальных глаголов, типа *находить*, которые не имеют процессной фазы, т. е. не обозначают процесса, направленного на достижение предела, “результативность” — это только наступление итогового состояния.

Компонент “результативность” является, естественно, общим для всех результативных употреблений НСВ. Однако статус этого компонента может быть различным. Так, во фразе

(1) Где апельсины *покупали*?

результативное понимание НСВ возникает из внеязыкового контекста, так что компонент “результативность”, возможно, вообще не входит в семантическое представление предложения (1), см. главу 1. Между тем у глаго-

ла *приходить* в предложении (2) результативность является компонентом толкования его формы несов. вида:

(2) К тебе кто-то *приходил*;

подразумевает ‘в некоторый момент пришел’.

Компонент “результативность” возникает в семантическом представлении тех семантических или лексических классов глаголов НСВ, у которых, как у *приходить*, результативное понимание является единственно возможным (как в единичном, так и в многократном случае). Эти глаголы можно разделить на две группы.

Группа 1. Глаголы НСВ, не допускающие актуально-длительного (и, вообще, синхронного континуального) значения:

а) глаголы с предпочтительно ретроспективной временной позицией наблюдателя: *видеться* <с кем-то>, *покушаться* <на свою жизнь>, *отлучаться*, *останавливаться* <в гостинице>, *встречаться*, *собираться* (в значении ‘участвовать в собрании’, например: *Вчера в нашем клубе собирались ветераны*), *посещать* (ср. **Он сейчас посещает родственника*) и др.

б) глаголы с предпочтительно многократной интерпретацией НСВ (выделены в Маслов 1948): *случаться*, *сталкиваться*, *удаваться*, *встречаться* [кому-то или с кем-то — случайно], *бывать*, *спотыкаться*, *приходить*, *находить*, *приносить*, *приезжать* и пр.; *вызубривать*, *выучивать*, *изнашивать*, *съедать*, *устаревать*, *ослабевать* и под., ср. **Мне [в данный момент] встречается девочка с ведром*.

Группа 2. Глаголы, которые обладают следующим семантическим свойством: НСВ наст. ⊃ ‘СВ прош.’ (т. е. из того, что имеет место ситуация, обозначаемая НСВ наст., семантически следует, что имеет также место ситуация, описываемая парным глаголом СВ прош.); такие глаголы тоже введены в обращение Ю. С. Масловым:

а) глаголы “непосредственного эффекта” (“обозначающие такие действия, которые, даже будучи взяты в сколь угодно краткий момент своего протекания, не могут мыслиться как оставшиеся “неэффективными”, безуспешными” Маслов 1948: 314): *касаться*, *гладить*, *обнимать*, *трогать*, *щупать* и др. (ср. Гловинская 1982: 131). Так, *касается* ⊃ ‘*коснулся*’, ср. аномальное **касается, но не коснулся*;

б) глаголы, не допускающие безуспешной попытки, например, *пытаться*, *стараться*, *пробовать*; так, *пытается* ⊃ ‘попытался’, ср. аномальное **пытается, но еще не попытался*;

в) глаголы передачи информации, которые в сов. виде обозначают речевой акт, а в несов. виде — состояние, сопутствующее этому речевому акту, т. е. предполагающее этот речевой акт совершённым: *просить*, *предупреждать*, *звать*, *приглашать*, *разрешать*, *посылать*, *звонить*, *говорить*, *требовать*, *советовать*, *обещать*, *благодарить*, *клясться* и мн. др.; например, *он обещает* предполагает предшествующее ‘он пообещал’, так что из *он обещает* семантически следует ‘он пообещал’, см. Кустова, Падучева 1994б. Эти глаголы обладают указанным свойством (НСВ наст. ⊃ ‘СВ прош.’) только в не-первом лице: в 1-м лице они обычно имеют перформативное употребление.

Фактичность, или экзистенциальное коммуникативное членение Глагол НСВ в общефактическом значении, как правило, несет на себе фразовый акцент: *Я открывал\ окно*. Это обстоятельство мы отражаем в толковании с помощью оператора ИМЕЕТ МЕСТО в рематической позиции:

Я открывал\ окно =

‘ситуация «я открываю окно» в некоторый момент имела место’.

Тем самым эксплицируется связь общефактического значения с понятием факта: факт — это то, что имеет место. В самом деле, в утвердительном высказывании с НСВ общефактическим акцентируется сам факт, что ситуация, обозначаемая с помощью НСВ общефактического, имела место; в отрицательном — тот факт, что она не имела места; смысл вопроса с НСВ общефактическим — в том, чтобы выяснить, ситуация имела место или нет. Именно это содержание разумно вложить в понятие факта, и именно этот компонент общефактического значения оправдывает его название, см. Падучева 1986б.

Роль оператора ИМЕЕТ МЕСТО в толковании НСВ состоит в том, чтобы задать определенное коммуникативное членение лексического значения глагола; мы называем это членение экзистенциальным. Соответствующий тип коммуникативных структур рассматривается, в связи с анализом общефактического значения НСВ, в Mehlig 1991, где он называется экзистенциально-верификативным.

Признак "фактичность" (в близком понимании) трактуется как конституирующий для общефактического значения в Рассудова 1968: 17 и Бондарко 1971: 85. Так, в Рассудова 1968 подчеркивается связь общефактического значения НСВ с определенной коммуникативной установкой говорящего — с акцентом на "было или не было?". В Forsyth 1970: 82 выражение "констатация факта действия", используемое в русистике для описания функции НСВ общефактического, переводится так: a report or declaration that the action did occur.

Средством выражения экзистенциального членения в этом смысле служит главное фразовое ударение на глаголе. И действительно, в парадигматических примерах НСВ общефактического главное фразовое ударение падает на глагол:

- (1) Ты когда-нибудь *возвращался* / этой дорогой?
- (2) Я тебя *предупреждал* .

Фразовое ударение на одном из актантов, однако, не лишает высказывание статуса утверждения факта:

- (3) Этот фильм *показывали* по телевизору\ .

Перенос ударения на глагол в этом случае всего лишь помещает предложение в полемический контекст:

- (3') Этот фильм *показывали*\ по телевизору.

То, что понятие факта играет в определении общефактического значения не чисто терминологическую роль, получит подтверждение в дальнейшем анализе, см. раздел 4 главы 4.

Фразовое ударение на глаголе может быть, само по себе, фактором, обуславливающим предпочтение общефактической интерпретации формы НСВ перед актуально-длительной (Гловинская 1982: 141), например:

- (4) а. Я *смотрела* этот глупый фильм\ (допустимо актуально-длительное понимание: 'смотрела в тот момент, когда...');
 б. Я *смотрела*\ этот глупый фильм (только общефактическое понимание).

В (5а) ударение на глаголе дает однозначно общефактическое понимание, а при конечном ударении предпочтительно актуально-длительное:

- (5) а. Я *открывал*\ окно; б. Я *открывал* окно\.

В самом деле, предложение с акцентной структурой (5а) подставляется в контекст (6), а со схемой (5б) — нет:

- (6) Когда ты позвонил, я *открывал* окно\ и не сразу снял трубку.

*Когда ты позвонил, я *открывал*\ окно.

Казалось бы, признак "фактичность" можно ввести в толкование НСВ общефактического; однако, скажем, про примеры (7а) — (7в) нельзя сказать, что в них глагол НСВ выражает факт; главный акцент здесь падает на актанта, как в (7а), или на сирконстант, как в (7б), а ситуация, описываемая глаголом, оказывается в презумпции:

- (7) а. Кто *строил* эту дорогу?
 б. Операцию *делали* ему в Москве\ (пример из Leinonen 1982).

Общий вопрос — это вопрос о факте, т. е. о том, имела место ситуация или нет, см. (8а). Между тем в частном вопросе, так же, как в предложении с контрастным ударением на одном из актанта, тот факт, что ситуация имела место, составляет презумпцию, см. (8б):

- (8) а. Ты *выносил* / мусор? (вопрос о факте).
 б. Ты / *выносил* мусор? (вопрос о субъекте действия; само осуществление действия — в презумпции).

Таким образом, признак "фактичность", при его безусловной релевантности, не является общим для всех употреблений НСВ, обычно причисляемых к общефактическим. Например, в (7) и в (8б) осуществление действия составляет презумпцию.

Разобщенность действия с моментом речи. Компонент "разобщенность действия с моментом речи": 'итоговое состояние ситуации не сохранилось в момент речи или в какой-то другой точке отсчета'. Термин "разобщенность" принадлежит А. В. Исаченко³, ср. типичные контексты для НСВ в противоположность СВ:

- (1) а. Я *прочел* статью, и теперь все знаю.
 б. Я *читал* статью, но ничего не помню.

В Гловинская 1982: 118 для признака "разобщенность" принята более слабая формулировка: 'неизвестно, сохранился ли результат'. В такой формулировке этот компонент мог бы даже не включаться в толкование НСВ общефактического, поскольку он порождается, в контексте прош. времени, противопоставлением формы НСВ форме СВ, у которой перфектность, т. е. сохранение результата в момент речи, является одним из отчетливых компонентов значения, см. главу 9.

³ Ср. термин "аннулированный результат" в главе 2. В обоих случаях речь идет об отрицательном корреляте к признаку "перфектность" в значении СВ.

Однако для таких употреблений НСВ результативного, которые характеризуются положительным значением признаков "фактичность" и "кратность", верна именно более сильная формулировка; и тогда "разобщенность" — это положительный признак общефактических значений НСВ, а не компонент, который возникает у формы НСВ по умолчанию:

- (2) а. Он *позвал* меня на свой концерт.
б. Он *звал* меня на свой концерт.

Вариант (2б) более уместен в ситуации, когда концерт уже позади и я, скорее всего, не пошел, а вариант (2а) — когда я еще думаю, пойти или нет. Другие примеры:

- (3) — От кого письмо?
— Не знаю. Мне его няня *передала* (ср. **передавала*).
(4) Когда же *вытал* (ср. **выпадал*) этот снег?

В примерах (3), (4) неуместность НСВ обусловлена очевидным сохранением итогового состояния в момент речи. В (5) итоговое состояние прекратилось, и употребляется НСВ:

- (5) а. Я *брал* твой ключ. [Я его вернул].
б. Я *открывал* окно. [Окно сейчас закрыто.]

Признак "разобщенность" объясняет семантический механизм двунаправленного значения (Рассудова 1968: 22): в контексте глагола, обозначающего действие, для которого определено следующее за ним "противоположно направленное", если итоговое состояние не сохранилось, это значит, что оно было аннулировано противоположно направленным действием. Так, из *открывал* в (5б) следует 'потом закрыл' (или 'потом закрылось').

Имеется характерный класс общефактических употреблений НСВ, которые, как может показаться, свидетельствуют против включения компонента "разобщенность" в толкование этого значения, так в (6) можно подумать, что отказ мотивируется сохранением итогового состояния действия:

- (6) — Пойдем со мной в кино! — Но я *смотрел* этот фильм!

Однако дело здесь не в сохранении итогового состояния, а в коммуникативной важности тех или иных следствий, вытекающих из факта осуществления соответствующего действия, см. подробнее в главе 4.

Другие примеры, на первый взгляд противоречащие признаку "разобщенность":

- (7) Ты *брал* / со стола ключи? [когда ключей на столе нет]
(8) Ты *переставлял* / мои книги? [когда книги переставлены]

Объяснение для (7): здесь противопоставлены не 'брал' и 'не брал', а 'ты взял ключи' и 'с ключами случилось что-то еще'. В самом деле, состояние, которое находится перед глазами говорящего, может быть итоговым не только для данного действия, но и для каких-то других, так что нельзя считать, что высказывание сделано просто в контексте сохранения итогового состояния действия, обозначенного глаголом СВ *взять*. Высказывание (8) делается, видимо, в контексте неполной уверенности в том,

что книги переставлены; в противном случае более естественно сказать *Ты ↗ переставлял мои книги?*

Итак, в контексте положительного значения признаков "фактичность" и "кратность" семантика НСВ результативного включает компонент "разобщенность". В то же время при отрицательном значении этих признаков НСВ свободно употребляется в контексте сохранившегося итогового состояния (*Где апельсины покупали?*). Так что разобщенностью характеризуются не все употребления НСВ результативного.

Кратность. Следующий компонент толкования — "кратность": 'ситуация, обозначаемая глаголом, имела место по крайней мере один раз, т. е. один раз или больше'.

Глагол НСВ в общефактическом значении обычно выражает ситуацию с неопределенной кратностью. Примеры:

- (1) Мне *случалось* терять паспорт (= 'по крайней мере один раз случилось');
 Ты *купался* в горных реках? (= 'хоть раз?');
 Я *шил* такие куртки (= 'шил по крайней мере одну').

Однако общефактическое значение часто констатируется и в контексте высказывания, обозначающего единичную ситуацию:

- (2) Вы *обедали*? (= 'сегодня').

В примере (3) в предложении (а) неопределенная кратность, в (б) — единичность:

- (3) а. Сергей *вешал* эту карту. [Он знает, как это делается.]
 б. Сергей *вешал* тогда эту карту. [Я точно помню.]

Как правило, единичная интерпретация обусловлена не собственным значением глагола НСВ, а контекстом — языковым или внеязыковым. Так, в (2) единичность достигается на уровне прагматики — она вытекает из того, что мы обедаем раз в сутки, а вопрос относится к текущему дню, см. Chaput 1990. В (3б) единичность выражается обстоятельством времени: *тогда* (= 'в тот раз'). В примерах типа *Кто строил эту дорогу?*, *Кто писал эту записку?* единичность подкрепляется конкретно-референтным статусом объекта: нельзя многократно строить одну и ту же дорогу или писать одну и ту же записку.

Как и фактичность, кратность ситуации может быть существенным условием, благоприятствующим пониманию формы НСВ в результативном значении, т. е. однозначно выраженная кратность имеет следствием однозначно результативное понимание НСВ:

- (4) а. Петя *решал* такие задачи (кратная ситуация, результативное понимание);
 б. Петя *решал* задачу (единичная ситуация, возможно нерезультативное понимание).

Обычно одну и ту же задачу не решают несколько раз; только поэтому у (4б) не возникает результативного понимания (даже под фразовым ударением, т. е. в контексте положительного значения признака "фактичность", которое уже само по себе благоприятствует результативному пониманию). А если возникает, то только постольку, поскольку многократное решение одной задачи все-таки возможно.

Контекст кратности, т. е. потенциальная возможность многократного осуществления ситуации, оказывается существенным условием допустимости результативного осмысления НСВ даже тогда, когда речь идет о единичном действии. Пример (5) показывает связь результативного понимания НСВ общефактического с потенциальной кратностью ситуации:

- (5) а. А тыква *превращалась* в спектакле “Золушка” в карету\ (пример из Гловинская 1982: 129);
 б. А дом *превращался* в груды развалин\.

В предложении (5б), в отличие от (5а), *превращаться* не понимается в значении ‘превратиться’. Почему? Единственное видимое различие между (5а) и (5б) — в том, что в (5а) речь идет о регулярном и, следовательно, обратимом превращении, которое происходит каждый спектакль, а предложение (5б) описывает превращение, которое может произойти только один раз. Для (5б) поэтому наиболее естественное понимание — в актуально-длительном значении. Другой пример:

- (6) а. *В прошлый раз* я выразил ему свое неудовольствие;
 б. Я *сейчас* выразил ему свое неудовольствие.

В (6а) можно заменить *выразил* на *выражал* — с точки зрения достижения предела эти глаголы равнозначны; но *выражал* порождает противопоставление прошлого раза каким-то другим, а следовательно, подчеркивает потенциальную многократность возникновения неудовольствия. Между тем если в (6б) заменить СВ на НСВ *выражал*, то НСВ будет понято в актуально-длительном значении.

Связь результативности с многократностью, которая обнаруживается в плане сочетаемости, имеет очевидную семантическую основу. Общим для обоих значений НСВ — актуально-длительного и общефактического — является следующий компонент: ‘в некоторый момент имела место ситуация, обозначаемая данным глаголом’; чтобы имела место ситуация, надо, чтобы имел место по крайней мере один ее “квант”; а если глагол НСВ обозначает процесс (состояние) многократного осуществления ситуации, выражаемой глаголом СВ, то один квант такого процесса (состояния) — это будет ситуация, достигшая предела.

Эксплицитные показатели однократности эквивалентны многократности, поскольку предполагают потенциальную кратность ситуации (ср. в Рассудова 1968: 26 о том, что слова *однажды*, *один раз* создают благоприятный контекст для реализации общефактического значения: *В этом году я уже один раз брал отпуск*). Так что многократность противопоставлена не однократности, а единичности, ср. пример (13б) из главы 12.

Многократность следует отличать от дистрибутивности. Многократность ситуации — это ее воспроизводимость во времени — с неизменным набором основных участников; иначе, это распределенность во времени; дистрибутивность — это распределенность ситуации по некоторому классу участников. Значение достижения предела (“результативность”) порождается любой множественностью, т. е. не только многократностью, но и дистрибутивностью:

- (7) а. Я много раз находил клад (многократность);
 б. Многие смельчаки находили там себе могилу (дистрибутивность по множеству субъектов).

Различие между многократной и дистрибутивной ситуацией является, однако, принципиальным, поскольку многократность (вне узуальности и потенциальности) требует ретроспективной точки отсчета и, следовательно, работает на общефактическое значение. Между тем дистрибутивность безразлична к точке отсчета, так что в контексте дистрибутивности значение НСВ может быть результативным, но не общефактическим. Так, в (8) результативное понимание возникает в наст. времени, т. е., очевидно, не при общефактическом значении НСВ, поскольку в наст. времени общефактическое понимание НСВ невозможно:

(8) На юге люди рано *стареют*.

Неопределенность времени завершения. Компонент "неопределенность времени завершения": 'момент окончания действия и наступления итогового состояния является неопределенным или даже нереферентным' (о неопределенности времени завершения как свойстве НСВ общефактического см. Гловинская 1982: 120).

Этот компонент отчетливо противопоставляет НСВ общефактическое и СВ: в толкование последнего входит, напротив, компонент "определенность времени завершения". В самом деле, в предложении, где глагол СВ имеет точечное обстоятельство времени, обстоятельство обозначает именно время завершения действия. А при отсутствии обстоятельства форма СВ предполагает приуроченность окончания действия к моменту речи или к другой точке отсчета, фиксированной в контексте. Этот факт отражен в толковании СВ: именно завершение действия является главной ассерцией в семантическом разложении глагола СВ, см. главу 4.

Для НСВ общефактического типичное употребление — без обстоятельства времени или в контексте обстоятельства, которое эксплицитно выражает временную неопределенность (*когда-то*) или нереферентность показателя времени (*когда-нибудь*), и в этом контексте время наступления итогового состояния — это некоторый (неопределенный и, быть может, не единственный) момент, предшествующий точке отсчета:

(1) Ты *читал* "Капитанскую дочку"? (= 'читал когда-нибудь?').

Допустим при глаголе в общефактическом значении только показатель о б ъ е м л ю щ е г о времени (Падучева 1988), которое задает достаточно широкий временной интервал для ситуации и не устраняет неопределенности времени завершения — в этом случае показатель времени локализует не завершение процесса, а сам процесс:

(2) Я *разбирал* \ одно похожее дело *в прошлом году* (пример из Leinonen 1982).

Только для двунаправленных глаголов момент наступления итогового состояния может быть задан с достаточной определенностью:

(3) а. Почтальон *приходил* в 8 утра.

б. Мы *встречались* с ней в два часа.

Семантическое взаимодействие НСВ общефактического с показателем времени — это одно из следствий коммуникативной структуры его толкования: наступление итогового состояния находится здесь не в фокусе, т. е. не является главной ассерцией, как у СВ. Отсюда тот факт, что не только

показатель времени, но и другие типы обстоятельств, которые допустимы в контексте НСВ общефактического, относятся к деятельности, а не к ее результату:

(4) Он *приходил*, чтобы проститься.

К данной цели направлена деятельность, а не ее завершение, так что в толковании этого предложения указание цели должно относиться к 'шел', а не к 'пришел' (и тем более не к 'пришел и ушел': (4) \supset 'он шел, чтобы проститься').

Ограничение сочетаемости, представленное примером (5), также свидетельствует о том, что компонент "неопределенность времени завершения" в семантике НСВ общефактического является следствием неассертивности результативного компонента, пример из Рассудова 1968:

(5) а. Ты, наконец, *передал* ему мою книгу?

б. *Ты, наконец, *передавал* ему мою книгу?

Основным для НСВ общефактического является контекст, где обстоятельство времени вообще отсутствует. В частности, только в этом контексте реализуется компонент "фактичность", требующий главного фразового ударения на глаголе. В самом деле, рематическое обстоятельство времени препятствует реализации общефактического значения, поскольку осуществление действия выталкивается в презумпцию, а тематическое — поскольку фиксирует в предложении синхронную точку отсчета.

Ретроспективная точка отсчета. Компонент "ретроспективная точка отсчета" (иначе — ретроспективная позиция наблюдателя, о наблюдателе см. Апресян 1986а) единственный действительно общий для всех общефактических значений НСВ, как результативных, так и не результативных, в частности, непредельных; он противопоставляет общефактическое значение актуально-длительному, которое характеризуется синхронной точкой отсчета.

Кроме общефактических значений НСВ, ретроспективная точка отсчета свойственна только д у р а т и в н о м у (термин из Timberlake 1985а) (*Я гулял с двух до трех*) и о п р е д е л е н н о - к р а т н о м у (термин из Маслов 1948) (*Я стучал три раза*). Однако эти значения всегда маркируются эксплицитным обстоятельством длительности или кратности. Между тем при общефактическом значении ретроспекция не имеет специальных синтаксических показателей. Тем самым ретроспекция, наряду с временной неопределенностью, является действительно характеристическим признаком, объединяющим все результативные значения НСВ. Колебания в отнесении употребления НСВ к общефактическому или к актуально-длительному возникают именно в том случае, когда неясна временная позиция наблюдателя. Ср. неоднозначную фразу

(1) Маша только что *мыла* пол в коридоре.

В контексте вопроса *Ты не видел Машу?* фраза (1) будет пониматься с синхронной точкой отсчета и актуально-длительным значением НСВ *мыла*; в контексте вопроса *Зачем ты моешь пол?* фраза (1) будет понята с ретроспективной точкой отсчета и с общефактическим значением НСВ.

Итак, имеется шесть семантических признаков, по которым могут быть охарактеризованы "необычные" для НСВ результативные употребления. Каждому признаку соответствует определенный семантический компонент толкования — в положительном или в отрицательном варианте:

- 1) экзистенциальное коммуникативное членение;
- 2) результативность;
- 3) разобщенность действия с моментом речи;
- 4) кратность;
- 5) неопределенность времени завершения действия;
- 6) ретроспективная точка отсчета.

Результативные употребления НСВ не составляют единого значения. Во-первых, различаются два общефактических значения — общефактическое экзистенциальное, для которого все шесть признаков принимают положительное значение (*Вы читали "Капитанскую дочку"?*), и общефактическое конкретное (*Ты обедал?*), которое отличается от экзистенциального только по признаку "кратность". Во-вторых, имеется значение, которое можно назвать акциональным (внутренний смысл термина будет раскрыт позднее) и которое отличается от общефактического экзистенциального по всем признакам, кроме ретроспективной точки отсчета и, естественно, результативности. Рассмотрим эти три типа результативных значений НСВ более подробно.

2. Общефактическое экзистенциальное

НСВ экзистенциальное характеризуется следующим набором семантических компонентов:

- + экзистенциальное коммуникативное членение;
- + результативность;
- + разобщенность действия с моментом речи;
- + кратность;
- + неопределенность времени завершения;
- + ретроспективная точка отсчета.

Примеры.

- (1) а. Мой дядя *восходил* на Эверест.
б. Спроси свою знать, которой *случалось* тебя продавать.
в. Ты когда-нибудь *разбивал* ценную вазу?
г. Она не один раз *теряла* паспорт.
д. Я уже *выражал* ему свое неудовольствие.
е. Я *находил* в этом лесу рыжики.

Экзистенциальное значение возможно для всех глаголов, которые обозначают ситуацию, воспроизводимую во времени. Тем самым, если глагол НСВ входит в многократную пару с некоторым СВ, то для него допустимо употребление в экзистенциальном значении: несущественно, входит ли он, кроме того, в предельную пару (как *строить* — *построить* <дом>, *читать*—*прочитать* <книгу>), в перфектную (как *чувствовать* — *почувст-*

воватъ; *понять* — *понимать*), или не входит больше ни в какую (как глаголы *находить*, *приходить* и под.).

Благоприятным контекстом для возникновения у глагола НСВ экзистенциальной интерпретации служат слова: *когда-нибудь* (в общем вопросе); *когда-то*; <*по крайней мере*> *один раз*, *хоть раз*, *однажды*, *неоднократно* и другие показатели кратности; *уже* (в значении ‘уже однажды’) и под., ср. Рассудова 1968.

Имеется несколько специальных контекстов, препятствующих или способствующих экзистенциальной интерпретации НСВ, причем все они связаны с кратностью или с потенциальной кратностью ситуации.

Экзистенциальное употребление невозможно для моторно-некратных глаголов (*идти*, *ехать*, *бежать* и под.), в противоположность моторно-кратным (*ходить*, *ездить*, *бегать* и т. д.) (ср. Гловинская 1982: 132). Например:

- (2) а. Я *шел* по этому шоссе (= ‘тогда’, а не ‘хоть раз’; общефактическое конкретное значение НСВ);
 б. Я *ходил* по этому шоссе (= ‘по крайней мере один раз’; общефактическое экзистенциальное значение НСВ).

Поэтому в однозначно экзистенциальном контексте моторно-некратный глагол аномален:

- (3) *Ты когда-нибудь *плыл* (надо: *плавал*) на байдарке?
 *Ты когда-нибудь *ехал* (надо: *ездил*) верхом?

В предельном употреблении — с показателем конечного пункта движения — моторно-некратный глагол либо невозможен, см. (4), либо, если он и может быть употреблен при определенной коммуникативной структуре, как в (5а), не допускает результивного понимания, хотя для моторно-кратного глагола такое понимание является нормой, см. (5б):

- (4) *Ты когда-нибудь *ехал* в Коломенское?
 (5) а. Ты когда-нибудь *ехал* в город на телеге?
 б. Ты когда-нибудь *ездил* в город на телеге?

В самом деле, *ездить в город* является многократной парой для *съездить в город*; соответственно, (5б) имеет результивное понимание, а *ехать в город* не входит в многократную пару ни с каким СВ, и о результивном понимании (5а) нет речи.

Если глагол НСВ, хотя бы и парный, обозначает в каком-то контексте невозпроизводимую ситуацию — как, например, глагол *тонуть* или *умирать* с конкретно-референтным субъектом, — у него тоже не возникает значения достижения предела. Например, (6) означает ‘был ли ты близок к тому, чтобы утонуть’, а не ‘ты хоть раз утонул?’:

- (6) Ты когда-нибудь *тонул*?

Релевантность контекста потенциальной кратности для возникновения результивного понимания у НСВ показывает также следующий пример. Рассмотрим, с одной стороны, глаголы *расти* (о живом организме), *стареть*, *кончаться* (в контексте конкретно-референтного субъекта), а с другой — *повышаться* (например, о температуре), *падать* (например, о давлении). Глаголы первой группы обозначают невозпроизводимую ситуацию:

вырасти, постареть, кончиться один объект может ровно один раз; и они же не допускают результативного понимания, ср. однозначно актуально-длительное понимание НСВ в (7а). Между тем глаголы второй группы обозначают возобновляемую ситуацию, и результативное понимание здесь возможно, ср. НСВ экзистенциальное в (7б):

- (7) а. Ребенок *рос*; Рис у нас *кончался*.
б. Если давление в котле хоть раз *падало*, система выйдет из строя.

О том, что именно кратность ситуации создает контекст, в котором общефактическое результативное значение реализуется без ограничений, говорится в Рассудова 1968: 26.

Пример (8) тоже демонстрирует связь экзистенциальности с кратностью. Чем объяснить, что в (8б) НСВ однозначно понимается в экзистенциальном — а следовательно, результативном — значении, при том, что в (8а) НСВ неоднозначен, т. е. допускает также и актуальное понимание?

- (8) а. Температура *повышалась*.
б. Температура *повышалась* до 45°.

По общему правилу, выявленному А. Вежибицкой (см. главу I.12), глагол НСВ в актуально-длительном значении не может употребляться в контексте показателя количественного предела действия (ср. *съел две груши*, но **ест две груши*), так что глагол СВ в сочетании с показателем количественного предела (*повыситься до 45°*) не имеет НСВ, входящего с ним в чистовидовую пару. Поэтому глагол *повышаться* в контексте показателя количественного предела (*до 45°*) не может иметь актуально-длительного значения. Однако в принципе сочетание глагола НСВ *повышаться* с показателем количественного предела (*до 45°*) возможно — глагол НСВ будет при этом пониматься как многократная пара к глаголу СВ *повыситься*. Соответственно, на базе однозначно многократного возникает, при ретроспективной точке отсчета, однозначно экзистенциальное значение НСВ в (8б). Таким образом, показатели количественного предела, которые обеспечивают однозначно многократное понимание глагола НСВ, одновременно обеспечивают однозначно результативное его понимание.

Аналогичную роль однозначно показателя экзистенциального значения НСВ может выполнять и обстоятельство срока. В силу наличия такого обстоятельства НСВ в (9) понимается в кратном и, следовательно, однозначно экзистенциальном значении. Между тем в (10) кратное (а следовательно, экзистенциальное) значение — лишь одно из возможных; более вероятно — актуально-длительное.

- (9) Температура за это время *повышалась* [хоть раз]?
(10) Давление в котле *падало*.
Обстановка в Азербайджане *осложнялась*.

Результативная интерпретация является единственно возможной у глаголов, не допускающих безуспешной попытки при общефактическом или итеративном употреблении (типа *приходить* или *предупреждать*). Для глаголов с допустимой безуспешной попыткой результативное понимание в экзистенциальном контексте обычно не единственное; но оно всегда существует как одно из возможных:

- (11) Иван *ловил* в этом озере щук.
Он *строил* мосты через Волгу.
Я *решал* такие задачи.

Таким образом, связь экзистенциального результативного с потенциальной кратностью ситуации не вызывает сомнений.

В работах Гловинская 1982: 134, Гловинская 1989 в качестве общего фактора, благоприятствующего общефактическому пониманию НСВ, указывается дискретность ситуации (кратность упоминается как частный случай дискретности, см. Гловинская 1982: 135). Представляется, что дискретность существенна постольку, поскольку она служит необходимой предпосылкой для потенциальной кратности.

3. Общефактическое конкретное

Для общефактического конкретного набор семантических компонентов тот же, только место кратности занимает единичность:

- + экзистенциальное коммуникативное членение;
- + результативность;
- + разобщенность действия с моментом речи;
- + неопределенность времени завершения;
- кратность (т. е. ситуация единичная);
- + ретроспективная точка отсчета.

Примеры.

- (1) а. Ты *открывал* / окно? [Сейчас окно закрыто.]
б. Я *дарил* тебе свою книгу?
в. Этот ручей прошлым летом *пересыхал*.

Главное различие между экзистенциальным и конкретным значением касается временной локализации: вопрос (1а) относится к актуальному временному интервалу и, следовательно, касается единичного факта открывания окна; при экзистенциальном значении время не ограничено, например: *Ты когда-нибудь отправлял письмо экспресс-почтой?*

Общефактическое конкретное, как и экзистенциальное, возможно только для глаголов, обозначающих воспроизводимую, т. е. потенциально кратную ситуацию. Так, моторно-некратные глаголы в предельном контексте — единственном, где они могли бы иметь парный СВ, — не имеют общефактического конкретного значения, так же как и экзистенциального:

- (2) *Он *шел* / в магазин?
*Ты *ехал* / в город?

Единичность часто возникает за счет прагматического контекста. Так, для фразы *Ты читал сегодняшние "Известия"?* наиболее вероятное понимание — единичное, тогда как вопрос *Ты читал "Капитанскую дочку"?* можно понять и в значении 'хоть раз', т. е. в экзистенциальном смысле.

Единичность может быть выражена и эксплицитно — словами *тогда, в тот раз* и под. Ср:

- (3) а. Ты *хоть раз* вешал / эту карту? (НСВ экзистенциальное);
б. Ты *тогда* вешал / карту? (НСВ конкретное).

Компонент "разобшенность действия с моментом речи" в экзистенциальном контексте возникает как семантическое следствие кратности. В контексте единичности сохранение результата может быть препятствием к употреблению НСВ результативного, т. е. к употреблению НСВ "в значении СВ". Так, вопрос (4), хотя в нем нет ничего неправильного, звучит странно, поскольку уместен в том случае, если предполагается 'и потом снова потерял':

(4) *Ты *находил* свои ключи?

Общефактическое конкретное для многих глаголов затруднено. Так, глаголы *вспоминать* <о ком-то>, *замечать* употребляются в общефактическом экзистенциальном, как в примерах (5а), (6а), но не конкретном, ср. (5б), (6б):

(5) а. Ты обо мне хоть раз *вспоминала*? (= 'хоть раз вспомнила').

б. Я о тебе тогда *вспоминала* (= 'предавалась воспоминаниям', 'думала'; актуально-длительное, а не общефактическое значение НСВ).

(6) а. Ты когда-нибудь *замечал*, что он странно себя ведет? (= 'хоть раз заметил');

б. Ты тогда *заметил* (*замечал), что он странно себя ведет?

В работах Charput 1990 и Leinonen 1982 рассматривается контекст, где НСВ результативное обозначает ситуацию, регулярно воспроизводимую в соответствии с теми или иными временными циклами — каждый день, каждую неделю и т. п., но в данном случае приуроченную к одному конкретному моменту своего осуществления:

(7) Ты *подметал* пол? Ты *убирал* квартиру? Ты *вынимал* почту? Ты *гулял* с собакой? Ты *умывался*? Ты *кормил* ребенка? Ты *получал* стипендию? Ты *обедал*? Ты *открывал* форточку?

В таком контексте НСВ свободно употребляется в общефактическом конкретном, и единичность совмещается с результативностью: выполняется условие потенциальной кратности ситуации. То, что контекст потенциальной кратности ситуации существен, показывает следующий пример:

(8) а. Ты сегодня *покупал* хлеб?

б. Ты сегодня *покупал* кожаную куртку?

Между (8а) и (8б) имеется два различия.

Вопрос (8б) требует специального контекста: например, он возможен, когда приобретение куртки намечалось на сегодняшний день заранее; или когда говорящий видел кого-то покупающим куртку и хочет его идентифицировать; или если покупка куртки является, на данном отрезке времени, постоянным занятием адресата, ср. *Ты сегодня писал статью?* Без такого ситуативного контекста вопрос (8б) вообще невозможен. Между тем для вопроса (8а) уместный контекст заранее создан каждодневной повторяемостью этого действия.

В (8а) значение НСВ однозначно результативное; между тем (8б) ни в одном из своих контекстов не допускает результативного понимания. Отметим, в частности, что ответ *Да* на вопрос (8а) естественно означает 'и купил'; между тем ответ *Да* на вопрос (8б) не имеет этого значения, и чтобы его выразить, надо сказать что-то вроде *Не только покупал, но и купил*.

Очевидно, что различие между (8а) и (8б) сводится к потенциальной кратности первой ситуации, в противоположность второй. В (8а) речь идет о действии, которое совершается регулярно; и НСВ имеет результативное понимание. А в (8б) — если это заранее немеченное действие, то оно однократно, а если это занятие, то вопрос касается того, имело ли место данное занятие: ситуация становится непредельной, и проблема ее результативности снимается. Таким образом, пример (8) подтверждает связь результативного понимания НСВ с потенциальной кратностью ситуации.

4. Акциональное значение несовершенного вида

Из семантических компонентов, характеризующих экзистенциальное значение, акциональному свойственны (не считая результативности) только ретроспективная точка отсчета и, может быть, неопределенность времени завершения действия — экзистенциальное членение, разобщенность, кратность отсутствию:

- 1) — экзистенциальное коммуникативное членение (т. е. глагол безударный);
- 2) + результативность;
- 3) — разобщенность действия с моментом речи (т. е. итоговое состояние может сохраняться);
- 4) + неопределенность времени завершения;
- 5) — кратность (т. е. ситуация единичная);
- 6) + ретроспективная точка отсчета.

Два типа результативных употреблений НСВ — общефактическое и акциональное — были довольно четко различены Дж. Форсайтом (Forsyth 1970: 84), который про одно из значений общефактического (общефактическое экзистенциальное) говорит, что глагол с этим значением несет главный логический акцент в предложении, см. пример (1а), а другое (в нашей терминологии — акциональное) характеризует как лишенное фразового акцента, см. (1б).

(1) а. А ведь я тебя, кажется, *предупреждал* \.

б. Я *убирал* комнату | вчера \. [Кто сегодня должен убирать — не знаю.]

То значение, которое мы называем акциональным, в Рассудова 1968: 37 рассматривается отдельно от общефактического, в особом параграфе, озаглавленном: "Употребление видов глагола в случае, когда внимание говорящего направлено на то, *где, когда, зачем, кто* совершал действие".

С другой стороны, в Бондарко 1971: 84 акциональное значение, пример (2), трактуется как разновидность общефактического:

(2) Она еще раз посмотрела на письмо. — От Дранишникова... И тогда ведь *писал* тоже \ Дранишников.

Куда тебя утром Татьяна-то \ *посылала*?

И это отождествление имеет давнюю традицию.

Самое наглядное отличие акционального значения от экзистенциального в коммуникативной структуре: экзистенциальное требует ударения на глаголе, см. (3а), а при акциональном глагол обычно безударный, см. (3б).

- (3) а. Сергей *вешал* эту карту, он тебе поможет.
 б. — Где кнопки? — Сергей *вешал* карту, у него спроси.

В примере (3б) акцент явно не на том, имел ли место факт осуществления действия, как при экзистенциальном значении: действие, обозначаемое глаголом в НСВ, является темой высказывания, а акцент падает на какие-то обстоятельства этого действия — либо сообщаемые (в утверждении), либо подлежащие выяснению (в вопросе). Иными словами, НСВ акциональное употребляется в том случае, если говорящий при описании ситуации, достигшей предела, по той или иной причине ставит в центр внимания не результат, а сам процесс осуществления действия. Например, коммуникативное назначение высказывания может состоять в том, чтобы охарактеризовать это действие с той или иной стороны. Соответственно, в предложении с НСВ акциональным рематический акцент падает на показатель места действия, как в (4), времени, как в (5), цели, как в (6), на субъект или другие актаны, как в (7), (8), или на какие-то прочие модификаторы, как в (9):

- (4) Где апельсины *покупали*?
 Когда родились? Где *вступали* в брак? [= 'где происходила церемония бракосочетания'], пример из Bogusławski 1981;
 — Откуда брюки? — На толкучке *покупал*.
- (5) Покупал их [часы] отец давно (Булгаков. "Белая гвардия")
 Рейс 708 *когда садился*?
- (6) Зачем ты *снял* перед ним шляпу? (пример из Bogusławski 1981).
 Мы не для этого *тебя выбирали*.
- (7) Кто *подавлял* восстание? Вы? Я! (пример из Forsyth 1970).
 Кто *открывал* окно *здесь*? <Здесь лежали мои бумаги.>
 Какие места неудобные! Кто билеты *покупал*?
 Кто *писал* эту записку?
 Караси отличные! Иван *ловил*.
- (8) *Щи* *на обед варила*. Дак теперь уж, чай, остыли! (пример из Рассудова 1968).
 Мы *возвращались* этой *дорогой*.
 С кем *согласовывали* <материал, помещенный в журнале>?
- (9) Это пальто они *покупали* вместе *этот* пиджак он *шил* себе сам *один* *убивал* ты *один* (пример из Forsyth 1970).

Только в контексте обстоятельства образа действия значение НСВ трактуется как актуально-длительное, Гловинская 1983:

- (10) Решил? Расскажи, как *решал*.
 Как *создавался* "Подросток" и "Братья Карамазовы"?

Общефактическое и акциональное значения различаются также по признаку "разобщенность действия с моментом речи": сохранение итогового состояния не служит препятствием для употребления глагола НСВ в акциональном значении, ср. *Я брала у вас книгу на неделю*.

Далее, результативность имеет при акциональном значении иной источник, чем при экзистенциальном: при экзистенциальном понимании НСВ результативность вытекает из кратности, а при акциональном результативность вообще не входит в значение формы НСВ. Результативный компонент может возникать у НСВ акционального как коммуникативная импликатура; чаще всего информация о достижении предела поступает из контекста, который так или иначе свидетельствует о сохранении итогового состояния. Например, из контекста ситуации, в которой делается высказывание, может быть ясно, что итоговое состояние сохраняется, ср. купленные апельсины и открытое окно в примерах выше; а отсюда уже следует, что действие достигло своего предела. Именно сохранение итогового состояния в момент речи — очевидное из речевого или ситуативного контекста — служит источником однозначно результативного понимания формы НСВ:

- (11) а. Кто *включал* этот утюг <когда-нибудь>? Он работает?
 б. Кто *включал* утюг? Опять его забыли выключить!

В (11а), где присутствуют компоненты “рематичность” и “разобщенность”, общефактическое значение, а в (11б) — акциональное.

Иногда достижение предела ясно даже не из контекста ситуации, а из самого текста; пример из Forsyth 1970:

- (12) В этой портерной я <...> написал первое любовное письмо к Варе. *Писал* карандашом. (Чехов. “Скучная история”).

Итак, при акциональном значении компонент “результативность” присутствует в контексте, а в значение формы НСВ не входит.

Акциональное значение НСВ характерно для контекста припоминания. В самом деле, вспоминая, что произошло, человек вспоминает именно свои действия, а не их результат:

- (13) Мне кажется, я *клат* книгу в портфель. Где же она? (= ‘я помню, как клат’).
 (14) Ну да, он недавно ездил в Москву, я еще ему командировку *подписывал* (пример из Бондарко 1971: 84; «подписывал» — это то свое действие, которое говорящий помнит).
 (15) Не тебя ли это, брат, Что-то, помнится, из боя *Доставляли* мы в санбат? (Твардовский; пример из Forsyth 1970).

Тематизация процесса, выражаемая НСВ акциональным, служит объяснением запрета результативного употребления НСВ для многих примеров, которые обсуждались в литературе. В самом деле, почему нельзя употребить НСВ результативное в следующих примерах (т. е. почему в этих примерах должен быть не НСВ, а СВ):

- (16) а. *Кто убивал Авраама Линкольна?
 *Кто открывал Америку?
 *Кто писал “Войну и мир”?
 *Кто изобретал телевидение?
 б. *Линкольна убивал Джон Бут;
 *Америку открывал Колумб;
 *”Войну и мир” писал Толстой

Объяснение состоит в том, что, по естественным причинам, это вопросы о результате, а не о процессе: прагматический контекст ситуации уничтоже-

ния, создания, открытия делает неоправданным "переключение внимания" с результата на процесс, т. е. тематизацию процесса. Еще пример:

- (17) а. Кто *писал* эту записку?
 б. Кто *написал* "Войну и мир"?

Когда речь идет о действии (за которое, например, можно человека одобрить или осудить), употребляется НСВ, как в (17а); между тем (17б) — это вопрос не о субъекте действия (писания), а об авторстве созданного произведения, и здесь НСВ акциональное неуместно. Пример (18) анализирует Дж. Форсайт, который по этому поводу пишет: "Вопрос касается результата — кто стал владельцем сада" (Forsyth 1970: 89):

- (18) — Продан вишневый сад?
 — Продан. — Кто *купил*? (ср. *Кто *покупал*?)
 — Я *купил* (ср. *Я *покупал*).

Акциональное значение предъявляет определенные требования к лексическому значению глагола.

1. Чтобы употребляться в акциональном значении, глагол должен входить в предельную пару, т. е. обозначаемая ситуация должна иметь процессный фрагмент; соответственно, глагол должен допускать актуально-длительное употребление — моментальные глаголы (типа *приходить*, *находить*, *ронять*) не имеют акционального значения.

2. Глагол должен иметь активный субъект, способный контролировать ситуацию, т. е. должен быть акциональным. Так, вопрос *Кто оставлял в гардеробе сверток?* понимается только в смысле 'сознательно оставил', а не в смысле 'забыл', хотя СВ допускает оба понимания. Вопросы **Он умирал?* в значении 'Он умер?', *Когда он умирал?* в значении 'Когда он умер?' невозможны, поскольку глагол *умирать* не акциональный.

Именно это лексическое ограничение оправдывает термин "акциональное значение" — глагол в НСВ акциональном должен обозначать действие.

Различение экзистенциального и акционального значений позволяет дать объяснение следующему ограничению сочетаемости. Неоднократно отмечалось, что в общефактическом значении не употребляются глаголы НСВ, обозначающие неконтролируемые события (см. Маслов 1984: 78, а также Рассудова 1968: 39):

- (19) *Кто *ронял* кошелек? [в контексте уроненного на землю кошелька];
 *Кто *терял* платок? [в контексте потерянного платка];
 *Кто *разбивал* эту вазу (**ломал* этот стул)? [в контексте актуально разбитой вазы или сломанного стула];
 *Кто тут *ушибался*?

Это наблюдение ставилось под сомнение примерами типа

- (20) Ты когда-нибудь *разбивал* ценную вазу?
 Ты хоть раз *забывал* свою шляпу в поезде?

где результативное значение возникает у глаголов, выражающих неконтролируемые события.

Введенное противопоставление экзистенциального и акционального значений позволяет более ясно сформулировать лексические ограничения

сочетаемости, касающиеся результативных употреблений НСВ: экзистенциальное значение никакого условия на контролируемость события не накладывает; это условие касается только акционального значения.

В контексте общефактического значения, для которого лексической предпосылкой служит кратность, а не акциональность, глаголы, обозначающие неконтролируемые события, вполне допустимы.

Казалось бы, в примере (21) моментальный глагол беспрепятственно употребляется в таком контексте, который в (19) дает аномалию:

(21) Кто *находил* мой кошелек?

На самом деле, однако, вопросы (19) и (21) относятся к разным типам: (21) — это вопрос без презумпции существования; (21) = ‘Кто-нибудь (когда-нибудь) нашел кошелек, который я ищу?’. Этот вопрос не предполагает ни того, что кошелек найден, ни того, что найденный кошелек находится перед глазами. Иными словами, НСВ в (21) имеет экзистенциальное значение: ‘Находил ли кто-нибудь мой кошелек?’. В ситуации, когда я вижу свой найденный кем-то кошелек, я не могу спросить *Кто находил этот кошелек?*

Есть контексты, где различие между экзистенциальным и акциональным НСВ смазывается; ср. *Я решал такие задачи в детстве; Он приходил к нам на прошлой неделе*. Отсутствие ударения на глаголе характеризует эти употребления как акциональные, а моментальный глагол исключает это истолкование. Вообще безударный глагол или вопросительное слово еще не гарантируют акционального значения; так, во фразах *Где это я вас встречал?*, с ударением на *где*, значение НСВ общефактическое: акциональное значение здесь невозможно, поскольку глагол не акциональный. С другой стороны, ударение на глаголе не предопределяет однозначно экзистенциального понимания — акциональное значение возможно и у глагола, несущего фразовое ударение:

(22) Где мой билет? Я же определенно его *брал*.

Подводя итоги, можно сказать, что различие экзистенциального и акционального значений НСВ позволяет дать каждому из этих значений гораздо более содержательную семантическую характеристику. Экзистенциальное значение основано на идее кратности и не предъявляет особых требований к лексическому значению глагола — многократную интерпретацию допускают, по определению, все глаголы НСВ, входящие в предельную видовую пару. Между тем акциональное значение возможно только у глаголов действия.

Глава 4

О ТАК НАЗЫВАЕМОЙ КОНКУРЕНЦИИ ВИДОВ*

1. Постановка задачи

Действия, достигшие своего внутреннего предела нормально описываются в русском языке с помощью глагола СВ. Однако достаточно часто в этой ситуации может быть использовано и НСВ результативное, ср. пример из главы 3:

- (1) а. Ты *показал* ей это письмо?
б. Ты *показывал* ей это письмо?

В этом случае говорят о конкуренции видов (ср. Bogusławski 1972), т. е. о сближении их значений. Однако НСВ результативное не полностью синонимично СВ: (1а) отличается по смыслу от (1б). Наша задача — описать смысловые различия между НСВ результативным и СВ.

Тот же вопрос можно поставить иначе: почему говорящий, имея возможность употребить глагол СВ, который обозначает достижение предела однозначно, иногда предпочитает ему глагол СВ, нормально вообще лишенный этого значения. Так, возвращая долг, человек может сказать:

- (2) Я на прошлой неделе у вас деньги *брала*.

Почему не сказать *взяла*?

В главе 3 мы различили три результативных значения НСВ — общефактическое экзистенциальное, общефактическое конкретное и акциональное — и охарактеризовали их по нескольким параметрам. Чтобы сопоставлять НСВ результативное с СВ, полезно представить толкование СВ в том же формате. А именно, мы будем исходить из толкования для СВ, которое

* В основу данной главы положена статья: О так называемой конкуренции совершенного и несовершенного вида в русском языке. — Wiener Slawistischer Almanach, 31 (1993), 259–273. В разделе 4 использован материал статьи: Факт и общефактическое значение несовершенного вида, Festschrift V. Ju. Rozenzweig — Wiener Slawistischer Almanach, Sbd. 33, 1992, 63–71.

включает шесть семантических компонентов (см. Падучева 1989а). Каждый компонент имеет название — "ярлык" — и экспликацию. Мы продемонстрируем это толкование на примере.

Я открыл окно =

- 1) "деятельность": 'В некоторый момент t я открывал окно (поскольку решил его открыть или должен был открыть или ожидалось, что буду открывать и т. п.)' [презумпция]¹;
- 2) "достижение предела": 'в некоторый момент $t_f > t$ наступило итоговое состояние 'Окно открыто' [ассерция]²;
- 3) "перфектность": 'итоговое состояние сохраняется в момент наблюдения' [неустойчивый компонент];
- 4) "единичность": 'ситуация имела место один раз' [следствие компонентов 1, 2];
- 5) "временная определенность": 'момент наступления итогового состояния t_f является определенным — он фиксирован в контексте высказывания' [неустойчивый компонент];
- 6) "ретроспективная точка отсчета" [следствие компонентов 1, 2 и 3].

2. НСВ результативное vs. СВ

НСВ результативное отличается от СВ по нескольким параметрам. Мы представим дело таким образом, чтобы все существенные семантические отличия НСВ от СВ либо соответствовали какому-то из компонентов значения СВ, либо вытекали как следствие одного или нескольких компонентов. Они же являются компонентами, по которым в главе 3 были охарактеризованы результативные значения НСВ.

Коммуникативное членение. У НСВ результативного ассертивным является компонент 1 "деятельность", с экзистенциальным членением. Соответственно, сферу действия отрицания в предложении с НСВ общефактическим составляет оператор ИМЕЕТ МЕСТО, так что отрицанию подвергается вся пропозиция в целом. Общий вопрос воздействует на смысл пропозиции так же, как отрицание. В самом деле,

$$P? = 'P \vee \neg P?'$$

так что общему вопросу тоже подвергается целиком вся пропозиция.

У глагола СВ сферой действия отрицания является только компонент 2 "достижение предела" (ассертивный): компонент 1 "деятельность" составляет презумпцию, которая не подвергается отрицанию, а следовательно, и общему вопросу. А между тем, именно деятельность — прежде всего, ее начало — связана с презумпциями разного рода (о намерениях субъекта, ожиданиях, долженствованиях) и с прочими подготовительными

¹ Компонент 1 имеет предварительное условие, которое, впрочем, в дальнейшем не эксплуатируется: 'В некоторый момент, предшествующий t , окно не было открыто' [предварительное условие компонента 1]. У моментальных (т. е. непредельных) глаголов типа *упасть, ошибиться, рухнуть* компонент 1 отсутствует или является гетерогенным.

² Компоненты 1 и 2 в своей совокупности, очевидно, соответствуют тому, что традиционно называется "неделимая целостность" действия.

фазами ситуации. Все эти фоновые компоненты остаются при отрицании глагола СВ в неотрицаемом виде. В случае НСВ этих неотрицаемых презумпций и предпосылок не остается: у глагола НСВ сферу действия отрицания и общего вопроса составляет оператор ИМЕЕТ МЕСТО, который обеспечивает отрицание всей ситуации в целом. Это дает объяснение примерам с (1) по (11).

- (1) а. Такси *вызывали* / ?
б. Вы *вызвали* / такси?

Вопрос (1а) означает: ‘имело или не имело место действие?’. А (1б) подразумевает ‘ожидалось, что вы вызовете такси’; т. е. подвергается вопросу только достижение предела: долженствование (или ожидание) остается вне сферы действия вопроса. Вопрос в СВ уместен со стороны родственника; а в НСВ — из бюро заказов. Ср. *Новгород заказывали?* и *Вы заказали разговор с Новгородом?* Аналогично с отрицанием:

- (2) а. Я *не вызывал* такси; б. Я *не вызвал* такси.
(3) а. Он *не кричал*; б. Он *не крикнул*.

Другие примеры:

- (4) а. Этот фильм *показывали* по телевизору?
б. Этот фильм *показали* по телевизору?

В (4а) чистый вопрос: ‘показывали или не показывали?’; между тем (4б) предполагает какую-то напряженность, предшествовавшую показу; например, такой вопрос уместен, если этот фильм вот уже в течение какого-то времени должны показать и почему-то не показывают.

- (5) а. Ты ей *писал*? б. Ты ей *написал*?

Фраза (5б) содержит идею ‘ожидалось, что напишешь’, которой нет в (5а).

Интересный параметр контекста, релевантный для НСВ общефактического, рассматривается в Charut 1990: у действия может быть естественный предельный срок исполнения (deadline), после которого оно теряет смысл. Например, посылать приглашение на свадьбу не имеет смысла после свадьбы; поэтому вопрос (6б), с глаголом СВ, уместен только до свадьбы, когда еще не поздно выполнить это действие, тогда как (6а) не зависит от времени:

- (6) а. Ты *посылал* ей приглашение на свадьбу?
б. Ты *послал* ей приглашение на свадьбу?

Из различий в членении лексического значения на ассерцию и презумпцию возникает различное взаимодействие СВ и НСВ с обстоятельствами времени. В контексте глагола НСВ обстоятельство времени указывает время, когда происходил процесс, а в контексте глагола СВ — время, когда был достигнут результат:

- (7) а. Мы *обедали* в два часа (либо ‘начали в два часа’, либо интервал вокруг двух часов — это время, занятое обедом);
б. Мы *пообедали* в два часа (‘кончили’; обстоятельство времени взаимодействует с ассертивным компонентом и потому указывает время завершения действия);
(8) а. Они *спускались* с горы в полночь.
б. Они *спустились* с горы в полночь.

Различием в актуальном членении лексического значения можно объяснить и пример (9):

- (9) а. Университета Бернард Шоу *не кончал* (= 'не учился вообще');
 б. Университета Бернард Шоу *не кончил* (= 'не кончил, поступив').

Откуда же берется компонент 'ожидалось', 'собирался' в значении СВ под отрицанием? Дело в том, что действие делится на фазы, причем намерение — это одна из фаз, наряду с началом, продолжением, завершением и итоговым состоянием. В СВ акцент на завершении действия. Тем самым, намерение, как и начальная фаза действия, остаются вне сферы действия отрицания, а также и вопроса (ср. замечания по этому поводу в Leinonen 1982).

Следует подчеркнуть, что значение ожидания возникает у СВ только в контексте отрицания или общего вопроса (причем в общем вопросе — как следствие имплицитно содержащегося в нем отрицания). В утвердительном контексте компонент ожидания в семантике СВ не выделяется, ср. *Я вызвал такси* и *Я вызывал такси*. Компонент ожидания не возникает и у глагола с неактивным субъектом, ср. *Река не замерзла* и *Река не замерзала*. Вообще, это различие может подавляться контекстом. Так, нет различий по ожиданию в примере

- (10) а. Интересно, директор *выступал*?
 б. Интересно, директор *выступил*?

В примере (11), с глаголом НСВ в акциональном значении, противопоставление тоже обусловлено контекстом отрицания — скрытого. А именно, (11а) ≈ 'Я же тебя не перебивал!', а (11б) ≈ 'Я тебя не перебил?':

- (11) а. Я тебя *перебивал*? (нарочно);
 б. Я тебя *перебил*? (нечаянно).

Это противопоставление имеет такую же природу, как и то, которое описано в Булыгина 1980 для императивов: НСВ обозначает контролируемое действие (ср. *Не перебивай!*), а СВ — неконтролируемое (*Не перебей!*). Отрицание намерения требует глагола НСВ: отрицание СВ может касаться только результата, быть может, не имевшегося в виду агенсом.

Итак, семантическое противопоставление во всех рассматривавшихся примерах сводится к тому, что в контексте отрицания и общего вопроса глагол в НСВ общефактическом не несет никаких презумпций и предположений, связанных с совершением данного действия; между тем, глагол СВ может иметь коннотацию 'X должен был совершить данное действие' или 'Ожидалось, что X совершит данное действие'.

О том, что СВ, в противоположность НСВ, может выражать ожидаемое действие, см. Рассудова 1968, Чапут 1990.

Внимание на процессе осуществления действия — это главный стимул для предпочтения НСВ перед СВ. Противопоставление формы НСВ акциональной форме СВ состоит в том, что СВ направляет внимание на результат действия. Используя общепринятые термины теории актуального членения, можно сказать, что при НСВ акциональном процесс осуществления действия составляет тему высказывания, а достижение предела —

это всего лишь подразумеваемый компонент. Между тем в семантике СВ достижение предела является ассертивным компонентом, а деятельность имеет статус презумпции. Пример:

- (12) а. Статья подписана "Иван Петров", и я знаю, что ты сам\ ее *написал* (= 'ты ее подлинный автор');
 б. Статья подписана "Иван Петров", и я знаю, что на этот раз ты ее *писал* сам\ (= 'ты написал ее самостоятельно').

В (12а) речь идет об авторстве статьи, которая является результатом действия, а в (12б) темой является сам процесс написания статьи.

Семантический компонент "переключение внимания на процесс" объясняет предпочтение НСВ акционального перед СВ в контексте обстоятельства цели — цель есть только у процесса: результат имеет уже не цель, а причину. Этим объясняется НСВ в примерах:

- (13) Я за сырки *выбивала*, а они кончились (= 'я выбивала чек, имея цель купить сырки');
 Голова разламывается. Я даже аспирин\ *принимала*.
 Зачем ты *надевал* новые брюки? (ср. Почему *надел*?).

Вопрос "Почему?" требует СВ там, где вопрос "Зачем?" предпочитает глагол несовершенного вида.

Глагол НСВ часто употребляется в контексте, когда вопрос служит для оформления косвенного речевого акта упрёка:

- (14) Зачем ты *покупал* эту пластинку?
 Для чего ты *брал* у него словарь? [Адресат держит словарь в руках]
 Вы\ *клали* эту книгу в мой ящик?

Это закономерно, поскольку переключение внимания на деятельность позволяет сосредоточиться на ее мотивах и оценках.

Статус результативного компонента. Компонент "результативность" ("достижение предела") имеет в семантике НСВ результативного и СВ разное происхождение. У глагола СВ это главный — ассертивный — компонент в толковании его грамматической формы. У НСВ это может быть импликатура или следствие, вытекающее, в определенном контексте, из лексического значения глагола. Поэтому глагол СВ однозначно понимается в результативном значении, а для глагола НСВ (во многих случаях) результативное понимание — лишь одно из возможных:

- Кто *строил* этот завод? (результативность зависит от контекста)
 Кто *построил* этот завод? ('завод построен или был построен', результативность входит в значение видовой формы).

Разобщенность действия с моментом речи. СВ выражает перфектность: 'итоговое состояние длится в момент речи'; НСВ (общефактическое) выражает "разобщенность": 'итоговое состояние не сохранилось в момент речи'. Разобщенность — это отрицание перфектности. Примеры.

- (1) а. Мне *предлагали* написать на нее рецензию (скорее всего, в настоящий момент я уже отказался);
 б. Мне *предложили* написать на нее рецензию (сейчас я обдумываю предложение).

В самом деле, тот, кто мне что-то предлагает, тем самым погружает меня в состояние, когда я думаю, согласиться или отказаться; т. е. состояние выбора является итоговым для ситуации предложения.

Перфектность и следствие факта могут быть эквивалентны, как в (2а), но не всегда, ср. (2б):

- (2) а. < — Почему ты вчера не пришел ?>
 — А разве мы с тобой *успевали* (или: *условились*)?
 б. < — Давай встретимся завтра в три.>
 — Хорошо. Значит, мы с тобой *условились*?

Нельзя сказать **Значит, мы с тобой успевали*? Как договор на будущее годится только длящегося итоговое состояние, выражаемое глаголом СВ, но не следствие из факта, выражаемое глаголом НСВ.

Кратность. НСВ выражает потенциально кратное событие, СВ — единичное:

- (1) а. Я *пробовал* спаржу (= 'по крайней мере один раз');
 б. Я *попробовал* спаржу (= 'один раз').
 (2) а. Я ему об этом *писал*;
 б. Я ему об этом *написал*.
 (3) а. В понедельник он *не приезжал*;
 б. В понедельник он *не приехал*.

В примере (3а) глагол НСВ обозначает единичное событие; но оно рассматривается на фоне возможного повторения: речь идет о человеке, который достаточно регулярно приезжает и уезжает, а не, скажем, о человеке, который возвращается из дальних мест; так, в (4) НСВ неуместен:

- (4) а. *В понедельник он *не возвращался* из отпуска;
 б. В понедельник он *не вернулся* из отпуска.

Неопределенность времени завершения. СВ выражает определенность времени завершения процесса и наступления итогового состояния, НСВ — неопределенность.

Компонент "определенность" в толковании СВ связан с компонентами "перфектность" и "единичность". Компонент "неопределенность" в толковании НСВ — с тем, что само завершение процесса находится в семантике НСВ "не в фокусе". Примеры:

- (1) а. Ты читал "Капитанскую дочку"? ('когда-нибудь');
 б. Ты прочел "Капитанскую дочку"? ('к сегодняшнему дню').

В примере (2) предпочтителен СВ, поскольку вторая половина фразы содержит скрытую отсылку к моменту завершения действия, упомянутому в первой, и, следовательно, определенному; так что *теперь* = 'после того как попробовал':

- (2) Я один раз *попробовал* китайскую водку и *теперь* никогда ее не пью.

В контексте (2) НСВ *пробовал* невозможно, хотя вне этого контекста — более чем нормально: *Я один раз пробовал китайскую водку*.

3. НСВ результативное и частицы

Пробным камнем для толкования служит семантическое взаимодействие описываемой языковой единицы с частицами. НСВ результативное и СВ различаются по тому, как они осуществляют коммуникативное членение лексического значения глагола: у СВ ассертивным является только компонент достижения предела, тогда как у НСВ в фокусе находится оператор ИМЕЕТ МЕСТО и процессный фрагмент ситуации. Поэтому НСВ результативное и СВ по-разному взаимодействуют со многими операторами, чувствительными к противопоставлению ассерция/презумпция. Это было видно в разделе 2 при анализе вопроса и отрицания. Теперь мы обратимся к частицам.

Из коммуникативного различия между результативным НСВ и СВ вытекают многочисленные семантические следствия. Формы СВ и НСВ, попадая в сферу действия тех или иных операторов, взаимодействуют с ними по-разному, однако по общим законам взаимодействия с ассертивными и презумптивными компонентами толкования. Мы рассмотрим взаимодействие НСВ общефактического с частицей *уже*.

В контексте СВ частица *уже* имеет либо временное значение и взаимодействует с моментом наступления итогового состояния, как в (1), либо значение долженствования (ср. Падучева 1977: 109), как в (2):

- (1) Так ты уже пришел? [*уже* P = 'P наступило раньше, чем ожидалось'];
- (2) Ребенок уже уснул? [*уже* P = 'P должно было наступить и наступило'].

В контексте НСВ общефактического *уже* взаимодействует с числовым компонентом толкования НСВ — 'ситуация имела место по крайней мере один раз' и выражает (или дублирует выраженную контекстом) идею о том, что сейчас данная ситуация возникла или может возникнуть еще раз (поэтому существенно, чтобы глагол НСВ обозначал ситуацию, которая может повторяться — потенциально кратную):

уже P = 'ситуация P наступала в какой-то предшествующий момент [смысл предложения без *уже*], а сейчас *наступила* — или может *наступить* — еще раз' [собственный смысл *уже*].

Отсюда осмысленность диалога (3а), в противоположность (3б):

- (3) а. — Купи ребенку заводную машину! — Машину я ему *уже* покупал;
- б. — Купи эту книгу! — Эту книгу я *уже* покупал.

Допустимость ответа в НСВ на предложение (а) объясняется тем, что ситуация покупки заводной машины мыслится как потенциально кратная. Между тем одну и ту же книгу покупать в подарок несколько раз противостоит естественно. Ответ с глаголом НСВ на предложение (б) допустим ровно в той мере, в какой говорящий в принципе допускает возможность многократной покупки одной и той же книги. Пример того же типа (из Forsyth 1970, но с иной интерпретацией):

- (4) — Напишите нам о староверах.
- О староверах я *уже* писал.

Если сказать *написал*, получится, что написать во второй раз нельзя; возникает идея единственной возможности. Между тем *писал* этой идеи не содержит, и, выступая в качестве возражения, является более слабым аргументом: отказ написать мотивируется тем, что ‘не хочу писать еще раз’, а не тем, что ‘еще раз — невозможно’. В диалоге (5) ответ в НСВ уместен и означает ‘Вы отсылаете меня во второй раз’, т. е. ‘Ваше сообщение не информативно’; а ответ в СВ неуместен, поскольку не содержит разумной реакции на сказанное:

- (5) — Обратитесь к Пантюхиной!
— Меня к ней уже *отсылали* (ср. **уже отослали*).

Смысл ‘ситуация сейчас наступила (или может наступить) еще раз’ либо выражен в контексте и дублируется частицей, либо выражен только частицей, ср. (6):

- (6) а. Этот тип *уже приходил* (уместно в том случае, если сейчас он снова пришел; *уже* означает, что он сейчас пришел не в первый раз);
б. Этот тип *уже пришел* (либо ‘пришел раньше, чем ожидалось’, либо ‘ожидалось, что он придет, и он пришел’).

Таким образом, *уже* в контексте НСВ общезначимого означает ‘один раз было, а сейчас — еще раз’, в контексте, где речь идет о потенциально кратном действии. Впрочем, *уже* в (6а) допускает и обычное временное понимание — ‘приходил раньше, чем предполагалось’.

По общим правилам, *уже* взаимодействует с ассертивным компонентом значения: ‘ситуация имела место по крайней мере один раз раньше, следовательно сейчас она наступила/наступит еще раз’. Ср. еще пример из Рассудова 1968:

- (7) Деда этого *разбивал уже* паралич. Моргает он теперь неровно. (Ю. Казаков)

Первая фраза этого текста, взятая вне контекста второй, допускает понимание ‘когда-то раньше разбивал, а теперь разбил еще раз’ (и тогда фразовое ударение должно быть на *разбивал*). Однако в контексте второй фразы такое понимание затруднено: если деда в момент речи снова разбил паралич, то нелепо говорить о том, как он моргает. Надо было бы сказать: *Моргал он после этого неровно*. Остается понимание с обычным *уже* должествования — ‘дед такой старьй, что его уже разбивал паралич — как и должно быть в глубокой старости’.

В контексте реакции на предложение обнаруживается следующее коммуникативное различие между СВ и НСВ: *уже* в контексте СВ выражает реакцию согласия, а при НСВ воспринимается, скорее, как возражение; ср. две реакции на предложение *Надо проверить!*:

- (8) а. Я *уже проверил* (= ‘сделал действие, которое и Вы считаете нужным сделать, притом еще раньше’; следовательно, согласен, что его нужно сделать);
б. Я *уже проверял* (= ‘то, что Вы считаете нужным сделать, я сделал еще раньше, причем без желаемого эффекта; поэтому Ваш совет бьет мимо цели’).

Дело в том, что при СВ намерение не попадает в сферу действия *уже* (так же как в сферу действия отрицания). Поэтому в ответной реплике остается компонент ‘Я хотел проверить’, т. е. ‘Я тоже хотел проверить’.

Итак, наш анализ показывает, что глагол НСВ, употребляясь в результативном значении, практически никогда не совпадает по смыслу с глаголом СВ. Противопоставленность СВ и НСВ определяется целым рядом семантических компонентов, роль которых может ослабляться или усиливаться прагматическим контекстом.

4. Общефактическое значение и факт

В известной статье Вендлера о причинных отношениях (Vendler 1967b) главный тезис автора состоит в том, что причиной события является факт: “причины — это скорее не события, а факты” (с. 705). Например, во фразе

(1) Причиной пожара было повреждение изоляции,

утверждает Вендлер, именная группа *повреждение изоляции* не обозначает события (или состояния), а соотносится с фактом.

Аргументы Вендлера известны: причины, в отличие от событий, не происходят, не начинаются (в определенное время) и не кончаются, не длятся; их нельзя наблюдать, они не бывают быстрыми и медленными, внезапными и продолжительными и т. д. В то же время, причины, как и факты, могут быть известны и неизвестны; правдоподобны и маловероятны, причину, как и факт, можно утаить и опубликовать.

В книге Михаила Ромма “Устные рассказы” (М.: Киноцентр, 1989) есть эпизод, когда Хрущев на встрече с деятелями искусства убеждает их в том, что антисемитизма у нас в стране нет и быть не может: “Вот я вам приведу в доказательство пример: знаете ли вы, кто взял в плен Паулюса? Еврей, полковник-еврей. Факт неопубликованный, но факт”.

Понятие факта широко используется в современной лингвистической семантике (см., например, Арутюнова 1988), но противопоставление факта и события (процесса) рассматривается обычно только в связи с анализом номинализованных конструкций — когда пропозиция оказывается актантом некоторого предиката или оператора, т. е. играет в предложении роль дополнения

(2) Он отрицает, что участвовал в этом сборище
или подлежащего:

(3) То, что он участвовал в этом сборище, меня удивило.

В самом деле, из глаголов с пропозициональным актантом у одних этот пропозициональный актант обозначает процесс, событие, состояние или какой-то иной тип ситуации, а у других он выражает факт. У ментальных глаголов (*знать, доказать, установить, прийти к заключению* и под.) их пропозициональное дополнение выражает факт. Так, *знать* — в смысле ‘знать, что’ — человек может только факты, а не события или процессы. Между тем глаголы восприятия устроены иначе; *видеть*, например, можно только процесс, а не факт:

(4) Я вижу, как она переходит улицу = ‘Я воспринимаю процесс’.

Если сказать:

(5) Я вижу, Джона здесь нет (пример из Wierzbicka 1969),

глагол *видеть* приобретает значение ментального предиката: *я вижу* = 'из того, что я вижу, я заключаю, что'. Только факт может о чем-то свидетельствовать, чем-то объясняться, обосновываться, что-то означать, на что-то указывать, чему-то противоречить и т. д.

Противопоставление актантов-фактов и актантов-ситуаций допускает, например, глагол *помнить* (Зализняк 1990): можно помнить, с одной стороны, как происходил какой-то процесс

(6) Я помню, как мы купались в Москве-реке

и, с другой стороны, помнить о том, что имел место некоторый факт:

(7) Я точно помню, что мы тогда купались.

Роль союзов *что* и *как* в выражении противопоставления фактов и процессов отмечена в Арутюнова 1988.

Главное содержание противопоставления фактов процессам и событиям — там, где оно возможно, т. е. там, где существуют минимальные пары, — состоит в том, что факт означает акцент на 'имел/не имел место': *помню, что купались* = 'помню, что купанье имело место'. Если же прилагательное обозначает ситуацию, то говорящий может обращаться к самым разным аспектам этой ситуации; поэтому *помню, как купались* = 'помню различные обстоятельства, связанные с процессом купания', поскольку помню саму ситуацию.

Разумеется, сказанное не означает, что факт всегда имеет такую структуру: оператор ИМЕЕТ МЕСТО позволяет построить пропозицию, выражающую факт, из пропозиции, которая способна называть событие или процесс (предложение свести семантику противопоставления фактов событиям и процессам к наличию/отсутствию в пропозиции оператора ИМЕЕТ МЕСТО содержится в работе Падучева 1986б). В то же время, есть такие пропозиции, которые только и могут, что выражать факты, т. е. способны употребляться только в контексте фактивных предикатов-контейнеров. Таковы, например, пропозиции со значением идентификации (см. Арутюнова 1988). О том, например, что убийцей Авраама Линкольна был Джон Бут, можно знать или не знать, помнить или забыть, но этот факт нельзя охарактеризовать с точки зрения времени или места: пропозицию 'Убийца Линкольна — Джон Бут' нельзя употребить в контексте пространственных или временных локализаторов, хотя соответствующее этому факту событие бесспорно имело и место и время.

Мы покажем, что толкование общефактического значения НСВ требует обращения к понятию факта в том самом значении, которое имеет в виду Вендлер, т. е. факта в противоположность событиям и процессам.

В толкованиях общефактического значения НСВ вызывает разногласия семантический компонент "разобщенность действия с моментом речи". Во многих контекстах имеется отчетливое семантическое противопоставление, связанное с употреблением совершенного и несовершенного вида для обозначения ситуации, достигшей предела: СВ имеет перфектное зна-

чение — "итоговое состояние ситуации длится в момент речи"; а НСВ употребляется тогда, когда итоговое состояние того перехода, который необходимо связан с семантикой СВ, не сохранилось или перестало быть актуальным к моменту речи.

В то же время, имеются примеры употребления НСВ общефактического, на первый взгляд противоречащие признаку "разобщенность":

(8) — Вы *обедали*? А то у меня борщ вкусный!

(9) — Хотите борща?— Спасибо, я *обедал*.

(10) Должна \ быть у вас моя карточка. Я *записывался* (пример из Leinonen 1982).

В самом деле, человек, который задает вопрос (8), интересуется, казалось бы, именно сохранением результата — спрашивающему важно не столько 'обедал или не обедал', сколько 'хочет или не хочет есть'; т. е. его интересует состояние, которое обычно наступает в результате обеда, и если бы при этом форма НСВ предполагала, что итоговое состояние прекратилось, вопрос был бы бессмыслен. Аналогично в (10): казалось бы, действие 'записывался' упоминается ровно потому, что его результат должен сохраниться в момент речи; как же быть с "разобщенностью"?

На самом деле, однако, примеры типа (8)–(10) должны интерпретироваться совершенно иначе: в (10) уверенность в наличии карточки возникает у говорящего как следствие из факта осуществления им некоторого действия — как следствие того, что действие имело место; в (9) нынешнее состояние гостя — 'хочет/не хочет есть' — рассматривается спрашивающим как следствие факта совершения действия (факта обеда); в (9) отказ мотивируется ссылкой не на то, что еще длится итоговое состояние действия (т. е. не на свое ощущение сытости), а, строго говоря, на то, что имел место факт обеда. В принципе, человек может отказаться от борща даже и не выясняя своего нынешнего состояния, на основе чисто ментальных манипуляций с информацией о том, что его сегодняшний обед уже имел место.

Таким образом, во всех этих примерах именно факт осуществления действия дает основание говорящему считать, что некоторая другая интересующая его ситуация тоже имеет место или некоторое другое действие может или не может быть выполнено. Связь между предложениями основана на том, что второе (по времени) действие является следствием факта совершения первого, а не на том, что оно происходит или должно произойти в тот момент, когда еще длится итоговое состояние первого действия: связь между предложениями не временная, а логическая, а именно, каузальная.

Каузальная связь ошутима и в другом примере:

(11) Я уверен, что возмутительное сообщение ТАСС о митинге 4 февраля кто-то и где-то *редактировал* \ = 'сообщение кто-то отредактировал, ПОЭТОМУ оно и стало возмутительным'.

Примеры (8)–(11) позволяют отвергнуть предположение о том, что в значении НСВ общефактического якобы может возникать компонент "перфектность", свойственный противоположному виду: речь идет не о со-

хранении итогового состояния, а о последствиях (*environmental effects* по Leinonen 1982: 239) самого факта совершения действия.

Итак, фактивная семантика НСВ общефактического предопределяет структуру связей, в которые входит эта форма в тексте: эти связи носят каузальный характер. Типичная структура рассуждения с НСВ общефактическим такова: 'Я знаю этот факт, и это дает мне основание сделать заключение о том, что должен иметь место другой факт'; так, (10) = 'должна быть моя карточка, потому что я записывался'.

Имеется другой тип текстовых связей, характерных для НСВ общефактического. Он может быть продемонстрирован на примере известной песни:

- (12) Меня *благодарили* власти, жал руку прокурор,
А после посадили под усиленный надзор.

Здесь союз *а*, как обычно, выражает противоречие. Употребление видов показывает, что говорящий хочет подчеркнуть несообразность факта осуществления "ими" некоторых положительных действий с отрицательным последствием: власти *благодарили* — или *поблагодарили*; прокурор *жал* — или *пожал* — руку, причем несущественно, один раз или много; несуществен момент, когда это происходило; дело в том, что этот факт вступает в противоречие с последующим событием 'посадили под усиленный надзор'. Если заменить НСВ на СВ, то между первой группой событий и последним возникнет временная связь, т. е. события окажутся в отношении временной преемственности. Между тем в исходном тексте главным для рассказчика является логическое противоречие. Ср. еще пример:

- (13) а. Мой дядя *восходил* на Эверест, может и на эту гору взойти.
б. Мой дядя *взошел* на гору и не может с нее сойти.

При НСВ общефактическом отношения между предложениями в тексте причинно-следственные, а при СВ — временные.

Особая роль НСВ общефактического в тексте (вытекающая именно из его фактичности в том смысле, о котором шла речь) отмечена в Бондарко 1971: 85. Как пишет А. В. Бондарко, одним из назначений НСВ общефактического является "констатация факта в прошлом (в частности, служащая подтверждением какого-то высказывания или связанная с окружающим контекстом противительными отношениями)". В самом деле, противоречат друг другу, конечно, факты, а не события: "События не могут вступать в противоречие друг с другом. Контрадикторность <...> — удел пропозиций" (Арутюнова 1988: 185).

Логический тип текстовых связей характерен именно для НСВ общефактического. При акциональном значении НСВ развитие текста может идти по линии побочных обстоятельств процесса, ср.:

- (14) Я с ней *беседовал*. До чего хороша собой!
(15) Кто *открывал* окно? Здесь лежали мои бумаги (пример из Рассудова 1968).

То, что фактивный компонент значения НСВ результативного проявляется самым наглядным образом в текстовых связях, вовсе не случайно. Дело в том, что для единичного высказывания безразлично, трактовать ли его как сообщение о том, что произошло событие, или о том, что имеет

место факт. То же самое известно о противопоставлении фактов и событий в номинализированных конструкциях, ср. следующий пример:

(16) <Директор пришел в институт>.

а. Это нас насторожило.

б. Это было во вторник.

Во фразе (а) контекст заставляет понять местоимение *это* как ‘этот факт’, в (б) — как ‘это событие’. А предложение-антецедент противопоставления “факт vs. событие” вообще не выражает. Противопоставление фактов событиям яснее всего проявляется в подчинительном контексте — или, как было показано выше, в текстовых связях.

Глава 5

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА ИМПЕРАТИВА*

Считается общепризнанным, что семантика вида зависит от набора других граммем в составе данной глагольной формы — от времени, а также от наклонения: вид в императиве функционирует иначе, чем в индикативе. Речь идет только об НСВ, поскольку только НСВ действительно имеет в императиве особые функции: значение форм СВ в императиве практически то же, что в изъявительном наклонении.

В существующих описаниях норм употребления НСВ в императиве (ср. особенно Рассудова 1968, Culioli, Paillard 1987) главное внимание уделяется прагматике видового противопоставления — типам речевых актов, в составе которых выступает та или иная видовая форма; в Грамматике 1980 отмечается зависимость выбора формы вида от степени категоричности, вежливости, экспрессивности побудительного высказывания и т. п. В самом деле, это то, что в первую очередь бросается в глаза: вежливо сказать *Садитесь, пожалуйста!* — в НСВ, но *Встаньте, пожалуйста!* <сстула> — в СВ; *Вставайте!* звучит грубо. В то же время, обращаясь к человеку, который лежит в постели, вполне вежливо сказать *Вставайте!*

Представляется, что начинать надо не с речевых актов, а с семантики. Мы покажем, что у НСВ императива имеются семантические компоненты, которые позволяют предсказать возможности употребления этой формы в тех или иных типах речевых актов. При этом окажется, что отличие собственно видового значения НСВ в императиве от индикативного не так уж велико.

* Опубликовано в кн.: Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика. М.: Наука, 1992, с. 36-55. Примеры взяты преимущественно из пьес Вампилова “Утиная охота”, “Прошлым летом в Чулимске” и др., а также из пьесы Платонова “Четырнадцать красных избушек”. Автор благодарит М. В. Филипенко за помощь в подборе примеров.

Несколько предварительных замечаний

1. Не рассматриваются отрицательные императивы, в которых вид имеет особую семантику, достаточно хорошо описанную, см., например, Forsyth 1970, Булыгина 1980.

2. Рассматриваются, в основном, такие употребления императива, которые составляют разновидности побуждения к действию, а не такие, как *Выздоровливайте!*, *Поправляйтесь!*, где глагол обозначает неконтролируемое состояние, а не действие. Такие соотношения, как *Радуйтесь!*, но **Обрадуйтесь!*; *Стыдитесь!*, но **Стесняйтесь!* (в значении 'Хоть бы постеснялись'); *Посочувствуй!*, но **Сочувствуй!* и т. п. не будут предметом нашего внимания: разновидности речевых актов, выражаемых императивом с участием грамматического вида, необычайно разнообразны (ср. Булыгина, Шмелев 1989); так что и те речевые акты, которые относятся к классу побуждений к действию, составляют достаточно обширную область исследования.

3. После работы Ю. С. Маслова (1948) нельзя обойтись, говоря о семантике вида, без различения аспектуально релевантных лексических классов глаголов. В частности, естественно различать парные глаголы (т. е. входящие в видовые пары) и непарные, причем среди парных выделяется подкласс предельных глаголов, типа *закрывать—закрывать*, с семантически стандартным видовым противопоставлением: СВ обозначает событие, а НСВ — ведущий к нему процесс (который расчленяется на фазы), и несколько подклассов с нестандартным противопоставлением, например, глаголы типа *обещать—пообещать*, которые не допускают безрезультатной попытки, или типа *приходить—прийти*, у которых НСВ не имеет основного для этой формы актуально-длительного значения. Поскольку наша задача состоит в установлении правил выбора видов, то основной объект рассмотрения составляют, естественно, парные глаголы. Однако для непарных НСВ все утверждения сохраняют свою силу (быть может, с какими-то тривиальными поправками), а вот парные глаголы с семантически нестандартным противопоставлением часто требуют существенных оговорок, см. раздел 5.

Перечислим значения, общие у НСВ императива с индикативом.

1. **Актуально-длительное** (действие "продолжается" в некоторый момент или на некотором незаконченном интервале):

- а. *Говорите, говорите!* Вы мне несколько не мешаете (\approx 'продолжайте говорить');
- б. *Сидите, сидите!* (\approx 'продолжайте сидеть'; т. е. 'не вставайте');
- в. *Работайте*, я не буду вам мешать;
- г. Ну хорошо. *Сиди* тут, а я скоро приду;
- д. *Жди* меня в 7 часов у Главпочтамта;
- е. *Проходите!* [в ситуации, когда человек движется в толпе и, замешкавшись, остановился].

Как видно из этих примеров, реализация актуально-длительного значения в императиве требует основательной контекстной поддержки.

2. **Континуальное**, т. е. неактуальное длительное (в контексте глаголов, обозначающих деятельность, род занятий или устойчивое состояние):

- а. Люби меня, детка, пока я на воле;
- б. А ты живи с нами до смерти в пастушьем колхозе (Платонов); из контекста ясно, что имеется в виду 'продолжай жить', хотя это могло бы означать и 'оставайся жить', т. е. 'начинай жить';
- в. Береги сестру!
- г. Храни его жизнь!
- д. Царствуй, лежа на боку.

3. Многократное (в том числе, узуальное):

- а. По утрам открывай окно;
- б. Обязательно покутай "Московские новости";
- в. Пишите рассказы, встречайте поезда дальнего следования, смейтесь, сочувствуйте страждущим;
- г. Когда пристает, кусай его!

Однако основным для НСВ в императиве является другое значение, ср. "типичные" императивы, такие как *Садись!*, *Бери!*, *Читай!*, *Закрывай!* Дальше речь будет идти только об этом основном значении НСВ императива. Оно складывается из трех компонентов.

1. Компонент "внимание на начальной фазе"

НСВ в императиве означает побуждение начать действие. Точнее говоря, эта форма сосредоточивает внимание на начальной фазе действия.

- (1) а. *Говорите!* Я вас слушаю [буквально, 'Начинайте говорить!'];
- б. Вы ко мне? *Проходите!*
- в. *Бери* весточку! (достает письмо) *Читай* теперь!
- г. Ладно уж, *давай* как поспокойнее. *Спускайся!* Сначала ты, а потом я.
- д. Ну-ну. *Действуй!* Мало ли что.
- е. — Дурак... Она тебя возненавидит.
— *Молчи*, мать, все будет в норме (*молчи* ≈ *замолчи*, 'начинай молчать').

Продолжай! означает, скорее всего, 'Начинай продолжать!' (после перерыва). Это значение НСВ не является актуально-длительным. В самом деле, актуально-длительное значение НСВ (в индикативе) фиксирует обычно не начальный, а некий "срединный" момент в развитии действия:

- (2) а. Как-то раз на пляже был такой случай. *Тонула* одна девица, я ее вытащил.
- б. Я видел вас на похоронах... *Хоронили* какого-то шофера, вы шли по улице Коминтерна часа в 4 дня.
- в. (смотрят семейный альбом) Твоя сестричка в ранней молодости. Вот. *Играет* в классики.

Характерное отличие императива от индикатива касается текстовых функций видовой формы. Форма НСВ в прош. времени без поддержки обстоятельства времени неспособна выразить идею начала действия, ср. пример (3), где для указания на начало длящегося действия использован вспомогательный начинательный глагол *стать*:

- (3) Пришел мужик в лес и *стал* рубить дрова (ср. *и рубил дрова).

Между тем в императиве НСВ может обозначать действие, которое начинается вслед за другим:

- (4) Вымой руки и *накрывай* на стол!

Итак, основное значение НСВ в императиве выделяет начальную фазу действия, и этим оно отличается от актуально-длительного, которое обозначает не начинающееся, а продолжающееся действие. Этот, казалось бы, несущественный фазовый сдвиг оказывается весьма не безобидным, поскольку он влияет на главный аспект семантики видового противопоставления — на признак “достижение предела”. Так, в примере (1а) *Говорите! Я вас слушаю* НСВ императива хотя и имеет прямой смысл ‘Начинайте говорить!’, но подразумевает, вообще говоря, что действие дойдет до своего естественного предела; т. е. на уровне имплицатур форма НСВ обозначает здесь действие в целом, приближаясь по значению к СВ. Таким образом, можно думать, что основное значение НСВ, которое реализуется в императиве, — это общефактическое, а не актуально-длительное, как в индикативе. Общефактическое значение обусловлено несинхронной точкой отсчета — ретроспективной или проспективной.

У разных глаголов достижение предела подразумевается с разной степенью определенности (так же, как и при общефактическом употреблении НСВ в прош. времени). Так, *Решай задачу!* не предполагает, что задача обязательно будет решена, хотя *Пишите заявление!* предполагает, вообще говоря, что заявление будет написано. *Выбирайте!* не означает, что выбор будет сделан, а *Хватайте ее!* ≈ ‘схватите’.

У глаголов с вероятной безуспешной попыткой компонент ‘Начинай!’ может превращаться в ‘Попытайся!’ или ‘Постарайся!’; ср. (4) и (5):

- (4) а. *Ловите ее!* (≈ ‘Попытайтесь поймать’).
 б. Я повторю, *запоминайте!* (≈ ‘Постарайтесь запомнить’).
 (5) Жил, понимаете, беззаботно, а? Ну вот, а теперь, будь любезен, *расплачивайся* за собственное легкомыслие! (≈ ‘расплатись’)

То, что в НСВ императива внимание сосредоточено на начале действия, доказывается поведением этой формы в контексте обстоятельства времени: если в побудительном предложении есть обстоятельство, которое задает момент окончания действия, то НСВ невозможен:

- (6) *Сделай (*делай)* эту работу к понедельнику! (пример из Рассудова 1968: 104)

В самом деле, обстоятельство времени естественно переключает внимание на момент окончания действия, и возникает противоречие с компонентом “внимание на начальной фазе”, который входит в семантику НСВ императива¹.

С другой стороны, примеры (7)–(9) показывают, что на каком-то подразумеваемом уровне НСВ обозначает действие, которое доходит до конца:

- (7) — Мне позвонить надо.
 — Ладно. *Звоните* и уходите отсюда [когда кончите звонить].
 (8) Сначала таблетки *глотай*, потом молока дам [когда проглотишь].
 (9) Зилон (по телефону). Кузаков? Хочешь получить мат? Тогда *иди*, пока у меня есть время [*иди* означает ‘приходи’; т. е. формальное побуждение касается начала действия, а подразумевается, что оно дойдет до конца].

¹ Исключение составляют “дейктические” глаголы, у которых лексически выраженная направленность на конечную точку одерживает верх над значением вида, ср. *Приходи к двум!*, *Возвращайся сегодня же!*

Внимание на начальной фазе действия подтверждается примером (10), где простой глагол заменяется далее, как на синоним, на соответствующий начинательный:

(10) – *Беги-ка* разыщи его! – Чего ради я *побегу*?

Многие пары, состоящие из простого и начинательного глагола, такие как *стой–постой*, *езжай–поезжай*, *пой–запевай*, *иди–пойди*, *спеши–поспеши*, *смотри–посмотри*, *гляди–погляди*, *торопись–поторопись*, находятся в отношении свободного варьирования. Императивы от начинательных глаголов *поплыть*, *побежать*, *поволочь*, *повести*, *понести*, *заговорить*, *зареветь*, *зарычать* и др. не употребляются, заменяясь на НСВ бесприставочного глагола.

Побуждение начать действие выражают в НСВ императива и непарные глаголы; т. е. и у непарных глаголов НСВ имеет в императиве не то значение, что в прош. или наст. времени:

(11) а. (подает бутылку) *Кушайте*, дедушка! [= ‘Начинайте кушать!’]

б. Ну ладно, Витька, *иди*, *занимайся*!

в. – *Думай* же скорее!

– Я уже думаю [судя по этой реплике, первая фраза была понята как ‘Скорее начинай думать!’]

г. *Спеши* организовать! [=‘поспеши!’]

д. *Мучайся* теперь одна!

е. Караульщик! *Слушай* меня отсюда!

Даже многократное значение НСВ может дополняться в императиве значением начинательности; так, в (12) *стреляй*, как следует из контекста, означает ‘стреляй узуально’ + ‘отныне’:

(12) – Ну что ты показываешь [маленькую птичку]? Он в такую (показывает обеими руками) не попадает.

– Витья, чтоб наверняка, *стреляй* по этим (провел пальцем по деревянным уткам).

Только у глаголов, обозначающих устойчивые состояния, достаточно часто возникает значение ‘Продолжай!’:

(13) – А что вас смущает? *Живите* на здоровье. Вам крупно повезло.

– *Живи* Семен, к-конечно! [= ‘Продолжай оставаться живым’] (Вампилов)

2. Компонент “немедленно”

Момент начала действия, к которому побуждает императив в НСВ, нормально совпадает с моментом речи; так, в примере (1а) из раздела 1 *Говорите!* значит ‘Говорите сейчас’. Таким образом, получается, что НСВ в императиве означает побуждение совершить действие немедленно (этот факт отмечен в Грамматике 1980).

Момент начала может переноситься и в некоторую более отдаленную точку в будущем, но только в том случае, если эта точка эксплицитно задана – каким-то другим действием или, реже, обстоятельством времени, как в примере (1б) ниже; т. е. здесь тоже “немедленно”, но относительно другой точки отсчета:

(1) а. Закройте свой номер и *идите* сюда! [когда закроете].

- б. В 9.15 *слушайте* рассказ Гайдара “Дым в лесу”.
 в. Вчера после обеда — бах! *Садись* в вагон, *поезжай!*

Замена НСВ на СВ, там, где она возможна, дает, вместо побуждения к немедленному действию, побуждение без временных ограничений:

- (2) а. *Говорите*, кто вы такой! [сейчас же].
 б. *Скажите* ей, кто вы такой! [вообще, когда-нибудь].
 (3) а. Я заболел. *Звони* брату!
 б. *Позвони* брату! Лучше всего завтра.
 (4) а. Пистоны ненадежные. *Меняй* их.
 б. Пистоны ненадежные. *Смени* их. Обязательно.

В примере (5) последняя реплика является реакцией именно на компонент “немедленно”:

- (5) — По всей колючей проволоке необходимо пустить электрический ток.
 — *Втыкай*, Антошка!
 — Антошка сам знает, когда что воткнуть нужно.

Значение “немедленно” не возникает только при глаголах, обозначающих не действия, а обобщенные деятельности, которые нормально разворачиваются на более крупных временных интервалах:

- (6) а. — *Уходи* от нас, дедушка! — Некуда, Суэнита.
 б. *Уходи* прочь. Я тебя сменяю.

В (6б) присутствует “немедленно”, а в (6а), где имеется в виду ‘уйди из колхоза на другое постоянное место жительства’, этого компонента нет. То же в примере (7):

- (7) *Поезжай* в деревню, *занимайся* землеустройством! (= ‘начинай заниматься, но не немедленно, а когда приедешь’).
 (8) — А где твоя лодка?
 — В сарае.
 — Значит я ... <могу взять ее>?
 — *Бери!*

Бери означает разрешение взять, но заведомо не немедленно, поскольку лодка находится в деревне, далеко от того места, где происходит разговор; ведь *бери* означает не просто передачу вещи, а передачу права собственности. Другие примеры:

- (9) а. Вам надо искать невесту, достойную вас. Увы, я вам не пара... — *Ищите* девушку.
 б. Дачу отдадите Клаве, а квартиру себе *берите*. Да *живите* дружно.
 в. Похорони меня, и *выходи* замуж... Ничего, *выходи*, пока не поздно.

3. Компонент “обусловленность действия ситуацией”

Форма НСВ императива означает побуждение совершить такое действие, которое обусловлено контекстом данного речевого акта, языковым или внеязыковым, т. е. действие, которое “нависает” над его исполнителем как само собой разумеющееся. Иными словами, употребляя императив в НСВ, говорящий мотивирует побуждение адресата к действию тем, что оно предопределено самой ситуацией.

Обусловленность может проявляться в предупоминании; ср.:

- (1) а. Выверните карманы! Ну живо! Что я вам говорю? *Выворачивайте!*
(пример из Грамматики 1980).
б. Зачем тебе уходить? *Оставайся!* [вторая фраза по смыслу дублирует первую, т. е. фактически не содержит новой для адресата информации].

Она может вытекать из контекста ситуации, в которой данное действие является ожидаемым со стороны данного лица:

- (2) а. *Берите* билет! [в контексте, когда студент пришел на экзамен и стоит перед столом экзаменатора];
б. *Выбирайте!* [в ситуации за прилавком магазина].

Она может быть результатом того или иного предварительного договора между участниками ситуации:

- (3) *Возьми* ребенка!
(4) Ну *бери* же у меня ребенка! [как мы договорились].

В примерах (5)–(9) противопоставление НСВ–СВ выражает противопоставление действия обусловленного и не обусловленного ситуацией:

- (5) а. *Выпейте* чай!
б. *Пейте* чай! [когда чай стоит на столе].
(6) а. *Расскажи*, как прошел экзамен!
б. Как прошел экзамен? *Рассказывай!* <предшествующий вопрос уже есть побуждение к рассказу> (пример из Рассудова 1968).
(7) а. *Выпишите* (*Выписывайте) мне чек!
б. Ну, я согласна. *Выписывайте!* [после уговоров].
(8) а. *Разденьтесь!* [в контексте, когда человек зашел случайно или на минуту предполагая что-то передать и сразу уйти].
б. *Раздевайтесь!* [в обращении к ожидаемому гостю].
(9) а. *Войдите!* [в ответ на стук в дверь].
б. *Входите!* [в ситуации, когда человек уже в дверях].

Признак “обусловленность действия ситуацией” семантически не вполне прозрачен; приведем поэтому еще ряд примеров:

- (10) а. *Знакомься*. Это вот Вадим Андреевич.
б. Зилов (на пороге). Вадим Андреевич! *Встречайте!*
в. Открой! Я тебя не трону. А этого друга, слышишь, я его убью. *Открывай!*
г. Чем ты занимаешься? *Отвечай*, бесстыдник! Говори, злодей!
д. Клава (пытается поднять). *Вставай*, мошенник!
е. — Закройте номер и возвращайтесь!
— Знаете, лучше с ним не связываться.
— Обойдется. Идите, *закрывайте*.
ж. (в трубку) Выясните, кто такой метранпаж... А точнее вы не могли узнать? Так какого же черта! *Выясняйте!* Немедленно!
з. — Я подписываю (расписывается).
— Гениально, но рискованно.
— Ерунда. Проскочит. Никто внимания не обратит. Кому это надо? *Подписывай!*
и. Сядь сюда! Ну сядь, я тебя прошу. Здесь. *Садись!* (усаживает ее силой).
к. Не стесняйся. Чего там! Продолжай! Расскажи, что там у тебя с ним... *Рассказывай!*
л. Хватит с ума сходить. *Собирайся* на охоту. *Обувайся!* *Одевай* рюкзак!

Показательны примеры, где побуждение не вытекает из контекста, и НСВ в императиве неестествен — нужно употребить СВ:

- (11) а. — *Закрой* окно!
 б. Хватит проветривать, *закрывай* окно!
- (12) а. *Поставь* ружье в угол!
 б. *Ставь* ружье в угол! [как обычно].
- (13) а. Суп готов. *Снимай!*
 б. *Сними* эти занавески. Они выгорели.
- (14) а. *Наклонись* ко мне, я тебе кое-что скажу.
 б. Ну, *наклоняйся* ко мне! Ср. также *Подвигайся!*, *Прислоняйся!* и пр.

Заведомый СВ — в том случае, если действие не только новое, но и неожиданное:

- (15) З и л о в (кого-то увидел). Стоп! *Сядь* сюда... (прячется).

Заметим, что предупоминание еще не обязательно делает действие само собой разумеющимся и обусловленным ситуацией; если, например, в предшествующем контексте речь идет о том, выполнялось или не выполнялось данное действие выполнять или не выполнять действие данному субъекту, то это как раз означает, что действие не обусловлено ситуацией, и НСВ в таком случае неуместен:

- (16) а. Вы в стол находок не обращались? Так *обратитесь!* (пример из Лобанова, Степанова 1973).
 б. — Расскажи! — Да не стоит. — Нет, *расскажи!*
 в. — Что это?
 — Сказать?
 — *Скажите*, Валерия.

Оценку действия как обусловленного ситуацией должны разделять оба участника речевого акта. Если действие само собой разумеется только говорящему, то действительная обусловленность действия контекстом может превращаться в навязывание говорящим своей воли в качестве очевидности, см. об этом в разделе 4.

Третий компонент имеет в семантической структуре НСВ императива иной статус, чем первый — “внимание на начальной фазе действия” — и второй — “совпадение начала с моментом речи”. Первый и второй — это компоненты собственно значения данной формы; если заменить в императиве НСВ на СВ, то эти значения просто останутся невыраженными. Ср.:

- (17) а. Садись и *читай!*
 б. Сядь и *прочти!* (нет компонента 1).
- (18) а. *Говори*, кто ты такой!
 б. *Скажи* ей, кто ты такой! (нет компонента 2).

Между тем третий компонент скорее задает условие уместного употребления НСВ в императиве; это требование, предъявляемое данной видовой формой к контексту: если это требование не соблюдено, употребление НСВ приведет к аномалии (или же произойдут те или иные переосмысления, как обычно бывает в тех случаях, когда буквальное понимание дает аномалию, см. раздел 4).

Следует подчеркнуть, что если в реальном контексте действие обусловлено ситуацией, то вовсе не обязательно, чтобы императив был в НСВ — говорящий может не захотеть выражать эту обусловленность. СВ в этом случае означает, что говорящий обосновывает свое побуждение, апеллируя к собственной нужде, желанию и проч., а не к внешней ситуации (см. раздел 4):

- (19) — Сегодня не выйдет.
 — Почему? *Скажи!* [можно также: *Говори!*, так как *Почему?* значит уже ‘Скажи, почему’].
- (20) — Я просто не успел тебя пригласить. Милости прошу... Всем будет очень приятно. *Запиши* адрес! [можно также: *Записывай адрес!*, так как приглашение включает сообщение адреса].
- (21) — Вам заказное. *Распишитесь!* [можно также: *Расписывайтесь!*].
- (22) Игрушки твои всюду разбросаны. *Убери!* (хотя можно: *Убирай!*).
- (23) — *Сдайте* домашние тетради! [можно также: *Сдавайте!*].

Возникает вопрос, как эти три компонента в семантике НСВ императива (“начальная фаза”, “немедленно” и “обусловленность”) связаны друг с другом — конъюнктивно или дизъюнктивно. Обычно в одном императиве присутствуют все три компонента значения:

- (24) *Корми их, Ксения!* =
- 1) ‘начинай кормить’
 - 2) ‘немедленно’
 - 3) ‘как это было заранее договорено или вытекает из общего положения вещей’.

Однако в зависимости от ситуации и от лексического класса глагола на первый план может выступать, при замене НСВ на СВ, то одно из этих трех противопоставлений, то другое, то третье. Так, в (25) главное различие между НСВ и СВ идет по линии компонента 1 — в буквальном смысле (25) означает ‘Начинай читать!’, а дохождение до конца даже не обязательно подразумевается; компонент 3 чувствуется слабо.

- (25) Садись сюда и *читай* вот этот рассказ.

Если глагол не обозначает действия, членимого на фазы и допускающего безуспешную попытку, то компонент 1 не реализуется, и в фокусе оказывается компонент 2 “немедленно”:

- (26) а. Когда узнаете, что такое метранпаж, *позвоните* в 210 номер.
 б. Как узнаешь, *звони* в 210 номер.
- (27) а. Антошка! *Бери* коня. *Скачи* в район к телефону — *кричи* в ГПУ на Каспийское море.
 б. Слушай, *возьми* моего мужика, *ступай* в мясной совхоз.

Только по отношению к употреблению типа (26), (27) справедливо замечание из Рассудова 1968: 106, что НСВ в императиве “не информирует второго участника, какое действие он должен совершить”, а всего лишь “дает сигнал к наступлению действия”, т. е. фиксирует момент его начала, как совпадающий с моментом речи.

Возможна и такая ситуация, когда главное различие между СВ и НСВ идет по линии компонента 3:

- (28) а. Что там? *Покажи!*
 б. Что там, *показывай!*

В самом деле, если глагол обозначает, по крайней мере в данном контексте, действие, которому, раз начавшись, естественно дойти до конца (т. е. не реализуется компонент 1), а из контекста и так ясно, что действие начнется немедленно (т. е. обесценивается компонент 2), то СВ и НСВ синонимичны с точностью до компонента 3 (и возникающих на его основе различий в типе речевого акта, см. раздел 4):

- (29) а. У нас есть лозунг “За здорового советского старика!” *Прочитайте!* (≈ *Читайте!*)
 б. — А ты знаешь нашу конституцию? — На память! Все пункты. *Спроси любой!* [≈ *Спрашивай любой!*]
 в. Уже рассвело. *Тушите лампу!* [≈ *Потушите лампу!*].

Чтобы действие, составляющее предмет побуждения, было “обусловлено ситуацией”, т. е. чтобы возник компонент 3, нужно, чтобы описание действия не содержало для адресата новой информации. Если в составе побудительного предложения имеются уточняющие дополнения или обстоятельства, которые заведомо вводят новую информацию, то действие в целом, со всеми своими атрибутами, не может быть обусловленным, и предпочтителен СВ (отсюда тот факт, что побудительные предложения в НСВ обычно короткие!):

- (30) — Хочешь кушать? Есть колбаса, масло.
 — Где?
 — *Возьми в избушке!* (ср. **Бери в избушке!*)

Однако НСВ императива все же не исключает наличия в предложении новой для адресата информации — например, если акцент падает на компонент 1, как в примере (25).

Поскольку действие, обозначаемое императивом в НСВ, должно быть обосновано ситуацией, побудительное предложение с НСВ обычно не содержит обоснований побуждения — наличие обоснования заставляет предпочесть СВ:

- (31) а. Что там? *Покажи, я умираю от любопытства!*
 б. Что там? *Показывай!*

Во фразе *Записывай скорее, я тороплюсь* обосновывается побуждение не к действию, а только к поспешности.

4. Иллокутивные функции НСВ в побудительных высказываниях

Теперь вернемся к вопросу о том, как выбор вида в императиве связан с типом выражаемого речевого акта. Некоторые из побудительных речевых актов предпочитают НСВ, другие — исключают. Можно показать, что эти импликации предопределены данной выше трехкомпонентной характеристикой НСВ императива (в основном работают компоненты 3 и 2).

В толкование всех побудительных речевых актов, предпочитающих НСВ, входит следующий семантический компонент: ‘Говорящий представляет действие, к которому он побуждает адресата, как само собой разумеющееся в данной ситуации, т. е. мотивирует свое побуждение

сылкой на внешнюю ситуацию, а не на свой авторитет, желание, интересы адресата или какие-то другие прагматические аргументы’.

Начнем с тех речевых актов, в которых НСВ исключен, поскольку суть данного речевого действия противоречит указанному компоненту.

Речевой акт просьбы, в соответствии со своими условиями успешности, не дает оснований для употребления императива в НСВ. Действительно, если вы обращаетесь к человеку с просьбой совершить некоторое действие, вы не можете считать совершение этого действия (т. е. выполнения вашей просьбы) само собой разумеющимся с его стороны. Даже если у вас есть представление, что вашему адресату естественно выполнить вашу просьбу, это представление не может отразиться в вашем высказывании в форме его презумпции — это было бы иллюкутивным самоубийством. Таким образом, в речевом акте просьбы допустим только СВ:

- (1) а. *Покажите* нам, пожалуйста, нашу комнату! (ср. *Показывайте нам, пожалуйста...!)
- б. *Возьми* меня в пустыню, я засохну по тебе в Европе!
- в. Товарищ Концов, *выпусти* мою жену! (*Выпускай!* — это не просьба)
- г. *Сядь* сюда! Ну *сядь*, я тебя прошу.

Ср. характерные несочетаемости НСВ с эксплицитными показателями просьбы: **открывай, пожалуйста*, **Неси, пожалуйста*, **Давай, пожалуйста*, **Гони его, пожалуйста, отсюда!*, **Бери, пожалуйста, свои вещи!*, **Катись* (**Кончай, Убирайся*), *пожалуйста!*, **Будь добра, бери-ка его с собой!*

Речевому акту просьбы противоречит не только компонент 3 значения НСВ, но и компонент 2 — “немедленно”.

Для речевого акта совета тоже форма СВ естественнее, чем НСВ. В самом деле, советчик, в принципе, должен сообщить адресату неизвестную ему информацию, т. е. предложить ему некое новое действие, не вытекающее из ситуации с очевидностью; кроме того, мотивировкой побуждения адресата к данному действию должно быть то, что оно принесет ему пользу, а не то, что это действие само собой разумеется в данной ситуации. Таким образом, семантика речевого акта совета противоречит компоненту 3 в характеристике НСВ императива:

- (2) а. А Зилову *задержите* отпуск! [Жена советует начальнику мужа, как наказать мужа за совершенный проступок].
- б. У ребенка прекрасный слух. *Отдайте* его в музыкальную школу! (пример из Рассудова 1968).

В речевом акте приказа тоже предпочтителен СВ, и это тоже вытекает из характеристики НСВ: форма НСВ представляла бы побуждение к действию как мотивированное ситуацией; между тем приказ не нуждается в подобной мотивировке — в ситуации приказа достаточной мотивировкой побуждения служит социальный приоритет говорящего:

- (3) а. *Возьми* свой пистолет — Ашурков велел тебе отдать.
- б. Егорка! *Отними* ружье у Антошки, я приказываю тебе.

НСВ в речевом акте приказа не исключен (например, он может использоваться для передачи идеи “немедленно”), но приказ приобретает менее официальный характер:

- (4) Все это не так весело, как вам кажется. *Садитесь* и *пишите* объяснительную! [Это говорит начальник своим подчиненным, с которыми он связан и неслужебными отношениями].

При этом, чем более официальная лексика, тем больше будет ощущение неправильности от употребления НСВ. Так, возможно *Покажите документы!* и *Показывайте документы!*, но едва ли допустимо *Предъявляйте документы!* (по отношению к одному человеку, т. е. при обращении “на Вы”). Как пишет Лайонз (Lyons 1978: 827), в ситуации приказа адресат должен не только понимать, что воля говорящего состоит в том, чтобы он действовал так-то и так-то, но и иметь основания для того, чтобы подчиниться приказу. Таким основанием является признание адресатом того обстоятельства, что говорящий имеет авторитет или силу, достаточные, чтобы навязать ему свою волю.

Речевой акт требования (который отличается от приказа тем, что говорящий не обязательно отделен от адресата каким-то устойчивым социальным приоритетом) тоже предпочитает СВ, поскольку говорящий эксплицитно мотивирует побуждение своей волей:

- (5) Немедленно *развяжите* меня!; *Дайте* мне коня, я требую.

Несовершенный вид императива предпочтителен для тех речевых актов, где говорящий представляет свое побуждение как вытекающее из ситуации.

Так, в речевом акте вежливого предложения побуждение совершить данное действие обычно бывает подкреплено контекстом, стимулирующим это действие, что и порождает НСВ:

- (6) *Проходите!* *Раздевайтесь!* *Оставайтесь!* *Садитесь!* *Пейте!* и т. д.

С другой стороны, НСВ в речевом акте предложения может и не передавать оттенка вежливости:

- (7) — Прошу вас пройти в свой номер.
— Не уйду. Делайте, что хотите. *Зовите* милиционера! [как вы, наверное, считаете естественным в этой ситуации].

Общим в примерах (6) и (7) является то, что говорящий представляет действие как обусловленное ситуацией. Если говорящий не представляет свое побуждение как обусловленное ситуацией, то более естествен СВ, даже если побуждение делается в вежливой форме:

- (8) Давайте подождем здесь. *Сядьте!*

С помощью НСВ выражается речевой акт настойчивого побуждения:

- (9) а. —Илюша, продемонстрируйте Юрию Ивановичу читающий автомат!
— Я должен еще...
— Бросьте, Илюша. Мировая скорбь вам не к лицу. *Давайте, продемонстрируйте* (пример из Culioli, Paillard 1987).
б. — (подает лекарство) Выпей!
— Напрасное это. Все напрасно.
— *Пей, Саша!*

- в. — А где их взять <деньги>?
 — На заводе?
 — Правильно. Позвони на завод.
 — Нежелательно... Первый раз... служебные отношения, сам понимаешь.
 — *Звони!*
- г. — Смотри, сколько народу...
 — Ну? Вот и попроси у них. (Помолчал.) Чего не просишь?
 — *Проси!*

Характерным для речевого акта настойчивого побуждения является контекст колебания собеседника:

- (10) а. — Возьмите мою ручку! ... Да *берите, берите!*
 б. *Берите*, не сомневайтесь! (ср. *?Возьмите, не сомневайтесь!*)
 в. *Берите*, вам говорят!

Настаивание может сопровождаться выражением нетерпения:

- (11) а. Запиши мой телефон!... Ну *записывай* же!
 б. Открой! Я тебя не трону. А этого друга, слышишь, я его убью. *Открывай!*

В то же время, настаивание может и не требовать употребления НСВ — если говорящий, повторяя свое побуждение, рассматривает его как мотивированное не сложившейся ситуацией, а чем-то другим — пользой для адресата, как в (12), или собственным желанием, как в (13):

- (12) Калошин (Марине). Вон отсюда!
 Марина. Семен!
 Калошин. Вон!
 Рокосув (выводит Марину). *Выйди, выйди*, так лучше будет.
- (13) а. — Но почему ты так разнервничался?
 — Уйди, Зина.
 — Что с тобой? Ты не болен?
 — *Уй-ди!*
- б. Развяжите меня! Сейчас же развяжите! ... Товарищи, но ведь это насилие!
Развяжите меня, слышите?... *Развяжите*, или вы за это ответите.

Остановимся более подробно на речевом акте разрешения. Разрешение в форме императива чаще всего осуществляется с помощью НСВ:

- (14) — Можно я приду? — *Приходи.*
 — Можно я поставлю его <чемодан> здесь? — *Ставьте.*

Однако СВ тоже возможен:

- (15) — Жена ваша просится.
 — *Впустите* ее.

В работе Рассудова 1968 говорится, что речевой акт разрешения не предопределяет грамматического вида императива однозначно, поскольку, скажем, вопрос *Можно я открою окно?* допускает ответы (а) *Откройте!* и (б) *Открывайте!* Однако строгая предопределенность вида в других типах речевых актов толкает к другой интерпретации этого примера: дело в том, что реплика (а) — это, скорее, не разрешение в чистом виде, а присоединение говорящего к желанию собеседника; в то же время реплика (б) — это тоже не совсем разрешение, а, скорее, своего рода непротивление.

(Возможно, речевой акт разрешения в чистом виде вообще нельзя осуществить с помощью императива, а требуется предложение с модальным словом.) Что же касается речевого акта непротивления, то он как раз включает компонент мотивированности действия ситуацией — во всяком случае, в характеристике этого речевого акта можно предполагать отсылку к объективной реальности как способ устранения говорящего от более личного участия в ситуации.

Упомянутых речевых актов все же не хватает для описания всех контекстов употребления НСВ в императиве. О. П. Рассудова использует при описании семантики НСВ императива иллокутивную функцию, которую мы предлагаем назвать простое побуждение — это побуждение, не осложненное функциями просьбы, совета, приказа, предложения и проч. Действительно, речевой акт в примерах из (16) естественнее всего подвести именно под категорию простого побуждения:

- (16) а. Суп готов, *снимай!*
б. Хватит проветривать, *закрывай* окно!
в. Тебе же надо было позвонить? Вот автомат, *звони!*

Можно думать, что речевой акт простого побуждения имеет, кроме приведенной выше отрицательной характеристики, также и положительную — это речевой акт, в котором говорящий представляет свое побуждение к действию как мотивированное ситуацией (а не своим авторитетом, как при приказе, не пользой адресата, как при совете, или своими добрыми побуждениями, как в случае вежливого предложения). Простое побуждение — это речевой акт с минимальным участием фактора оценки.

Если допустить существование такого речевого акта, то получается следующая картина. Когда простое побуждение употребляется в контексте, где совершение адресатом данного действия действительно разумеется само собой, прагматический компонент значения формы НСВ остается незамеченным — он просто участвует в семантическом согласовании, как в (16). Если же прагматический компонент формы НСВ императива не согласован с контекстом, т. е. если простое побуждение употребляется вместо какого-то другого речевого акта, более уместного в данной ситуации, то возникают разного рода иллокутивные эффекты — прагматические приращения как средство преодоления аномалии.

Так, простое побуждение может давать иллокутивный эффект “Грубовато!”: побуждение звучит как “Давай, валяй!”. Это происходит в тех случаях, когда говорящий представляет свое побуждение как мотивированное ситуацией, хотя на самом деле оно исходит лично от него; получается, что говорящий навязывает адресату свою волю, представляя ее как объективную необходимость, ср.:

- (17) а. — Вот — неизвестно что... что-то химическое. — *Давай* мне!
б. Толя, *гони* этого праведника из своей квартиры!
в. — Вон идет Антошка. — *Зови* его сюда!
г. — У тебя есть деньги?
— Немного.
— *Неси*, какие есть, я уезжаю.
д. — Кто там? — *Открывай!*

Если простое побуждение является неадекватной реакцией на иллокутивную функцию предшествующего высказывания, возникает эффект безразличия. Он сопровождает употребление НСВ простого побуждения в таком контексте, где от говорящего ожидается та или иная эмоциональная реакция (например, выражение протеста в ответ на угрозу; вежливое предложение в ответ на изложение каких-то потребностей и т. д.), а он уклоняется от эмоциональных реакций и ограничивается простым побуждением, которое в этом контексте обращается в непротивление:

- (18) а. — Уходи! — Не уйду. — Я стрелять буду. — *Стреляй!*
 б. — Схластики! Я штрафовать вас буду!
 — *Штрафуй* нас, товарищ всемирный академик! (Платонов)
 в. — Что же ты не предложишь мне сесть? — *Садись!*
 г. — Что же вы нам посоветуете?
 — Это не по моей части. *Обращайтесь* к психиатру! [вместо *Обратитесь!*, что было бы советом].

Итак, получается, что “отрицательные” иллокутивные эффекты от употребления формы НСВ императива обусловлены несоответствием собственных характеристик этой формы контексту. Что же касается эффекта вежливости в предложениях примера (6), то он как бы вторичен — возможно, он объясняется тем, что, употребляя НСВ, говорящий дает адресату понять, что он воспринимает данное свое предложение как вытекающее из ситуации (во всяком случае, замена НСВ на СВ никогда не приводит к изменению только по параметру вежливости: *Сядьте, пожалуйста!* будет тоже вежливо).

Таким образом, получает объяснение тот парадоксальный факт, что употребление НСВ может придавать императивному высказыванию то оттенок вежливости, то оттенок грубости.

Теперь мы легко можем объяснить примеры *Садитесь, пожалуйста!*, *Встаньте, пожалуйста!* и *Вставайте!* [из лежачего положения]. *Садитесь!* — это предложение, сделанное в ситуации, когда это действие само собой разумеется; отсюда НСВ. Между тем *Встаньте пожалуйста!* — это просьба; скорее всего, такое побуждение будет неожиданным для адресата — тут обусловленность действия ситуацией отсутствует, и нет оснований для употребления НСВ. Что же касается побуждения *Вставайте!*, обращенного к лежащему, то здесь глагол описывает процесс, расчленяемый на фазы, и противопоставление *Вставайте!*/*Встаньте!* идет прежде всего по линии “начальная фаза действия/действие в целом”; иллокутивного различия между СВ и НСВ почти не чувствуется.

5. Лексический комментарий

Как уже говорилось, все три компонента семантики НСВ императива реализуются в контексте предельных глаголов со стандартным противопоставлением в видовой паре: НСВ обозначает процесс, ведущий к достижению некоторого предела, а СВ — в целом все событие, в результате которого этот предел достигается. У остальных глаголов это не так.

Так, у стальных глаголов (видовые пары типа *видеть—увидеть*) НСВ не имеет значения контролируемого действия и не употребляется в императиве (ср. **Видь!*, **Слышь!*, ?*Сомневайся!*, ?*Трусь!*, ?*Нравься!*) иначе как в особых значениях или в особых типах речевых актов, не являющихся побуждениями к действию (*Чувствуй!*, *Знай!*).

Глаголы, у которых НСВ не имеет актуально-длительного значения, обозначают действие, не делящееся на фазы, что не дает возможности нормально реализоваться компоненту “внимание на начальной фазе”. Поведение формы НСВ таких глаголов в императиве может быть различным.

1) Моментальные глаголы, обозначающие ментальные акты (Vendler 1972), — такие как *представь*, *пойми*, *вспомни*, *запомни*, *учти*, *посуди*, *угадай*, *догадайся*, *заметь*, *обрати внимание* — не могут употребляться в императиве в форме НСВ, иначе как изменив свое значение (заметим, что СВ императива у этих глаголов не означает побуждения к действию; т. е. ментальный акт — не действие). Так, в (1) форма *Угадывай!* означала бы занятие, состоящее в том, что Адресат в течение некоторого времени перебирает разные возможности, отвергаемые аудиторией, пока, наконец, не дойдет до правильного ответа:

- (1) — Пусть сначала угадает!
— Что я должен угадать?
— *Угадай*, что мы тебе подарим.

Другие примеры:

- (2) а. Представьте!
б. *Представляйте* себе, что вы купаетесь в теплом море.
- (3) а. *Запомните!* [=‘отныне знайте’];
б. Я буду читать слова, а вы *запоминайте!* = ‘в течение некоторого времени делайте усилия для того, чтобы запомнить’.

Поскольку *забывать* не является глаголом действия, для *Забудь!* (ср. *А ты выбрось это из головы. Забудь!*) нет параллельного НСВ *Забывай!*

2) Моментальные глаголы с фазовым значением — такие, как *перестань*, *прекрати*, *остановись*, *оставь*, *пусти*, *отпусти* — тоже не допускают НСВ в императиве в своем прямом значении; так, *Останавливайся!* может быть, разве что, обращением к человеку, который управляет транспортным средством; *Отпускай!* — это, например, веревку и т. д. У всех моментальных глаголов, которые допускают употребление в НСВ, эта форма полностью синонимична СВ в компоненте 1 (*бери*, *туши*, *целуй*) — различие с СВ касается только компонентов 2 и 3.

3) Перформативы и близкие к ним глаголы передачи информации, которые тоже обозначают событие, не расчлененное на фазы, наоборот, охотно употребляются в императиве в НСВ, но семантически они противопоставлены СВ только в компонентах 2 и 3 — по признаку “достижение предела” они приблизительно синонимичны СВ — так же, как при общефактическом значении НСВ в прош. времени индикатива, ср. *ответь*, *обещай*, *признайся*, *позвони*, *скажи*, *спроси*, *пригрози*, *попроси*, *пригласи*, *покажи*, *поздравь*, *обратись*, *согласись*, *потребуй*, *похвали*, *передай* и соответствующие НСВ:

- (4) а. — Вы его не били?
 — Нет, нет!
 — *Признавайтесь* честно, здесь все свои. Было рукоприкладство?
- б. Нет, я больше не могу. *Отвечайте*, если знаете.
- в. Кто звонит, *отвечайте*!
- г. Кого ты здесь высматриваешь, *признавайся*!
- д. А мы — *соглашайся*, Тамара!
- е. Ты была в больнице? *Говори*, ты была в больнице?
- ж. Получил квартиру! *Поздравляй*!
- з. *Передавай* ему привет, когда увидишь.
- и. Мы идем в поход. *Присоединяйтесь*!
- к. — Видите ли, есть один разговор.
 — Разговор? Что ж, *выкладывай*.

В то же время некоторые другие глаголы говорения (*сообщи, разреши, прости, извини, посоветуй, благослови, пошли его черту*) не употребляются в НСВ — видимо, из-за их непосредственной связи с определенными типами речевых актов; ср., однако:

- (5) *Благословляй*, бабушка! *Благословишь* — пойду, и не *благословишь* — тоже пойду (“Кашей бессмертный”).

4) Имеется группа глаголов, которые, свободно употребляясь в императиве в НСВ, не имеют не только компонента 1 “внимание на начальной фазе действия”, но и компонента 2 “совпадение начала действия с моментом речи”: они свободно сочетаются с обстоятельствами времени, характеризующими окончание действия, а точка начала остается нефиксированной. Это глаголы *приходи, приезжай, приноси, привози, заходи* <в гости>, *возвращайся* и др.; ср.:

- (6) *Возвращайся* сегодня же! *Приезжай* в понедельник; *Заходи* как-нибудь!;

Эта группа не совпадает полностью с глаголами, которые перечислены в работе Маслов 1948 как не допускающие употребления в актуально-длительном значении. Так, с одной стороны, невозможна форма *Находи!* в значении ‘Найди’, а с другой — *возвращаться* в индикативе имеет актуально-длительное значение. Видимо, семантическая общность этой группы обусловлена дейктической направленностью действия на конечную точку (обычно совпадающую с местоположением говорящего, ср. **Приноси книги в аудиторию*).

Внимание на конечную фазу действия могут перетягивать наречия *скорее* и *быстрее*:

- (7) *Помирай* скорее, терпенья нету думать о тебе (Платонов).

В контексте глаголов, обозначающих заключительную фазу действия, сочетание *скорее* (*быстрее*) + V обычно означает побуждение, касающееся достижения конечной фазы действия, обозначаемого исходным бесприставочным глаголом; так, *скорее доедай* (*дописывай, дочитывай*) = ‘скорее кончай е с т ь (писать, читать)’ — а не ‘доедать, дописывать, дочитывать’. В то же время эти наречия не подавляют компонента ‘внимания на начальной фазе’ у глаголов, дейктически обращенных на исходный пункт движения:

- (8) – А ребенка кто накормит?
– Я накормлю, *уйди* скорей (= ‘скорее начинай уходить’).
(9) – *Иди* скорее в школу (= ‘скорее начинай идти’).

* * *

Сказанное позволяет заключить, что НСВ в императиве не обязательно имеет иное значение, чем в изъявительном наклонении: все компоненты императивного значения НСВ могут быть выведены из общего значения НСВ и особого контекста, создаваемого побудительным речевым актом. Так, компонент 1 “внимание на начальной фазе” естественно объясняется тем, что при обязательном выделении какой-то фазы процесса, что свойственно НСВ, побуждение сделать естественно обращается в побуждение начать. Абсолютная исключенность для императива иного режима, кроме диалогического, при отнесенности действия к будущему, создает несинхронную точку отсчета – проспективную (см. главу 1), которая и порождает у формы НСВ в императиве общефактическое результирующее значение.

Компонент 2 “немедленно” можно, видимо, вывести из свойственной НСВ потребности во временной локализации. Что же касается компонента 3 “обусловленность действия ситуацией”, то его можно связать с отмечаемой в Forsyth 1970 тенденцией СВ к выражению нового действия – что закрепляет за НСВ значение действия, обусловленного контекстом.

Глава 6

ВИД И ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГЛАГОЛА*

1. Вид как классифицирующая категория

Усилия аспектологов в последние годы направлялись на выявление все более тонких различий в значении видовых форм. Сейчас настало время, когда за этими различиями тожно увидеть то общее, что составляет смысл видового противопоставления. Рассмотрим две задачи.

ЗАДАЧА 1. Некоторые глаголы не входят в видовую пару: *лежать, вестить, содержать* не имеют парного СВ; *очнуться, поспать* не имеют парного НСВ. Возникает задача: предсказать возможность и семантический тип видового противопоставления исходя из лексической семантики глагола.

ЗАДАЧА 2. Семантические отношения в видовой паре СВ—НСВ могут быть у разных глаголов существенно различны: *открыть—открывать* ≠ *понять—понимать* ≠ *найти—находить*. Можно ли вывести эти различия из различий в лексическом значении глагола — так, чтобы грамматическое противопоставление оставалось инвариантным?

Первая задача навеяна работой Ю. С. Маслова (1948), в которой показано, что вид глагола позволяет многое сказать о его семантике. А именно, установлено, что каждый из трех формальных классов — 1) глаголы, допускающие только НСВ; 2) глаголы, допускающие только СВ; и 3) глаголы, входящие в видовые пары, — имеет свою характерную семантику.

Однако в работе Маслов 1948 одному формальному классу соответствует несколько семантических групп, а в разные классы иногда попадают слова, близкие по смыслу. Построить семантическую классификацию глаголов, которая позволила бы предсказать сочетаемость глагола с грамме-

* Опубликовано в: Научно-техническая информация, Серия 2, 1989, № 12, с. 24–31.

мами СВ и НСВ, — это как бы обратная задача по отношению к задаче Ю. С. Маслова.

Выявление семантических правил, определяющих сочетаемость видového значения с лексическим, требует анализа семантики вида. Традиционная грамматика пользовалась для описания видовых значений условными признаками (типа "целостность", "предельность" и др.). Анна Вежицка (см. Wierzbicka 1967) предложила описывать значение славянского вида путем построения отдельных толкований для каждого из двух членов видовой пары. В работе М. Я. Гловинской (1982) этот метод был применен к русскому языку, причем обнаружилось необычайное семантическое разнообразие видовых противопоставлений. Если исходить из того, что вид — это словоизменительная категория, и что значение вида — это остаток, получаемый при "вычитании" общей части двух парных лексем (их лексического значения), то никакого инварианта найти нельзя: в Гловинская 1982 было выявлено четыре стандартных семантических типа видовых пар, а если учитывать нестандартные типы, то их оказывается более двадцати (Апресян 1980а: 66), и это заведомо не исчерпывает всего словаря.

Выход состоит в том, чтобы трактовать вид в грамматике не как словоизменительную, а как классифицирующую категорию, см. Зализняк 1967: 31, т. е. аналогично, например, такой категории существительного, как одушевленность, а не такой, как число.

Итак, мы исходим из того, что глаголы разных видов — это разные лексемы, а не словоформы одной леммы. Граммы вида — НСВ и СВ — в составе этих лексем имеют каждая свое значение. Его и надо истолковать. Т. е. объектом рассмотрения служит то общее, что есть в глаголах одного вида, а не те различия, которые существуют в видовых парах разных глаголов.

Заметим, что только отказ от понятия видовой пары как исходной точки при описании семантики видového противопоставления дает возможность включить в рассмотрение грамму вида в составе глаголов, не входящих в видовое противопоставление: грамма НСВ в глаголе *лежат* тоже имеет смысл, однако его нельзя получить "вычитанием".

2. Инвариантные значения несовершенного и совершенного вида

В главах 1–3 речь шла о так называемых "частных" видовых значениях и о том, как исходное значение видовой формы видоизменяется под влиянием контекста. Теперь, говоря об инварианте видového значения в лексическом плане, мы вправе принимать во внимание из всех частных видовых значений только основное. Для НСВ это будет актуально-длительное.

В дальнейшем изложении мы будем пользоваться следующими понятиями: обозначаемая ситуация (Падучева 1986а); глагол в аспектуально

однозначном контексте (Mourelatos 1981); исходная семантическая предпосылка граммемы (Плунгян 1988).

Значение несовершенного вида

ИСХОДНАЯ ПРЕДПОСЫЛКА: ситуация, обозначаемая глаголом, по своей природе такова, что она длится во времени, т. е. проходит через серию последовательных временных фаз (одинаковых или различных, но которые все могут быть названы данным глаголом).

ТОЛКОВАНИЕ: 'В момент наблюдения имеет место одна из серии последовательных фаз ситуации, обозначаемой глаголом'.

Примеры (исходная предпосылка касается лексического значения глагола и в толкование видовой формы не входит):

- (1) *Иван спит* = 'в момент наблюдения имеет место одна из последовательных временных фаз ситуации "X спит"'.
Моментом наблюдения в данном случае служит момент речи.

- (2) *Когда я вошел, Иван открывал окно* = 'в момент наблюдения имела место одна из ряда последовательных временных фаз ситуации "X открывает окно"'.
Момент наблюдения задан контекстом (*Когда я вошел*).

В толковании Вежицкой значение НСВ у глагола *открывать*, предельного, отличается от значения НСВ глагола *спать*, неопредельного. А именно, в значение *открывать* <X> входит импликация: одна из последовательных фаз такого процесса, что ЕСЛИ этот процесс пройдет через все свои фазы, ТО X будет открыт; у неопредельного глагола этой импликации нет. Эта импликация позволяет истолковать предельный глагол НСВ через СВ. Однако, с нашей точки зрения, эта импликация различает лексическое значение глаголов *спать* и *открывать*, а не аспектуальное, которое у них одинаково.

В работе Маслов 1948 были обнаружены "дефектные" глаголы НСВ — *находить, приходить, приносить, прилетать* и под., — которые не имеют основного значения НСВ (ни актуально-длительного, ни даже континуального), а имеют только тривиальное — многократное (и те, которые основаны на многократном). Таким же дефектом обладают многие глаголы маркированных способов действия, например, *съесть, вызубривать, прочитывать*.

Значение совершенного вида

Толкование СВ было дано в главе 4. Здесь оно повторено с некоторыми комментариями.

ИСХОДНАЯ ПРЕДПОСЫЛКА: ситуация, обозначаемая глаголом, — это изменение состояния; т. е. при нормальном развитии этой ситуации рано или поздно наступает итоговое — или просто новое — состояние.

Прототипический глагол СВ (не моментальный) обозначает ситуацию, у которой есть либо внутренний предел, либо субъект, наделенный целью. В первом случае итоговое состояние наступает тогда, когда достигается внутренний предел (*Лужа высохла*; ср. тип 1 из Авилова 1976); во вто-

ром — когда субъект достигает поставленной цели, т. е. возникает результат (*Я умылся; Ваня поймал бабочку*, типы 2 и 3 из Авилова 1976).

Если же глагол моментальный, то вся ситуация сводится к "моментальному" переходу в новое состояние (*очнулся, засмеялся*); в толковании в этом случае будет отсутствовать компонент 1), см. ниже.

ТОЛКОВАНИЕ

Предварительное условие: 'до момента $t < t_f$ не имело места итоговое состояние ρ ';

1) "процесс": 'в момент t шел процесс, ведущий к наступлению ρ ' [презумпция];

2) "достижение предела": 'в момент t_f наступило ρ ' [ассертивный компонент];

3) "перфектность": 'состояние ρ сохраняется в момент наблюдения (т. е. в момент речи или в какой-то иной точке отсчета)' [имплицатура];

4) "временная определенность": 'момент t_f фиксирован контекстом как конкретно-референтный' [неустойчивый признак].

В традиционных описаниях значения СВ фигурирует понятие "целостность". Так, в Comrie 1976 из целостности выводится невозможность обращения к отдельным фазам процесса, обозначенного глаголом СВ. В нашем толковании "целостность" в этом смысле вытекает из презумптивного статуса компонента 1).

Ретроспективная точка отсчета, обязательная для СВ, предположительно, является следствием компонентов 1) — 4). Примеры толкований.

(3) *Иван открыл окно* =

'до t окно не было открыто (не имело места ρ);

1) в момент t происходил переход от не- ρ к ρ ;

2) в момент $t_f > t$ окно стало открыто;

3) в момент наблюдения окно открыто;

4) момент t_f фиксирован в контексте'.

В толковании предложения

(4) *Иван засмеялся*

отсутствует компонент 1), поскольку глагол *засмеяться* моментальный.

Отметим сложности с определением итогового состояния у ряда семантических классов глаголов.

1. У некоторых глаголов ситуация ограничена количественным итогом: ограничение касается либо времени (*Иван прождал ее два часа; Я поспал* = 'в течение некоторого времени'), либо какого-то другого параметра ситуации; ср. *Температура повысилась на 5°; Ветер усилился* (= 'на ощутимую величину'). Итоговое состояние определяется достижением этого итога, хотя бы он был промежуточным для процесса в целом: фраза *Ветер усилился* не означает, что он перестал усиливаться; *прождал два часа* не обязательно означает 'перестал ждать' (ср. *Иван прождал уже два часа и продолжает ждать*) — "ситуация изменения" состоит в истечении двух часов. Ограничение может быть определенным и эксплицитным (*два часа, на 5°*) или неопределенным: *поспал* = 'в течение некоторого времени'.

2. Итоговое состояние может определяться фактом пребывания (обычно кратковременного) участника в некотором другом состоянии; ср. *моргнул, коснулся*. Иногда значение глагола не указывает, вышел ли участник из этого состояния, или продолжает в нем пребывать (так, *обнять* имеет два значения).

3. У глаголов действия переходит в новое состояние обычно объект. Но у глаголов создания (а также возникновения и уничтожения) итогом является новое состояние мира.

4. Имеются глаголы СВ, семантика которых предполагает, скорее, прекращение некоторого состояния, чем наступление нового; например, фраза *Плащ защитил меня от дождя* означает, что состояние, когда X защищал Y от Z, кончилось или перестало быть актуальным. Так или иначе, идея перехода в другое состояние является общей для всех ситуаций, обозначаемых глаголами СВ, и только для них.

У ряда лексических классов глаголов вид имеет идиоматическое значение, что является, согласно работе Плунгян 1988, естественным следствием грамматичности категории вида: становясь обязательным для данного морфологического разряда, грамматическое противопоставление должно как-то осмысляться даже в контексте таких слов, которые не дают семантических предпосылок для его прямой неидиоматической реализации. Ср., например, идиоматичность НСВ от глаголов *начать* и *начаться* (*Он начинает меня раздражать; Собрание начинается*).¹

Ниже мы покажем, что предложенные толкования НСВ и СВ — в их основных значениях — достаточны для решения задач, поставленных в разделе 1. Можно надеяться, что они достаточны также и для решения многих других проблем, касающихся грамматической семантики вида. Приведем примеры таких проблем (некоторые из них обсуждаются ниже в главах 8, 11, 12):

— семантическое обоснование ограничений сочетаемости видовых граммем с обстоятельствами времени и длительности; с фазовыми глаголами; с количественными определителями;

— предсказание возможности или невозможности употребления данной видовой формы — например НСВ — в тех или иных значениях (общезначимом, узуальном и др.).

Теперь, прежде чем обратиться к задачам, поставленным в разделе 1, нам придется еще раз вернуться к понятию видовой пары.

3. Видовые пары

Отказ от словоизменительной трактовки вида не требует отказа от понятия видовой пары: видовая парность может быть задана как отношение между самостоятельными лексемами в словаре. При этом один глагол

¹ Та же ситуация с числом существительного, ср. идиоматическое множественное число от существительных — имен масс (*пески, вина*) или, наоборот, от собственных имен (*все эти Дуньки, Ваньки*).

может входить в разные пары (что исключается словоизменительной трактовкой вида), и даже в одной паре СВ–НСВ могут быть разные семантические соотношения, т. е. одни и те же два глагола могут входить в разные пары друг с другом.

Мы называем тривиальным такое соотношение в паре СВ–НСВ (и, соответственно, тривиальной – такую пару), когда глагол НСВ обозначает многократное повторение той ситуации, которая обозначена глаголом СВ. Это соотношение соответствует тривиальному значению НСВ – многократному. Оно тривиально в том смысле, что есть у всех глаголов НСВ, входящих в видовую пару, см. Маслов 1948. Тривиальными парами являются, например, *открывать–открыть*, *находить–найти*. А *любить–полюбить*, *подозревать–заподозрить* – не являются (*много раз любил ≠ ‘много раз полюбил’*).

Среди нетривиальных (термин из Булыгина, Шмелев 1989) соотношений в видовых парах для русской грамматики существенно только одно – предельное. Глаголы СВ и НСВ в предельной паре соотносятся по смыслу в точности так, как основные значения их видовых граммем: СВ обозначает изменение состояния, а НСВ – одну из фаз соответствующего процесса или деятельности.

Среди видовых пар, образованных имперфективацией (т. е. самых "типичных"), предельная пара обязательно является одновременно и тривиальной: *открыл* задает результат процесса *открывает*, а, кроме того, *открывает* может обозначать итерацию *открыл*. Обратное, однако, неверно: есть много таких глаголов НСВ, которые образуют с производящим глаголом СВ тривиальную пару, но не предельную. Так, в парах, которые образованы вторичной имперфективацией, – *сдаться*, *выучивать*, *изнашивать* и т. д. – НСВ часто не входит ни в какие соотношения со своим СВ, кроме тривиальных; в парах *видеть–увидеть*, *ждать–подождать*, *говорить (что)–сказать*, *рисковать–рискнуть* есть тривиальное соотношение, а предельными они не являются.

Поскольку, как уже было сказано, типичная предельная пара является одновременно и тривиальной, совпадение этих двух функций НСВ служит грамматическим тестом. А именно, в сложных случаях префиксального и супплетивного образования вида (*делать–сделать*, *брать–взять*, *класть–положить*) давно (хотя, быть может, и не вполне осознанно) используется критерий, состоящий в том, что для глаголов, входящих в семантическое отношение "процесс в развитии – процесс, достигший предела", видовая соотношенность признается в том случае, если эти глаголы могут функционировать и как тривиальная пара. На этом основании не признается видовой, скажем, пара *искать–найти*. Действительно, *найти* входит в предельную пару с *искать*; однако *искать* не является многократным коррелятом к *найти*, поскольку *искал* не может значить 'много раз находил'; а для видовой пары необходимо выполнение обоих условий, как в паре *открывать–открыть*. То же в паре *ждать–дождаться*: *ждать* не является тривиальным коррелятом к *дождаться*, а потому *ждать–дождаться* не составляют видовой пары.

При имперфективации положение совсем иное: если префиксальные (и, тем более, супплетивные) образования, чтобы стать видовой парой, обязательно проходят семантический контроль (на "чисто видовое" соотношение, а на самом деле — на одновременное выполнение двух семантических соотношений: предельного и многократного), то про имперфективацию априори предполагается, что она дает видовую пару. Между тем, имперфективация гарантирует только тривиальное соотношение в паре СВ—НСВ; "нетривиальное" соотношение может быть какое угодно, оно совершенно не обязано быть предельным — это было убедительно продемонстрировано в Булыгина, Шмелев 1989 на примере видовых пар ментальных глаголов.

Разнообразие нетривиальных семантических соотношений в видовых парах, образованных имперфективацией, неудивительно. Как следует из толкования основного значения НСВ, предложенного выше, спектр допустимых соотношений в паре СВ—НСВ ограничен, в принципе, только тем, что глагол НСВ обозначает ситуацию, которая длится во времени, а глагол СВ — наступление нового состояния.

В работе Булыгина, Шмелев 1989 тривиальным было названо не только многократное значение НСВ, но и такие, которые возникают у глагола НСВ, когда он употребляется как бы в значении СВ — в контексте так называемого наст. исторического (где видовое значение глагола, если совпадает, то полностью совпадает со значением СВ, а специфическое значение имеет только граммема времени), в контексте отрицания, в сценических ремарках. Однако при таком расширении набора диагностических контекстов тривиальное соотношение перестает быть однозначным критерием видовой парности, поскольку разные контексты, естественно, будут давать разные ответы. Как правило, многократность дает наилучшее приближение к традиции. Так, глаголы *засмеяться*—*смеяться* не считаются видовой парой и не составляют многократной пары: *Он когда-нибудь смеялся?* = 'хоть раз смеялся', а не 'хоть раз засмеялся'; между тем они фигурируют как пара в наст. историческом (*Я ему говорю, что заболел, а он смеется*) и уж во всяком случае в сценических ремарках. Другой пример. Глаголы *идти* и *пойти* не считаются видовой парой и не составляют многократной пары. Между тем в наст. историческом *идет* может означать 'пошел' (*Тут он встает и идет к двери*). Контексты нейтрализации видового противопоставления не ограничиваются перечисленными. Так, еще один контекст нейтрализации дает императив: *садитесь* ≈ *сядьте*, *берите* ≈ *возьмите* и т. д. В этом контексте НСВ легко заменяет СВ с начинательным значением (*Молчи!* ≈ *Замолчи!*), хотя в других контекстах нейтрализации *молчать* и *замолчать*, конечно, не заменяют друг друга. Так что в целом употребление видов в контексте нейтрализации, равно как и семантическое тождество видовых форм в таких позициях, составляет отдельную проблему.

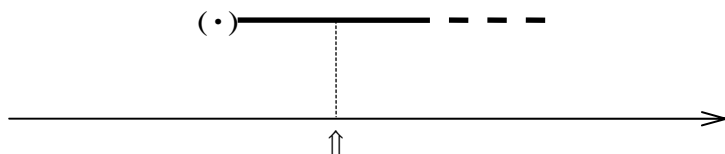
4. Лексическая семантика и видовая парность

Обратимся к нашей задаче 1: можно ли предсказать вхождение глагола в видовую пару, исходя из его лексической семантики? По крайней мере для предельных пар эта задача кажется разрешимой: наличие или отсутствие у глагола видового коррелята определяется принадлежностью глагола к одному из четырех классов Вендлера (Vendler 1967a). Эти классы мы назовем: I. Состояния (states); II. Непредельные процессы (activities); III. Действия и предельные процессы (accomplishments); IV. Скачки (achievements). Разумеется, принадлежность к классу опреде-

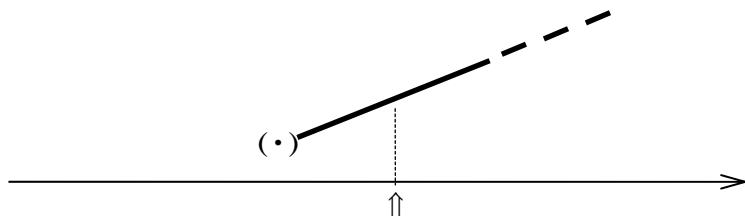
лена не для глагола в целом, а для глагола в аспектуально однозначном контексте.

С классами Вендлера можно сопоставить схемы, которые представляют распределение ситуации — во времени². В ситуации, обозначаемой данным глаголом, в принципе, могут различаться: два статических фрагмента, динамический фрагмент, а также моменты перехода в новое состояние и начала динамической фазы. На наших схемах статические фрагменты представлены горизонтальными линиями, а динамические — восходящими (что означает не восхождение по какому-либо параметру, а просто наличие динамики). Стрелка указывает направление оси времени. Точка начала ситуации является факультативным компонентом ситуации, поскольку состояние может не иметь фиксированного момента начала. Например, *оставался* не значит, что в какой-то момент остался, т. е. принял решение остаться; *знаю* не предполагает, что в какой-то момент узнал; *верю* — что поверил.

Класс I. Состояния (*сучает, тоскует, болеет, висит, стоит, находится; считает <что>; знает, любит, правит, подавляет* и т. д.):

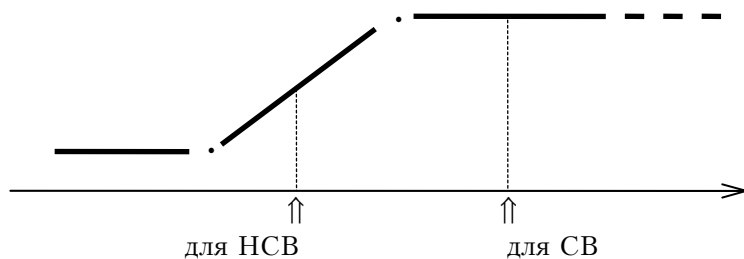

Класс II. Деятельности и неопредельные процессы (*поет, гуляет, кунается, идет <дождь>, бежит <по берегу>, усиливается, увеличивается, повышается* и т. д.):

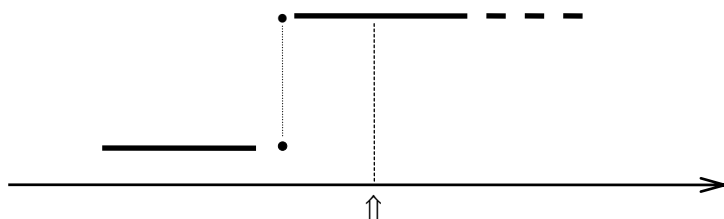

Класс III. Действия и предельные процессы (*нарисовал <кружочек>, построил <дом>, прочитал <письмо>, вскопал <грядку>, купил <пиджак>, открыл <окно>, сварил <щи>, покрасил <крышу>; созрел, высох, увял, заржавел*). Соответствующие глаголы НСВ относятся к тому же классу:

² Наши схемы отдаленно напоминают диаграммы, которые используются для представления семантики вида в Timberlake 1985a.

Класс IV. Скачки, т. е. моментальные переходы (*вскрикнул, очнулся, очутился, рухнул, ушибся, ошибся, потерял, забыл <шляпу>, нашел, достиг, заметил; поспал, насолил <грибов>, повысился <уровень>* и т. д.):

Состояния (класс I) и неопредельные процессы (класс II) выражаются глаголами НСВ: это ситуации, которые могут длиться во времени, т. е. проходить через последовательность временных фаз, что соответствует исходной предпосылке НСВ. Моментальный переход (класс IV) описывается глаголом СВ: это ситуация изменения состояния, что соответствует исходной предпосылке СВ. Наконец, предельным процессам и действиям (класс III) соответствуют в русском языке два глагола — совершенного и несовершенного видов: первый описывает ситуацию "в ее целостности", а второй непосредственно обозначает только некоторую фазу динамического фрагмента, хотя по смыслу соотносится с ситуацией в целом, включая и "предельный переход" (в силу той импликации, в которой отражается лексическая производность НСВ от СВ).

Русский материал показывает, однако, что отнесение глагола к одному из классов Вендлера иногда определяется не структурой ситуации как фрагмента действительности, а структурой языка. В ряде случаев, чтобы сделать для данного глагола выбор между классами III и II, а также между классами III и IV, необходимо, при словоизменительном подходе к виду, знать, относятся ли словоформы разных видов к одной лексеме, а при классифицирующем — составляют ли глаголы предельную видовую пару.

Приведем примеры глаголов, которые будут отнесены к тому или иному из классов Вендлера не на основе их собственной семантики, а в зависимости от их вхождения в предельную пару.

1. Глаголы *искать* и *ждать* относятся, по определению Ю. С. Маслова, к глаголам "бесперспективного протекания" (класс II), поскольку не составляют тривиальной — а следовательно, и видовой — пары с *найти* и *дождаться* (хотя и входят с ними в предельную пару). В то же время *подыскивать* и *дождаться* относятся к классу III (поскольку есть парные *подыскать* и *дождаться*), хотя семантические различия, скажем, между *искать* и *подыскивать* не так уж велики. Глагол *ловить*, между тем, относится к классу III, хотя его итоговое состояние задается глаголом *поймать*: дело в том, что *поймать* — супплетивный СВ от *ловить*, т. е. глагол, который входит с ним и в предельную, и в тривиальную пару.

2. Глаголы *прийти*, *найти* относятся к классу IV, а не III — хотя, казалось бы, они не сильно отличаются по смыслу, соответственно, от *подойти* и *подыскать*. Дело в том, что *прийти* и *найти* образуют с *приходить* и *находить* не предельные пары, а всего лишь тривиальные.

3. Глагол *включить* <свет> относится к классу III, так как существует *включать*; а *щелкнуть* <выключателем> — моментальный переход, класс IV: *щелкать* — тривиальный коррелят к *щелкнуть*. Между тем *включить свет* — это и значит щелкнуть выключателем.

Даже глаголы класса I участвуют в игре: состояния отличаются от процессов тем, что они никуда не ведут. Поэтому, скажем, пары *оставаться*—*остаться*, *опаздывать*—*опоздать* не являются предельными: *оставаться* и *опаздывать* однозначно квалифицируются как глаголы состояния, а тем самым *остаться* и *опоздать* автоматически выталкиваются в класс моментальных глаголов.

Таким образом, получается, что хотя принадлежность к классу Вендлера и предопределяет видовую парность глагола, но сам состав этих классов корректируется в русском языке видовой семантикой глагола.

Тем не менее, связь понятия предельности с классификацией Вендлера, которая была построена для других целей, представляется полезным обобщением, ср. Mehlig 1981/1985. Например, оказывается, что в основе понятия предельной пары в русском языке лежит тот же признак "процессность", который регулирует допустимость формы продолженного вида у английского глагола, ср. Comrie 1976, Smith 1983.

5. Типы семантических соотношений в видовых парах

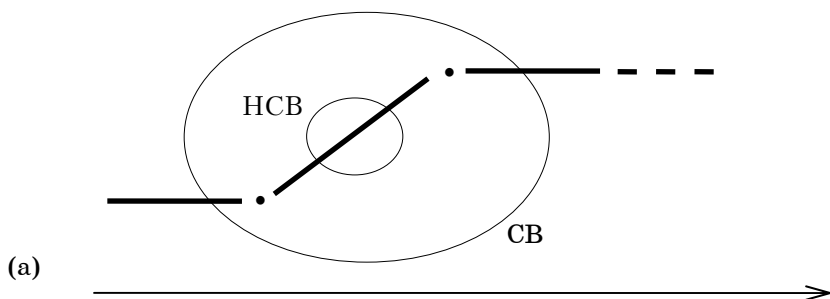
Перейдем теперь к задаче 2: можно ли вывести семантическое соотношение в видовой паре из лексического значения глагола. В любой видовой паре глагол НСВ, по определению, имеет, быть может, в числе других значений, тривиальное значение итерации ситуации, обозначенной с помощью СВ. Так что речь будет идти только о нетривиальном соотношении. Таковое есть во всех видовых парах, кроме тех, где глагол НСВ "дефектный" (как *находить*, *приходить*), т. е. не имеет основного значения. Наиболее распространенными среди нетривиальных соотношений являются два типа: *делать*—*сделать* (предельное) и *видеть*—*увидеть* (перфектное).

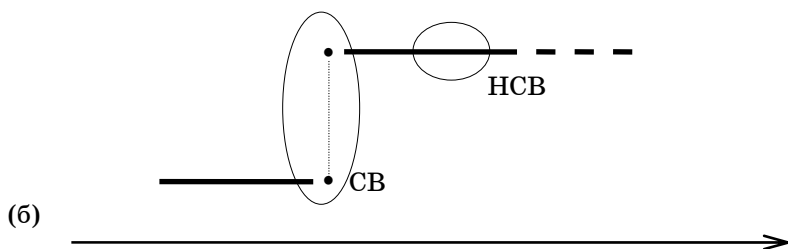
Предельные пары

В Гловинская 1982 различаются две разновидности предельных пар: *строить—построить* и *решать—решить* <задачу>. Различие состоит в том, что в первом случае происходит "постепенное накопление результата", а во втором достижение цели не предопределено развитием процесса (это различие проводится в Маслов 1948: 131). Глагол НСВ в предельной паре, в самом деле, часто имеет значение попытки — у некоторых глаголов (например, *сдавать* <экзамен>, *поступать* <в институт> и под.) настолько осязаемое, что глаголы СВ и НСВ не могут быть переведены, скажем, на английский язык одним и тем же словом (Comrie 1976: 13). Однако инвариантное для НСВ значение прохождения ситуации через последовательность фаз есть в семантике глаголов попытки, так что в предельном типе НСВ всегда является семантически производным от СВ, см. Wierzbicka 1967.

Перфектные пары

Перфектными мы называем пары типа *видеть—увидеть*, *слышать—услышать*, *ощущать—ощутить*, *чувствовать—почувствовать*, *волноваться—взволноваться*, *радоваться—обрадоваться*, *смотреть—посмотреть* (примеры взяты из Маслов 1948; см. анализ этого видового соотношения в Гловинская 1982: 91 и сл.). В перфектной паре глагол СВ обозначает моментальный переход, а НСВ — состояние; это состояние, которое наступает после некоторого перехода, так что оно может осмысляться как итоговое состояние данного перехода. Соотношение значений в предельной паре представлено схемой (а), а в перфектной — схемой (б):

В Гловинская 1982: 10 семантическое отношение в парах типа *возглавить*—*возглавлять* справедливо приравнивается к отношению между глаголом начинательного способа действия и мотивирующим его непроеизводным (например, *заболеть*—*болеть*, *замолчать*—*молчать*, *заснуть*—*спать*, *засуетиться*—*суетиться*, *засмеяться*—*смеяться* и т. д.), а также к отношению в парах типа *встать*—*стоять*, *сесть*—*сидеть*, *лечь*—*лежать* и т. п. Возникает, однако, вопрос, почему в грамматиках и словарях глаголы *возглавить* и *возглавлять* признаются видовой парой, а другие пары глаголов с начинательным соотношением, например, *заболеть*—*болеть* или *встать*—*стоять* — нет?

Эта “непоследовательность” легко объяснима. Традиционная грамматика исходит из того, что вид — словоизменительная категория и что видов два — СВ и НСВ. Поэтому она не может допустить, чтобы у одного глагола форме СВ (например, *заболеть*) соответствовали два разных НСВ (*заболевать* и *болеть*) с совершенно разным значением — это означало бы, что видов не два, а три. В результате форма *заболевать*, образованная имперфективацией, признается законным НСВ от *заболеть*, а *болеть* трактуется как другая лексема; перфектной видовой пары *заболеть*—*болеть* не возникает. Для таких глаголов, как *возглавить*, словоформа *возглавлять* является единственным НСВ, и для них перфектная пара имеет право на существование. Таким образом, в традиционной грамматике пара с начинательным соотношением может быть признана видовой только в том случае, если глагол СВ — моментальный, т. е. не входит в предельную пару с другим НСВ, обозначающим процесс.

Из всех этих пар глаголов только перфектные являются также и тривиальными (и в этом смысле — грамматически релевантными); так что выделение перфектных видовой пар среди других начинательных, принятое при словоизменительном подходе к виду, сохраняет смысл и при классифицирующем подходе.

К перфектным естественно относить такие видовой пары, где НСВ обозначает состояние, а СВ — скачок, причем состояние, обозначаемое глаголом НСВ, осмысливается как следствие того перехода, который обозначен глаголом СВ, так что НСВ и СВ описывают с разных точек зрения одну и ту же ситуацию, см. схему (б).

В Булыгина, Шмелев 1989 различаются два употребления глагола *понимать*, одно из которых предполагает предшествующие ему *понять* (*Теперь понимаю!*), а другое — не предполагает (*Я понимаю, что трудно обижаться, когда все бьют по*

лицу). Очевидно, только в первом из них *понимать* входит в перфектную пару с *понять*.

Глаголы СВ и НСВ в перфектной паре часто выступают почти как синонимы (пример Вендлера: *теперь вижу!* ≈ 'теперь увидел', см. Vendler 1967a), и не удивительно, что в самых разных языках слова со значением 'леж', 'сел', 'узнал' стали обозначать 'лежит', 'сидит', 'знает' (ср. нем. *wissen* и др. претеритально-презентные глаголы; или греч. *οἶδα* 'знаю', по форме — перфект).

В связи с понятием перфектной пары представляет интерес группа глаголов речи, у которых СВ означает 'выразить мнение или чувство — вообще произвести некоторый речевой акт', а НСВ — 'находиться в состоянии, сопутствующем этому речевому акту'. Это такие глаголы, как: *благодарить, возмущаться, возражать, восхищаться, врать, вызывать, выражать <уверенность>, говорить (, что), делать замечание, докладывать, жалеть, жаловаться, желать, заказывать, заявлять, звать, клясться, называть, обвинять, обещать, обращаться, объяснять, огорчаться, одобрять, оправдываться, отвечать, отказываться, отпущать, передавать привет, писать (что), повторять, поздравлять, показывать, посылать, предлагать, предупредить, предъявлять <претензии>, приветствовать, просить, приглашать, признавать, прощать, пускать, разрешать, рассказывать, соглашаться, сообщать, спорить, спрашивать, требовать, угрожать, удивляться, указывать, упрекать, хвалить* и др., см. Падучева 1985а: 138. У этих глаголов в 3-м лице СВ ≈ НСВ:

Иван передает (≈ *передал*) Вам привет;

Получила письмо из дома — мать *пишет* (≈ *написала*), что все в порядке.

В 1-м лице синонимия отсутствует:

Я вас *вызвал* ≠ Я вас *вызываю*.

Обычно это стативное значение формы НСВ описывается как употребление настоящего времени в значении прошедшего, ср., например, Leesch 1975. Однако на самом деле это значение выражается видом, а не временем, поскольку оно возникает у глаголов этой группы не только в настоящем, но и в прошедшем времени:

Получили они от него сумасшедшее письмо. Он *объявлял*, что ноги его не будет никогда в их доме.

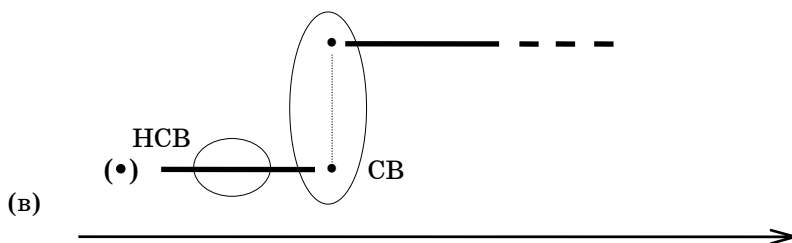
См. об аспектуальных свойствах глаголов речи более подробно в Кустова, Падучева 1994б.

Пример статочно-моментальной пары, которая не является перфектной, — *продолжать—продолжить* (*Съезд продолжил/продолжает свою работу*). В этой паре, согласно Гловинская 1982: 101, СВ *продолжить* обозначает переход из состояния, когда некоторое действие прекращено (т. е. не продолжается), в состояние, когда оно продолжается; однако НСВ *продолжать*, в своем основном значении выражает состояние, которое не предполагает точки начала: *продолжает* не значит 'продолжает после прерыва'. Поэтому эти глаголы не составляют перфектной пары.

Есть статочно-моментальные видовые пары, где состояние, обозначаемое глаголом НСВ, скорее мыслится как предшествующее тому переходу

ду, который обозначен глаголом СВ: ср. *отправляется—отправился, опаздывает—опоздал, успевает—успел, отпускает—отпустил, собирается* ('намерен')—*собрался, происходит—произошло, отдыхает—отдохнул, уделяет <внимание>—уделил, проводит <время>—провел, выигрывает—выиграл, наслаждается—насладился, сохраняет—сохранил, держит <слово>—сдержал* и т. д.

Семантическое соотношение в этой группе описывается схемой (в):

Скачок, обозначаемый глаголом СВ, в чем бы он ни состоял, приводит к тому, что исходное состояние уже не имеет места: если Х опоздал, то он уже больше не опаздывает. К тому же типу относится пара *догадываться—догадаться*, про которую в Булыгина, Шмелев 1989: 10 сказано: “после того, как Х догадался, он уже не догадывается, а знает”.

6. Так называемые нестандартные семантические соотношения в видовых парах

В работах Гловинская 1982 и Апресян 1980а был описан целый ряд нестандартных типов видовых соотношений. Мы предложим для этих фактов альтернативную трактовку, а именно: покажем, что если должным образом дифференцировать лексические значения глагола в составе нестандартной пары, то окажется, что этот глагол в одном своем значении входит в стандартную видовую пару, а в другом вообще не входит в нетривиальную пару.

Так называемые нестандартные семантические отношения часто воспроизводимы, т. е. повторяются в целом классе глаголов. Этот факт имеет простое объяснение: лексическая неоднозначность глагола, возникает как следствие продуктивных семантических процессов, т. е. является семантической деривацией в смысле Д. Н. Шмелева (Шмелев 1968) или регулярной многозначностью в смысле Ю. Д. Апресяна (Апресян 1974), и потому носит массовый характер. В некоторых случаях такая неоднозначность может даже не отражаться в словаре, а входить, так сказать, в “грамматику лексической семантики”. Рассмотрим несколько примеров из Гловинская 1982.

В примере (5), в соответствии с интерпретацией в Гловинская 1982: 94, СВ *завалить* означает не просто ‘начать быть в каком-то состоянии’,

как для стандартного типа, а ‘начать быть в каком-то состоянии как бы в результате соответствующего процесса’:

(5) Вход в пещеру *заваливают/завалили* камни.

Семантическому отношению между *заваливают* и *завалили* в этом примере мы предлагаем следующее объяснение. Глагол СВ *завалить* может иметь два лексических значения: 1) предельного процесса и 2) моментального перехода. Глагол НСВ *заваливать* тоже имеет два лексических значения: 1) процессное и 2) статальное. Соответственно, предельное *завалить* и процессное *заваливать* образуют предельную пару, а моментальное *завалить*, равно как и статальное *заваливать*, не образуют предельной пары. В примере (5) *завалить* может пониматься в значении предельного процесса (когда итоговое состояние ассоциируется с соответствующим процессом, который обозначен парным глаголом НСВ); отсюда значение *завалить* — ‘начать быть в состоянии как бы в результате соответствующего процесса’.

Различение двух указанных значений у *заваливать*, как и у других глаголов “присоединения” (Гаврилова 1975), т. е. приобретения контакта, можно обосновать аргументами двоякого рода. Во-первых, разные лексические значения этого глагола предъявляют разные требования к тому семантическому актанту, который выражен подлежащим: процессное значение требует активного (или хотя бы самодвижущегося — self-moving) субъекта, а статальное возникает в контексте субъекта, неспособного к самостоятельному перемещению — пассивного. Поэтому оба значения глагол присоединения может иметь только в контексте подлежащего, которое способно быть и активным, и пассивным, как *камни* в примере (5) или *вода* в (6):

- (6) а. *Вода наполняла бассейн* ≈ ‘Бассейн постепенно наполнялся водой’ [процесс; активная вода].
 б. *Вода наполняла бассейн до краев* ≈ ‘Бассейн был наполнен водой до краев’ [состояние; пассивная вода].

В примере (7) глагол допускает только статальное понимание (подлежащее не может быть активным); в (8) — только процессное (подлежащее не может быть пассивным участником ситуации):

- (7) *Камень закрывал (заваливал) вход в пещеру* [состояние];
 (8) *Охотник закрывал (заваливал) <чем-то> вход в пещеру* [процесс].

Другим аргументом в пользу различения двух значений служит сделанное в Гаврилова 1975 наблюдение, что в разных значениях эти глаголы имеют разные формы пассивного залога:

- Pass [X наполняет Y] процесс = Y наполняется X-м;
 Pass [X наполняет Y] состояние = Y наполнен X-м.

По А. И. Смирницкому (1956) отношение между двумя значениями глаголов, типа *заваливать*, *наполнять*, можно рассматривать как словообразование по конверсии, т. е. словообразование, выражаемое меной парадигмы.

Таким образом, значение глагола СВ *завалить* и его соотношение с глаголом НСВ *заваливать* в примере (5) вполне стандартное; нестандартность возникает лишь в том случае, если глагол СВ *завалить* в процесс-

ном значении объединяется в видовую пару с глаголом НСВ *заваливать* в статальном значении.

Заметим, что глагол СВ *завалить* в моментальном значении входит в перфектную пару с глаголом НСВ *заваливать* в статальном, так что *завалили* в примере (5) допускает и такое понимание, при котором глаголы СВ и НСВ практически синонимичны, как это естественно для перфектной пары; так (7) \approx *Камень закрыл (завалил) вход в пещеру*.

Другой пример якобы нестандартного видового соотношения. Как справедливо отмечено в Гловинская 1982: 95, в (9) глаголу СВ присущ "элемент изобразительности", который не ощущается в НСВ:

(9) Отмель *врезается/врезалась* в море.

Действительно, глагол СВ *врезаться* представляет расположение и наблюдаемый внешний вид отмели как результат — итоговое состояние — некоторого процесса "врезания" отмели в море (аналогичного, например, процессу врезания лодки в песок). Так что, глагол СВ *врезаться* мог бы входить в предельную пару с глаголом НСВ *врезаться*, обозначающим этот процесс. Однако сочетание глагола *врезаться*, который в этом значении требует активного (или, по крайней мере, самодвижущегося) субъекта, с подлежащим *отмель* (пассивным) семантически аномально и может существовать только как образное выражение, как метафора. Эта метафоричность НСВ *врезаться* [об отмели] и порождает "элемент изобразительности" в значении СВ *врезаться*, входящего с ним в потенциальную предельную пару.

Что же касается того значения НСВ *врезаться*, которое не аномально в применении к отмели (и которое имеется в виду в примере (9)), то оно является статальным и не входит в предельную пару с СВ *врезаться*. Аналогичные статальные значения имеются у большого числа "географических" глаголов *впадать*, *пересекать*, *примыкать* и др.). Так что и в примере (9) нестандартных соотношений в видовой паре можно избежать за счет дифференциации лексических значений глагола.

Теперь о примере (10) из Апресян 1986а:

(10) Около сторожки дорога *поворачивает/повернула*.

Как было показано в Апресян 1980б, у ряда глаголов перемещения значение СВ (в контексте подлежащего, обозначающего пространственный объект) нельзя описать без указания на перемещающегося наблюдателя, глазами которого как бы и воспринимается данное событие, ср.

(11) Тропинка *кончилась* у реки.

В связи с этим говорится о нестандартном видовом противопоставлении в контекстах такого рода.

Едва ли, однако, правомерно связывать фигуру наблюдателя в примере (10) с семантикой видового противопоставления. Скорее здесь дело в особом лексическом значении глагола: толкование этого значения, действительно, требует упоминания наблюдателя (нетривиального, а именно "пользователя"), но в обоих членах видовой пары. То, что лексическое

значение глагола НСВ *поворачивать* [о дороге] тоже предполагает наблюдателя, демонстрирует пример:

(12) Около сторожки дорога *поворачивала направо*.

В примере (10) с формой наст. времени *поворачивает* предпочтительно неактуальное понимание НСВ, при котором присутствие наблюдателя менее заметно. В (12), при прошедшем времени, НСВ *поворачивала* может иметь два значения: актуальное и узуально-статальное. И оба значения подразумевают наблюдателя (одно — идущего, точнее — шедшего по дороге, т. е. актуального, другое — узуально использующего ее в одном и том же направлении). Иначе как можно сказать, что дорога поворачивала направо, а не налево? Аналогично для примера

(13) Тропинка *поднималась* в гору:

если нет наблюдателя, который идет по тропинке, то откуда известно, что тропинка поднималась, а не спускалась?

В примере (10) актуальное значение НСВ маловероятно из-за обстоятельства места: если наст. время употребляется в дейктическом режиме, надо сказать не *около сторожки*, а *здесь*), см. правило обязательного дейксиса в главе 11. Но в принципе актуальное понимание, требующее наблюдателя, возможно и у (10) — например, если говорящий и адресат не видят друг друга, см. о неканонических речевых ситуациях в главе II.3.

Итак, предлагается следующая трактовка примера (10). У глаголов, обозначающих перемещение субъекта вдоль пространственного объекта типа "пути", часто есть семантический дериват, у которого "путь" становится подлежащим; ср. (а) *Я шел вдоль реки по узенькой тропинке* и (б) *Узенькая тропинка шла вдоль реки*. Субъект-агенса, перемещающийся вдоль "пути", есть как в (а), так и в (б); но в употреблениях типа (б) он невыразим на поверхностном уровне. Зато за этим подразумеваемым агенсом остается роль наблюдателя — невыразимый агенс компенсирует себя как субъект пространственного (а может быть и иного) дейксиса. Точнее будет сказать, что путь предполагает идущего — он же оказывается, "по совместительству", и наблюдателем.

Если так, то у глагола НСВ *поворачивать* [о дороге] есть процессное значение; глагол СВ *повернуть* соотносится с этим процессным значением НСВ как в обычной предельной паре (т. е. тропинка поворачивает как человек).

Домысливание наблюдателя — это активный семантический процесс. Порождаемые им сдвиги лексического значения глагола дают себя знать не только в употреблении видовых форм, но и форм времени, как в (14); или временных наречий, как в (15):

(14) а. Смотри, сейчас наш Иртыш *будет впадать* в Обь.

б. Когда мы подыдемся, справа *будет открываться* замечательный вид.

(15) Справа *всегда возвышается* здание гостиницы.

В примере (14) глаголы *впадать* <о реках>, *открываться* <о видах>, которые нормально употребляются только в гномическом настоящем, стоят в будущем времени, поскольку речь идет о времени наблюдения некоторого события — в (14а) люди, очевидно, плывут по Иртышу. В (15) наречие

всегда, которое нормально не употребляется с глаголами, обозначающими постоянное свойство (как *возвышаться* в этом примере), оказывается допустимым, поскольку подразумевается регулярное прохождение человека-наблюдателя по какой-то одной и той же дороге, т. е. регулярное наблюдение возвышающегося здания: свойство превращается в повторяющееся событие.

Домысливание наблюдателя не ограничивается глаголами с подлежащим — пространственным объектом:

(16) Письмо *обрывалось/оборвалось* на полуслове.

Общим для примеров (10)—(16) является производная диатеза глагола: глагол употребляется таким образом, что его подлежащим становится неглавный участник ситуации, а главный участник, предполагаемый ситуацией, вытесняется в позицию синтаксически невыразимого, но сохраняет за собой право быть наблюдателем происходящего; ср. в этой связи работу Zholkovsky 1985, где показано, как поэт использует глаголы в производных диатезах для вовлечения в ситуацию "лишних" участников.

Как нестандартное представлено в Апресян 1980а: 63 видовое соотношение в примере

(17) X *будит/разбудил* Y-а:

СВ = 'X каузировал то, что Y проснулся' (ср. *Ивана разбудил звонок в дверь*);

НСВ = 'X воздействует на Y с целью каузировать, чтобы Y проснулся' (ср. *Я уже полчаса тебя бужу*).

В СВ отсутствует компонент 'X воздействует целенаправленно'.

Чтобы представить видовое соотношение в примере (17) как стандартное, достаточно различить у глагола *разбудить* два значения: 1) *разбудить*-действие, когда X — субъект, способный к целенаправленной деятельности, и 2) *разбудить*-происшествие, когда X — неодушевленный субъект или событие. Тогда *разбудить* в первом значении составит обычную предельную пару к *будить*, а *разбудить* во втором — моментальный глагол, не входящий в видовую пару.

И последний пример (Апресян 1980а: 66): пара *мешать—помешать* признается нестандартной, поскольку

(18) X *мешал* Y-у *сделать* P ≈ 'Y-у было трудно сделать P';

X *помешал* Y-у *сделать* P ≈ 'Y-у было невозможно сделать P'.

Глагол *мешать* может, однако, иметь не только значение 'делать трудным', как в примере *Встречный ветер мешал идти*, но и значение 'делать невозможным' (как в примере *Грушицкий ... усиливался нагнуть, чтобы его поднять: больная нога ему мешала*). Ясно, что СВ *помешать* входит в видовую пару с *мешать* в его втором значении (и пара *мешать—помешать* относится к тому же типу, что *опаздывать—опоздать*: когда помешал, то больше уже не мешает), а в первом *мешать* не имеет пары.

* * *

Все сказанное кратко суммируется следующим образом:

1. Наличие у глагола предельной видовой пары определяется его принадлежностью к одному из четырех классов Вендлера.

2. Единственное противопоставление, общее для всех видовых пар, — это тривиальное, как в паре *найти—находить*. Инвариант нетривиальных видовых соотношений состоит в том, что глаголы НСВ и СВ, входящие в пару, имеют каждый свое инвариантное видовое значение, т. е. НСВ обозначает ситуацию, членимую на однородные временные фразы, а СВ — изменение состояния. К числу часто повторяющихся (стандартных) соотношений относятся предельное, как в паре *делать—сделать*, и перфектное, как в *видеть—увидеть*. Другие стандартные соотношения мы рассмотрим в следующих главах.

3. Нестандартные соотношения между глаголами в видовой паре часто могут быть переинтерпретированы как стандартные соотношения между разными лексическими значениями этих глаголов.

Глава 7

СЕМАНТИКА ВИДОВОГО ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ И ТАКСОНОМИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ГЛАГОЛА*

1. Т-категория и ее формат толкования

Ставится задача — показать, что семантика видового противопоставления в существенной степени предопределена лексической семантикой глагола, а именно его таксономической категорией (Т-категорией). Т-категория — это уточнение вендлеровского глагольного класса, см. Vendler 1967a; т. е. речь идет о действиях, состояниях, процессах, происшествиях и под.

Вендлер показал, что Т-категория глагола отражается в его сочетаемости — как синтаксической (например, глаголы действия и деятельности по-разному сочетаются с обстоятельствами времени, см. (1), и длительности, см. (2)), так и морфологической (например, глаголы состояния в англ. языке не могут иметь формы прогрессива, см. (3)):

- (1) *написал* за два часа / **спал* за два часа;
- (2) *спал* два часа / **написал* два часа;
- (3) Не **is knowing* the answer.

Есть, однако, важный аспект понятия Т-категории, которого Вендлер не учитывает: Т-категория проявляет себя в формате толкования, общем для всех глаголов данной Т-категории (см. о формате толкования Падучева 1992б и о толкованиях в системе “Лексикограф” — Кустова, Падучева 1994а). Так, толкование всех глаголов действия имеет единый формат — в нем обязательно должны быть компоненты “деятельность с Целью” и “результат (состоящий в достижении Цели)”, см., например, толкование глагола *открыть* во фразе

- (4) *Иван открыл окно* =
I. деятельность | Субъект действовал с Целью

* Опубликовано в сб.: Семиотика и информатика, вып. 34. — М.: ВИНТИ, 1994, с. 7–31.

- II. каузация | (I) каузирует (III)
- III. процесс | шел процесс в Объекте: синхронный деятельности Субъекта; имеющий Предел
- IV. результат, соответствующий Цели | процесс дошел до Предела; тем самым началось и в момент наблюдения имеет место состояние: Объект открыт.

Общие сочетаемостные возможности у глаголов одной Т-категории производны от общности значения этих глаголов, отражаемой форматом толкования. Так, сочетание *написал за два часа* возможно потому, что идея ‘действовал и закончил’ входит как в семантику глагола действия *написал*, так и в семантику обстоятельства срока завершения *за два часа*. По той же причине обстоятельства типа *за два часа* не сочетаются с деятельностями: деятельность не ограничена во времени; она не предполагает завершения, состоящего в получении результата.

В данной главе Т-категория глагола будет нас интересовать с точки зрения того, как она предопределяет вхождение глагола в видовые пары того или иного семантического типа. А именно, мы покажем, какие предсказания могут быть сделаны из Т-категории относительно наличия / отсутствия у глагола видовой пары, а также относительно содержания видового противопоставления, если известно, что видовая пара есть.

Основной тезис: наличие у глагола видовой пары и тип семантического соотношения в такой паре в существенной степени предсказуемы из семантики глагола; т. е. возможны формулировки в общесемантических терминах, так что в словаре, если он содержит соответствующую семантическую информацию, достаточно фиксировать лишь подлинные исключения — которых относительно немного. Например, отсутствие СВ у *утверждать*, *отрицать* не выводится из семантики, а имеет историческое объяснение (Исаченко 1960: 305); ср. наличие перфектных форм у соответствующих глаголов в других языках. Отсутствие НСВ (в итеративном значении) у *очнуться*, *встрепенуться* объясняется не семантикой, а морфологическими затруднениями, см. Маслов 1948. Но уже для *дунуть* отсутствие итератива обусловлено семантикой, см. раздел “Семельфактивы”.

Иногда для предсказания наличия/отсутствия видовой пары необходимо, кроме Т-категории, обращение к другим семантическим компонентам толкования. Вообще, таксономические категории образуют иерархию, так что семантической реальностью является семантический компонент, совокупность компонентов или даже подструктура толкования; Т-категория — одна из таких подструктур.

Дадим определение двум понятиям, которые используются в дальнейшем.

Определение 1. Видовая пара — это пара глаголов, один СВ, другой НСВ, удовлетворяющая следующему функциональному критерию (“критерий Маслова”): глагол НСВ должен (быть может помимо прочих своих значений) иметь значение многократного наступления ситуации, обозначаемой глаголом СВ. Иначе говоря, два глагола образуют видовую пару, если они являются тривиальной парой в смысле раздела 3 главы 6.

Так, *открывать—открыть* — видовая пара, поскольку можно сказать *Он всегда открывает окно по утрам*, где *открывать* обозначает много-

кратное наступление ситуации, обозначаемой глаголом СВ. Аналогично для *строить—построить*. С другой стороны, *счесть—считать* — не видовая пара, поскольку здесь глагол НСВ, даже в мощном контексте многократности, сохраняет свое стативное значение, не приобретая значения итератива от СВ *счесть*; например: *Ты всегда считаешь, что я неправа*. Не входят в видовые пары глаголы, обозначающие диспозиции — предрасположения поступать определенным образом (*предпочитать*) или воздействовать определенным образом (*подавлять*, как в контексте *Бродский меня подавляет* = ‘обладает свойством приводить в подавленное состояние’): у глаголов диспозиции форма НСВ обозначает свойство и не склонна приобретать значение раздельной множественности, что необходимо для вхождения в видовую пару в соответствии с критерием Маслова. Ср. соотношение в паре *предпочесть—предпочитать*; оно такое же, как между *счесть* и *считать*, описанное выше.

Другой критерий, предположительно — экстенционально эквивалентный: НСВ должен “заменять” СВ в контексте настоящего исторического. Тест Маслова на способность глагола НСВ замещать глагол СВ в контексте наст. исторического часто дает тот же результат, что и тест на многократность (ср. *В этот момент он врывается в комнату и открывает окно*). Однако наст. историческое естественно не для всех классов глаголов; так, маловероятны в наст. историческом многие ментальные, эмоциональные и волитивные глаголы, например, *пренебрегать; жалеть <что>; хотеть*.

Определение 2. Лексема — это слово, взятое в одном из его значений. Объектом рассмотрения являются не слова, а лексемы.

В дальнейшем мы надеемся преодолеть дробность возникающих делений слова на лексемы — например, за счет более экономного представления регулярной многозначности; но пока, скажем, глагол *порвать* должен быть разделен на две лексемы — одна обозначает действие (*порвал записку*), другая — происшествие (*Где это ты порвала платье?*).

2. Первичные и производные Т-категории

Итак, наш первый тезис состоит в том, что Т-категории глагола могут быть заданы не только косвенным образом, через общность сочетаемых свойств, но и более прямым — через общность значения, которая проявляется в формате толкования. Тезис второй: Т-категории должны задаваться не списком, а исчислением. Имеются первичные категории — они задаются форматом толкования; ср. формат толкования глаголов действия в примере (4). Каждая из производных категорий должна быть обеспечена правилом, которое порождает толкования лексем данной категории из толкований соответственных лексем (более) исходной. Толкования, порожденные одним и тем же правилом, имеют — в силу этого — один и тот же формат.

Чем вызвана необходимость различения первичных и производных Т-категорий? Дело в том, что при попытке использования классификации

Вендлера (см., например, Mehlig 1981/1985, Булыгина 1982) славянская аспектология столкнулась с рядом проблем.

ПРОБЛЕМА 1. Очевидно, что глаголы *построить* (дом), *нарисовать* (кружочек) — это вендлеровские accomplishments; но куда отнести парные к ним глаголы НСВ — *строить* (дом), *рисовать* (кружочек)? В таксономии Вендлера для них места нет.

ПРОБЛЕМА 2, с перенесением вендлеровской классификации на славянскую почву, была красиво поставлена М. Флаером (Flier 1985): делимитативы (*поспать*, *покурить*, *поработать*) — это не accomplishments; например, они сочетаются с обстоятельствами длительности (*поспал полчаса*), ср. невозможность аналогичных сочетаний для *построил*, *вымыл*; и тем более это не achievements, ср. невозможность обстоятельства длительности при *нашел*, *споткнулся*. Куда же их отнести?

Проблемы такого рода снимаются, если учесть, что Вендлер, во-первых, занимался лексической таксономией, а во-вторых — классифицировал первичные, исходные употребления глагола как лексической единицы. Относительно английских глаголов *wash* ‘вымыть’, *open* ‘открыть’ ясно, что их первичное употребление — такое, когда они обозначают действие в его целостности, как русские глаголы СВ; “действие в развитии” выражается в англ. языке формой Progressive, и естественно, что действий в развитии лексическая таксономия английского языка не касается. Между тем в русском языке аспектуальная маркированность — и, тем самым, таксономическая производность — глагола НСВ (входящего в видовую пару с СВ) далеко не так очевидна. Если, однако, признать глагол НСВ производным от СВ, то для непродвиженных глаголов русского языка степень их покрытия вендлеровской таксономией оказывается достаточно хорошей. Так что таксономия в существенной степени едина.

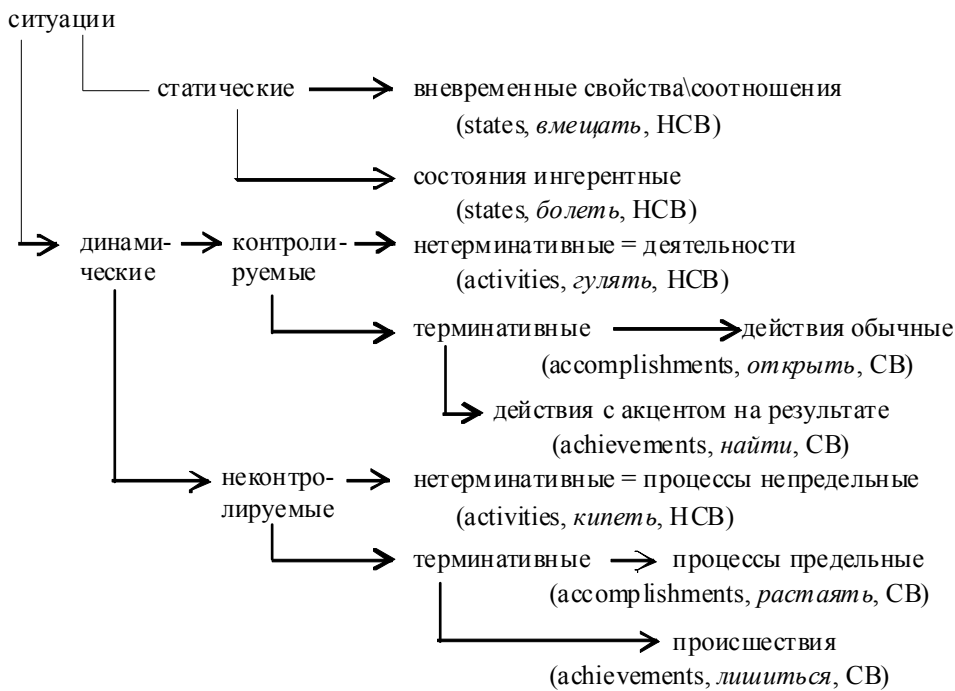
Парный НСВ глагола действия в польском языке трактуется как производный от СВ в Wierzbicka 1967. Ср. в Moens, Steedman 1989 описание семантики английского прогрессива через “отбрасывание кульминации”. В Wierzbicka 1980 глагол *to kill*, который рассматривается как образец для всего класса глаголов действия, тоже толкуется в СВ (впрочем некоторые другие глаголы толкуются “для простоты” в НСВ, и тогда НСВ оказывается лексикографически исходным видом).

Ниже приведена иерархически устроенная классификация первичных Т-категорий. В разных семантических типах видовых пар направление производности разное (проблему выбора исходного и производного члена в видовой паре мы здесь не обсуждаем — обычно это интуитивно очевидно). Поэтому таксономически исходными могут быть глаголы как СВ, так и НСВ.

Т-категория мыслится как класс глаголов, и как класс ситуаций. Семантические противопоставления лучше относить к ситуациям.

В нашей классификации восемь категорий вместо вендлеровских четырех. Три дополнительные категории возникают за счет того, что категории *activities*, *achievements* и *accomplishments* делятся каждая на две по

Иерархия первичных Т-категорий

признаку контролируемости: неконтролируемые achievements — это происшествия (happenings); неконтролируемые accomplishments — это предельные процессы; неконтролируемые activities — это неопредельные процессы. Четвертая категория возникает за счет того, что мы отличаем состояния — временные — от вневременных свойств и соотношений, ср. у Вендлера противопоставление *see*₁ ‘вижу сейчас’ и *see*₂ ‘способен видеть’ — например, после операции, вернувшей зрение.

Иерархия отражает некоторый срез классификации Т-категорий, сделанный для удобства сопоставления с таксономией Вендлера. Можно пользоваться, с одной стороны, более общими категориями (например, Действие — это обобщение для двух категорий: Действие обычное и Действие с акцентом на результате); а с другой — более дробными; например, среди деятельностей можно выделить многоактные (как *махать*) и аккумулятивные, с накоплением эффекта (как *пахать*).

Имея перечень первичных Т-категорий, обратимся теперь к понятию производной Т-категории.

Как исчислить производные категории? Рассмотрим несколько продуктивных способов их возникновения.

1. В видовой паре, как уже говорилось, всегда один глагол семантически исходный, а другой — производный. Производный член видовой пары имеет производную Т-катеорию (которая, естественно, не входит в Иерар-

хию). Например, в паре *открыть*—*открывать* глагол СВ *открыть* имеет первичную Т-категорию (Действие обычное), а Т-категории для *открывать* Иерархия не предусматривает: *открывать* — в своем основном видовом значении, актуально-длительном, — имеет производную Т-категорию Действие в развитии.

2. Производными являются Т-категории глаголов маркированных способов действия. Например, глагол *гулять* имеет первичную категорию Деятельность, а *погулять* — производную категорию Делимитатив; для *гулять* формат толкования задан априори, а для *погулять* он обеспечивается правилом, которое описывает соответствующую словообразовательную модель. (Собственно говоря, способ действия — это и есть словообразовательная модель: обычно эта модель дает производный глагол противоположного вида, не образующий, однако, с исходным видовой пары.) Например,

- (5) X погулял = 'до t X не гулял <презумпция>; после t X гулял на протяжении некоторого интервала T; после окончания T X не гуляет'.

3. Возможна производность, так сказать, во второй степени. Так, у глагола *открывать*, который уже имеет производную категорию, будучи имперфективом, имеется, помимо исходного частновидового значения (для глаголов НСВ — актуально-длительного), несколько производных, в частности, итеративное. В этом своем производном значении глагол *открывать* принадлежит к Т-категории Итератив. Первичная Т-категория глагола ориентирована на его употребление в исходном частновидовом значении. Существуют, однако, глаголы с дефектным набором частновидовых значений, у которых исходное значение отсутствует, и единственно возможным оказывается такое, которое для глагола с полной парадигмой частновидовых значений является производным. При описании лексического значения таких глаголов естественно использовать ту схему толкования, которая разработана в грамматике для соответствующего частновидового значения. Иными словами, для глаголов с дефектной парадигмой частновидовых значений толкование задается некоторым правилом грамматической семантики. Несколько примеров.

Пример 1. Глаголы *находить*, *случаться* не имеют того частновидового значения, которое признается исходным для НСВ. Для них главное существующее значение — итеративное (которое для обычных глаголов, например для *открывать*, считается производным). Таким образом, Т-категория глаголов типа *находить* — Итератив. Грамматическое правило, которое задает для глагола *открывать* толкование многократного вида, для *находить* задает толкование лексического значения.

Пример 2. Глаголы *воровать*, *питаться* соотносятся по смыслу с *красть*, *есть* так же, как, например, *курить* в узуальном значении соотносится с *курить* в актуально-длительном (акт.). Тем самым для толкования лексического значения глагола *воровать*, аспектуально дефектного, может быть использовано толкование узуального значения глагола с полной парадигмой видовых значений. Так возникает Т-категория Занятие, к кото-

рой принадлежат, помимо *воровать* и *питаться*, такие глаголы, как *воевать*, *командовать*, *кочевать*, *переругиваться*, *править* <страной>, *преподавать*, *путешествовать*, *рыбачить*, *пьянствовать*, *руководить*, *служить*, *сотрудничать*, *спекулировать*, *слетничать*, *судиться*, *торговать*, *ухаживать*, *царствовать*, *шефствовать* и др., см. раздел 7 главы I.8.

Пример 3. Глаголы *подражать*, *притворяться*, *игнорировать*, *афишировать* и многие другие — все с оценочным значением — не имеют нормального акт. значения НСВ, а также и нормального значения времени; а именно, они могут, употребляясь в форме наст. времени, обозначать уже происшедшее однократное событие; например, мальчику, который повесил куртку на спинку стула, а не на вешалку, можно сказать: “Зачем ты подражаешь отцу?”. Нормальное для них употребление — в значении расширенного настоящего (в смысле Бондарко 1971); при этом частный поступок рассматривается как способ поведения, характеризующий человека на достаточно длинном временном интервале (ср. Гловинская 1986, Апресян 1988а). Такое употребление допустимо — на правах частновидового значения — и для обычного глагола действия. Так, глаголы *ломать*, *толкать* допускают, наряду с акт. значением, значение гиперболической множественности. Правило, обслуживающее *ломать*, *толкать* в этом “поведенческом” частновидовом значении, которое так или иначе должно быть предусмотрено в грамматической семантике, задает формат толкования для “малой” Т-категории Поведение, см. главу I.8.

4. Глагол имеет первичную Т-категорию при употреблении в составе исходной падежной рамки — обычно это рамка с единичными конкретно-референтными актантами. При употреблении в неисходной падежной рамке толкование глагола меняется, а с ним, быть может, и Т-категория. Так, для глагола *налить* исходным считается употребление с конкретно-референтным объектом (*налить водку в графин*), а с нереперентным (*налить ему водки*) он переходит в категорию Кумулятивов (как *насолить грибов*). Другой пример категориального сдвига. Глагол *ловить* в исходной рамке — с конкретно-референтным объектом — обозначает действие (*ловит эту бабочку уже полчаса*); а с родовым актантами он переходит в разряд деятельности (*ловить рыбу*). “With activities <...> a change in the individuation of the direct object leads to a change in aspectual class” (Voorst 1992: 90). Аналогично для *петь песню* и *петь песни*; *стирать рубаху* и *стирать белье*.

Итак, мы предъявили несколько путей (заведомо не все!) возникновения производных Т-категорий. Их форматы толкования задаются не лексической семантикой, как в случае первичных Т-категорий, а либо семантикой морфологии (как в пп. 1 и 3 выше), либо словообразовательной семантикой (как в п. 2), либо семантикой синтаксиса (как в п. 4), либо, быть может, как-то еще.

Разумеется, представляет интерес перечень, в который входили бы как первичные, так и производные Т-категории. Такого перечня мы пока не можем предложить в полном виде, хотя он уже не за горами.

Еще одна таксономическая задача — получение обобщенных категорий, которые включали бы различные конкретные — как первичные, так и производные. Глаголы, относящиеся к одной и той же обобщенной категории могут различаться схемой толкования, но обладать общими сочетаемостными свойствами или текстовой функцией. Так, Действие (завершенное), Действие с акцентом на результате, Происшествие и Делимитатив принадлежат к одной и той же обобщенной категории Событие. В обобщенную категорию Состояние входят, помимо первичных состояний, перфектное (см. главу 9) и многие другие, ср. в Leech 1975 деление глаголов на два класса: события и состояния). Вежбицка говорит о категории глаголов постепенного изменения (“...verbs of gradual change (an important category which Vendler does not mention”, Wierzbicka 1980: 199): эта категория объединяет ряд первичных категорий — предельные и неопредельные процессы и деятельности, а также производную категорию Действие в развитии. Производные деятельности (*ловить рыбу*) попадают в одну обобщенную Т-категорию с первичными деятельностями.

3. Т-категории и видовые пары

Теперь вернемся к видовым противопоставлениям. Наша задача — для каждой Т-категории базовой иерархии идентифицировать категорию (или категории), к которой относится ее видовой партнер, если таковой существует. Глаголы производных категорий, даже если это отдельные лексемы, как например маркированные способы действия, за редким исключением не входят в видовые пары, и мы их здесь не касаемся.

Видовые пары с исходным СВ

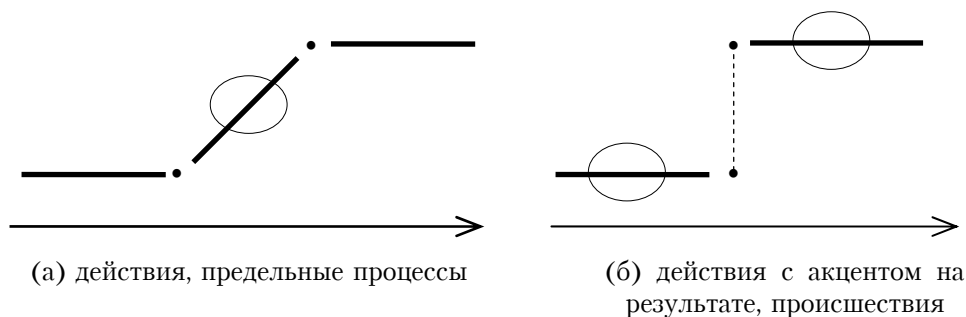
Из восьми Т-категорий базовой иерархии к СВ принадлежат четыре — действия (обычные), действия с акцентом на результате, предельные процессы и происшествия. Т-категории парного НСВ см. в Таблице 1.

Таблица 1

СВ	НСВ
1) действия обычные	действия в развитии (<i>открывать</i>)
2) действия с акцентом на результате	—
а) достижения ¹	тенденции (<i>выигрывать</i>)
б) экзерситивы	предстояния (<i>назначать</i>)
в) перформативы	перфектные состояния (<i>обещать</i>)
г) ?	чистые итеративы (<i>находить</i>)
3) процессы предельные	процессы в развитии (<i>таять</i>)
4) происшествия:	—
а) ?	тенденции (<i>опаздывать</i>)
б) ?	перфектные состояния (<i>заваливать</i>)
в) сдвиги	неопредельные тенденции (<i>усиливаться</i>)

¹ Термин “достижение” употребляется здесь в значении более узком, чем achievement по Вендлеру: достижение — это действие с акцентом на результате и с семанти-

Если глагол СВ обозначает действие обычное или предельный процесс, то описываемая им ситуация делится на три временных интервала — исходное состояние, переход (динамическая фаза) и итоговое (новое) состояние. Ситуация, описываемая парным глаголом НСВ, относится к временному интервалу, который соответствует динамической фазе: это обычная предельная видовая пара, см. схему (а). Если же глагол СВ моментальный, т. е. обозначает действие с акцентом на результате или происшествии, то переход мыслится как не занимающий времени (по крайней мере, он не допускает синхронного наблюдателя). В этом случае парный глагол НСВ, если он существует, описывает какой-то из двух оставшихся интервалов, см. схему (б):

Тенденция и предстояние занимают, из двух статических интервалов, левый, предшествующий переходу, а перфектное состояние — следующий за переходом, правый. Разница между тенденцией и предстоянием состоит в том, что предстояние описывает ситуацию, когда наступление нового состояния полностью предопределено намерением субъекта (хотя реальный переход может требовать свершения каких-то событий); а тенденция возникает в контексте неконтролируемости или неполного контроля. Например, тенденции образуются от конативов, в семантику которых входит компонент ‘удалось’.

Почему парный НСВ моментального глагола иногда занимает левый интервал, а иногда — правый, это интереснейшая задача, которая пока в общем виде не решена. Частичные ответы будут предложены ниже.

Тип видового противопоставления определяется семантикой производного члена пары; поэтому мы рассмотрим поочередно все Т-категории глаголов НСВ из Таблицы 1.

Действия в развитии

Как уже говорилось, формат толкования глагола СВ, обозначающего действие, определяется компонентами “деятельность” и “результат (соответствующий Цели)”, см. пример (4). Парный НСВ глагола действия име-

ческим компонентом ‘удалось’; так, *найти* — достижение, а *прийти* — просто действие с акцентом на результате.

ет категорию Действие в развитии и обозначает деятельность Субъекта, направленную на достижение Цели (т. е. на получение результата), но еще не достигшую ее. Ср. толкование глагола *открывать*:

(6) Иван *открывает* окно =

I. деятельность | в МН Субъект действует с Целью

II. каузация | (I) КАУЗ (III)

III. процесс | идет процесс в Объекте: синхронный деятельности Субъекта; имеющий Предел

IV. Цель | процесс дойдет до Предела; тем самым в некоторый момент $t > \text{МН}$ наступит состояние: Объект открыт.

Как мы видим, толкование Т-категории Действие в развитии получается из толкования соответствующего действия с помощью правила, которое переводит компонент “результат” в компонент “Цель”. Кроме того, толкование *открывать* отличается от толкования *открыть* позицией наблюдателя: в НСВ момент наблюдения приходится на деятельность (акт. значение имеет синхронного наблюдателя), тогда как в СВ наблюдатель ретроспективный — момент наблюдения приходится на итоговое состояние (см. главу 1). К этим двум преобразованиям (переход результата в Цель и смена точки отсчета) сводится отличие НСВ от СВ. Компонент III в толковании *открывать* не категориальный: у других действий в развитии он может отсутствовать.

Действие в развитии — это “актуально длящееся” действие; т. е. глагол Т-категории Действие в развитии нормально имеет, в числе прочих, акт. значение. Однако это значение может быть более или менее естественно, в зависимости от различных субкатегориальных компонентов:

а) у действий с накоплением результата — *умыться, сложить, разогреть, расширить (дорогу), растопить (масло), покрасить (крышу), высушить (белье), вытереть (тарелку), выбить (ковер), открыть (окно)* и под. — акт. значение парного НСВ более естественно, чем у конативов, типа *уговорить, поступить (в институт)*, у которых компонент “деятельность” — это, строго говоря, не деятельность, а попытка достичь цели (о конативах см., в частности, Forsyth 1970: 49). Конативы отличаются от действий с накоплением результата отсутствием компонента “процесс в Объекте: синхронный деятельности Субъекта”;

б) у действий, предполагающих процесс в Объекте, не синхронный деятельности Субъекта (когда деятельность Субъекта сводится к сообщению некоторого начального импульса, вызывающего процесс в Объекте, типа *выстрелить, прыгнуть, бросить, взорвать, убить*), акт. интерпретация НСВ затруднена в еще большей степени. Заметим, что сверхкраткость процесса в Объекте не является, сама по себе, препятствием для акт. интерпретации НСВ, ср. *повернуть—поворачивать (выключатель), нажать—нажимать (кнопку), включить—включать (свет)*;

в) акт. интерпретация парного НСВ затруднена также у абстрактных действий, типа *предотвратить, увеличить (скорость)*. Впрочем, глаголы *утеплять, расширять* могут употребляться в ответах на вопрос “Что они там делают?”, хотя по структуре толкования их естественно отнести к

абстрактным: абстрактные действия имеют в толковании компонент “деятельность не специфицирована”.

Если у действий обычных акт. интерпретация парного НСВ, как правило, допустима, то у действий с акцентом на результате она исключена: у такого глагола парный НСВ не может обозначать действия в развитии, т. е. деятельности, ведущей к результату. Невозможность акт. интерпретации парного НСВ может предсказываться, в частности, наличием в толковании глагола действия компонента “деятельность негомогенна результату” (например, деятельность, входящая в состав действия *найти очки*), выражается глаголом *искать*; аналогично для *понять*, *выиграть* и мн. др.). Этот компонент отменяет возможность акт. интерпретации НСВ, в принципе, вытекающую из наличия в толковании глагола компонента “деятельность”.

Как видно из Таблицы 1, глаголы НСВ, парные к действиям с акцентом на результате, могут относиться к категориям: Тенденция, Предстояние, Перфектное состояние, Итератив.

Тенденции

Тенденции могут быть видовыми партнерами для действий с акцентом на результате и для происшествий.

Тенденция — это состояние Субъекта, которое позволяет наблюдателю прогнозировать дальнейший ход вещей как ведущий к некоторому событию (к наступлению нового состояния), выражаемому парным глаголом СВ, см. упоминание о тенденциях в Маслов 1948; Томмола 1986. Иначе говоря, тенденция идентифицируется как наличие доступных наблюдателю признаков нового состояния Субъекта, см. Кустова 1994.

Примеры тенденций, производных от действий с акцентом на результате: *выигрывать*, *успевать*, *обгонять*, *догонять*, *догадываться*, *одолевать*, *преодолевать*, *побеждать*, *пересиливать* и др.

Примеры тенденций, производных от происшествий: *опаздывать*, *заболевать* (и другие инцептивы), *охладевать* (от *охладеть* в значении *Моя Земфира охладела*), *изнемогать*, *засиживаться*, *впадать в детство*. Глагол *забывать* употребляется как тенденция только в переносном значении: *Ты забываешь, где ты находишься* = ‘ведешь себя так, как будто вот-вот забудешь’ (ср. фр. *Tu oublies ton chapeau*, букв. “Ты забываешь свою шляпу”, т. е. ‘вот-вот уйдешь и забудешь’; это употребление исключено в русском языке). Аналогично для *терять*.

Примеры толкования тенденций:

(7) *X опоздал (к Сроку)* = ‘X пришел позже, чем наступил Срок’;

X опаздывает = ‘X находится в состоянии, которое определяется тем, что при нормальном ходе событий наступит, в близком будущем, состояние: X опоздал’.

Иначе:

X опаздывает = ‘в МН имеются признаки того, что (в близком будущем) наступит состояние: X опоздал’.

У *опоздать* имеется еще другое значение: X *опоздал*₂ = ‘Срок наступил, а X еще не пришел’. Два значения различаются местонахождением наблюдателя: в одном случае он находится там, где X , а в другом — там, куда X должен прибыть. Для *опоздать*₂ парный НСВ — перфектное состояние. Как легко видеть, *опаздывать*₁, тенденция, обозначает левый статический интервал, а *опаздывать*₂, перфектное состояние, — правый. Другие примеры:

- (8) «Спартак» *выиграл* <матч> = ‘матч закончился со счетом в пользу «Спартака»’;
 «Спартак» *выигрывает* = ‘в МН имеются признаки того, что «Спартак» выиграет’;
- (9) Ребенок *выздоровел* = ‘ребенок был болен, сейчас здоров’;
 Ребенок *выздоровливает* = ‘есть признаки того, что, в близком будущем, ребенок будет здоров’.

Предлагаемое толкование тенденции (через признаки нового состояния) позволяет объяснить наблюдение о том, что тенденция подразумевает частичный успех (см. Томмола 1986: 133), чего не предполагают некоторые другие классы глаголов НСВ, например, конативы: предложение *Ваня поступает в институт* истинно в ситуации, когда еще нет никаких признаков успеха (ср. *выигрывает*).

Компонент ‘в близком будущем’, факультативный, у некоторых глаголов (например, *изнемогать*) усиливается до ‘вот-вот’, а у других (например, у *опаздывать*) просто квалифицирует состояние как временное, ср. Куцера 1985.

Тенденции могут быть истолкованы в грамматических терминах, как это было предложено ранее для других малых Т-категорий — итеративов, занятий, поведений. В самом деле, тенденция — это одна из возможных интерпретаций для НСВ обычного глагола действия, и в особенности, — процесса: такая, когда на первый план выдвигается состояние, имеющее место в некоторый момент наблюдения, а наличие динамики в предшествующие и последующие моменты само собой разумеется, но непосредственно не имеется в виду. Строго говоря, собственно процессная интерпретация глаголов процесса требует перемещения наблюдателя во времени вслед за процессом, а то, что “видит” — а следовательно и передает — наблюдатель, расположенный в одной временной точке, — это обычно тенденция. Ср. возможность двоякого истолкования фразы *Утюг нагревается* — тендентивное, если человек дотронулся и почувствовал тепло, и собственно актуально-длительное, если говорящий держит палец на утюге и фиксирует последовательные стадии нагревания. Теперь, если мы отличили в грамматике тендентивное понимание глагола от акт. и дали толкование тендентивному (как производному), то можно сказать, что к Т-категории тенденций относятся все те глаголы, для которых тендентивное значение является единственно возможным, поскольку процесс / деятельность, стоящие за наблюдаемой тенденцией, отсутствуют или имеют другое название.

Чтобы относиться к категории тенденций, глагол НСВ обязательно должен иметь парный СВ. Так, глагол *склоняться* (к мнению) относится к

Т-категории состояний, а не тенденций, поскольку не имеет, в этом значении, парного СВ: **Я склонился к тому же мнению*. Дело в том, что переход в новое состояние, признаки которого выражаются глаголом *склоняться*, обозначается другим глаголом: *прийти (к мнению)*. В данном случае действует принцип структурности.

Глагол НСВ не может обозначать тенденцию, если исходный СВ обозначает действие гарантированно контролируемое со стороны его субъекта. К действиям с гарантированным контролем относятся, например, речевые акты. Так, НСВ *обещать*, парный к СВ *пообещать*, — не тенденция, а перфектное состояние.

Предстояния

Предстояние — это состояние, определяемое намерением Субъекта перевести Объект в новое состояние. Например, предстояние обозначает глагол НСВ, входящий в видовую пару с моментальным глаголом движения (*расставаться* от *расстаться*, *отправляться* от *отправиться*, *покидать* от *покинуть*, ср. *Цыганский табор покидаю я*). Предстояниями являются также остиновские экзерситивы — употребленные в НСВ 3-го лица: *приговаривать*, *издавать (указ)*, *отзывать (посла)*, *отнимать (участок)*, *увольнять*, *предоставлять (общезитие)*, *распускать*, *включать (в список)*, *зачислять*, *исключать (из института)*, *откладывать (собрание)*, *переименовывать*, *присваивать (звание)*, *назначать*, *осуждать* [в значении 'выносить приговор'], *упразднять*, *разводиться*, *привлекать к ответственности* и др.

Экзерситивы не являются в точном смысле перформативными глаголами: в ситуации, описываемой экзерситивом, достижение цели требует чего-то большего, чем речевой акт.

Если глагол относится к категории действий обычных (ср. *уходить*, *читать лекцию*, *переезжать*), то значение предстояния 'собираться уходить (читать лекцию, переезжать)' — это просто одно из его частновидовых значений, наряду с акт. (его называют наст. предстоящее, или наст. запланированного будущего, см. Гловинская 1989). Если же глагол моментальный и не имеет акт. значения, то значение предстояния оказывается его единственным нетривиальным видовым значением; тем самым оно возводится в ранг категориального. Отсюда тот факт, что у глагола предстояния отнесенность события к будущему выражена однозначно, тогда как обычные глаголы действия неоднозначны вне специального контекста. Ср. неоднозначность или неопределенность во фразах *Мама уходит*; *Осторожно, двери закрываются*; *Они переезжают на другую квартиру*; *Смотрите, он прыгает*; *Я покупаю себе компьютер*; *продаю машину*, где НСВ может пониматься как в значении предстояния, так и в обычном актуально-длительном.

Если глагол не является предстоянием, то отнесенность события к будущему должна быть выражена контекстом, например, обстоятельством времени: *С 28 мая в Москве дорожает бензин* (из газет); *С завтрашнего дня интервалы движения автобусов удлинятся*. В противном случае для

глагола более естественна акт. интерпретация. Так, из фразы *Франция выводит свои войска из Берлина* (газетный заголовок) не вычитывается смысл предстояния, который она, как явствует из последующего контекста, должна была иметь: *Министр обороны заявил, что французские подразделения будут выведены из Берлина*.

Следует подчеркнуть, что предстояние — это особое значение вido-вой формы, а не временной; об этом свидетельствует тот факт, что предстояние может выражаться глаголом прош. времени:

Его *осуждали* на пять лет, но тут вышел указ;
 Обсерватория *открывала* памятник Воейкову (Н. Ильина);
 Поезд *отправлялся* в 5 часов;
 Автобус *выходил* на рассвете;
 В среду в университете *начинались* занятия.

Предстояния — это, в отличие от тенденций, контролируемые состояния; однако контроль может быть неявным, как у глагола *открываться* во фразе *Новая музыкальная школа открывается на ул. Герцена 13*.

Перфектные состояния

Перфектное состояние — это итоговое состояние какого-то события. Перфектное состояние имеют в качестве своей единственной Т-категории парные НСВ от многих перформативных глаголов: *отказаться, пообещать, потребовать* и др. Толкование СВ демонстрирует пример (10):

(10) *Он пообещал приехать* = 'Субъект совершил речевой акт: сказал, что намерен совершить Действие, и тем самым перешел в состояние: обязан совершить Действие'.

Толкование НСВ глагола перфектного состояния содержит те же компоненты, что и толкование парного СВ; разница лишь в том, что глагол НСВ концентрирует внимание на том, что состояние, наступившее в результате речевого акта, актуально в момент речи. Так, можно сказать *Он пообещал прийти, но не пришел* и нельзя **Он обещает прийти, но не пришел*. В семантике СВ совершение речевого акта — ассерция, а наступление состояния — следствие; у глагола НСВ первый из этих компонентов составляет фон, а ассерцией является наличие состояния.

Перфектное состояние — это всегда временное состояние. Так, глагол *остаться* в неагентивном употреблении (*До конца матча осталось 5 минут*) всегда входит в перфектную пару с НСВ *оставаться*, поскольку *оставаться* выражает временное состояние. Между тем глагол *остаться* в значении 'принять решение остаться' входит в перфектную пару с *оставаться*, только если речь идет о временном состоянии 'остаться на некоторое время', и не входит в такую пару, если идея временного пребывания отсутствует:

(11) Ваня вернулся, а Федя пока остался (остается) в школе;
 (12) А. (обращается к входящему гостю) *А где же Ваша жена?*
 В. У нее болит голова, она осталась (*остается) дома.

Фраза *Роман остается незаконченным* (из примечания Ю. А. Ку-тырина к роману Ивана Шмелева “Иностранец”) звучит странно, поскольку понимается как ‘пока остается’. Недоумение разрешается контекстом, из которого ясно, что наст. время должно пониматься как наст. историческое, а НСВ — в значении СВ: предшествующая фраза — *Мировые события 1939 года нарушают всю жизнь и <...> начинаются “Суровые дни”*.

Процессы в развитии

Глагол предельного процесса в СВ обозначает процесс в его целостности — включая конечную фазу; парный НСВ — процесс в развитии. Так,

(13) *Снег растаял* = ‘наступила ситуация: Субъект находится в жидком состоянии и тем самым не существует’;

Снег тает = ‘Субъект находится в одной из фаз последовательности переходов такой, что если эта последовательность дойдет до своей конечной фазы, то наступит ситуация: Субъект находится в жидком состоянии (и тем самым не существует)’.

Непредельные тенденции

В Гловинская 1982 была выявлена группа глаголов (мы будем называть их *градативы*), которые обозначают частную разновидность происшествий — сдвиг: сдвиг — это происшествие, состоящее в изменении значения некоторого количественного параметра процесса (на ощутимую величину). Глагол, парный к сдвигу, — это непредельная тенденция. Так, глагол СВ *заболеть* ‘перейти из здорового состояния в больное’ — происшествие обычное, и его парный НСВ *заболевать* — тенденция (обычная), а *усилиться* (на некоторую величину) — сдвиг; соответственно, его парный НСВ *усиливаться* — непредельная тенденция. Другие примеры непредельных тенденций: *глупеть, отдаляться, дорожать, оживляться* (*Я вижу, разговор оживляется*), *сгущаться* (*Над сектором сгущаются тучи*), *облегчаться, усложняться, улучшаться*.

Градатив — это глагол, семантически мотивированный сравнительной степенью прилагательного. Предлагаемое толкование такого глагола (непредельной тенденции) выглядит следующим образом (мы используем здесь идею А. Вежбицкой (Wierzbicka 1980: 200) о том, что параметр можно истолковать через сравнительную степень соответствующего прилагательного: вместо того, чтобы говорить “Z-овость X-а возросла (на некоторую величину)”, где ‘быть Z-овым’ — параметризуемый признак, т. е. признак, имеющий шкалу степеней проявления, мы говорим “X стал (на некоторую величину) более Z-овым”, или “X сейчас более Z-овый, чем был”):

(14) а. X *усилился* на Y = ‘X в МН на Y сильнее, чем был до МН;

б. X *усиливается* = ‘X в МН более сильный, чем был до МН, и после МН будет более сильным, чем был до МН’.

Значение НСВ оказывается более сложным, чем значение СВ, поскольку СВ просто констатирует сдвиг значения параметра, а НСВ выра-

жает не только это, но еще и прогноз на будущее (за которым, как и за всякой тенденцией, должен стоять некий мыслящий субъект). Следует отметить семантически мотивированную утрату (точнее, синтаксическую невыразимость) актанта “Разница” у производного НСВ: *Температура повысилась на 5°*, но **Температура повышается на 5°*.

Критерий Маслова для пар этого типа удовлетворяется потому, что глаголы НСВ типа *усиливаться, увеличиваться* всегда имеют тривиальное значение раздельной множественности (итеративное), ср. *Интервалы движения автобусов каждый раз увеличивались*.

В Гловинская 1982, где был впервые описан этот важный аспектуально релевантный класс глаголов, за исходный в видовой паре был принят глагол НСВ, см. об этой трактовке ниже в разделе Делимитативы.

Представляет интерес глагол *отставать*, который может означать не только перфектное состояние (*Ваня отстаёт по математике* ⊃ ‘отстал’, т. е. начал находиться позади остальных и пребывает в этом состоянии), но и неопределённую тенденцию — когда прогнозируется динамика увеличения расстояния.

Видовые пары с исходным НСВ

Рассмотрим теперь пары, где СВ является производным членом (имеется в виду производность семантическая, а не формальная). Традиционная аспектология не признает чистовидовых пар такого типа, так что все пары, о которых мы будем говорить поскольку их существование вытекает из критерия Маслова, — это как бы исключения.

Таблица 2

НСВ	СВ
1) вневременные свойства/соотношения	—
2) состояния первичные	—
3) процессы неопределённые	—
а) градативы	делимитативы (<i>усилиться</i>)
4) деятельности	—
а) многоактные	семельфактивы (<i>вздрыгнуть</i>)
б) однонаправленные движения	инцептивы (<i>пойти</i>)

Делимитативы

Вневременные свойства и соотношения (*весить, стоять*), равно как и первичные (т. е., например, не перфектные) состояния (*болеть, любить*), не входят в видовые пары. То же верно, в принципе, и для неопределённых процессов (*кипеть*). Вопрос о наличии парного СВ возникает только по отношению к градативам, типа *усиливаться, увеличиваться*.

Ситуация, описываемая глаголами, типа *увеличиваться*, может быть представлена не только как неопределённая тенденция, но и как неопределё-

ный процесс (о связи этих двух интерпретаций говорилось выше в разделе “Тенденции”). В этом случае Т-категория, которая может быть приписана парному СВ, — это своего рода делимитатив. Например:

- (15) *X усиливается* = ‘в каждый следующий МН X сильнее, чем в предыдущий’
X усилился на Y = ‘X усиливался в течение некоторого времени; тем самым в МН X на Y сильнее, чем был до МН’.

Аналогично для *Вода прибывает*, *Ребенок растет*, где презумпция непрерывного плавного процесса, независимого от наблюдателя, безусловно уместна.

Нетривиальное соотношение в паре *повыситься—повышаться* может быть представлено как аналогичное соотношению глагола ограничительно-го способа действия с мотивирующим его непроизводным, ср. *поспать—спать*, *погулять—гулять*. В самом деле, когда говорят *Температура воздуха повысилась*, то либо указывают, на сколько (например, *повысилась на 5°*), либо подразумевается ‘на ощутимую величину’; аналогично: *поспать* = ‘спать в течение некоторого времени’. В обоих случаях предел задается количественно. Отличие пары *повыситься—повышаться* от *поспать—спать* только в том, что первые два глагола образуют тривиальную пару.

Толкование НСВ как производного от СВ, предложенное в разделе “Непредельные тенденции”, однако, предпочтительнее, поскольку оно не содержит квантификации по МН (точнее даже — по парам МН!), как (15).

Семельфактивы

Согласно критерию Маслова, видовую пару образуют глагол НСВ, обозначающий многоактную деятельность, и производный семельфактив на *-ну*, который обозначает единичный акт (“действие, совершаемое в один прием”) многоактной деятельности, ср., например, *махать* и *махнуть*. Дело в том, что в таких парах глагол НСВ имеет, помимо значения многоактной деятельности, мотивирующего семельфактив в СВ, еще и значение множества отдельных актов деятельности, совершаемых в разное время или разными субъектами. Ср. *Я содрогнулся от этой мысли* и *Я каждый раз содрогаюсь от этой мысли*.

Семельфактивами являются, например (мы пользовались по глаголам на *-ну* материалом, представленным в Исаченко 1960): *боднуть*, *брызнуть*, *брыкнуть*, *вильнуть*, *дернуть*, *дрыгнуть*, *качнуть*, *кивнуть*, *клянуть*, *колыхнуть*, *лягнуть*, *ляпнуть*, *махнуть*, *метнуть*, *мигнуть*, *моргнуть*, *мотнуть*, *пальнуть*, *пихнуть*, *плюнуть*, *порхнуть*, *содрогнуться*, *стегнуть*, *тиснуть*, *толкнуть*, *топнуть*, *тряхнуть* (у глагола *трясти* в значении действия раздельная множественность сомнительна, а при неконтролируемом значении возможна; ср. *Нас потрянуло* <о землетрясении> — *Нас время от времени трясет*), *ткнуть*, *хапнуть*, *харкнуть*, *хлебнуть*, *хлестнуть*, *цапнуть*, *черпнуть*, *чертыхнуться*, *чихнуть*, *шагнуть*, *шарахнуться*, *шваркнуть*, *швырнуть* (но не *кинуть!*), *шикнуть*, *шмыгнуть* <носом>, *щипнуть*, *шевельнуть(ся)*. Сюда же относятся *ахнуть* и мн. др. глаголы издания звуков.

Перечислим производные на *-ну*, которые не относятся к семельфактивам и, следовательно, не образуют видовой пары с соответствующим глаголом НСВ.

1) Производные на *-ну* от глаголов, обозначающих деятельность, не разложимую на отдельные акты: *дуть*, *кричать*, *глядеть*, *двигать*, *нюхать*, *полюхаться*, *блестеть*, *сверкать*, *ругать*, *тормозить*. Толкование у *дунуть* иное, чем у “законного” семельфактива, поскольку *дуть* не обозначает многоактной деятельности. У *глотать* есть обычный парный СВ *проглотить* и “незаконный” семельфактив *глотнуть*.

2) Не семельфактивное толкование имеют производные на *-ну* от глаголов поведения: *кутнуть*, *kozyрнуть*, *хвостнуть*, *щегольнуть*. От глаголов *резать*, *скакать* <на лошади>, *топтать* законным образом не образуется семельфактивов, поскольку это деятельности с накоплением результата.

Глаголы НСВ *зевать*, *макать*, *нырять*, *кидать*, *колоть*, *прыгать*, *совать*, *трогать*, *царапать* способны выступать в обычном акт. значении, т. е. обозначать один акт, который рассматривается в развитии. В результате, в парах типа *зевать—зевнуть* семантическое соотношение парадоксально: глагол СВ, в силу семантики его словообразовательной модели, представляет действие как моментальное — осуществляемое в один акт и неразложимое на временные фазы; а НСВ представляет то же самое действие как длящееся.

Интересно, что семельфактивы (как и другие производные на *-ну*), образуются, как правило, от глаголов деятельности; исключения — *мелькнуть*, *блеснуть*, *сверкнуть*, обозначающие оптический эффект. Неконтролируемые *вздрогнуть*, *вспыхнуть*, скорее всего, семантически первичны по отношению к итеративам *вздрагивать*, *вспыхивать*.

Если у глагола НСВ нет парного семельфактива, то нет и ощущения многоактности, ср. *сверкать* (*сверкнуть*) и *мерцать* (**мерцнуть*).

Инцептивы

Столь же неожиданным образом критерий Маслова причисляет к собственно видовым пары *идти—пойти*, *бежать—побежать*, *плыть—поплыть* и под., где НСВ обозначает глагол движения (направленного), а СВ — соответствующий инцептив; в самом деле, в этих парах НСВ замещает СВ в контексте многократности и наст. исторического; ср.

Газету не принесли, и отец сам *пошел* на почту;
Когда газету не приносят, отец сам *идет* на почту.

* * *

В заключение — несколько общих соображений о таксономических категориях.

1. Т-категория не только проявляет себя в сочетаемости, но и допускает прямое определение — через формат толкования, общий для всех принадлежащих к ней слов. Сходство сочетаемости у слов одной ка-

тегории — это следствие сходства значений, отражаемого форматом толкования.

2. Т-категории должны задаваться не списком, а исчислением: имеется небольшое число первичных категорий, каждая со своим форматом толкования; набор семантических правил позволяет получать для слова производной категории толкование определенного формата.

3. Многие глаголы “малых” Т-категорий удается представить как глаголы с дефектной функциональной парадигмой — с недостающим исходным частновидовым значением. Тем самым при построении толкования лексического значения слов этой категории оказывается возможным использовать модели толкования, уже имеющиеся для описания соответствующих частновидовых значений в грамматике.

4. Первичные Т-категории позволяют сделать следующие предсказания относительно вхождения глагола в видовую пару. Постоянные свойства и соотношения не входят в стандартные видовые пары. Действия обычные и предельные процессы входят в предельные пары. Остальные семантические предсказания требуют перехода к субкатегориальному уровню или даже к тематическим классам; так возникают видовые пары, где глагол НСВ имеет значение тенденции, предстояния, перфектного состояния, а также пары, где глагол СВ имеет значение делимитатива, семельфактива, инцептива.

Глава 8

ТАКСОНОМИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛОВ IMPERFECTIVA TANTUM

1. Понятие таксономической категории глагола

Работа Ю. С. Маслова (1948) положила начало изучению связи между неполнотой видовой парадигмы и семантикой глагола: было показано, что как неполнота парадигмы — наличие глаголов *perfectiva* и *imperfectiva tantum* (Pf. t и Ipf. t) — так и неполнота набора значений видовой формы (например, отсутствие актуально-длительного значения) имеют во многих случаях семантическое объяснение. Мы продолжаем изучение семантических источников видовой непарности русского глагола и пытаемся вывести непарность (равно как и семантическую дефектность набора значений видовой формы) из принадлежности глагола к той или иной таксономической категории (Т-категории) — имеются в виду такие общие глагольные категории как процесс, свойство, действие и под.¹

Разработка таксономической классификации глаголов, отражающей связь глагольной семантики с идеей времени, была начата З. Вендлером (Vendler 1967a). Далее в работе Miller 1970 были показаны широкие возможности использования этой классификации для описания семантики славянского вида (ср. также Булыгина 1982, Flier 1985, Mehlig 1981/1985, Падучева 1989а и др.). Однако классификация Вендлера существенным образом неполна. В дальнейшем неоднократно предпринимались попытки ее уточнения и усовершенствования (одна из последних по времени работ — Князев 1989). Наша задача — не только расширить классификацию так, чтобы она охватывала все глаголы, но и реально расклассифицировать определенный массив глаголов без остатка — речь идет о полном словнике глаголов *imperfectiva tantum* из учебного словаря Зализняк 1978².

¹ Автор приносит благодарность Г. И. Кустовой за поправки, замечания и предложения по целому ряду проблем, обсуждаемых в данной главе.

² Списки глаголов Ipf. t были составлены С. А. Крыловым.

Мы по-прежнему исходим из определения видовой пары, которое основано на идеях Ю. С. Маслова: два глагола, СВ и НСВ, являются парными (т. е. образуют видовую пару), если глагол НСВ может обозначать, и в каких-то контекстах обозначает, ситуацию, состоящую в многократном осуществлении той ситуации, которая обозначена глаголом в СВ, см. главу 6. Иначе говоря, два глагола образуют видовую пару, если они образуют тривиальную пару, а именно, многократную.

Для многих глаголов тест на многократность не дает однозначного ответа, например для пары *хотеть—захотеть*. Ср. также глаголы *лечить* и *вылечить*: вообще говоря, *лечил* не имеет в виду ‘вылечивал’; однако в каких-то контекстах такая импликация может возникать.

Наиболее массовую проблему с установлением видовой соотнесенности составляют глаголы с внешним пределом³, типа *жечь — сжечь*, *резать — разрезать* (и *отрезать*, *нарезать*, *порезать*), входящие в “видовые тройки” в силу наличия вторичного имперфектива (*сжигать*, *разрезать* и проч.). Здесь масловские и квазимасловские критерии не дают однозначного ответа. Во-первых, в контексте многократности очевидна предпочтительность глагола, образованного вторичной имперфективацией (*Он всегда сжигает письма*, а не *жжет*), так что не очевидна возможность бесприставочного глагола обозначать многократное действие. Во-вторых, для бесприставочного имперфектива обычно можно найти такой контекст, где результативное понимание хотя и не исключено полностью, но трудно утверждать, что оно имеется в виду (*Неприятель жег на своем пути города: ‘сжигал дотла’ или ‘поджигал’?*)⁴. В принципе, мы трактуем глаголы типа *жечь*, *резать* как непарные, т. е. причисляем их к Ipf. t, хотя эта установка, быть может, не проведена последовательно.

Трудность с установлением видовой парности часто возникает также в том случае, когда нетривиальное соотношение между морфологически соотнесенными СВ и НСВ не является предельным, ср. *полагаться — положитьсь*, *считать — счесть*, *собираться — собраться*, *доверять — доверить*, *относиться — отнестись*, *уважать — уважить*, *развиваться — развитьсья*, *протекать [о лодке] — протечь*, *думать — подумать*, *жалеть — пожалеть*, *сочувствовать — посочувствовать*.

Ситуация иногда осложняется тем, что один из членов видовой пары может быть “малоупотребительным” глаголом, ср. глаголы СВ *презреть*, *умолить*, *раздразнить*, *наблюсти*, *вдаться*, морфологически парные, соответственно, к *презирать*, *умолять*, *раздразнять*, *наблюдать*, *вдаваться*. Показательный пример трудности, на которую наталкивается масловское определение видовой парности, составляют также глаголы *пролегать — про-*

³ Это глаголы, у которых предел задается объектом или каким-то другим актантом.

⁴ В Маслов 1975: 46 обсуждается возможность расчленения значения НСВ на два омонима — НСВ₂ с актуальным значением и НСВ₁ с “несобственной несовершенностью” по Кошмидеру. При этом “НСВ₁ и НСВ₂ иногда разграничиваются и морфологически, так как есть случаи, когда первичный имперфектив (типа *читать*, *зубрить*) функционирует как НСВ₂, а вторичный производный (типа *прочитывать*, *вызубривать*) — исключительно или преимущественно как НСВ₁”.

лечь, пересекать — *пересечь, проходить* — *пройти, доходить* — *дойти* (в значении пространственного расположения неподвижных объектов — *Дорога пролегла через лес; Сад доходит до самой реки*). Традиционно они считаются парными, поскольку образованы имперфективацией; однако они не образуют тривиальных пар: *пролегал* не может быть понято как ‘многократно пролечь’ — что, как мы увидим ниже, закономерно связано с принадлежностью НСВ этих глаголов к категории постоянных свойств и соотношений. Аналогично для глагола *вмещать* (описанного в Гловинская 1982: 104): тестом на многократность он идентифицируется как непарный.

То, что мы, ставя проблему таксономической классификации глаголов, ограничиваемся глаголами Ipf. t, объясняется, прежде всего, соображениями обозримости: глаголы Ipf. t составляют достаточно разумный класс с точки зрения поставленной таксономической задачи (семантическая релевантность этого формального класса глаголов была, в сущности, продемонстрирована Ю. С. Масловым). Есть T-категории, которые для Ipf. t исключены — действие и предельный процесс, которые принципиально биаспектуальны; тенденции (выражаемые несом. видом моментальных глаголов, которые обязательно имеют СВ, ср. *опаздывать, меркнуть*); происшествия, выражаемые глаголами СВ, ср. *споткнуться*. И почти нет таких, которые возможны и внутри данного класса, и за его пределами — разве что только глаголы типа *увеличиваться, повышаться* могли бы войти в один класс с другими непредельными процессами; но они допускают и иную трактовку, см. главу 7.

Ю. С. Маслов, посвятивший свою работу семантическим основаниям видовой непарности, специально оговаривает возможность семантически не обоснованной непарности, приводя такой пример: грань между глаголами типа *прийти, выучить, вздрогнуть*, входящими в видовые пары, и типа *очнуться, perfectivum tantum*, “оказывается скорее морфологической, чем семантической”: с семантической точки зрения *прийти* в такой же мере как *очнуться* не имеет парного глагола, способного обозначать “действие в его протекании, как развертывающийся процесс” (Маслов 1948: 316). Тем самым отсутствие многократной пары у *очнуться* — это своего рода “лексический пробел” (lexical gap). Заметим, что мастера слова легко восполняют такие “пробелы”, ср., например, у Солженицына *приючать* — НСВ от непарного *приютить*.

Приведем несколько примеров, подтверждающих мысль Ю. С. Маслова о том, что непарность глагола может определяться и случайными, а не только семантическими причинами.

ПРИМЕР 1. Глаголы НСВ *осознавать, понимать, напоминать* имеют видовую пару, а *помнить, ожидать, полагать, подразумевать* — нет, хотя и у них мог бы быть парный глагол СВ с таким же отношением, как, например, в *осознавать* — *осознать*, т. е. не предельным, а перфектным, см. главу 9.

ПРИМЕР 2. Глагол *наступать* [о войске] своим отсутствием актуально-длительного значения похож на *выигрывать*; однако *выигрывать*

входит в видовую пару (в которой НСВ обозначает тенденцию), а *наступать* Ipf. t.

ПРИМЕР 3. Глагол *игнорировать*, Ipf. t, семантически подобен глаголу *пренебрегать*; в самом деле: 1) *игнорировать*, как и *пренебрегать*, допускает употребление в наст. времени для обозначения однократного действия, совершенного в прошлом, если речь идет не о действии, а о типе поведения (явление, описанное в Гловинская 1986 и Апресян 1988а): *Пренебрегаешь мнением коллектива!*; *Игнорируешь советы товарищей!*; 2) для *игнорировать*, как и для *пренебрегать*, невозможно сочетание с делимитативным показателем, ср. **поигнорировать*, **попренебрегать*; 3) оба глагола не сочетаются с обстоятельством места и с другими сирконстантами, которые допустимы для глаголов деятельности. Однако к классу Ipf. t относятся только *игнорировать*, а глагол *пренебрегать* парный.

В работе речь идет только о непроеизводных таксономических категориях, т. е. о категориях, к которым глаголы принадлежат в силу своего лексического значения, а не в силу грамматической формы или контекста, см. главу 7. Поясним, что имеется в виду.

1) Речь идет только о Т-категории исходной залоговой формы глагола, т. е. активной, а не пассивной: Т-категория, к которой принадлежит пассивная форма, безусловно важная для смысла предложения, должна быть выявлена при описании семантики пассива (ср. Князев 1989). Глаголы на *-ся* тоже специально не рассматриваются — а только в том случае, если они входят в уже существующие рубрики.

2) Глагол рассматривается только в его основном видовом значении; для НСВ это актуально-длительное (прогрессив) — или, если данный глагол не допускает прогрессива, как, например, *существовать*, континуальное. Т-категория глагола в узуальном употреблении (как во фразе *Лошади едят овес*) должна быть выявлена при описании семантики узуального значения. Иное дело, когда оказывается, что глагол употребляется только в узуальном значении, т. е. имеет в качестве своей непроеизводной таксономической категории такую, которую другие глаголы имеют производной, ср. глагол *питаться*, который, согласно Булыгина 1982, имеет только генерализованное употребление (*Киты питаются планктоном*, *Она питается исключительно вегетарианской пищей*) и не допускает актуально-длительного: **Она сейчас питается*.

3) Речь идет о Т-категориях глаголов немаркированных способов действия: делимитативы (*погулять*), итеративы (*находить*), финитивы (*дописать*) и под. образуют каждый отдельную категорию.

4) Наречия, частицы и другие параметры контекста тоже могут менять лексически заданную таксономическую категорию слова. Например, производную стательность дает отрицание; так, допустимые *Он все еще ей не написал*; *Во вторник он еще не подал заявление* показывают, что *не написал*, *не подал* обозначают дпящееся состояние, которое не может быть обозначено словоформами *написал*, *подал* самими по себе. Допустимые *Она раздражается все сильнее* — при невозможном **Она раздражается* (в контексте ответа на вопрос *Ну что там происходит?*, т. е. в применении

к конкретной ситуации) или **Весь вечер она раздражалась* — показывают, что глагол *раздразниться* не может сам по себе описывать состояние 'быть в раздражении', см. Селиверстова 1982, в отличие, например, от *волноваться*, ср. *Весь вечер я волновалась*.

Изменить таксономическую категорию глагольной группы может множественный актанта, ср. пример из Князев 1989:

а. С 23 по 33 год он выпустил *множество книг, брошюр и статей*;

б. *С 23 по 33 год он выпустил *книгу*.

Глагол *выпустить* относится к категории достижений (действий с акцентом на результате), и потому не сочетается с обстоятельством длительно-сти, что и демонстрирует пример (б); а категория, к которой он относится в примере (а), является производной.

Принадлежность к Т-категории обычно выражается одним из компонентов толкования глагола. Например, у глаголов действия обязательный компонент толкования — 'X действует', ср. известную работу А. Вежицкой о глаголе *to kill*, где доказывается, что *kill* ≠ 'cause to die', причем один из центральных аргументов состоит в том, что толкование глагола *to kill* должно содержать компонент 'X is doing something' — 'X делает нечто' (Wierzbicka 1980: 163), который характеризует глагол *to kill* как принадлежащий к классу глаголов действия.

Таксономическая категория глагола представляет интерес, прежде всего, с точки зрения грамматической семантики глагола, в частности, аспектуальной и временной:

1) Т-категория предопределяет вхождение глагола в видовые пары заданного семантического типа (поскольку каждый семантический тип видовых пар фиксирует таксономические категории своих членов).

2) Т-категория в существенной степени предсказывает допустимые для данного глагола наборы значений граммем времени и вида.

Но кроме того, таксономическая категория является мощным орудием компактного описания сочетаемости глагола с сирконстантами различных типов — сочетаемости, которая, в отличие от сочетаемости глагола с его актантами, обычно считается лексически не обусловленной, но при этом заведомо не является просто свободной. Аспектологический контекст понятия Т-категории рассматривался в главе 7. В данной главе мы охарактеризуем Т-катеорию в терминах синтаксической сочетаемости.

2. Общий обзор таксономических категорий глаголов *Inf. t*

Глаголы *imperfectiva tantum* могут принадлежать к следующим основным Т-категориям:

— постоянные (или вневременные) свойства и соотношения (*содержать, противоречить, гласить*);

— состояния — временные, например, *находиться, видеть*, и устойчивые, например, *любить, знать*;

— неопредельные неагентивные процессы (т. е. процессы с неагентивным субъектом, например, *кипеть, грохотать*);

– неопределенные деятельности, например, *гулять, работать*.

Имеется три семантических признака, по которым указанные таксономические категории могут быть охарактеризованы.

А. Способность длиться во времени, предполагающая временную локализацию (быть может, неточную – в сверхдолгих интервалах, см. Падучева 1988), vs. отсутствие временной локализации.

Б. Динамичность vs. статичность: динамическая ситуация подразумевает качественно различные фазы, в то время как статическая ситуация однородна.

В. Контролируемость ситуации ее субъектом (в частности, способность субъекта инициировать или прекратить ее по собственному усмотрению) vs. неконтролируемость, т. е. отсутствие контролирующего субъекта.

Распределение таксономических категорий по указанным трем признакам представлено на Таблице 1.

Таблица 1

Категории				
признаки	свойства/ соотношения	состояния	инактивные процессы	деятельности
А. Способность длиться во времени	–	+	+	+
Б. Динамичность	–	–	+	+
В. Контролируемость (намеренность)	–	–	–	+

Как видно из Таблицы 1, деятельности характеризуются положительно по всем трем признакам: это ситуации, длющиеся во времени, динамические и намеренные. Для вневременных свойств/соотношений все три признака принимают отрицательные значения. В частности, свойства и соотношения неспособны длиться во времени, поскольку не предполагают временной локализации⁵.

Указанные три признака не полностью независимы один от другого. Так, ситуации, способные длиться во времени (допускающие временную локализацию), могут быть и статическими (состояния) и динамическими (инактивными процессами и деятельностями); между тем, ситуации, неспособные длиться во времени (не имеющие временной локализации), постоянные свойства и соотношения, не могут быть динамическими. Далее, динамические ситуации делятся на контролируемые (деятельности) и неконтролируемые (инактивные процессы), в то время как статическая ситуация всегда неконтролируемая: она не может начинаться и заканчиваться

⁵ В некоторых контекстах отсутствие временной локализации можно приравнять к способности длиться во времени, ср. Князев 1989: 82. Заметим, однако, что когда отсутствие временной локализации описывается как стативность (Булыгина, Шмелев 1989), термин “статив” перестает быть синонимом термина “состояние”.

ся по воле ее субъекта — она возникает под воздействием каких-то внешних факторов и продолжается до тех пор, пока не произойдет что-то, что ее изменит, ср. Comrie 1976.

Выделение семантических признаков Т-категорий полезно потому, что большинство сочетаемостных характеристик глагола привязано именно к семантическим признакам. Скажем, сочетаемость с обстоятельством цели, которая является характеристическим свойством деятельности, очевидным образом связана с тем, что деятельности контролируемы (а не с тем, например, что они длятся во времени).

Хуже других отражается в сочетаемости признак “динамичность”. Больше различительной силой обладает признак, который можно рассматривать как его следствие, а именно, признак “затрата энергии”. В нормальном случае динамическая ситуация требует затраты энергии для своего поддержания, в отличие от статической, продолжение которой не требует приложения усилий: состояние длится, пока не произойдет нечто вовне, что его изменит. Динамичное по своей внеязыковой природе состояние язык может представлять как не имеющее перспективы, ср. *болеть*.

Это уточнение позволяет правильно идентифицировать Т-категорию глаголов *сидеть*, *лежать*, *стоять* (с одушевленным субъектом): казалось бы, эти глаголы обозначают статическую ситуацию, и в таком случае они составили бы уникальный класс, сочетающийся статичности с контролируемостью, см. Dik 1978 (которая проявляется в способности субъекта инициировать свое состояние; действительно, человек начинает и перестает сидеть, лежать или стоять по своему усмотрению). На самом деле, однако, язык трактует стояние, сидение, лежание как деятельности — требующие затраты энергии и, в силу этого, динамические, см. подробнее ниже. Затрата энергии, нормально характеризующая динамическую ситуацию, оказывается более существенным признаком, чем наличие качественно различных временных фаз.

В число рассмотренных нами признаков не вошел признак, безусловно существенный для грамматической семантики и сочетаемости глаголов, — наблюдаемость ситуации (см. Золотова 1973: 346, Бондарко 1983: 132–135, Князев 1989: 21; в частности, в Золотова 1973 речь идет о том, что наблюдаемость скоррелирована с возможностью употребления глагола в актуально-длительном значении⁶). Этот признак сложным образом накладывается на остальные противопоставления, конституирующие Т-категорию. Очень приблизительно граница между наблюдаемыми и ненаблюдаемыми ситуациями проходит, на шкале Т-категорий, представленной в Таблице 2, между устойчивыми и временными состояниями, ср. ненаблюдаемость абстрактных соотношений (*противоречить*, *объясняться*) и наблюдаемость временных состояний (*мерзнуть*), процессов (*трещать*) и деятельности (*махать*).

⁶ Связь заведомо не случайная: акт. значение, которое играет принципиальную роль во всех формулировках, связанных с Т-категориями, — это, прежде всего, наблюдаемая ситуация.

Таблица 2

	Постоянные свойства	Состояния		Процессы	Деятельности	Занятия	Поведения
		устойчивые	временные				
I	а. <i>Сейчас</i>	–	+	+	+	+	+
	б. Абстрактное время	–	+	+	+	+	+
	в. <i>Всегда</i>	–	+	+	+	+	+
	г. Объемлющее время	–	+	+	+	+	+
	д. Дейктическое наст.	–	+	+	+	+	+
II	а. Включенное время	–	–	+	+	–	–
	б. Кратность и итерация	–	–	+	+	–	–
	в. Генерализация	–	–	+	+	–	–
	г. <i>весь день</i>	–	–	+	+	–	–
III	а. обстоятельство места	–	–	–(+)	+	–(+)	–
	б. Ингрессив	–	–	–(+)	+(–)	+(–)	–
IV	а. обстоятельство цели	–	–	–	–	+	–(+)
	б. Фазовые активные глаголы	–	–	–	–	+	–(+)
	в. Делимитатив	–	–	–	–(+)	+	–

* Знак + (–) означает, что сочетание возможно для большинства или для наиболее типичных представителей данной Т-категории; – (+) означает, что сочетание возможно лишь при определенных условиях.

Имеется две группы глаголов, которые примыкают к деятельности (поскольку имеют субъект, контролирующей ситуацию), но обладают достаточной специфичностью. Это занятия (*воровать, кочевать*) и поведения (*игнорировать, баловаться*). Занятия отличаются от деятельностей тем, что не обладают конкретной локализацией во времени; поведения – тем, что их семантика предполагает субъект оценки, что имеет многочисленные сочетаемостные последствия.

Глаголы, в толковании которых участвует субъект сознания (в частности, субъект оценки или наблюдатель), есть и в других Т-категориях, например, среди состояний, и в приводимых списках этот факт обычно оговаривается – см. пометы (+оценка), (+Наблюдатель), – хотя для состояний этот признак не является категориально значимым.

Небольшое число глаголов, в основном с абстрактным значением, осталось вне категорий, среди них – *участвовать* и *чередовать*.

3. Постоянные свойства и соотношения

Глагол, выражающий постоянное свойство или соотношение (а темпоральный), может обозначать:

- 1) параметр физического объекта: *весить, вмещать, стоить*;
- 2) пространственное соотношение между неподвижными объектами: *впадать* (о реке), *граничить, лежать, находиться, покоиться, примыкать*,

соседствовать, стоять (в делексистализованном значении положения в пространстве, ср. *Дом господский стоял на юру* — Гоголь. “Мертвые души”); сюда же относятся глаголы *доходить, пролегать, проходить, пересекать*;

3) соотношение между фактами или событиями, постоянные или вне-временные: *базироваться на, вести* (*Его легкомыслие ведет его к гибели*), *значить, объясняться, означать, предвещать, предстоять, предшествовать, противоречить* (‘не соответствовать’), *свидетельствовать*; глагол *зависеть*, однако, имеет временную переменную: *Это сейчас зависит от Иванова*;

4) прочие соотношения между объектами или между объектом и множеством, такие как принадлежность, часть-целое, тождество, подобие, равенство, происхождение, назначение: *выделяться, гармонизировать, годиться, доводиться, значиться, иметь* (*круглую форму*), *обладать, образовывать* (*Они образуют живописную группу*), *обстоять, отличаться* (*чем-либо и от чего-либо*), *относиться* (*к классу*), *походиться, предназначаться, предстоять, принадлежать, равняться, приходиться* (*родственником*), *происходить* (*Фамилия “Герцен” происходит от немецкого слова Herz*); *располагать* (*ресурсами*), *содержать, соответствовать, состоять из, характеризоваться, числиться*;

5) семиотическое отношение между означающим и означаемым: *выражать, гласить, изображать* (*Картина изображает зимний пейзаж*), *обозначать, предусматривать*;

6) свойство класса: *взимать(ся), водиться, вымирать, встречаться* (*Эта порода тигров встречается на Дальнем Востоке*), *насчитывать, преобладать*; это глаголы, имеющие только генерализованное употребление;

7) диспозицию, т. е. предрасположение к осуществлению действия или к происшествию; или к пребыванию в состоянии; или к вызыванию состояния: *бодаться* (в значении ‘быть бодучим’), *везти* (*Тебе везет = ‘Ты везучий’*), *виться* (о волосах), *картавить, косить* (безл.), *кусаться, реагировать, скрипеть* (о двери), *хромать*.

Глаголы, выражающие диспозицию, входят в семантическое соотношение с глаголами, выражающими его актуальное проявление: это может быть видовая пара (*избегать — избежать*), а может и не быть (*бояться — испугаться*). Диспозиция — это разновидность свойства или устойчивого состояния.

Глаголы, выражающие существование (*существовать, быть*), и их контекстные синонимы — *расти* (о дереве), *течь* (о реке) и под., — казалось бы, должны выражать неотъемлемое свойство существующего объекта, т. е. постоянное для него, пока он существует. Однако утверждения существования, как и все общие суждения, трактуются языком как утверждения о м и р е, а именно, как состояния мира (Wierzbicka 1980: 186), и укладываются по своим сочетаемым свойствам в Т-категорию устойчивых состояний. В конечном счете временная локализация утверждения существования зависит от референциальных свойств субъекта. Так, фраза *Динозавров не существует* звучит как ложная: нужно сказать *сейчас не существует*, в противном случае несуществование динозавров приравнивается к несуществованию русалок.

Атемпоральные глаголы проявляют себя в целом ряде аспектов грамматической семантики и сочетаемости. Мы проведем, прежде всего, границу между атемпоральными глаголами и устойчивыми состояниями, поскольку этого различия часто не делается, ср. Булыгина 1982, Бондарко 1971. Эта граница задается:

- несочетаемостью атемпоральных глаголов с показателями времени и длительности (разделы 3.а–3.г);
- специфическим (вневременным) толкованием граммы наст. времени, раздел 3.д;
- особым значением граммы прош. времени (невозможной ретроспекцией), раздел 3.е.

Описание строится таким образом, что рассматривается класс глаголов, не сочетающийся с данным синтаксическим показателем, в противоположность первому из тех классов, которые сочетаются — в последовательности, задаваемой Таблицей 2.

3.а. СЕЙЧАС в значении 'в момент речи'

Поведение во временном контексте — это самая важная семантическая характеристика глагола, предопределяющая многие другие его свойства. Как пишет Вендлер (Vendler 1967a: 97), “употребление глагола в существенной степени определяется тем, каким именно специфическим образом в его семантике заложена и предполагается ею идея времени”.

Наречие *сейчас* способно обозначать как обычные, так и сверхдолгие интервалы, и не порождает противопоставления по этому, в данном случае не существенному, признаку. Поэтому несочетаемость с наречием *сейчас* служит удобным тестом, который диагностирует атемпоральные глаголы (**сейчас предназначается, *сейчас приходится родственником*), отличая их от всех остальных — от глаголов, обозначающих состояния (в том числе устойчивые), процессы и деятельности.

В самом деле, все глаголы, кроме атемпоральных, описывают ситуацию, которая, в принципе, локализуется во времени, хотя, быть может, и не допускает слишком точной локализации. Между тем атемпоральные глаголы порождают вневременную ситуацию; точнее говоря, ситуацию, которая локализуется во времени только временем существования своих участников, ср.:

- (1) Церковь *стоит* на холме;
Картина *изображает* зимний пейзаж;
Пакет *содержит* ценные документы;
Бутылка *вмещает* около двадцати литров;
Надпись *гласит*;
- (2) Словарь Срезневского *содержит* около 50000 слов.

Во фразах примера (1) *сейчас* просто невозможно. Что касается примеров типа (2), то здесь вставка *сейчас* даст предложение, которое, вообще говоря, может быть осмыслено. Однако *сейчас* в контексте (2) разрушает атемпоральную семантику глагола: с *сейчас* фраза (2) будет означать, что число слов в словаре было в разные моменты разным (например, внесет

предположение — не соответствующее действительности — о наличии нескольких изданий словаря, различающихся числом слов; между тем фраза (2) как она есть представляет число слов в словаре как его постоянный признак. Такой разницы нет между (3а) и (3б), поскольку (3а) и так обозначает ситуацию, которая имеет место сейчас:

- (3) а. Он спит;
б. Он сейчас спит.

Указанное свойство глагола — атемпоральность — составляет лексикографически релевантную информацию, т. е. информацию, которая должна быть отражена в толковом словаре — либо при глаголе в целом (ср. *гласить*), либо при одном из его традиционно выделяемых значений (ср. “семиотическое” *изображать*). Ср. пример, когда можно говорить о лексической неоднозначности:

- хромать* = 1) ‘быть хромым’ (свойство);
2) ‘временно хромать’ (состояние).

Словари не различают у *хромать* этих двух значений. Между тем они проявляют себя в поверхностном поведении глагола. Так, инцептив *захромать* может быть семантически мотивирован только значением 2 (*Отчего у тебя конь захромал?*); приобретение объектом постоянного свойства выражается иначе: надо сказать *С тех пор она хромает*, а не **После этого она захромала*.

Многие глаголы являются или не являются атемпоральными в зависимости от типа субъекта. Ср. *стоять* с субъектом-лицом (*Иван стоит на углу*) и с неодушевленным субъектом (*Церковь стоит на холме*); глагол *весить* указывает постоянное свойство неживого предмета, а для живого существа вес — переменная характеристика:

- (4) а. Ягоды *весят* 800 г;
б. Ваня *весит* сейчас 108 кг.

При этом для слова *стоять* это разные лексические значения, различаемые словарями, а *весить* лексически однозначно.

Атемпоральный глагол характеризует свой субъект как относящийся к определенному классу, в противоположность обычному глаголу, который несет информацию, касающуюся определенного временного среза предмета. Как пишет Вендлер, глаголы, выражающие постоянные свойства, преддицируются по отношению к объекту как целому, а не как верные в данный момент. Возникает вопрос, как быть с примерами типа (5):

- (5) В средние века Германия *состояла* из раздробленных княжеств;
Нильские крокодилы раньше *достигали* 10 м в длину;
Галлия во времена Цезаря *делилась* на три части.

Можно было бы считать, что для глаголов типа *содержать*, *состоять*, *делиться* признак атемпоральность является неустойчивым: обстоятельство времени индуцирует появление у глагола временной переменной, которой этот глагол в своем первичном употреблении лишен. Однако более естественно другое решение — считать, что предикат в (5) указывает постоянное свойство временного среза своего субъекта — средневековой Германии, прежних нильских крокодилов и т. д.; так,

Его аргументы *сейчас* базируются на... = ‘его *теперешние* аргументы базируются на...’;

Раньше их программа состояла из трех пунктов = ‘их *прежняя* программа состояла из трех пунктов’.

В любом случае, информация о потенциальной атемпоральности глагола является лексикографической.

3.б. Абстрактная временная локализация

Показатель абстрактного времени (‘в момент t ситуация имела место’) допускают все глаголы, кроме атемпоральных. Тем самым, способность к абстрактной временной локализации диагностирует тот же самый класс глаголов, что и наречие *сейчас*, отделяя атемпоральные глаголы и употребления от всех глаголов, локализованных во времени, включая устойчивые состояния, которые, вообще говоря, сопротивляются временной локализации:

В начале четвертого курса она уже *владела* шведским языком;

В тот момент я *считала*, что я права;

В ту минуту он *жалел*, что остался дома.

Для постоянных свойств даже и такая временная локализация исключена. Показатель абстрактного времени отличается от показателя включенного времени (Падучева 1992а) тем, что показатель включенного времени, занимая тематическую позицию в предложении, фиксирует временную позицию наблюдателя: наблюдатель находится во временном интервале, задаваемом обстоятельством. Показатель включенного времени возможен только для временных состояний, процессов и деятельностей, а с устойчивыми состояниями не сочетается, см. раздел 4.а.

Абстрактная временная локализация упоминается Вендлером (“Verbs like knowing <...> may be predicated of a subject for a given time with truth or falsity” (Vendler 1967a: 102), который, тем самым, отличает абстрактную локализацию от конкретной: “Хотя относительно данного субъекта может быть верно, что он знает нечто в данный момент или в течение данного периода времени, знание не есть процесс, который происходит в это время”.

3.в. ВСЕГДА в непрерывно-временном значении

Имеется еще один тест, отделяющий постоянные свойства и соотношения от устойчивых состояний. Как было показано в Падучева 1985а: 225, наречие *всегда* в непрерывно-временном значении *всегда*₁ (= ‘в каждый из последовательных моментов времени/во все моменты времени’) получает различную интерпретацию в зависимости от положения точки отсчета, иначе — от временной позиции наблюдателя. При синхронной позиции логический акцент падает на “каждый”, так что сочетание “*всегда*₁ + V” означает, что ситуация длится без перерывов (*Кафе всегда работает*). Это значение возможно только для глаголов, обозначающих потенциально прерывные ситуации, т. е. такие, которым свойственно прекращаться и возобновляться. А при несинхронной позиции наблюдателя, ретро-

спективной или проспективной, акцентируется длительность ситуации: *всегда* + V означает, при прош. времени глагола: 'не было такого момента в прошлом, когда ситуация еще не наступила' (имеется в виду, не было столь отдаленного момента в прошлом, когда бы ситуация еще не имела места); при будущем — 'не будет такого момента в будущем, когда ситуация уже не будет иметь места' (при этом универсальная квантификация в обоих случаях понимается фигурально). Устойчивые состояния, которые не могут прерываться и возобновляться, исключают *всегда*₁ при наст. времени глагола, но свободно допускают его при прошедшем :

- (1) а. *Он всегда *знает* английский язык;
б. Я всегда *знал*, что он негодяй.

Между тем с атемпоральным глаголом *всегда* невозможно и при прош. времени (нарушение этого правила — частый повод для языковой игры):

- (2) *Эта церковь всегда *стояла* на холме.

Таким образом, сочетаемость с несинхронным *всегда*₁ позволяет отличить устойчивые состояния от постоянных свойств. Разумеется, сочетание атемпорального глагола с *всегда* возможно, если сферой действия *всегда* является субъектная группа, ср. пример из Князев 1989: 17: *Переименование всегда ведет к несчастью* = 'всякое переименование ведет к несчастью'.

Наречие *постоянно* (взятое, как и *всегда*, в своем непрерывно-временном значении) не допускает несинхронной позиции наблюдателя и способно отличать только прерывные ситуации от непрерывных, объединяя постоянные свойства (б) с устойчивыми состояниями (в) и отделяя их от временных состояний (а):

- (3) а. Он постоянно *имеет* при себе револьвер;
б. *Деталь постоянно *имеет* отверстие;
в. *Он постоянно *знает* географию.

3.2. Объемлющий показатель времени и обстоятельство длительности

Объемлющее обстоятельство времени возможно для всех глаголов, кроме атемпоральных. Необходимо только согласование по длине временного интервала: устойчивые состояния локализируются в сверхдолгих временных интервалах; временные состояния, процессы и деятельности — в обычных; например:

- (1) *В детстве и отрочестве* разговоры о гербах меня раздразнили;
Он *когда-то* учился в музыкальной школе;
Так я *любила тогда* выражаться;
В 1919 году отец где-то воевал (Н. Ильина)

Обстоятельство длительности тоже присоединяется ко всем глаголам НСВ, кроме атемпоральных:

- (2) *Он *пять лет* располагал земельным участком;
*План *два года* предусматривал постройку школы.

При этом длительность устойчивых состояний оценивается сверхдолгими интервалами:

- (3) *Пять лет* я любил эту девушку и пять лет она меня не любила (Вампилов).
Я давно уже живу не сердцем, а головою (Лермонтов).

3.д. Интерпретация формы наст. времени

Отличие постоянных (вневременных) свойств от состояний (и, разумеется, процессов и деятельности) проявляется также в интерпретации формы наст. времени. У состояний и деятельности наст. время означает, в дейктическом режиме, 'в момент речи' (при этом в случае устойчивых состояний, которые измеряются в сверхдолгих интервалах, "момент" имеет достаточно большую протяженность). А у атемпорального глагола наст. время означает не 'в момент речи', а *вне времени*, поскольку у такого глагола нет семантической валентности на время. В сущности, интерпретация наст. времени основана на том самом свойстве, которого мы касались, рассматривая сочетаемость атемпоральных глаголов с наречием *сейчас*. В Wierzbicka 1980: 190 различаются следующие три значения наст. времени:

1) настоящее дейктическое: *Джон спит* = 'тот временной срез мира, к которому принадлежу я, говорящий это, таков, что в нем имеет место ситуация «Джон спит»';

2) настоящее всевременное (omnitemporal): *Добрые люди существуют всегда* = 'все временные срезы мира таковы, что в них существуют добрые люди';

3) настоящее атемпоральное — когда нет и не подразумевается ни 'сейчас', ни 'всегда', мир рассматривается как неделимый, не имеющий временных срезов.

Метафоре с делимым и неделимым миром в нашем семантическом представлении предложения соответствует наличие vs. отсутствие среди семантических актантов глагола актанта "Время", т. е. временной переменной. Противопоставление настоящего и вневременного значения граммы наст. времени А. Вежбицка демонстрирует на примере

- (1) а. Джон спит; б. Джон канадец.

В случае (а) миру настоящего принадлежит вся ситуация "Джон спит"; а в случае (б) — только Джон: сферой действия показателя наст. времени является в (б) субъект, ср. следующий раздел.

3.е. Интерпретация формы прош. времени

У атемпоральных глаголов особым образом интерпретируется и форма прош. времени. Как показала А. Вежбицка (Wierzbicka 1980: 190), во вневременных частных суждениях, т. е. в предложениях с предикатом, выражающим постоянное свойство или соотношение (и конкретно-референтным субъектом) противопоставление наст. и прош. времени имеет особое значение: если в контексте обычного предиката, допускающего временную локализацию, противопоставление наст. и прош. времени выражает вре-

менную локализацию глагольного признака, ср. (1), то в контексте атемпорального предиката противопоставление наст. и прош. времени выражает принадлежность vs. непринадлежность субъекта тому миру, который говорящий принимает за свое настоящее, ср. (2):

- (1) а. Иван *спит*; б. Иван *спал*;
 (2) а. Пакет *содержит* ценные документы;
 б. Пакет *содержал* ценные документы.

В речевом режиме (2б) может указывать только на то, что пакет так или иначе пропал — не принадлежит тому срезу мира, который говорящий принимает, считает “своим” миром, настоящим. В примере Вежбицкой — *Джон был канадец* — прош. время означает, что Джон перестал существовать (в нынешнем мире говорящего), а не что Джон перестал быть канадцем.

Не все глаголы, которые мы причисляем к постоянным или вневременным свойствам, полностью исключают дейктическую, т. е. ретроспективную интерпретацию прош. времени. Так, в (3) предмет, скорее всего, остался в мире говорящего, но перестал иметь прежнее предназначение:

- (3) Подарок *предназначался* для Нины, но она уехала.

Бесспорно, однако, что первичное понимание граммы прош. времени у атемпоральных глаголов — такое, когда сферой действия граммы прош. времени оказывается субъект, единственный семантический фрагмент высказывания, отягощенный бременем времени, а именно, временным существованием. Разумеется, остается возможность интерпретации прош. времени в нарративном режиме, когда оно выражает настоящее время наблюдателя. Ср. участие наблюдателя-повествователя в интерпретации прош. времени во фразе *Где-то в лесу мещерская речка Пра впадала в Оку* (Песков).

Помимо указанных “несочетаемостей”, атемпоральные глаголы обладают рядом других, которые служат характеристическим отличием их от всех глаголов *Ipf. t*, кроме устойчивых состояний: они неспособны к генерализации, но, напротив, могут, без изменения значения, принимать родовой субъект; не сочетаются с включенным показателем времени, с показателями длительности (и, тем более, с показателем, акцентирующим протекание времени, типа *весь день*), с объемлющими показателями времени, с показателями кратности и итерации; с показателем цели; с делимитативным и ингрессивным показателем; см. Таблицу 2.

4. Состояния

Состояния делятся на два класса — устойчивые (типа *знать*) и временные (типа *мерзнуть*), существенно различающиеся по своему языковому поведению. Для каждой ситуации имеются свои нормальные интервалы, в которых осуществляется ее временная локализация; например, для глагола *болеть* эти интервалы более длинные, чем для *тошнить*. Для устойчивых состояний длина интервала увеличивается “на порядок” (т. е. так же, как при переходе от обычного *курить* к *курить* в узуальном

значении 'быть курильщиком') — это значит, что устойчивые состояния локализуются в сверхдлгих интервалах.

Ниже приводится список глаголов состояния с разделением на тематические классы. Деление состояний на устойчивые и временные обычно предсказывается из тематического класса; например, состояния наблюдения всегда временные; эмоциональные отношения обычно устойчивые. Однако некоторые глаголы эмоционального отношения, например *ненавидеть*, относятся в разных употреблениях к разным классам.

1. Речевые состояния: *винить, звать* (ср. *Долгое время она звала сына к себе, состояние, и Она долго звала сына домой, деятельность*), *критиковать, отказывать* (*автору в таланте*), *отрицать, приветствовать, протестовать, угрожать*.

2. Интенциональные и волитивные: *думать* (в значении 'собираться'), *жаждать, желать, иметь в виду, крепиться, надеяться, намереваться, метить <в генералы>* (+оценка), *планировать, подумывать, претендовать, ратовать за, рассчитывать* (*Он рассчитывает на благоприятный прием*), *собираться <позвонить>, стремиться, тяготеть, тянуться, хотеть(ся)*.

3. Модальные: *годиться* (свойство), *надлежать* (безл.), *подлежать, нуждаться* (**Весь год нуждался в отдыхе; ср. Долгое время они нуждались*), *предстоять* (безл.), *стоять* (безл.: *Тебе стоит туда поехать*).

4. Состояния наблюдения (временные; синхронная точка отсчета; конкретная временная локализация, вытекающая из присутствия наблюдателя): *алеть, виднеться* (*Вдали виднелись очертания домов*), *витья, вонять, выглядеть, выдаваться, выступить, зеленеть, зиять, лосниться, маячить, мерцать, парить, пахнуть, покоиться* (*Руки его покоились на коленях*), *реять, торчать, царить* (*Кругом царила тишина*), *чернеть*.

5. Физические и физиологические состояния (временные): *бодрствовать, болеть* [о человеке], *бредить, знобить, кишеть* (*Всю осень город кишел иностранцами*), *клонить(ся), мерзнуть, мокнуть, нездоровиться* (безл.), *нарывать* (*Всю неделю у меня нарывал палец*), *мутить* (безл.), *находиться, отсутствовать, пребывать, присутствовать, пустовать, спешить, чесаться* (безл.).

6. Устойчивые физиологические состояния: *здоровствовать, голодать*.

7. Эмоциональные состояния (временные): *беситься, беспокоиться, веселиться, возмущаться, волноваться, восхищаться, гневаться, грустить, злиться, ликовать* (*Весь этот день он ликовал*), *любоваться, маяться, негодовать, нервничать* (ср. *огорчаться, переживать, радоваться, скучать, терпеть, томиться, тревожиться, торжествовать* (+ Наблюдатель), *тосковать, хандрить, ужасаться*. Глагол *раздражать* относится, по Ю. Д. Апресяну, к числу реакций организма, "более низменных", чем эмоциональные. Глаголы каузированного эмоционального состояния обычно парные: *огорчать — огорчить, отталкивать — оттолкнуть*; ср., однако, *манить*.

8. Эмоциональные отношения — в норме устойчивые — и устойчивые эмоциональные состояния: *гордиться, дорожить, любить, недолюбливать, обожать, презирать, ревновать, сожалеть, сочувствовать, страдать, стыдиться*.

9. Ментальные состояния (устойчивые или временные в зависимости от содержания мнения): *интересоваться, колебаться, знать, недоумевать, ожидать <что>, подозревать, подразумевать, полагать, помнить, предвидеть, предчувствовать, рассчитывать на, руководствоваться, склоняться <к мнению>, сознавать, считать, судить.*

10. Обобщенные состояния по Вендлеру (состояния, возникающие на базе деятельности — устойчивые): *господствовать, подчиняться.*

В разделе 3 были продемонстрированы сочетаемостные возможности устойчивых состояний, которые отличают их от постоянных (вневременных) свойств. В этом разделе мы сосредоточимся на сочетаемости, характеризующей временные состояния, в противоположность устойчивым. При этом сочетания, невозможные для устойчивых состояний, для постоянных свойств, естественно, тоже исключены, см. Таблицу 2. А именно, речь идет о сочетаемости временных состояний:

- с включенным показателем времени (раздел 4.а),
- с показателем кратности и итерации (раздел 4.б),
- с показателем “интенсивной” длительности (раздел 4.г)

и о поведении глаголов временного и устойчивого состояния в контексте генерализации (раздел 4.в).

4.а. Включенный показатель времени

В отличие от абстрактного показателя времени, включенный показатель означает ‘ситуация развертывается в момент t' и предполагает внутреннюю точку отсчета, т. е. наблюдателя, синхронного ситуации. Включенные показатели с обычным — не сверхдолгим — временным интервалом локализуют деятельности (*Когда я вошел, она поливала цветы*) и процессы (*А в этот момент на кухне кипит чайник*), а из состояний — только временные:

- (1) *А сейчас-то ты куда торопишься?*

В то время как случилось несчастье с Никанором Ивановичем, <...> в кабинете Римского находились двое (Булгаков).

С устойчивыми состояниями эти обстоятельства не сочетаются. Если такое сочетание оказывается допустимым, это значит, что глагол может иметь, наряду со значением устойчивого состояния (например, отношения), значение временного состояния. Такое сочетание значений свойственно, например, глаголу *ненавидеть*, но не *любить*. Поэтому допустимо (2), но не (3):

- (2) В эту минуту она его ненавидела;

- (3) *В эту минуту она его любила.

Это свойство глагола *ненавидеть* обыгрывается в (4):

- (4) Я определенно чувствовал: сейчас опять ненавижу ее. Впрочем, почему “сейчас”? Я ненавидел ее все время. (Замятин. “Мы”)

Ср. также:

- (5) а. *В этот момент он думает, что мы уехали [*думает* — состояние];

- б. В этот момент он думает о том, что мы уехали и ему придется теперь жить одному [*думает* — процесс, Vendler 1967a: 110].

Для устойчивых состояний локализация возможна только в абстрактном времени. Так, в примерах (из Козинцева 1991: 23)

(6) В этот момент я уже твердо знал, что буду моряком;

А он-то сейчас думает, что мы послушались его и остались на даче.

время абстрактное. Различие между включенным и абстрактным временем можно продемонстрировать с помощью следующего приема, применяемого, в иной связи, Вендлером: высказывание *Как он ее в этот момент ненавидел* заведомо ложно по отношению к человеку, который в этот момент спал; между тем истинность и осмысленность предложения *В этот момент он ее уже ненавидел*, с абстрактным временным показателем, не зависит от того, что человек делал в этот момент.

4.б. Показатели кратности и итерации

Показатели кратности (*дважды, три раза, много раз, регулярно, беспрерывно, многократно*), фреквентативные наречия (*часто, редко, иногда*), в том числе наречия, у которых повторяемость действия составляет презумпцию (типа *подолгу, снова, вечерами*), и дискретно-временное *всегда* (в значении 'всякий раз, когда') сочетаются с деятельностями, процессами и временными состояниями, которые обладают свойством прерывности (т. е. могут прекращаться и возобновляться) и не сочетаются с устойчивыми состояниями:

(1) а. Он часто болеет; всегда мерзнет;

б. *два раза считал, что он прав.

Из временных состояний глаголы, выражающие состояния наблюдения, тоже обладают определенными ограничениями на итерацию, ср.

(2) *Вдали дважды белел парусник,

но это постольку, поскольку семантика этих глаголов предполагает синхронного наблюдателя, а контекст показателя определенной кратности — ретроспективного. Свойство прерывности, которое проводит границу между временными и устойчивыми состояниями, является также семантической предпосылкой сочетаемости глагола с наречиями *беспрерывно, непрерывно*. В самом деле, сказать *непрерывно* можно только в том случае, если ситуация, обозначаемая глаголом, может прерываться и возобновляться. В контексте предикатов устойчивого состояния кванторное временное наречие, если оно допустимо, квантифицирует не временную переменную предиката, а субъектную (3а); а для временных состояний это не так, см. (3б):

(3) а. Медсестра часто знает дело лучше, чем врач.

б. Неуверенные люди обычно сожалеют о только что совершенном поступке.

4.в. Родовой субъект и способность к генерализации

Глаголы временного состояния, так же как процессы и деятельности, в принципе, могут употребляться в контексте родового или квантифицированного субъекта; при этом временная переменная в составе глагольной группы связывается квантором общности: *Вода кипит при 100°* [всегда], ср. *Вода кипит* [сейчас]. Что же касается устойчивых состояний, то они,

как и атемпоральные глаголы, употребляются в предложениях с родовым или квантифицированным субъектом без изменения своего аспектуально-временного значения; так, аспектуальное значение у *знает* в (1а) и (1б) одинаково:

- (1) а. Он *знает*, что волки опасны;
б. Каждый *знает*, что волки опасны.

Форма наст. времени глагола в русском языке практически всегда допускает понимание не только в наст., но и в гномическом времени; между тем краткая форма выражает только наст. время — генерализация требует связки *бывает*:

- (2) а. Он раздражается по любому поводу;
б. *Он раздражен по любому поводу;
в. Он часто бывает раздражен.

В Булыгина 1982 было отмечено, что некоторые предикаты временно-го состояния допускают исключительно конкретно-референтную интерпретацию; так, для (3) генерализованное понимание исключено:

- (3) Родители пьяны; Старики в раздражении.

Этот пример демонстрирует, однако, невозможность генерализации только для одной синтаксической конструкции — краткой формы прилагательного при нулевой связке. Временные состояния, выраженные глаголом, генерализацию допускают. Аналогичный запрет на генерализацию в похожей конструкции действует в английском языке, см. пример из Селиверстова 1982:

- (4) а. *He is asleep anywhere; б. He sleeps anywhere.

4.2. Показатель длительности типа ВЕСЬ ДЕНЬ

Как отмечено в разделе 3.1, устойчивые состояния сочетаются с обычным обстоятельством длительности. Между тем обстоятельства, выражающие “интенсивное” протекание времени, со значением ‘в каждый из последовательных моментов, составляющих данный интервал’, в контексте устойчивых состояний, как и свойств, исключены: такое обстоятельство предполагает, что ситуация разворачивается на данном интервале, затрачивая по очереди одну его часть за другой (о семантике обстоятельств этого типа см. Wierzbicka 1980: 197). Иными словами, это обстоятельство несет в своем значении определенную предпосылку относительно таксономического класса характеризующей им ситуации — это может быть деятельность, процесс или временное состояние, см. (1), и не может быть ни свойство, см. пример (2) (из Селиверстова 1982), ни устойчивое состояние, пример (3):

- (1) *Всю неделю* мечтала об отпуске; *Все утро* бредил; *Все детство* болел;
Весь вечер писал; *Все это время* чайник кипел;
Весь день веселилась (тосковала, радовалась).
(2) **Всю молодость* она была красива.
**Все утро* он был раздражителен (ср. *Все утро* он был раздражен).
(3) **Всю молодость* она любила говорить по телефону;
**Все детство* я знал немецкий язык, а потом забыл.

Ментальные состояния могут быть устойчивыми или временными, в зависимости от содержания состояния. Так, допустимо *Все утро я считала, что он уехал*, поскольку можно представить себе “эмоционализацию” ментального состояния. Что же касается эмоциональных состояний, то они, как уже говорилось, могут вести себя как временные. Впрочем, употребления типа (4) носят оттенок языковой игры:

- (4) Я ненавидел ее все время, которое необходимо скорому поезду, чтобы пройти расстояние от Москвы до Казатина (Ильф).

5. Непредельные инактивные процессы

Инактивные процессы — это процессы с нецелелеполагающим субъектом, обычно неодушевленным. Подлежащее при глаголах процесса обозначает предмет, участвующий в процессе, но не способный его инициировать или прекратить. Процессы характеризуются следующими семантическими признаками (см. Таблицу 1).

А. Временная локализация в обычных (не сверхдолгих) временных интервалах.

Б. Динамичность; в частности, процессы требуют приложения энергии для своего начала и, вообще говоря, для поддержания: тело находится в данном состоянии, пока какая-то сила не выведет его из этого состояния; между тем продолжение процесса в условиях нормальной жизни требует преодоления какого-то сопротивления, т. е. затраты энергии.

В. Ненамеренность: субъект процесса не способен начать и кончить процесс по своему намерению.

В понятии процесса есть некое внутреннее противоречие: динамичность (признак Б) подразумевает затрату энергии, в то время как ненамеренность (признак В) означает, что субъект ситуации не способен приложить эту энергию — во всяком случае, не способен инициировать ее приложение. Язык представляет процесс как протекающий сам по себе, ср. большое число процессов, выражаемых глаголом на *-ся*, т. е. представляемых языком как результат декаузативизации — исключения каузатора из числа обязательных участников ситуации (*разрушаться, катиться* и под.). Таким образом, общим для всех инактивных процессов является то, что субъект процесса не является его сознательным инициатором. В то же время, он может быть его каузатором, т. е. источником энергии.

Субъектом и подразумеваемым (или даже не подразумеваемым, но реально задействованным) каузатором процесса могут быть “природные силы” — вода, ветер и под.: *бушевать, валить* (о снеге), *веять, вертеться, гореть, дрожать, дуть* (о ветре), *дымиться, капать, кипеть, колебаться, коптить* (*Лампа коптит*; + Наблюдатель), *кровоточить, кружиться, крутиться, лить* (о дожде), *моросить, плыть, развеиваться, сыпаться*.

К процессам можно отнести произвольные — неконтролируемые — физиологические деятельности человека, такие как *дышать, зевать, икать, кашлять, храпеть* (+Наблюдатель), *сонеть* (+Наблюдатель), *чихать*; а также *бредить, грезить*.

Многие глаголы (*работать, двигаться* и др.) обозначают процессы наряду с деятельностью. Ср., однако, глагол *функционировать*, в норме имеющий только неодушевленный субъект.

Плотную семантическую группу образуют процессы издавания звуков: *выть* [о ветре], *грохотать, гудеть, звенеть, звонить* [о колоколе], *звучать, трещать, шелестеть, шипеть, шуметь, шуршать* (везде +Наблюдатель).

Процесс плохо отличим от состояния (*цвести, колоситься* — процессы или состояния?), в частности — от состояния наблюдения (*блестеть, сверкать, светиться, сиять* — процессы или состояния?) и от состояния существования — ср. *течь* (о реке), *расти* (о дереве). Процессам свойственна прерывность. В этом смысле нетипичный процесс глагол *расти*.

Скрытая каузация, лежащая в основе инактивного процесса, может проявляться в спорадической сочетаемости с каузатором (эксплицитным или подразумеваемым источником энергии, благодаря которому процесс поддерживается), не совпадающим с грамматическим субъектом —

Флаг развевается *на ветру*;

Щепка плывет *по воде*;

Трава блестит (сверкает, сияет) *на солнце*.

Однако эта возможность есть не у всех процессов.

Специфическим сочетаемым свойством, которое позволяет провести границу между процессами и временными состояниями, является сочетаемость с обстоятельством места: свойства и устойчивые состояния, естественно, не допускают локализации в пространстве.

Даже для временных состояний пространственная локализация — вещь эпизодическая, ср. почти аномальное

Откровенно говоря, я предпочитаю хворать дома (Зощенко "История болезни").

Исключение составляют состояния наблюдения, которые хорошо локализируются в пространстве, поскольку связаны с восприятием (об обязательном семантическом актанте "Место" у глаголов восприятия см. Wierzbicka 1980: 199).

Таким образом, процессы — это первая Т-категория Таблицы 2, которая хорошо локализуется в пространстве (*На плите кипит чайник*). Естественно связать пространственную локализацию процессов с их наблюдательностью, о которой шла речь выше.

В логике считается, что событие, состоящее в изменении субстанции, локализуется в пространстве за счет пространственной локализации субстанции. Однако это только логика: пространственная локализация субстанции сама по себе не имплицитно осмысленности утверждения о пространственной локализации ситуации с ее участием. Связь между локализацией субстанции и локализацией ситуации не прямая, и допустимость обстоятельства места при данном глаголе в существенной степени зависит от Т-категории глагола.

Ср. пример, который приводится в Kim 1979: *Сократ умер в тюрьме* — нормальная фраза; причем поскольку Сократ был женат на Ксантипе, мы могли бы сказать, с определенным изменением значения, *Муж*

Ксантинпы умер в тюрьме. Однако, хотя фразы *Муж Ксантинпы умер* и *Ксантинпа овдовела* имеют почти один и тот же смысл (различаясь, быть может, лишь коммуникативной структурой), нельзя сказать **Ксантинпа овдовела в тюрьме.* И дело не только в том, что когда Ксантинпа стала вдовой, она не находилась в тюрьме, но и в том, что глагол *овдoветь*, как, по-видимому, и все другие глаголы, выражающие изменение социального или гражданского статуса, не допускает пространственной локализации. О затрудненности пространственной локализации, свойственной глаголам ментального состояния, см. Кжижкова 1967, Апресян 1980а: 59.

6. Деятельности

Мы рассматриваем деятельность как понятие более общее, чем действие: действия — все, за исключением небольшого класса идеальных, собственно моментальных, типа *(по)требовать*, — это подкласс деятельностей. А именно, действия — это деятельности, имеющие дискретную цель, которая задает предел этой деятельности. Поэтому глагол действия обычно входит в видовую пару с глаголом, обозначающим достижение цели, а деятельности попадают в Ipf. t. Ниже речь идет только о деятельности, которые суть activities по Вендлеру, т. е. о таких деятельности, которые не являются действиями.

Типичные глаголы деятельности не только не входят в предельные пары, но и не подразумевают таких пар; ср. *беседовать*, *биться* <головой об стенку>, *болтать*, *бродить*, *восторгаться*, *действовать*, *драться*, *играть*, *клянчить*, *копаться*, *кутить* (+оценка), *ласкать*, *лежать*, *любоваться*, *мыслить*, *наблюдать*, *пасти*, *плакать*, *плясать*, *работать*, *разговаривать*, *рассуждать*, *ругаться*, *сидеть*, *следить* <за движением туч по небу>, *скользить* (+Наблюдатель), *спать*, *стоять*. Сюда же относятся глаголы издавания звуков: *визжать*, *ворчать* (+оценка), *выть*, *говорить*, *звонить*, *кричать*, *лаять*, *мычать*, *мяукать*, *ныть*, *петь*, *пищать*, *плакать*, *реветь*, *ржать*, *рыдать*, *рычать*, *свистеть*, *смеяться*, *стонать*, *хохотать*, *хрипеть*, *шептать*(ся), *шипеть*, *щебетать*. Глаголы *скрипеть*, *трещать*, *хрустеть*, *шелестеть*, *шуметь*, *шуршать* обозначают издавание звуков, незапланированным образом сопровождающее какую-то другую деятельность Субъекта, и потому не могут быть названы деятельностями в полном смысле слова. Все они предполагают Наблюдателя, который и воспринимает издаваемые звуки.

Наиболее многочисленным среди деятельностей является подкласс множественных действий, включающий глаголы многоактного способа действия, т. е. глаголы, входящие в семьфактивные пары (типа *махать*—*махнуть*), а также глаголы, которые обозначают деятельности, состоящие из повторения одного и того же движения: *ахать*, *барахтаться*, *брызгать*, *бряцать* (+Наблюдатель), *вертеться*, *влиять*, *ворочать*(ся), *вращать*(ся), *глотать*, *каркать* (и многие другие глаголы издавания звуков), *качать*(ся), *кивать*, *клевать*, *кружиться*, *крутиться*, *кувыркаться*, *махать*, *мелькать* (+Наблюдатель), *мигать*, *моргать*, *озираться* (+Наблюдатель),

плескаться, размахивать, сверкать, стучать, толкать, топтать, трясти, фыркать, хлопать ('аплодировать'), *царапать, чесать(ся), шагать, шевелить(ся), щелкать*.

К множественным действиям относятся также моторно-кратные глаголы – *бегать, бродить* (ср. *брести*), *возить, гонять, ездить, катать, лазить, летать, носиться, плавать, ползать, таскать, ходить*.

Отсутствие у глагола деятельности предельной пары (исключающее его из класса действий) не всегда предопределено семантикой, ср. глаголы типа *пытать, аккомпанировать*, где предел фактически задан (грамматическим объектом, контекстом ситуации или широким прагматическим контекстом), так что СВ семантически необходим, и тем не менее отсутствует. Это деятельности с внешним пределом, ср. *агитировать, аккомпанировать, баюкать, бить, бомбардировать, бороться, гадать, гонять(ся), дежурировать* (временной предел), *долбить, драть, есть, жать* (СВ на *с-, по-, вы-*), *ждать, загорать, жечь, искать, клеить, ковать, колоть, лизать, копать, косить, красить, критиковать, кушать, лить, месить* (СВ на *за-, вы-*), *мести, метать, метиться, молить(ся), наступать* (+Наблюдатель), *обсуждать* (ср. *обсудить*), *паять, печь, пить, пилить, преследовать, пытаться* (+оценка), *регулировать* (СВ на *у-, от-*), *резать, рубить, светить* [в значении 'X светит Y-у, пока Y' что-то делает], *сражаться за, сыпать, танцевать, торговаться, тренироваться, удить, учить(ся), штурмовать*.

Деятельности характеризуются сочетаемостью с обстоятельством цели, с фазовыми активными глаголами и с делимитативным показателем; множественные действия сочетаются с ингрессивным показателем.

6.а. Обстоятельство цели

Сочетаемость с обстоятельством цели служит тестом, выявляющим намеренность, и противопоставляет действия и деятельности всем остальным Т-категориям – процессам, состояниям и свойствам. Примеры ниже демонстрируют несочетаемость с обстоятельством цели, свойственную инактивным процессам (1), временным состояниям (2), устойчивым состояниям (3) и свойствам (4):

- (1) *Чайник кипит, чтобы ...
- (2) *Отсутствует, чтобы не видеть
- (3) *Уважает, чтобы ...
- (4) *Мешок весит 50 кг, чтобы ...

Состояние не контролируется или во всяком случае не полностью контролируется его субъектом. В самом деле, становление состояния определяется не намерением субъекта, а некоторой внешней по отношению к нему силой. Как пишет Вендлер (Vendler 1967a: 106), "можно начать или перестать бежать; можно бежать намеренно и осторожно; можно быть наказанным за то, что ты начал бежать; нести ответственность за то, что ты побежал; но не за то, что ты что-то заметил или (нечаянно) узнал". Вендлер здесь противопоставляет глаголы деятельности глаголам происшествия, но то же верно и для глаголов состояния.

Глаголы *дышать*, *кашлять* в своем первичном употреблении обозначают процессы, и, соответственно, не могут присоединять обстоятельство цели.

Есть деятельности с ингерентной целью: *играть* имеет целью получение удовольствия, *катать Y-a* имеет цель доставить удовольствие Y-у; но и у этих глаголов нет семантического запрета на обстоятельство цели.

6.6. Фазовые глаголы

Интерпретация сочетания “X начал V” зависит от признака “намеренность” и, следовательно, проводит границу между деятельностями и процессами. Если глагол V выражает деятельность, то X начал V означает ‘X инициировал деятельность, обозначаемую глаголом V’, пример (1); а если инактивный процесс, пример (2), или состояние, пример (3), то X начал V означает ‘V началось’:

- (1) Иван начал пилить дрова;
- (2) Только начало смеркаться...;
Свечка начала коптить;
- (3) Я уже начал сожалеть о своем обещании;
Это начало мне надоедать.

Как пишет Вендлер, тот факт, что нельзя начать (или кончить) знать, сам по себе показывает, что *знать* — это не действие, а состояние (Vendler 1967a: 112). Это апелляция к активному значению глаголов *начать* и *кончить*, когда они понимаются как инициирование или намеренное прекращение деятельности. Фазовые глаголы, которые имеют только активное значение ‘инициировать начало, продолжение или прекращение деятельности’ (*стать*, *приняться* — *приниматься за*, *браться* — *взяться за*, *продолжить*, *прекратить*), сочетаются только с деятельностями.

6.в. Делимитатив

На первый взгляд неожиданным образом возможность образования производного делимитатива диагностирует Т-катеорию мотивирующего глагола: делимитативные производные образуются, с помощью приставки *по-*, почти исключительно от глаголов деятельности, ср. *побеседовать*, *побродить*, *поискать*, *поплавать* и т. п. (*побеседовал* = ‘начал беседовать, беседовал некоторое время и кончил’). Этот факт отмечен в работе Flier 1985.

В самом деле, делимитативы невозможны от глаголов свойства (глагола *повесить* в значении ‘начать весить, весить и перестать’ не существует) и от глаголов устойчивого состояния: *полюбить* не может значить ‘любить в течение некоторого времени и перестать’). Делимитатив сомнителен от глаголов, входящих в предельную пару, т. е. деятельностей, которые являются действиями; ср. **пооткрывал окно*, **пописал статью* (второе лучше, так как может рассматриваться как продолжающаяся регулярная — и тем самым не имеющая дискретного предела — деятельность).

Способность мотивировать делимитатив дает один из самых показательных тестов, отличающих деятельности от постоянных свойств и со-

стояний. Так, *любоваться*, *смотреть* (деятельности) дают *полюбоваться*, *посмотреть*, а *видеть* (состояние) — невозможное **повидеть*.

Даже временные состояния с делимитативным показателем практически не сочетаются (*Я *поболел, *помок, *поприсутствовал*), в том числе и состояния наблюдения. Это значит, что здесь работает признак “намеренность”.

Процессы, в принципе, способны сочетаться с делимитативным показателем:

- (1) Чайник *покипел* и перестал;
Свечка *погорела* и погасла;
Солнце *посветило* и зашло за тучу;
Дождь *поморосил* и кончился.

Однако делимитатив, мотивированный инактивным процессом, всегда требует специального контекста, как в (1), ср. в норме недопустимые *побить <о фонтане>*, *поцвести*, *погрохотать*; тогда как от глаголов деятельности делимитатив образуется почти без ограничений.

Сопоставление намеренных и ненамеренных контекстов употребления одного и того же глагола показывает, что в контексте целеполагающего субъекта делимитатив всегда более естествен:

- (2) Он мне *посветил* фонариком — **Солнце посветило*;
Я пошуриал бумагами, чтобы его разбудить — **Листья пошуриали*.

Глаголы *попотеть* и *повозиться* означают только ‘потрудиться’, хотя *потеть* и *возиться* нормально не обозначают деятельности.

Связь делимитатива с идеей намеренного действия демонстрируют также глаголы *покашлять*, *подышать*: *кашлять* и *дышать* могут обозначать намеренную деятельность лишь в неосновном значении; между тем соответствующие делимитативы всегда обозначают намеренную деятельность. Делимитативный показатель, присоединенный к глаголу состояния, придает ему оттенок деятельности, ср. *побеспокоиться*. Делимитатив от глаголов *веселиться*, *скучать*, *горевать*, *быть (пробывать)*, *гостить*, *нервничать*, *терпеть*, вообще говоря, обозначающих состояние, подчеркивает проявление состояния в деятельности.

Не является делимитативным соотношение между *забавлять* и *позабавить*: *позабавил* ≠ ‘забавлял в течение некоторого времени и перестал’. Глаголы *погорячиться*, *помешать* (не образованные от деятельности) не делимитативы.

Сочетаемость с делимитативной приставкой — один из аргументов, составляющих причислить глаголы *сидеть*, *лежать*, *стоять* к деятельности.

Итак, мы вправе заключить, что связь делимитативного показателя с Т-категорией деятельности имеет семантическую основу: идея начала и конца, входящая в семантику делимитатива, согласуется с возможностью субъекта деятельности начать и кончить деятельность в соответствии со своим намерением; между тем начало и конец процесса зависят от завуалированного каузатора и “покрыты мраком неизвестности”.

Тест на делимитатив позволяет также разделить собственно деятельности от глаголов поведения и занятия (см. раздел 7), которые нормально не

сочетаются с делимитативными показателями, ср. **поафишировать*, **поигнорировать*. Эта несочетаемость основана на другом аспекте значения делимитативов: делимитативы локализируются в обычных временных интервалах; между тем занятия локализируются в сверхдолгих интервалах, а поведением свойственна известная отвлеченность от времени.

Имеется отношение регулярной многозначности, которое связывает глаголы, обозначающие занятие или тип поведения, с глаголами конкретной деятельности, подпадающими под данный тип поведения, ср. *петь* [в данный момент] и *петь в хоре*. В контексте делимитативного показателя такие неоднозначные глаголы обозначают только деятельность; ср. *ухаживать* и *Дайте я за вами поухаживаю; эксплуатировать* и *Я вас немножко поэксплуатирую; сплетничать* и *Я хочу с вами посплетничать*.

Как и ингрессив (см. раздел 6.г), делимитативный показатель имеет предпосылкой потенциально неограниченную продолжительность деятельности и не присоединяется к деятельности, имеющим предел, в том числе и внешний (исключения — *поискать, подождать*). Не удивительно поэтому, что делимитативы не образуются от глаголов типа *метиться* или *преследовать*, которые имеют дискретную цель и не имеют парного СВ лишь в силу своего рода “лексического пробела”.

Таким образом, способность мотивировать делимитатив может быть тестом на принадлежность глагола к Т-категории деятельностей.

6.г. Начинательность

Показатели начинательности тоже играют важную роль в диагностике Т-категорий. Так, глаголы постоянного свойства не сочетаются с начинательными приставками (ср. **застойть*, **завесить*), и этот запрет имеет семантическую природу, о чем свидетельствует тот факт, что сочетание с глаголом *начать* для таких глаголов, как правило, тоже невозможно: **начал состоять*, **начал объясняться*. Даже если постоянное свойство переосмысливается как свойство временного среза, нельзя употребить глагол *начать*:

- (1) *начал весить* надо заменить на *теперь весит*;
начал стоять — на *теперь стоит*.

У глаголов устойчивого состояния также невозможен ни приставочный инцептив, ни даже аналитическое выражение идеи начинательности, ср. **зазнать*, **залюбить*, **зануждаться*. Приставка в (2) выражает семантически нерегулярное соотношение:

- (2) *Х загордился* = ‘начал вести себя заносчиво’ (≠ ‘началось: Х гордится’);
Х зауважал ≠ ‘началось: Х уважает’.

Сочетание глагола устойчивого состояния с идеей начала обычно идиоматично: *узнал расписание* ≠ ‘начал знать’, см. Булыгина, Шмелев 1989.

Об узуальных действиях (которые являются разновидностью устойчивых состояний), пишет А. В. Исаченко (1960: 224): “Начало узуального действия обычно не выражается совершаемостным образованием: нельзя,

например, сказать “Он заходил в школу” (в значении ‘он стал, начал ходить в школу’). Ср., впрочем, *загулять, запить*.

Однако уже с глаголом временного состояния начинательные приставки сочетаются относительно свободно и имеют значение наступления состояния, обозначаемого исходным глаголом, ср. *загрустить, запахнуть, завонять, зазнобить, взбеситься, устыдиться, заболеть*.

Возникает вопрос, всегда ли начинательный элемент имеет одно и то же значение. Так, А. В. Исаченко предлагает (со ссылкой на словарь Ушакова) различать у *заболеть* два значения — ‘стать больным’ (*Я заболел*) и ‘начать болеть’ (*У меня заболели зубы*), из которых второе он признает начинательным способом действия от *болеть* (*зубы заболели* = ‘начали болеть’), а первое — нет (*Я заболел* ≠ ‘Я начал болеть’).

В контексте динамического глагола двоякая интерпретация начинательного элемента несомненна. С одной стороны, он может обозначать наступление начальной фазы процесса (деятельности); так, *закипел* = ‘начал кипеть’ (или даже просто наступление события, не расчлененного на фазы, ср. *взвыл*); с другой стороны — начало и продолжение; так, *заиграл* = ‘начал играть и играет’. Ср. различие между *взвыл* = ‘начал выть’ и *завыл* = ‘начал выть и воет’; между *позвонил звонок* = ‘раздался’ и *У меня зазвонил телефон* = ‘начал звонить и звонит’. Мы будем называть первую разновидность начинательного значения и нцептивом, а вторую — ингрессивом (несмотря на то, что Ю. С. Маслов предлагал не различать оттенков начинательности и употреблять термины “инцептив” и “ингрессив” как синонимы; см. Маслов 1965). Ингрессивное значение обладает более широкой продуктивностью и способностью к образованию неологизмов, ср. примеры из Исаченко 1960: 227:

Перо *записало*; Орудия *застреляли*,

С того времени русские люди *заговорили* и *записали* двоячными предложениями.

Ингрессивный показатель может быть использован для диагностики Т-категорий. Основную массу глаголов, способных присоединять за- в ингрессивном значении ‘начать(ся) и продолжать(ся)’ составляют глаголы инактивного процесса и деятельности (которые по этому признаку не отличимы друг от друга); ср., с одной стороны, процессы — *закапать, зацвести, забить* [о фонтане], *заработать* [о моторе], *задымиться, закоптить* ‘начать коптить’, *задуть, забушевать, загрохотать, загудеть, задрожать, зазвонить, зазвучать, закипеть, зашуметь, зажужжать, задышать, закашлять, зачихать*; и, с другой стороны, деятельности, типа *забежать, заплакать*. Свободно присоединяют ингрессивный показатель глаголы издавания звуков — как в агентивном, так и в инактивном значении.

Ингрессивный показатель присоединяется, прежде всего, к многоактным глаголам. Парадигматическим мотивирующим глаголом для ингрессива является глагол со значением колебательного движения, потенциально бесконечного, см. Зализняк 1995. Напротив, ингрессивного значения не возникает в контексте направленных процессов и деятельностей, в частности, — направленных движений. Так, глаголы *бежать, гнать(ся), ехать*,

идти, катиться, лезть, лететь, мчаться, ползти, скакать, тащить, течь, тянуть(ся) способны мотивировать только собственно инцептивное значение, выражаемое приставкой *по-*. К немногочисленным исключениям принадлежат *шагать, скользить*, где многоактность и акцент на способе действия “перевешивают” предельность; у *скакать* “перевешивает” направленность (*Всадник поскакал к реке, а не заскакал*).

7. Занятия и поведения

Остановимся в заключение на двух малых Т-категориях — занятиях и поведении.

7.а. Занятия

Несколько глаголов этой Т-категории (в частности, англ. rule ‘править’) были проанализированы Вендлером, который назвал их обобщенными состояниями (generic states). Главное аспектуальное свойство занятий состоит в том, что они занимают сверхдолгий интервал, не целиком заполненный деятельностью или действиями субъекта, но при этом характеризуют субъект на всем протяжении этого интервала. Деятельности субъекта могут быть однородные (так, для *воровать* это всегда *красть*) или разноименные, ср. о глаголе *руководить* в Булыгина 1982.

К занятиям мы относим глаголы: *воевать, воровать, жить* <в Москве>, *командовать* <армией>, *кочевать, переругиваться, править* <страной>, *питаться, посещать, преподавать, путешествовать, пьянствовать* (+ оценка!), *служить, сотрудничать, спекулировать, сплетничать* ‘узуально переносить сплетни’, ср. *Жаль, право, что эти добрые люди так сплетничают; это отнимает всякую охоту ходить к ним* (Герцен), *судиться, торговать, ухаживать* <за больным>, *учительствовать, царствовать, шефствовать*.

Поскольку занятия локализируются в сверхдолгих интервалах, они соотносятся со временем как устойчивые состояния, т. е. дают положительный ответ на тесты группы I в Таблице 2 и отрицательный — на тесты группы II. По той же причине занятия не образуют делимитативов (**попьянствовать, поруководить, поцарствовать, поспекулировать, попитаться*; ср., впрочем, *повоевать, пожить, попутешествовать, посплетничать*) и ингрессивов (**заворовал*). Обстоятельство места присоединяют только те глаголы занятия, у которых пространственный локализатор является семантическим актантом (*жить, путешествовать*). Сочетание с обстоятельством цели, в принципе, допустимо (*пится рыбой, чтобы сохранить здоровье*), но затруднено.

7.б. Поведения

Основная особенность глаголов поведения — в том, что в их семантическую структуру входит субъект сознания (а именно, субъект оценки — почти всегда отрицательной), не совпадающий с субъектом самой деятель-

ности. Т. е. это глаголы стереоскопической семантики (Зализняк, Падучева 1982). Глагол поведения дает вторичную номинацию наблюдателем той деятельности, которую ее субъект, скорее всего, назвал бы иначе.

К поведению относятся: *афишировать, баловать(ся), бездействовать, безобразничать, беситься, бесчинствовать, болтаться, важничать, валяться, волочиться, воображать* 'быть о себе очень высокого мнения', *вымогать, глумиться, грешить, грубить, грязнить, дергать, домогаться, доминать, дурачиться, ершиться, кидаться, жульничать, заблуждаться, задаваться, заигрывать, заискивать, злословить, игнорировать, издеваться, измываться, имитировать, истязать, кипятились, кичиться, кокетничать, корчить, кривляться, кочевряжиться, кутить, лавировать, лениться, лицемерить, ломиться, мучить, мытарить, нарушать, насиловать* (в переносном смысле), *ошибаться, пачкать, подводить, подражать, потворствовать, пренебрегать, пресмыкаться, придираются* (ср. *придраться*), *прикидываться, прислуживаться, приставать, притворяться, разглагольствовать, соперничать, сплетничать, суется, терзать, тиранить, травить, унижать, унывать, упорствовать, упрямитесь, философствовать, флиртывать, хозяйничать, хорохориться, церемониться, чваниться, шалить, эксплуатировать, эпатировать*.

Глаголы поведения чаще всего употребляются в контексте речевого акта упрека (*Зачем ты афишируешь, дурачишься!*; *Зачем лицемерить, грубить!*; *Ну что ты упрямишься, злословишь!*) или предупреждения (*Ты подводишь коллектив!* *Вы нарушаете наши правила!*). Коммуникативная цель высказывания с глаголом поведения, как правило, состоит в квалификации говорящим частного события как проявления определенного типа поведения, см. Гловинская 1986, Апресян 1988а.

У глаголов поведения НСВ не может иметь актуально-длительного значения, поскольку они не просто называют деятельность субъекта, а дают одновременно определенную характеристику самому субъекту, ср. сказанное в Гловинская 1986 по поводу наст. времени во фразе *Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю*: наблюдатель отрицательно оценивает единичное событие и считает, что оно "неслучайно для субъекта в целом". По типу соотношенности с осью времени поведения подобны устойчивым состояниям. Поэтому наст. время у глаголов поведения, так же как у глаголов устойчивого состояния, является расширенным настоящим (см. Бондарко 1971: 66). Это объясняет употребление НСВ наст. в контекстах типа *Ты подводишь коллектив!*, где НСВ наст. денотативно тождественно СВ прош. (по смыслу НСВ ≠ СВ: высказывание с НСВ характеризует тип поведения, а с СВ — отдельный поступок).

Глаголы, которые не являются поведением в своем обычном употреблении, могут перейти в эту категорию (для них производную) в контексте соответствующего речевого акта. Так, высказывания типа *Зачем людей толкать!*; *Зачем Вы людей обижаете!* (сделанные в контексте единичного толчка, обиды, см. об этом употреблении мн. числа в Зализняк, Падучева 1974) подводят частный поступок под тип поведения, что и объясняет употребление формы НСВ наст. по отношению к законченному действию в прошлом.

Присутствие в семантике глагола поведения синхронного наблюдателя является причиной затрудненного употребления этих глаголов в прош. времени (в ретроспективном значении).

Неконкретная референция глаголов поведения объясняет их неспособность мотивировать инг्रेसивы (*заупрямиться, заважничать* — не ингресивы). Делимитативы от поведений, как правило, тоже невозможны (**игнорировать, *пожужничать*); ср., однако, *побаловаться, пококотничать*.

Поведения отличаются от деятельности затрудненной сочетаемостью с обстоятельством цели: давая отрицательную оценку поведению субъекта, наблюдатель тем самым отрицает его целесообразность; так, *важничать, воображать, злословить, игнорировать, кичиться, упрячиться* и мн. др. не сочетаются с обстоятельством цели. В то же время такие глаголы, как *заигрывать, заискивать* не исключают цели. Важно то, что обстоятельство цели приобретает в контексте глаголов поведения, равно как и других глаголов с семантикой оценки, специальную интерпретацию: это не субъективная цель субъекта, как у обычных глаголов деятельности, а та цель, которую приписал субъекту наблюдатель.

Тот же семантический сдвиг демонстрирует пример из Апресян 1988а: в высказывании *Ты ломаешь стул* цель (как предел деятельности субъекта) навязана наблюдателем; это вовсе не есть субъективная цель самого Субъекта деятельности, как при нормальном употреблении акциональных глаголов. Сказать *Ты ломаешь стул* в ситуации, когда стул уже сломан (поведя поступок под тип поведения), однако, нельзя: дело в том, что ед. число объекта не дает возможности понять высказывание в генерализованном значении. Тип поведения можно выразить фразой *Ты ломаешь стулья* или *Ты портишь мебель*. Таким образом, поведение может быть для глагола *ломать* производной Т-категорией.

* * *

Итак, мы констатируем следующие сочетаемостные различия между основными Т-категориями глаголов *imperfectiva tantum*. Деятельности обладают наиболее широкими сочетаемостными возможностями. Процессы не проходят тестов группы IV из Таблицы 2; временные состояния — тестов группы III (противопоставление процессов и временных состояний вообще наиболее слабое); устойчивые состояния не проходят тестов группы II; и постоянные свойства дают отрицательный ответ по всем тестам Таблицы 2.

Глава 9

ПЕРФЕКТНЫЕ ВИДОВЫЕ ПАРЫ*

Ментальные глаголы демонстрируют класс видовых пар со странным — квазисинонимическим — соотношением между сов. видом прош. времени и несов. видом настоящего (или прош. нарративного). Ср. возможность замены СВ на НСВ в следующих примерах:

- Группа I.** Я *понял* (\approx *понимаю*), на что он намекал;
Теперь ты *увидел* (\approx *видишь*) собственными глазами, как тут хорошо;
Я *различил* (\approx *различаю*) вдали очертания снежных массивов.
- Группа II.1.** Молва *приписала* (\approx *приписывает*) смерть его действию яда;
Напрасно вы *отождествили* (\approx *отождествляете*) Волошинова с Бахтиным;
Белинский *отнес* (\approx *относит*) донские казачьи песни к жанру исторических.
- Группа II.2.** Слова жены *подтвердили* (\approx *подтверждают*) мои догадки;
Этот случай частично *объяснил* (\approx *объясняет*) странности его поведения.
- Группа III.** Здесь мы *столкнулись* (\approx *сталкиваемся*) с совершенно новой проблемой;
Здесь мы сразу *натолкнулись* (\approx *наталкиваемся*) на препятствие;
На проверку вся теория *оказалась* (\approx *оказывается*) полной чепухой.

К группе I относятся глаголы мнения и восприятия — *понять*, *поверить*, *найти* (*Все нашли, что мы говорим вздор*), *счесть*, *увидеть*, *услышать*, *почувствовать*, *ощутить*, *воспринять*, *вообразить*, *ошибиться* и др.

К группе II.1 относятся глаголы, обозначающие ментальный акт, который имеет следствием установление постоянного отношения между двумя объектами — *причислить*, *зачислить*, *включить*, *отнести* <к классу>, *приписать*, *исключить*, *различить*, *отличить*, *отождествить*, *противопоставить*, *сравнить*, *вскрыть*, *выяснить*, *свести* <к чему-либо>, *дополнить*, *обосновать*, *сформулировать*, *ограничить* <чем-либо>, *определить*, *объяснить*, *исчерпать*, *подтвердить*, *показать*, *обнаружить* и др.

К группе II.2 относятся те же глаголы, но с другой диатезой: в диатезе II.1 субъект сознания выступает в роли подлежащего, а в диатезе II.2 он

* Опубликовано в книге: Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993, с. 111–120.

невыразим в поверхностной структуре и переходит в дейктическую форму существования, играя примерно такую же роль в толковании, как наблюдатель по Апресян 1986а, только при других глаголах, таких как *дополнить*, *ограничить*, *объяснить*, *подтвердить*, *показать*, *оправдать*, *убедить* [о доводах], *указать на*, *поставить под сомнение*, *опровергнуть*, ср.:

а. Мы *опровергли* / *опровергаем* его утверждение следующим доводом;

б. Следующий довод <выдвинутый нами> *опроверг* / *опровергает* его утверждение.

К группе III относятся моментальные глаголы, включающие ментальный компонент, быть может окказиональный.

Наша задача — показать, что все три группы ментальных глаголов образуют видовые пары одного и того же семантического типа (в Падучева 1989а они названы перфектными). Аналогичные соотношения между членами видовой пары имеются и в глаголах других семантических классов, см. раздел 3.

1. Перфектное значение глагола СВ

Прежде чем перейти к определению перфектной пары, уточним некоторые аспекты семантики глагола СВ.

В толковании большого класса глаголов СВ выделяется инцептивный компонент — компонент вида ‘началось Р’, где Р — состояние или деятельность (этот компонент был выделен в Wierzbicka 1967, а в Гловинская 1982 рассматривается как кандидат на роль инварианта семантики СВ). Так, *Иван открыл окно* = ‘началось состояние: окно открыто’; *Иван сел* = ‘началось состояние: Иван сидит’; *Иван занялся спортом* = ‘началась деятельность Ивана: занятие спортом’.

Не содержат инцептивного компонента глаголы «неизменения» и соответствующие каузативы, в толкование которых входит в каком-то смысле антонимичный компонент — ‘не началось новое состояние / новая деятельность’, ср. *сохранить* (тайну), *сберечь* (= ‘не утратить’), *сдержать* (слово), *выдержать* (нагрузку), *защитить*, *предохранить* и под. У этих глаголов СВ предполагает какое-то событие, не контролируемое субъектом состояния, после которого состояние, обозначаемое глаголом НСВ, кончилось (или же перестало находиться в зоне внимания). Например, *Плащ защитил меня от дождя* значит фактически ‘защищал, пока не кончился дождь’. У глаголов неизменения парный НСВ обычно сочетается с *еще*, напр., *еще хранит*, *еще выдерживает*.

Когда глагол СВ, включающий инцептивный компонент, употребляется в составе предложения, акцент может быть либо на этом инцептивном компоненте, т. е. на переходе в новое состояние (это дает событийное употребление СВ), либо на самом новом состоянии; тогда СВ имеет перфектное употребление. При перфектном употреблении акцент падает на перфектный компонент — ‘состояние длится в момент речи’, точнее — в точке отсчета.

Есть глаголы, которые, при наличии инцептивного компонента, не могут иметь акцента на начале состояния, т. е. не имеют событийного значения (см. Виноградов 1947: 565), например: *устать, загореть, зазнаться, похудеть, прославиться, отвиснуть (Щеки отвисли), нависнуть (Скалы нависли)*. Так, фраза *Я устал* не является ответом на вопрос «Что случилось?», см. Исаченко 1960: 435. С другой стороны, глаголов с инцептивным компонентом, которые не допускают перфектного употребления, по видимому, не существует. Можно было бы отнести к этому классу делимитативы типа *погулять, посидеть, побегать*. Но их особое положение имеет естественное объяснение: в их семантике компонент ‘началось Р’ как бы «погашается» компонентом ‘Р кончилось’. Используя формулировку из Гловинская 1982, можно сказать, что делимитативные глаголы означают: ‘начать заниматься деятельностью, заниматься в течение некоторого времени и перестать заниматься’, причем ассертивным является компонент ‘перестать’.

В русистике камнем преткновения при обсуждении перфектного значения СВ оказался контекст обстоятельства времени. Дело в том, что в этом контексте, как и в некоторых других, перфектное понимание СВ невозможно — возможно только событийное (В. В. Виноградов пишет: «Даже в таких предложениях, как *Пушкин родился в 1799 году* <...> результат прошлого действия с грамматической точки зрения мыслится пребывающим поныне» Виноградов 1947; 563; на самом деле грамматического перфектного значения у СВ здесь, конечно, нет). Проблема перфектного значения СВ решается введением следующих двух уточнений:

1) перфектный компонент гарантирует сохранение «начавшегося» состояния не в момент речи, а в точке отсчета: момент речи — это всего лишь наиболее естественная точка отсчета для предложений без обстоятельства времени, возникающая по умолчанию при речевом режиме употребления языка;

2) глагол СВ лишается своего перфектного компонента в некоторых контекстах — в частности, в контексте обстоятельства времени.

Таким образом, мы исходим из того, что у всех глаголов СВ с «непогашенным» инцептивным компонентом лексическое значение включает также перфектный компонент, который в одних контекстах дает перфектное значение СВ, а в других подавляется.

2. Перфектные пары

В качестве образца перфектной видовой пары можно взять пару *понять — понимать*, разобранный в работе Булыгина, Шмелев 1989: НСВ *понимаю* обозначает состояние, которое наступило как результат того, что имела место ситуация *понял*, т. е. если *понял*, значит, после этого, *понимаю* (хотя обычно временное соотношение между глаголами СВ и НСВ обратное: сначала имеет место ситуация, обозначаемая глаголом НСВ, а потом — глаголом СВ). Vendler 1967a различает у англ. *understand* два значения: первое значение — это достижение — всплеск понимания; он явля-

ется началом состояния понимания, описываемого вторым значением (achievement initiates the state).

В общем виде дело обстоит так: в перфектной паре глагол СВ обозначает не только переход в новое состояние, но и само новое состояние, которое за ним следует; а глагол НСВ обозначает не просто состояние, но состояние, наступившее в результате перехода, который обозначается глаголом СВ. Иными словами, глагол НСВ в перфектной паре обозначает состояние, которое имеет своим началом некоторое событие.

Чтобы два глагола составляли перфектную пару, необходимы следующие лексические предпосылки:

1. Для глагола СВ лексической предпосылкой вхождения в перфектную пару является наличие в его толковании инцептивного компонента: глагол СВ должен обозначать начало того состояния, которое выражается парным глаголом НСВ. Например:

Х увидел = 'началось состояние: Х видит'.

У глагола *сохранить* парный НСВ *хранить* обозначает состояние, но *сохранить* — глагол неизменения: он не имеет инцептивного компонента. Так, *Х сохранил тайну* ≠ 'началось состояние: Х хранит тайну' (скорее наоборот, это состояние в момент наблюдения уже кончилось или стало неактуальным). Так что *сохранить* — *хранить* не образуют перфектной пары; в самом деле, *хранить* не предполагает предшествующего *сохранить* в том смысле, в каком, например, *видеть* предполагает *увидеть*.

2. Что касается глагола НСВ, то он, чтобы входить в перфектную пару, должен описывать состояние, которое имеет, или по крайней мере не исключает, точку начала. В работе Булыгина, Шмелев 1989 утверждается, что состоянию, которое описывается глаголом *понимать*, может предшествовать или не предшествовать состояние непонимания и что это не разные значения глагола *понимать*, а одно и то же. Мы склонны считать противопоставление по наличию / отсутствию инцептивного компонента у *понимать* неоднозначностью, поскольку квазисинонимическое соотношение между глаголами СВ и НСВ в перфектной паре имеет место только при одном из указанных двух вариантов значения глагола НСВ.

На перфектные пары обратил внимание Ю. С. Маслов, который, как известно, различает три типа глаголов, соотносительных по виду: наряду с предельным (*открывать* — *открыть*) и тривиальным (*приходить* — *прийти*) выделяется тип *увидеть* — *видеть*, где "вещественное содержание сообщаемого факта остается в обоих случаях (т. е. в СВ и в НСВ. — Е. П.) одним и тем же: материально А всегда равняется В", Маслов 1948: 314.

Большой массив глаголов с перфектным типом видового соотношения проанализирован в работе Гловинская 1982: 91 и след., где, однако, не ставится вопрос об истоках интересующего нас квазисинонимического соотношения. Мы представляем толкования глаголов СВ и НСВ в перфектной паре таким образом, что различие толкований касается, в определенных контекстах, всего лишь коммуникативного статуса компонентов; это объясняет одновременно и сходство значений видовых форм, и их неполное тождество.

Мы пользуемся толкованиями, имеющими стандартный формат. А именно, толкование — это последовательность компонентов, как в работах А. Вежбицкой (Wierzbicka 1980, 1987a), причем компоненты маркируются в отношении их коммуникативного статуса — ассерция, презумпция (пре-суппозиция), следствие, импликатура, неустойчивый компонент и под. Вводится новый коммуникативный статус — фон. Фоновым считается компонент, который не несет коммуникативной нагрузки (т. е. не ассертивный), но не обязательно сохраняется неизменным в контексте отрицания (т. е. нет положительных свидетельств, что он презумпция), см. подробнее о фоновых компонентах в Кустова, Падучева 1994а.

Толкование должно в явном виде указывать принадлежность лексемы к определенной таксономической категории (Т-категории), и эта категория предопределяет формат толкования. Арсенал Т-категорий глагола конституируется прежде всего известными классами Вендлера. Мы различаем: состояние, процесс (неагентивный), происшествие, деятельность и действие (\approx accomplishment, по Вендлеру). Имеются малые Т-категории — частные подклассы в пределах Т-категории: действие с акцентом на результате (*прийти*), в частности достижение (*найти*), моментальное действие (*броситься, счесть*), происшествие с фоновым каузатором (*лишиться, разрушиться*) и др., см. главу I.7.

Наша задача — предложить толкования глаголам СВ и НСВ, которые бы объясняли квазисинонимическое соотношение в примерах групп I–III. Рассмотрим по одному примеру из каждой группы.

Глагол группы I *понять* (*Я понял, на что он намекал*), достижение:

X понял *Y* =

- 1) до момента *t* *X* не знал ответа на вопрос и хотел знать [презумпция];
- 2) в момент *t* *X* действовал — прилагал мыслительные усилия, обдумывал релевантные факты [гетерогенный компонент; презумпция];
- 3) это привело к результату, соответствующему цели *X*-а; началось состояние: *X* знает ответ на вопрос [ассерция];
- 4) в момент наблюдения *X* пребывает в этом состоянии [перфектный компонент, неустойчивый].

В толкование глагола НСВ *понимать* входят все те же компоненты, но: инцептивный компонент ‘началось состояние’ и предшествующий ему компонент ‘*X* действовал’ имеют статус фона, а перфектный компонент является ассертивным.

Глагол группы II.1 *причислить* (*Он причислил меня к разряду патриотов*), действие с акцентом на *результате*:

X причислил *Y* к разряду *Z* =

- 1) *X* совершил ментальный акт: сформулировал свое мнение [ассерция];
- 2) тем самым возникло последствие: началось состояние: *X* считает, что *Y* принадлежит к разряду *Z* [ассерция];
- 3) в момент наблюдения *X* пребывает в этом состоянии [перфектный компонент, неустойчивый].

В толкование глагола НСВ *причислять* входят все те же компоненты, только компоненты 2 и 1 имеют статус фона, а перфектный компонент 3 является ассерцией. Таким образом, в семантике глагола СВ наличие у

субъекта определенного мнения — это своего рода импликатура, а для глагола НСВ выражение мнения составляет его коммуникативный point.

Глагол группы II.2 *подтвердить* в значении 'послужить подтверждением' (*Проверка, произведенная в банке, подтвердила его показания*), происшествие:

X подтвердило [Субъекту сознания Y] *информацию Z* =

- 1) до момента *t* Субъект сознания допускал (= считал, но не был уверен), что информация *Z* истинная [презумпция];
- 2) в момент *t* произошло событие или поступило к Y-у сообщение *X* [презумпция];
- 3) это вызвало: началось состояние: Y считает: информация *Z* истинная [ассерция];
- 4) в момент наблюдения Y пребывает в этом состоянии [перфектный компонент, неустойчивый].

Толкование для НСВ *подтверждать* получается изменением коммуникативного статуса компонентов, аналогичным предыдущему.

Глагол группы III *столкнуться* (*Я впервые столкнулся с такой проблемой*), происшествие:

X столкнулся с Y =

- 1) до момента *t* X не знал о существовании Y-а или не имел дела с Y-ом [презумпция];
- 2) в момент *t* произошло нечто [фон];
- 3) это вызвало: началось (как бы в результате движения навстречу и резко начавшегося контакта) состояние: X знает о существовании Y-а [ассерция];
- 4) в момент наблюдения X знает о существовании Y-а [перфектный компонент, неустойчивый].

Толкование для НСВ *сталкиваться* получается аналогично, хотя значение состояния для этого глагола является переносным.

3. Классы глаголов, образующих перфектные пары

Укажем ряд других семантических классов глаголов с перфектным (или близким к перфектному) соотношением в видовой паре:

- 1) глаголы полного охвата (*Вода наполнила — наполняет бассейн*);
- 2) глаголы преграды — для проникновения или восприятия (*Шкаф заслонил — заслоняет окно*);
- 3) глаголы, выражающие относительное расположение предметов, из которых по крайней мере один подвижен (*Мальчик высунулся / высовывается из окна*);
- 4) глаголы, выражающие относительное расположение неподвижных предметов, входят в квазисинонимическое соотношение только в контексте показателя временности состояния:

Сад *дошел* (\approx *сейчас доходит*) до самой реки;

Канавка *отделила* (\approx *сейчас отделяет*) нашу ферму от соседней.

Если такого показателя нет, то СВ и НСВ не могут описывать одну и ту же ситуацию («материально не тождественны»): устойчивые состояния,

а тем более постоянные соотношения, трактуются в языке как не имеющие точки начала;

5) у глаголов, выражающих отношение принадлежности объекта к классу и другие абстрактные соотношения: *свестись* — *сводиться к*, *составить* — *составлять*, СВ может обозначать «перцептивное событие»:

В данном случае наши интересы *совпали* (\approx *совпадают*);

6) семиотические глаголы и глаголы создания образа — *отражать(ся)*, *выражать(ся)*, *изображать*, *описывать*, *воплощать*, *обрисовываться*:

Знакомство с «Сатириконом» несомненно *отразилось* (\approx *отражается*) на исторической концепции повести (Ю. Лотман);

7) глаголы речи — *приглашать*, *звать*, *отказываться* и под.; ср.:

Назавтра же, когда выяснилось, что Феодосий *отказывается* (\approx *отказался*) выйти к матери <...> она пришла в состояние гнева (В. Н. Топоров);

8) глаголы полного охвата в контексте неконтролируемой каузации (*Бант украсил* — *украшает платье*);

9) глаголы каузации эмоционального состояния:

Меня *огорчил* (\approx *огорчает*) его отказ.

Для глаголов эмоционального состояния возможна, впрочем, также каузальная интерпретация: согласно трактовке Вежицкой, это состояние, вызванное и поддерживаемое мыслью о ситуации-каузаторе, см. Wierzbicka 1980: 102, а не просто начавшееся как следствие события.

4. Перфектное значение и контекст

Чтобы семантическое соотношение между глаголами, входящими в перфектную пару, превратилось в реальную возможность квазисинонимической замены СВ на НСВ и обратно, необходим ряд контекстных условий, которые все способствуют раскрытию каких-то аспектов семантики глагола в перфектной паре.

Актуальность события — начала состояния

Глаголы СВ и НСВ в примере (1) воспринимаются, в полном соответствии с предложенными толкованиями, как квазисинонимичные:

(1) а. Отказ от игры уронил его в глазах шахматистов;

б. Отказ от игры роняет его в глазах шахматистов.

Однако если местоимение *его* заменить на имя реального шахматиста, так что возникнет референция к конкретному событию в прошлом, фраза с СВ останется нормальной, а НСВ будет звучать странно:

(2) а. Отказ от игры уронил Фишера в глазах шахматистов;

б. Отказ от игры роняет Фишера в глазах шахматистов.

Дело в том, что глагол СВ в (2а) понимается в своем событийном значении, причем подразумевается обстоятельство 'тогда', 'в свое время' (далеко отстоящее от настоящего момента). Между тем глагол НСВ в значении перфектного состояния в наст. времени означает, что событие произошло только что, незадолго до момента речи, а это противоречит известным

нам фактам. Если перевести глагол в прош. время (нарративное), квазисинхроническое отношение с СВ восстанавливается: значение 'только что' по отношению к некоторому моменту наблюдения в прошлом становится уместным:

(3) Отказ от игры ронял Фишера в глазах шахматистов.

Перфектное состояние — это состояние, имеющее своим началом некоторое событие, итоговое состояние которого еще длится в точке отсчета. Иными словами, перфектное состояние — это состояние актуальности некоторого события; событие, которое произошло недавно, актуально *ipso facto*.

В работе Гловинская 1989: 115 актуальность события в подобных примерах рассматривается как одно из значений формы наст. времени. Наш материал показывает, что значение актуальности события передается не формой времени, а формой вида (у глаголов с определенной лексической семантикой) и не зависит от времени; так, в (3) время прошедшее. Временная форма у глагола НСВ перфектного состояния выражает значение, обычное для грамматической категории времени — в дейктическом режиме это одновременность с моментом речи или предшествование ему. Так, в контексте примера (4) время глагола в НСВ по понятной причине может быть только прошедшим: перфектное состояние (т. е. состояние актуальности события «причисления») не имеет места в момент речи, хотя имело место в не очень далеком прошлом. Поэтому в (4) *причислил* можно заменить на *причислял*, но не на *причисляет*:

(4) Сталин *причислил* Маяковского к лучшим поэтам эпохи.

Вопрос — почему событие причисления к классу, при сколь угодно большой удаленности его от настоящего момента, в принципе может трактоваться как не утратившее актуальности, а событие, состоящее в падении авторитета, не может.

Синхронная точка отсчета

В примере (5а) глагол НСВ *обнаруживается* допускает понимание в значении перфектного состояния; между тем в (5б), равно как и в (6), та же форма НСВ наст. времени может быть понята разве что в значении наст. исторического, т. е. в значении СВ; в (7б) вообще никакая разумная интерпретация формы НСВ невозможна:

- (5) а. *Обнаружилось* (\approx *обнаруживается*), что преступник на свободе;
 б. Вчера *обнаружилось* (**обнаруживается*), что преступник на свободе.
 (6) В этот момент *обнаруживается*, что преступник на свободе.
 (7) а. *Выяснилось* (\approx *выясняется*), что он здесь;
 б. Слишком поздно *выяснилось* (**выясняется*), что он здесь.

Дело в том, что НСВ в значении перфектного состояния предполагает синхронную позицию наблюдателя: *обнаруживается* в (5а) = 'обнаружилось, и это актуально в момент наблюдения'. Между тем все обстоятельства времени (за исключением дейктического *сейчас* и его синонимов) фиксируют в предложении несинхронную позицию наблюдателя — ретро-

спективную или, если обстоятельство относится к будущему, проспективную. Иначе говоря, обстоятельство времени активизирует событийный аспект семантики СВ и подавляет стативный, и СВ в таком контексте уже нельзя заменить на глагол НСВ перфектного состояния.

Препятствием для замены СВ на НСВ перфектного состояния служит и любой другой модификатор, который воздействует на инцептивный компонент значения СВ, тем самым акцентируя событийное значение СВ и подавляя перфектное. Так, обстоятельство длительности тоже нарушает квазисинонимическое соотношение СВ и НСВ в перфектной паре, активизируя событийный аспект семантики СВ. В примере (8) фразы (а) и (б) могут пониматься как обозначающие одну и ту же ситуацию (в контексте только что полученного известия), а в (8') замена СВ на НСВ перфектного состояния невозможна:

- (8) а. Это известие *лишило* меня сна;
б. Это известие *лишает* меня сна.
(8') Это известие надолго *лишило* (**лишает*) меня сна.

В (9) замена невозможна из-за наречия *внезапно*, которое воздействует на инцептивный компонент значения СВ:

- (9) Один случай *внезапно подтвердил* (**подтверждает*) мои догадки.

Заметим, что все модификаторы, акцентирующие инцептивный компонент в семантике СВ, создают диагностический контекст, позволяющий отличить у глагола НСВ значение перфектного состояния от наст. исторического; так, в примере (10), с обстоятельством времени, НСВ, в соответствии с этим тестом, интерпретируется как наст. историческое, а в (11), где модификаторов нет, НСВ может пониматься и в значении перфектного состояния:

- (10) С принятием христианства русская культура *преодолеывает* локальную ограниченность и приобретает универсальные намерения (Аверинцев).
(11) Итак, переходим к лету 1905 года; мать с тремя детьми в петербургском имении; политические дела *задерживают* отца в столице (Набоков).

Таким образом, квазисинонимическое соотношение между глаголами СВ и НСВ в перфектной паре проливает свет на любопытную двойственность семантики глагола СВ, входящего в перфектную пару: он осциллирует между событийным и перфектным пониманием.

Глава 10

ВИД И ВРЕМЯ ПЕРФОРМАТИВНОГО ГЛАГОЛА*

Перформативным (по Дж. Остину, см. Austin 1962) называется такое употребление глагола речи, которое равносильно однократному выполнению обозначаемого этим глаголом речевого действия, например: *Благодарю вас! Прошу прощения! Я прощаюсь!* (но не *Я здороваюсь!*), см. описание перформативных глаголов русского языка в Апресян 1986б. Обычно это употребление в 1-м лице наст. времени несов. вида (активного залога индикатива); и если с Адресатом, то в форме 2-го лица.

Глагол называется перформативным, если он допускает перформативное употребление. Перформативный глагол в перформативном употреблении называют перформативом.

Известно, что видовое значение НСВ перформатива не является актуально-длительным (Апресян 1986б: 220). Возникает вопрос, является ли это “перформативное” значение несовершенного вида уникальным, или же все-таки оно встречается и за пределами перформативов.

У всех глаголов значение вида и времени зависит — многими способами — от контекста. Один из важных параметров контекста — точка отсчета. При диалогическом режиме интерпретации грамматического времени точкой отсчета — для одновременности, предшествования или следования, выражаемых глагольным временем, — служит момент речи, а при нарративном — некий воображаемый момент: момент наблюдения, или наст. время наблюдателя. Так наз. наст. историческое (*Приходит он и видит; Иду я и думаю*) — это наст. время нарративного режима. По характеру точки отсчета оно не отличается от прош. нарративного, пример (1):

- (1) Чертог сиял. Гремели хором
Певцы при звуке флейт и лир.
Царица голосом и взором
Свой пышный оживляла пир. (Пушкин. “Египетские ночи”)

* Опубликовано в сб.: Логический анализ языка. Язык речевых действий. М.: Наука, 1994.

В обоих случаях момент речи не принимает участия в интерпретации видо-временной формы.

Другой существенный параметр контекста — статичность vs. динамичность речевой ситуации. При обычном диалогическом общении момент речи, как правило, статичен: наст. время говорящего не смещается относительно излагаемых им событий, поскольку время продвигается вперед за счет происходящих в нем событий, а во время речи в норме ничего не должно происходить. Иными словами, для обычной речевой ситуации верен постулат: в момент речи время не движется.

Однако возможен другой случай — динамическая речевая ситуация. Такова, например, ситуация синхронного репортажа. Здесь наст. время говорящего непрерывно смещается относительно упоминаемых в речи событий: события из настоящих становятся прошлыми. Наст. время говорящего может смещаться даже и на протяжении одного высказывания. В статической речевой ситуации было несущественно, является ли момент речи точкой или интервалом. В динамической существенно, что момент речи — это интервал, поскольку говорящий перемещается во времени, последовательно переходя из одной его части в другую.

Сколько бы ни было параметров контекста, существенных для интерпретации видо-временной формы обычного глагола, перформативный глагол вводит еще один: у перформативного глагола видо-временное значение зависит, помимо всего прочего, от лица: перформативный глагол допускает перформативное употребление только в первом лице, а в не-первом лице имеет другие значения. Поэтому в примерах (3), (4), с неперформативным употреблением глагола, наст. время имеет ощутимо иное значение, чем в (2):

(2) *Благодарю* вас за теплый прием!

(3) Он *благодарит* вас за теплый прием;

(4) Он *благодарит* своих хозяев за теплый прием.

Неперформативным употреблениям перформативных глаголов посвящена работа Кустова, Падучева 1994б, и дальше речь идет только о перформативных употреблениях.

Заметим, что когда говорится, что перформативное употребление требует 1-го лица субъекта, имеется в виду денотативное 1-е лицо, а не грамматическое: говорящий может по разным причинам отказываться от своего права называть себя в 1-м лице, как в известном приветствии гладиаторов *Ave Caesar, morituri te salutant* или в формулах типа *Редакция с вами прощается, до новых встреч!* Ср. также *С вами говорит ученый секретарь Института точной механики*. Все это перформативы.

И последнее предварительное замечание — о семантической деривации. Глагол *просить* перформативный. Однако он имеет лексическое значение, при котором он не является перформативным — многократного повторения просьбы:

(5) Два часа *просил* у него покататься на велосипеде;

Со вчерашнего дня *прошу* его вернуть лампочку.

В этом значении *просить* ведет себя иначе, чем в исходном перформативном: имеет акт. значение и не входит в тривиальную видовую пару с *попросить*. Аналогично для *проклинать* (*проклинал ее всю дорогу*) и др.

Видо-временное значение русского перформативного глагола (в перформативном употреблении) можно отождествить с тем “моментальным” (instantaneous) значением, которое Дж. Лич (Leech 1975) выделяет — в качестве одного из возможных — у английской видо-временной формы простого настоящего, Simple Present (которая противопоставлена форме наст. продолженного — прогрессива, Present Continuous). Как отмечает Лич, моментальное значение возникает у простого настоящего в англ. языке в следующих трех четко очерченных контекстах (мы приводим русские примеры, поскольку механизм образования моментального значения фактически не зависит от языка).

1) В контексте прямого репортажа (*Мяч уходит на угловой*).

2) В контексте автокомментария, когда говорящий сопровождает свои собственные действия пояснениями, называя их словами — идентифицирует для слушателя; типичная ситуация для такого рода употреблений — это разного рода демонстрации, например, показ фокусов (*Я беру карту и заворачиваю ее в платок*); кулинарные советы по телевизору (*Ставлю сковородку на слабый огонь*) и т. п. В более размытом варианте та же ситуация имеет место в примерах:

(6) Я беру у вас эту книгу на неделю;
Я обращаюсь за советом именно к вам

(которые приводятся в Гловинская 1989: 112 с другой интерпретацией). Автокомментарий отличается от репортажа принципиальным 1 лицом подлежащего.

3) Наконец, то же видо-временное значение у перформатива: *Прошу у вас прощенья за вчерашнее*.

Попытаемся теперь отделить в этих употреблениях формы НСВ наст. значение времени от значения вида.

Во всех трех контекстах грамматическое время имеет значение самое обычное для диалогического режима: действие одновременно с моментом речи; т. е. время — настоящее речевое. Таким образом, значение формы времени у перформатива ни в какой мере не является уникальным. Единственное отличие репортажа и автокомментария от перформативного употребления — в том, что в первых двух контекстах одновременность с моментом речи неточная: действие в строгом смысле может произойти и до и после момента речи. Так, в ситуации репортажа комментатор, как известно, иногда ошибается — в частности, потому, что он говорит о незавершившихся событиях, беря на себя риск неверной идентификации действия или события. В контексте высказывания *Я беру у вас эту книгу*, строго говоря, вообще неясно, в какой момент говорящий совершил свое действие, поскольку в момент речи книга еще находится в доме владельца, быть может даже у него в руках. Как пишет о настоящем моментальном Лич, “В большинстве случаев событие происходит не в точности в тот момент, когда про него идет речь: наст. время передает скорее субъективную, нежели объективную одновременность с моментом речи”, Leech 1975: 3. При перформативном употреблении, естественно, одновременность события с моментом речи абсолютная — что и понятно: событие и акт речи в этом случае тождественны.

Что же касается видового значения перформатива, то оно, конечно, специфично: глагол НСВ в перформативном употреблении обозначает завершённое действие, т. е. если глагол парный — а перформативные глаголы обычно парные (ср. немногочисленные исключения: *отрицать, утверждать*), — то можно сказать, что НСВ здесь имеет значение СВ: сказав *Благодарю вас!* человек, тем самым, по благодарил.

Мы настаиваем, однако, на том, что видовое значение формы НСВ, которое она имеет в контексте перформативного употребления, не ограничено этим контекстом: не говоря о тождестве значения НСВ перформатива с НСВ репортажа и автокомментария (замеченном Личем), то же видовое значение имеет форма НСВ в контексте наст. нарративного. Можно думать, что во всех этих употреблениях значение законченности у формы НСВ порождается одним и тем же параметром контекста. Каков же этот параметр?

Начнем с перформатива. Наст. время перформатива выражает, как это естественно для диалогического режима, одновременность с моментом речи. Язык различает, однако, два вида одновременности (см. об этом подробнее в главе 11). Возьмем, например, предложение с обстоятельством времени. В нем выражается одновременность референциального интервала ситуации с референциальным интервалом обстоятельства; при этом интервал обстоятельства может быть включенным и объемлющим по отношению к референциальному интервалу ситуации. Соответственно, различается два вида обстоятельств времени:

(7) *Вчера в 10 часов я лежал на диване. Вдруг раздался звонок.*

(8) *В прошлом году я лежал в больнице МПС с воспалением легких. Меня навещал мой школьный друг.*

В (7) обстоятельство задает включенное время: референциальный момент обстоятельства включен в референциальный момент глагола — говорящий лежал на диване до и после 10 часов. В (8) обстоятельство задает объемлющее время: референциальный момент глагола составляет лишь часть референциального момента обстоятельства — по смыслу ясно, что говорящий лежал в больнице не весь прошлый год¹.

Два типа обстоятельств различаются во многих существенных отношениях. Например, тип одновременности влияет на временную анафору в тексте: в (7) референциальный интервал ситуации «раздался звонок» задается обстоятельством из 1-го предложения, а в (8) референциальный интервал ситуации «меня навещал друг» задается не обстоятельством, а референциальным интервалом глагола из 1-го предложения. Далее, в (5) можно добавить обстоятельство длительности:

(8') *В прошлом году я два месяца лежал в больнице,*

а в (7) — нет. В (8) обстоятельство можно поставить в конец предложения:

(8') *Я лежал в больнице в прошлом году,*

а в (7) — нет, и т. д.

¹ Третий возможный случай — точное время; оно является разновидностью объемлющего.

Возвращаемся теперь к семантике “перформативного” значения НСВ (в контекстах типа *Я прошу у вас прощения за вчерашнее*) в его противопоставленности более обычному — актуально-длительному. Как легко видеть, здесь то же противопоставление, что в предложениях примеров (7), (8) с обстоятельством времени: при акт. значении вида момент речи работает как включенный интервал, а при перформативном употреблении момент речи задает объемлющий интервал. Так у НСВ перформативного возникает значение завершенности действия, свойственное, вообще говоря, совершенному виду. Таким образом, различию между актуально-длительным и “перформативным” значением НСВ в наст. времени соответствует два разных типа одновременности с моментом речи. Тот же объемлющий интервал является источником значения завершенности, возникающего у НСВ в контексте репортажа и автокомментария.

Можно думать, что та же совокупность контекстных условий — синхронная позиция наблюдателя и объемлющий временной интервал — порождают значение завершенности при употреблении формы НСВ в значении наст. нарративного.

Сравнение с наст. нарративным оттеняет важную особенность “перформативного” значения: оно реализуется в контексте динамической речевой ситуации.

Видовое значение, которое Лич назвал моментальным, мы предпочтем называть завершенным, ср. возражения против моментальности перформатива в Апресян 1988б. Отличие этого значения от общефактического, тоже результативного, но имеющего ретроспективную точку отсчета, в том, что оно является завершенным синхронным.

Релевантность противопоставления включенного и объемлющего интервала хорошо видна в английском языке, где грамматическая форма продолженного вида (Continuous) однозначным образом предполагает включенный интервал. Не удивительно, что эта форма в контексте перформатива (равно как и в контексте наст. нарративного) абсолютно исключена. По свидетельству Лича (Leech 1975: 3), в форме Continuous перформативный глагол обозначает намерение Субъекта, а не совершаемое и совершенное им речевое действие; ср.:

I accept your offer ‘я принимаю ваше предложение’ [перформативное употребление];
We are accepting your offer = ‘Мы собираемся принять ваше предложение’.

Итак, перформатив — это, с точки зрения времени, действие, одновременное с моментом речи, а с точки зрения вида — действие, начавшееся и завершившееся в момент речи (а именно, на интервале, занимаемом речевым актом). Завершенное синхронное значение НСВ возможно не только у перформативов; это значение возникает, при диалогическом режиме, в контексте динамической речевой ситуации, см. пример (6).

* * *

В заключение — несколько общих соображений.

1. Понятие момента речи, которое обычно фигурирует как неразложимое, полезно понимать буквально: как момент (а точнее — интервал),

занимаемый речевым действием; именно на этом пути мы получаем адекватный анализ видового значения перформативов.

2. Противопоставление включенного и объемлющего времени важно не только для семантики временных адвербиалов, но и для семантики видовой формы.

3. Понятие точки отсчета, в частности, противопоставление синхронной и ретроспективной позиции наблюдателя, которое ранее дало возможность адекватно описать различие между актуально-длительным и общефактическим значением НСВ, получает дальнейшее развитие: синхронная точка отсчета дает разный эффект в зависимости от того, в какой интервал помещен наблюдатель — во включенный или в объемлющий.

4. Предложенный анализ “перформативного” значения НСВ продвигает нас в понимании семантики наст. нарративного (наст. исторического). В частности, получает объяснение различие между наст. и прош. нарративным, состоящее в том, что в прош. нарративном НСВ имеет обычное акт. значение, а при наст. нарративном может иметь завершенное синхронное.

Глава 11

О СОЧЕТАЕМОСТИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ С ВИДОМ И ВРЕМЕНЕМ ГЛАГОЛА*

Каждое из частных значений русского глагольного вида характеризуется определенной точкой зрения на ситуацию — перспективой, или точкой отсчета, которая может быть синхронной или ретроспективной. Это можно уже считать очевидностью. Менее очевидно то, что точка отсчета входит также и в семантику обстоятельства времени, так что в правильно построенном предложении обстоятельство и видо-временная форма должны быть согласованы друг с другом.

1. Семантическая классификация показателей времени

Предложение обычно описывает (а в контексте высказывания — также и обозначает) какую-то ситуацию. Временная локализация этой ситуации задается, с одной стороны, обстоятельствами времени различных типов, т. е. синтаксическими показателями, а с другой — грамматическим временем и видом глагола, т. е. морфологическими показателями. Мы покажем, что синтаксические и морфологические показатели времени в предложении согласованы друг с другом и что в основе этого согласования лежит возможность установления временной точки отсчета, единой для предложения в целом.

Мы будем опираться на классификацию показателей времени, которая изложена в работе Падучева 1988 и ориентирована на задачу описания их сочетаемости с видо-временными формами глагола. Различаются показатели времени — они отвечают на вопрос “Когда?” (*В мае 1961 года я приехал в Воронеж*) и показатели длительности — “В течение какого времени?” (*С этого времени и до моего приезда в Шанхай мы жили втроем в одной комнате*, Н. Ильина). Другие виды временных обстоятельств — показатели срока завершения (*за год*) и показатели намеренно-

* Опубликовано в: Научно-техническая информация. Серия 2, 1992, № 3, с. 34—40.

го срока (*на год*), которые употребляются с формами СВ, не рассматриваются: речь идет, в основном, о двух глагольных формах — НСВ наст. и НСВ прош. времени.

Несколько предварительных замечаний.

1. Квантификация. Для упрощения референциальных проблем из рассмотрения исключаются квантифицированные показатели — с квантором общности, как в (1а), и существования, как в (1б):

- (1) а. *В летнее время* эта площадка превращалась в ресторан;
 б. Я умру *в крещенские морозы*. (Н. Рубцов).

Не квантифицированный показатель времени имеет референциальный момент (аналогичный референту у именной группы), т. е. обозначает некоторый интервал временной оси.

2. Временной интервал. Предполагается, что референциальный момент показателя времени всегда является интервалом — не точкой, ср. Камп 1979 (хотя события бывают и точечные — моментальные). Различаются, кроме обычных, сверхкраткие интервалы, почти точки (*В этот момент я поднял глаза*), и сверхдолгие (как у слов *когда-то, в те годы, раньше, в последнее время*), которые локализуют узуальные действия и устойчивые состояния. Впрочем, одно и то же слово может обозначать обычный и сверхдолгий интервал:

- (2) а. *Сейчас* он занят (обычный интервал);
 б. *Сейчас* и на войне и в мирное время одной лихостью ничего не добыешься (сверхдолгий интервал).

Ср., однако, аномалию в примере (3), где показатель со сверхдолгим интервалом локализует конкретно-референтную ситуацию — процесс, нормально занимающий обычный интервал:

- (3) **В последнее время* он спал.

3. Предшествование, следование, одновременность. Отношение временного предшествования и следования, задаваемое такими предлогами как *до, после, перед, через*, можно свести к одновременности, если принять определенные соглашения относительно того, что считать референциальным моментом для временного показателя с таким предлогом. В самом деле, время в нашем представлении подобно пространству; поэтому аналогично тому, как

под Москвой ≈ *в Подмосковье*; *за озером* ≈ *в заозерье*,

можно считать, что

перед зимой ≈ “*в предзимье*”; *после войны* ≈ *в послевоенное время*.

В результате получается, что временной показатель с предлогами типа *до, после* тоже имеет референциальный момент (быть может, с нечеткой левой или правой границей), а отношение между референциальным моментом обстоятельства времени и временем, которое занимает ситуация (т. е. референциальным моментом ситуации), всегда может быть сведено к отношению одновременности.

Среди показателей времени различаются включенные, схема А, и объемлющие, схема Б (круглыми скобками обозначен референциаль-

ный момент обстоятельства, угловыми — время, занимаемое ситуацией). Схемы А и Б соответствуют разным видам одновременности:

А. -----<—(---)—>-----> Б. -----(-----<—>-----)----->

- (I.A) *Десять лет тому назад* я жил в маленькой комнате на Каляевской;
Через четверть часа он уже сидел в ресторане;
В данный момент т. Иванов перелетает Атлантику;
Завтра в это время я буду уже далеко.
- (I.B) *Вчера* шел дождь;
Я разговаривал с директором *на прошлой неделе*;
Хирург принимал *в среду*;
Я был там *между двумя и тремя*;
Завтра я буду ему звонить.

Имеется ряд языковых явлений, свидетельствующих о том, что в описание семантики высказывания должна быть включена фигура наблюдателя (Апресян 1986а). При одном из пониманий, точка отсчета по Рейхенбаху (Reichenbach 1947) — это временная позиция наблюдателя, см. Падучева 1989б. Мы покажем, что точка отсчета (она же — временная позиция наблюдателя) заложена не только в семантику вида, но и в семантику обстоятельства времени.

Для объемлющих временных показателей нормой является внешняя позиция наблюдателя / говорящего, т. е. несинхронная точка отсчета, см. примеры из (I.B): время наблюдателя не пересекается с референциальным моментом ситуации; наблюдатель либо ретроспективный (при прошедшем времени глагола), либо проспективный (при будущем).

Для показателя включенного времени, наоборот, нормой будет совпадение времени наблюдателя с временем ситуации, т. е. внутренняя позиция наблюдателя по отношению к ситуации, синхронная точка отсчета, см. примеры из (I.A).

Показатели точного времени (третья логическая возможность) по положению точки отсчета не отличаются от показателей объемлющего времени, т. е. имеют несинхронную точку отсчета, и в дальнейшем не отделяются от показателей объемлющего времени:

- (I.B) Я гулял *с двух до трех*.

Есть показатели включенного времени, которые не порождают внутренней позиции наблюдателя. Так, в (4) обстоятельство задает включенное время, но наблюдатель остается в настоящем (а в нарративном режиме — в рамках текущего, сюжетного времени):

- (4) Не думаю, чтобы *в тот момент* я ее жалела;
И *в те времена* такие вещи ценились;
В тот момент я считал это несущественным.

Пример (5) демонстрирует формально выраженное противопоставление включенных показателей по положению точки отсчета — в (5а) местоимение *этот* и синхронная точка отсчета, т. е. синхронный наблюдатель; в (5б) местоимение *тот* и ретроспективная точка отсчета — наблюдатель остается в настоящем:

- (5) а. *В этот момент* я представляла себе тебя на моем месте;
 б. *В тот момент* я представляла себе такую возможность, сейчас уже нет.

Если объемлющий показатель совмещен с внутренней позицией наблюдателя, то в высказывании дополнительно фиксируется имплицитный временной момент, участвующий в анафорических отсылках (репер):

- (6) *В прошлом году* биологи добивались свободного посещения. Колесов возглавлял компанию. (Вампилов)

Здесь глагол НСВ *добивались* фиксирует референциальный момент внутри интервала, задаваемого обстоятельством *в прошлом году*, и к этому же моменту относится ситуация с глаголом *возглавлял* в следующей фразе, так что временная анафора связывает вторую фразу с репером из первой, а не с референциальным интервалом временного показателя.

Среди показателей длительности различаются:

А) показатели открытого интервала, обычно неистекшего, пример (II.A), и

Б) замкнутого, в случае прош. времени глагола — истекшего, пример (II.B):

- (II.A) *Шестой уж год* я царствую спокойно;
 Я жду его *уже полтора часа*.

- (II.B) Я ждал его *с двух до трех*;
Первые два дня он веселился;
Всю следующую неделю я сижу (буду сидеть) дома.

Неистекший временной интервал характеризует длительность незакончившейся ситуации, которая “развертывается” перед наблюдателем. Показатель длительности с замкнутым референциальным интервалом локализует ситуацию, которая либо уже закончилась, либо еще не началась.

Показательное различие: обстоятельство *первое время* выражает замкнутый интервал, *последнее время* — открытый.

2. Значения видо-временных форм НСВ в наст. и прош. времени

В главе I.1 мы различили речевой и нарративный режимы употребления языка (приблизительно по Benveniste 1959). При речевом режиме точка отсчета — это наст. момент говорящего (т. е. в роли наблюдателя выступает сам говорящий); в нарративном роль наблюдателя выполняет не говорящий, а какое-то другое лицо, присутствующее в контексте.

В речевом режиме у формы НСВ наст. основное видовое значение — континуальное, а там, где это не противоречит лексическому значению глагола, — актуально-длительное (обозначение этого видо-временного значения — ‘наст. акт.’). У таких глаголов как *зависеть*, *содержать* значение континуальное, но не актуально-длительное. Другие видо-временные значения НСВ наст. — настоящее узуальное и настоящее предстоящего действия:

- (1) Я тебя *вижу* [наст. актуальное];
 Я завтра *уезжаю* [наст. предстоящее];
 Они *обедают* между тремя и четырьмя [наст. узуальное].

У формы НСВ прош. в речевом режиме основное видовое значение — общефактическое (обозначение видо-временного значения — ‘прош. факт.’):

(2) Он *показывал* мне эти письма — ‘прош. факт.’.

Актуально-длительное значение (‘прош. акт.’) может возникать в речевом режиме только в контексте обстоятельства времени:

(3) Когда я пришел, ты *спал* — ‘прош. акт.’.

В нарративном режиме форма НСВ наст. — это так наз. настоящее историческое. Настоящее историческое может иметь значение любого времени (кроме настоящего) и любого вида. Мы будем рассматривать наст. историческое только в контекстах, где оно понимается в значении несов. вида — как наст. дескриптивное, см. Пospelов 1966. Подразумеваемое время обычно прошедшее, хотя возможно и будущее. Обозначение — ‘наст. дскр.’:

(4) *Иду* я как-то по Кузнецкому — ‘наст. дскр.’.

У формы НСВ прош. в нарративном режиме видовое значение обычно актуально-длительное (хотя ретроспективное не исключено):

(5) Однажды *играли* в карты у конногвардейца Нарумова — ‘прош. дскр.’.

Интерпретация временных форм в контексте придаточного изъяснительного, как в примере (6), с так наз. относительным употреблением времен, не соответствует ни речевому, ни нарративному режиму: это особый синтаксический режим, см. главу II. 3.

(6) Я видел, что книга *лежит* не на месте;
Я чувствовал, что она *волнуется*.

Введенное в разделе 1 различие объемлющего и включенного времени релевантно не только для синтаксически выраженных временных показателей, но и для глагольного времени. В грамматиках прош. и буд. время трактуется иначе, чем наст.: считается, что прош. и буд. выражают, соответственно, предшествование моменту речи и следование за моментом речи, и только настоящее выражает одновременность. Однако и в описании грамматического времени можно свести все временные отношения к отношению одновременности, как мы это сделали с синтаксическими временными показателями. При этом обнаруживается следующее отличие наст. времени от прош. и буд.: грамматическое прошедшее и грамматическое будущее — это показатели объемлющего времени, а настоящее время всегда включенное — и при актуально-длительном значении вида, как в (7а), и при узуальном, как в (7б):

(7) а. Он *курит* [актуально] = ‘Ситуация имеет место в момент речи; началась до момента речи и будет продолжаться какое-то время после’: момент речи включен в референциальный момент ситуации;
б. Он *курит* [узуально] — то же самое, только моменту речи соответствует сверхдолгий интервал.

Иными словами, момент речи, даже будучи сверхдолгим, ведет себя как точка: это интервал, который не может включать в себя никакого другого момента времени — ни референциального момента ситуации, ни ре-

ференциального момента другого временного показателя. Это свойство момента речи мы будем далее называть точечностью.

Отметим в этой связи отличие формы наст. времени от наречия *сейчас*: *сейчас* может быть и объемлющим показателем — по крайней мере для глагола в СВ (ср. *Сейчас мы изменили порядок оформления документов*); а наст. время, в русском языке, работает только как включенный временной показатель. Отсюда несочетаемость глагола СВ с граммемой наст. времени — при его сочетаемости с наречием *сейчас*.

3. Сочетаемость показателей времени и длительности с основными значениями НСВ в наст. и прош. времени

Теперь мы представим сочетаемость обстоятельства времени с грамматическим временем глагола как совместимость точек отсчета, которая обеспечивает непротиворечивую временную позицию наблюдателя. Описание дается отдельно для речевого режима, раздел 3.1, и для нарративного, раздел 3.2.

Обозначения: МР — момент речи, МС — референциальный момент ситуации, МВ — референциальный момент временного показателя, МН — время наблюдателя. Знаки < и > выражают отношение включения между временными интервалами; например, МВ < МС означает, что референциальный интервал временного показателя целиком вкладывается во временной интервал ситуации.

3.1. Речевой режим

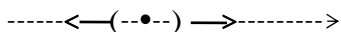
Ниже показано, как из значения видо-временной формы и типа временного показателя можно вывести единственно возможное соотношение между их временными интервалами. Будет рассмотрена только форма НСВ — в наст. и прош. времени; для каждого времени прослеживается сочетаемость с четырьмя типами временных показателей — с двумя показателями времени, включенным и объемлющим, и с двумя показателями длительности — открытым и замкнутым.

Настоящее время

1.А. Для показателя включенного времени и формы НСВ наст. верны следующие соотношения. Поскольку время наст., МС синхронен МР; а в силу точечности МР, из двух возможностей — МР < МС и МР > МС — остается только первая. Далее, поскольку обстоятельство времени включенное, МС > МВ. Таким образом, МР < МС > МВ. В силу точечности момента речи, из двух возможных соотношений между МР и МВ — МР < МВ и МВ < МР — второе исключается. Следовательно, МР < МВ, откуда получаем:

$$\text{МР} < \text{МВ} < \text{МС}.$$

Схематически это соотношение представляется так (• обозначает момент речи):

Как видно из этой схемы, при 'наст. акт.' включенный показатель должен допускать в свой референциальный интервал момент речи. Таким свойством обладают только показатели с дейктическим значением — *сейчас, в настоящий (данный) момент, в настоящее (данное) время*:

- (1) *Сейчас* я пишу статью о местоимениях;
В данный момент мы пролетаем над Аляской;
 Над чем вы работаете *в настоящее время*?

При выборе точки отсчета в речевом режиме действует следующее правило:

ПРАВИЛО 1. При речевом режиме наблюдатель — это говорящий, так что точкой отсчета служит момент речи, настоящее время говорящего.

При относительном употреблении времен форма времени интерпретируется в синтаксическом режиме:

- (2) Я видел, что она *волнуется* (точка отсчета для *волнуется* не момент речи, а момент, задаваемый ситуацией «я видел»).

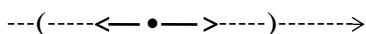
При 'наст. акт.' точка отсчета синхронная: это вытекает из толкования актуально-длительного значения НСВ.

И.Б. Показатель объемлющего времени и форма НСВ наст. связаны следующими соотношениями.

Как и выше, из толкования наст. следует, что МС синхронен МР, а в силу точечности МР отсюда следует, что МС > МР; поскольку обстоятельство времени объемлющее, МВ > МС. Получаем:

$$МВ > МС > МР.$$

Схематически:

Как видно из схемы, объемлющий показатель, который задает временную локализацию глагола в 'наст. акт.', должен допускать положение момента речи внутри обозначаемого им интервала. Нормально объемлющий показатель не допускает такого положения момента речи. Несколько показателей с дейктическим значением составляют исключение: *сегодня, на этой неделе, в этом году, в этом месяце*. Примеры:

- (3) *На этой неделе* в Москве проходит книжная ярмарка;
В этом году снег лежит долго;
Сегодня мы выдаем замуж Машу Кулакову. (Вампилов)

Синтаксический временной показатель и видо-временная форма согласованы по точке отсчета; а именно, точка отсчета синхронная (как и в I.A).

Обычные (не дейктические) объемлющие показатели не сочетаются с 'наст. акт.', поскольку не допускают положения момента речи внутри своего референциального интервала: не дейктический объемлющий показатель

фиксирует в предложении несинхронную точку отсчета, что противоречит синхронной точке отсчета, которой требует семантика ‘наст. акт.’.

Так, в примерах ниже наст. время понимается в значении наст. узуального или наст. предстоящего (или в обоих), но не в значении ‘наст. акт.’:

- (4) *Первого января* я пишу отчет;
В мае в Москве проходит книжная ярмарка;
 Я гуляю *с трех до пяти*;
 Как я люблю ее *в первые дни*, Когда о елке толки одни (Пастернак);
- (5) *После конца смены* я сижу на лавочке возле проходной.

Актуальное понимание НСВ исключено в силу закона об обязательном дейксисе, который мы сформулируем как

ПРАВИЛО 2. Для лиц, временных интервалов и пространственных объектов выражение их совпадения или смежности с участниками речевого акта, если таковое имеет место, является обязательным.

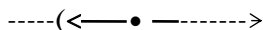
Отметим следующую аналогию между временем и пространством. В Апресян 1986а утверждается, что в семантике формы СВ прош. *повернула*, пример (6а), присутствует наблюдатель (нетривиальный, поскольку он не только наблюдал, но и шел по дороге), которого нет в семантике формы НСВ наст. *поворачивает*:

- (6) а. Около сторожки дорога *повернула*;
 б. Около сторожки дорога *поворачивает*.

Этому примеру мы предлагаем следующее объяснение. В (6б), при наст.времени глагола и дейктическом режиме интерпретации, наблюдателем должен быть говорящий в своем наст.времени; но речевой режим требует синхронного адресата, и если такое высказывание обращено к идущим рядом, то нужно сказать не *около сторожки*, а *здесь* — в силу Правила 2 об обязательности дейктического обозначения пространственных объектов, смежных с участниками речевого акта. Однако если, например, разговор идет по мобильнику, т. е. если говорящий обращается к адресату, не присутствующему в контексте речевого акта, то (6б) может иметь актуально-длительное значение; соответственно, в семантике формы НСВ появляется наблюдатель. В канонической речевой ситуации единственное возможное понимание (6б) — узуальное, при котором наблюдатель генерализуется и становится менее заметным.

Правило 2 для случая временных интервалов можно обосновать следующим образом: объемлющий временной интервал не должен включать внутрь себя момент речи, потому что момент речи “разрывает” временную ось деля ее на настоящее и будущее. Фраза *Мы работаем с 9 до 13* не может быть понята в актуально-длительном значении, поскольку момент речи не может попасть внутрь конкретного временного интервала, ограниченного 9-ью и 13-ью часами. Казалось бы, во фразе (5) интервал, локализирующий ситуацию, мог бы включать момент речи. Однако и в этой фразе НСВ не может быть понят в актуально-длительном значении — из-за объемлющего обстоятельства времени: такое обстоятельство может включать момент речи только если является дейктическим.

II.A. Показатель длительности с неистекшим временным интервалом, естественно, сочетается с НСВ наст. в значении 'наст. акт.', поскольку они согласованы по точке отсчета: и у актуально-длительного значения, и у незамкнутого показателя длительности точка отсчета синхронная. В самом деле, незамкнутый показатель длительности имеет синхронную точку отсчета, а именно, требует положения момента речи в конце обозначаемого им интервала. Схематически:

Примеры.

- (7) *Шестой уж год* я царствую спокойно (Пушкин);
 Чем же мы занимаемся с тобой *все эти годы после школы?* (С. Соколов)

В отличие от обычного, замкнутого, незамкнутый показатель длительности имеет конкретно-референтный референциальный интервал (т. е. является одновременно и показателем времени).

Показатели длительности с неистекшим временным интервалом в русском языке довольно многочисленны и разнообразны по структуре, ср. *до сих пор, последние два часа (не первые!), все это время, давно, с давних пор* (⇒ 'и до настоящего момента включительно'), *с прошлого года (не до!), с тех пор, с первого дня, с осени, вот уже двое суток (третьи сутки), уже два часа (третий час, три года)* и др.

II.B. Показатель длительности с замкнутым интервалом в контексте 'наст. акт.' невозможен, поскольку он фиксирует в предложении несинхронную точку отсчета, которая противоречит синхронной точке отсчета у 'наст. акт.'.

Если в предложении с глаголом НСВ наст. времени есть показатель длительности с замкнутым временным интервалом (который не допускает синхронной точки отсчета), то форма НСВ наст. будет понята не в значении 'наст. акт.', а как-то иначе — в значении наст. предстоящего или узуального:

- а. НСВ наст. имеет значение предстояния:

Я жду тебя *с двух до трех*;
 Я гуляю *два часа* (в отличие от *Я гуляю уже два часа*).

- б. НСВ наст. имеет узуальное значение:

В течение первого года обучения будущие педагоги знакомятся с работой в школе;
 Ребенок спит *днем два часа*.

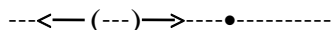
Чтобы указать полную длительность процесса, который уже происходит, т. е. процесса, выраженного глаголом в 'наст. акт.', нельзя использовать обстоятельство длительности; например, вместо **Он сейчас два часа гуляет* можно сказать *Он сейчас совершает двухчасовую прогулку*.

Запрет замкнутого показателя длительности имеет тот же источник, что и запрет объемлющего показателя времени: это противоречие между синхронной точкой отсчета у актуально-длительного значения несовершенного вида и несинхронной — ретроспективной или проспективной — у показателя.

Прошедшее время

1.А. Показатель включенного времени должен был бы быть связан с формой НСВ прош. следующими соотношениями.

Из толкования прош. в общефактическом значении следует, что МС предшествует МР; а поскольку обстоятельство времени включенное, МВ < МС. Схематически:

Такая ситуация была бы вовсе недопустима, если бы включенный показатель с обязательностью помещал наблюдателя внутрь себя, т. е. требовал синхронной точки отсчета: с синхронной точкой отсчета совместимо только актуально-длительное значение НСВ ('прош. акт.' или 'прош. дскр. '), а не общефактическое.

Единственную возможность реализовать данную схему представляют такие включенные показатели, которые сохраняют точку отсчета в моменте речи, т. е. включенные, но не синхронные, как в примере (4) из раздела 1; ср. также

(8) Вот он так же неловко, как слезал *минуту назад*, садится на велосипед (С. Соколов).

1.Б. Показатель объемлющего времени. Если форма НСВ прош. понимается в значении 'прош. факт.', она свободно сочетается с показателем объемлющего времени: МС предшествует МР и МВ > МС. При этом положение МВ относительно МР не фиксировано: чтобы временной показатель сочетался с 'прош. факт.', достаточно, чтобы он допускал ретроспективную точку зрения на ситуацию. Поэтому получаем схемы

Примеры.

- (а) *В воскресенье* шел дождь;
 (б) *Сегодня* я разговаривал с директором;
На этой неделе в Москве проходил съезд геофизиков.

Нормальной является схема (а); схема (б) требует временного показателя, допускающего положение момента речи внутри обозначаемого им интервала, т. е. показателя с дейктическим значением; между тем, многие дейктические показатели, выражающие включенное время, — такие как *в настоящее (данное) время, в настоящий (данный) момент* — не могут пониматься как объемлющие, ср.

* *В данный момент* я разговаривал с директором.

Сейчас возможно, но имеет в этом контексте значение *сейчас-2* (в смысле Мельчук 1985а), т. е. 'только что':

Я *сейчас* разговаривал с директором = 'только что, недавно'.

Точка отсчета у 'прош. факт.' совпадает с моментом речи (поскольку речевой режим) и, следовательно, ретроспективная (видовое значение фор-

мы НСВ прош. здесь общефактическое); тем самым, точка отсчета видовой формы не противоречит точке отсчета объемлющего показателя времени, который свободно допускает ретроспекцию.

II.A. Показатель длительности с неистекшим референциальным интервалом в контексте ‘прош. факт’, естественно, невозможен: ‘прош. факт.’ требует ретроспективной точки отсчета, а у незамкнутого показателя длительности точка отсчета синхронная. Если обстоятельство длительности обозначает неистекший интервал, то время — при речевом режиме — должно быть настоящее: *Я гуляю уже полчаса.* Форма НСВ прош. в контексте такого показателя понимается в значении ‘прош. дскр.’: *Я гулял уже полчаса.*

II.B. Показатель длительности с замкнутым интервалом, как и объемлющее время, в принципе, совместим с ‘прош. факт.’ — оба предполагают ретроспективную точку отсчета:

Я ждал тебя *полчаса*, потом ушел;
Они жили в Крыму *семь лет*.

3.2. Нарративный режим

Настоящее время (так наз. “настоящее историческое”)

IA. Показатель включенного времени в контексте наст. исторического затруднен. Так, в (1) скорее не наст. историческое повествователя, а наст. дейктическое персонажа, см. подробнее в главе II.9:

(1) Да, есть еще кое-какие письма, и нужно их перевезти. И вот он едет *сейчас* в сторону водокачки. (С. Соколов. “Школа для дураков”)

В примере (2) тоже “нетипичное” наст. историческое:

(2) Неужели — размышляешь ты *в эту секунду* [в ту секунду, когда почтальон протянул тебе свою старческую руку] — неужели и моя рука станет когда-нибудь такой же? (С. Соколов)

В (3) показатель выражает, скорее, не включенное, а неточное объемлющее время:

(3) Вчера *в два часа дня* иду я по Кузнецкому.

В (4) *протягивает* употреблено в значении СВ, а не НСВ, так как ясно, что рука сначала *протянула* (конверт), а потом *коснулась*, так что и здесь НСВ наст. не имеет актуально-длительного значения:

(4) *В один из моментов вашей короткой встречи, <...>* в момент твоей и его жизни, <...> его голубая и рябая от старости <...> рука *п р о т я г и в а е т* тебе желтый конверт и едва касается твоей. (С. Соколов)

IB. Показатель объемлющего времени в контексте наст. нарративного, в отличие от наст. дейктического, возможен без ограничений:

(5) *Вчера поздно вечером* иду я по Кузнецкому;
В эту ночь я беспокойно ворочаюсь на своем сундучке (Н. Ильина);
После конца смены я сижу на лавочке и жду Валю;
После короткого завтрака мы продолжаем двигаться на юг;
Потом *до захода солнца* мы идем в том же направлении;

Предположим, в одно такое утро почтальон остановит свой велосипед около моего дома. *В это утро* я сижу на открытой веранде. Я слышу хрип звонка. (С. Соколов)

Семантика ‘наст. дскр.’, как и наст. исторического вообще, во многом остается неясной. Рассмотрим вначале временной аспект значения этой “грамматической фигуры”. Момент речи в толковании значения ‘наст. дскр.’ не участвует: значение ‘МС предшествует МР’ (или ‘МС следует за МР’), если и возникает, то из семантики обстоятельства или из контекста, но не из значения наст. времени. Видимо, функция наст. времени в нарративном режиме чисто назывная, т. е. форма наст. времени выступает как атемпоральная. Едва ли наст. время выражает здесь значение одновременности моменту наблюдения: ведь это значение есть и у прош. нарративно-го, так что одновременность выражается граммемой вида, а не времени.

Видовое значение формы НСВ наст. в нарративном режиме, которое нас интересует, актуально-длительное, тоже идет не от грамматической формы — оно порождается лексическим контекстом: глаголы, у которых граммема наст. имеет значение ‘наст. дскр.’, — это непарные глаголы НСВ (типа *идти, сидеть, ворочаться*).

Чем же, однако, фиксируется та синхронная точка отсчета, которой требует семантика актуально-длительного значения в составе ‘наст. дскр.’? Не моментом речи, как в речевом режиме, поскольку момент речи в интерпретации видо-временной формы в нарративном режиме не участвует. Синхронность обеспечивает “тривиальный” наблюдатель, который, в отличие от говорящего, свободно проникает внутрь замкнутых интервалов. Поэтому у ‘наст. дскр.’ никаких ограничений на сочетаемость с объемлющими временными показателями нет. Если синхронная точка отсчета в значении видо-временной формы, задается моментом речи, то она исключает недейктические объемлющие показатели времени; между тем, наблюдатель свободно скользит по оси времени, не связанный никакими ограничениями.

II.A. Показатель длительности с неистекшим интервалом затруднен — ср. аналогичную затрудненность сочетания ‘наст. дскр.’ с включенным показателем времени:

(6) **В прошлое воскресенье* я уже два часа гуляю по улицам, и вдруг...

В (7) запрет, казалось бы, нарушен; однако здесь режим интерпретации не нарративный, а синтаксический: точка отсчета фиксируется установкой (*оказывается*):

(7) Я был убежден, что передо мной подающий надежды молодой коллега, а тут, *оказывается*, я уже *целый час* имею дело с инженером будущего (С. Соколов).

II.B. Замкнутый показатель длительности, как и объемлющий показатель времени, допустим без ограничений, что было бы естественно при несинхронной — например, ретроспективной точке отсчета:

(8) *Несколько минут* я стою и не могу сдвинуться с места.

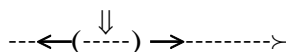
Итак, ‘наст. дскр.’ дает сбивчивую картину. Неограниченная сочетаемость с замкнутым показателем длительности, казалось бы, свидетельству-

ет о том, что эта форма предполагает ретроспективного наблюдателя. Об этом же говорит и затрудненная сочетаемость 'наст. дскр.' с включенным показателем времени. Объемлющий показатель времени в нарративном режиме не предполагает однозначно ретроспективной точки отсчета, поскольку может подразумевать репер, см. пример (6) из раздела 1.

Понятие динамической речевой ситуации, введенное в главе 10, может внести ясность в проблему наст. исторического.

Прошедшее время

I.A. Показатель включенного времени. Из того, что НСВ прош. имеет значение 'прош. дскр.' (т. е. видовое значение акт.), следует, что МН синхронен МС; а поскольку показатель времени включенный, $МВ < МС$. Кроме того, в силу свойства включенного показателя времени притягивать наблюдателя, $МН < МВ$. Таким образом, получаем (МН изображается стрелкой \Downarrow , которая не разрывает временную ось, а "свободно скользит" по ней):

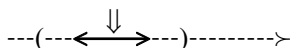

Примеры.

- (9) *Когда я вернулся, он спал;*
Через полчаса он уже сидел в буфете и пил пиво.

Временная позиция наблюдателя синхронная: наблюдатель смотрит на ситуацию изнутри; ситуация "развертывается" перед наблюдателем — как и при 'наст. акт.'. Однако в нарративном режиме не требуется, чтобы адвербиал был дейктическим: наблюдателя, в отличие от говорящего, может "принять" в себя любой включенный показатель времени.

I.B. Показатель объемлющего времени. Помимо временного интервала, который задается показателем объемлющего времени, в интерпретации предложения участвует репер, включенный в МВ, который и соответствует моменту наблюдения. Репер возникает, прежде всего, в силу анафорических отсылок. Таким образом, точка отсчета, фактически, синхронная: она определяется этим репером, а не объемлющим показателем. Схематически:

- (10) *В 1935 году советские граждане, проживающие в Манчжурии, уезжали в СССР. Уезжающие купали все. (Н. Ильина)*
В прошлом году я лежал в больнице с воспалением легких. Ко мне пришел приятель.

Как и в I.A, не требуется, чтобы показатель имел дейктическое значение: наблюдатель-повествователь, в отличие от говорящего, может поместиться в любом объемлющем интервале.

Противопоставление 'прош. дскр.' и 'прош. факт.' демонстрирует следующий пример:

В прошлом году я разобрал одно запутанное дело — 'прош. дскр.';
Я разобрал нечто похожее в прошлом году — 'прош. факт.'

II.A. Показатель длительности с неистекшим интервалом, поскольку он имеет синхронную точку отсчета, сочетается с НСВ прош. в нарративном режиме свободно — так же, как и с НСВ в значении актуального настоящего:

(11) Наша лодка плыла по Оке *четвертые сутки*.

II.B. Показатель длительности с замкнутым интервалом тоже сочетается с НСВ прош. свободно — так же, как с НСВ в значении 'прош. факт.'. Возникает обычное дуративное значение НСВ, одно и то же в речевом и в нарративном режиме:

(12) Он отвернулся и *несколько минут* сидел не двигаясь.

В Таблице представлена сочетаемость показателей времени и длительности с видо-временными формами в речевом и в нарративном режиме.

Сокращения: синхр. — синхронная точка отсчета, ретр. — ретроспективная; -(+) означает, что запрет сочетаемости может нарушаться — при условии, которое оговорено в тексте.

Таблица

	Показатели	Речевой режим		Нарративный режим	
		'наст. акт.' (синхр.)	'прош. факт.' (ретр.)	'наст. дскр.'	'прош. дскр.'
I. Время	A. Включенное время (синхр.)	+	—	-(+)	+
	B. Объемлющее время (ретр.)	-(+)	+	+	+
II. Длительность	A. Незамкнутый интервал (синхр.)	+	—	—	+
	B. Замкнутый интервал (ретр.)	—	+	+	+

* * *

Попытаемся кратко суммировать сказанное.

В речевом режиме видо-временное значение 'наст. акт.', предполагающее синхронную точку отсчета, сочетается с включенным показателем времени и с неистекшим показателем длительности; а 'прош. факт.', предполагающее ретроспективную точку отсчета, — с объемлющим показателем времени и с замкнутым показателем длительности.

В нарративном режиме дело обстоит существенно иначе. Значение 'прош. дскр.' в своем видовом аспекте актуально-длительное, однако оно ориентировано не на момент речи (и, соответственно, не на говорящего), а

на наблюдателя. Наблюдатель свободно проникает внутрь замкнутых интервалов. Поэтому 'прош. дскр.' сочетается не только с показателями включенного времени и незамкнутой длительности, но и с показателями объемлющего времени и с обычными показателями длительности. Настоящее историческое (в значении 'наст. дскр'), хотя и ориентировано тоже на наблюдателя, однако более ограничено в сочетаемости с временными показателями, чем прошедшее нарративное.

Глава 12

НЕСОВЕРШЕННЫЙ ВИД В КОНТЕКСТЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ОПРЕДЕЛИТЕЛЕЙ

В статье Анны Вежбицкой, посвященной семантике глагольного вида в польском языке (Wierzbicka 1967), была, в частности, поставлена проблема сочетаемости глаголов СВ и НСВ с показателями меры (*немного, полкастрюли, таблетка*) и количества (*несколько, три*). Речь шла о том, что прямое дополнение, включающее показатель количества, вполне естественное в контексте глагола СВ, невозможно в контексте парного глагола НСВ, если НСВ употреблен в актуально-длительном значении. В самом деле, в примерах (1)–(6) (аналогичных тем, которые рассматриваются в Wierzbicka 1967), предложения (1а)–(6а) нормальны, а (1б)–(6б) сомнительны или просто невозможны¹:

- (1) а. Больной съел *немного* бульона;
б. *В тот момент он ел *немного* бульона.
- (2) а. Он съел *две* груши;
б. *Когда я вошел, он ел *две* груши.
- (3) а. Он выпил *стакан* воды;
б. *В это время он пил *стакан* воды.
- (4) а. Он принял *таблетку* аспирина;
б. *Он принимает *таблетку* аспирина.
- (5) а. Вместо обеда он съел *несколько* слив;
б. *Он сидел за столом и ел *несколько* слив.
- (6) а. Я прочел *около трех* страниц;
б. *Я читаю *около трех* страниц.

Проблематика различной сочетаемости глаголов СВ и НСВ с количественными определителями, в сущности, идет от Р. Якобсона, который отметил несочетаемость глагола несов. вида с родительным партитивным, см. примеры из Jakobson 1936/1985, с. 147: *поел хлеба, но ел хлеб; взял де-*

¹ Польские примеры из Wierzbicka 1967 почти все допускают буквальный перевод на русский язык, так что мы пользуемся русскими эквивалентами. Примеры, где для польского предложения прямой русский эквивалент отсутствует, служат предметом специального рассмотрения.

нег, но брал деньги; наделал долгов, но делал долги; *купить баранок*, но *покупать баранки*². В самом деле, партитив выражает идею ‘в некотором количестве’, так что дополнение, выраженное род. партитивным, как кажется, может быть поставлено в один ряд с количественными группами из примеров (1)–(6). Таким образом, род. партитивный дает возможность расширить набор показательных примеров:

(7) а. Я купил *хлеба*; б. *Я покупал *хлеба*;

(8) а. Он принес *дров*; б. *Он нес *дров*.

Заметим, однако, что пример (9), польский эквивалент которого приводится в Wierzbicka 1967 в одном ряду с примерами типа (8б), не воспринимается как аномальный:

(9) Я видел, как эта женщина давала пленному *хлеба*.

Другие виды количественных групп дают тот же эффект. Так, замена СВ на НСВ невозможна, если в состав дополнения входит показатель части — *половина*, *пол*³, *три четверти* и т. д.:

(10) Я прочел уже *больше половины* книги;

Он прошел *три четверти* расстояния.

Аналогично ведут себя именные группы, в состав которых входят квантификаторы *весь*, *все* (Гловинская 1982: 137):

(11) а. Он съел *все* маслины;

б. *Он ест *все* маслины.

Предложение (11б) может быть осмыслено разве что в значении ‘любые сорта’ и при условии, что НСВ понимается не в акт., а в потенциальном значении.

Основной вопрос, который возникает в связи с примерами (1)–(11), — является ли указанный запрет на сочетаемость глаголов НСВ с количественными детерминативами “грамматическим правилом”, специфическим для определенного языка (в данном случае — для русского), или же это ограничение сочетаемости выводимо из семантики акт. значения с одной стороны и количественной группы — с другой. Разумеется, второе решение было бы предпочтительным, и именно его мы попытаемся обосновать, частично воспроизведя аргументацию, изложенную в Wierzbicka 1967, а частично предложив свою собственную.

Примеры (12), (13) показывают, насколько принципиальна роль количественного показателя: А. Вежицка обращает внимание на то, что *грушу* в (12)

(12) Он съел *грушу*

не понимается как ‘одну грушу’, поскольку числительное *один*, как и любое другое, в контексте НСВ породило бы аномалию:

(13) а. Он съел *одну грушу*;

б. *Он ест *одну грушу*;

в. *Он ест *две груши*.

² См. об этом также Timberlake 1982/1985: 264.

³ О лексеме *пол* см. Мельчук 1985б: 280 и след.; некоторые из анализируемых нами примеров употребления глагола в количественном контексте взяты из этой работы.

Там, где сочетание *один* с НСВ допустимо, либо *один* не числительное, либо значение НСВ не актуально-длительное. Так, в предложении *Он ест одну морковь* слово *один* понимается как ‘только’, т. е. как ‘не ест ничего другого’ (о нечисловых значениях слова *один* см. Николаева 1983, Мельчук 1985б); во фразе *Он ест одну грушу уже полчаса* значение НСВ не актуально-длительное, а дуративное.

До сих пор мы настаивали на семантической общности количественных показателей, проявляющейся в том, что все они не допускают замены СВ на НСВ. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что примеры (1)–(13) не вполне однородны, и для дальнейшего полезно обратить внимание на некоторые различия в семантике количественных групп.

1. Расчленение действия на последовательные акты

В контексте количественной группы, обозначающей совокупность исчисляемых объектов, запрет на сочетаемость с НСВ снимается, если допустимо понимание действия как затрагивающего все объекты одновременно. Так, предложение (2б) на самом деле не аномально грамматически, а просто обозначает не вполне нормативную ситуацию, состоящую в том, что субъект ест две груши одновременно, поочередно откусывая то от одной, то от другой. Понимание предложения (2б) в значении одновременности вытекает как единственно возможное непосредственно из определения акт. значения НСВ. В самом деле, это значение предполагает синхронного наблюдателя, расположенного во времени где-то “в середине” ситуации; естественно, что для такого наблюдателя (2б) истинно только в том случае, если оба объекта затрагиваются действием субъекта одновременно — в случае последовательного съедания в каждый отдельный момент будет затронута действием только одна груша.

Таким образом, замена СВ на НСВ акт. невозможна в (2б) потому, что количественный определитель расчленяет действие на ряд последовательных актов, так что в каждый данный момент действие затрагивает только один из элементов обозначаемой совокупности объектов. То же верно для примера (6). В (14) форма НСВ наст. времени может быть понята только как наст. историческое:

(14) Он делает *три шага* к стене.

Как показано в Wierzbicka 1967, та же причина делает невозможным употребление глагола НСВ в контексте обстоятельства кратности:

(15) *В этот момент Ян дважды *ударял* Павла.

В самом деле, в нормальном случае в контексте обстоятельства кратности глагол обозначает ситуацию с ретроспективным наблюдателем (Падучева 1989б; Барентсен 1992); а НСВ акт. требует синхронного. Глагол НСВ в акт. значении представляет ситуацию как синхронную точке отсчета, т. е. развертывающуюся перед наблюдателем; если же два события (например, в (15) — два удара) происходят последовательно, то для синхронного наблюдателя в каждый момент имеет место только одно из них и, следовательно, утверждение оказывается ложным. Если для (2б) еще су-

ществует способ понять утверждение как истинное — достаточно представить поедание двух груш происходящим одновременно, как одно событие, то для (15) эта возможность отсутствует, и предложение просто аномально.

Итак, в контексте количественного показателя, который вводит в рассмотрение некоторое множество объектов, замена СВ на НСВ приводит к аномалии в том случае, если действие может осуществляться над разными объектами только поочередно; эта аномалия — непосредственное следствие присутствия в ситуации синхронного наблюдателя, предполагаемого семантикой акт. значения. Глагол СВ предполагает ретроспективного наблюдателя, и аномалии не возникает.

Условие, при котором замена СВ на НСВ в контексте количественной группы приводит к аномалии, можно представить иначе. При глаголе СВ множественность в объекте может быть как собирательная, так и дистрибутивная, т. е. распределенная по времени; глагол НСВ неуместен в контексте распределенной множественности. Таким образом, если множественность не распределенная, то глагол НСВ допустим:

(16) В зал внесли /вносят *четыре ящика*;

(17) Здесь построили /строят *два комбината*.

А если распределенная (дистрибутивная), то нет:

(18) Наша кошка поймала (*ловит) в подвале *пять мышей*;

(19) Он посетил (*посещает) *полдюжины турем*.

В примере (20) НСВ допустим только в узуальном значении, которое нас не интересует:

(20) Врач принимает за утро *18 больных*.

Неудивительно, что нет аномалии в примере (из Wierzbicka 1967):

(21) Она сидела за столом и кормила *двоих детей*;

здесь множественность не дистрибутивная; она не дает расчленения действия на последовательные акты. Количественная группа расчленяет действие на последовательность актов только в том случае, если она задает предел деятельности; а в (21) это не так: предел деятельности человека, который кормит сидящих за столом детей, задается не детьми, а скорее едой.

Для кванторных слов со значением всеобщности действует то же правило, что для числительных. В Гловинская 1982: 138 отмечается, что показатели универсальной квантификации исключают НСВ акт. так же, как и другие показатели количества. Следует уточнить, что не сочетаются с НСВ акт. только кванторные слова *весь, все*, ср. пример (22), где НСВ допускает только общефактическое понимание:

(22) Он сажал *все деревья* в этом саду (*сажал* ≈ 'посадил').

Неудивительно, что предложение (22'), с глаголом НСВ наст. времени, недопустимо — по крайней мере, глагол НСВ в нем не может быть понят в акт. значении:

(22') Он сажает *все деревья* в этом саду.

Между тем слово *каждый* свободно сочетается с НСВ акт.:

(23) Суд внимательно разбирает *каждую жалобу*.

НСВ акт. не сочетается с кванторными словами в примерах типа (22) по той же причине, что с количественной группой в примерах типа (13): НСВ невозможно, поскольку действие расчленяется на ряд отдельных актов, которые осуществляются последовательно. Слово *каждый* отменяет запрет, связанный с расчленением действия на последовательность актов, поскольку оно выражает как раз ту идею, что в ситуации участвуют поочередно все объекты, но в каждый данный момент — один, см. Селиверстова 1964, Падучева 1989в.

2. Понятие количественного предела

В контексте неисчисляемого объекта глагол обозначает деятельность с накоплением эффекта, и запрет на НСВ акт. объясняется аналогично — в каждый отдельный момент действие затрагивает не все количество объекта, а какую-то его часть, ср. *Завод выплавил / *выплавляет 125 тыс. тонн стали*. Таким образом, запрет НСВ в (24) тоже получает объяснение на денотативном уровне:

- (24) *Он пьет *полстакана* молока;
*Он ест *всю* кашу.

В общем виде контекст, в котором глагол СВ не может быть заменен на парный глагол НСВ, можно представить следующим образом. Это контекст, когда у глагола СВ, который, по определению, обозначает ситуацию, ограниченную в своем протекании, это ограничение задано количественно. Иначе говоря, это контекст ситуации, имеющей количественный предел (в данном случае речь идет о внешнем пределе, т. е. пределе, выраженном не семантикой самого глагола, а его актантами или сирконстантами; то же верно для глаголов с внутренним количественным пределом, типа *погулять <немного>*). Отсюда ясно, что глагол НСВ допустим в контексте количественной группы, если эта группа не задает предела действия, т. е. если ограничение на протекание ситуации во времени задано не этой группой, а как-то иначе. Так, в (25а) предел действия задает не количественная группа, а обстоятельство, выражающее конечный пункт движения — *домой*; в (25б) глагол обозначает деятельность вообще не имеющую предела:

- (25) а. <Я встретил вчера Ивана.> Он нес *домой* два арбуза.
б. Он не мог позвать мне руку — он нес *два* арбуза.

Объяснение то же, что для примера (21) выше.

Как справедливо отмечено в Гловинская 1982: 33, количественная группа, препятствующая употреблению НСВ, не обязательно должна играть при глаголе роль прямого дополнения — она может быть и обстоятельством, как в (26а), и подлежащим, как в (26б); предел вообще может быть задан адвербиалом, как в (27):

- (26) а. Он отошел на *20 метров*; Хлеб убрали на *140 гектарах*;
б. Прошло *шесть часов*.
(27) Он погрузился в воду *по пояс*.

Количественный предел может быть задан и обстоятельством кратности, как в примере (15).

Глаголы СВ, у которых количественный предел “запаян” в их лексическую семантику — делимитативы (типа *погулять <немного>*) и пердуративы (типа *проспать <целый день>*) — тоже не имеют парного НСВ акт.

3. Незапланированный итог

Рассмотрим еще один контекст, где запрет на НСВ акт. семантически обоснован: замена СВ на НСВ невозможна, если СВ обозначает деятельность с заранее не известным итогом. Иначе говоря, НСВ неуместен, если количественная группа обозначает итог деятельности, но не результат, который бы совпадал с заранее намеченной целью Агенса, ср. Булыгина, Шмелев 1989: 38. Такова ситуация в примерах (28)–(31):

- (28) Они уничтожили (*уничтожают) *полроты вражеских автоматчиков*;
- (29) Он где-то достал (*достает) *30 фунтов меда*;
- (30) У памятника собралось (*собирается) *около тысячи человек*;
- (31) Собрали *меньше центнера хлопка* с гектара (*собирают* — только в узуальном значении);
- (32) а. Он *выпил* (*пьет) *стакан вина*;
б. *Он пьет бокал вина⁴.

В контексте незапланированного итога уже несущественно, является ли множественность распределенной по времени или нераспределенной. Особенно нагляден пример (33), где очевидно, что количественная группа задает промежуточный итог деятельности; этот итог не означает прекращения деятельности. Употребление НСВ в таком контексте лишено смысла:

- (33) Он просмотрел пока только *половину рукописи*;
Он преодолел уже *две трети расстояния*.

Если количественный итог не был запланирован, т. е. не существовал в качестве цели агенса, то неудивительна невозможность замены СВ на НСВ, где тот же показатель количества должен фигурировать именно в качестве цели. Можно представить себе контекст, где достижение определенного количественного результата является специальной целью действующего субъекта:

- (34) Фермер расширяет свои посевные площади *на 20 га*.

Русский язык избегает употребления глаголов НСВ и в таком контексте, так что в (34) НСВ скорее имеет значение предстояния, а не актуально-длительное. Если человек действует с целью заработать пятьдесят тысяч долларов, чтобы купить квартиру, про него скажут (35а), а не (35б):

⁴ Напомним, что интересующий нас запрет касается не формы НСВ вообще, а только актуально-длительного значения. Так, в (30) НСВ возможно, но выражает тенденцию, прогноз. Стативные значения НСВ — предстояние, узуальность, перфектное состояние и др., — равны по сочетаемости СВ: *берет с собой только пяток яиц; остается еще пять км; тень охватывает полнеба; он выписывает три газеты; набирается больше 100 человек; Германия воевала с половиной Европы*, и т. д.

- (35) а. Он зарабатывает *деньги на квартиру*,
 б. Он зарабатывает *50 тысяч долларов*.

Зарабатывание денег, равно как и расширение посевной площади, есть деятельность с накоплением эффекта.

Итак, мы выявили три денотативных аспекта ситуации, естественно препятствующих замене СВ в контексте количественной группы на НСВ — расчленение действия на последовательные акты, накопление эффекта и промежуточный или просто незапланированный итог, не являющийся достижением заранее поставленной цели.

Есть, однако, ограничения на употребление НСВ в контексте количественной группы, несводимые к этим источникам.

4. Неопределенность количества

В примере (36) замена СВ на НСВ невозможна, хотя ни один из ранее рассмотренных факторов не действует — действие не расчленяется на последовательные акты, как в примере с двумя грушами (объект участвует в действии весь целиком, т. е. множественность собирательная, так что дело не в том, что невозможна синхронная точка зрения на ситуацию); нет накопления эффекта, как при плавке стали; и неверно, что количественная группа обозначает промежуточный итог, который не был целью Агенса:

- (36) а. Он купил *несколько журналов*;
 б. *Он покупает *несколько журналов*.

Причина аномальности (36б) в том, что количественная группа здесь неопределенная — слово *несколько* выражает неопределенность количества, и именно это служит препятствием для употребления НСВ; фразу *Он покупает три журнала* уже можно вписать в такой контекст, где она будет пониматься с акт. значением НСВ, как в примерах (16), (17).

Неверно было бы сказать, что в контексте НСВ акт. объект обязательно должен быть определенным: вполне можно сказать

- (36) в. Он покупает *какие-то журналы*.

Отличие (36в) от (36б) в том, что *какие-то* в (36в) выражает неопределенность для говорящего; между тем в (36б), при одном из пониманий, неопределенность входит в формулировку цели ее субъектом — и в этом понимании (36б), разумеется, аномально: цель покупающего нормально состоит в том, чтобы купить определенные журналы, а не журналы в количестве нескольких штук. Во всяком случае, в примерах (37)–(39) добавление показателя определенности, (там, где оно возможно) превращает употребление глагола НСВ, не допускающее акт. интерпретации — в такое, которое допускает (ниже знаком ° помечена невозможность акт. интерпретации):

- (37) а. Иван провел *полгода* в Париже;
 б. °Иван проводит *полгода* в Париже;
 в. Иван проводит *эти полгода* в Париже;
 (38) а. Она выполнила *половину* вашего задания;
 б. °Она выполняет *половину* вашего задания;

- в. Она выполняет *первую половину* вашего задания.
 (39) а. Он рассадил *полсотни людей* в профессорской гостиной;
 б. °Он рассаживает *полсотни людей* в гостиной;
 в. Он рассаживает *студентов* в гостиной.

Можно сказать *К памятнику сходятся сотни людей*, но не **сходится сотня людей*: мн. число *сотни* значит просто ‘много’, а в слове *сотня* подчеркивается неопределенность.

Есть другое понимание (36б), когда *несколько* выражает неопределенность для говорящего; в этом случае аномалия имеет не семантическую, а прагматическую природу: указание на неопределенность количества мало информативно, и в контексте примера (36б) достаточно было бы множ. числа: *Он покупает журналы*. Разумеется, возможен контекст, где показатель неопределенности количества будет прагматически уместен; например, можно сказать, в ответ на вопрос “Чем она так занята?”, *Она покупает несколько квартир*, когда *несколько* будет составлять естественный point высказывания. А в (36б) показатель количественной неопределенности нарушает постулат релевантности по Грайсу 1985.

5. Партитив

Партитив, как уже отмечалось, не полностью совпадает по сочетаемости с другими количественными группами. В контексте примера (41) партитив задает количественный предел действия, так что запрет на употребление партитива не должен нас удивлять:

- (41) а. Я выпил *воды*; б. *Я пью *воды*.

В примере (41) объяснение несочетаемости НСВ с партитивом такое же, как для выплавки стали: питье есть деятельность с накоплением результата; количество объекта, участвующего в деятельности, непрерывно меняется и потому не должно фиксироваться.

Однако партитив иногда невозможен и в таком контексте, где количественная группа не задает предела действия и, следовательно, в силу семантических правил, сформулированных выше, не должна была бы породить аномалию; так, в (42а), (43а), в контексте показателей определенного количества, НСВ допустим, а в (42б), (43б), в контексте партитива, — нет:

- (42) а. Он несет *два арбуза*; б. *Он несет *дров*.
 (43) а. Я варю *два яйца*; б. *Я варю *борща*.

Можно думать, особенность партитива именно в том, что он выражает неопределенное количество. Компонент неопределенности в семантике партитива выявляет пример (44) — указательное местоимение *этот* в составе партитивной группы исключено:

- (44) а. Я сварила *борща*;
 б. Я сварила *этот борщ*;
 в. *Я сварила *этого борща*.

Более того, для партитивной группы предпочтительное употребление — нереферентное. Так, фраза *Я сварила борщ* в устах человека, кото-

рый держит в руках кастрюлю, может иметь интродуктивную референцию к содержимому кастрюли. Между тем (44а) в этой ситуации будет звучать неестественно — поскольку исключает такую референцию.

Это дает ключ к пониманию примеров (42), (43). Для этих примеров не проходит то объяснение, которое было дано для (41), поскольку здесь количественная группа не задает предела деятельности. В самом деле, определенная количественная группа в таком контексте допустима. Можно думать, что (42б), (43б) объясняются так же, как (36б): партитив неуместен из-за входящего в его семантику указания на неопределенность количества. Так, можно сказать *несет две вязанки дров* или *варю полную кастрюлю борща*.

Определенную роль играет и нереферентность партитивной группы: результат своей деятельности человек может задним числом описать в нереферентных терминах (*выпить воды* значит 'выпить некоторое количество воды'); между тем деятельность касается не количества, а самого объекта.

Интересно, что запрет на НСВ при партитиве, в неопределенном контексте, снимается — или по крайней мере существенно смягчается — при наличии дательного бенефактивного, ср.

- (45) а. *несет яблок;
 б. — Что это у тебя в сумке? — Да вот, несу же не *яблок*.
 (46) а. *покупает мяса;
 б. Что ты здесь делаешь? — Покупаю мяса <на м> на обед.
 (47) а. *варю борща;
 б. Я варю вам борща.

Возможно, здесь переход на точку зрения Бенефицианта, который видит действие уже совершенным.

* * *

Нам остается рассмотреть одно могущее возникнуть возражение. Если предлагаемые нами семантические правила, регулирующие сочетаемость НСВ с количественными группами, верны, то они должны действовать и в других языках. На первый взгляд это не всегда так. Например, во французском языке партитив не противоречит синхронной точке зрения на деятельность — (41б) можно перевести как (41') Il boit de l'eau. Далее, если выразить идею партитива лексически, то фразу (41б) можно перевести и на английский язык: (41'') He is drinking some water⁵.

Можно думать, однако, что фраза (41б) семантически не равна своим переводам: в семантике русского партитива идея неопределенного количества в большей степени акцентирована; т. е. *я выпил воды* = 'я выпил НЕКОТОРОЕ КОЛИЧЕСТВО воды'; а (41') и (41'') означают скорее 'я выпил ВОДУ (в некотором количестве)'

И еще один пример семантической неэквивалентности переводов. Неправильное русское **Он пьет бокал вина*, см. (32б), дает при пословном переводе допустимое англ.

- (32') He is drinking a glass of wine.

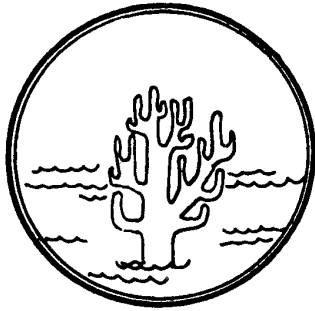
⁵ Реакция native speakers на эту фразу — это неправильно, но так говорят.

Предложение (32а) неправильно потому, что ИГ типа *стакан воды*, *кастрюля супа* и под. нереферентны: они понимаются в русском языке только в значении количественной оценки содержимого, а не как обозначение содержимого в таком-то количестве или заключенного в такую-то емкость. Нормально сказать *Она поставила на стол кастрюлю с супом*, а не *кастрюлю супа*; нельзя сказать **Дай мне этот стакан воды*; надо — *этот стакан с водой*; фраза *Дай мне стакан воды* означает ‘воды в стакане’ или даже ‘воды в количестве одного стакана’. Видимо, англ. сочетание а *glass of wine* не имеет такого акцента на количестве.

Следует помнить (и это понятно уже из Wierzbicka 1967), что основу нашего рассмотрения составляет трактовка акт. значения НСВ как синхронного, так что если данный анализ верен, можно считать, что излагаемое в главах I.1—I.4 описание семантики НСВ находит подтверждение в ранее не объяснявшихся особенностях его сочетаемости.

Часть II

СЕМАНТИКА НАРРАТИВА

ВСТУПЛЕНИЕ К ЧАСТИ II

Задача последующих глав — продемонстрировать возможности описания смысла нарративного текста (понятийный аппарат, методы исследования и, главное, фактические знания), предлагаемые современной лингвистикой. Лингвистика совершила за последние два-три десятилетия колоссальный скачок в сфере описания семантики языковых единиц — как лексических, так и морфо-синтаксических. При этом, однако, основным контекстом рассмотрения языковой единицы все-таки остается отдельное единичное предложение, в лучшем случае — отдельное высказывание. Мы ставим задачу приложения этих результатов к описанию семантики языковых единиц в тексте, а именно, в тексте повествовательного, беллетристического жанра. В первую очередь речь идет о тех аспектах семантики текста, которые связаны с образом автора по Виноградову и полифонией по Бахтину.

Наша исходная предпосылка состоит в том, что текстовые функции и значения языковых единиц должны описываться не сами по себе, а как производные а) от их смысла в отдельном высказывании и б) от меняющегося коммуникативного контекста: текстовые функции языковых элементов рассматриваются как производные от их функции в независимом высказывании. Одним из ярких примеров здесь служит текстовая функция русского глагольного вида — очевидным образом иная, чем в отдельном высказывании (в тексте на вид падает основная нагрузка в выражении отношений предшествования и одновременности — функция, которой вид не имеет в изолированно взятом высказывании), но убедительным образом выводимая из нее.

Для ясности мы разделим эту исходную предпосылку на две.

1) Мы хотим говорить о семантике повествовательного текста, используя в полной мере то, что уже известно о семантике отдельных единиц, лексических и грамматических, в обычной лингвистике.

2) Мы хотим, следуя известному завету Витгенштейна, описывать в семантике нарратива только то, что можно уже сейчас описать в достаточно точных терминах, никак не претендуя на то, что это будет полное описание семантики (и, тем более, художественно релевантной структуры) нарративного текста.

Таким образом, речь идет об описании семантики языковых единиц — с более эксплицитным учетом того нового контекста, в который

они попадают в нарративе; прежде всего, это, конечно, контекст неполноценной коммуникативной ситуации. Рассматриваются в первую очередь те единицы, которые подвергаются в этой ситуации самым ощутимым сдвигам интерпретации.

В отличие от работ, выполненных в рамках так наз. теории текста и направленных на выявлении структуры текста, т. е. имеющих, так сказать, синтаксическую ориентацию, у данной работы ориентация, если можно так сказать, лексикографическая — предмет исследования составляют те или иные явления, которые можно описывать, в принципе, независимо одно от другого. Это дает возможность выделять в тексте те его аспекты, которые заведомо значимы, и говорить о них то, что можно сказать ясно, не пытаясь сказать больше того, что нам доподлинно известно.

Мы не исходим из того, что текст имеет структуру, подобную синтаксической структуре предложения; это была бы слишком сильная предпосылка, ничем нам известным не оправданная. "Лингвистика текста" 60—70-х годов, с ее поиском "основной единицы" текста (абзац, сверхфразовое единство) была ориентирована на синтаксис и пыталась описать текст по аналогии с предложением. Подход, принятый в данной работе, отличен в нескольких отношениях. Во-первых, как уже говорилось, более непосредственной ориентацией на семантику, т. е. на выявление тех аспектов текста, которые имеют смысл для читателя. А во-вторых — сменой основной парадигмы, происшедшей за последнее десятилетие: ориентацией не на порождение текста, в принципе невозможное без предварительной гипотезы о его глобальной структуре, а на его семантическую интерпретацию. Если то, что нас интересует, — это общие правила интерпретации текста, мы можем рассматривать одни частные его аспекты независимо от других — вообще говоря, даже не имея предположений о структуре целого.

Сейчас ясно, что наши прежние представления о структуре целого были заведомо ограничены — хотя бы потому, что аналогия с предложением диктовала идею наличия у текста статической структуры. Обращение к интерпретации, т. е. к пониманию смысла, заставляет искать принципиально новое представление структуры текста: понимание — это динамический процесс; в процессе чтения новые образы не "прикладываются" к старым, а как-то их модифицируют. Представление структуры текста, чтобы быть сколько-нибудь адекватным, должно отражать эту динамику.

Естетственно, предметом анализа были художественные тексты. Однако, перифразируя Г.О.Винокура (1990: 245), автор мог бы сказать, что предмет его изучения — не нарратив, а некоторые явления русского языка, наблюдаемые на материале повествовательных текстов. В этой связи получает объяснение тот факт, что в нашем поле зрения иногда оказывались тексты слишком хорошо известные или, наоборот, не представляющие особой художественной ценности. Главная цель автора была в том, чтобы продемонстрировать принципиальные возможности лингвистического аппарата.

Часто бывает так, что суть языкового явления резко проясняется при сопоставлении его с другим — хотя бы и не во всем аналогичным. Ср. такие важные сближения, как аналогия между именной и временной анафорой (Partee 1984); между противопоставлением "событие — состояние" и "счетные — несчетные имена" (Mehlig 1991). В основе данной работы, фактически, лежит аналогия между дейксисом и вводными словами — двумя важнейшими, хотя и весьма различными категориями эгоцентрических элементов, т. е. элементов, семантика которых существенным образом ориентирована на говорящего. Эта глубокая и вполне нетривиальная аналогия между дейксисом и субъективной модальностью была намечена в работе Романа Якобсона — Jakobson 1957/1972 (ср. также не получившую в свое время должного резонанса работу Brecht 1974). Вывести все интересные следствия из этой идеи еще предстоит в будущем.

Глава 1

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИКИ

Повествовательный текст пишется на том же языке, на котором происходит ежедневное общение. В то же время в обычном разговоре язык функционирует не совсем так, как в повествовательном тексте, а в повествовательном тексте — не совсем так, как, например, в лирическом стихотворении. Задача этой работы — выявить особенности употребления и интерпретации языковых элементов в нарративе, отличающие нарратив, прежде всего, от разговорного дискурса, но также и от других литературных жанров.

Мы исходим из следующих двух взаимодополняющих предпосылок.

1) Описание специфических характеристик языка художественной литературы, в том числе особенностей семантической интерпретации его слов и конструкций, входит в компетенцию лингвистики¹.

2) Теория литературы и литературная критика не могут обходиться без лингвистического анализа текста — литературоведческий анализ не полон, если ему не предшествует более "примитивный", но в то же время и более основательный (объективный) лингвистический. Толкуя текст, следует прежде всего найти в нем те смыслы, которые в нем заложены в силу того только, что он написан на данном языке. Лишь после этого и на основе этого можно "вчитывать" в него те смыслы, которые порождаются многочисленными контекстами — социальными, историческими, литературными и проч.

1. Эгоцентрические элементы языка в неканонической ситуации общения

Синхроническая структурная лингвистика, которая к настоящему моменту разработала достаточно тонкий аппарат семантического анализа

¹ Роман Якобсон делает даже более сильное утверждение: "Поскольку лингвистика является общей наукой о языковых структурах, поэтику можно рассматривать как составную часть лингвистики", Jakobson 1960/1975: 194; ср. также Jakobson 1961/1985.

текста, видит своим главным предметом язык как средство общения, т. е. строго говоря, разговорный язык. Между тем язык художественной литературы имеет свои особенности. Это не нарушение общезыковых правил, но определенная их трансформация — как мы попытаемся показать, мотивированная, т. е. контекстно обусловленная. Далее последовательно проводится мысль о том, что изменение правил интерпретации языковых элементов в нарративе по сравнению с разговорным дискурсом мотивировано изменением условий коммуникации — особым коммуникативным режимом функционирования языка. Изменение интерпретации языковых элементов в нарративе имеет своим источником неполноценность (неканоничность) той коммуникативной ситуации, в которой оказывается читатель литературного текста. Неканоничность, хотя и в несколько ином роде, характеризует и коммуникативную ситуацию, подразумеваемую лирическим стихотворением (см. Ковтунова 1986). Лингвистические различия между лирикой и нарративом объясняются, как мы покажем, различием способов преодоления этой неполноценности коммуникативной ситуации. Отсюда разные виды условностей (возведенные в норму) и разные наборы допустимых стратегий интерпретации определенных языковых элементов. Иными словами, мы исходим из того, что изменение функций языковых элементов в нарративе по сравнению с разговорным дискурсом мотивировано, и только выявив эту мотивированность, можно прийти до общего значения языковой единицы, абстрагированного от различий, которые порождены сферой употребления. Тем самым настоящее исследование имеет смысл не только для "приложений" (в данном случае — для поэтики), но и для лингвистики как таковой.

Язык нарратива состоит, в основном, из тех же слов и тех же синтаксических построений, что и разговорный язык. Но только в основном: какие-то элементы разговорного языка все-таки оказываются в нарративе (или по крайней мере в определенной его форме) недопустимыми, а другие — и их очень много — меняют интерпретацию. Например, во фразе *Вот пошел Иван в лес*, типично нарративной, ни частица *вот*, ни морфема прош. времени не имеют своей обычной интерпретации: *вот*, вопреки обыкновению, не ассоциируется здесь с указательным жестом говорящего, хотя бы и мысленным, — поскольку последний требует синхронного адресата, слушателя, и наст. времени глагола; с другой стороны, прош. время не имеет здесь обычной для него дистанцирующей функции, которая не вяжется с семантикой частицы *вот*. Еще более показательна частица *вон*, которая в традиционном нарративе вообще невозможна: если появляется *вон*, значит это не основной корпус, а "лирическое отступление", и надо ожидать, что скоро появится и сам "автор", ср.

Лгут оболыстители-мистики, никаких Караибских морей нет на свете <...> Нет ничего, и ничего и не было! *Вон* чахлая липа есть, есть чугунная решетка и за ней бульвар <...> О, боги, боги мои, яду мне, яду. (Булгаков. "Мастер и Маргарита").

Язык нарратива — это редуцированный язык: некоторые существенные единицы разговорного языка не могут быть употреблены в нарративе, по крайней мере в их первичном значении. Развитие новых повествова-

тельных форм можно рассматривать как способ преодоления ограничений, накладываемых на язык повествования неполнотой коммуникативной ситуации.

Лингвисты обычно рассматривают разговорный язык — язык в его коммуникативной функции — как прототипическое употребление языка вообще. Между тем использование языка в коммуникативных целях не есть единственный способ его использования: есть такие сферы употребления языка "which do not readily conform to the communicative model. Foremost among such uses is the literary use" (Banfield 1982: 8). Нарратив имеет свои правила употребления и интерпретации эгоцентрических элементов, см. примеры (из Banfield 1982):

- *Tomorrow was Monday;
- *Now he crawled to her house;
- *Where were her drawings now?

В разговорном языке эти предложения грамматически неправильны: время и адвербиал противоречат друг другу; между тем в нарративе они допустимы.

Разумеется, чтобы понять, какие аспекты языка подвергаются сдвигу в интерпретации при переходе от разговорного дискурса к художественному тексту, необходим анализ художественных текстов. Не избавляя себя от этой необходимости, мы настаиваем, однако, на том, что в определенных пределах можно заранее предсказать, какие языковые единицы будут склонны иметь в художественном тексте иную интерпретацию, чем в разговорном языке. Поскольку изменение интерпретации происходит под влиянием изменившейся коммуникативной ситуации, затронуты в первую очередь должны быть те языковые элементы, семантика которых в принципе связана с коммуникацией. Это те элементы языка, которые мы будем далее называть эгоцентрическими — слова и конструкции, содержащие отсылку к говорящему (ego). Слова и конструкции, семантика которых включает отсылку к адресату речи (tu), а таких тоже немало, включают также и отсылку к говорящему, так что "tu-центричность" предполагает эгоцентричность как предпосылку. Термин *egocentric particulars* был введен Бертраном Расселом применительно к дейктическим словам и используется в этом значении в Апресян 1986а, Ковтунова 1986; расширительное его применение обосновано в Падучева 1993. Эгоцентрическим элементам языка и их интерпретации в разных повествовательных формах посвящена глава 3.

Главный вопрос, который необходимо решить при описании нарратива, опирающемся на разговорный язык, — кто в нарративе является заместителем говорящего.

2. Традиционный нарратив. Повествователь как аналог говорящего

Естественно исходить из того, что целостность структуры и композиция художественного текста обеспечивается, в конечном счете, единством стоящего за ним сознания.

С другой стороны, художественный текст — это речевое произведение, и как таковое он характеризуется прежде всего своим субъектом речи. В разговорном языке это говорящий. Казалось бы, в повествовательном тексте это должен быть автор-создатель текста. Однако дело обстоит сложнее, и прямого соответствия между говорящим в разговорном языке и автором-создателем художественного текста нет. Когда мы ставим задачу описания семантики и функционирования языка в литературном произведении, мы можем говорить только об аналогах говорящего. Роль автора-создателя в художественном произведении нельзя отождествить с ролью говорящего в речевом высказывании по нескольким причинам.

Прежде всего — из-за неполноценности коммуникативной ситуации восприятия художественного текста, в которой автор отделен от своего высказывания. Читатель имеет дело только с текстом, а с его создателем — лишь постольку, поскольку тот отразился в тексте. В этой неполноценной коммуникативной ситуации многие важные механизмы естественного языка остаются не у дел; например, автор не может быть для читателя тем пространственно-временным ориентиром, который необходим для осуществления дейктической референции, как это имеет место в обыденном разговоре. Так, слово *здесь* в художественном тексте не может указывать место действия через местонахождение автора в настоящий момент, поскольку автор и читатель не имеют общего настоящего момента и общего поля зрения. Даже в перволичном повествовании *здесь*, обозначающее местонахождение повествователя, как у Гоголя в "Старосветских помещиках", звучит как изыск (см. Гуковский 1959: 115, Лотман 1988):

Впрочем, я думаю, что не имеет ли самый воздух в Малороссии какого-то особенного свойства, потому что если бы *здесь* вздумал кто-нибудь таким образом накушаться, то, без сомнения, вместо постели очутился бы лежащим на столе.

Другая причина — вымысел. Автор художественного текста создает вымышленный мир, который выдается как бы за фрагмент реального. В разговорном дискурсе говорящий сам принадлежит тому реальному миру, о котором он говорит; между тем автор художественного текста сам не принадлежит миру создаваемого им текста (игра на этих различиях служит источником многочисленных художественных приемов, см. в этой связи о рассказе Набокова "Набор" в главе II.10). Он должен как бы скрывать свое существование — противное ведет к разрушению иллюзии реальности.

Вообще говоря, оценки и мнения, которые автор вложил в свое произведение, могут лишь косвенным образом отражать подлинные оценки и мнения данного писателя. Здесь, впрочем, говорящий и автор лингвистически подобны: говорящий, в речевом общении, тоже может лгать, утаивать, прикрываться маской, и приемы, с помощью которых мы — иногда — распознаем эти уловки, не имеют отношения к лингвистическим правилам семантической интерпретации текста.

Так или иначе, в коммуникативной ситуации нарратива аналогом говорящего является не сам автор, а, как иногда говорят, образ автора, а

точнее сказать — повествователь²: именно повествователь является тем субъектом сознания, который непосредственно воплощен в тексте и с которым имеет дело читатель. Он же становится центром той системы пространственно-временных координат, которая необходима для приведения в действие разветвленного механизма дейктической (указательной) референции, заложенного в языке и активно работающего в любом повествовательном тексте.

Автор может присутствовать в тексте не только как повествователь — о событиях, якобы происходивших в некотором мире, — но и как создатель мира заведомо вымышленного. Например, в пушкинских строчках *Онегин, добрый мой приятель; Мне нравились его черты; Я был озлоблен, он угрюм* местоимение 1-го лица обозначает повествователя; тогда как строки *Без них Онегин дорисован; А та, с которой образован Татьяны милый идеал* и др. представляют Онегина и Татьяну как создания автора, а автора — как создателя; см. об этих двух ипостасях автора в "Евгении Онегине" в Romorska 1980. Однако фигуру автора-создателя, поскольку она разрушает иллюзию реальности, мы считаем признаком нарушения повествовательной нормы, см. об этом опять-таки в главе 10.

Удобная (хотя, быть может, и упрощенная) модель коммуникативной ситуации нарратива состоит в том, что повествователь является также и субъектом речи: то, что мы читаем, можно без большой натяжки представить как сообщаемое нам повествователем³. Тогда в лингвистическом описании можно автора элиминировать вовсе и представить коммуникативную ситуацию нарратива как взаимодействие "повествователь-читатель". Повествователь остается распорядителем всей системы эгоцентрических элементов языка (в той мере, в какой она ему доступна в условиях неполноценной коммуникативной ситуации).

Можно предполагать, что единое сознание, обеспечивающее целостность структуры и композиции текста, воплощается в фигуре повествователя. Это допущение оправдывает себя — с оговорками, о которых речь ниже — в рамках того, что можно назвать традиционный нарратив — в нетрадиционном нарративе (см. ниже о свободном косвенном дискурсе) целостность композиции обеспечивается гораздо более сложной конструкцией.

Остановимся коротко на тех аспектах фигуры повествователя, которые существенны для лингвистической структуры и типологии нарратива. Следующие противопоставления носят принципиальный характер.

² Термины повествователь и образ автора (а иногда и просто автор) используются в научной литературе как синонимы; так, в Виноградов 1980: 205 по поводу конца 1 главы "Пиковой дамы", когда после заключительной реплики Томского (*Однако пора спать: уже без четверти шесть*) идет фраза *В самом деле, уж рассветало*, говорится: "в конце первой главы происходит сошествие автора в изображаемый им мир" (поскольку *в самом деле* — это диалогическая реакция). Мы могли бы сказать, менее метафорично, что в этой фразе обнаруживает свое присутствие повествователь.

³ Специально устная форма повествования неоднократно обыгрывается в поэме Вен. Ерофеева "Москва-Петушки" — например, когда серию рецептов "коктейлей", предлагаемых читателю, автор заключает словами: *Вы хоть что-нибудь записать успе- ли? Ну вот, пока довольно с вас.*

Повествователь может быть персонифицированный — когда он является одним из персонажей текста, т. е. входит в мир текста: например, совершает какие-то поступки; имеет хотя бы минимальную биографию; быть может, имеет собственное имя. Иначе говоря, это диегетический повествователь, принадлежащий миру текста. Таков, например, повествователь *я* в пушкинском "Выстреле". С другой стороны, повествователь может быть не персонифицированный, экзегетический, не входящий во внутренний мир текста, как повествователь в романе Булгакова "Мастер и Маргарита", который проявляет себя только как субъект оценок или диалогических реакций, а также — очень редко — в лирических или риторических отступлениях, ср. начало II части романа:

За мной читатель! Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной вечной любви? За мной, мой читатель, и только за мной, и я покажу тебе такую любовь.

Если повествователь называет себя только в 1-м лице и относящиеся к нему предикаты носят метатекстовый характер как, например, в следующих отрывках из "Метели" Пушкина:

Поручив барышню попечению судьбы и искусству Терешки-кучера, *обратимся* к молодому нашему любовнику;

Но *возвратимся* к добрым ненарадовским помещикам, —

то его следует считать экзегетическим.

Повествователя, который является персонажем текста, можно назвать также *р а с с к а з ч и к о м*, тогда как повествователь, скажем, в "Пиковой даме" или в "Отце Сергие", рассказчиком не является (так что для нас повествователь и рассказчик — не синонимы, ср. Чудаков 1971: 30, 37). Рассказчик не исключает экзегетического повествователя. Например, в рассказе Чехова "Крыжовник" главный сюжет, с крыжовником, излагается вставным рассказчиком; но экзегетический повествователь тоже непрочь обнаружить себя в субъективных оборотах речи, например: *Красивая Пелагея, такая деликатная и на вид такая мягкая, принесла простыни и мыло.*

Экзегетического повествователя называют еще *и м п л и ц и т н ы м*, поскольку это рассказчик, не называющий себя. Главное его свойство — то, что он не имеет полноценного существования ни в каком мире — ни в вымышленном, которому принадлежат герои, ни в реальном, которому принадлежат автор.

Экзегетический повествователь отличается от диегетического в следующем существенном отношении. От повествователя, который не принадлежит миру текста, не требуется, чтобы он занимал какую-либо определенную пространственно-временную позицию в этом мире: не встает вопрос, где он находится, когда описывает события, происходящие с героями, как имеющие место на его глазах. Между тем для диегетического повествователя такая проблема есть. В прозе Набокова, как правило, идет игра на сдвигах от одного типа повествователя к другому. Так, в романе "Пнин" повествователь то являет собой абстрактную фигуру, не имеющую пространственно-временной определенности, то вдруг оборачивается конкретным лицом, и это шатание, нарушающее одну из важных норм нарратива (а именно, противопоставленность рассказчика и экзегетического по-

вествователя), составляет художественный прием. В рассказе "Мадмуазель О" обыгрывание этой повествовательной нормы можно интерпретировать как аллюзию к Пушкину, см. Падучева 1993.

В работах по поэтике различаются нарратив 1-го и 3-го лица. Это деление, однако, не является достаточно определенным. Скорее всего, имеется в виду лицо главного героя. Между тем этот признак сам по себе не существен для типологии повествовательных форм. Так, в Атарова, Лескис 1980 свободный косвенный дискурс (СКД) рассматривается как разновидность повествования от 3-го лица. Между тем для СКД определяющий фактор — полное или частичное устранение повествователя, а лицо главного героя (формально — 3-е, а по существу, как мы убедимся, 1-е) не играет существенной роли.

Итак, в традиционном нарративе мы будем различать перволичную повествовательную форму (*Ich-Erzählung*), где рассказчиком является персонаж, и ауториальное повествование (термин из Stanzel 1970), с экзегетическим повествователем (условно — нарратив 3-го лица).

Повествовательная норма требует единства точки зрения: в пределах одного повествования (прямая речь, разумеется, не в счет) один и тот же персонаж должен, вообще говоря, обозначаться единообразно — либо всегда 1-м, либо всегда 3-м лицом. Это правило имеет следующее обоснование: точка зрения определяется выбором одного из субъектов на роль говорящего, и ясно, что говорящий не может меняться на протяжении своей речи.

В Кожевникова 1994: 18 приводятся примеры нарушения этого правила, обусловленные и оправданные тем, что рассказчик-Я смотрит на себя-ребенка как на другое лицо, как в рассказе Бунина "У истока дней" или в повести Петрова-Водкина "Хлыновск"⁴. Как и многие другие повествовательные нормы, эта служит предметом обыгрывания у Набокова — в частности, в рассказе "Тяжелый дым", не говоря о романе "Дар" (см. о "Даре" Левин 1981). Скрупулезным исследованием правила о единстве точки зрения (путем многообразных его нарушений) является рассказ Беккета "Общение".

Смена точки зрения в начальном абзаце повести Чехова "Скучная история", выдержанном в жанре записок, укладывается в рамки того, что можно назвать интродуктивной формулой (ср. *С вами говорит ученый секретарь Института точной механики. Я хочу вам напомнить, что...*):

Есть в России заслуженный профессор Николай Степанович такой-то, тайный советник и кавалер; <...> Вот это и многое еще, что можно было бы сказать, составляет то, что называется *моим* именем.

Психологически оправданная смена точки зрения (взгляд на себя со стороны) в словах Татьяны в "Евгении Онегине":

⁴ В романе Ю. Трифонова "Старик" обратное соотношение: "в плане настоящего" главный герой обозначен как Павел Евграфович Летунов (и повествование в прош. времени), а "в плане воспоминаний" — как Я (и грамматическое время настоящее). Сейчас этот прием стал расхожей монетой, ср., например, рассказ В. Аксенова "Памфилов в Памфилии" ("Знамя" 1995 N 1).

Меня с слезами заклинаний
Молила мать; для бедной Тани
Все были жребии равны...
Я вышла замуж.

Смена точки зрения происходит в ситуации вставного рассказчика. Так, в "Герое нашего времени", в повести "Бэла", Максим Максимыч выступает как 3-е лицо по отношению к основному повествователю-Я и как 1-е в той части повести, которая составляет основное ее содержание, например:

Вот раз уговорил *меня* Печорин ехать с ним на кабана. Я долго отнекивался. Ну что *мне* за диковинка кабан!

Есть и другие признаки, по которым повествователи в разных текстах могут отличаться друг от друга (или повествователь в одном тексте — занимать разные позиции).

Важное противопоставление — между всезнающим и прагматически мотивированным повествователем. Всезнающий повествователь не дает нам отчета об источниках своих знаний; он описывает внутренние состояния персонажей, пренебрегая тем, что они недоступны внешнему наблюдателю. Он обладает неограниченными возможностями изменения пространственной ориентации, возвращаясь в прошлое и забегая в будущее — свободно перемещаясь вперед и назад по оси времени (ср. в этой связи рассказ Бунина "Легкое дыхание" и классический анализ в Выготский 1968). Прагматически мотивированный повествователь связан — по соображениям правдоподобия — естественными ограничениями во всех этих пунктах.

Это противопоставление имеет смысл преимущественно для экзегетического повествователя. Рассказчик, т. е. повествователь-персонаж, в норме должен быть мотивированным: он либо рассказывает свою собственную историю, либо описывает события, которые он сам наблюдал⁵, и нарушения однозначно воспринимаются как недосмотр автора. Между тем экзегетическому повествователю предоставляется свобода выбора: он может быть и всезнающим и прагматически мотивированным, устанавливая разного рода "загородки" (hedges), типа *должно быть, видимо*, между собой и, якобы ему недоступным, внутренним миром персонажа, ср.

Память его *казалась* священной для Маши. По *крайней мере* она берегла все, что могло его напомнить. (Пушкин. "Метель")

Экзегетический повествователь может занять подчеркнуто внешнюю позицию по отношению к герою и описывать внутренние состояния героя не сами по себе, а через их симптомы, наблюдаемые признаки и т. д. Иными словами, экзегетический повествователь может выступать в роли стороннего наблюдателя (это так называемый протокольный стиль). Часто это прием, имеющий целью затруднить восприятие происхо-

⁵ Ср. комментарий рассказчика на эту тему в "Герое нашего времени": *Но, может быть, вы хотите знать окончание истории Бэлы? Во-первых я пишу не повесть, а путевые записки: следовательно, не могу заставить штабс-капитана рассказывать прежде, нежели он начал рассказывать на самом деле.*

дящего, ср., например, рассказ Хемингуэя "Белые слоны", полный намеков и недоговоренностей, которые читатель должен восполнить.

Другой параметр, различающий повествователей, — определенность морально-эмоциональных установок vs. диалогическая позиция повествователя по отношению к персонажам: автор может не позволять себе никаких прямых комментариев, ср. всезнающего и безличного, объективного повествователя в рассказе Ю. Олеши "Лиомпа".

Еще одно противопоставление — расстояние во времени и в пространстве между повествователем и изображаемым миром. Время рассказа может совпадать или не совпадать со временем развертывания событий (Кожевникова 1994: 19). Синхронный репортаж (хроника, дневник) противопоставляется по этому признаку ретроспективному рассказу о событиях с известным концом; суммарное изложение противопоставляется описанию сцены, кем-то наблюдаемой "изблизии" (Friedman 1955). Так, в "Пиковой даме" в главе 3 в абзаце, который начинается словами *Германн был сын обрусевшего немца*, проходит вся предшествующая жизнь Германна, а каждый из последующих абзацев описывает одну сцену, занимающую несколько минут.

Все противопоставления, кроме первого (является ли повествователь персонажем), носят характер не принципиальный для идентификации повествовательной формы. Позиция — внешняя vs. внутренняя — экзегетического повествователя, степень его мотивированности, степень идеологического вмешательства повествователя (наличие "авторских оценок"), уровень диалогизма и пр. — могут меняться на протяжении одного текста и не являются определяющими для повествовательной формы.

Итак, традиционный нарратив — это повествовательная форма, при которой залогом композиционной целостности текста служит сознание повествователя. Внутри традиционного нарратива различаются перволичное повествование (рассказчик-персонаж) и нарратив 3-го лица (экзегетический повествователь). В нарративе 3-го лица "авторская субъективность" (термин из Кожевникова 1994) не исключена, но ограничена пределами лирических и риторических отступлений. В перволичном нарративе субъективность допускается в основной корпус повествования.

3. Свободный косвенный дискурс

Традиционному нарративу противостоит повествовательная форма, которая получила название свободный косвенный дискурс (СКД, ср. английский термин — *free indirect discourse*). Если в традиционном нарративе аналогом говорящего является повествователь, то в СКД эту роль выполняет персонаж. Персонаж вытесняет повествователя, захватывая эгоцентрические элементы языка в свое распоряжение.

Классическими примерами СКД являются романы Д. Лоуренса, Джойса, Фолкнера, Вирджинии Вульф. Из русской литературы в качестве образца СКД можно взять роман Булгакова "Белая Гвардия", ср.

<...> и молодые Турбины не заметили, как в крепком морозе наступил белый, мохнатый декабрь. О, елочный дед наш, сверкающий снегом и счастьем! Мама, светлая королева, где же ты?

(*наш* — это молодых Турбиных, а не повествователя). Рассказ Чехова "Скрипка Ротшильда" начинается словами:

Городок был маленький, хуже деревни, и жили в нем почти одни только старики, которые умирали так редко, что даже досадно.

Загадка неуместной досады разрешается после того, как выясняется, что ее субъектом является не повествователь, а главный персонаж — гробовщик. См. подробно об СКД в главе 7 и о "Белой гвардии" — в главе 9.

СКД практически невозможен в чистом виде. Определенные позиции всегда сохраняются за повествователем (как правило, экзегетическим). Рассказ Джойса "Эвелин" — классический пример СКД и изобилует оборотами, типичными для данной повествовательной формы (см. Fillmore 1981). Погружение героини в воспоминания о прошлом (*One time there used to be a field there*) не предваряется, как это было бы в традиционном нарративе, эксплицитными ремарками повествователя и не отделено от восприятий в настоящем и от мыслей о будущем. Тем не менее нельзя сказать, что повествователь отсутствует вообще. Ср., например, начало рассказа:

She sat at the window watching the evening invade the avenue. Her head was leaned against the window curtains, and in her nostrils was the odour of dusty cretonne. She was tired.

Связность СКД основана на сложном согласовании голосов разных персонажей друг с другом и с голосом повествователя.

Заметим, что некоторая причастность персонажа к обладанию эгоцентрическими элементами допустима и в рамках аукториальной формы; так, в описаниях — пейзажа, интерьера и проч. — роль наблюдателя часто выполняет персонаж (Кожевникова 1994: 10); персонаж может выносить моральные суждения; отчасти быть дейктическим ориентиром. Традиционный нарратив допускает даже фрагменты, которые идентифицируются как несобственная прямая речь. Однако они должны быть контекстно мотивированы — как внутренний монолог героя, как передача чужой речи и т. д. — и мотивация должна быть эксплицитной.

В целом причисление художественного текста к той или иной повествовательной форме производится с известной долей условности: речь идет о пропорциях. Имеется форма повествования, промежуточная между СКД и традиционным нарративом (представленная, например, поздними рассказами Чехова "Архиерей", "Невеста"), которая получила название персонального стиля, см. Манн 1992.

Если традиционный — третьеличный — нарратив сужает выразительные возможности языка, представляя собой проекцию языка на редуцированную речевую ситуацию, то СКД позволяет автору вернуть некоторые из лингвистических возможностей, утраченных в традиционном нарративе — хотя уже не с повествовательной, а с персональной интерпретацией.

Несобственную прямую речь следует ограничить от того явления, которое естественно назвать цитированием, см. главу 8. В повествова-

тельном тексте о цитировании можно говорить тогда, когда в высказывании, которое в целом делается от лица повествователя, имеются вкрапления, которые должны интерпретироваться через отсылку к персонажу. Ср. пример из Волошинов 1930, с. 128: *Громко засвидетельствовали [поляки] <...> что "пан Митя" предлагал им три тысячи, чтобы купить их честь* (Достоевский. "Братья Карамазовы"); паном Митей называют Дмитрия Карамазова поляки, а не автор; тем самым автор частично цитирует персонажей, а не просто передает содержание их речи. Цитированию посвящена блестящая работа Wierzbicka 1970, из которой мы и заимствовали этот термин. В Кожевникова 1994 это явление рассматривается под рубрикой "несобственно-авторское повествование".

В связи с цитированием следует упомянуть также о понятии сказа. Сказ определяется в Квятковский 1966 как "особая форма авторской речи, проводимая на протяжении всего художественного произведения в духе языка и характера того лица, от имени которого ведется повествование". В соответствии с этим определением, сказ следует рассматривать как доведенное до предела цитирование: формально это речь повествователя, т. е. как бы автора, а по существу автор скрывается за сплошной цитатой. В манере сказа написаны многие рассказы Лескова, например, "Левша". Ср. о сказе Эйхенбаум 1969.

4. Нарратив и лирика. Аналоги слушающего в нарративе

Итак, в ситуации речевого общения есть говорящий и слушающий, причем высказывание интерпретируется слушателем в присутствии говорящего. Между тем художественный текст довольствуется неполноценной коммуникативной ситуацией: с точки зрения читателя она характеризуется отделенностью высказывания от говорящего; с точки зрения автора — отсутствием синхронного адресата. В принципе, есть две возможности преодоления этой коммуникативной неполноценности. В аукториальной форме редуцированной речевой ситуации соответствует редукция выразительных возможностей языка. В лирике неполноценная ситуация как бы достраивается до полноценной. Иными словами, различие между нарративом и лирикой — в том, что лирика "делает вид", что речевая ситуация осталась полноценной (так что все лингвистическое своеобразие языка лирики по сравнению с разговорным может быть сведено к вилке между реальностью и *как бы*), а нарратив более трезво смотрит правде в глаза.

Следует подчеркнуть, что отнесение литературного произведения к тому или иному роду (в данном случае, к лирике или к нарративу) не связано с его формой — прозаической или стихотворной, и хотя лирика тяготеет к стиху, а нарратив — к прозе, возможна эпическая, т. е., так сказать, нарративная, поэзия и лирическая проза; ср. лирические фрагменты в прозе — лирические отступления (например в "Мертвых душах" Гоголя). Лирическое отступление — это такой фрагмент нарративного текста, который предполагает коммуникативную ситуацию лирики, т. е. ситуацию как бы присутствующего адресата. К лирическим примыкают — в этом отноше-

нии — риторические отступления (*Кто при звездах и при луне так поздно едет на коне?* — Пушкин. "Полтава"), которые тоже предполагают адресата — хотя бы этим адресатом был и сам автор.

На первый взгляд кажется, что язык лирики дальше отстоит от разговорного языка, чем более "нормальный" язык нарратива ("именно язык лирики отличается наибольшим своеобразием", Ковтунова 1986: 15). На самом же деле, язык лирики во многих структурных отношениях ближе к разговорному — в нарративе 3-го лица редукция речевой ситуации отражается в соответственной редукции эгоцентрических элементов, а в лирике происходит всего лишь сдвиг интерпретации: побочные, фоновые компоненты семантики эгоцентрических элементов — такие как присутствие говорящего, наблюдаемость — становятся основными.

В принципе, повествователю нарратива соответствует в лирике лирический герой. Между этими двумя фигурами есть, однако, различие. Повествователь в нарративе не обязан присутствовать в мире, порождаемом текстом: его присутствие в этом мире факультативно. В лирике лирический герой обязательно присутствует в том мире, который порождается текстом. Поэтому, между прочим, диегетический мир лирического текста легко отождествляется с реальным; в самом деле, для этого достаточно, чтобы лирический герой стихотворения отождествлялся с его автором.

Однако главное, что противопоставляет нарратив разговорному курсу и лирике, — это адресат. Поскольку лирика имитирует (по Платону) разговорную ситуацию, она, в частности, имитирует и наличие адресата (см. об имитации Винокур 1990а: 137). Если аналог говорящего есть во всех родах литературы — хотя бы в редуцированной роли субъекта сознания, — то с адресатом дело обстоит иначе. Различаются внутренний адресат (один из персонажей текста) и внешний — читатель.

В нарративе в его основном, описательном, корпусе внутренний адресат в норме отсутствует⁶ и появляется только в лирических и риторических отступлениях, причем это внешний адресат. Между тем у лирического текста как правило есть внутренний адресат. Например, он обнаруживается в обращениях (*Чадаев, помнишь ли бывшее?*, ср. анализ обращений в Ковтунова 1986).

В. В. Виноградов пишет по поводу местоименных обозначений в лирике Ахматовой: "В речи, обращенной к "милому" или вообще к хорошо знакомому человеку, тем более в дневнике, который пишется для себя, нет

⁶ Конечно, возможны исключения, ср. *Неужели была какая-либо возможность жизни моей с Ниной <...>? Глупости! Так что же мне было делать, Нина, с тобой, куда было сбыть запас грусти, который исподволь уже накопился от повторения наших как будто беспечных, а на самом деле безнадежных встреч?* (Набоков. "Весна в Фиальте"). Существенно, что местоимение 2-го лица функционирует как приложение (*Нина, с тобой*) — иначе смещение точки зрения и переход Нины из 3-го лица, персонажного, во 2-е, адресатное, сделали бы текст просто непонятным. Персонаж может быть адресатом специально к нему обращенного речевого акта повествователя, например: *Дешевка это, милый Амеросий!* (Булгаков. "Мастер и Маргарита"); *Сдурели вы что ли, Яков Григорьевич?* ("Белая гвардия"). Но это повествовательные фрагменты текста.

необходимости называть все вещи их именами или их описывать, достаточно на многие из них указать, и будет понятно, кому это нужно. А другие (resp. читатели) должны догадываться о смысле таких указаний из последующих (сюда относящихся) намеков" (Виноградов 1976: 445). В самом деле, скажем, в стихотворении "Целый год ты со мной неразлучен..." имеются *я* и *ты*, а также читатель, который не знает того, что знают персонажи *я* и *ты*.

Как мы видим, в лирике 2-е лицо *Вы/ты* может обозначать персонажа диегетического мира, так же как 1-е лицо в нарративе. Тем самым в лирике различается экзегетическое 2-е лицо, читатель — он же внешний адресат, и диегетическое, персонаж — он же внутренний адресат: то разное множество сущностей, которому в нарративе подвергается 1-е лицо, в лирике распространяется и на 2-е.

Виноградов отмечает у Ахматовой игру на неоднозначности, когда нельзя понять, имеется ли в виду внутренний адресат или внешний: "Особенно томительны бывают эмоциональные впечатления от неопределенных указаний тогда, когда стихотворение направлено к «собеседнику», который остается сокрытым до конца. Создается иллюзия, что обращение дано к "непосредственно второму лицу", следовательно, может относиться и к читателю вообще, ко "мне", Виноградов 1976: 447. О коммуникативной ситуации лирики, местоимениях 1-го и 2-го лица и, вообще, о семантике лица в поэзии см. Винокур 1990а: 421, 358.

При переходе от разговорного языка к языку художественной литературы наиболее радикальной трансформации подвергается семантика 2-го лица и всех языковых элементов, которые предполагают 2-е лицо — обращение, повелительное наклонение, вопрос (см. Ковтунова 1986: 62); в лирике недостающие компоненты речевой ситуации "дополняются воображением", а в нарративе (традиционном) — просто отсутствуют.

Следует отметить следующее различие между адресатом и слушающим: слушающий — это такой адресат, который воспринимает сообщение синхронно его созданию. Лирика, в отличие от нарратива, предполагает именно слушающего. См. в этой связи о функциях глагольных времен в главе 4: можно думать, что изменение интерпретации грамматического времени в нарративе по сравнению с разговорным языком связано с отсутствием синхронного адресата — именно поэтому для нарратива базовым временем является прошедшее. Только в жанрах, для которых базовым временем является настоящее, можно естественным образом имитировать спонтанность порождения текста, поскольку здесь требуется восприятие, синхронное порождению. В жанрах, основанных на прош. времени, это приводит к утрате иллюзии реальности, см. об этом в главе 10 в связи с рассказом Набокова "Набор".

Однако 2-е лицо исключено только в нарративе 3-го лица. На базе перволичного повествования возникает изошренная повествовательная форма, использующая 2-е лицо в основном корпусе нарративного текста.

Прежде всего заметим, что форма 2-го лица не обязательно обозначает адресата. А именно, бывает обобщенно-личное употребление местоимений 2-го лица *ты*, *вы*, а также употребление глагола с как бы опущенным

местоимением 2-го лица (как в *Тише едешь — дальше будешь*), когда форма 2-го лица не обозначает адресата. Пешковский (1938: 340) по поводу слов Осипа в "Ревизоре" —

А не хочешь заплатить ему [извозчику] — изволь: у каждого дома есть сквозные ворота, и *ты* так шмыгнешь, что *тебя* никакой дьявол не сыщет —

пишет, что "под словом *ты* разумеется не тот *ты*, который слушает Осипа (да его, кстати, никто и не слушает), а всякий *ты, ты* вообще". В Бульги-на 1990 вводится особая лексема — обобщенно-личное местоимение, которое может иметь два контекстных варианта, нулевой, как в первом примере выше, и ненулевой, как во втором (со сложным правилом распределения). Обобщенно-личное значение 2-го лица противопоставляется обычному, адресатному. Оба эти употребления — обобщенно-личное и адресатное — представлены в нарративе.

Начнем с адресатного употребления. Адресатное употребление 2-го лица в нарративе возможно в контексте лирического или риторического отступления, ср.

Сознайтесь, однако ж, что Максим Максимыч человек достойный уважения? Если *вы* сознаетесь в этом, то я вполне буду вознагражден за свой, может быть, слишком длинный рассказ (Лермонтов. "Бэла").

Употребление 2-го лица в основном корпусе повествования возможно только в контексте особой повествовательной формы. Примером может служить начало рассказа Чехова "Палата № 6":

В больничном дворе стоит небольшой флигель, окруженный целым лесом репейника, крапивы и дикой конопли. <...> Если *вы* не боитесь ожечья о крапиву, то пойдемте по узкой тропинке, ведущей к флигелю, и посмотрим, что делается внутри. Отворив дверь, мы входим в сени. <...> Далее *вы* входите в большую, просторную комнату <...> Воняет кислую капустой, фитильной гарью, клопами и аммиаком, и эта вонь в первую минуту производит на *вас* такое впечатление, как будто *вы* входите в зверинец.

Формы 2-го лица здесь, как и в разговорной речи, обозначают адресата, и отличие от обычной речевой ситуации состоит только в том, что здесь присутствие адресата в описываемой сцене воображаемое. Важнейший компонент семантики этого отрывка — речевой акт, в котором повествователь — обязательно перволичный — побуждает своего читателя представить себя непосредственным участником описываемой ситуации; после этого ситуация описывается через воображаемое участие в ней адресата.

Таким образом, этот текст фиксирует нетипичную для нарратива коммуникативную ситуацию, в которой читатель ангажируется на роль фиктивного участника описываемой сцены; тем самым он оказывается ее наблюдателем. Форму повествования в этом отрывке можно назвать лирической. Это не повествование от 2-го лица, как утверждает Кожевникова 1994: 102, поскольку субъектом речи остается перволичный повествователь. Местоимение 2-го лица обозначает адресата речи — скорее, все-таки, внешнего, поскольку это лицо, вошедшее в больницу и потом пропавшее, трудно назвать персонажем. Как уже было отмечено, лирическая форма характеризуется речевым режимом употребления глагольных форм: базовое время рассказа — настоящее. Ср. дальше в том же рассказе:

В комнате *стоят* кровати, привинченные к полу. На них *сидят* и *лежат* люди в синих больничных халатах <...>. Это сумасшедшие.

Прекрасный образец лирической повествовательной формы – рассказ Ю. Казакова "Свечечка". Ср.:

Мы были с *тобой* одни в нашем большом, светлом и теплом доме. <...> Я вышел на крыльцо поглядеть, нет ли дождя... Дождя не было. Тогда мы с *тобой* оделись потеплее и пошли гулять. Но сначала я хочу сказать *тебе* о *твоей* страсти.

Базовое время рассказа, как показывает последняя фраза приведенного отрывка, настоящее.

Показательно, что внутренним адресатом (т. е. персонажем 2-го лица) в нарративе лирической формы часто бывает ребенок, ср. другой рассказ Казакова "Во сне ты горько плакал", тоже обращенный к ребенку. В самом деле, в таком контексте форма 2-го лица получает естественную мотивировку – человеку рассказывают о событиях, которых он был участником или свидетелем, но смысла которых не понимал. Впрочем, эта мотивировка, конечно, в значительной мере условность: никакого выросшего ребенка в настоящем времени повествователя не предполагается: *ты* в настоящем времени повествователя имеет тот же возраст, что и в текстовом времени рассказа, ср., например: <...> *смехом, который бывает только у таких маленьких как ты детей*.

Та же коммуникативная ситуация – когда один из персонажей является адресатом повествователя – представлена, в развернутом виде, в книге А. Миллна "Винни Пух": Кристофер Робин просит отца рассказать Винни-Пуху историю. "*What sort of stories does he like?*" "*About himself*". В результате, в историях, которые рассказывает отец (первоначальный рассказчик), Винни-Пух оказывается главным героем, а Кристофер Робин выступает как второстепенный персонаж, но зато как адресат рассказчика:

So Winnie-the-Pooh went round to his friend Cristopher Robin <...>. "Good morning, Cristopher Robin", he said. "Good morning, Winnie-the-Pooh", said you.

Существует другой вариант адресатного употребления 2-го лица в нарративе, когда *ты* – это обращение повествователя к самому себе (например, к себе в прошлом), причем повествователь как бы растворяется в адресате. Эта форма действительно может быть названа повествованием от 2-го лица. Известным образцом этой повествовательной формы является роман Мишеля Бютора "La Modification". Ср. повествование от 2-го лица в романе Р. Киреева "Победитель".

Относительно обобщенно-личного значения 2-го лица, Т. В. Булыгина (1990) справедливо отмечает, что обобщенность может в каких-то контекстах пропадать, так что форма 2-го лица часто просто обозначает говорящего. Так, 2-м лицом формы *придешь* в (1), равно как и местоимением 2-го лица *вас* в (2), говорящий попросту обозначает самого себя (примеры из Булыгина 1990):

(1) Тут за день так накувыркаешься! *Придешь* домой – там *ты* сидишь. (Высоцкий);

- (2) О когда б *вы* знали, как тоскуется, Когда *вас* сто раз в теченьи дня На ходу на сходствах ловит улица (Пастернак).

Существенно, однако, что действие обобщенного 2-го лица (*придешь, ловит*) — обязательно повторяющееся: в (1) употреблен глагол сов. вида в "наглядно-примерном" значении; в (2) — несов. вид в многократном. Во фразе *Горько это, сынок, горько, когда нету у тебя отчего дома* (Жаков. "Свечечка") повтор выражен словом *когда*.

Соответственно, в нарративе обобщенно-личное 2-е лицо обозначает повествователя. Ср. отрывок из рассказа Бунина "Антоновские яблоки":

Вспоминается мне урожайный год. На ранней заре, когда еще кричат петухи и по-черному дымятся избы, *распахнешь*, бывало, окно в прохладный сад <...> и не *утерпишь* — *велишь* поскорее заседлывать лошадь, а *сам побежишь* умываться на пруд.

Тем самым этот отрывок идентифицируется как повествование от 1-го лица.

Остается вопрос о семантике обобщенно-личного употребления 2-го лица: если 2-е лицо всего лишь обозначает говорящего / повествователя, то почему не употребить просто 1-е лицо? Очевидно, что обобщенно-личное значение 2-го лица сохраняет связь с адресатным: в семантику этого употребления входит компонент 'я хочу, чтобы ты поставил себя на мое место и представил себе, что все, что я говорю про себя, происходит как бы с тобой самим'. В самом деле, в последней части бунинского рассказа, выдержанной в 1-м лице, этот компонент отсутствует, ср.:

Вот я вижу себя снова в деревне, глубокой осенью. <...> Утром я сажусь в седло и с одной собакой, с ружьем и с рогом уезжаю в поле. <...> Целый день я скитаюсь по пустым равнинам.

Повышенная частота обобщенно-личного употребления 2-го лица составляет характерную черту языковой манеры Бродского. Приведем несколько отрывков из книги "Вспоминая Ахматову. Иосиф Бродский — Соломон Волков. Диалоги". М., 1992:

В результате тенденция эта превратилась в инстинкт, жертвой коего оказываются обстоятельства не только *твоей* собственной жизни, но и чужой;

Вообще есть что-то совершенно потрясающее в первом чтении великого поэта. *Ты* сталкиваешься не просто с интересным содержанием, а прежде всего — с языковой неизбежностью;

Когда регулярно *читаешь* новые стихи, как это делаю я, то видишь, что в значительной степени это подражание;

Поначалу [мы] даже и не собирались, а просто *ты* показывал свои стихи человеку, с чьим мнением считался. И тогда начинался довольно жесткий разговор.

Как показывают эти примеры, в значении формы 2-го лица элемент обобщенности все-таки присутствует: действие, обозначенное глаголом, приписывается, вообще говоря, произвольному лицу, но говорящему — в первую очередь, поскольку это то лицо, которое занимает выделенное место в денотативном пространстве высказывания (аналогично строится мораль в басне: объектом морали — обобщения — является выделенный персонаж повествования, см. Падучева 1984).

5. Типология повествовательных форм

Итак, имеются три повествовательных формы, которые различаются типом повествователя –

1) традиционный нарратив:

а) перволичная форма; повествователь персонифицированный, т. е. рассказчик (он же персонаж); он может быть в 1-м лице (как, например, в пушкинском "Выстреле"), но может иметь также и 3-е, как, например, Максим Максимыч в "Герое нашего времени";

б) aukториальная форма, иначе – нарратив 3-го лица; повествователь экзегетический, не принадлежащий миру текста (как, например, в "Пиковой даме");

2) свободный косвенный дискурс; повествователь – во всем тексте или в существенных его фрагментах – отсутствует или играет пониженную роль в композиции (как, например, в "Белой гвардии").

Выше шла речь также о четвертой форме, лирической, которая может быть представлена как осложнение перволичной формы, состоящее в том, что текст имеет не только повествователя в 1-м лице, но и синхронного адресата-слушателя – во 2-м. Эта форма может быть также названа речевой, поскольку она характеризуется речевым режимом употребления глагольных времен.

Адресатом может быть и сам повествователь, поэтому к лирической (речевой) форме можно отнести также такие формы, как дневник, записки, роман в письмах и под., ср. "Записки сумасшедшего" Гоголя, "Записки из мертвого дома" Достоевского, глава "Княжна Мери" из "Героя нашего времени" и мн. др. с настоящим временем в качестве базового. Показательный образец этого варианта лирической формы – I часть романа Ю. Олеши "Зависть".

Термин "традиционный нарратив" мы будем иногда употреблять также в узком смысле – как синоним aukториальной формы (Г. А. Гуковский использует в применении к перволичной форме термин "старозаветное повествование").

Краткая история развития повествовательных форм дается в Banfield 1982; ср. также Friedman 1955. СКД рассматривается как чисто литературная форма использования языка, которая возникла не ранее XIX века. История развития нарратива характеризуется как постепенное уменьшение роли повествователя – как непрерывное понижение роли прямого комментария в повествовании. В начале XX века тенденция к уменьшению присутствия повествователя становится все более явной.

В литературоведческих исследованиях конца XIX века также начинают появляться рекомендации по поводу желательности изгнания автора из текста, ср. Spielhagen 1883. В 1950 году критик писал: "самое значимое изменение в стиле художественной литературы в наши дни – это исчезно-

вание автора". Генри Джеймс обычно упоминается как писатель, который был одержим идеей элиминирования автора. Его девиз — "Рассказ должен рассказывать себя сам". В предисловиях 1907–1909 годов Генри Джеймс писал о своем намерении поместить действие в сознание одного из героев. Этот вид повествования он противопоставил традиционному, где повествователь рассказывает историю как он ее знает. Генри Джеймс на практике осуществлял принцип, состоящий в том, что рассказ должен быть как бы рассказан одним из персонажей, который, однако, является 3-м лицом.

Еще ранее вдохновенным пропагандистом новой эстетической нормы был Флобер. Его формула — автор должен присутствовать всюду, но нигде не быть виден. Одно из преимуществ такого изображения состоит в том, что автор не должен отодвигаться от изображаемых событий во времени, как этого требовало ретроспективное перволичное повествование.

В исследованиях, посвященных истории нарративных форм в русской литературе, также отмечается уменьшение роли повествователя — на протяжении XIX–XX века: "Путь русской литературы XIX–XX веков — путь от субъективности автора к субъективности персонажа", Кожевникова 1994: 10 (в наших терминах — от традиционного нарратива с субъективным повествователем к СКД). Такой же путь прослеживается и для отдельных авторов — в наиболее очевидной форме это верно для Чехова, см. Чудаков 1971.

6. Повествователь и автор. "Образ читателя"

Вернемся теперь снова к соотношению между повествователем и автором. Проявления повествователя в тексте можно разделить на две части — пространственно-временные и эмоционально-идеологические. Пространственно-временная позиция повествователя практически не связана с автором. Что же касается "субъективных оценок", то какие из них разделяются автором, а какие — вымышлены так же, как и фабула, — это проблема, которая представляет интерес для историка литературы, но не имеет смысла для лингвиста: ее нельзя решить на основе одного только смысла текста, без обращения к биографии писателя, к его жизненному опыту, собственным высказываниям и т. д. Тем более это касается событий вымышленного мира. Никакое исследование текста не дает возможности выяснить, например, является ли цикл рассказов С. Довлатова "Зона" автобиографическим, т. е. был ли автор, действительно, в армейские годы охранником в Мордовских лагерях. Априори можно, конечно, сказать, что "я", который едет на перекладных из Тифлиса, слушает рассказы Максим Максимыча и т. д., не совсем Лермонтов, а повествователь в "Мастере и Маргарите" — совсем не Булгаков; но это сведения не лингвистического характера.

То же самое можно сказать о соотношении между приоритетным созданием текста и его создателем в СКД: вопрос о том, "вживается" ли автор в персонажа или, напротив, дистанцируется от него, так же, как вопрос о совпадении или не совпадении идейных позиций автора и повествователя,

выходит за рамки лингвистического анализа текста. Так, в рассказе Чехова "Невеста" внутренний монолог Нади (*О, если бы поскорее наступила эта новая, ясная жизнь <...>! А такая жизнь рано или поздно настанет!*) не дает, вопреки советским учебникам литературы, оснований считать, что Чехов верил в светлое будущее России.

Из соображений параллелизма можно было бы подумать, что если в рамках литературной коммуникации аналогом говорящего служит не автор, а повествователь, то аналогом слушающего должен быть не сам читатель, а какой-то его представитель. На самом деле, однако, в таком двойном дублировании нет необходимости (см. Toolan 1992): адресатом повествователя в коммуникативной ситуации нарратива является не представитель читателя, а сам читатель.

Фигура читателя возникает в представлении смысла текста всякий раз, когда оказывается, что повествователь не является последней инстанцией в его художественной композиции. Взять, например, текст, где чувствуется ирония автора по отношению к повествователю (как, скажем, в рассказе Окуджавы "Девушка моей мечты", где повествователь в 1-м лице явно вызывает ироническое отношение у автора). Ироническое отношение автора к своему повествователю — это феномен, который можно представить как запланированное автором участие читателя в интерпретации текста. Ср. об образе читателя Арутюнова 1981, Степанов 1984.

Аналогичным образом можно подойти к проблеме ненадежного рассказчика, см. Booth 1961. Известный пример ненадежного рассказчика — в романе Агаты Кристи "Убийство Роджера Акройда", где рассказчик сам оказывается убийцей. Еще раньше этот прием был применен в повести Чехова "Драма на охоте". Ср. в Ingham 1986 о ненадежном рассказчике в рассказе Лескова "Белый орел". Во всех этих случаях задачу выявления скрытого смысла повествования автор возлагает на читателя. Формализация подобной процедуры, однако, едва ли под силу современной лингвистической семантике.

Пушкинский "Станционный смотритель" дает замечательный пример каверзного рассказчика. Скрытая ирония автора по отношению к главному герою осуществляется через посредство рассказчика, который прячется то за одного, то за другого "ограниченного" непосредственного наблюдателя событий (самого Самсона Вырина, мальчика Ваню), так и не посвятив нас в свою собственную их интерпретацию. То, что на самом деле в рассказе речь идет, быть может, не о соблазнении несчастной девушки проезжим гусаром, а о "бесконфликтном счастливом союзе героев" (Жолковский 1992: 104), Пушкин обозначает лишь намеком, который он предоставляет разгадать проницательному читателю.

Апелляцией к читателю должна решаться также проблема ограниченного рассказчика, как Максим Максимыч в "Герое нашего времени" Лермонтова. Впрочем, функцию высмеивания Максим Максимыча частично берет на себя уже рассказчик более высокого ранга — Я; например, после замечания Максим Максимыча об англичанах "да ведь они всегда были отъявленные пьяницы!" говорится:

Я невольно вспомнил об одной московской барыне, которая утверждала, что Байрон ничего больше, как пьяница.

Читатель выступает гарантом связности текста в модернистской литературе (ср. в этой связи "Египетскую марку" Мандельштама, которая в Жолковский 1992: 164 квалифицируется как "один из первых образцов русской сюрреалистической прозы"). См. о роли читателя Мауенова 1974: 441, где по поводу текстов с "нарушением механизма связности" говорится, что в них "необходимо заложено несколько интерпретаций, в деталях зависящих от читателя".

7. Проблемы поэтики, связанные с фигурой говорящего

Имеется целый ряд тем, которые концентрируются вокруг бахтинской идеи диалогизма, с одной стороны, и "образа автора" по Виноградову — с другой; например:

- проблема полифонии, как она была поставлена Бахтиным (1972) на примере романов Достоевского;
- несобственная прямая речь и передача чужой речи (Волошинов 1930);
- точка зрения и роль точки зрения в композиции художественного произведения (Успенский 1970);
- понятие креативной рамки, разрушающей иллюзию реальности (Левин 1990);
- понятие художественного пространства (Гуковский 1959, Лотман 1988);
- присутствие наблюдателя в описании природы, отмеченное, к примеру, в Гаспаров 1990 при анализе пейзажей у Тютчева.

Все эти проблемы обаяны своим существованием одному и тому же обстоятельству, а именно, тому, что в естественном языке текст неотделим от своего создателя, говорящего. Почему это так? Почему автор присутствует в любом литературном произведении с гораздо большей обязательностью, чем, например, в произведении живописи? В работе обсуждаются свойства естественного языка, которые проливают свет на эту проблему.

Одно из наиболее важных в данной связи понятий — это понятие полифонического романа и, вообще, полифонии по Бахтину. Идеи Бахтина оказали большое влияние не только на поэтику, но также и на философию, психологию, эпистемологию во всем мире (см. об этом, например, Morson, Emerson 1990). Бахтинский подход к явлениям лучше всего суммируется термином диалогизм (который, впрочем, сам Бахтин никогда не использовал), см. Holquist 1990. Первостепенным для Бахтина является противопоставление Я и ДРУГОЙ, и отношение между этими двумя субъектами есть, разумеется, диалог.

Среди различных видов диалогических отношений Бахтина как литературоведа интересовало отношение между автором и персонажами в художественном тексте, прежде всего, в романе. Отсюда и ведет свое начало понятие полифонии. Полифония, т. е. многоголосие, возникает тогда, когда

в одном повествовании мы слышим совместное звучание нескольких голосов, т. е. когда в романе или рассказе различается несколько говорящих субъектов — каждый со своей идеологической позицией, со своим языком, восприятиями, предрассудками, фоновыми знаниями и т. д. Автор при этом оказывается всего лишь одним из таких субъектов.

Статус авторского голоса у разных авторов различен. Бахтин сравнивает романы Достоевского и Толстого: в романе Достоевского голос автора всегда составляет лишь одну из партий в диалоге, тогда как Толстой занимает позицию всеведущего судьи, однозначно расставляя оценки людям и событиям (о прославлении инстинктивных сил и интуитивного начала в жизни у Толстого см. Pomorska 1982). Таким образом, диалогический статус автора противопоставлен тоталитарному.

Что Бахтину нужно было в качестве поддержки, так это лингвистическая теория диалога, теория использования языка говорящими; однако в 30-е годы, к которым относится большая часть работ Бахтина, такой теории еще не существовало⁷. Бахтин бросает справедливый упрек современной ему лингвистике в том, что она не дает ответов на самые кардинальные вопросы, касающиеся соотношения между предложением и высказыванием, а также отношения высказывания к говорящему субъекту. Бахтин говорит о том, что отсутствие теории высказывания как единицы коммуникации ведет к непониманию различий между предложением и высказыванием и к их смешению. "Очень многие лингвисты и лингвистические направления <...> находятся в плену такого смешения, и то, что они изучают как предложение, есть, в сущности, какой-то *гибрид* предложения (единицы языка) и высказывания (единицы речевого общения)", Бахтин 1979: 253. И далее: "Там, где предложение фигурирует как целое высказывание, оно как бы вставлено в оправу из материала совсем иной природы"; "Только высказывание имеет непосредственное отношение к действительности и к живому говорящему человеку (субъекту). В языке только потенциальные возможности (схемы) этих отношений" (с. 301).

Все эти положения бахтинской концепции языка стали аксиомами для современной лингвистики, но только недавно — не раньше конца 70-х годов. Лингвистика, современная Бахтину, не принимала всерьез язык как средство коммуникации: для структурной лингвистики все за пределами предложения было экстралингвистическим по определению. Потребовалось основательное проникновение в коммуникативные аспекты языка для того, чтобы обратиться к языку художественной литературы, т. е. к области, где коммуникация на первый взгляд вообще не имеет места, а на самом деле принимает усложненные формы.

Современная лингвистика, обогащенная теорией речевых актов, теорией референции и, вообще, прагматикой, разработавшей эффективные средства анализа экспрессии в языке, может дать обоснованный ответ на вызов Бахтина. Лингвистическая прагматика представляет собой сейчас

⁷ Точнее будет сказать, что именно в это время такая теория только начинала рождаться. В числе предшественников современной прагматики следует назвать Гардинера (Gardiner 1932), Бюлера (Bühler 1934) и Балли (Bally 1932/1955).

зрелую область лингвистики с большим арсеналом фактов и достаточно глубоким пониманием законов, лежащих в основе поведения говорящих в коммуникации.

Тем самым для лингвистики настала пора, когда она может уже больше не ограничиваться разговорным языком, т. е. языком как средством общения. Лингвистическая семантика видит сейчас свою задачу в разработке правил интерпретации для любых видов текстов. Задача лингвистики (как она была однажды сформулирована Хомским) — "имитировать" языковую компетенцию носителя языка, его способность порождать (и, мы добавим, понимать) любые виды текстов, не только тексты разговорного языка, но и литературные тексты, со всеми художественными приемами, которые могут в них использоваться. Единственное ограничение состоит в том, что лингвистическая семантика ограничивается теми знаниями, которыми носитель языка обладает в своем качестве носителя языка. Экстралингвистические знания, которые сплошь и рядом оказываются существенны для понимания замысла автора, — интертекстовые аллюзии и проч. — не то же самое, что знание языка.

Итак, современная лингвистика, справившись с проблемами разговорного языка, готова сейчас участвовать в изучении нарратива, в частности, повествовательных форм.

Разумеется, вовсе не все свойства художественного текста выводимы из специфической для него речевой ситуации, отделяющей автора от его высказывания, и эти свойства остаются за рамками настоящего изложения. Ср., например, повышенную метафоричность или намеренную многозначность, т. е. неединственность интерпретации на собственно языковом уровне. Р. О. Якобсон (Jakobson 1960/1975) квалифицирует намеренно неоднозначный текст как сообщение, ориентированное на сообщение. В самом деле, для разговорного языка неоднозначность носит, скорее, характер отклонения (если не считать каламбуров, см., например, Падучева 1982в). Для художественного текста это норма: художественный текст по самому замыслу должен иметь несколько уровней осмысления (см. в Выготский 1968: 209–246 о множественности интерпретаций, характеризующей шекспировского "Гамлета"). Все эти аспекты литературного текста не являются предметом нашего внимания в данной работе.

* * *

Структуре нарратива посвящена большая литература. Однако в основном это исследования с литературоведческой ориентацией (см. Genette 1980, Chatman 1978, Toolan 1992), тогда как нас интересует лингвистика. С другой стороны, появившиеся в последние годы основательные труды по лингвистике нарратива (Banfield 1982, Ehrlich 1990) не используют русского материала. Тем самым область, представленная такими неповторимыми фигурами как Булгаков или Вен. Ерофеев, остается нетронутой, и даже нарративные инновации Набокова не описаны последовательно с лингвистической точки зрения.

Общий план изложения характеризуется лингвистической направленностью работы. В центре внимания находится понятие повествовательной

формы: наша задача – охарактеризовать каждую из форм и очертить тот круг языковых явлений, которые являются решающими для отнесения текста к той или иной форме.

Ниже в главе 2 вводятся общелингвистические понятия из области прагматики, теории речевых актов, теории референции, образующие необходимый концептуальный аппарат исследования. Вводится понятие канонической речевой ситуации, которое составляет базу для определения понятий говорящего и слушающего. В последующих главах рассматриваются те явления естественного языка, интерпретация которых зависит кардинальным образом от типа коммуникативной ситуации. Это дейксис, в том числе временной дейксис, и субъективная модальность. Обсуждается явление вводности, которое играет основополагающую роль при анализе несобственной прямой речи. Намечается классификация эгоцентрических элементов, позволяющая предсказать возможность их употребления и интерпретацию в разных повествовательных формах. План изложения во всех главах с 3 по 8 примерно одинаков: то или иное явление естественного языка рассматривается вначале в канонической речевой ситуации, т. е. в разговорном языке, а затем обсуждается вопрос о том, как меняется его интерпретация в разных повествовательных формах в соответствии с параметрами каждой из них. Главы 9–11 – это иллюстрации, т. е. примеры использования введенных понятий при анализе литературных текстов.

Глава 2

СЕМАНТИКА. ПРАГМАТИКА. РЕФЕРЕНЦИЯ

1. Предмет и границы прагматики

Лингвистические дисциплины, которых не хватало Бахтину (см. главу 1, раздел 7), в основном, укладываются в рамки нынешней лингвистической прагматики. Впрочем, границу между прагматикой и семантикой в лингвистике провести трудно и, возможно, необязательно. Здесь нет нужды подробно входить в историю формирования прагматики как научной дисциплины (см. Булыгина 1981) и в полемику относительно границ прагматики и ее задач. Важно то, что на определенном этапе развития лингвистики внимание было привлечено к "человеческому фактору" в языке, и предметом рассмотрения оказались проблемы, которые раньше были вне поля зрения лингвистов, еще остававшихся в рамках сосюрровского понимания структуры языка.

Прагматика, с ее новыми стимулами и перспективами, как это ни парадоксально, пришла в лингвистику из логики. Вообще, развитие лингвистической семантики, по крайней мере поначалу, в существенной степени опиралось на семантику в логике, а именно — на знаменитое деление Чарльза Морриса: язык — это семиотическая система, и, следовательно, в нем есть синтаксис, семантика и прагматика. Синтаксис — отношение между знаками; семантика — отношение знаков к реальности; прагматика — отношение знаков к их пользователям, прежде всего, — к говорящему. Именно таким обходным путем, через логику и семиотику, говорящий пробил себе дорогу на свое законное место в лингвистике.

Прагматика изучает значение в его отношении к речевой ситуации (т. е. к говорящему и слушающему, их целям, фоновым знаниям и под.) и к ее контексту. Объектом прагматики являются прагматические значения — разного рода пропозициональные установки говорящих — исходные допущения, намерения, мнения, эмоции и проч. Согласно формулировке из Leech 1983, семантика изучает значение как бинарное отношение между

знаком и значением, а прагматика изучает тернарное отношение: третий член — говорящий.

В первых работах по лингвистической прагматике речь шла об "автономной прагматике" (Sadock 1977, Gazdar 1979 и др.), т. е. о прагматике, которая бы "прикладывалась" к функционально-истинностной семантике, например, к грамматике Монтегю, см. Partee 1976. Однако сам логический подход к семантике, при всей привлекательной четкости в постановке задачи, вызывает большие сомнения. В семантике слова могут быть разные компоненты, одни — сводимые к условиям истинности, семантические, другие — несводимые, прагматические. И нельзя одни компоненты значения языкового элемента, предположительно чисто денотативные, выразимые через условия истинности, изучать в одной науке, скажем, в семантике, а другие, прагматические, субъективные, экспрессивные, "установочные", — в другой, прагматике. Достаточно взять в качестве примера русские союзы А, И, НО, значение которых включает один, общий для них всех, компонент, выразимый с помощью условия истинности (логическую конъюнкцию), и много других, отличающих один союз от другого, которые имеют прагматический характер, т. е. формулируются как ожидания и др. эпистемические состояния говорящих, см. Левин 1970, Крейдлин, Падучева 1974. Осмысленное описание семантики союза должно содержать все компоненты значения в одном месте. То же относится к кванторным словам типа *всякий*, *любой* и ко многим другим.

Для логика семантика — это отношение между знаками и внешним миром. Однако значение слов и конструкций естественного языка не может быть сведено к отношению между языком и миром. Значение в естественном языке антропоцентрично, т. е. отражает общие свойства человеческой природы; более того, оно этноцентрично, т. е. ориентировано на данный этнос (Wierzbicka 1991: 16). Нельзя на естественном языке описать "мир как он есть": язык изначально задает своим носителям определенную картину мира, причем каждый данный язык — свою. Короче, говорящий возникает в качестве "третьего члена отношения" там, где его никто не ожидал.

Языковые значения прагматичны в принципе: с человеком, с речевой ситуацией связаны в языке не какие-нибудь особо выделенные экспрессивные элементы, а вообще значение подавляющего большинства слов и грамматических единиц. Заведомо связана с прагматикой и референция: в естественных языках нет кванторов или референциальных операторов, как в логических; есть слова типа *какой-то*, *кое-какой*, *некоторый*, *некто* — с массой прагматических компонентов, таких как известность / неизвестность говорящему; среднее, с точки зрения говорящего, число или количество (ср. *некоторое недовольство* = 'не большое и не маленькое'; *кое-какие данные* = 'данные в среднем количестве'). Следовательно, отношением языка к пользователю нельзя пренебречь даже в самом грубом приближении. Значения, выразимые через условия истинности, неразрывно связаны в естественных языках с прагматическими значениями. Таким образом, граница между семантикой и прагматикой размывается.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что стирается не только граница между семантикой и прагматикой, но и граница между семантикой и синтаксисом. В концепции Анны Вежбицкой (Wierzbicka 1988, 1991) автономность синтаксиса от семантики отвергается, поскольку синтаксис семантичен: имеется единая семантика, которую можно разделить только на такие части, которые предопределены структурой самого языка. В языке есть слова, грамматика (синтаксис и морфология), а также разного рода "иллокутивные показатели" — просодия, интонация, порядок слов и под. И то и другое и третье имеет свою семантику. Таким образом, части, на которые можно разделить задачу описания семантики языка, — это лексическая семантика; семантика грамматики (или, в терминах Морриса, синтаксиса) и семантика прагматики, или просто прагматика. Единство семантики, по Вежбицкой, обеспечивается семантическим метаязыком, который един во всех областях семантики, от лексики до прагматики.

Впрочем, на практике Вежбицкая проводит водораздел между лексикой и грамматикой не совсем так, как между ними обеими и прагматикой. Границу между грамматическими и лексическими значениями определяет различие в способе выражения значения, т. е. эта граница проводится на формальной основе (в самом деле, лексические и грамматические значения ничем не отличаются друг от друга по существу: они описываются с помощью одного и того же семантического метаязыка, и разница только в том, что одни значения передаются словами, а другие — формами слов, конструкциями, возможно, также порядком слов или интонацией, см. Weinreich 1963/1970). Между тем границы прагматики, как она понимается в Wierzbicka 1991, очерчиваются не по формальному критерию, а именно на основании характера значения: в компетенцию прагматики попадают те языковые элементы, у которых установочные компоненты (субъективные, экспрессивные и проч.) доминируют над денотативными, сводимыми к условиям истинности и не требующими апелляции к говорящему.

Следуя Вежбицкой, мы будем относить к лингвистической прагматике просто некоторую область семантики, а именно, ту, которая изучает языковые элементы, ориентированные на речевое взаимодействие; иначе говоря, элементы, в семантике которых отсылка к говорящему играет ключевую роль.

Можно думать, что у прагматических значений есть, помимо указанного, более определенное общее свойство, а именно, их коммуникативный статус: прагматические компоненты не сообщаются, т. е. не имеют утвердительного статуса; они либо выражаются (будучи эмоциями говорящего), либо носят характер презумпции, фонового знания и под. Эта апелляция к коммуникативному статусу прагматического компонента, возможно, объяснит общие особенности языкового поведения единиц с прагматической окраской (например, то, что они не составляют сферы действия отрицания и многих других операторов¹). Ведь недаром первичным

¹ Нельзя возразить на высказывание со словом *почти*, например, *Ты ее почти прочел*, сказав *Не почти!* Надо сказать *Хорошенькое "почти"!* или как-то еще.

способом выражения для прагматических значений служат "ошметки" языка — просодия, интонация, частицы, диминутивные морфемы и проч. Иллокутивные конструкции (типа *Would you open the window!*) составлены из такой же "мелкой сволочи". Прагматическое значение, по определению, "добавочное" к чему-то: оно не может само по себе составить содержание высказывания (если, конечно, не считать "Ох!" или "Ах!" высказываниями)².

В книге Leech 1983 различается три подхода к прагматике —

- комплементаристский, предполагающий автономную прагматику, которая дополняет семантику (Моррис);
- прагматический, когда семантика погружается в прагматику, т. е. значение сводится к правилам употребления (Витгенштейн);
- семантический, когда прагматика является частью семантики.

Мы, следуя за Вежбицкой, ориентируемся на этот последний.

Вежбицка во многом справедливо критикует комплементаристскую позицию в лингвистической прагматике; в частности, в рамках этого подхода иллокутивные функции высказываний — такие как просьба или обещание — должны рассматриваться в прагматике, а значение слов, таких как *просить*, *обещать*, — в семантике, как если бы эти задачи не имели ничего общего между собой, в то время как на самом деле, считает Вежбицкая, просьба и обещание — это всего лишь функция глаголов *просить* и *обещать*. Уместно, однако, отметить, что в коммуникативном плане семантика иллокутивных актов просьбы и обещания отлична от семантики глаголов *просить* и *обещать* соответственно.

Представление о предмете прагматики можно получить из перечня тем, обсуждаемых в книге Вежбицкой "Cross-cultural pragmatics" (Wierzbicka 1991): это речевые акты и речевые жанры; иллокутивные функции; речевые стратегии (например, ответы на комплименты); экспрессивы (например, междометия; экспрессивная редупликация, как в итальянском *bella bella*); семантика предложений тавтологического тождества (типа *Boys will be boys*). Субъективно-экспрессивные частицы типа *около*, *вокруг*, *почти*, *приблизительно* тоже попадают в сферу прагматики — очевидно потому, что все их значение сводится к пресуппозициям и разного рода фоновым компонентам; т. е. оно неутвердительно. Так, предложения (а) и (б) имеют одинаковые условия истинности и различаются только установочными компонентами (пресуппозициями), к которым сводится все значение частиц *всего* и *целый* — каковые могли бы быть отнесены к прагматике и с

² Таким образом, при всей правомерности акцента на сходствах между разными видами значения (грамматическим, лексическим, прагматическим), не следует забывать и о различиях. Так, между лексическим и грамматическим значением, хотя бы и описанными на одном семантическом метаязыке, есть разница: согласно известному определению (сформулированному Боасом — Якобсоном, см. Якобсон 1985: 231), грамматические значения выражаются, при определенных условиях, обязательно. И это формальное обстоятельство накладывает определенный отпечаток на само существо грамматического значения: грамматические значения в какой-то степени стерты. "Ингерентная" добавочность есть и у прагматического значения, ср. Апресян 1985а.

позиций функционально-истинностной семантики (см. о *всего* и *целый* Вежбицка 1968):

- (а) Остался всего час;
- (б) Остался целый час.

Определенное поприще для автономной прагматики, т. е. для науки комплементарной по отношению к семантике, все-таки остается. Семантика изучает значение, выражаемое в каждом данном языке конвенциональным образом, т. е. с помощью, вообще говоря, немотивированных языковых знаков. В дискурсе, в контексте ситуации, сказанное обростает, однако, прагматически обусловленными семантическими приращениями (импликатурами дискурса), которые возникают по законам, не зависящим от языка. Одной из задач такой прагматики можно считать формализацию вывода дискурсивных импликатур, вытекающих из прямого смысла высказывания в силу постулатов речевого общения по Грайсу (Грайс 1985), см. ниже раздел 4. Этой теме посвящены монографии Leech 1983, Gazdar 1979 и др.

Остановимся теперь более подробно на тех разделах лингвистической прагматики, которые имеют непосредственное отношение к нашей теме. Это речевые акты и иллокутивные функции; пресуппозиции в их отношении к другим видам неассертивных компонентов, в том числе импликатурам по Грайсу; и дейксис, т. е. прагматика референции. В связи с проблематикой референции мы коснемся классической проблемы философской логики (которая связана с понятием точки зрения, обсуждавшимся в главе 1) — референции в неэкстенциональном контексте.

2. Речевые акты, иллокутивные функции

Итак, Бахтин принимал за очевидность, что лингвисты упускают нечто первостепенное в языке, поскольку изучают предложение, вырванное из контекста, т. е. игнорируют высказывание, в составе которого оно было употреблено. В современной лингвистике этот пробел восполнен: один из главных разделов лингвистической прагматики — это так наз. теория речевых актов, которая изучает высказывание с точки зрения его иллокутивной функции.

Теория речевых актов, связана в первую очередь, с именем философа Оксфордской школы Дж. Остина (Austin 1962), который впервые привлек внимание к тому, что произнесение высказывания может представлять собой не только сообщение информации, но и многие другие действия. В процессе общения люди не просто произносят предложения, а используют эти предложения для совершения таких действий, как просьба, совет, вопрос, приказание, предупреждение, обещание, выражение благодарности и т. д. Все это — речевые действия, или речевые акты. В речевых актах используются предложения; но предложение и речевой акт — это сущности совершенно различной природы.

Начало теории речевых актов положили обнаруженные Остином перформативные предложения. Перформативное предложение —

это предложение, повествовательное по своей структуре, но обладающее тем замечательным свойством, что высказывание, в составе которого оно употреблено, не описывает соответствующее действие, а равносильно самому осуществлению этого действия. Так, высказывание *Обещаю тебе прийти в два* есть уже обещание; высказывание *Прошу вас прийти пораньше* есть уже просьба; *Советую вам обратиться к врачу* — это совет; ср. также *Объявляю перерыв; Благодарю за внимание; Поздравляю вас с Новым годом; Желаю вам счастливо доехать; Прошу прощения.*

Перформативность, т. е. способность к перформативному употреблению, — это специфическое свойство некоторых глаголов. Например, *обещать, благодарить* — перформативные глаголы, а *хотеть, сожалеть* — нет: высказывание *Сожалею, что не смог вас известить* не является истинным в силу одного лишь факта своего произнесения. См. о перформативных глаголах в русском языке Апресян 1986б.

Для всякого перформативного глагола возможно, помимо перформативного, и обычное — описательное — употребление, ср. *Обещаю прийти* и *Обещал прийти*. Обычно перформативное употребление допускают такие предложения, в которых перформативный глагол стоит в 1-м лице наст. времени изъявительного наклонения (*Советую вам; Просим Вас; Я обещаю*). Впрочем, в определенном контексте перформативный глагол может иметь перформативное употребление и не будучи в 1-м лице, ср. *Пассажиры просят пройти на посадку в 3-ю секцию; Пассажиры приглашаются в салон.*

Делая высказывание (совершая речевой акт), говорящий осуществляет (одновременно) два действия: собственно произнесение высказывания, локутивный акт; и иллокутивный акт, например, выражение утверждения, обещания, просьбы, благодарности; давание совета, приказа; задавание вопроса — вообще, реализация коммуникативного намерения говорящего.

Согласно Остину, высказывание может быть предназначено, кроме того, для осуществления того или иного воздействия на слушателя (например, может иметь целью привести его в замешательство, оскорбить, напугать), т. е. иметь перлокутивный аспект. Критерий здесь тот, что содержание иллокутивного акта может быть вербально эксплицировано: иллокутивному акту соответствует перформативный глагол. Между тем для перлокутивного аспекта намерения говорящего нет соответствующего перформативного глагола. В самом деле, высказывания *Я убеждаю тебя, Я угрожаю тебе* или *Я оскорбляю тебя* не будут актами, соответственно, убеждения, угрозы, оскорбления: это не такие действия, которые можно осуществить одним лишь произнесением высказывания с соответствующим глаголом. В лингвистических работах перлокутивный аспект высказывания стал со временем рассматриваться как частный случай иллокутивного.

Главным предметом исследования в теории речевых актов является иллокутивная функция (*illocutionary force*), или иллокутивный тип высказывания.

Каждый иллокутивный тип характеризуется условиями, выполнение которых необходимо для успешного осуществления данного речевого акта — это условия успешности речевого акта (Searle 1969).

Условия успешности речевого акта играют по отношению к перформативному предложению такую же роль, какую для обычного предложения играют условия истинности: выполнения условий успешности достаточно, чтобы перформативное высказывание было успешным, т. е. чтобы говорящий осуществил свое действие, как выполнения условий истинности достаточно, чтобы высказывание было истинным.

Условия успешности речевого акта — это компоненты семантического разложения соответствующего глагола с актантами говорящим и слушающим (Lakoff 1975: 261).

Вежбицкая различает в семантическом разложении иллокутивной функции два типа компонентов — диктум и иллокутивную цель. Например, для речевого акта предупреждения, как в высказывании *Ружье заряжено!*, диктум имеет вид: 'Я говорю: Ружье заряжено'; а иллокутивных целей две:

- 1) Я хочу сделать так, чтобы ты знал, что ружье заряжено;
- 2) Я хочу, чтобы ты был в состоянии сделать так, чтобы нечто плохое, что могло бы с тобой произойти, не произошло.

То же предложение может быть использовано в речевом акте угрозы; в этом случае первый компонент иллокутивного намерения остается, а второй меняется.

Как видно из приведенной выше формулировки различия между иллокуцией и перлокуцией, наличие перформативного глагола служило для Остина (и для Серля) существенным моментом при доказательстве существования того или иного иллокутивного типа. Остиновская классификация иллокутивных функций — это на самом деле классификация глаголов речи. А именно, Остин выделил следующие классы иллокутивных глаголов (см. Austin 1962, p. 150):

I. Вердиктивы (такие, как *характеризовать, понимать как, описывать, интерпретировать*) "выносят вердикт по поводу факта или оценки, относительно которых по тем или иным причинам трудно иметь уверенность".

II. Экзерситивы (такие, как *назначать, голосовать, приказывать, советовать, предупреждать*) являются "проявлениями власти, влияния".

III. Комиссивы, типа *приглашать, обещать, предлагать* <напр., *руку и сердце*>, *гарантировать, клясться* обязывают говорящего к совершению того или иного действия.

IV. Бехабитивы (например, *извиняться, поздравлять, приветствовать, протестовать*) — это акты социального поведения.

V. Экспозитивы (такие, как *отвечать, допускать, отрицать, спрашивать, соглашаться*) включают высказывание в ход разговора или аргументации.

Сближение иллокутивных функций речевых актов с иллокутивными глаголами вызывало возражения; так, Лич (Leech 1983: 175) назвал такое

сближение "иллокутивным заблуждением" (illocutionary fallacy), частным случаем которого является "перформативное заблуждение" — предположение о том, что иллокутивный аспект высказывания можно выразить с помощью перформативной приставки в духе перформативной гипотезы (Ross 1970). По мнению Лича, иллокутивные функции реальных высказываний гораздо более подвижны, вариабельны и менее определены, чем значения соответствующих глаголов. Нам представляется, однако, что в сближении иллокутивных функций с глаголами речи нет никакой ошибки. Дело в том, что если различие между двумя иллокутивными актами столь мало, что его нельзя выразить в эксплицитных и дискретных терминах с помощью глаголов речи, то это различие лингвистически нерелевантно: когда мы сообщаем о совершенном речевом действии, у нас нет другого выбора, кроме как использовать для его обозначения какой-то из имеющихся глаголов — *Он мне угрожал; Она его предупредила*, и т. д.

Реальная трудность состоит в другом — далеко не для всех речевых актов можно подобрать соответствующий перформативный (и даже просто иллокутивный) глагол. Например, не существует глагола, который бы адекватно выражал иллокутивную функцию восклицательных предложений, типа *Какой красивый у вас пояс!* Нет перформативных глаголов, соответствующих косвенным речевым актам, как в известном *Вы не могли бы передать соль?* (Searle 1975).

Выход из этого затруднения был предложен в Wierzbicka 1980: иллокутивная функция высказывания — даже в том случае, если для нее есть соответствующий глагол, — разложима на элементарные семантические компоненты (как это было продемонстрировано выше на примере предупреждения). А из таких элементарных компонентов можно уже "собрать", вообще говоря, смысл любого иллокутивного показателя.

В самом деле, иллокутивная функция — это сложная семантическая структура. Иногда для нее есть соответствующий перформативный глагол, в других случаях единого глагола нет; но всегда можно представить разложение иллокутивной функции на отдельные семантические компоненты, выражающие допущения, намерения, мысли, желания говорящего, совершающего данный речевой акт. Т. е. иллокутивная функция всегда может быть эксплицирована.

В качестве примера можно привести данную Вежбицкой экспликацию иллокутивной функции весьма продуктивной в английском языке синтаксической модели, которая получила название *whimperative*, поскольку является своего рода гибридом *wh*-вопроса и императива; так, конструкция *Will you do X?* (например, *Will you pass the salt?*) толкуется следующим образом:

Will you do X? =

- (a) I say: I want you to do X
- (b) I say this because I want you to do it
- (c) I don't know if you will do it
- (d) I want you to say if you will do it.

Важная иллокутивная функция, не имеющая перформативного аналога, — неуверенное утверждение. Это функция высказывания, в

котором говорящий ищет у собеседника подтверждения своей гипотезе, см. Mittwoch 1976. По форме предложение вопросительное, однако ряд ограничений, соответствующих обычному вопросу, здесь нарушается, что и отличает неуверенное утверждение от обычного вопроса. Так, в настоящем вопросе из двух частиц, *-то* и *-нибудь*, возможно только *-нибудь*, а неуверенное утверждение допускает и *-то*, см. пример (1); в настоящем вопросе недопустимы вводные слова типа *возможно, к счастью*; а в неуверенном утверждении они допустимы:

- (1) а. Разве он захватил *какие-нибудь* документы?
б. Неужели он захватил *какие-то* документы?
- (2) а. *Он, *возможно*, знает об этом или нет?
б. Он, *возможно*, знает об этом?

Итак, от идеи о том, что каждой иллокутивной функции соответствует перформативный глагол, который адекватно выражает эту функцию, пришлось отказаться. Например, в число иллокутивных функций входит угроза, которая отличается от обещания наличием у говорящего злой воли, ср. *Ты еще за это заплатишься!* Но глагол *угрожать* неспособен к перформативному употреблению: нельзя сказать *Я угрожаю тебе казнью*, и этим осуществить действие "угроза" — при том, что тот же глагол может быть использован при передаче содержания разговора, т. е. в контексте субъекта 3-го лица, ср. *уверявал не сопротивляться, угрожая казнью в противном случае* (Пушкин. "Капитанская дочка").

Обосновать семантически, почему одни глаголы допускают перформативное употребление, а другие — нет, не так просто. Разложения иллокутивной функции "угроза" на компоненты (в духе Wierzbicka 1987a) недостаточно, чтобы объяснить, почему из этих компонентов составляется описание речевого действия от 3-го лица в прошлом, но не от 1-го в настоящем.

Перформативное употребление невозможно для глаголов *хвастаться, упрекать, намекать, осадить, срезать*. Объяснение Вендлера, впервые обратившего внимание на эту группу глаголов речи, состоит в том, что перформативное употребление такого глагола было бы равносильно "иллокутивному самоубийству" говорящего (Vendler 1976). Это объяснение годится для *намекать*: смысл глагола в том, что желание говорящего сообщить о чем-то должно быть скрыто. Но для остальных глаголов пригодность этого объяснения не столь очевидна.

В рамках семантического подхода к прагматике легко решаются трудные проблемы представления смысла предложений с ингерентной однозначно выраженной иллокутивной функцией — таких как англ. *Why don't you be quiet*, синтаксическая формула которых служит идиоматическим средством выражения порицания и не лезет ни в какие грамматические ворота. Аналогично для восклицательных предложений, типа *Что за женщина! Какой же я был дурак!*; для риторических вопросов (*И какой же русский не любит быстрой езды*). В рамках этого подхода легко решается проблема корреляции между лексико-синтаксической структурой предло-

жения и ее иллокутивной функцией (неразрешимая для комплементаристской прагматики, см. Gazdar 1979, p. X)³.

Трудность для семантического подхода составляют, однако, самые обычные предложения — именно в силу того, что их иллокутивная функция неоднозначна. Так (пример из Wierzbicka 1980: 291), предложение *Ружье заряжено!* может быть употреблено в высказывании с иллокутивной функцией 'Сообщаю тебе'; 'Предупреждаю тебя'; 'Я утверждаю'; 'Я заметил' и т. д. Выход, как кажется, состоит в том, чтобы проводить более четкую границу между предложением и высказыванием. Высказывание имеет иллокутивную функцию; предложение — всего лишь иллокутивный потенциал, совместимый с более или менее широким спектром конкретных функций.

Возможны следующие два крайних типа иллокутивных соотношений между предложением и высказыванием.

СЛУЧАЙ 1. Предложение само по себе несет полную информацию об иллокутивной функции, с которой оно может быть употреблено в высказывании (как *Why don't you be quiet?* или *Какой красивый у вас пояс!*); т. е. это случай, когда предложение не только имеет определенное пропозициональное содержание (что обязательно для предложения), но и однозначно заданную иллокутивную функцию (чего большинство предложений не имеет).

СЛУЧАЙ 2. Предложение не несет однозначной информации о своей иллокутивной функции в высказывании, как *Ружье заряжено*. Любое предложение характеризуется, однако, определенным иллокутивным потенциалом. Иллокутивный потенциал задается глагольным наклонением. Наклонение может фиксировать один из семантических компонентов иллокутивной функции, оставляя остальные неопределенными. В высказывании иллокутивный потенциал дистраивается до полной иллокутивной функции, т. е. к исходному компоненту добавляются другие (если предложение употреблено не в качестве самостоятельного высказывания, а в подчиненной позиции, иллокутивный компонент в значении наклонения подавляется).

Приведем два примера соотношения между иллокутивным потенциалом, входящим в смысл предложения, и иллокутивными функциями, которые может выполнять это предложение, будучи употреблено в высказывании.

(а) Предложение с глаголом в индикативе (например, *Иван зарядил ружье*) имеет неопределенный иллокутивный потенциал, который может быть представлен одним только диктальным компонентом: 'Я говорю: Иван зарядил ружье'. Если в высказывании это предложение используется с иллокутивной функцией предостережения, то в семантическом представ-

³ В рассказе Чехова "Ионыч" среди многочисленных плоских остров, сводящихся к языковой игре, обыгрываются сочетания *Здравствуйте, пожалуйста!* и *Прощайте, пожалуйста!*, неправильность которых состоит в том, что *пожалуйста* сочетается с иллокутивным показателем просьбы, а *здравствуйте, прощайте*, будучи по форме, однако, императивом, этой функции выполнять не могут.

лении этого высказывания (уже не предложения) фигурируют такие компоненты, как 'Я хочу, чтобы ты это знал', 'Я хочу, чтобы ты сделал так, чтобы нечто плохое, что тебе грозит, не произошло' и проч., см. Wierzbicka 1980: 296.

(б) Предложение с глаголом в императиве, например, *Go home!*, может быть использовано для совершения нескольких различных речевых действий — таких как приказ, просьба, мольба, совет, предложение, разрешение⁴. Вообще говоря, эти иллокутивные функции не имеют общих семантических компонентов в толковании. Например, компонент 'Я хочу, чтобы ты шел домой', который входит в толкование просьбы и приказа, не участвует в толковании совета, предложения, разрешения. Вежицка (в Wierzbicka 1991: 200) постулирует в семантике императива инвариантный компонент 'Я говорю: Я хочу, чтобы ты шел домой'. Его можно считать толкованием иллокутивного потенциала императивного предложения; когда императив выступает в высказывании с иллокутивной функцией "разрешение" в толковании возникают дополнительные компоненты (такие как 'Я говорю это потому, что не хочу сказать: Я не хочу, чтобы ты делал X'); тем самым 'я хочу' ослабляется до 'я ничего не имею против'.

3. Предложение и высказывание. Пропозиция

Семантический метаязык современной семантики не может обойтись без понятия пропозиции. В частности, пропозиции естественно возникают и в контексте теории речевых актов — одно и то же пропозициональное содержание (т. е. одна и та же пропозиция) может соединяться с разными иллокутивными функциями, давая разные высказывания, ср.:

Купи себе велосипед!
Ты купишь себе велосипед.
Ты купишь себе велосипед?

Пропозиция — это "общее содержание утверждений, обещаний, предсказаний; пожеланий и желаний; вопросов и ответов, того, что может быть возможным или вероятным" (Stalnaker 1972). Пропозиция — это приблизительно то же, что суждение.

Суждением в логике называется концепт (смысл) предложения, которое может быть истинным или ложным (Church 1956/1960: 32). Истинность и ложность — это главные интересующие логику атрибуты суждения. В недавнее время было, однако, осознано то обстоятельство, что истинность и ложность не являются неотъемлемыми параметрами суждения: суждение обретает истинность или ложность тогда, когда оно утверждает, т. е. суждение — это нечто способное утверждаться (см. Lewis 1946); а вообще говоря, суждение может и не утверждаться, а использоваться, например, как мнение, предположение или как-то иначе. Только

⁴ Между прочим, этот пример не может быть переведен на русский язык, поскольку в русском языке разные речевые акты требуют разных видов глагола (см. главу I.5): в просьбе — скорее *Пойди!*, в разрешении — *Иди!*

использование предложения, выражающего данное суждение, в высказывании, притом далеко не во всяком высказывании, делает суждение истинным или ложным, см. Vendler 1967b: 710. Суждение может находиться в таком контексте, который, по формулировке Вендлера, "не порождает параметра истинности". Истинностное значение появляется у суждения только в силу его употребления в составе высказывания, когда ответственность за его истинность берет на себя говорящий.

Укажем основные контексты, в которых необходимо обращение к понятию пропозиции.

1. Пропозиция — это то, что фигурирует в речевом акте, т. е. то, что может быть подвергнуто утверждению, сомнению; то, что может быть предметом просьбы, приказания, пожелания, обещания; то, что остается, если из семантики предложения вычтуть иллокутивную функцию.

2. Пропозиция является естественным аргументом модальных операторов (таких как *возможно*, *необходимо*) и пропозициональных установок (таких как *знать*, *считать*, *бояться*).

3. Пропозиция (неутверждаемая) является семантическим актантом перформативных глаголов; ср. *Прошу тебя открыть окно*; *Советую тебе пойти к врачу*. Пропозицию необходимо отличать от пропозициональной формы, которая содержит свободные переменные и не может быть истинной или ложной (Church 1956/1960: 33).

Вернемся теперь к семантическому соотношению между предложением и высказыванием. Главными различиями являются следующие два (одно касается модальности, другое — референции).

1) Предложение имеет иллокутивное предназначение, выраженное с помощью наклонения, типа предложения "по цели высказывания" и, быть может, лексически (модальными словами, частицами и проч.). В речевом акте говорящий использует предложение для выражения своего коммуникативного намерения, т. е. с той или иной иллокутивной функцией.

2) Приблизительно то же касается референции. Предложение содержит конкретно-референтные термы, т. е. выражения, предназначенные для обозначения индивидуализированных объектов. В высказывании эти термы действительно вступают в референцию с объектами из общего поля зрения или общего фонда знаний участников речевого акта. См. подробнее Падучева 1985а: 39 и след.

4. Пресуппозиции и другие неассертивные компоненты смысла

Художественный текст устроен таким образом, что наряду со сведениями, которые в нем сообщаются в явной форме, он содержит и такую информацию, которую читатель должен "извлечь", пройдя через цепочку умозаключений. Иначе говоря, текст содержит сведения и идеи, выраженные неэксплицитно, и эта неэксплицитность может составить художественный прием. Иногда это целая задача для литературоведа — понять, почему автор выразил обиняком то, что можно было бы сказать и прямо. Почему, например, в рассказе Набокова "Весна в Фиальте" читатель узнает

о смерти героини из заключающего рассказ придаточного предложения *тогда как Нина оказалась все-таки смертной*, в котором сам факт смерти так и не утверждается⁵ В других случаях причины завуалированного способа выражения более очевидны. Например, в романе Достоевского "Идиот" о предыстории отношений Настасьи Филипповны и Тоцкого сказано намеком:

С тех пор он [Тоцкий] как-то особенно полюбил эту глухую степную деревеньку [Отрадное, куда он поселил шестнадцатилетнюю сироту — Настю], выезжал каждое лето, гостил по две, даже по три недели и так прошло довольно долгое время, года четыре, спокойно и счастливо, со вкусом и изящно. (Достоевский. "Идиот", с. 48)⁶

Дальше идет рассказ про реакцию Настасьи Филипповны на намерение Тоцкого жениться, и лишь через несколько страниц упоминается про ее "девичий позор".

Современная лингвистика не в состоянии полностью формализовать ту серию несложных выкладок, которую без труда осуществляет читатель. Однако кое-какой формальный аппарат на этот счет все-таки разработан. Наибольший интерес представляет в этой связи понятие пресуппозиции (презумпции).

Продолжая ту же тему из романа "Идиот", понятие пресуппозиции можно продемонстрировать на примере предложения

- (1) Но теперь Афанасий Иванович <...> подумал даже, что он мог бы *вновь* эксплуатировать эту женщину:

сочетание *вновь эксплуатировать* порождает компонент 'ранее эксплуатировал', но этот компонент имеет статус пресуппозиции; он не утверждается, а как бы предполагается известным заранее. Другой пример:

- (2) — Ну-с, зайдем теперь поскорей к портному <...> И мы зашли к какому-то маленькому коротконогую человеку, удивившему меня быстротой речи с вопросительными и как будто немного обиженными оттяжками в конце каждой фразы <...>, потом в "шапочное заведение", где было <...> душно и тесно от бесчисленных коробок, всюду наваленных в таком беспорядке, что хозяин мучительно долго рылся в них и все что-то сердито кричал на непонятном языке в другую комнату <...>. Это был *тоже* еврей, но совсем в другом роде. (Бунин. "Жизнь Арсеньева")

Слово *тоже* заставляет нас заключить, что портной был еврей, хотя о его национальности ничего сказано не было. Соответствующий компонент ('Портной — еврей') не утверждается; предполагается, что к этому времени читатель уже сам понял; это пресуппозиция которая порождается семантической частицы *тоже*.

Пресуппозиции открыл в 1892 г. Г. Фреге (Frege 1892/1977), а более полувека спустя это понятие снова привлекло к себе внимание — благодаря работе Strawson 1964/1982.

⁵ См. одну из интерпретаций этого окольного способа выражения в Жолковский 1995.

⁶ Здесь и далее ссылки на роман "Идиот" даются по изданию: Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1957. Т. 6.

Суждение P называют семантической пресуппозицией суждения S , если и из истинности, и из ложности S следует, что P истинно, т. е. если ложность P означает, что S не является ни истинным, ни ложным. Высказывание S в ситуации, где ложна его пресуппозиция, аномально. Например, высказывание

(3) Молодого человека, который стоит у окна, зовут Леонардо, имеющее пресуппозицию 'У окна стоит один — и только один — человек', бессодержательно, если у окна никто не стоит. Другой пример. Предложение

(4) Иван знает, что Нью-Йорк — столица США, нельзя назвать ложным. Это предложение не ложно, а аномально, и источник аномалии — в том, что оно имеет ложную пресуппозицию 'Нью-Йорк — столица США'.

Пресуппозиция — это особая разновидность семантического следствия, которое не совпадает с обычным логическим следствием. Действительно, если P есть логическое следствие S , т. е. если имеет место $S \supset P$, то из ложности P следует, что S ложно (по закону контрапозиции, из $S \supset P$ следует $\neg P \supset \neg S$). Между тем в случае ложности пресуппозиции P суждение S не ложно, а лишено истинностного значения, т. е. аномально. Семантическое следование определяется так: P есть семантическое следствие S , если, и только если, во всех ситуациях (или: во всех возможных мирах), где истинно S , истинно и P . Таким образом, семантическое следование, в отличие от логического, не подчиняется закону контрапозиции.

Различие между логическим и семантическим следствием можно продемонстрировать на следующих примерах. В (5), (6) имеется семантический компонент P , который есть логическое следствие S :

(5) Иван женат на Марии [S] \supset Иван женат [P];

(6) Иван перестал работать [S] \supset Иван не работает [P].

В самом деле, здесь $S \supset P$ (поскольку P — семантический компонент S), и $\neg P \supset \neg S$, т. е. выполняется закон контрапозиции. Например, если Иван не женат ($\neg P$), то он не женат на Марии ($\neg S$). Пример (7) демонстрирует отношение семантического следования:

(7) Ивану удалось отправить письмо [S] \supset Иван отправил письмо [P].

Здесь из S следует P , но из $\neg P$ (*Иван не отправил письмо*) не следует $\neg S$ (*Ивану не удалось отправить письмо*). В самом деле, Иван мог не отправить письмо просто потому, что не захотел. Тем самым P есть семантическое следствие S , но не логическое.

Пресуппозиция относится к числу прагматических понятий: носителем пресуппозиции в норме является говорящий (или какой-то другой субъект, который замещает говорящего по правилам, общим для всех эгоцентрических элементов). Логический (он же семантический) подход к пресуппозициям, преобладавший в 60-е годы, элиминировал говорящего, сведя пресуппозицию к определенному виду отношений между предложениями. В 70-е годы возник так наз. прагматический подход к пресуппози-

циям, который выводит пресуппозицию за пределы семантики, в логическом смысле, в автономную прагматику (Stalnaker 1972). При прагматическом подходе определение пресуппозиции строится не на базе понятия истинности, а через обращение к понятию уместности предложения в данном контексте. Так, в Schiebe 1979 говорится по этому поводу примерно следующее. Языковое выражение *S* имеет прагматическую пресуппозицию *P*, если говорящий, который хочет использовать *S* корректно, т. е. с соблюдением условий истинности, искренности и проч., должен считать, во-первых, что *P* истинно, а во-вторых — что *P* не является главным предметом его внимания; что слушатель либо знает, что *P*, либо, даже узнав о *P* впервые, не сочтет его для себя особенно удивительным или интересным.

Примерно так же определялась прагматическая пресуппозиция в Keenan, Hull 1973: говорящий, который высказывает суждение *S*, имеет прагматическую пресуппозицию *P*, если он, высказывая *S*, считает *P* само собой разумеющимся — в частности, известным слушателю; предложение *S* имеет прагматическую пресуппозицию *P*, если оно обязывает говорящего иметь прагматическую пресуппозицию *P* при любом употреблении *S* в высказывании, т. е. если при отсутствии этой пресуппозиции у говорящего высказывание *S* окажется неуместным — неискренним, провокационным и под.

Прагматический подход к пресуппозиции возник из потребности совместить пресуппозиции с формальной семантикой: стремление представителей формальной семантики вывести понятие пресуппозиции за рамки семантики и дать ему трактовку в прагматических терминах (а не в семантических — таких, как "истина/ложь") обусловлено тем, что понятие семантической пресуппозиции требует отказа от двузначной логики: предложение с ложной пресуппозицией не является ни истинным, ни ложным, т. е. имеет третье истинностное значение. В рамках двузначной логики понятие семантической пресуппозиции лишается смысла. В лингвистике, которая не пользуется формальным аппаратом логики, предложение с ложной пресуппозицией просто рассматривается как семантически anomальное.

Семантическая пресуппозиция — это отношение между компонентами предложения; а прагматическая пресуппозиция — это пропозициональная установка (субъектом которой является говорящий). Семантическая пресуппозиция *P* оказывается несостоятельной только в том случае, если слушающий знает, что *P* ложно: если он ничего не знает о *P*, он просто принимает *P* к сведению; между тем прагматическая пресуппозиция несостоятельна уже в том случае, если слушающий ничего не знает про *P*. В то же время несостоятельность прагматической пресуппозиции оказывает менее существенное влияние на коммуникацию. Так, вопрос *Это ты разбил чашку?* имеет прагматическую пресуппозицию 'Кто-то разбил чашку', так что нормальной реакцией собеседника, который не знает этого факта, будет что-то вроде *Какую чашку?*, а не *Не я*. Однако ответ *Не я!*, вообще говоря, тоже воспринимается как адекватный и свидетельствует не об отсутствии у предложения прагматической пресуппозиции, а лишь о том, что ее несостоятельность может игнорироваться.

Следует обратить внимание на то, что семантическая пресуппозиция может не дублироваться соответствующей прагматической; так, предложение (8) имеет семантическую пресуппозицию (9)

(8) Сегодня в овощном были только яблоки;

(9) Сегодня в овощном были яблоки,

которая не является прагматической: человек, высказывающий (8), не обязан предполагать, что (9) известно слушателю.

Пресуппозиции входят в широкий класс неассертивных семантических компонентов предложения, отличаясь от других членов этого класса целым рядом интересных свойств.

1. Как уже говорилось, пресуппозиции отличаются от логических следствий — тем, что следствия подчиняются закону контрапозиции. Так, в примере (5) компонент Р — логическое следствие S, но не пресуппозиция: если Иван не женат, то высказывание *Иван женат на Марии* просто ложно, а не аномально.

2. Отличие пресуппозиций от семантических следствий демонстрируется примером (7), где Р есть семантическое следствие S, но не пресуппозиция, поскольку из $\neg S$ не следует Р: из того, что Ивану не удалось отправить письмо ($\neg S$), никак не следует, что он его отправил (Р), см. пример (7); в самом деле, верно как раз обратное.

3. Кроме пресуппозиций и следствий, в смысл предложения может входить множество других неассертивных компонентов. Так, фраза *Закрой дверь!* не имеет, вопреки тому, что иногда утверждалось, пресуппозиции 'Дверь открыта'. Вообще, пресуппозиции определены, строго говоря, только для утверждений. 'X открыт' — это фоновый компонент в семантике глагола *закрывать* (X) (см. о фоновых компонентах в главе I.9): он не ассертивный, но не может быть отнесен и к пресуппозициям.

4. В Keenan, Hull 1973 в число пресуппозиций включено то, что можно назвать вводным, или аппозитивным, компонентом:

(10) Это допущение, *считает Остин*, приводит к философской ошибке;

(11) Витгенштейн, *который вначале признавал только доказуемые истины*, впоследствии изменил свою точку зрения.

Однако ложность вводного / аппозитивного компонента не приводит к аномальности высказывания, и отождествление его с пресуппозициями впоследствии было признано ошибочным (Vogel, Lusan 1976).

5. Особый вид имплицитного семантического компонента, отличный от пресуппозиции, составляет также исходное предположение в вопросе, исследованное в Kiefer 1977: вопрос

(12) Кто хочет выступить?

имеет исходное предположение 'Кто-то хочет выступить'; вопрос

(13) В каких странах проводится исследование загрязнения воды?

имеет исходное предположение 'В некоторых странах проводится исследование загрязнения воды'. Исходное предположение вопроса играет иную роль в коммуникации, чем пресуппозиция вопроса. Исходное предположение может нарушаться без ущерба для коммуникации — в число допустимых ответов на вопросы (12) и (13) входят: *Никто не хочет*; *Ни в каких не проводится*. Между тем реплика, нарушающая пресуппозицию вопроса, свидетельствует о неудаче коммуникативного акта. Таковой, например,

является для вопроса (13) реплика *Загрязнения воды не существует* (или равнозначная ей: *Какое загрязнение воды?*).

6. Нарушение условий успешности речевого акта утверждения тоже приводит к семантической аномалии; ср.:

(14) *Она красива, но я так не считаю;

(15) *Я не знаю, что идет дождь.

В примере (14), известном под названием парадокса Мура, аномалия возникает вследствие противоречия между содержанием утверждения и основным условием успешности этого речевого акта: говорящий должен считать то, что он утверждает. Аномалия в примере (15) того же происхождения: компонент 'Идет дождь' составляет в (15) пресуппозицию, и говорящий должен знать пресуппозиции своего утверждения. Все условия успешности соответствующего речевого акта так или иначе присутствуют в содержании высказывания в качестве его имплицитных семантических компонентов.

Аномалия, демонстрируемая примером (15), снимается в контрфактическом контексте, ср. *Считайте, что я не знаю, что он приехал*.

7. Наиболее важным из понятий, которые примыкают к пресуппозициям, является коммуникативная импликатура, или импликатура дискурса (*conversational implicature*, см. Грайс 1985). В примерах ниже (б) — импликатура (а):

(16) а. Я приеду в субботу или в воскресенье;

б. Говорящий не может сказать точнее.

(17) а. Левый глаз у нее видит хорошо;

б. С правым что-то не в порядке (пример из Fillmore 1976).

Имплицитные постулаты, в отличие от пресуппозиций, не конвенциональны (т. е. не входят в значение слов в данном языке) — они вытекают из общих постулатов коммуникации и, в принципе, не зависят от языка.

Коммуникативные постулаты, или постулаты дискурса по Грайсу, — это своего рода предписания говорящим, вытекающие из некоего общего принципа кооперации — принципа, состоящего в том, что участники речевой коммуникации в нормальных условиях имеют общей целью достижение взаимопонимания.

Коммуникативные постулаты Грайса делятся на четыре группы

1) постулаты информативности ("Твое высказывание должно быть достаточно информативным"; "Оно не должно содержать лишней информации");

2) постулаты истинности ("Говори правду" или, по крайней мере, "Не говори того, что ты считаешь ложным"; "Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований");

3) постулат релевантности ("Будь релевантен", т. е. "Говори то, что в данный момент имеет отношение к делу");

4) постулаты ясности выражения ("Избегай неясных выражений"; "Избегай неоднозначности"; "Будь краток"; "Будь упорядочен").

Коммуникативные постулаты позволяют выводить из прямого смысла высказывания то, что называется импликатурами дискурса, — компоненты

содержания высказывания, которые не входят в собственно смысл предложения, но "вычитываются" в нем слушающим в контексте речевого акта.

Говорящий (Г) эксплуатирует некий постулат, если он формулирует свое высказывание таким образом, что слушающий (С) извлекает из него большее содержание, чем в нем непосредственно выражается — благодаря тому, что С полагает про Г, что тот соблюдает принцип кооперации. Заключение, использующее предположение о кооперативности Г, и есть импликатура. Т. е. импликатуры — это заключения, которые делает С, принимая во внимание не только само содержание предложения S, но и то обстоятельство, что Г вообще произнес S в данной ситуации, и то, что Г не сделал вместо высказывания S некоторого другого высказывания S'. При этом используется интуитивно ясное, но не поддающееся точному определению понятие "усилие": если S' — это высказывание, которое приблизительно равнозначно S, но требует меньшего усилия, чем S, то С вправе заключить, что, употребляя S "вместо" S', Г хочет этим что-то сказать.

Импликатуры дискурса порождаются не структурой того или иного конкретного языка (ее конвенциональными свойствами), а вытекают из общих условий успешности коммуникации.

Описывая язык и его семантику, мы непрерывно решаем вопрос, что можно сказать, а что — нельзя, т. е. что имеет смысл, а что — не имеет; при этом надо где-то провести границу между грамматикой и человеческой природой; между конвенциональным значением, свойственным данной конструкции в данном языке, и импликатурами, которые порождаются принципом кооперации и постулатами речевого общения, а следовательно, предположительно должны возникать в данном контексте в любом языке.

Грайс демонстрирует понятие коммуникативной импликатуры, в частности, на предложениях тавтологического тождества, типа *Закон есть закон*, *Женщина есть женщина*: прямой смысл таких предложений тавтологичен, и нарушение постулата информативности заставляет слушающего считать, что их подлинный смысл — в ассоциациях, связанных с понятиями закона или женщины: отсюда импликатуры: 'Закон надо выполнять', 'Женщине свойственны многочисленные недостатки', и т. д.

Впрочем, как было показано в Wierzbicka 1987b, семантика тавтологических тождеств может содержать конвенциональные компоненты, причем в разных языках разные. Вежбицка считает, что конвенциональные значения, вытекающие из общих постулатов общения, занимают гораздо более скромное место в языке, чем им отводится сторонниками автономной прагматики: граница между лингвоспецифическим и прагматическим гораздо глубже задвинута в язык, чем можно было бы ожидать. Так, сопоставление русск. *Что было, то было* и польск. *Co było to było* показывает, что эти выражения имеют разный смысл: русский оборот служит для подтверждения факта, а польская фраза имеет прежде всего смысл 'что было, то прошло'. Иными словами, значение, которое может быть вычислено из общих правил и принципов речевого взаимодействия, составляет лишь небольшую часть подлинного значения предложения тавтологического тождества. Ср. об этом также Булыгина, Шмелев 1990.

Справедливости ради надо сказать, что неконвенциональные компоненты играют все-таки важную роль в семантике предложений тавтологического тождества. Так, отрывок из рассказа Беккета "Общение", где логика изложения опирается на импликацию такой конструкции, как кажется, не должен составлять затруднения при переводе с одних языков на другие, поскольку импликации одни и те же:

Большой эркер смотрел на запад, на горы. В основном на запад. *Эркер есть эркер*, и потому он смотрел и немного на юг, немного на север. Естественно.

Понятие импликации дает возможность "разгрузить" семантическое описание слова, удалив из него компоненты общекоммуникативного происхождения. Не все, что слушатель извлекает для себя в том или ином высказывании в контексте речевого акта, входит в собственно смысл предложения, т. е. в смысл какого-то слова или конструкции: некоторые компоненты содержания не заложены в структуре предложения, а вычитываются слушателем в высказывании, притом достаточно однозначно, исходя из контекста и коммуникативных постулатов.

Можно думать, что, например, условное предложение понимается — во многих языках — как выражающее не только достаточное условие, но и необходимое, и это есть следствие постулата информативности: если в импликации $P \supset Q$ от P и Q требуется, чтобы каждое из них было либо истинным, либо ложным, то достаточное условие становится излишним, если оно не является также и необходимым, ср. диалог:

Если позовешь, приду. — А если нет? — Тоже приду. — Тогда зачем тебя звать?

Тем же постулатом информативности порождается импликация (б) в составе высказывания (а) в примере (17): говорящий мог бы сделать более сильное утверждение ценой меньших усилий, сказавши то же самое про оба глаза сразу, и это заставляет предположить, что более сильный факт не имеет места.

Во всех этих примерах имплицитные сведения не являются компонентами собственно смысла данного предложения, хотя они и входят в содержание высказывания. Эти семантические компоненты не конвенциональны: слушающий выявляет их в высказывании не в силу своего знания языка, а на базе принципа кооперации.

Импликация дискурса отличается от пресуппозиций в нескольких существенных отношениях. Импликация — это менее стабильный семантический компонент высказывания, чем пресуппозиция: под воздействием контекста (т. е. если контекст противоречит данной импликации) импликация может подавляться, аннулироваться. Так, высказывание *У Джона двое детей* имеет импликацию 'У Джона только два ребенка, не больше'. Однако эта импликация подавляется в контекстах типа: 'У Джона двое детей, если не больше'; 'У Джона двое детей, а может быть, и больше'. Между тем пресуппозиции неспособны подавляться под воздействием контекста — они обладают свойством *неподавляемости*. Употребление высказывания с пресуппозицией P в контексте, который противоречит этой пресуппозиции, приводит к аномалии; пресуппозиция оказывается сильнее контекста. Приводимые в литературе примеры обратного (см.,

например, Levinson 1983: 186) неубедительны. Так, высказывание *Джон не рассказывает в том, что он солгал* в контексте, когда он не солгал, аномально.

Другое важное отличие импликатур от пресуппозиций состоит в том, что они привязаны к семантическому содержанию того, что говорится, а не к языковой форме: нельзя "отделиться" от импликатуры, заменив слово или выражение на синоним: импликатуры обладают свойством, которое Г. Грайс назвал неотделимостью. Между тем пресуппозиции этим свойством не обладают: пресуппозиция связана именно с данной лексемой или способом выражения, и, в принципе, может найтись (хотя, конечно, не обязательно есть) слово с тем же ассертивным компонентом и другими пресуппозициями или без пресуппозиций вообще. Отделимость пресуппозиции от смысла высказывания — прямое следствие ее конвенциональности.

Самое примечательное свойство пресуппозиций, которое иногда даже кладется в основу самого определения этого понятия, состоит в том, что пресуппозиции предложения сохраняются при отрицании (т. е. не подвергаются действию отрицания): два предложения, одно из которых означает 'P', а другое — '¬P', всегда имеют один и тот же набор пресуппозиций. Так, предложение

Афанасий Иванович подумал, что теперь он *не* мог бы *вновь* эксплуатировать эту женщину

содержит ту же пресуппозицию, что предложение примера (1). Сохранение пресуппозиций при отрицании непосредственно следует из приведенного выше определения пресуппозиции. Однако принимать это свойство в качестве определения пресуппозиции было бы неправильно: предложение (особенно достаточно длинное) может не иметь естественного отрицания, но это не значит, что у него нет пресуппозиций; таковы, например, все предложения с сочинительными союзами.

Пресуппозиции не подвергаются также действию некоторых других операторов — модальных и эпистемических, которые, как и оператор отрицания, воздействуют только на ассертивный компонент высказывания. Свойство сохраняться в контексте отрицания и модальном контексте отличает пресуппозиции от следствий. Ср. примеры (из Levinson 1983):

(18) Учитель поставил три двойки.

(19) а. Учитель существует.

б. Учитель поставил две двойки.

(20) а. Возможно, что учитель поставил три двойки.

б. Учитель должен был поставить три двойки.

Предложение (19а) — пресуппозиция (18), а (19б) — его следствие; соответственно, в (20), где (18) находится в сфере действия модального оператора, компонент (19а) сохраняется, а (19б) пропадает.

В более общем виде, взаимодействие презумптивных элементов с контекстом описывается определенными правилами наследования (иначе, правилами проекции). Проблема наследования пресуппозиций — это проблема о том, являются ли пресуппозиции частей предложения пре-

суппозициями предложения в целом. Проблема проекции пресуппозиций возникает в связи с выдвинутым в свое время Фреге принципом композиционности значения: значение целого (выражения) должно быть функцией от значений составляющих его частей. Можно было бы предположить, что при построении сложного предложения из простых пресуппозиции просто складываются. На самом деле, однако, правила проекции имеют более сложный вид. А именно, различается, по крайней мере, три класса лексем, по-разному воздействующих на пресуппозиции (см. Karttunen 1973b).

а) Имеется класс сентенциональных операторов, которые Карттунен назвал дырами (holes), поскольку они "пропускают" все пресуппозиции исходного предложения в результирующее. Естественно, что дырами являются отрицание, а также эпистемические и модальные операторы, о которых уже говорилось. В частности, к этому классу относятся все фактивные предикаты (то есть предикаты с пресуппозицией истинности подчиненного им придаточного: *рад, огорчен, знает* и т. д.). Действительно, придаточное, подчиненное фактивному глаголу, является пресуппозицией всего предложения, а пресуппозиция такого компонента, который сам является пресуппозицией целого, тоже является пресуппозицией целого; например, в предложении *Я не делаю вид, что я не знаю, что он богат* компонент 'Он богат' — это пресуппозиция компонента 'Я знаю, что он богат', который сам является пресуппозицией этого предложения; следовательно, компонент 'Он богат' — пресуппозиция всего предложения в целом. Пресуппозиции сохраняются в контексте сложного предложения с союзами *и, или, если... то*. Так, фраза *Если Иван опять провалился на экзамене, то он не будет больше сдавать* имеет пресуппозицию 'Иван по крайней мере один раз провалился на экзамене' так же как ее имеет составляющее предложение *Иван опять провалился на экзамене*.

б) Другой класс — это так называемые "затычки" (plugs) — пропозициональные установки (и глаголы говорения), в которых мнение субъекта установки не разделяется говорящим. Этот контекст не пропускает исходную пресуппозицию, то есть пресуппозицию говорящего; вместо этого в семантическом представлении предложения возникает семантический компонент вида $Va(P)$, где Va — пропозициональная установка субъекта a , а P — пресуппозиция исходного утверждения. В контексте "затычек" происходит "окрашивание" исходных пресуппозиций.

В Levinson 1983 ставится под сомнение существование "затычек" как лексической категории. Действительно, отказ говорящего присоединиться к мнению, которое он передает, — это явление прагматической сферы, не сводимое к классификации лексем. Так, во фразе *Никсон заявил, что сожалеет о том, что он не знал о действиях своих подчиненных* в контексте *заявил* пропадает пресуппозиция, порождаемая глаголом *сожалеет*; а во фразе *Учитель сказал ученикам, что даже он с трудом понял эту теорему* в контексте *сказал* сохраняется пресуппозиция, порождаемая частицей *даже*.

в) Третий тип явлений, характеризующих наследование пресуппозиций, иллюстрируется примерами типа

(21) Вода либо не кипела, либо перестала кипеть;

(22) Если он отказался, то он уже пожалел об этом (*об этом* = о том, что отказался),

где имеется конструкция, вообще говоря, порождающая пресуппозицию (*перестала кипеть* — значит, кипела; *пожалел о том, что отказался* — значит, отказался), но в контексте этих предложений ожидаемая пресуппозиция отсутствует. Поведение пресуппозиций в контекстах типа (21), (22) характеризуется двумя особенностями: 1) пресуппозиция составляет здесь условие, касающееся не реального мира, а некоторого возможного мира; 2) она насыщается за счет другого компонента того же предложения и у предложения в целом отсутствует.

Слова типа *или, если*, обеспечивающие возможность такого поведения пресуппозиций, Карттунен назвал "фильтрами", поскольку они в одних случаях пропускают пресуппозицию, как дыры, а в других подавляют ее. Особенность слов *если, или* состоит в том, что они, с одной стороны, являются миропорождающими операторами (*или* = 'если не'), а с другой — способны соединять два упоминания одного и того же условия, из которых одно насыщает другое.

* * *

Понятие пресуппозиции имеет довольно длинную и весьма драматическую историю (подробную библиографию см. в "Syntax and Semantics" 1979). Будучи полностью забыто после Фреге, оно было заново открыто Стросоном в 1950 г. и медленно тлело в 50-е и начале 60-х годов, после чего с конца 60-х начался пресуппозиционный бум. Триумфальное шествие пресуппозиций по страницам журналов, как лингвистических, так и логических, продолжалось, однако, недолго: в середине 70-х годов неожиданно хлынула волна "разоблачений". Возникли попытки избавиться от понятия пресуппозиции, сведя его к другим, предположительно с более ясной природой (см. работы Kempson 1975 и Wilson 1975, а также Vöer, Lucas 1976). Однако эти попытки не увенчались успехом. Иногда речь шла просто о замене терминов; так, в Karttunen, Peters 1979 пресуппозиции переименованы в конвенциональные импликатуры, т. е. компоненты, подобные импликатурам дискурса, но имплицитные постулатами речевого общения, а конвенциональным значением слова.

Чтобы изгнать пресуппозиции, надо было доказать, что они неотличимы от семантических следствий (особой разновидностью которых они являются). Для этого надо было, в частности, доказать, что пресуппозиции способны подавляться оператором отрицания, т. е. доказать, что предложение 'S' не обязательно аномально в контексте, противоречащем P (где P — предполагаемая пресуппозиция S). В доказательство приводились примеры следующего вида:

Иван не выздоровел — он вообще не болел;

Иван не жалеет, что он провалился, потому что он не провалился;

Иван не перестал бить свою жену — он никогда ее не бил.

Однако такие примеры не могут служить доказательством возможности подавления пресуппозиций при отрицании. Употребление отрицания в этих примерах если и не аномальное, то, во всяком случае, весьма специфическое. Различное поведение пресуппозиций и следствий в контексте отрицания, не говоря о большом числе других, служит достаточным аргументом в пользу выделения пресуппозиций как особой разновидности семантических следствий, обладающей интересными свойствами.

5. Коммуникативный статус пропозиции

Пресуппозиции представляют интерес, помимо всего прочего, в связи с понятием коммуникативного статуса пропозиции (в близком смысле употребляется термин модальность пропозиции в Падучева 1974: 197). Мы говорим о коммуникативном статусе пропозиции, чтобы отразить противопоставление пресуппозиций асертивным компонентам высказывания (ассерциям); имплицативным компонентам (по Karttunen 1973b); неутверждаемым (нейтральным); неустойчивым (Зализняк 1987); фоновым (в смысле главы I.8.) и др.

Ассерция предложения S — это та пропозиция, которая отрицается при отрицании S ; пресуппозиция, напротив, сохраняется в отрицательном предложении в неизменном виде. Например, в предложении (1) компонент ‘Занятия отменяются’ имеет презумптивный статус, а ‘Иван это знает’ — асертивный; поэтому в предложении (1'), отрицании (1), второй компонент подвергается отрицанию, а первый — нет:

- (1) Иван знает, что занятия отменяются;
- (1') Иван не знает, что занятия отменяются.

Семантическое следствие имеет имплицативный статус:

- (2) Он успел отправить письмо \supset ‘отправил’;
- (2') Он не успел отправить письмо \supset ‘не отправил’.

В определенных контекстах пропозиция имеет неутверждаемый (нейтральный) статус. Таков, например, статус пропозиции ‘Он болен’ в условном контексте (*Если он действительно болен, занятия будут отменены*) или в сослагательном (*Сомневаюсь, что он действительно болен*), ср. понятие нейтральной модальности в Падучева 1974: 197.

Отдельного внимания заслуживает статус, который можно назвать атрибутивным, см. примеры из Богуславский 1985: 30–32. В семантику глагола в предложениях (3)–(5) входит два семантических компонента, из которых один основной, а другой — его атрибут. Так, в (3) и (4) основной компонент — ‘имеется контакт между Субъектом и Объектом’, а второй компонент, ‘контакт слабый’, — это атрибут контакта; в (5) основной компонент — ‘Субъект перемещается’, а каким образом — это атрибут перемещения:

- (3) Елка касается потолка.
- (4) Он задел часы [щеткой, когда подметал пол].
- (5) Вода льется из шланга.

Атрибутивный компонент при отрицании не отрицается, как следствие, и не сохраняется, как пресуппозиция, а лишается смысла и пропадает, ср.

(3') Елка не касается потолка.

(4') Он не задел часы.

(5') Вода не льется.

В примере (6) атрибутивный компонент 'на самолете' сохраняется в отрицательном предложении, но приобретает модус ожидания (см. Богуславский 1985), ср. (7) и (7'):

(7) Иван прилетел на свадьбу дочери;

(7') Иван не прилетел на свадьбу дочери =
'Иван не прибыл на свадьбу дочери &
ожидалось, что он прибудет на самолете'.

Предложение (8), с основным компонентом 'Субъект стал больше' и с атрибутивным компонентом 'на указанную величину', можно отрицать только если модус ожидания выразить эксплицитно, ср. (8') и (8''):

(8) За этот год добыча угля возросла на 10 млн тонн;

(8') *За этот год добыча угля не возросла на 10 млн тонн;

(8'') За этот год добыча угля не возросла на 10 млн тонн, как было запланировано.

Итак, понятие пресуппозиции важно для теории нарратива с нескольких точек зрения: в аспекте проблемы формализации механизмов выявления имплицитной информации в тексте; как одно из объяснений эгоцентрической семантики слова или конструкции (пресуппозиция всегда имеет носителя, и потому слово с пресуппозицией эгоцентрично); как один из четко очерченных коммуникативных статусов пропозиции.

6. Референция и дейксис

Референцией называется соотнесение и соотнесенность языковых выражений с внеязыковыми объектами и ситуациями. Референция как действие (соотнесение) осуществляется говорящим: это отдельная составляющая речевого акта. Референция как результат (соотнесенность) — это отношение, в которое вступают языковые выражения в контексте речевого акта, см. Strawson 1964/1982: 72; Searle 1969/1982; Linsky 1967/1982.

Языковой текст всегда строится как имеющий некоторый внешний мир, с которым он соотносится, — будь то реальный мир или вымышленный, как это имеет место в художественной литературе. В случае вымышленного мира референтами языковых выражений будут объекты и ситуации в вымышленном мире текста. Механизмы соотнесения языкового текста с вымышленным миром и с реальным во многом подобны⁷. Подобны, но не тождественны. Взять хотя бы то, что реальный мир существует, вообще говоря, независимо от текста, а вымышленный мир текста порождает

⁷ Как пишет Ш. Балли (Vally 1932/1955): "действительность может быть не только объективной, но и мыслимой, воображаемой... Впрочем, различие между этими двумя видами действительности весьма неустойчиво".

ется текстом. Иначе можно сказать так: в разговорном дискурсе говорящий принадлежит миру, в котором он осуществляет референцию; а автор художественного текста, вообще говоря, нет.

Теория референции имеет отношение к лингвистике нарратива прежде всего потому, что тождество обозначаемых объектов (корреферентность) составляет одно из главных условий связности текста (см., например, Ehrlich 1990). Во всяком случае, этот аспект связности был первым среди осознанных лингвистами признаков связного текста.

С другой стороны, референция в естественном языке неотделима от прагматики, а именно, от таких семантических противопоставлений, как известность / неизвестность для говорящего; фокус эмпатии говорящего; предположение говорящего об известности / неизвестности объекта слушающему и т. д., ср. Givón 1978: 293. Поэтому средства осуществления референции почти всегда дейктичны и составляют ядро эгоцентрических элементов языка.

Не следует забывать и о том, что способ называния объекта, т. е. концепт референтного выражения, как правило, отражает точку зрения определенного субъекта сознания, см. Успенский 1970: 40 и след. Тем самым теория референции имеет непосредственное отношение к типологии повествовательных форм. О лингвистической теории референции см., в частности, Арутюнова 1982, Падучева 1985а. Мы ограничимся ниже только дейктической референцией.

Дейксис относится к компетенции прагматики в логическом понимании этого слова, поскольку значение дейктического (иначе — указательного, интексального) слова или элемента не может быть определено без обращения к ситуации общения, т. е. к говорящим. Более того, после влиятельной статьи Бар-Хиллела (Bar-Hillel 1954) изучение дейктических элементов языка долгое время считалось чуть ли не главной задачей прагматики. Так или иначе, дейксис составляет ядро эгоцентрических элементов языка; о лингвистической традиции изучения дейксиса см. Крылов, Падучева 1992.

Дейктические слова и элементы являются в языке основным средством осуществления референции. Помимо слов типа *я, ты, здесь, сейчас, тот*, важным источником дейктичности является категория времени, которая "вписывает" в дейктические координаты все предложения, употребляемые в речи, кроме тех, которые У. Куайн (см. Quine 1960) назвал "вечными", то есть предложений с гномическим настоящим — это употребление временной формы не является дейктическим.

Дейктическим называется такой элемент, который выражает идентификацию объекта — предмета, места, момента времени, свойства, ситуации — через его отношение к речевому акту, его участникам или контексту.

Не относятся к дейктическим такие категории, как наклонение, модальность, показатели иллокутивной функции (утвердительность — вопросительность и пр.). Эти элементы эгоцентрические — то есть их семантика предполагает говорящего (скажем, предложение с глаголом в желательном

наклонении — например, *Было бы сейчас лето* — содержит семантический компонент 'Говорящий хочет...'), но не дейктические. Конституирующим признаком дейксиса, отличающим его от других эгоцентрических элементов, служит то, что у дейктических слов обращение к контексту речевого акта работает на нужды идентификации (объектов, моментов времени, участков пространства и проч.).

К дейктическим элементам относятся:

- 1) личные местоимения 1-го, 2-го лица (и 1-е, 2-е лицо глагола);
- 2) указательные местоимения и наречия, а также дейктический определенный артикль;
- 3) глагольное время;
- 4) дейктическим может быть значение глагола (ср., например, об англ. *come* 'прийти' в Fillmore 1971) и наречия.

Ср., например, английское наречие *ago* 'тому назад' (проанализированное Филлмором). В отличие от *earlier* 'раньше', наречие *ago*, предполагает отсылку к времени, в котором находится говорящий, то есть к абсолютному времени акта речи. Поэтому можно сказать (а) и (б), но не (в):

- (а) He lived there many years ago 'Он жил там много лет тому назад'
- (б) He had lived there many years earlier 'Он жил там многими годами ранее',
- (в) *He had lived there many years ago,

поскольку форма *Past Perfect* означает, что действие соотнесено с некоторым моментом в прошлом, предшествующим моменту речи, а *ago* предполагает, что точкой отсчета является момент речи.

Помимо того, что многие слова и категории имеют дейктическое значение, почти все референтные выражения могут быть дейктичны в тех или иных своих употреблениях. Так, дейктична (или, по крайней мере, эгоцентрична, т. е. зависима от речевого акта), в большинстве случаев референция у собственных имен людей, только здесь прагматически обусловленная референция свойственна не одному речевому акту, а одинакова для сложной совокупности речевых актов определенного коллектива; например, *Иванов* в одном коллективе обозначает одного человека, в другом — другого. Дейктичны кванторные слова; например, *все* в предложении *Все остались довольны* обозначает не всё универсальное множество людей, а какую-то конкретную группу, выделенную контекстом речевого акта (или же в тексте)⁸.

Хотя дейктические местоимения составляют некоторое естественное семантическое единство (поскольку все они связаны с речевой ситуацией), между личными местоимениями 1-го, 2-го лица (и "наречиями 1-го лица" *здесь, сейчас*) и указательными имеется существенное различие: личные местоимения обозначают самих участников речевого акта, а указательные

⁸ В Stalnaker 1972 отмечается возможная дейктичность модальных слов; так, когда говорят *возможно* или *необходимо*, имеется в виду не все множество возможных миров, а множество, определенным образом ограниченное контекстом речевого акта — знаниями говорящего, набором его презумпций, представлениями о законе, морали, нормах, физических возможностях и пр.

должны определяться через этих участников с помощью дополнительных и пока не до конца эксплицитированных понятий — таких, как общее поле зрения говорящих, степень выделенности объекта в поле зрения, указательный жест говорящего, нахождение в центре внимания и др. Формализация указательных элементов через введение отдельной прагматической координаты "указываемые объекты" и "предупомянутые объекты", аналогичной координатам "говорящий", "слушающий", "здесь", "сейчас" (как предлагается в Lewis 1972), — это неоправданное огрубление действительной картины.

После того как дейктическое употребление местоимений стало предметом пристального внимания, обнаружилось, что анафорическое употребление местоимений опирается на дейктическое и в существенных отношениях копирует его. Поэтому анафорическое употребление, всегда считавшееся "более простым", тоже подчинено большому количеству прагматических ограничений, которые не учитывались в первых попытках описания прономинализации в рамках трансформационного подхода к языку. Например, законы употребления местоимений 3-го лица не свободны от таких условий, как нахождение объекта в общем поле зрения говорящих, в центре внимания, в фокусе эмпатии и т. д. (Lyons 1978).

Вообще границы между анафорой и дейксисом не всегда ясна. Так, во фразе *Послышались шаги — это был Юра* местоимение *это*, казалось бы, анафорическое, однако оно не имеет антецедента (Падучева 1982а).

Размытыми могут быть также границы между дейктическим употреблением определенного артикля (единственность в контексте речевого акта) и употреблением того же артикля в ситуации "энциклопедической" единственности; иначе говоря, нет четкой границы между единственностью объекта в общем поле зрения говорящих в универсуме речи (the table в ситуации, где один стол) и в их общем фонде знаний (the king для граждан одного государства).

Одна из сложных проблем дейксиса — смещенное указание (deferred ostension, термин из Quine 1971), когда указываемый объект не совпадает с тем референтом дейктического выражения, который имеется в виду. Пример смещенного указания (из Miller 1982): официантка в ресторане спрашивает: *"Куда он ушел?"*, указывая не на человека, а на заказанный им и стоящий на столе бифштекс.

Смещенное указание является частным случаем смещенной (т. е. метонимической) референции, ср. соотношения типа *Пруст — сочинения Пруста, байдарка — пловущие в ней люди* и т. д., рассматриваемые в Lakoff 1975. Лакофф предлагает традиционное для порождающей грамматики решение, состоящее в том, что для предложений со смещенным указанием постулируется глубинная структура с эксплицитным именем объекта, которая подвергается сокращению в ходе трансформационной деривации. Это решение не вполне удовлетворительно, поскольку, как правило, именная группа наряду со смещенной референцией в каком-то смысле имеет также и прямую. Допустим, что фразу *Пруста очень трудно читать* мы понимаем приблизительно как 'произведения Пруста трудно читать'. Но

если бы это было в точности так, то фраза *Господин Г-бов заставил публику читать себя* (Достоевский) где *господин Г-бов* обозначает некоего писателя, а *себя* должно обозначать его произведения, была бы недопустима; между тем она вполне законна.

Эгоцентричность семантики дейктических слов, т. е. обращенность на говорящего, наглядно видна из их толкований (одна из наиболее ранних попыток таких толкований принадлежит Г.Рейхенбаху, Reichenbach 1947):

- я* (при употреблении экземпляра — token — этого слова в речевом акте U) = 'тот, кто является говорящим в U';
ты = 'тот, кто является адресатом говорящего в U';
этот X = 'тот X, на который направлен указательный жест говорящего в речевом акте U, быть может, мысленный; или тот X, который находится возле говорящего; или X, выделенный в общем поле зрения участников речевого акта U'.

Толкования, которыми мы располагаем, далеко не исчерпывают всех особенностей употребления дейктических местоимений; ср. такие проблемы, как инклюзивное и эксклюзивное *мы*; неопределенность местоимений *здесь, сейчас*, т. е. широта захвата "прилегающей" к говорящему временной и пространственной области (та же неопределенность касается местоимения *мы*, только в этом случае речь идет о прилегающем к говорящему человеческом коллективе); степень обязательности использования именно личных местоимений для называния участников речевого акта (ср. в шведском языке возможность употребления местоимений *han* 'он', *hon* 'она' по отношению к адресату высказывания, исключенную, скажем, для соответствующих русских слов).

Важные аспекты семантики дейксиса были осознаны в рамках так называемой формальной семантики — в работах Р. Монтегю, Д. Скотта, Д. Льюиса и особенно Д. Каплана, в которых было обнаружено, что толкования играют для описания семантики дейктических местоимений специфическую роль — более ограниченную по сравнению с ролью толкований в семантике предикатных слов, а также референтных выражений, имеющих дескриптивное значение.

В Kaplan 1978 приводится серия примеров, выявляющих роль контекстных факторов, которые способствуют однозначной референции ИГ, но не входят, однако, в окончательное значение высказывания. Так, — рассуждает Каплан, — фраза *Что ты знаешь нового про Ливию?*, сказанная моей женой, может касаться либо государства Ливия, либо нашей дочери, и что имеется в виду, я понимаю из контекста, то есть в силу прагматических факторов, а не из смысла фразы, а как я это делаю, несущественно для понятия мною смысла. Аналогично, смысл дейктического местоимения, т. е. способ, которым достигается указание на предмет, может быть несуществен для смысла высказывания. Каплан предлагает вернуться к концепции Рассела, который считал, что у некоторых видов обозначающих выражений смыслом является сам обозначаемый предмет. Тогда компонент пропозиции, соответствующий дейктическому местоимению, — это сам указываемый индивид. Различные формы, которые может иметь указание на один и тот же объект, не отражаются в окончательном содержа-

нии высказывания — в выражаемой им пропозиции. Указание приводит нас к индивиду, а каким образом — несущественно для содержания высказывания, так же как несущественно то, каким образом была установлена референция (к государству Ливия или к дочери Ливии) в приведенном выше примере.

В логике принято считать, что смысл референтного выражения — это способ задания объекта. Ср. известную формулировку Фреге, согласно которой смысл имени — это способ, которым имя указывает на свой денотат, иначе говоря — способ представления денотата. Оказывается, однако, что для дейктических местоимений этот подход несостоятелен: способ указания на объект может быть нерелевантен для окончательного общего смысла высказывания.

Убедительный пример на этот счет приводится в Stalnaker 1972. Фраза *Меня могло бы здесь не быть*, сказанная Джоном на вечеринке, имеет смысл '*Не необходимо, чтобы Джон присутствовал на данной вечеринке*' (Джон мог бы сказать: "*Не необходимо, чтобы я сейчас был здесь*") и является истиной. Действительно, данная ситуация в другом возможном мире могла бы не иметь места. Между тем высказывание *Я сейчас здесь* истинно в каждом случае его произнесения, то есть является *необходимо истинным*: фразы типа "Меня здесь нет", "Я не здесь, а там" могут иметь только переносное значение, в прямом понимании они абсурдны. Следовательно, не является *необходимо истинной* не пропозиция '*Я сейчас здесь*', а другая, в которой дейктические элементы заменены безотносительными обозначениями объектов.

В принципе, фразе *Я сейчас здесь* можно приписать два смысла: 1) '*Я нахожусь сейчас в том месте, где я сейчас нахожусь*', когда слово *здесь* представлено своим толкованием, и 2) '*Я нахожусь сейчас в месте А*', когда слово *здесь* представлено только своим денотатом, а не смыслом. Однако смысл 1) тавтологичен и неинформативен, так что нормально эта фраза понимается не в смысле 1), а в смысле 2), в котором толкование слова *здесь* не принимает участия.

Таким образом, оказывается, что у дейктического местоимения роль толкования ограничена во времени: толкование не входит в окончательный смысл предложения при построении смысла целого из смысла частей. Смысл дейктического слова служит лишь способом указания референта и, сыграв эту свою роль, сходит со сцены.

7. Имена и дескрипции в неэкстенциональных контекстах

В логике, начиная с Г. Фреге, ведется исследование особого поведения референтных имен и дескрипций в так наз. неэкстенциональном контексте, т. е., прежде всего, в контексте предиката пропозициональной уставки, типа *считать, хотеть, бояться* и под., см. Russell 1940: 208. Эта проблема представляет интерес для теории нарратива, поскольку пропози-

циональная установка порождает потенциальный конфликт двух субъектов — говорящего и субъекта установки — и, следовательно, полифонию. Логиками были отмечены следующие "аномалии" в неэкстенциональном контексте.

Вообще говоря, референтная именная группа (ИГ) может заменяться на другую ИГ с тем же денотатом без изменения истинностного значения высказывания (хотя, быть может, с изменением смысла):

- (1) а. Царь Эдип женился на Иокасте;
- б. Царь Эдип женился на своей матери.

Поскольку Иокаста — это мать Эдипа (т. е. соответствующее предложение тождества истинно), невозможно представить себе ситуацию, в которой (1а) было бы истинно, а (1б) — нет⁹. Таким образом, выражения *Иокаста* и *мать Эдипа* взаимозаменяемы в (1) без изменения истинности. Однако в текстах (2а)—(4а) такая замена, очевидным образом, приводит к изменению истинностного значения:

- (2) а. Царь Эдип захотел жениться на Иокасте;
- б. Царь Эдип захотел жениться на своей матери.
- (3) а. Царь Эдип знал, что он женат на Иокасте;
- б. Царь Эдип знал, что он женат на своей матери.
- (4) а. Филипп считает, что Тегусигальпа находится в Никарагуа;
- б. Филипп считает, что столица Гондураса находится в Никарагуа (пример из Quine 1953/1982).

Куайн назвал контексты, в которых нарушается принцип неразличимости тождественных, референциально непрозрачными, или неэкстенциональными. Другое определение неэкстенционального контекста: контекст $P(a)$, в котором употребляется конкретно-референтный терм a , называется неэкстенциональным, если из $P(a)$ нельзя вывести $\exists x P(x)$; подробно о неэкстенциональных контекстах см. в Neu 1981.

Референциальная непрозрачность сама по себе не является удовлетворительным семантическим понятием. Взять хотя бы то обстоятельство, что в Quine 1953/1982 рассматривается в одном ряду, с одной стороны, модальный контекст (в частности, контекст, с предикатом пропозициональной установки), а с другой — контекст автонимного употребления термов. Действительно, эти контексты дают эффект невзаимозаменяемости тождественных. Ясно, однако, что они имеют мало общего между собой.

Другая "аномалия" состоит в том, что предложение, само по себе противоречивое, в неэкстенциональном контексте может допускать вполне естественное и осмысленное прочтение; так, предложение (5а) противоречиво, а (5б) — нет:

- (5) а. Книги, которые сгорели, не сгорели.
- б. Иван считает, что книги, которые сгорели, не сгорели.

⁹ Речь идет здесь о лейбницевском принципе неразличимости тождественных, ср. формулировку этого принципа в Quine 1953/1982): "если дано истинное предложение тождества, то один из его членов можно заменить на другой в любом истинном предложении, и результат тоже будет истинным предложением".

Аналогично, противоречивое предложение (6а) допускает непротиворечивое прочтение в контексте модальности, см. (6б), пример из Russell 1920/1982:

- (6) а. Автор "Гамлета" не является автором "Гамлета".
 б. Автор "Гамлета" мог бы и не быть автором "Гамлета".

И еще один аспект той же проблемы можно продемонстрировать на следующем примере Куайна (Quine 1971). Пусть имеется некий человек в желтой шляпе, которого наш знакомый Ральф видел при сомнительных обстоятельствах и считает шпионом. Кроме того, имеется уважаемый член общества Б. Орткэтт, — то же лицо, но Ральф об этом не подозревает. Вопрос в том, можно ли в этой ситуации считать истинным высказывание

- (7) Ральф считает, что Орткэтт — шпион.

Высказывание (7) допускает и такое понимание, при котором оно истинно в этой ситуации, и такое, при котором оно ложно, поскольку истинно

- (8) Ральф не считает, что Орткэтт — шпион.

Если примеры (1)–(6) демонстрировали существование прозрачных и непрозрачных контекстов употребления имен и дескрипций, то (7) представляет собой пример предложения, которое допускает одновременно прозрачное (*de re*) и непрозрачное (*de dicto*) понимание (прочтение, интерпретацию) одного и того же имени. Понимание имени будет прозрачным, если данное наименование этого лица использует говорящий, а субъект пропозициональной установки, имея в виду то же лицо, быть может, называет его при этом другим именем. Высказывание (7) в этом понимании, (7а), истинно: Ральф может считать Орткэтта шпионом, называя его про себя "человек в желтой шляпе". Понимание непрозрачно, если данное наименование принадлежит субъекту пропозициональной установки. В этом понимании, (7б), высказывание (7) ложно.

Предлагались следующие трактовки противопоставления *de re* / *de dicto*:

I. Один способ представления семантических различий между прозрачным и непрозрачным пониманием именных групп в контексте пропозициональных установок предложен Э. Кинэнном, см. Keenan 1972 и служит прямым продолжением идеи Расселла (Russell 1920/1982) о различении сфер действия дескрипции, ср. также Peterson 1979 и McCawley 1971. Предложению (9) приписывается две структуры, которые различаются сферой действия дескрипции; структура (9а), где дескрипция снаружи, выражает прозрачное понимание, *de re*, а (9б), где дескрипция входит в сферу действия предиката пропозициональной установки, непрозрачное понимание, *de dicto*:

- (9) Джона удивило, что чемпион был пьян:
 а. ($t\ x$) (x чемпион) Джона удивило (x пьян);
 б. Джона удивило ($t\ x$) (x чемпион) (x пьян).

Эти формулы оставляют, однако, ряд неясностей, Во-первых, оператор дескрипции — не вполне адекватное средство представления конкретной

референции, см. Падучева 1985а: 89. Во-вторых, неясно, что означает нахождение оператора дескрипции в сфере действия пропозициональной установки; например, признает ли в этом случае говорящий существование какого-либо лица, составляющего предмет суждения Джона, или же он допускает, что все его суждение ни о чем, чистый мираж.

Содержательно, различие между (9а) и (9б) состоит в том, что при понимании (9а) удивление Джона касается индивида как такового, безотносительно к дескрипции, а в (9б) его удивляет нетрезвость чемпиона в его аспекте чемпиона. Едва ли, однако, это различие действительно выявляется данными структурами.

II. Куайн (см. Quine 1971) предлагает описывать противопоставление *de re / de dicto*, различая два значения у глаголов пропозициональной установки: один — когда этот глагол обозначает отношение (в логическом, т. е. экстенциональном, смысле слова), и второй — понятийный, т. е. интенциональный. В частности, у глагола *считать* различаются: интенциональное значение *считать_i*, которое выражает связь между обладателем мнения и суждением, выражаемым в придаточном предложении, т. е. интенционалом придаточного, и экстенциональное значение *считать_e* — отношение, трехместное, между обладателем мнения; объектом, свойство которого выражается во мнении; и самим свойством. Тогда предложение (7) в значении (7б), когда оно понимается как содержащее *считать_i*, ложно; а когда оно понимается в значении (7а), как содержащее *считать_e*, т. е. как синонимичное предложению (10), оно истинно:

(10) Ральф считает про Орткатта, что он шпион.

В соответствии с проведенным анализом получается, что в одной и той же ситуации истинны два противоположных утверждения с глаголом *считать_e*:

(I) Ральф считает про Орткатта, что он шпион;

(II) Ральф не считает про Орткатта, что он шпион.

Но это отражает действительную противоречивость представлений Ральфа! С глаголом *считать_i* истинно только одно из двух противоречащих друг другу утверждений, а именно (II); в самом деле, (I) — это (7) в значении (7б), которое, как мы видели, ложно.

Решение Куайна дает удовлетворительное объяснение невзаимозаменимости тождественных в (2а)–(4а): эти предложения понимаются *de dicto*, так что один из аргументов пропозициональной установки — суждение; ясно, что если заменить в суждении некоторый компонент — имя — на компонент с другим смыслом, суждение изменится; но тогда и не удивительно, что при изменении аргумента изменится истинностное значение высказывания. Получают объяснение и примеры (5), (6): непротиворечивые понимания (5б) и (6б) — это понимания *de re*.

Однако по-прежнему остается неясным референциальный статус ИГ в непрозрачном ее понимании: Куайн утверждает, что при непрозрачном понимании индивидуальные термы не имеют референции. Между тем это явно противоречит интуиции: утверждая (7) в значении (7б), говорящий, как и Ральф, признает существование Орткатта.

Рассмотрим предложения:

(11) Ральф считает, что человек в желтой шляпе — шпион;

(12) Ральф считает про человека в желтой шляпе, что он шпион.

Куайн считает, что справедлива импликация (11) → (12). Но в действительности эта импликация справедлива только при условии референтности (в реальном мире, т. е. в мире говорящего) объекта, о котором идет речь в суждении. Таким образом, проблема референции для термина в непрозрачном понимании вовсе не снимается указанием на непрозрачность понимания.

Действительно, референциальные свойства термов в непрозрачном понимании могут быть различны. Так, в высказывании (11), хотя оно и понимается *de dicto*, т. е. наименование принадлежит субъекту установки, говорящий, тем не менее, не снимает с себя ответственности за существование и единственность человека в желтой шляпе. А в других случаях это не так очевидно. Например, высказывание (13) вполне допускает такое понимание, при котором референция говорящего отсутствует и крокодил существует только в мире представлений или фантазий Марии (ср. многочисленные примеры такого рода в Schiebe 1979):

(13) Мария считает, что соседский крокодил пугает по ночам ее кошку.

Итак, противопоставление *de re / de dicto* не выражает всех нужных различий, поскольку в рассматриваемых примерах фигурирует не одно противопоставление, а по крайней мере два:

1) Присоединяется или не присоединяется говорящий к референции субъекта пропозициональной установки при передаче его мнения (ср. Searle 1979: 158). В первом случае терм имеет референт также и в мире говорящего; во втором терм имеет ограниченную референцию — только в мире субъекта установки.

2) В случае, если референция говорящего имеет место, говорящий либо присоединяется к наименованию — и, тем самым, к концепту — которые дает предмету субъект пропозициональной установки, либо заменяет его наименование на свое (ср. Reinhart 1975).

Первое противопоставление позволяет провести разграничение между высказыванием (11) и нереферентным пониманием (13); а второе — между (11) и (7а).

Из сказанного следует, что понимание смысла высказывания, передающего чужую пропозициональную установку (с помощью сложного предложения, содержащего имя или дескрипцию в составе придаточного), требует знания исполнителей двух ролей. Одна роль — субъекта референции; другая — субъекта номинации. В высказывании, понимаемом *de dicto*, субъект пропозициональной установки должен быть исполнителем обеих ролей, а говорящий может не исполнять ни одной. В высказывании *de re* говорящий обязательно должен быть исполнителем обеих ролей, а субъект установки может не быть автором наименования (однако он не может не быть субъектом референции, поскольку референция задана структурой ИГ).

В Таблице ниже представлены возможные сочетания исполнителей обеих ролей в составе одного высказывания.

Таблица

Понимание	Субъект референции		Субъект номинации		N	Примеры
	Субъект установки	Говорящий	Субъект установки	Говорящий		
de dicto	+	+	+	+	1	Ральф считает, что <i>человек в желтой шляпе</i> — шпион
	+	+	+	-	2	Мария считает, что " <i>наш попугай</i> " опять проштрафился
	+	-	+	+	3	Мария считает, что <i>соседский крокодил</i> пугает ее кошку
	+	-	+	-	4	Мария считает, что " <i>зеленое чудовище</i> " пугает ее кошку
de re	+	+	+	+	5	Ральф считает, что <i>человек в желтой шляпе</i> — шпион
	-	+	-	+	6	Ральф считает, что <i>Орткатт</i> — шпион

В связи с противопоставлением de re / de dicto возникает следующий вопрос: почему иногда имя или дескрипция в контексте предиката пропозициональной установки допускает оба понимания (de re и de dicto), как в (7), а иногда только одно, как (2а) или (3а). Ведь если бы оба понимания были возможны всегда, то построить примеры обращения истинного высказывания в ложное, такие как (2)–(4), было бы невозможно. В самом деле, высказывание (11) *Ральф считает, что человек в желтой шляпе — шпион* при подстановке на базе тождества (неизвестного Ральфу) *человек в желтой шляпе* = *Орткатт* не обращается в ложь, поскольку получающееся высказывание (7) допускает понимание de re, и в этом понимании оно истинно.

И действительно, высказывание (4а), которое, по Куайну, демонстрирует невозможность подстановки на базе тождества *Тегусигальпа* = *столица Гондураса*, выполняет эту роль лишь постольку, поскольку мы не сомневаемся, что (4б) исключает понимание de re. Между тем интерпретация de re для (4б), вообще говоря, не исключена: она вполне естественна, например, со стороны человека, который хотел бы подчеркнуть до смешного слабую осведомленность Филиппа в географии. Т. е. она вполне возможна в качестве особого демагогического приема или фигуры речи. Но ведь и у высказывания (5б), для которого понимание de re считается допустимым, оно допустимо лишь постольку, поскольку мы соглашаемся признать законной эту самую фигуру речи. Впрочем, для высказывания (5б) естественность демагогического понимания объясняется тем, что его понимание de dicto противоречиво, так что понимание de re вынуждается грайсовским прин-

ципом кооперации, который заставляет говорящего до последней возможности искать для высказывания осмысленное понимание.

Разумеется, при оценке допустимости понимания *de re* возможны колебания, но все они в конечном счете сводятся к тому, в какой мере мы признаем намерение говорящего исказить мнение или желание субъекта установки для достижения какой-то своей цели (например, для выявления нелепости этого мнения или неразумности желания) законной частью содержания его высказывания. Так, для фразы *Один герой Марка Твена хотел жениться на своей бабушке* понимание *de re* вполне естественно (при том, что тот человек не знал про женщину, на которой хотел жениться, что она его бабушка, так же как и Эдип не знал о своих родственных связях с Иокастой), потому что здесь мы согласны признать демагогический прием частью коммуникативного намерения говорящего. Поставив вопрос таким образом, мы легко убеждаемся в том, что для высказывания (2б) не исключен контекст, где его демагогическое употребление *de re* становится возможным.

Затрудненность интерпретации *de re* для предложения (3б) возможно, носит принципиальный характер: в (3б) глагол пропозициональной установки — *знать*, а подчиненное ему суждение — это, фактически, суждение о тождестве:

(3а) = 'Эдип знал, что его жена — это Иокаста';

(3б) = 'Эдип знал, что его жена — это его мать'.

Искажение, которое произошло бы при демагогическом употреблении *de re*, сводится к намеренному игнорированию говорящим того, что субъект установки не знает именно этого тождества: тем самым ложная импликатура о знании субъектом установки этого тождества в данном случае противоречит в с е м у ассертивному содержанию его установки, а не презумптивной его части, как, например, в (5б).

Вернемся теперь к Таблице. Строка 6 соответствует, как теперь ясно, демагогическому пониманию *de re*. Строки 2 и 4 соответствуют ситуации отмежевания говорящего от авторства номинации, которое требует в письменной речи кавычек, т. е. это случай цитирования, см. главу 6. Строка 3 соответствует случаю, когда говорящий не присоединяется к референции субъекта установки. Такая ситуация не очень естественна, если речь идет об определенной дескрипции в тематической позиции; однако для неопределенной ИГ, а также для ИГ, не входящей в состав темы предложения, она вполне естественна, ср. *Мария считает, что какой-то крокодил пугает ее кошку*; или *Мария считает, что ее кошку пугает соседский крокодил*. В нижеследующей фразе повествователь не обязан допускать существование болотного беса:

Она сделалась беременною и никак не могла удовлетворительно объяснить сего случая. Глас народный обвинил *болотного беса*. (Пушкин. "История села Горюхина").

В строках 1 и 5 все признаки совпадают; это значит, что противопоставление *de re/de dicto* определено таким образом, что при отсутствии

расхождения между говорящим и субъектом установки интерпретация является одновременно *de re* и *de dicto*.

Таблица дает ответ на вопрос о референциальном статусе термов и дескрипций в составе предложений с прочтением *de dicto*. А именно, приходится признать, что помимо обычного конкретно-референтного статуса, т. е. референтности в мире говорящего, терм может обладать ограниченной референцией — референцией в мире субъекта пропозициональной установки, см. примеры в строках 3, 4.

Возможность приписать авторство наименования говорящему или субъекту установки до некоторой степени зависит от структуры ИГ:

1. Если это дескрипция, т. е. если ИГ приписывает предмету какой-то концепт (не оценочного, а характеризующего типа), то в прагматически нейтральной ситуации субъект установки обязательно входит в число авторов номинации — быть может, вместе с говорящим, см. пример (11). Если субъект установки исключен из числа авторов номинации, это однозначно осознается как демагогический прием или какая-то иная фигура речи.

2. Если это собственное имя (которое не приписывает предмету никакого эксплицитно выраженного концепта), то субъектом номинации может быть в равной мере и субъект установки, и говорящий. Поэтому фраза (7), действительно, свободно допускает понимание *de re* в ситуации, когда субъект установки не является субъектом номинации.

3. Если ИГ имеет дейктическую семантику, то субъектом номинации, как правило, будет говорящий. Так, для фразы

(14) Ральф считает, что вон тот человек — шпион
понимание *de re* — единственно возможное. То же самое верно для фразы (15), с дейктической ИГ *твоей сестре*:

(15) Мне кажется, что Иван хочет жениться на твоей сестре.

Эта фраза — совершенно законное, не искаженное изложение желания Ивана, даже в ситуации, когда сам Иван не знает, что та, на ком он хочет жениться, — сестра собеседника говорящего.

4. Если в состав термина входит аппозитивное придаточное, т. е. как бы вводное предложение, то автором содержащейся в нем пропозиции является говорящий, а не субъект пропозициональной установки; так, высказывание

Иван говорит, что его сосед, которого ты видел однажды у Егоровых, уехал на Шпицберген,

уместно и в такой ситуации, когда сам Иван не мог бы дать уехавшему на Шпицберген такую характеристику, ср. McCawley 1971.

5. Наконец, отдельное правило касается оценочных компонентов в составе значения ИГ — они с одинаковым успехом могут быть приписаны и субъекту пропозициональной установки, и говорящему; так, фраза (16) в этом смысле неоднозначна:

(16) Мария боится, что *ее балбес* опять получил двойку.

Следует подчеркнуть, что побочные прагматические эффекты при передаче чужой установки с помощью дескрипции, в которой субъект установки не является автором номинации, возникают только тогда, когда дескрипция входит в состав придаточного предложения; в конструкции, где подобно примеру (12), предмет суждения вынесен из придаточного предложения в главное, субъект установки теряет свое преимущественное право на авторство номинации. Заметим, что конструкция с выносом предмета суждения из придаточного предложения в главное имеет широкое распространение, ср. примеры из Достоевского (цитируются по книге Иванчикова 1979: 275):

Мальчик знал *про мать свою*, что она его очень любит, но вряд ли очень любил ее сам;

Рассказывали *про Виргинского*, что супруга его, не пробыв с ним и году в законном браке, вдруг объявила ему, что он оставлен;

О соседках Васин сообщил, что живут они здесь недели с три;

О таких, как Дергачев, я вырвал у него раз заметку, что они ниже всякой критики.

Референция, ограниченная миром субъекта пропозициональной установки, возможна не только у определенных ИГ, но и у неопределенных; так, у фразы

(17) Маша говорит, что к ней вчера приходил *какой-то человек*

основное понимание — такое, при котором субъектом неизвестности является субъект пропозициональной установки, и в этом случае имеет место неопределенная референция в мире субъекта пропозициональной установки (ср. Peterson 1979, а также Langendonck 1979).

Особый интерес представляют так наз. слабоопределенные ИГ (содержащие местоимения *некоторый, кое-какой, один*). Они обладают сложной семантикой: говорящий имеет в виду определенный объект, но не предполагает у слушателя способности идентифицировать этот объект, см. Падучева 1985а: 90. Слабая определенность, ограниченная миром субъекта установки, невозможна. Предложение с местоимением слабой определенности не поддается переводу из прямой речи в косвенную: местоимение либо делает предложение неправильным, как в (18), либо меняет смысл, как в (19):

(18) а. Вася сказал: "У меня кое-что для тебя есть".

б. Вася сказал, что у него что-то (*?кое-что*) для меня есть.

(19) а. Вася сказал: "Я купил тебе одну книгу".

б. Вася сказал, что он купил мне какую-то (*?одну*) книгу.

Итак, из сказанного следует, что решение проблемы неэкстенциональных контекстов требует расширения концептуального аппарата теории референции — для конкретной референции следует различать мир говорящего (= реальный мир) и мир субъекта установки, а у говорящего следует различить ипостась субъекта референции и автора номинации. О связи между *de re / de dicto* и внешней / внутренней точкой зрения на ситуацию см. Булыгина, Шмелев 1994.

Глава 3

ЭГОЦЕНТРИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЯЗЫКА. РЕЖИМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

1. Каноническая ситуация общения

В разных литературных текстах присутствие автора ощущается в разной степени. Однако художественный текст, в котором не было бы вообще никаких следов его создателя, в принципе невозможен. По свидетельству В. В. Виноградова, такая задача была в свое время поставлена Чернышевским, который хотел написать роман, где читатель не смог бы услышать голоса автора. Замысел, однако, остался неосуществленным.

Дело в том, что присутствие автора (и авторской точки зрения) в художественном тексте есть следствие того, что присутствие говорящего и, соответственно, точки зрения говорящего в любом тексте предписывается семантикой самых обычных слов и грамматических категорий естественного языка. Хорошо известный класс таких слов составляют *дейктические* слова, которые принимают непосредственное участие в референции — в отождествлении лиц, предметов, временных интервалов и участков пространства (таковы местоимения *я, ты, здесь, сейчас, тут, там, тот, тот* или русские частицы *вон* и *вот*, обладающие идиосинкратическим сочетанием значений, в силу которого они плохо переводятся на другие языки). Бертран Рассел (Russell 1940: 134) назвал слова этого рода *эгоцентрическими*, поскольку они ориентированы на *его*, т. е. на говорящего. Представляется, однако, целесообразным использовать этот термин в лингвистике в более широком значении и относить к *эгоцентрическим* не только *дейктические* слова и элементы, но и показатели так называемой *субъективной модальности* — вводные слова; предложения с *эксплицированной* иллокутивной функцией; модальные слова и частицы, которые подразумевают говорящего, и т. п. Роману Якобсону принадлежит заслуга объединения *дейктических* и *модальных* элементов в единую языковую категорию так называемых *шифтеров*: "шифтеры

отличаются от всех других компонентов языкового кода обязательной ссылкой на данное сообщение" (Jakobson 1957/1972: 98).

Для начала мы ограничимся дейктическими элементами. Язык, среди прочего, должен обеспечивать говорящим возможность осуществлять референцию к бесконечному числу объектов и явлений, и главный инструмент референции в естественном языке — это дейксис. Дейктические слова и категории служат для идентификации объектов, событий, отрезков времени и пространства и т. д. через их отношение к речевой ситуации. Дейктические слова — это *я, ты, здесь, сейчас*; пример дейктической грамматической категории — время.

Нормальное функционирование языка происходит в контексте полноценной речевой ситуации. Как пишет Лайонз, "there is much in the structure of languages that can only be explained on the assumption that they have developed for communication in face-to-face interaction" (Lyons 1978: 637). В определение полноценной речевой ситуации — канонической по Лайонзу (Lyons 1978: 637) — входят следующие условия:

I. Говорящий и слушающий присутствуют в контексте сообщения.

II (единство времени). Момент произнесения высказывания говорящим совпадает с моментом его восприятия слушающим.

III (единство места). Говорящий и слушающий находятся в одном и том же месте; обычно отсюда следует, что они могут видеть друг друга и имеют общее поле зрения.

Разумеется, мы можем говорить об условиях II и III, только если выполнено условие I; но II и III взаимно независимы.

Естественный язык изобилует дейктическими элементами, т. е. словами и грамматическими категориями, смысл которых содержит отсылку к речевой ситуации, к тем или иным ее компонентам или параметрам. Именно эта привязка к речевой ситуации и обеспечивает однозначность референции. Рассел делает смелое утверждение: "There can be no question that the non mental world can be fully described without the use of egocentric words" (Russell 1940: 135). Думается, его легче опровергнуть, чем доказать. Каждый, кому случалось давать или выслушивать объяснения дороги, знает, сколь тяжело идентифицировать объекты и участки пространства в неканонической речевой ситуации, когда нельзя прибегнуть к дейксису.

Следующие компоненты речевой ситуации могут быть существенны: говорящий и слушающий; их положение в пространстве и во времени; их указательные жесты, реальные или воображаемые.

В нормальных условиях коммуникации дейктические элементы ориентированы на говорящего; так, *сейчас* значит 'в момент речи', т. е. 'в настоящий момент говорящего'; *здесь* значит 'в том месте, где находится говорящий в момент речи'. Следует, однако, иметь в виду, что эти определения опираются на допущение о каноничности речевой ситуации, которая принимается как данное; на самом деле значение дейктического элемента может принимать во внимание не только говорящего, но и слушающего и, вообще, коммуникативную ситуацию в полном объеме.

Например, семантика частиц *вот* ≈ 'тут находится' и *вон* ≈ 'там находится', равно как и сочетаний *вот этот* = 'тот, который находится тут', *вон тот* = 'тот, который находится там', *вот такой* = 'такой, как я показываю' (напр., *вот такой величины* = 'такой величины, как я показываю'), включает отсылку к указательным жестам говорящего и, следовательно, предполагает каноническую ситуацию в самом полном смысле — говорящий и слушающий должны видеть друг друга.

Полноценный говорящий — это говорящий в канонической коммуникативной ситуации, т. е. такой говорящий, который имеет слушателя, причем синхронного и с тем же полем зрения.

Момент речи часто определяют как момент произнесения высказывания, т. е. как наст. момент говорящего. Однако это верно лишь в презумпции канонической речевой ситуации, когда условия относительно слушающего выполняются сами собой. Многие аспекты смысла дейктических элементов существенно проясняются, когда мы наблюдаем за их поведением в неканонической коммуникативной ситуации: в неканонической ситуации дейктический элемент может менять значение или не употребляться вовсе. Несколько примеров.

ПРИМЕР 1. Телефонный разговор: место говорящего в момент произнесения высказывания не совпадает с местом слушающего; не выполняется условие III. Этот контекст проясняет значение местоименного наречия *там*: неверно было бы сказать, что *там* = 'в месте, где не находится говорящий в момент произнесения высказывания': если это то место, которое в данный момент занимает адресат, то оно не может быть обозначено как *там*. Например, если я разговариваю с Парижем, сам будучи в Москве (пример из Lyons 1978: 579), я не могу сказать *Я скоро буду там*, имея в виду 'в Париже'. Надо сказать *Я скоро буду у Вас* (можно, правда, сказать *там у вас*). Тем самым, мы видим, что русское *там* ориентировано не на одного только говорящего, а принимает во внимание также и местоположение адресата. То же касается слова *туда*. Таким образом, ситуация телефонного разговора проясняет значение наречий места — в точности потому, что в этой ситуации не выполняется условие III о единстве места.

ПРИМЕР 2. Ситуация письменного сообщения; здесь не выполняется условие II о единстве времени. Условие о единстве места может и соблюдаться — например, в случае записки, оставляемой на двери или на столе. Эта ситуация проясняет значение слова *сейчас*: пишущий письмо скорее скажет не *сейчас*, а *сейчас, когда я пишу это письмо*. Впрочем значение *сейчас* не зависит от презумпции каноничности так сильно, как *там*.

Что заведомо страдает в неканонической ситуации, так это однозначность референции: отсылка к настоящему моменту, в условиях несинхронности отправления и восприятия сообщения, становится неинформативной, как в классических образцах записок, оставляемых на дверях, типа *Ушла на базу. Вернусь через час* (известный пример — записка Кристофера Робина: GONE OUT BACK SOON C. R.).

Имеется стратегия интерпретации дейктических элементов, которую Лайонз называет дейктической проекцией (Lyons 1978: 579): дейктический элемент, который нормально ориентируется на говорящего

как на точку отсчета, оказывается ориентирован на слушающего. Примером дейктической проекции может служить эпистолярное прошедшее в классической латыни: пишущий нормально обозначал свое наст. время с помощью грамматического прошедшего, поскольку это время должно было стать прошедшим в момент получения письма адресатом, см. Jespersen 1924/1958: 343.

Дейктическая проекция является основной стратегией понимания дейктических элементов в разного рода плакатах, лозунгах и объявлениях; так, в надписи *Здесь не курят* мы понимаем *здесь* как 'там, где находится адресат'; говорящего это сообщение не предполагает вообще. Сообщения такого рода отвлечены от говорящего и апеллируют к актуальному местонахождению и текущему времени адресата. Ср. пример из Fillmore 1981: в оставленной на двери записке *I may be in room 2114* наст. время означает не время, когда записка была написана, а время, когда, предположительно, она может быть прочтена; т. е. время проецируется на адресата.

Условия, при которых возможна дейктическая проекция, разные для разных слов и разных языков. Так, в английском языке, как отмечает Лайонз, такая проекция возможна для some 'прийти' в таких контекстах, в которых она невозможна для here 'здесь'.

Неканонические ситуации интересны тем, что они представляют как бы промежуточный случай между разговорным языком и нарративом: ниже мы будем рассматривать повествовательный текст как высказывание, предназначенное для функционирования в неканонической коммуникативной ситуации. Мы исходим из того, что эгоцентрический элемент зависит, в своей семантике и референции, от коммуникативной ситуации. Общий принцип состоит в том, что чем больше семантика нашего эгоцентрика опирается на презумпцию каноничности, тем больше вероятность, что в неканонической ситуации он изменит свое значение.

2. Эгоцентрические элементы языка. Примеры

Языковые элементы, семантика которых предполагает, в канонической речевой ситуации, говорящего, весьма разнообразны. Назовем некоторые из них.

1) Вводные слова выражают мнение или эмоциональное состояние говорящего: *Иван, кажется, чем-то расстроен* = 'мне кажется'.

2) Так называемые слабоопределенные местоимения (см. раздел 7 главы 2 и Падучева 1985а: 90) выражают неопределенность идентификации объекта, которая входит в намерение говорящего; отсюда аномальность фразы (2):

(1) Он женат на одной полячке;

(2) *Мне сказали, что он женат на одной полячке.

Фраза (1) означает, что говорящий знает женщину, т. е. способен идентифицировать ее перцептивно или дескриптивно (ср. знание по знакомству и знание по описанию в смысле Рассела), но не имеет в виду передать эту свою способность адресату; поэтому аномальна фраза (2), где говорящий

цитирует чьи-то слова, так что сложная семантика слабоопределенного местоимения повисает в воздухе.

3) Презумпции, входящие в семантику слова, — это, в контексте канонической речевой ситуации, презумпции говорящего; так, во фразе *Он пенсионер, но любит музыку* не кто иной, как говорящий является носителем выражаемого союзом *но* ощущения противоречия между двумя фактами — в данном случае вполне совместимыми.

4) Номинация объекта тоже может подразумевать говорящего; так, во фразе *Сестра волнуется* предпочтительной "точкой опоры" для референциально неполноценного существительного *сестра* является говорящий: *сестра* = 'сестра говорящего'. Здесь, впрочем, говорящий фигурирует только по умолчанию: в соответствующем контексте это может оказаться сестра слушающего или другого человека, выделенного в контексте.

5) Оценка — это оценка говорящего; ср. пример из Успенский 1970: 24:

Тут собака *Калин царь* говорил Илье да таковы слова: Ай ты старья казак да Илья Муромец! Да служи-тко ты *собаке царю Калину*. ("Онежские былины").

Аномальность последней фразы этого текста объясняется тем, что пейоративная номинация *Калина-царя* попадает в прямую речь самого *Калина-царя*, и он оказывается автором номинации; вне этого контекста, в первой фразе, отрицательная оценка *Калина-царя* интерпретируется как оценка говорящего, и аномалии не возникает.

3. Говорящий и его ипостаси

Семантика слов и грамматических категорий естественного языка предполагает говорящего в нескольких различных ролях, и в канонической речевой ситуации все эти роли выполняет реальный говорящий. Так, мы можем различить у говорящего следующие роли (Падучева 1991а):

- 1) Говорящий как субъект дейксиса;
- 2) Говорящий как субъект речи;
- 3) Говорящий как субъект сознания;
- 4) Говорящий как субъект восприятия.

Заметим, что в 1-м и 4-м из указанных аспектов понятия говорящего существенно, что говорящий — это, помимо всего прочего, физическое тело, занимающее определенное положение в пространстве (о принципиальной связи восприятия с местом см. Wierzbicka 1980: 107); тогда как для 2-го и 3-го аспектов физические координаты и параметры говорящего не играют роли (основные акты сознания и воли не локализуются в пространстве); именно это заставляет рассматривать восприятие отдельно от других актов сознания. Несколько примеров.

1. Говорящий как субъект дейксиса — это наиболее традиционный объект изучения в лингвистике, и этот аспект фигуры говорящего лучше всего описан. Как уже говорилось, *здесь* = 'в том месте, где находится говорящий (в момент данной своей речи)'; *там* = 'в некотором месте, удаленном от говорящего и не занятого адресатом', и т. д., см. раздел 1. Гово-

рящий является началом той "системы координат", которая служит участникам речевой ситуации в качестве главного орудия референции.

2. Говорящий как субъект речи обнаруживает себя в семантике речевых актов. Пример (1) известен как парадокс Мура:

- (1) а. Она красива, но Джон так не считает.
б. *Она красива, но я так не считаю.

Почему предложение (б) аномально, хотя (а) звучит вполне естественно? Дело в том, что говорящий должен считать, что то, что он говорит, имеет место: когда он утверждает нечто, он берет на себя эпистемическое обязательство, т. е. ответственность за истинность утверждаемой позиции.

Роль говорящего с особой силой обнаруживается в семантике косвенных речевых актов, как это демонстрирует пример (2):

- (2) Зачем ты открыл форточку?

Высказывание (2) выражает упрек; при этом именно говорящий является субъектом отрицательной оценки, входящей в семантику речевого акта упрека. Аналогичным образом, говорящий "маячит на задворках" высказывания с любой другой иллокутивной функцией — особенно если это не просто утверждение (хотя и семантика утверждения включает отсылку к говорящему как к субъекту эпистемического обязательства).

Только говорящий имеет право использовать обращение и называть адресата со своей точки зрения, а именно, называть адресата *ты* или *Вы*. В серии интересных примеров из русских челобитных XVII в., которые приводятся в Успенский 1970: 35, аномалия возникает из-за того, что автор, называя себя в 3-м лице и тем самым отрицая себя как говорящего, в силу этого лишает себя права на название Адресата со своей точки зрения, т. е. права на употребление местоимения *твой*:

- (3) Государю Борису Ивановичу бьет челом <...> твой крестьянин Терешко Осипов.

Правда, в высказываниях-представлениях принцип "Нет Я, нет и Ты" может нарушаться, ср. *С Вами говорит ученый секретарь Института точной механики*. Так что в примере (3) нарушение нормы состоит в непоследовательности точки зрения: пишущий сперва называет адресата в 3-м лице, как если бы это был неучастник речевой ситуации, а потом — во 2-м, как адресата, причем в той же фразе.

3. Говорящий как субъект сознания обнаруживает себя в контексте слов и синтаксических конструкций, где субъект ментального, эмоционального или волевого состояния подразумевается семантикой предиката, но не выражен или даже не может быть выражен в тексте высказывания; такое состояние обычно интерпретируется как состояние говорящего:

- (4) а. Иван, *кажется*, чем-то расстроен;
б. *Жалко*, что он не пришел;
в. *Вдруг* он остановился (ср. **Вдруг я остановился*);
г. *К сожалению*, его нет дома;
д. *Возможно*, он придет;

- е. *Положе*, что он выиграет;
- ж. *Дай Бог*, чтобы все обошлось благополучно;
- з. Это здание *напоминает* античный храм.

Говорящий служит подразумеваемым субъектом сознания для многих предикатов в неопределенно-личном употреблении — например, для слов со значением эмоционального состояния (типа *грустно, легко*), восприятия (*видно, заметно*) или с модальным значением (типа *можно, надо, нельзя*). Другие примеры: *больно, весело, жалко, заметно, интересно, жутко, горестно, досадно, приятно, хорошо, важно, безразлично, любопытно, тошно, неловко, забавно, интересно, жарко, душно, обидно, радостно, скучно, страшно, трудно, легко* (ср. список слов категории состояния в Апресян 1985b); ср. также *плавать, лень, жаль, охота, неохота, хочется, придется, остается*. Так, *Жалко, что ты пришел* = 'мне жалко' (ср. Золотова 1973). Даже *ты* при неопределенно-личном употреблении понимается как 'я' (см. Булыгина 1990): *Ну что ты будешь делать!*, ср. в стихотворении Бродского (речь идет о расстоянии в тысячу ли):

Тысяча означает,
Что ты сейчас вдали
От родимого крова.

В то же время *стыдно* обычно предполагает 'тебе', а не 'мне': нельзя сказать *Стыдно, что я его не навестил*; надо — *мне стыдно*. Определенную роль играет тип речевого акта, в котором употреблено слово; так, в вопросах подразумеваемым субъектом будет *ты*: *Вкусно [тебе]?*

Говорящий является субъектом желания, выражаемого сослагательным наклонением, частицей *бы* (ср. *лишь бы, только бы*), разного рода пожелательными формулами (ср. *Дай Бог, чтобы*); предполагаемым субъектом модальных предикатов в безличном употреблении: *Предстояло расширить фронт работ; Может быть, потребуется изменить место встречи*.

Говорящий является подразумеваемым субъектом неопределенности; оценки; ощущения сходства и подобия; подразумеваемым субъектом ожидания / неожиданности, если они являются семантическими компонентами слова. Так, компонент ожидания входит в смысл слов *вдруг, вскоре, наконец*.

4. Говорящий выступает как субъект восприятия в примере (5):

- (5) В лесу *раздавался* топор дровосека (Некрасов);
С лестницы *доносится* странный гул;
Послышались шаги.

Рассказ Беккета "Общение" начинается фразой:

До кого-то в темноте доносится голос.

Эта фраза — намеренная аномалия: у состояния восприятия (а глагол *доносится* выражает восприятие звука) плохие внешние проявления, так что обычно мы говорим о своем собственном восприятии, а не о восприятии неизвестного нам лица. Только после того, как происходит смена фокусировки, и это неизвестное лицо оказывается фокусом эмпатии повествователя, текст перестает на некоторое время быть аномальным:

До кого-то, кто лежит на спине, в темноте, доносится голос. Он чувствует это по тому, как на него что-то давит пониже спины, и еще по тому, как меняется темнота, когда он закрывает глаза и потом снова их открывает.

Итак, разные слова и конструкции предполагают говорящего в разных ипостасях (в качестве субъекта дейксиса, субъекта речи, сознания и восприятия¹), и это дает классификацию эгоцентрических элементов, релевантную для теории нарратива, см. раздел 7 главы 5. Ниже мы рассмотрим другую классификацию эгоцентрических элементов, а именно, их деление на первичные и вторичные. Мы начнем с дейктических элементов, хотя то же противопоставление применимо и к модальным эгоцентрикам.

4. Первичный и вторичный дейксис

Вернемся к эгоцентрическим элементам в неканонических коммуникативных ситуациях и введем понятие режима интерпретации.

В работе Падучева 1986а было предложено различать речевой (он же дейктический, диалогический) и нарративный режимы интерпретации дейктических элементов — слов и грамматических форм². Эти режимы интерпретации будут в дальнейшем распространены на другие виды эгоцентриков.

Когда высказывание или данный его элемент интерпретируются в речевом режиме, т. е. в рамках канонической речевой ситуации, то роль говорящего, предусмотренная семантикой дейктического элемента, выполняется реальным говорящим. В коммуникативной ситуации нарратива нет говорящего: полноценный говорящий возможен только в условиях канонической речевой ситуации, а повествовательный текст должен интерпретироваться вне такой ситуации. В таком случае возникает вопрос: кто замещает говорящего, когда высказывание с эгоцентрическим элементом интерпретируется в нарративном режиме? Имеется две возможности: замещать говорящего может либо один из персонажей (выступающий в этот момент как представитель автора), либо специально существующий для этой цели представитель автора — повествователь.

Итак, различаются два режима интерпретации эгоцентрических элементов — речевой, когда роль говорящего выполняет реальный говорящий, и нарративный, когда текст интерпретируется в неканонической коммуникативной ситуации и полноценный говорящий отсутствует (и в пределах нарративного режима — две стратегии при выборе заместителя говорящего: заместитель-персонаж и заместитель-повествователь).

¹ В разделе 7 главы 2, в связи с анализом неэкстенциональных контекстов, была установлена необходимость различения субъекта референции и субъекта номинации. Субъект референции — это, видимо, то же, что субъект дейксиса, а субъект номинации в одних контекстах то же, что субъект сознания, а в других — то же, что субъект речи. В Goffmann 1981 различаются говорящий как автор идеи и как автор формы выражения.

² Это противопоставление приблизительно соответствует противопоставлению плана повествования (*plan de récit*) и плана речи (*plan de discours*), введенному Бенвенистом в работе Benveniste 1959, которая породила огромную литературу, см., например, Waugh 1990 с обширной библиографией.

Имеется и третий режим интерпретации эгоцентрических элементов, который можно назвать синтаксическим: эгоцентрический элемент может занимать особую синтаксическую позицию; например, если он входит в состав предложения, подчиненного глаголу речи, восприятия, мнения, эмоции, то на место говорящего встает синтаксический субъект подчиняющего предложения. Так, в примерах (6а), (6б) в роли субъекта сознания, требуемого эгоцентрическим элементом в составе подчиненного предложения, выступает не говорящий, а лицо, обозначаемое подлежащим подчиняемого предложения: в (6а) субъект уверенности — Зина; в (6б) субъект восприятия — Иван.

- (6) а. Зина считает, что Иван, *безусловно*, вернется;
 б. Иван говорит, что в этот момент на дороге *показался* я (пример из Апресян 1986а).

Синтаксическая интерпретация не независима от контекстуализации предложения в целом: может быть так, что синтаксическая интерпретация возможна для данного эгоцентрического слова, если предложение контекстуализуется в нарративе, и невозможна, если в контексте разговорного дискурса, см. подробнее в разделе 5.

Теперь обратимся к противопоставлению первичного и вторичного дейксиса, которое мы сведем к противопоставлению говорящий — наблюдатель.

Понятие наблюдателя было введено в Апресян 1986а и продемонстрировано на серии показательных примеров. Ср. пример (7):

- (7) а. На дороге *показался* всадник;
 б. *На дороге *показался* я.

Фраза (7б) аномальна: *показаться* — значит ‘начать находиться в поле зрения какого-то лица’; в (7а) это лицо — говорящий; говорящий не может начать находиться в поле зрения самого себя, тем более, что глагол *показаться* включает идею расстояния между наблюдателем и наблюдаемым объектом. Отсюда аномальность предложения (7б) с местоимением 1-го лица, где говорящий должен выступать в роли наблюдаемого объекта.

Роль наблюдателя при глаголе *показаться* может, однако, выполнять и не говорящий, а другое лицо, а именно, субъект подчиняющего предиката пропозициональной установки:

- (7') Он говорит, что в этот момент на дороге *показался* я.

Пример (7') и служит конечным доказательством того, что наблюдатель — это фигура, отличная от говорящего (в Fillmore 1982 подобные тесты были использованы при описании английского глагола *to lurk* ‘маячить’ с аналогичными свойствами).

Другой пример из Апресян 1986а. Фраза (8) звучит странно — по той же причине, что (7). Дело в том, что слово *вдалеке*, равно как и *вдали*, *вдаль*, когда не сказано, от чего, предполагают “от наблюдателя”, каковым в речевом режиме должен быть говорящий; между тем, говорящий выступает здесь как объект наблюдения:

- (8) **Вдалеке* стояли мы с Володей.

И еще один пример, иллюстрирующий понятие наблюдателя, — глаголы типа *белеть, чернеть*; так *X белеет* значит 'X белый, и лицо Y это в данный момент наблюдает' (ср. Булыгина 1982: 15). Фраза (9) аномальна по той же причине, что (8):

(9) *Мое тело белело в темноте.

Ниже мы остановимся подробнее на понятии наблюдателя, ответив на следующие естественно возникающие вопросы.

ВОПРОС 1. *Откуда берется фигура наблюдателя?* В самом деле, говорящий закономерно присутствует в любом предложении, которое контекстуализовано в речевом акте — каноническая ситуация общения предполагает говорящего и адресата. Фигура наблюдателя такого оправдания не имеет; следовательно, наблюдатель должен быть обоснован как-то иначе.

Можно думать, что фигура наблюдателя имплицитруется семантикой некоторых слов и категорий языка — таких как *показаться; белеть; вдали, вдалеке, вдаль*. Эти слова предполагают наблюдателя как одного из участников описываемой ситуации. В самом деле, у *показаться* есть семантический актант "наблюдатель", поскольку *X показался* значит 'X возник в поле зрения лица Y'; у *белеть* — поскольку *X белеет* = 'X белый, и лицо Y в данный момент это воспринимает'; слова типа *вдали* имеют валентность на ориентир (*вдали* — обязательно 'от чего-то'), причем этот ориентир является местом, где находится наблюдатель. Итак, фигура наблюдателя возникает из семантики некоторых слов и категорий предложения — а не из контекста речевого акта, как говорящий.

ВОПРОС 2. *Следует ли слова, которые предполагают наблюдателя, считать дейктическими?* Утвердительный ответ на этот вопрос отнюдь не очевиден: согласно общепринятым определениям, "by deixis is meant the location of persons, objects, events, processes and activities being talked about, or referred to, in relation to the spatiotemporal context created and sustained by the act of utterance" (Lyons 1978: 637). Конечно, роль наблюдателя в разговорном языке чаще всего выполняет тот же говорящий. Однако говорящий здесь возникает только по умолчанию — в роли наблюдателя могут выступать и другие субъекты. Так что главный аргумент состоит в том, что наблюдатель, даже если он референциально не совпадает с говорящим, имеет с ним много общего: оба порождают определенную ориентацию ситуации в пространстве (если говорить о пространственном дейксисе) относительно некоторого субъекта.

Различие между ролью (наблюдатель, говорящий) и ее "референциальными исполнителями" (говорящий, адресат, субъект установки и пр.) мы будем описывать с помощью понятия проекции: проекция — это изменение контекста, в результате которого у эгоцентрического элемента возникает иной референт. Чаще всего проекция вызывается неканоничностью коммуникативной ситуации, но не только. В разделе 2 уже шла речь о дейктической проекции, с помощью которой Лайонз описывает замещение говорящего слушающим в неканонических коммуникативных ситуациях, когда говорящий отделен от своего высказывания. Пример (7') демонстрирует то, что можно назвать синтаксической проекцией:

в контексте подчиняющего предиката пропозициональной установки роль наблюдателя выполняет субъект этого предиката, а не говорящий, как в речевом режиме и в синтаксически независимой позиции. В результате, отменяются запреты в примерах (8) и (9), которые были вызваны тождеством наблюдаемого объекта с говорящим, ср. (8) и (8'); (9) и (9'):

(8') Он считает, что вдалеке виднелись мы с Володей;

(9') Иван потом говорил, что только мое тело белело в темноте.

Своего рода проекция имеет место и в контексте речевого акта вопроса: *Ну что, он так и не показался?* = 'в твоём поле зрения'; здесь говорящего в его роли наблюдателя замещает слушающий.

ВОПРОС 3. *Какая связь между дейксисом, ориентированным на наблюдателя, и нарративным дейксисом, т. е. дейксисом в повествовательном тексте?* В Апресян 1986а фигурирует, со ссылками на Ehlich 1982 и Ehrlich 1982, понятие вторичного дейксиса, который отождествляется с нарративным. Мы будем употреблять эти термины иначе: вторичный дейксис — это тот, который ориентирован на наблюдателя. Ему противопоставлен первичный, или собственно дейксис, который ориентирован на говорящего.

При этом оказывается, однако, что между вторичным и нарративным дейксисом имеется внутренняя связь. А именно, вторичные дейктические элементы поддаются тому, что можно назвать нарративной проекцией: они употребляются в повествовательном тексте (в том числе, в традиционном нарративе) и интерпретируются в коммуникативной ситуации нарратива таким образом, что наблюдатель меняется только референциально — роль наблюдателя выполняет не говорящий, а персонаж (реже — повествователь). Семантика вторичного дейктического элемента остается при нарративном режиме та же, что при речевом.

Совершенно иначе обстоит дело с первичными дейктическими словами. В норме они не поддаются нарративной проекции: если они вообще употребляются в нарративе, то имеют при этом другой смысл, см., например, о нарративном значении прош. времени в главе II.4. То же различие между вторичными и первичными дейктическими словами в плане синтаксической проекции — для первичных синтаксическая проекция в речевом режиме чаще всего невозможна. Например, она невозможна для дейктического *там*: если Иван сказал, будучи в Австралии: "Мне там (в Москве) плохо", мы, в Москве, не можем передать его слова как *Иван сказал, что ему там плохо*.

Проекции позволяют придать референциальную определенность понятию наблюдателя: наблюдателем в речевом режиме является говорящий или субъект подчиняющей пропозициональной установки, а в нарративном его референция определяется правилами нарративной проекции (которой он всегда поддается).

ВОПРОС 4. *В Апресян 1986а наблюдатель рассматривается только в контексте пространственного дейксиса, а понятие временной точки отсчета — по Рейхенбаху — не считается относящимся к делу. Так ли это?* Есть основания считать, что наблюдатель играет такую же роль во вре-

менном вторичном дейксисе, как в пространственном. В Падучева 1989б точка отсчета по Рейхенбаху, играющая важную роль в семантике русского вида, трактуется как временная позиция наблюдателя. Фигура наблюдателя с определенной временной позицией возникает из семантики вида (в определенных его значениях, в частности, в актуально-длительном) с такой же определенностью, как наблюдатель с фиксированной пространственной позицией — из семантики пространственных наречий³. Если пространственный вторичный дейксис локализует наблюдателя в пространстве ситуации и, далее, ориентирует ситуацию относительно этого наблюдателя, то временной вторичный дейксис делает то же самое в плане временной упорядоченности событий.

Общее у первичного и вторичного дейксиса то, что в обоих случаях для правильного понимания смысла высказывания надо знать локализацию некоторого субъекта (говорящего / наблюдателя) — пространственную, если это пространственный дейксис, и временную — если временной. При первичном дейксисе это дает, в конечном счете, абсолютную локализацию предмета или явления во внешнем мире, а при вторичном дело всегда ограничивается относительной: смысл высказывания, скорее, локализует самого наблюдателя через объект, чем объект через наблюдателя. Это тоже связывает вторичный дейксис с нарративом (не следует думать, однако, что дейксис в нарративе только вторичный: собственно дейктические элементы тоже употребляются в нарративе, см. раздел 5).

Деление на первичные и вторичные имеет смысл для всех эгоцентрических элементов: вторичные — это такие, которые допускают синтаксическую (и, обычно, также нарративную) проекцию; первичные не допускают простых проекций. В самом деле, вторичные эгоцентрики ориентированы на один лишь субъект, так что коммуникативная ситуация нарратива, в которой есть повествователь, не является для них слишком узкой; между тем первичные, как правило, не просто эгоцентричны, а требуют в качестве условия интерпретации каноническую коммуникативную ситуацию во всей ее полноте, в частности, предполагают синхронного слушающего. В плане терминологическом следует оговорить, что если речь идет не о дейксисе, а о модальности, то подразумеваемого субъекта вторичного эгоцентрика уже трудно назвать наблюдателем: это просто вторичный субъект сознания.

ВОПРОС 5. *Чем отличается вторичный дейксис от анафоры?* В Апресян 1986а слово *впереди* исключается из числа вторичных дейктических элементов, поскольку для *впереди*, в отличие от *вдали*, пространственным ориентиром может быть не только наблюдатель, но и любое лицо или объект, выделенные в контексте, ср. *Она шла за тобой, а он был впереди [тебя]*. Показательно слово *мимо*, которое, согласно этому определению тоже не

³ Понятие пространственной точки отсчета (которое используется в Lyons 1978: 700 для описания семантики таких выражений, как *three miles away, on the other side of the town hall* и под. и в Ehrlich 1982 для описания нем. *da* и *dort*) тоже можно считать эквивалентным пространственной позиции наблюдателя в его противопоставлении говорящему; ср. термин "дейктическая точка наблюдения" в Leech 1969.

дейктическое. Так, в примере (10а) *мимо* = ‘мимо места, занимаемого говорящим’, в роли ориентира выступает говорящий; в (10б) *мимо* = ‘мимо места, занимаемого адресатом’; а в (10в) валентность заполняется анафорически:

- (10) а. Паду ли я, стрелой пронзенный,
Иль *мимо* пролетит она (Пушкин).
б. Шла *мимо*. Учюяла запах дыма. Решила зайти По пути (Д. Самойлов).
в. Почему ты *к ней* не зашел? Ты же проходил *мимо*.

Таким образом, дейксис противопоставлен анафоре тем, что он задает ориентир через посредство субъекта, тогда как анафора отсылает к антецеденту, не вовлекая никакого лица в число обязательных участников ситуации.

Впрочем, разница между дейктическими словами типа *вдали* и не дейктическими типа *впереди*, *справа* не столь велика. Так, во фразе

<...> по равнине *справа налево* катился чистенький желто-синий поезд ("Доктор Живаго")

справа налево ориентирует ситуацию относительно персонажа — так же, как ее ориентировало бы, например, слово *вдали*.

Дейктические элементы с указательным значением (типа *тот*, *там*, *туда*) обычно допускают также и анафорическое употребление. Однако следует подчеркнуть, что анафорическое употребление дейктического слова — это не проекция. При проекции — дейктической, синтаксической, нарративной — происходит только сдвиг референции. Между тем анафорическое употребление дейктического слова обязательно связано с изменением его значения. Так, слова *там*, *туда*, как уже говорилось, в речевом режиме имеют двойную ориентацию — на говорящего и адресата: *Я иду туда* не может быть понято как ‘туда, где находишься ты’. Даже *Я иду туда к тебе* может значить ‘туда, где ты живешь’ только при условии, что тебя там сейчас нет, поскольку у *туда* есть компонент ‘далеко от говорящего и слушающего’. При анафоре адресат не фигурирует в толковании — *там*, *туда* отсылают к тому месту, которое выделено в денотативном пространстве текста. Так, в тексте (11) при нарративном режиме интерпретации наречие *там* выступает как чистый анафор:

- (11) Я прожил [в Петербурге] неделю и, несмотря на то, что не было *там* у меня ни одного знакомого человека, провел время чрезвычайно весело. (Пушкин. "История села Горюхина")

Семантический привесок, который внесла бы замена *там* на *здесь*, — присутствие в контексте ситуации наблюдателя, т. е. субъекта с определенной пространственной локализацией. И это будет уже нарративный дейксис, а не анафора. Анафорическое *здесь* в рассказе Чехова "Невеста" кажется не вполне уместным:

Года через два перешел он в училище живописи, пробыл *здесь* чуть ли не пятнадцать лет и кончил по архитектурному отделению, с грехом пополам.

Возможность иметь дейктический и не-дейктический антецедент — это уникальное свойство нулевого анафора; подобной референциальной неоднозначности нет ни у каких анафорических местоимений, поскольку

субъекты 1-го и 2-го лица — равно как и "их" пространственно-временные отрезки (*здесь* и *сейчас*) — при повторном упоминании не могут быть названы иначе как теми же самыми местоимениями 1-го и 2-го лица, что вытекает из правила об обязательности дейксиса 1-го и 2-го лица, см. главу I.11. Так что ненулевой анафор не может иметь антецедентом участника коммуникативной ситуации.

5. Пример. Режимы интерпретации наречий времени

Ниже мы рассмотрим наречие *сейчас* с точки зрения возможностей интерпретации в трех режимах — речевом, нарративном и синтаксическом.

а. Речевой режим интерпретации

Словари русского языка (в частности, Словарь языка Пушкина) различают три значения слова *сейчас* (ср. также Мельчук 1985а):

сейчас-1 = 'в настоящий момент' (с настоящим временем глагола⁴);

сейчас-2 = 'только что' (с глаголом в прош. времени);

сейчас-3 = 'в ближайшем будущем' (с глаголом в буд. времени).

В канонической коммуникативной ситуации, т. е. при дейктической интерпретации, слово *сейчас* может употребляться во всех трех своих значениях:

(1) Я *сейчас* пишу письмо (*сейчас-1*);

(2) Я *сейчас* писал письмо (*сейчас-2*);

(3) Я *сейчас* буду писать письмо (*сейчас-3*).

Сейчас-1 выражает в речевом режиме одновременность ситуации с моментом речи, т. е. с настоящим временем говорящего. Отсюда аномальность в (4) (пример из Мельчук 1985а):

(4) К Мише нас не пустили. *Он был *сейчас* с дамой.

В самом деле, при интерпретации в речевом режиме возникает противоречие: *сейчас-1* выражает одновременность ситуации с моментом речи, а прошедшее время представляет ситуацию как предшествующую этому моменту. Нужно было сказать *в тот момент*.

⁴ Указанное ограничение сочетаемости *сейчас-1*, невозможность употребления в контексте формы прошедшего (или будущего) времени — касается только глаголов несов. вида; глагол совершенного вида сочетается с *сейчас-1* и при прош. времени (что отмечено в Мельчук 1985а). Так, во фразе *Мы сейчас изменили порядок оформления документов* слово *сейчас* употребляется в значении *сейчас-1*. Дело в том, что референциальный интервал глагола прош. времени сов. вида (в его основном, перфектном, значении), в отличие от прош. времени несов. вида, включает настоящий момент — на настоящий момент приходится результирующее состояние, наступившее сразу после осуществления действия (Падучева 1986а). Ср. сочетаемость англ. Present Perfect с *now* и другими адвербиалами, включающими в свой референциальный интервал момент речи (отмечено в Камп 1991).

б. Нарративный режим интерпретации

В нарративном режиме *сейчас-1* может обозначать либо настоящее время персонажа, пример (5), либо повествователя, пример (6) (из Raducheva 1990):

- (5) Он [Тиверзин] вышел, хлопнув дверью, и зашагал вперед, не оборачиваясь. Его окружали осенняя сырость, ночь, темнота. <...> Этот мир был ему *сейчас* ненавистнее, чем когда-либо. (Пастернак. "Доктор Живаго").
- (6) Пожилой пассажир, сидевший у окна неумолимо мчавшегося железнодорожного вагона <...>, был не кто иной, как профессор Тимофей Пнин. Идеально лысый, загорелый и гладко выбритый, он начинался довольно внушительно огромными черепаховыми очками <...>, но заканчивался несколько разочаровывающе, парой журавлиных ног (*сейчас* они во фланелевых штанах, одна на другой) и хрупкими, почти женскими ступнями. (Набоков. "Пнин").

В отрывке, составляющем пример (6) (существенно, что это первый абзац романа), повествователь вначале не обнаруживает себя в своей функции наблюдателя; только когда читатель доходит до *сейчас* — во вводной позиции, в скобках и в составе высказывания в наст. времени — он осознает, что в упомянутом железнодорожном вагоне, незримо присутствует повествователь, выступающий в роли непосредственного наблюдателя событий, происходящих с героем. Таким образом, в (6) *сейчас-1* выражает одновременность ситуации настоящему времени повествователя.

То, что время сказуемого во вводном предложении в (6) — настоящее, для интерпретации *сейчас* несущественно; время могло бы быть и прошедшим, как в (5): в нарративном режиме *сейчас-1* не противоречит прош. времени глагола, поскольку ни *сейчас-1*, ни прош. время не соотносят ситуацию с моментом речи. Наст. время в (6) — это, конечно, набоковский изыск: повествователь выступает в роли своего рода спортивного комментатора.

В примере (5) *сейчас-1* можно трактовать как анафор, отсылающий к моменту времени, фиксированному в предшествующем тексте. Пример (6) — это нарративный дейксис.

Лексемы *сейчас-2* и *сейчас-3* не поддаются интерпретации в нарративном режиме (в рамках традиционного нарратива), что заставляет отнести их к собственно дейктическим.

в. Синтаксический режим интерпретации

Вторичные дейктические элементы свободно интерпретируются в синтаксическом режиме: для них синтаксическая интерпретация, во-первых, всегда возможна — по определению, а во-вторых, не зависит от режима интерпретации главного предложения. Для первичных дейктических слов ни первое, ни второе условие не верно. Как же обстоит дело с *сейчас-1*?

Если предложение в целом понимается в нарративном ключе, то *сейчас-1* в подчиненном предложении работает как анафор, т. е. отсылает к моменту времени, фиксированному глаголом главного предложения:

- (7) Он ясно *понимал*, что *сейчас* от него требовалось/требуется;
Он *видел*, что она *сейчас* не расположена к разговору.

При этом *сейчас-1* свободно употребляется в контексте глагола прош. времени несов. вида (*сейчас... требовалось*): прош. время в (7) — это прош. нарративное, которое не выражает предшествования ситуации моменту речи; *требовалось* = *требуется*.

Если же предложение в целом включено в разговорный дискурс, то *сейчас-1* в придаточном будет пониматься только дейктически. Так, в предложении (7'), если оно вообще приемлемо, *сейчас* понимается в значении расширенного настоящего, т. е. в настоящий момент говорящего, а не в момент, когда Иван говорил; в речевом режиме синтаксическая проекция для *сейчас-1* исключена:

- (7') Иван ведь *тогда* говорил, что она *сейчас* без работы.

Синтаксическая интерпретация возможна только для предложения

- (7'') Иван ведь *тогда* говорил, что она, *мол*, *сейчас* без работы.

в котором *мол* заставляет понять придаточное, в сущности, как прямую речь.

Итак, лексема *сейчас-1* имеет как дейктическое, так и анафорическое употребление⁵. В речевом режиме — примеры (1), (7') — она выступает в дейктическом значении, а в нарративном — и дейктическом, см. (6), и как анафор, см. (5), (7). В то же время, *сейчас-1* во всех своих употреблениях означает 'в наст. момент': при дейктическом режиме это настоящий момент говорящего (момент речи); при нарративном — наст. момент персонажа или повествователя, а при синтаксическом — наст. момент субъекта подчиняющего предиката пропозициональной установки (т. е. тот момент, когда этот субъект говорил, воспринимал, мыслил, чувствовал и т. д.)⁶.

Лексема *сейчас-2* в составе подчиненного предложения не употребляется — ни в разговорном языке, ни в нарративе. Так, если мы хотим передать слова Ивана "Я сейчас видел королеву", нельзя сказать **Иван сказал, что он сейчас видел королеву* — надо употребить не *сейчас*, а *только что*. Для *сейчас-3* синтаксическая интерпретация допустима:

⁵ "Парное" *тогда* в любом режиме выступает практически только как анафор. Например, в словах Татьяны — *Онегин, я тогда моложе Я лучше, кажется, была* — слово *тогда* отсылает к моменту, точно обозначенному в предтексте: *Онегин, помните ль тот час <...>*. В самом деле, место, не совпадающее с тем, в котором находится говорящий, можно уточнить с помощью жеста, а для времени это невозможно, так что дейктическое *тогда* было бы обречено на референциальную неопределенность (ср. *И тогда, стало быть, так же будет солнце светить* — Достоевский, "Преступление и наказание"; см. о *тогда* Крылов 1984б).

⁶ В Мельчук 1985а *сейчас-1*, интерпретируемое в нарративном режиме, трактуется как отдельная лексема *сейчас-4*. Можно думать, что предлагаемое нами описание, при котором четвертого значения не возникает, представляет в более общем виде взаимодействие между лексическим значением слова и контекстами его употребления.

Если бы это был волчонок, было бы ясно, что он *сейчас* завоет, Ей казалось, что она *сейчас* упадет без чувств посреди улицы.

Интерпретация в трех режимах, в принципе, возможна и для других временных наречий. Рассмотрим, например, наречие *недавно* 'незадолго перед настоящим моментом'. Предложение (8) звучит аномально; в самом деле, для *недавно* предпочтительна интерпретация в речевом режиме, так что в (8) оно должно пониматься как 'незадолго перед моментом речи', т. е. в 1990 году. Между тем автор, конечно, имел в виду начало 60-х годов:

(8) В начале 60-х годов мне позвонил Симон Чиковани, <...> близкий друг недавно умершего Пастернака (Евтушенко, "Огонек", 1990).

Если вставить *тогда* (*тогда недавно умершего*), слово *недавно* могло бы интерпретироваться в нарративном режиме. т. е. относительно момента времени, фиксированного в тексте: наречие *тогда* отсылает к обстоятельству времени *в начале 60-х годов*, и тем самым *недавно* получает точку отсчета, фиксированную внутри самого высказывания, которая "пересиливает" исходную соотнесенность *недавно* с моментом речи.

Однако нарративная интерпретация *недавно* не исключена. Так, в примере (9а) *недавно* успешно интерпретируется в нарративном режиме: наст. момент фиксируется первым предложением текста — это момент создания митрополитом Илларионом "Слова о Законе и Благодати", и *недавно* во втором предложении выступает как анафор, поскольку оно означает 'незадолго до этого момента'. Вне контекста, где фиксирован текущий момент, который служит наст. временем для данного отрывка текста, *недавно* будет интерпретироваться в речевом режиме; ср. (9б), бессмысленное, поскольку это первая фраза текста, и временная анафора невозможна:

(9) а. "Слово о Законе и Благодати" митрополита Иллариона отделено от крещения Руси примерно полстолетием. Совсем *недавно* практиковались обычные человеческих жертвоприношений; совсем *недавно* князь Владимир предпринимал последнюю попытку поднять язычество в ранг государственной религии, ставя кумиров у теремного двора, — и уже сознание стало иным. (С. Аверинцев)

б. Совсем *недавно* князь Владимир сделал последнюю попытку.

В примере (10) (последняя фраза рассказа Горького "О первой любви") *недавно* интерпретируется в речевом режиме — через отсылку к вне-текстовому наст. времени повествователя. При этом создается специальный эффект — иллюзия принадлежности повествователя к реальному миру, т. е. его существования, не ограниченного пределами текста:

(10) *Недавно* она умерла.

Ср. тот же прием в "Старосветских помещиках": *Я недавно услышал о его смерти.*

Слово *давно* в определенном контексте тоже допускает интерпретацию в нарративном ключе; так, в (11) *еще давно, в июне 1937-го* означает, что июнь 1937-го отделен большим отрезком времени от того момента, кото-

рый фиксирован в первом предложении, а не от 1992 года, к которому относится наст. момент говорящего:

- (11) Осип Эмильевич и сам понимал небеспредельность писательской власти и ничего решительного не ждал. Еще *давно*, в июне 1937-го, он писал... (Э. Поляновский. "Известия", 1992).

Адвербиальные сочетания типа *два года (три дня, две минуты) тому назад* нормально интерпретируются в дейктическом ключе, т. е. точкой отсчета для них служит момент речи, ср. в Fillmore 1982 об англ. *ago* 'тому назад' с теми же свойствами. Сочетания со словом *спустя*, напротив, имеют предпочтительно нарративную интерпретацию. Так, в рассказе Довлатова "Ищу человека" первая фраза текста обыгрывает аномалию, возникающую из-за того, что сочетание *четыре года спустя* употребляется в контексте, где еще не фиксирован момент, способный служить для него точкой отсчета:

- (12) *Четыре года спустя* на лице журналистки Агаповой появится глубокий след от удара металлической рейшиной. (Довлатов. "Ищу человека").

Сочетания с предлогом *через* (*через два дня, три года* и под.) допускают обе интерпретации — и дейктическую, и нарративную.

Представляет также интерес сочетание *до сих пор*:

- (13) а. Бабушка *до сих пор* любит его без памяти. ("Пиковая дама")
б. *До сих пор* бабушка любила его без памяти.

В предложении (13а), с глаголом в наст. времени, у *до сих пор* интерпретация однозначно дейктическая (наст. момент = момент речи), и предложение имеет только одно значение: 'до настоящего момента любила, и в настоящий момент продолжает любить'. Но (13б), где глагол стоит в прош. времени, допускает обе интерпретации, причем различие между ними усиливается неоднозначностью несов. вида:

– в дейктическом ключе, т. е. при дейктической интерпретации адвербиала и прош. времени, (13б) = 'до момента речи любила; ее чувства в настоящий момент неизвестны'; НСВ в общефактическом значении;

– в нарративном ключе (13б) = 'любила до момента, фиксированного в предшествующем тексте как наст. время персонажа, и продолжает любить в этот момент'; НСВ в актуально-длительном значении.

Ср. отрывок из рассказа Набокова "Круг", где *недавно* и *до сих пор* должны по смыслу интерпретироваться в нарративном ключе (относительно текущего момента текстового времени), и в итеративном значении, хотя в силу своей природы они сопротивляются такой трактовке:

В лесу он усаживался на толстый ствол березы, *недавно* поваленной грозой (и *до сих пор* всеми своими листьями трепещущей от удара), курил <...> или предавался мрачному раздумью.

Итак мы видим, что нарративная интерпретация наречия — это не что иное как анафора к моменту времени, фиксированному в тексте.

6. Прочие типы эгоцентрических элементов

Мы рассмотрели эгоцентрические элементы, в которых говорящий выступал в роли субъекта дейксиса. Обратимся теперь к эгоцентрикам, которые предполагают говорящего в роли субъекта речи и сознания, в том числе восприятия.

Имеются многочисленные слова и обороты, которые, в силу своей семантики, предполагают субъект речи или субъект сознания, причем этот субъект не выражен (или даже не может быть выражен) при них синтаксически — как синтаксический актант. Когда эти слова употребляются в речевом режиме, т. е. в канонической речевой ситуации, в роли такого субъекта при этих словах нормально выступает говорящий. Что же происходит, когда эти слова употребляются в повествовательном тексте, где нет полноценного говорящего? Ситуация здесь полностью аналогична дейксису. В качестве заместителя говорящего в повествовательном тексте выступает либо повествователь, либо персонаж. Можно сформулировать следующие общие положения.

Тезис 1. Если семантика эгоцентрического элемента предполагает только субъект сознания, то заместителем говорящего в нарративе может быть персонаж (повествователь, конечно, тоже не исключен).

Тезис 2. Если же семантика слова или оборота предполагает говорящего в его роли субъекта речи, то в интерпретации текста с этим словом в традиционном нарративе принимает участие повествователь: персонаж в норме не замещает говорящего в этой его “эксклюзивной” роли.

Тезис 3. Если семантика языкового элемента предполагает субъект речи, а по смыслу этим субъектом оказывается персонаж, то повествовательная форма такого текста идентифицируется как свободный косвенный дискурс.

Ниже мы рассмотрим несколько групп слов с эгоцентрической семантикой (исключая дейксис, о котором уже шла речь выше) и проследим их поведение в повествовательном тексте.

1. Метатекстовые элементы. То, что в Wierzbicka 1971/1978 называется метатекстовыми элементами, — это, в основном, вводные слова и обороты с семантическим элементом ‘говорить’. Ниже приведен перечень метатекстовых оборотов, составленный по материалам из Вежбицка 1968, Wierzbicka 1971/1978 и Грамматика 1980:

а именно
без преувеличения
более того
в довершение всего
в каком-то смысле
в конце концов
в общем
в частности

например
напротив
начать с того
нечего сказать
однако
одним словом
откровенно говоря
по крайней мере

<i>в строгом смысле слова</i>	<i>по правде говоря</i>
<i>в сущности (говоря)</i>	<i>по существу</i>
<i>вдобавок</i>	<i>попросту</i>
<i>вернее сказать</i>	<i>прежде всего</i>
<i>во всяком случае</i>	<i>признать по правде</i>
<i>во-первых</i>	<i>признаться</i>
<i>вообще</i>	<i>притом</i>
<i>впрочем</i>	<i>проще говоря</i>
<i>все-таки</i>	<i>проще сказать</i>
<i>главное</i>	<i>само собой</i>
<i>далее</i>	<i>сказать по совести</i>
<i>другими словами</i>	<i>сказать по чести</i>
<i>значит</i>	<i>скорее</i>
<i>иначе говоря</i>	<i>следовательно</i>
<i>иными словами</i>	<i>собственно (говоря)</i>
<i>итак</i>	<i>стало быть</i>
<i>к тому же</i>	<i>так сказать</i>
<i>конечно</i>	<i>тем более, (что)</i>
<i>короче (говоря)</i>	<i>тем не менее</i>
<i>кроме того</i>	<i>то есть</i>
<i>кроме шуток</i>	<i>чего доброго</i>
<i>кстати (сказать)</i>	<i>честное слово</i>
<i>кстати говоря</i>	<i>что важнее</i>
<i>лучше сказать</i>	<i>что еще хуже</i>
<i>между нами говоря</i>	<i>что касается</i>
<i>между прочим</i>	<i>что существенно</i>
<i>наоборот</i>	<i>якобы.</i>

Метатекстовые выражения, поскольку их толкование включает глагол 'говорить', по своей семантике предполагают говорящий субъект. Так, *скорее* = 'скорее можно сказать, что'; *прежде всего* = 'прежде всего скажу'. В традиционном нарративе подразумеваемым субъектом такого рода оборотов речи может быть только повествователь. В следующем отрывке присутствие повествователя выдает метатекстовое *например*:

<...> твердость спасала его от обыкновенных заблуждений молодости. Так, *например*, будучи в душе игрок, никогда не брал он карты в руки. ("Пиковая дама")

Ср. также примеры из романа Булгакова "Мастер и Маргарита" (эгоцентрики выделены курсивом):

- (1) Впоследствии, когда, *откровенно говоря*, было уже поздно, разные учреждения представили свои сводки с описанием этого человека;
 - Сам человек и управляет, – поспешил сердито ответить Бездомный на этот, *признаться*, не очень ясный вопрос.

То же касается метатекстовых глаголов, типа *признать*, *заметить*, *добавить*, *повторить*, *напомнить*, *обратить внимание*, *подчеркнуть* и проч., в контексте безличных модальных оборотов (*приходится*, *надо* и под.):

- (2) *Да, следует отметить* первую странность этого страшного майского вечера;
Трудно сказать, что именно подвело Ивана Николаевича;
Надо заметить, что редактор был человеком начитанным;
Приходится признать, что ни одна из сводок никуда не годится;
Необходимо добавить, что на поэта иностранец с первых же слов произвел отвратительное впечатление.

Роман "Мастер и Маргарита" — это традиционный нарратив с эгзегетическим повествователем. Местоимение 1-го лица встречается один или два раза на протяжении всего романа (отметим, кроме того, повествователя в роли субъекта побудительного речевого акта *Никогда не разговаривайте с иностранцами*, вынесенного в заголовок главы 1, а также обращение повествователя к персонажу: *Дешевка это, милый Амвросий!*). Однако повествователь обеспечивает себе постоянное присутствие в московских главах романа в качестве подразумеваемого субъекта вводных оборотов и беслично употребленных метатекстовых предикатов.

Иногда автор не дает нам возможности восстановить подразумеваемый субъект метатекстового предиката однозначно и непротиворечиво:

- (3) <...> на поэта иностранец с первых же слов произвел отвратительное впечатление, а Берлиозу, *скорее*, понравился, то есть *не то чтобы* понравился, а, *как бы выразиться*, <...> заинтересовал, *что ли*.

Здесь дискурсивные слова должны были бы пониматься таким образом, что это Берлиоз пытается, про себя, сформулировать как можно более точно свое отношение к "иностранцу"; в самом деле, откуда повествователь, который до сих пор смотрел на своих героев с внешней точки зрения, может знать про столь внутренние состояния их сознания. Однако, судя по формальной структуре фразы, это не "голос Берлиоза": законным субъектом метатекстовых оборотов здесь может быть только повествователь.

2. Предикаты внутреннего состояния. У слов, обозначающих состояние — эмоциональное, ментальное — или восприятие при бесличном (но не вводном!) употреблении обычно подразумеваемым субъектом является персонаж:

Муся видела, как Разудалов подхватил записку на лету. Движение напоминало жест официанта, прячущего чаевые. *Жаль* только, лица Марусино он не разглядел. (Довлатов. Операция "Песня")

Ср. несколько отрывков из "Доктора Живаго":

- (4) Дом был одноэтажный, недалеко от угла Тверской. *Чувствовалась* близость Брестской железной дороги.
 Даже солнце, тоже *казавшееся* местной принадлежностью, по-вечернему застенчиво освещало сцену у рельсов <...>

Здесь *чувствовалась* — жителям дома; *казавшееся* — пассажирам поезда, в котором произошло самоубийство.

В (5) *могло показаться* — только кому-то из присутствующих на похоронах; повествователю ясно, что это не так:

- (5) <...> Вырос холмик. На него взошел десятилетний мальчик. Только в состоянии оцепенения и бесчувственности, обыкновенно наступающих к концу

похорон, *могло показаться*, что мальчик хочет сказать слово на материнской могиле.

Впрочем, у Пастернака часто неясно, кто является субъектом восприятия:

- (6) Он не заметил, как встала с постели и подошла к столу Лара. Она *казалась* тонкой и худенькой и выше, чем на самом деле, в своей длинной ночной рубашке до пят. Юрий Андреевич вздрогнул от неожиданности, когда она выросла рядом.

Кому Лара могла казаться такой-то и такой-то, если Юрий Андреевич увидел ее, когда она была уже рядом?

Субъектом восприятия могут быть повествователь и персонаж одновременно:

- (7) Маленькая фигура самой госпожи Дорн в конце стола *казалась* очень неуместной, жалкой и потерянной. (Набоков. "Машенька")

Если же внутреннее состояние или восприятие выражено с помощью вводного оборота, то его подразумеваемым субъектом должен быть повествователь. Это в особенности очевидно для предикатов ментального состояния:

<i>без сомнения</i>	<i>может быть</i>
<i>безусловно</i>	<i>(как) на беду</i>
<i>бесспорно</i>	<i>на самом деле</i>
<i>в самом деле</i>	<i>на счастье</i>
<i>вероятно</i>	<i>наверное</i>
<i>видимо</i>	<i>не дай бог</i>
<i>видно</i>	<i>некоторым образом</i>
<i>возможно</i>	<i>по всей вероятности</i>
<i>все равно</i>	<i>по-видимому</i>
<i>действительно</i>	<i>пожалуй</i>
<i>должно быть</i>	<i>разумеется</i>
<i>думается</i>	<i>скорее всего</i>
<i>итак</i>	<i>слава богу</i>
<i>к несчастью</i>	<i>странное дело</i>
<i>к сожалению</i>	<i>увы</i>
<i>к счастью</i>	<i>удивительное дело</i>
<i>кажется</i>	<i>чего доброго</i>
<i>конечно</i>	<i>что обидно</i>
	<i>что приятно</i> и др.

Ср. такие слова и выражения, как:

- (8) Неведомая сила, *казалось*, привлекала его к нему <дому графини> ("Пиковая дама").
- (9) Важное сведение, *по-видимому*, действительно произвело на путешественника сильное впечатление ("Мастер и Маргарита").

В отрывках из рассказа Толстого "Два гусара" подразумеваемым субъектом предиката восприятия в (10) является персонаж; но если слово имеет вводное употребление, как в (11), то тут же возникает повествователь:

- (10) Морщины <...>, спина согнулась, а все-таки в слабых кривых ногах *видны* были приемы старого кавалериста.
В саду и в комнате было так тихо, что *слышалось*, как за окном быстро про шумит крыльями ласточка.
На пруду, которого поверхность *виднелась* сквозь аллеи, заливались лягушки.
- (11) <...> до подробностей разбирал красоту Лизы, которая, *как видно*, неожиданно поразила его.
<...> отвечал граф, *видимо* огорченный этим воспоминанием.
Корнет, *видимо* находившийся под влиянием графа <...>.

Тем самым подтверждается предположение о том, что семантика вводной конструкции включает говорящего как субъект речи.

Иногда повествователь как бы вступает в диалогические отношения с читателем:

- (12) В тот час, когда *уже, кажется*, и сил не было дышать, <...> никто не пришел под липы <...> ("Мастер и Маргарита").

Вводное *кажется*, особенно в сочетании *уж кажется* или *уже, кажется*, несет в себе элемент диалогичности: в речевом режиме оно означает, что говорящий не просто выражает свое мнение, а приглашает слушателя разделить с ним это мнение. Этим *кажется* отличается от *по-моему*; ср. отрывок из романа Набокова "Пнин" (Пнин спускается к хозяевам в тот момент, когда у них гости):

- Вы что-то говорили про шум? [говорит хозяйка]
- Да, но сейчас, *по-моему*, неуместно об этом говорить.

Если заменить *по-моему* на *кажется*, то высказывание звучало бы как вопрос и приглашало бы к диалогу. Та же диалогичность у *конечно*: *Она его, конечно, не забыла* ("Мастер и Маргарита"), ср. Киселева, Пайар, Разлогова 1994.

Повествователь может как бы присоединяться в своих эмоциональных реакциях к персонажам:

- <...> боялись, чтоб горячка ее не возвратилась. Однако, *слава Богу*, обморок не имел последствий. (Пушкин. "Метель")

Вводный оборот с ментально-эмоциональным значением может иметь субъектом сознания персонаж, если этот вводный оборот находится в синтаксически подчиненной позиции; так неуверенность, выраженная в *навверное*, принадлежит Юре:

- (13) Юре было приятно, что он опять встретится с Никой Дудоровым, гимназистом, жившим у Воскобойникова, который *навверное* презирал его, потому что был года на два старше его.

Подробнее о вводных словах в подчиненном предложении см. в главе II.6.

В романе Булгакова "Белая гвардия" подразумеваемым субъектом вводных оборотов почти всегда являются Турбины, что заставляет идентифицировать текст как свободный косвенный дискурс:

- (14) Вернулся старый Турбин в родной город после первого удара <...>. Ну, *думается*, вот перестанет, начнется жизнь, о которой пишется в шоколадных книгах;
- (15) Но часы, *по счастью*, совершенно бессмертны, бессмертен и "Саардамский плотник", и голландский изразец <...>, в самое тяжкое время живительный и жаркий.

3. Предикаты со значением сходства и подобия тоже требуют субъекта сознания (ощущающего сходство), который может быть эксплицитно не выражен. Обычно подразумеваемый субъект таких предикатов — персонаж, см. (16). В (17) задействованы и персонаж и повествователь — их скрещивает друг с другом стереоскопическая семантика слова *даже*:

- (16) Здесь была удивительная прелесть! <...> Как это *напоминало* Антибы и Бордигеру! ("Доктор Живаго") [*напоминало* — Юре; раньше было сказано, что Юра был с матерью на юге Франции]
- (17) В этом положении удивительно *напоминал* он портрет Наполеона. Это сходство поразило даже Лизавету Ивановну. ("Пиковая дама")

4. Показатели идентификации эгоцентричны (ср. Шмелев А. 1990); в самом деле, идентификация объекта — это замена неизвестного (субъекту) на известное. Так, в примерах из (18) внимательный читатель обнаружит присутствие повествователя, который делает вид, что читатель, как и он сам, знаком с героем и просто не узнал его поначалу:

- (18) Пожилой пассажир, сидевший у окна <...> железнодорожного вагона <...> был *никто иной как* профессор Тимофей Пнин ("Пнин").
Первый был *не кто иной, как* Михаил Александрович Берлиоз, председатель правления одной из крупнейших московских литературных ассоциаций. ("Мастер и Маргарита").

Ср. (19а) и (19б). В (19а) есть местоимение 1-го лица, и *тот самый* выражает идентификацию, осуществляемую говорящим: говорящий "узнал" во встречном того, кого видел раньше. А в (19б) субъектом идентификации могут быть и повествователь, и персонаж:

- (19) а. Я сегодня видел того самого гражданина;
б. Тут у самого входа на Бронную со скамьи навстречу редактору поднялся *тот самый гражданин*, что тогда при свете солнца вылунился из мирного зноя. ("Мастер и Маргарита").

5. Слова со значением неожиданности — *вдруг, внезапно, неожиданно* (в бессубъектном употреблении), *удивительным образом, удивительное дело* — предполагают субъект. Как правило, *вдруг* значит 'неожиданно для участников данной сцены'. Когда *вдруг* употребляется в контексте глагола восприятия, парадигматическом для данного слова, субъектом неожиданности является субъект этого глагола:

- (20) Марфа Гавриловна бросала взволнованные взгляды по обе стороны мостовой. *Вдруг* она, по счастью, увидела мальчика на противоположном тротуаре. ("Доктор Живаго")
Вдали по равнине справа налево катился чистенький желто-синий поезд, сильно уменьшенный расстоянием. *Вдруг* они заметили, что он остановился. ("Доктор Живаго")

Вне такого контекста субъект восприятия более неопределенный. В (21) это явно герой; в (22) это может быть и повествователь, что отличает *неожиданно* от *вдруг*:

- (21) Самовар, молчавший до сих пор, *неожиданно* запел. ("Белая гвардия")
<...> иностранец покосился на них, остановился, и *вдруг* уселся на соседней скамейке. ("Мастер и Маргарита")
- (22) Война с Японией еще не кончилась. *Неожиданно* ее заслонили другие события. ("Доктор Живаго")

См. о текстообразующей функции *вдруг* в романах Достоевского в Топоров 1995: 198.

Глагол *оказаться* предполагает субъект сознания (воспринимающий новую информацию), причем этот субъект не может быть выражен при данном глаголе как его синтаксический актант:

(23) Ники *не оказалось* ни в саду, ни в доме ("Доктор Живаго").

Фраза (23) означает приблизительно следующее: Ники нет ни в саду, ни в доме, и эта информация в некоторый момент стала достоянием некоторого субъекта сознания — возможно, заинтересованного в выяснении данного вопроса. Из контекста следует, что получили информацию сразу несколько человек, но интерес она представляла прежде всего для Юры (поскольку следующая фраза — *Юра догадывался, что он прячется от них*). В других контекстах субъектом сознания при глаголе *оказаться* может быть повествователь.

6. Неопределенные местоимения и наречия также имеют семантическую потребность в субъекте сознания. Так, в (24) возникает вопрос — кому неясно, для чего Анна Федоровна пошла переодеваться (скорее всего, ей самой). В (25), скорее всего, причина непонятна Полозову: повествователь ее знает, а читатель догадывается. В (26) субъектом неопределенности тоже является персонаж, но в (27), (28), с обособлением, просвечивает повествователь (примеры (24) — (27) из рассказа Толстого "Два гусара"):

(24) Анна Федоровна пошла надеть *для чего-то* платье гро-гро.

(25) Но *почему-то* он <Полозов> не сообщал этих мечтаний своему другу.

(26) Он проиграл *что-то* много, но сколько именно, он не знал.

(27) <...> он испуганно обвел глазами дома, *как бы* опасаясь в каждом окне увидеть по атеисту.

(28) Правый глаз черный, левый, *почему-то*, зеленый ("Мастер и Маргарита")

Сама номинация объекта может быть ориентирована на тот или иной субъект; ср. *перед графинею стоял незнакомый мужчина* ("Пиковая дама"): субъект номинации, очевидно, графиня — читатель знает, что это Германн. Другой пример:

Германн видел, как лакеи вынесли под руки сторбленную *старуху* <...> мелькнула ее *воспитанница* —

Здесь номинация ориентирована на Германна (для которого главное лицо — графиня, а вовсе не Лиза).

7. Обобщающие "врезки" в повествование обычно высвечивают фигуру повествователя; текст с обобщениями не может "рассказывать сам себя":

(29) <...> уже так немолода, что сама не считала себя молодой, *что много значит для женщины*. ("Два гусара")

Последние лучи заходящего солнца, *как и всегда в эту пору*, бросали...

Обобщающие вводные обороты — *по обыкновению, как часто бывает, вообще* (например: *Вообще, с приездом графа кутеж оживился*, "Два гусара") — тем более принадлежат повествователю. О том, что за обобщениями стоит повествователь, см. Чудаков 1971, Манн 1992, Кожевникова 1994.

8. Слова с оценочным значением подразумевают субъект оценки. Авторские оценки считаются в современной литературе признаком плохого стиля, так что обычно субъект оценки — персонаж:

- (30) <...> вежливо и *заискивающе* улыбаясь, сидел Тальберг против германского лейтенанта и говорил по-немецки. ("Белая гвардия") <...> *инженер и трус, буржуй и несимпатичный*, Василий Иванович Лисович. ("Белая гвардия")
Голос Алферова на несколько мгновений пропал, и когда снова возник, был *неприятно* певуч. (Набоков. "Машенька")
Он остался очень доволен своей *неудачной* остроотой. (Викт. Ерофеев "Русская красавица")

Элементарные требования связности текста требуют материального единства выделенного субъекта сознания на определенном участке повествования. Переход от точки зрения одного героя к другому, т. е. смена субъекта сознания, не мотивированная эксплицитным указанием пропозициональной установки, может использоваться для достижения пародийного эффекта, как в рассказе В. Токаревой "Хэппи энд". Вот отрывок (с сокращениями) из этого рассказа; в квадратных скобках указан субъект сознания; наиболее явные экспоненты его точки зрения выделены курсивом:

- (31) [Эля] Эля с ужасом <...> смотрела на стариков — родителей мужа. Они втягивали еду, как *пылесосы* <...> И были окончательно счастливы. Особенно *старуха* <...> [родители мужа] Время для жизни выпало крутое <...> И вот они пришли, эти самые светлые дни <...> *Внучок Кирюша* — красавчик и умник <...> Правда, на невестку похож, тошенький. <...> [Эля] А тут еще Кирюшка родился. *Мать* звала к себе, рисковала личным счастьем. [Мать Эли] Но Кирюшка был такой тощий и синий, что бог с ним со счастьем, лишь бы выжил. <...> [Мишаткин, муж Эли] Да что там говорить, время ушло, *мать* внуков просит. <...> [Мать Мишаткина] Надоело <...> переживать один и тот же страх, что пьяного заберут в милицию, а там набьют. Был такой случай, *гнули* его в милиции, это называется у них "делать салазки", чуть спину не сломали. *Не сказать*, чтобы ни за что, распустил язык до плеча, <...> но ведь не спину же ломать.

В то же время присутствие повествователя в тексте с преимущественно персональной интерпретацией эгоцентрических элементов не противоречит нормам традиционного нарратива:

- (32) Юре хорошо было с дядей. Он был похож на маму. Подобно ей он был человеком свободным, лишенным предубеждения против чего бы то ни было непривычного. Как у нее, у него было дворянское чувство равенства со всем живущим <...> ("Доктор Живаго").

Первая фраза передает внутреннее ощущение, субъектом которого является Юра; второе суждение — о сходстве — может принадлежать ему же. Но уже дальнейшее трудно представить как ощущение десятилетнего мальчика.

Противопоставление субъект речи / субъект сознания связано с противопоставлением первичных и вторичных эгоцентриков: субъект речи — это, как правило, первичный эгоцентрик, субъект сознания — вторичный. В главе II.5 мы распространим противопоставление первичный / вторичный с дейксиса на модальность, а пока глава II.4 продолжает тему дейксиса

са: мы рассмотрим две грамматических категории — время, которое заведомо относится к области первичного дейксиса, и вид, у которого отношения со сферой дейксиса до сих пор оставались невыясненными.

Глава 4

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ И ВИДА

Категории времени и вида, как, впрочем, и все другие грамматические категории языка, имеют значение, которое с трудом поддается определению. Согласно наиболее распространенным формулировкам, категория вида характеризует распределение ситуации во времени (как сказано в Comrie 1976: 3, "aspects are different ways of viewing the internal temporal constituency of a situation"), тогда как категория времени просто локализует ситуацию на временной оси относительно некоего ориентира. Существенное различие между временем и видом состоит в том, что время, в своем основном значении, относится к области первичного дейксиса (т. е. оно локализует ситуацию на временной оси с выделенной точкой настоящего — моментом речи), тогда как вид — это вторичный дейксис. Время ориентировано на момент речи, т. е. на говорящего, а вид — на наблюдателя.

Даль (Dahl 1985) справедливо настаивает на том, что семантические разграничения между видом и временем возможны только в их основных значениях, поскольку во вторичных они могут пересекаться. Так, в тексте виды служат средством выражения предшествования и одновременности, т. е. значений по сути временных. Вообще, в тексте вид используется для выражения временных соотношений гораздо более эффективно, чем время. С другой стороны, время дейктично только в своем основном значении, но не во вторичных. Таким образом, выявление основного грамматического значения словоформы имеет принципиальное значение для ее категориальной атрибуции.

1. Режимы интерпретации времени

В основе современного подхода к семантике видо-временных форм лежит понятие точки отсчета по Рейхенбаху (point of reference, см.

Reichenbach 1947: 289). Рейхенбах выделяет три временных момента, релевантных для семантики времени (и, мы добавим, также и вида):

- время речи;
- время события;
- точка отсчета.

Понятие точки отсчета способствовало проникновению в тайны семантики вида в русском языке, см. главу I.1 Теперь мы обратимся к семантике времени, опираясь на понятие режима интерпретации.

Среди временных значений базовым всегда является настоящее: прошедшее — это предшествующее настоящему моменту; будущее — это следующее за ним. Соответственно, режим интерпретации характеризуется тем, как задается настоящий момент, который не только определяет значенные формы наст. времени, но и задает ориентир для интерпретации всех остальных временных форм.

В главе II.3 уже шла речь о режимах интерпретации эгоцентрических элементов: мы различили речевой режим (он же диалогический и дейктический) и нарративный. Речевой режим соответствует случаю, когда предложение интерпретируется в условиях канонической, т. е. полноценной коммуникативной ситуации. И только в канонической ситуации имеет смысл говорить о моменте речи: момент речи определяется как настоящий момент говорящего, который совпадает с настоящим моментом адресата — слушающего. Тем самым при интерпретации в речевом режиме все временные формы интерпретируются через их отношение к моменту речи.

Повествовательный текст является результатом отчуждения высказывания от субъекта речи, от говорящего; он интерпретируется в условиях неполноценной коммуникативной ситуации, в нарративном режиме. В нарративном режиме отношения предложения к моменту речи не существует (ср. Forsyth 1970: 182; Бенвенист 1974: 271) — хотя бы потому, что не существует полноценного говорящего. Конечно, читая роман, мы имеем общую идею о том, что повествователь рассказывает нам о том, что было (в прошлом); однако, как замечает Ю. С. Маслов, то же прош. время используется и в научно-фантастических романах, где действие может относиться к будущему (Маслов 1984: 182). В нарративном режиме видо-временная форма интерпретируется не относительно момента речи, а относительно другой точки отсчета — текущего момента текстового времени.

Отдельная проблема касается, условно говоря, первого предложения текста, которое должно интерпретироваться в контексте, когда никакого текстового времени еще не установлено (Maueņowa 1974/1978). Это "первое" предложение отличается от остальных, поскольку "it has to provide temporal anchoring for the rest of the discourse by e.g. an explicit time adverbial" (Dahl 1985: 113), ср. начало "Белой гвардии" Булгакова: *Велик был год и страшен по рождестве Христовом 1918*. Обычно началом текстового времени служит некий условный момент, ср. известные "начала" у Пушкина или Лермонтова: *Гости съезжались на дачу; Я ехал на перекладных из Тифлиса*. Фиксировать текстовое время может вовсе и не первое предложение. Так, в рассказе Набокова "Круг" настоящий момент текстового времени фиксируется в последнем абзаце рассказа:

Перейдя через площадь, он вошел в кафе, заказал напиток, привстал, чтобы вынуть из-под себя свою же задавленную шляпу. Какое ужасное на душе беспокойство.

Весь рассказ — попытка героя, мысленно вернувшись в прошлое, объяснить самому себе источник этого беспокойства.

В нарративном режиме форма НСВ прош. времени теряет свой первичный смысл: прош. время обозначает здесь синхронность точке отсчета, а не предшествование, как в речевом режиме. В результате, в нарративном режиме формы прош. и наст. времени не сильно отличаются одна от другой. К семантике наст. нарративного в его противопоставлении прош. нарративному мы обратимся в следующем разделе.

Противопоставление нарративного и речевого режима интерпретации приблизительно соответствует введенному Бенвенистом (Benveniste 1959) противопоставлению плана повествования и плана речи. Бенвенист показал, что во французском языке нарративный режим характеризуется особым набором видо-временных форм глагола. В русском языке нарративный режим не располагает никакими особыми грамматическими формами; однако он проявляет себя многими другими способами, в частности, особыми значениями глагольных форм, как временных, так и видовых.

Разграничение, предложенное Бенвенистом, не в точности совпадает с нашим разграничением режимов интерпретации. Мы считаем, вопреки Бенвенисту, что местоимение 1-го лица еще не обязательно свидетельствует о том, что текст предполагает интерпретацию в речевом режиме. Так, *я* в пушкинском "Выстреле" не имеет наст. времени, и наличие такого *я* не выводит повествование за пределы нарративного режима — в отличие, скажем, от первой части романа Ю. Олеши "Зависть", которая последовательно выдержана в речевом режиме: здесь *я* имеет наст. время, которое сдвигается дискретным образом, обычно на границах глав.

В Banfield 1982 критерием речевого режима считается совместное употребление местоимений 1-го и 2-го лица. Нам представляется более однозначным критерием речевого режима наличие у повествователя *я* наст. времени (примечательно, что Рассел — Russell 1940: 134 — считает образцовым дейктическим элементом не '*я*', а '*это*': у '*я*' есть биография, так что сопоставимо с '*это*' не '*я*', а '*я-сейчас*').

Иногда структурные особенности предложения позволяют однозначно понять, в каком режиме должна интерпретироваться его видо-временная форма. Так, в строчках Ахматовой

Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни

форма прош. времени *лежала* понимается в значении предшествования благодаря дейктическому *здесь*.

2. Настоящее нарративное (*praesens historicum*)

Обратимся теперь к нарративному употреблению времени, а именно, к настоящему нарративному в его противопоставлении прошедшему. Поскольку время — это первичная дейктическая категория, его нарративная интерпретация не может сводиться к простой проекции, т. е. к сдвигу на референциальном уровне, как у вторичных дейктических категорий, см. главу II.3. Таким образом, мы не должны удивляться тому, что противо-

поставление прош./наст. в нарративном режиме имеет иной смысл, чем в речевом, хотя и будем стремиться к выявлению инварианта категории времени, сохраняющегося во всех режимах.

Нарративное употребление наст. времени часто называют наст. историческим¹, поскольку это наст. время, которое используется в повествовании о прошлом. Отнесенность действия к прошлому действительно может быть эксплицитно выражена в тексте:

- (1) Давеча *еду* в трамвае. И *стою*, конечно, на площадке <...> И вот *стою* на площадке, и душа у меня очень восторженно *воспринимает* <...> каждый шорох <...>. Разные возвышенные мысли *приходят*. Разные гуманные фразы *теснятся* в голове. <...> И вдруг кондукторша *разбивает* мое возвышенное настроение. (Зоценко. "В трамвае")

Однако это не главный признак наст. нарративного. В имеющихся описаниях семантики наст. нарративного подчеркивается идея о том, что действие, описываемое глаголом в этой форме, происходит "как бы на глазах у говорящего", ср. Гловинская 1989: 106. Однако эта характеристика отражает семантику НСВ (в актуально-длительном значении), а не семантику временной формы. Идея *eye-witness perspective*, действительно, характерна для семантики НСВ; но она, при подходящей лексической семантике глагола, присутствует в значении форм НСВ наст. и НСВ прош. в равной мере, см. (2), а при неподходящей — не присутствует и в форме наст., см. пример (3) (из Гловинская 1989):

- (2) Через базарную площадь *идет* полицейский надзиратель Очумелов. (Чехов. "Хамелеон")
 (3) В конце XIX века *появляются* первые механические часы.

Если в (2) заменить наст. на прош., то за фразой *Через базарную площадь шел полицейский надзиратель Очумелов* мы в такой же степени будем чувствовать повествователя, который своими глазами наблюдает происходящее, как и за фразой (2). Поэтому главный вопрос — чем различаются наст. и прош. нарративное — это описание оставляет без ответа.

Различие между прош. и наст. нарративным, которое бросается в глаза, — то, что в прош. есть грамматическое противопоставление видов, а в наст. это различие формально не выражено: форма НСВ употребляется то в имперфективном значении (так сказать, в значении НСВ), см. (2), то в событийном (так сказать, в значении СВ)². Очевидно, чтобы понять роль времени в семантике наст. нарративного, лучше всего начать с тех употреблений, где наст. нарративное понимается с имперфективным значением вида, так что отличие от прош. нарративного только по времени.

В контексте, где наст. нарративное понимается в имперфективном значении, отличие формы наст. от прош. касается не перспективы, в которой повествователь рассматривает ситуацию — она определяется видом и в

¹ Ср. более удачный термин "наст. повествовательное" в Грамматике 1952/1960: 484 и след., которым мы и пользуемся.

² То, что форма наст. НСВ действительно может пониматься в значении СВ, подтверждается тем, что серия глаголов НСВ в наст. нарративном может интерпретироваться как обозначающая последовательность событий, т. е. так же, как серия глаголов СВ, см. Апресян 1988а.

обеих временных формах одна и та же, — а отношения между повествователем и читателем: настоящее время как бы включает читателя в диалог, т. е. помещает его в то пространство и время, в котором находится сам повествователь; тогда как прош. время отдаляет повествователя — а тем самым и описываемую им ситуацию — от читателя, см. Падучева 1989б. Такая трактовка подтверждается разной сочетаемостью этих форм с дейктическими элементами. Например, форма наст. времени, предполагающая как бы каноническую ситуацию общения, т. е. говорящего и синхронного адресата, слушающего, совместима с частицей *вот*, а форма прош. — нет:

(4) И вот *стою* (**стоял*) на площадке. (Зощенко. "В трамвае")

Иными словами, наст. нарративное порождает псевдоканоническую коммуникативную ситуацию, помещая адресата в непосредственный контакт с повествователем. Вовлечение адресата порождает и тот элемент экспрессии, который отличает форму наст. нарративного от прош.

Итак, мы можем выявить инвариант в противопоставлении временных форм: в речевом режиме форма прош., в противоположность форме наст., выражает дистанцирование ситуации от говорящего и слушающего вместе взятых; а в нарративном — повествователя вместе с ситуацией от читателя. Дистанцирование остается, однако, инвариантом.

В примерах типа (3), где НСВ выступает в значении СВ, форма наст. функционирует иначе — в значении немаркированного времени: время в (3) выражено обстоятельством, и форма времени никакого вклада в семантику предложения не вносит вообще. Форма наст. в (3) атемпоральна.

Кроме указанного общего различия между наст. и прош. нарративным, отметим несколько частных эффектов, которые может давать замена нейтрального СВ прош. в нарративе на экспрессивное НСВ наст.³

1) Нельзя употребить наст. нарративное вместо СВ прош. там, где словоформа СВ не составляет ремы предложения; например, в (5) СВ прош. нельзя заменить на НСВ наст., поскольку здесь тот факт, что меня привезли в больницу, уже известен:

(5) А в больницу / меня привезли | с брюшным тифом \. (Зощенко. "История болезни")

При другом порядке слов замена была бы возможна: *Привозят меня в больницу с брюшным тифом*. Ср. типичный контекст для наст. нарративного:

Пробираюсь вдоль забора и вдруг *слышу* голоса (Лермонтов. "Бэла").

2) Наст. нарративное может быть употреблено вместо СВ прош. только при условии, что описание ситуации составляет фон для дальнейшего развития событий. Так, в предложении (6), в контексте того же рассказа Зощенко, нельзя употребить наст. нарративное, поскольку это означало бы, что повествователь следует за пассажиром, тогда как в рассказе пассажир на этом выходит из поля зрения:

(6) Через две остановки злополучный пассажир сошел с трамвая.

³ Ср. в Бондарко 1971: 164 примеры, свидетельствующие о связи противопоставления наст. и прош. нарративного с темо-рематической структурой текста.

Отсюда тот факт, что употребление наст. нарративного создает некий suspense (Fleischmann 1991) и ожидание продолжения, ср. из того же рассказа: *Порылся в кармане и достает двугривенный* — мы ждем, что будет дальше. Это второй источник восприятия формы наст. нарративного как экспрессивной.

Отмеченная фоновая функция наст. нарративного заслуживает внимания потому, что ее можно связать с общим свойством формы НСВ выражать фоновую информацию (Horper, Thompson 1980; Chvanу 1984). Иначе говоря, данную текстовую функцию наст. нарративного можно объяснить тем чисто формальным обстоятельством, что наст. нарративное выражает событийное значение формой несовершенного вида. Тем самым подтверждается выявленное ранее инвариантное значение этой формы.

Одно замечание, касающееся нарративных форм времени в целом. Философами была отмечена противопоставленность двух способов отсчета времени. При одном отсчете (его можно назвать объективным) между событиями просто устанавливается отношение 'раньше чем' или 'позже, чем'; при другом, субъективном, или дейктическом, на оси времени имеется точка настоящего, от которой отсчитывается прошлое и будущее. Отношения в первом ряду являются неизменными, а положение во втором ряду, естественно, все время меняется: только что момент был будущим, и вот уже он ушел в прошлое. Отсюда неудобство речевого режима для рассказа о последовательности событий, локализованных во времени. Так, спортивный репортаж по телевидению, в котором, казалось бы, высказывание должно быть включено в речевую ситуацию, поскольку говорящий имеет синхронного адресата с тем же полем зрения, то и дело сбивается с речевого режима на нарративный — просто потому, что речевое время неудобно для изложения последовательности событий; настоящий момент должен какое-то время оставаться неподвижным; ср.

- (7) Кузнецов ... *упустил* мяч за боковую [прош. речевое]. Мяч *покидает* [наст. историческое] пределы поля. Сейчас спартаковцы *вводят* его в игру [наст. речевое].

Грамматическое время в речевом режиме, т. е. время, отсчитываемое от наст. времени говорящего, ориентируется на ось времени с точкой настоящего, которая задается моментом речи, и неумолимо делит все события на настоящие и будущие. Нарративное время, т. е. время повествователя-наблюдателя, основано на объективном отсчете времени; наст. время наблюдателя (текущий момент текстового времени), в отличие от наст. времени говорящего, не вносит разрыва во временную ось, т. е. не оказывает влияния на "плавное" течение времени. Поэтому нарративный режим гораздо удобнее для изложения последовательности событий, чем речевой. В сущности, речевое значение формы времени ограничено почти исключительно пределами единичного высказывания, касающегося одной ситуации. В разговорном дискурсе грамматическое время меняет интерпретацию, как только обыденная речь "превращается из разговора в рассказ" (Пешковский 1938: 208).

Существенно, что нарративное употребление возможно только в ситуации, когда есть по крайней мере два глагола.

3. Режимы интерпретации временных форм. Примеры

Ниже приведены примеры интерпретации форм прош. и буд. времени (в основном, несов. вида) во всех режимах.

а. Дейктический режим интерпретации

При дейктическом режиме прош. время выражает предшествование моменту речи — наст. моменту говорящего:

- (1) — Что ты делал? — *Играл* в карты.

б. Нарративный режим интерпретации

При нарративном режиме момент речи не принимает участия в интерпретации предложения; его место занимает текущий момент текстового времени — наст. время персонажа или наблюдателя-повествователя (в норме они совпадают). Прош. время — в своем особом нарративном значении — выражает не предшествование, а синхронность настоящему времени наблюдателя. Во многих отношениях прош. нарративное равно настоящему:

- (2) Однажды *играли* в карты у конногвардейца Нарумова ("Пиковая дама")

Течение текстового времени определяется либо действиями персонажей (так, в примере (5) из раздела 5 главы II.3 текущий момент текста — это момент, когда "Он [Тиверзин] вышел <...> и зашагал вперед, не оборачиваясь"), либо изменением временной позиции наблюдателя-повествователя. В примере (3) точка отсчета (для глагола в буд. времени) фиксируется как наст. время повествователя; таким образом, буд. время в (3) — это будущее нарративное:

- (3) *Упадут* стены, *улетит* встревоженный сокол с белой рукавицы, *потухнет* огонь в бронзовой лампе, а Капитанскую Дочку *сожгут* в печи. Мать сказала детям: "Живите". А им *придется* мучиться и умирать. (Булгаков "Белая гвардия")

Буд. нарративное представлено также примерами (из Бондарко 1990: 17):

- (4) Белинский еще не раз *вернется* к этой теме.
 (5) Вскоре он *уедет* из Москвы.
 (6) Этот свой поступок он *будет помнить* потом всю жизнь.

Однозначное понимание формы будущего времени в значении буд. нарративного обеспечивается каждый раз разными факторами. В (5) — наречием *вскоре*, для которого предпочтительна интерпретация в нарративном режиме: соответствующее дейктическое наречие — *скоро*. В (6) ключевым является слово *потом*, в котором уже заключена ретроспекция по отношению к какому-то моменту — очевидно, фиксированному в предтексте (тем самым момент речи "скомпрометирован" как точка отсчета). Предложению (4) мешает быть предсказанием на будущее только то, что Белинского нет

в живых, так что с лингвистической точки зрения для формы *вернется* в (4) дейктическая интерпретация ее буд. времени не исключена.

Вернемся к случаю, когда носителем текущего текстового времени является персонаж. Возникает вопрос, что происходит при наличии в тексте нескольких персонажей, действующих независимо друг от друга: как они "делят" время между собой? В. В. Виноградов (1980) обнаружил и проследил — на примере "Пиковой дамы" зависимость текстового времени от персонажа. Как отмечает В. В. Виноградов, такая зависимость приводит к тому, что разные персонажи текста часто имеют каждый свою несинхронизированную хронологию, так что автору могут потребоваться специальные усилия, чтобы обеспечить синхронизацию:

- (7) Однажды — это случилось два дня после вечера, описанного в начале этой повести, и за неделю перед той сценой, на которой мы остановились, — однажды Лизавета Ивановна <...> ("Пиковая дама").

Заметим, что фраза *На дороге показался я* (пример из Апресян 1986а, обсуждавшийся в разделе 4 главы II.3) аномальна только в том случае, если форма прош. времени сов. вида интерпретируется в дейктическом ключе, т. е. в значении 'только что показался': только в этом случае местоимение *я* с обязательностью обозначает не только говорящего, но и наблюдателя. При нарративной интерпретации прош. времени сов. вида это совпадение не обязательно. Так, в (8), где прош. время интерпретируется в нарративном режиме, сочетание глагола *показаться* с подлежащим *я* допустимо — говорящий представляет ситуацию глазами своего контрагента, вытalkingивая его на роль наблюдателя:

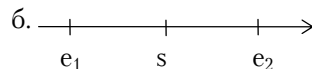
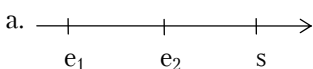
- (8) Тут на дороге показался я, и он спрятался в кусты.

в. Синтаксический режим интерпретации (относительное время).

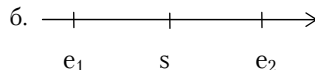
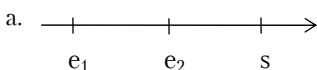
Различие между нарративным (анафорическим) и синтаксическим способом интерпретации времени подобно различию между анафорическими и возвратными местоимениями.

В диаграммах, приведенных ниже, через *s* обозначен момент речи (наст. время говорящего), через e_1 — время, к которому относится ситуация, обозначенная глаголом в главном предложении, через e_2 — время ситуации, выражаемой придаточным. Интерпретация временной формы глагола в придаточном представлена диаграммами (9а)–(11а). Для сравнения параллельно даны диаграммы (9б) — (11б), которые демонстрируют возможность интерпретации тех же форм в дейктическом режиме.

- (9) Я не знал₁, что меня встретят₂:

- (10) Он обещал₁, что будет писать₂:

(11) Иван скажет₁, что ты заставил₂ его ждать:

В примере (9) при интерпретации в синтаксическом режиме ситуация, обозначаемая глаголом в буд. времени, реально относится к прошлому: *встрелят* = 'уже встретили'. Дейктическое понимание буд. времени затруднено, хотя и не исключено: *встрелят* должно пониматься как 'должны встретить'. Для (10), наоборот, более естественно дейктическое понимание буд. времени. В (11) при интерпретации в дейктическом режиме речь идет о том, что скажет Иван про событие, которое уже имело место, а при интерпретации в синтаксическом ключе — о событии, которое только еще должно произойти в будущем; ср., например, такой контекст: [*Иди, а то*] *Иван скажет, что ты заставил его ждать*.

Надо сказать, что, в свете общих закономерностей употребления эгоцентрических элементов, допустимость синтаксической интерпретации времени следует рассматривать как исключение: будучи первичной дейктической категорией и не имея в силу этого нарративной проекции, время не должно было бы иметь синтаксической, поскольку, в принципе, возможность синтаксической проекции является залогом наличия нарративной, см. раздел 4 главы II.3. Относительное употребление времен в русском языке, т. е. отсутствие согласования времен, есть свидетельство слабо развитого гипотаксиса.

4. Есть ли у русского глагольного вида собственно дейктическое значение?

Понятие точки отсчета, продемонстрированное Рейхенбахом на ряде довольно разнородных примеров из разных языков, не обладает прагматической наглядностью. Тому употреблению этого понятия, которое мы будем иметь в виду (ср. иные возможности толкования рейхенбаховской концепции в Timberlake 1985b), можно дать прагматическое обоснование, используя понятие наблюдателя, введенное в Апресян 1986а в связи с проблематикой пространственного дейксиса. А именно, точку отсчета по Рейхенбаху можно представить как временную локализацию наблюдателя, его настоящее время. Тем самым вид попадает в сферу вторичного дейксиса⁴.

Возникает вопрос, нет ли в семантике русского вида собственно дейктических компонентов. Рассмотрим в этой связи два явления. Первое из них — это перфектное значение русского СВ прош.

Что касается английской формы Present Perfect, то она бесспорно является первично дейктической: она обозначает действие, результат которо-

⁴ То же верно для английского Past Perfect. В самом деле, значение этой формы предполагает фигуру наблюдателя с определенной временной локализацией и не зависит от того, выполняет ли эту роль говорящий (в речевом режиме) или повествователь (в нарративном).

го сохраняется в момент речи. Русский СВ ведет себя, на первый взгляд, сходно. Так, нельзя сказать, в речевом контексте,

(1) Я сломала руку,

если это событие произошло со мной в детстве — или даже несколько лет назад, так что рука уже зажила: (1), утверждая в ассертивной форме наступление события в прошлом, несет, кроме того, импликацию о том, что его результирующее состояние имеет место в момент речи. Если сейчас событие уже не актуально, лучше сказать *Я ломала руку*, употребив форму НСВ в экзистенциальном значении. Таким образом, толкование формы СВ (у достаточно большого класса глаголов, см. главу I.9) может содержать перфектный компонент и, тем самым, отсылку к моменту речи, что, казалось бы, делает семантику русского СВ сходной с англ. Present Perfect.

Однако перфектный компонент является у русской формы СВ, в отличие от английской формы Present Perfect, неустойчивым (в смысле Зализняк 1987): он подавляется в противоречащем контексте, а именно, отсылка к моменту речи возникает только при отсутствии обстоятельства времени. Если же в предложении есть обстоятельство времени⁵, то перфектный компонент пропадает. Общая формулировка для значения русской формы СВ — ‘результирующее состояние сохраняется в точке отсчета’. Момент речи — это, при речевом режиме употребления языка, всего лишь наиболее естественная точка отсчета, которая возникает по умолчанию при отсутствии в контексте явного указания на какую-то другую точку отсчета, например, задаваемую обстоятельством времени. В предложении

(2) В мае 1962 года я приехал в Воронеж

точка отсчета для видовой формы СВ задается обстоятельством, так что (2) не означает, что говорящий и сейчас находится в Воронеже.

В англ. Present Perfect перфектный компонент является устойчивым, и потому эта форма вообще не сочетается с обстоятельствами времени — за исключением таких, которые включают в свой референциальный интервал момент речи (Leech 1975: 40); ср.

*I have been to the dentist yesterday;

I have been to the dentist to-day.

Перфектный компонент в значении СВ устраняется также при определенной темо-рематической организации предложения. Ср. пример:

- (3) а. В Москву приехал с семьей Солженицын;
 б. В Лондон приехал с семьей Герцен;
 в. В Лондон Герцен приехал с семьей.

Предложение (3б), в отличие от (3а), воспринимается как аномальное, поскольку в (3б) у формы СВ актуализуется ее перфектный компонент, который противоречит нашим знаниям о мире: состояние, касающееся

⁵ Имеется в виду обстоятельство, не включающее в свой референциальный интервал момента речи, см. о двух типах адвербиалов в Камп 1991, и в главе I.11.

Герцена, не может быть актуальным в настоящий момент⁶. Однако в (Зв) перфектный компонент у формы СВ утрачивается, и это снимает аномалию⁷. См. аналогичные примеры в разделе 4 главы I.9.

Таким образом, перфектное значение формы СВ в русском языке не является собственно дейктическим — оно не связано с моментом речи принципиально: в толковании СВ принимает участие не момент речи, а точка отсчета, т. е. временная позиция наблюдателя, которая лишь в частном случае совпадает с моментом речи, а вообще говоря, может фиксироваться и иначе — например, обстоятельством времени. Иначе говоря, форма СВ ориентирована не на говорящего, а на наблюдателя, и употребляется как в речевом режиме, так и в нарративном, не меняя значения: ее инвариантное значение фиксирует только ретроспективную позицию наблюдателя, который смотрит на событие из его итогового состояния.

Второй пример, где можно усматривать первичную дейктичность вида, — экзистенциальное значение НСВ. Как уже говорилось, экзистенциальное значение формы НСВ прош. требует для своей реализации ретроспективной позиции наблюдателя: ситуация, описываемая глаголом, должна рассматриваться из некоторого момента времени — более позднего, чем время самого события. Однако момент наблюдения, отделенный от времени самой ситуации, должен быть чем-то фиксирован. В речевом режиме он фиксируется моментом речи: момент наблюдения совпадает с наст. временем субъекта речи, поскольку наблюдателем здесь, является сам говорящий. Поэтому экзистенциальное значение НСВ прош. естественно вписывается в речевой режим употребления языка. Казалось бы, при нарративном режиме момент речи может быть заменен текущим временем текста. Однако НСВ прош. в экзистенциальном значении в нарративном режиме почти не встречается: все очевидные примеры — из разговорного языка, ср. Рассудова 1968: 17 и след., Бондарко 1971: 86. В принципе, форма НСВ прош., конечно, может обозначать действие, которое предшествует текущему моменту текстового времени. Однако всегда остается ощущение, что значение предшествования в этом случае выражается контекстом, а не формой глагола. В примерах ниже курсивом выделены два глагола, из которых второй относится по смыслу ко времени более раннему, чем первый; в квадратные скобки заключено предложение, которое фиксирует текстовое время:

(4) [А в больницу меня *привезли* с брюшным тифом.] Домашние *думали* этим облегчить мои страдания. (Зошенко. "История болезни")

[И вот именно тогда, когда Ксения Федоровна вернулась из больницы, жена Дмитриева *затеяла* обмен.] <...> Разговоры о том, чтобы соединиться с матерью, Дмитриев *начинал* и сам. Но то было давно. (Трифонов. "Обмен")

⁶ Примеры типа (3), рассматривались, в другой связи и с другой интерпретацией, в Прозорова 1992.

⁷ Аномальность (3б), конечно, снимается и в том случае, если режим нарративный, и точка отсчета задается не моментом речи, а текущим моментом текстового времени, ср., например: *Август 1852 года был бурным. В Лондон приехал с семьей Герцен.*

[Ксюша *вышла* за зубного врача, смеясь, что зубы болеть не будут.] Этот Рене *приезжал* в Москву на ученый конгресс, а она его снимала для телевидения. (Викт. Ерофеев. "Русская красавица")

[Артамонова *поступила* в училище легко, с первого раза.] На вступительном экзамене *играла* Чайковского, Шопена и что-то для техники, сейчас уже забыла, что. Кажется, прелюд Скрябина. Киреев *поступал* вместе с ней, но провалился. (Токарева. "Сказать — не сказать")

Вообще, текущий момент текстового времени легко используется как синхронная точка отсчета, а для ретроспекции — с трудом (напомним в этой связи факт, отмеченный в разделе 5 главы 3, что в нарративном режиме не реализуется ретроспективное значение наречия *сейчас*)⁸. В этом смысле за экзистенциальным значением НСВ можно было бы признать его принципиальную связь с речевым режимом, т. е. первичную дейкτικότητα.

Коррективное примечание ко 2-му изданию.

Считаю уместным предупредить читателя, что в позднейших работах вместо термина «синтаксический режим» используется более удачный термин «гипотаксический режим».

⁸ Общая тенденция к редукции набора используемых грамматических форм и их значений при переходе от речевого режима к нарративному отмечается в Dahl 1985.

Глава 5

СУБЪЕКТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ: ИЛЛОКУТИВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ И ВВОДНЫЕ СЛОВА

1. Синтаксическая неподчинимость

В 70-е годы в трансформационной грамматике появилась серия работ — см. Hooper, Thompson 1973, Green 1976, Bolinger 1977, — посвященных явлению синтаксической неподчинимости (в терминологии трансформационной грамматики — *main clause phenomena*, явления главного предложения; по смыслу, это явления, свойственные исключительно главному предложению). Речь шла о том, что целый ряд языковых единиц (это может быть слово — или слово в одном из своих значений, — фразеологизм, синтаксический оборот, грамматическая единица, линейно-интонационная конструкция, т. е. комбинация словорасположения и интонации, и проч.) допустим только в синтаксически независимой позиции, т. е. в составе главного предложения, а постановка предложения с таким словом или конструкцией в позицию придаточного приводит к аномалии.

Простой пример синтаксической неподчинимости дает предложение с вводным словом:

(1) Иван, *кажется*, в отпуске.

(2) *То, что Иван, *кажется*, в отпуске, путает все мои планы.

В принципе, отсутствие точных сведений может спутать ваши планы, но эту мысль нельзя выразить с помощью предложения (2), поскольку оно аномально.

Явление, близкое к синтаксической неподчинимости, — *нецитируемость*¹. Предположим, что мнение (1) принадлежит некой Зине и мы

¹ Имеется в виду невозможность передачи высказывания в форме косвенной речи. Соответствующий английский термин — *nonreportability*. Русский термин менее

хотим кому-то об этом сообщить; оказывается, что нельзя его передать в косвенной речи, точно процитировав предложение (1):

(3) *Зина считает, что Иван, кажется, в отпуске.

Вводное слово *кажется* делает предложение (3) аномальным, а следовательно, (1) нецитируемо. Вводному слову обязана своей аномальностью и фраза: **Бобби понял, что, честно говоря, ему не на что рассчитывать* (пример из работы Green 1976).

Внимание к феномену нецитируемости было впервые привлечено в статье Wierzbicka 1970/1982. Показательный пример нецитируемости рассмотрен Ю. Д. Апресяном (Апресян 1988б). Сочетание *очень нужно* может иметь значение 'не нужно'; при этом предложение, содержащее *очень нужно* в значении такого "скрытого отрицания", обладает свойством нецитируемости — оно не может быть использовано для передачи чужого мнения в косвенной речи:

(4) *Очень нужно* ему в очереди стоять! <— сказала Зина.>

(4') *Зина считает, что *очень нужно* ему в очереди стоять.

Несколько огрубляя, можно сказать, что нецитируемость — это частный случай синтаксической неподчинимости, неподчинимость глаголу мнения²; в общем же случае неподчинимость предложения означает, что оно не может быть никаким придаточным. Так, на примере *очень нужно* можно продемонстрировать также и неподчинимость:

(4'') *Поскольку *очень нужно* ему в очереди стоять, у тебя ничего не выйдет.

Общей для предложений (1) и (4) является так наз. субъективная модальность (по В. В. Виноградову — Виноградов 1947; ср. также подробный анализ субъективной модальности в Грамматике 1980: 215 и след.). Действительно, из априорных соображений представляется вероятным, что субъективная модальность должна порождать неподчинимость или, по крайней мере, какие-то препятствия к употреблению предложения в функции придаточного. Мы покажем, что это так и есть, т. е. что для предложения с показателем субъективной модальности всегда можно найти контекст, в который это предложение не подставляется именно из-за наличия модального показателя.

Обратное, правда, неверно: синтаксическая неподчинимость может быть обусловлена не только субъективной модальностью, но и другими явлениями. Главным из них является дейксис (о неподчинимости дейктических слов речь шла в главе 3, раздел 4, в связи с понятием первичного дейксиса и синтаксической проекции). Мы исходим из того, что общее свойство субъективной модальности и дейксиса — неподчинимость — является следствием их первичной эгоцентричности. Таким образом, непод-

удачен, чем английский, поскольку как раз процитировать сказанное, с помощью прямой речи, можно всегда.

² Огрубление состоит в том, что для цитирования достаточно семантического подчинения; так, в предложении *По словам Иванова, дело было не так* компонент *дело было не так* семантически подчинен глаголу говорения, который входит в семантическое разложение оборота *по словам X-а*.

чинимость может рассматриваться как синтаксический тест, который выявляет первичную эгоцентричность.

Следует уточнить, что "явления главного предложения" ограничены, строго говоря, не главным предложением, а предложением, которому соответствует отдельный речевой акт. В самом деле, есть придаточные, в составе которых многие типы синтаксически неподчинимых предложений допустимы: это, например, придаточные с постопозитивно употребленными союзами *поскольку*, *потому что*, *хотя* или с аппозитивным *который*. Так, в составе предложения с аппозитивным *который* допустимы любые вводные слова и обороты:

- (5) Автор мемуаров — Киссинджер, который, *как сообщают*, получит за них два миллиона долларов.

В придаточном с *потому что* возможно и модально окрашенное употребление прош. времени в значении будущего: *Выймой посуду сама, потому что я пошел*. Естественно предположить, что таким придаточным соответствует отдельный речевой акт.

В Green 1976 предлагалась синтаксическая трактовка неподчинимости. Сейчас очевидно, что неподчинимость имеет не синтаксическую, а семантическую природу (как это, впрочем, было показано еще в Bolinger 1977).

2. Субъективная модальность

Термином "субъективная модальность" охватываются весьма разнообразные языковые явления (грубо говоря, субъективная модальность — это эгоцентричность минус дейксис), которые мы, для упрощения изложения, разделим на две группы.

1. К сфере субъективной модальности относят, прежде всего, те языковые средства в составе данного высказывания, с помощью которых говорящий характеризует свое отношение к этому самому высказыванию — к любому его аспекту или части: к его содержанию, форме, степени достоверности, к его соотношению с другими высказываниями и пр. Единственное ограничение состоит в том, что это отношение говорящего должно быть выражено неэксплицитно — оно не может выражаться в составе данного высказывания с помощью отдельной предикации с подлежащим в 1-м лице, обозначающим говорящего. К этой группе относятся, прежде всего, вводные слова. Так, показателем субъективной модальности будет *безусловно* во фразе:

- (1) Он, *безусловно*, вернется.

Уточнение, касающееся неэксплицитности выражения, не входит в традиционные определения субъективной модальности, хотя оно заведомо принимается во внимание при очерчивании границ рассматриваемого явления. Например, именно эксплицитность заставляет исключить из сферы субъективной модальности, как она изучается в грамматике, предложения с предикатами пропозициональной установки, т. е. с эксплицитным модулем по Bally 1932/1955. Так, Грамматика 1980 усматривает субъективную

модальность во фразе (1), но не в (2) – хотя (1) и (2) практически синонимичны:

(2) Я уверен, что он вернется.

И это вполне оправдано: дело в том, что в (1) отношение говорящего к содержанию высказывания выражено с помощью модального наречия *безусловно*, для которого говорящий является подразумеваемым субъектом, а прямое обозначение говорящего, местоимение 1-го лица, в (1) вообще отсутствует. Между тем в (2) отношение говорящего к содержанию своего высказывания выражено не идиоматично и не является проблемой грамматики. Таким образом, наше определение делает явной ту оппозицию, в силу которой предикаты пропозициональной установки не относятся к субъективной модальности, как она оформилась в грамматической традиции: установки – говорящего или других лиц, – выраженные в асертивной форме, принадлежат к сфере модальности в широком смысле, но не входят в ту область, которая подлежит изучению в грамматике.

Предлагаемое определение полностью оправдывает также позицию Грамматики 1980 по отношению к модальным словам типа *можно, нужно, может, должен, возможно* и др., которые не включены в сферу субъективной модальности. В самом деле, модальные слова в большинстве своих употреблений имеют субъектом не говорящего, а то лицо, которое обозначено подлежащим (как в примере *Иван может убить медведя*, см. анализ модальных слов в Grzegorzczukowa 1973). Впрочем, в высказывании *Иван может опоздать* именно говорящий несет ответственность за оценку ситуации опоздания как возможной, и так наз. эпистемическая модальность – это модальность субъективная.

Что же касается наклонения, то его исключение из сферы субъективной модальности в Грамматике 1980 представляется необоснованным. Так, во фразе *Было бы сейчас лето!* выражается идея желания, субъект желания – говорящий, а местоимения 1-го лица во фразе нет, т. е. желательное наклонение обладает всеми признаками показателя субъективной модальности.

2. Вторую группу показателей субъективной модальности составляют средства выражения – обычно экспрессивные – коммуникативного намерения говорящего в данном речевом акте, ср. высказывание *Какой он там ученый!*, выражающее эмфатическое несогласие с репликой собеседника. В Грамматике 1980 выделяется группа субъективно-модальных значений, которые названы, довольно общо, "собственно оценочными". В основном это значения типа согласие / несогласие, принятие / неприятие <высказывания собеседника> – категорическое или ослабленное; одобрение, порицание, осуждение, призыв, побуждение, предостережение, угроза, непонимание, подчеркивание и т. п. Иначе говоря, это иллокутивные показатели, т. е. показатели типа речевого акта, который можно осуществить с помощью данного предложения (точнее – показатели иллокутивного предназначения предложения, см. Падучева 1985а: 30). Опять-таки, речь идет не обо всех средствах выражения коммуникативного намерения, а только о неэксплицитных – предложение *Я требую, чтобы ты немед-*

ленно оставил помещение, где коммуникативное намерение говорящего выражено перформативным глаголом с подлежащим *я*, не относится к сфере субъективной модальности — в отличие, например, от почти равнозначного *Пошел вон!*

В одном предложении может присутствовать субъективная модальность обоих типов. Так, неэксплицитное выражение той или иной установки говорящего (например, положительной или отрицательной оценки, отрицания, высокой степени признака) обычно бывает экспрессивным (ср. *Стану я его слушать!; Вот голос так голос!*); а экспрессия — это всегда особый аспект коммуникативного намерения говорящего.

Общим для обеих групп субъективно-модальных показателей является: 1) неэксплицитность в выражении модального субъекта и 2) участие говорящего в эксплицитной формулировке их значения. При этом во второй группе говорящий выступает, прежде всего, как субъект речи, а в первой — в более широком амплуа: как субъект сознания — мысли, чувства и прочих пропозициональных установок. Ниже в разделе 3 речь идет о показателях коммуникативного намерения, а вводным словам, т. е. первой группе модальных показателей, посвящен раздел 4.

3. Иллокутивные показатели

Грамматические иллокутивные показатели

Субъективно-модальные показатели коммуникативного намерения говорящего функционируют в рамках иллокутивных классов предложений, маркированных грамматическими средствами, т. е. того, что в грамматиках называется "типами предложений по цели высказывания".

Различается четыре грамматических иллокутивных класса — утвердительные (индикативные) предложения, вопросительные, побудительные (императивные) и восклицательные.

Утвердительное предложение, предназначенное для речевого акта утверждения, маркируется изъявительным наклонением глагола, причем не однозначно — если предложение с глаголом в изъявительном наклонении оказывается придаточным, то оно обычно не выражает речевого акта утверждения и, вообще, никакого отдельного речевого акта, ср.:

- (1) а. Иван заболел;
б. Если *Иван заболел*, он пойдет к врачу.

В (1б) компонент *Иван заболел* не выражает отдельного речевого акта, а изъявительное наклонение теряет свою "утвердительную силу", т. е. объективную модальность реальности.

Вопросительные предложения, предназначенные для речевого акта вопроса, маркируются вопросительными словами и частицами. Иллокутивное назначение у вопросительного предложения выражено более определенно, чем у утвердительного, но тоже не вполне однозначно — вопросительное предложение может выступать в роли косвенного вопроса, и тогда оно не выражает отдельного речевого акта:

- (2) а. Куда он пошел?
б. Я не знаю, *куда он пошел*.

Предназначенность для побудительного речевого акта выражается с помощью повелительного наклонения, и здесь наклонение выражает иллокутивное назначение предложения, с точностью до грамматического класса, однозначно: императиву всегда соответствует отдельный речевой акт (мы отвлекаемся от субъектных употреблений императива в значении условного наклонения, как в примере *Приди он на час раньше, ничего бы не случилось*).

Наконец, восклицательное предложение, предназначенное для участия в речевом акте экспрессивного типа, тоже имеет некоторые стандартные грамматические модели (ср. *Какая она оказалась хитрая! Что он за мерзавец! Как она удивилась! Он такой добрый!*), хотя, в принципе, восклицательность может быть не выражена ничем, кроме интонации (ср. *Я не желаю тебя слушать!*) — как, впрочем, и вопрос (ср. *Иван придет?*).

У восклицательного предложения, построенного по стандартной модели, иллокутивное предназначение выражено однозначно, так что ему всегда соответствует отдельный речевой акт. Впрочем, небольшая группа глаголов допускает конструкцию с "косвенным восклицанием" (Падучева 1987), в которой восклицательное предложение оказывается в подчиненной позиции, ср. *Я был поражен, какая она оказалась хитрая; Воображаю, как она удивилась; Теперь я понимаю, как ей тяжело*.

Показатели коммуникативного намерения, о которых идет речь, относятся к классу первичных эгоцентрических элементов: они функционируют в канонической речевой ситуации, т. е. предполагают не только говорящего, но и адресата.

Модальные иллокутивные показатели

Ниже мы рассмотрим серию примеров, показывающих, что в каждом грамматическом иллокутивном классе модальный показатель может переводить предложение, имеющее не вполне определенное назначение и потому подчинимое, в предложение, строго предназначенное для выполнения речевого акта определенного типа, и, следовательно, неподчинимое.

Вопрос о том, подставимо ли предложение в некоторый подчинительный контекст, не всегда просто решить. Заведомо при постановке независимого предложения в подчиненную позицию в нем происходят интонационные изменения (а интонация может быть субъективно-модальным показателем); возможна утрата реальной модальности, как в примере (1) ниже. Возможны и другие сдвиги. Например, для фразы (а) *Я люблю Вас!* наиболее естественно употребление в речевом акте признания, в истолковании которого, согласно анализу Вежицкой (Wierzbicka 1984), фигурирует семантический компонент 'Говорящему трудно совершить данное речевое действие' или 'Говорящий не хотел совершать данное речевое действие и совершает его как бы против воли' (ср. признание вины, признание своих недостатков и пр.). Между тем в подчинительном контексте, например, во фразе (б) *Я сказал Вашему отцу, что я люблю Вас*, этот компонент отсутствует. Это не значит, однако, что предложение (а) синтаксически неподчинимо, поскольку указанное специфическое иллокутивное предназначение не является для (а) единственным.

Утвердительные предложения

У предложений Примеров 1–6 ниже нецитуруемость является следствием того, что в них однозначно выражена предназначенность для выполнения определенного речевого акта. Это предложения с определенным иллокутивным предназначением, более сложным, чем просто сообщение информации. Например, это может быть диалогическая реакция, как в Примерах 1, 2; или речевой акт иронии, Пример 4; осуждения и угрозы, Пример 5. Нецитуруемость в Примере 3 объясняется тем, что предложение включает обозначение участников речевого акта.

ПРИМЕР 1. Модальная частица *правда* маркирует особый речевой акт выражения желания услышать подтверждение своего мнения. Ср. предложение (1), которое, согласно анализу Вежбицкой (Wierzbicka 1984), имеет следующее толкование³:

- (1) В комнате холодно, правда? =
- а) 'Я считаю, что X' (где X = 'В комнате холодно'; т. е. X — это смысл предложения (1) за вычетом показателей иллокутивного предназначения);
 - б) 'Я исхожу из того, что ты думаешь то же самое';
 - в) 'Я хочу, чтобы ты подтвердил, что ты думаешь то же самое'.

Частица *правда* точно задает тип речевого акта, который может быть осуществлен с помощью данного предложения. Тем самым предложение (1) самой своей структурой предназначено на роль отдельного высказывания. Поэтому оно не может быть придаточным, т. е. синтаксическим компонентом в составе сложного предложения. В предложении

(1') Иван говорит, что в комнате холодно, правда?

предложение (1) не составляет синтаксического компонента, поскольку (2) понимается как 'правда ли, что Иван это говорит?'.

Толкование частицы *правда* содержит упоминание не только говорящего, но и адресата. Таким образом, *правда* принадлежит к числу диалогических частиц. В тот же ряд входят *разве* и *неужели* (см. Булыгина, Шмелев 1987), *ведь* (см. Paducheva 1987), *конечно* (о *конечно* см. Киселева, Пайар, Разлогова 1994).

В этой связи представляет интерес частица *-то*, которая близка по значению к *даже* (будучи по отношению к ней своего рода антонимом, см. Апресян 1978), но *даже* подчинима, а *-то* — нет:

- (2) а. Иван-*то* справится! Вот как остальные — не знаю.
 б. *Если Иван-*то* справится, я первый буду удивлен.
 в. *Зина уверена, что Иван-*то* справится.

Диалогическими реакциями являются реплики типа *Ни за что; Ничего удивительного; Не может быть; В музей так в музей* (реакция снисходительного согласия). См. о диалогических частицах Шведова 1960.

³ В статье Wierzbicka 1984 анализируется не русское слово *правда*, а английская конструкция вопрос-привесок (tag-question). Однако толкование, предлагаемое для этой конструкции, пригодно для *правда* практически без изменений.

ПРИМЕР 2. Высказывание (3) имеет иллокутивную функцию отрицания ложной информации⁴:

(3) Никогда \ \ я на Камчатке не был.

Такое высказывание уместно, например, в контексте: *Вот ты-то был на Камчатке!* Модальным показателем в (3) служит линейно-интонационная структура. Это предложение — при сохранении линейно-интонационной структуры и соответствующего ей смысла — синтаксически неподчинимо:

(3') *Я сожалею, что никогда \ \ я на Камчатке не был.

Единственный контекст, в который, быть может, можно подставить предложение с однозначно выраженным иллокутивным назначением, — это контекст перформативной приставки, выражающей то самое коммуникативное намерение, которое выражено в составе предложения модальным показателем (или более слабое). Так, (3'') допустимо:

(3'') А я тебе говорю, | что никогда \ я на Камчатке не был.

ПРИМЕР 3. Иллокутивную функцию высказывания (4) можно определить как "развенчание ложных презумпций слушающего":

(4) Я тебе не Жанна д'Арк (пример из Арутюнова 1983).

Здесь *тебе* ≈ 'как ты неправильно думаешь' (или 'как ты неправильно говоришь'). Н. Д. Арутюнова трактует это *тебе* как "обломок" речевого акта (обозначение его участника), незаконно оказавшийся внутри высказывания.

В той же функции обозначения участника речевого акта — быть может, мысленного — может выступать и местоимение 3-го лица, ср.

Стану я *ему* молчать! ≈ 'Не стану молчать, как он требует';

Так я *ему* и пошел! ≈ 'Не пойду, вопреки тому, что он хочет'.

Предложения типа (4) синтаксически неподчинимы — допустима только подстановка в контекст перформативного глагола:

(4') Я сказала Ивану, что я ему не Жанна д'Арк.

ПРИМЕР 4. Имеются разнообразные языковые средства выражения идеи о том, что данное утверждение надо понимать, так сказать, иронически, т. е. в значении, противоположном тому, которое передается буквальным смыслом слов. Поскольку этот противоположный смысл выражается неэксплицитно, высказывание имеет экспрессивную окраску, а предложение — синтаксически неподчинимо. Разнообразные примеры таких конвенционально иронических высказываний приведены в работе Шмелев 1958:

(6) а. Есть из-за чего расстраиваться!

б. Нашел чему радоваться (о чем говорить, кого приглашать)!

в. Стоило из-за него боюсь птицу губить! (Чехов)

⁴ Мы используем следующие условные обозначения для фразовых акцентов: знаки т и \ \ маркируют главное фразовое ударение, соответственно, обычное и контрастное (усиленное); знак / — антикаденцию по Карцевскому, т. е. второстепенное ударение в повествовательном предложении или конечное ударение в общевопросительном; ∪ — знак безударности. Знаком | отмечается граница тоновых групп.

- г. Охота была ему жениться!
- д. Очень нужно мне за ним следить!
- е. Нужны мне ваши деньги!
- ж. Много ты понимаешь!
- з. Только этого не доставало! Тебя тут только не хватало!
- и. Хорош друг! Велика важность!
- к. Стану я пса кормить! (Тургенев) Стала бы я стараться, если бы знала! Будет он молчать!
- л. От вас дожدهшься! Таких поймаешь! Тебя догонишь!

Употребление в отрицательном смысле закрепляется за словами, выражающими отчетливо положительный признак: такие слова, как *есть*, *стоило*, *очень нужно*, *охота*, *много*, *хорош*, *велик*, легче всего приобретают противоположный смысл 'вовсе нет', 'совершенно не стоило', 'совсем не нужно', и т. д. Слова *стану*, *буду*, выражающие твердое намерение, в ироническом употреблении означают 'совершенно не намерен'; форма буд. времени у глаголов *дождаться*, *поймать*, *догнать*, выражающая возможность, в конвенционально-ироническом высказывании означает полную невозможность.

Одна из структурных схем конвенционально-иронического высказывания использует соединение частиц *так ... и*:

- (7) а. Так он тебе и сказал (скажет)!
- б. Так я ему и поверил (поверю)!
- в. Так они и дали (дадут) тебе эту премию!
- г. Так я и пошел (пойду)!
- д. Так я вас и побоялась (побоюсь)!

Иногда ироническое употребление не предопределено структурой предложения (если не считать интонации), а вытекает только из контекста. Такие слова и выражения как *как же*, *как бы не так*, *черта с два*, *держи карман <шире>*, *ничего сказать*, *жди*, *дожидайся* подкрепляют понимание предшествующего высказывания в ироническом смысле: *Поехала (поедет) она с тобой, дожидайся!* Поэтому слова, для которых употребление в речевом акте иронии конвенционально, типа *охота (была)*, *стоило*, *хорош*, должны быть специально отмечены в словаре, ср. *очень нужно*, проанализированное с лексикографической точки зрения в Апресян 1988б: предназначение слова к употреблению в речевых актах определенного типа может быть одним из компонентов его лексикографического описания.

ПРИМЕР 5. Имеются также слова, предназначенные для речевого акта осуждения. Например, смысл высказывания

- (8) Охота же вам было жениться! (пример из Шмелев 1958)

не просто противоположен прямому значению его слов, как (6г) *Охота была ему жениться* = 'Ему неохота жениться' (NB тот факт, что форма прош. времени выражает состояние в наст. момент), а означает осуждение поступка адресата: (8) ≈ 'Незачем вам было жениться'.

Еще один интересный пример — слово *даться*, проанализированное в Шмелев 1958:

- (9) Дался тебе этот мотоцикл!

В словаре Ушакова отмечается для *даться* в прош. времени, в качестве одного из значений, 'стать предметом постоянного внимания, интереса, пристрастия'. Не отмечается, однако, то существенное обстоятельство, что слово *даться* уместно в этом значении только в высказывании, имеющем иллокутивную функцию осуждения того лица, которое имеет это пристрастие, или по крайней мере отмежевания от субъекта пристрастия.

Однозначно выраженное иллокутивное назначение предложений (8), (9), естественно, делает их синтаксически неподчинимыми. Неподчинимы также предложения, выражающие речевой акт угрозы – они тоже однозначным образом вписаны в диалогический контекст: *Он мне за это заплатится! Ты у меня поплачешь (попляшешь)! Ты мне поворчишь! Сейчас как дуну!*

Вопросительные предложения

ПРИМЕР 6. Синтаксически неподчинимым является вопросительное предложение, выражающее риторический вопрос. Риторический вопрос приблизительно равнозначен утверждению того предложения, которое получится, если вопросительное местоимение заменить на отрицательное (и, разумеется, добавить обязательное в русском языке *не* к сказуемому):

- (10) Кто может объять необъятное? (К. Прутков) ≈ 'Никто не может объять необъятного'; И какой же русский не любит быстрой езды! ("Мертвые души") ≈ 'всякий любит'.

Однако риторический вопрос выражает отрицательное суждение только в контексте отдельного речевого акта, так что его нельзя использовать для выражения того же отрицательного суждения в подчинительном контексте – например, в контексте глагола мнения или говорения:

- (10)*Я утверждаю, что кто может объять необъятное.
*Я убежден, что кто может объять необъятное.

Впрочем, в более сложном контексте риторический вопрос становится подчиним: *Он прибавил в пояснение <...> и что, наконец, почему же не допустить и не извинить в нем человеческого желания хоть чем-нибудь облегчить свою совесть* (Достоевский, 1957: 55).

ПРИМЕР 7. Вопросительное предложение, как уже было сказано, в принципе, допустимо в подчинительном контексте – в функции косвенного вопроса. Однако если в вопросительном предложении есть модальные частицы, уточняющие иллокутивную функцию высказывания или вписывающие его в диалогический контекст (как *только* в (11)), то использование такого предложения в подчинительном контексте уже невозможно:

- (11) Зачем *только* он туда ходил!
*Он сказал \ мне, зачем только он туда ходил.
*Я спросил \ у него, зачем только он туда ходил.

Можно думать, что *только*, как и *тебе* в (4), является обломком контекста речевого акта; его приблизительный смысл – 'Скажи мне только одно'. Аналогичным образом может быть эксплицитировано значение частицы *же* в контексте вопросительного слова: *Кто же...*, *Какой же...* и т. д. означают

‘Скажи же, кто...’, ‘Скажи же, какой...’ и т. д. О частицах, у которых сферой действия являются иллокутивные компоненты высказывания, см. Широкова 1982.

ПРИМЕР 8. На модели вопросительного предложения основан целый ряд конвенциональных способов выражения эмфатического отвержения высказывания собеседника:

- (12) а. Да кому он нужен?
 б. Ну что ему делается?
 в. Да кто его презирает! (примеры из Шмелев 1959б)

Высказывания этого типа выражают отрицательную реакцию на предшествующее высказывание, и этим они отличаются от риторических вопросов, которые не требуют диалогического контекста. Предложения типа (12), как и риторические вопросы, синтаксически неподчинимы.

Выражать отвержение могут также реплики с *какой, какое*, ср. примеры из Шмелев 1959б и Грамматика 1980:

- (13) Какой он там ученый! Какие мы друзья! Какой же я посторонний! Какая уж там ирония! Какой тут отдых, когда дел столько? Какие там щи, если раков будем варить!

При наличии частиц – *же, уже, там, тут* – эти предложения уже не могут употребляться в функции косвенного вопроса; так, предложение **Я навел справки, какой он там ученый*, где модальное *там* находится в подчиненной позиции, аномально. Интересно, что предложение *Он-то знает, какие мы друзья* допускает такое понимание, при котором компонент *какие мы друзья* понимается в ироническом смысле.

ПРИМЕР 9. На базе вопросительного предложения строится большое число идиоматических высказываний с однозначной иллокутивной функцией. Например, предложение

- (14) Откуда я знаю?

служит вполне конвенциональным способом выражения незнания в качестве ответной реакции; естественно, (14) неподчинимо (ср. **Я сказала, что откуда я знаю*). В предложении

- (15) Кого он только не спрашивал!

экспрессивно выражена идея большого количества. Это предложение не диалогично. Источником его неподчинимости является только экспрессивность. Во фразе *Люди так // невнимательны * источник неподчинимости – экспрессивный интонационный контур, которым характеризуется слово *так* в значении ‘очень сильно’.

Побудительные предложения

Предложение с глаголом в повелительном наклонении предназначено строго для роли самостоятельного высказывания. Поэтому такое предложение всегда синтаксически неподчинимо.

Факт синтаксической неподчинимости императива был в свое время отмечен Р. Якобсоном (в выступлении на Конференции по семиотике в 1966 г. в Варшаве, см. Падучева 1967). Якобсон возражал против анализа

императива, предлагавшегося в трансформационной грамматике, в соответствии с которым, скажем, предложение *Немедленно отправляйся домой* толкуется как 'Ты должен немедленно отправиться домой': из этого толкования остается непонятно, почему нельзя сказать **Говорю тебе, что немедленно отправляйся домой*, при том, что *Говорю тебе, что ты должен немедленно отправиться домой* вполне правильно. На базе модели побудительного предложения формируются высказывания с иллокутивной функцией угрозы, которые тем более неподчинимы (*Ты мне поговори! Ты покричи у меня!*). Ср. также нецитируемость смягчающего побуждения:

(16) а. Идите, что ли!

б. *Я сказал им, чтобы они шли, что ли.

Особый речевой акт выражается словом *будет*: *Будет вам баклуши бить!* Конструкция *будет X-у V-ить* означает: 'X в течение некоторого времени V-ил. Говорящий это осуждает и побуждает X-а перестать V-ить'. Поскольку это слово уже само по себе выражает речевой акт, оно неподчинимо, ср. изыск в следующем отрывке из трилогии Толстого "Детство. Отрочество. Юность":

Поздоровавшись, папа сказал, что будет нам в деревне баклуши бить.

Восклицательные предложения

Восклицательные предложения синтаксически неподчинимы как грамматический класс. Единственное исключение — конструкция с косвенным восклицанием. Так, предложение *Какой он осторожный!* ≈ 'Он очень осторожный' подчинимо: *Это удивительно, какой он осторожный*. Однако большинство моделей восклицательного предложения косвенного употребления не допускают (примеры из Шведова 1960):

(17) Что он за мерзавец!

(18) Ну и пуглив же ты! Только воспитателей своих ну и не любят же!

Препятствием для синтаксического подчинения предложения может быть экспрессивная лексика, междометия:

(19) *Зина считает, что черт его знает, придет он или нет;

*Зине кажется, что черта с два он придет.

(20) * Она воскликнула, что ах, это был только сон.

Экспрессию может выражать также повтор, ср.:

Надо бежать, бежать отсюда;

Он был легкий-легкий.

В Vanfield 1982 конструкция, представленная примерами типа *Еще один глоток, и я пойду; Еще один такой выкрик, и его выгонят*, трактуется как экспрессивная. Считать ее экспрессивной нет оснований. В то же время она частично неподчинима. Так, допустимо *Мать считает, что еще один такой выкрик, и его выгонят*, но не **Поскольку еще один такой выкрик и его выгонят...*

Итак, мы рассмотрели модальные иллокутивные показатели — слова и конструкции с экспрессивными или диалогическими компонентами значения, которые вследствие этого синтаксически неподчинимы. Предложения

с неопределенным иллокутивным назначением могут быть использованы и как самостоятельные высказывания, и как "строительный материал" для более сложных предложений. Предложение с однозначными показателями диалогичности или экспрессии говорящего годится только на роль самостоятельного высказывания, не будучи уже способно вступать в подчинительную связь. Отличие диалогичности от экспрессии состоит в том, что экспрессия не обязательно обращена на внеположного адресата — экспрессивным может быть обращение говорящего к самому себе.

Есть слова и конструкции, которые с обязательностью требуют контекста речевого акта, хотя и не имеют субъективно-модального значения. Ниже приведены некоторые примеры.

1. Обращение. Прямая речь, содержащая обращение, не может быть переведена в косвенную: *"Бабушка, я принесла тебе пирожок"*, — сказала Красная Шапочка⁵. В (21) обращение возможно только потому, что оно является аппозитивом к местоимению 2-го лица:

(21) Эти факты свидетельствуют о том, что ты, *Борис*, не сделал правильных выводов.

2. Общеутвердительные и общеотрицательные слова *Да, Нет*:

Да, квартира № 50 пошаливала ("Мастер и Маргарита").

3. Конструкция с так наз. именительным темы:

(22) а. Ее муж / — он большой начальник \.

б. *Очень жаль, что ее муж — он большой начальник.

4. Эмфатическая препозиция или постпозиция именной группы, сопровождаемая или не сопровождаемая ее дублированием:

(23) Дикое существо была эта Бэла (Лермонтов. "Герой нашего времени");

Ошибается он, твой приятель;

Неизвестно, где его искать, этот банк;

Они ей отказали, дураки;

Говорят, она не находит себе места, бедняжка.

5. Автокоррекция: *Я видела его вчера — нет, позавчера*. Автокоррекция типична для спонтанной разговорной речи, и имитация этого явления служит основой для интересных литературных приемов, см. Главу 10.

* * *

Итак, мы видим, что синтаксическая неподчинимость может быть следствием различных причин — таких как субъективная модальность, дейксис, или просто наличие в предложении конструкций с обращением или с именительным темы, которые требуют контекста речевого акта. Все эти языковые явления имеют, однако, то общее, что характеризуют предложение как законченное высказывание, предназначенное для функциони-

⁵ Речь идет, разумеется, о переводе, осуществляемом с помощью стандартных синонимических трансформаций, см. главу 7. Приблизительным функциональным аналогом обращения является дательный адресата. Однако если сказать *Красная Шапочка сказала бабушке, что принесла ей пирожок*, то полностью утратится информация о том, как Красная Шапочка назвала свою бабушку — какое именно обращение она использовала. О специфике номинаций, используемых в обращениях, см. Wierzbicka 1970/1982.

рования в речевом акте. Тем самым синтаксическая неподчинимость работает как тест на первичную эгоцентричность.

По крайней мере в одну сторону тест на синтаксическую подчинимость дает однозначный результат: если предложение синтаксически подчинимо, то нет оснований выделять в нем показатели субъективной модальности. Так, предложения примера (24), все синтаксически подчинимые, скорее всего, отнесены в Грамматике 1980 к сфере субъективной модальности ошибочно:

(24) Ему теперь праздник не в праздник; Ему не до разговоров; У нее только и радости, что в детях; Ей есть о чем подумать; Он чуть ли не гением себя считает.

Другой пример, когда тест на подчинимость помогает уточнить границы сферы субъективной модальности. Балли пишет в безоговорочной форме, что "отрицание выражает модальное понятие — это отказ от подтверждения" (Bally 1932/1955: 238). Однако отрицание является модальным понятием только в тех случаях, где оно действительно представляет собой отказ от подтверждения, как, скажем, в примерах (12), (13). В остальном отрицание — это обычный оператор, который строит пропозицию, способную быть сферой действия для многих других операторов, т. е. синтаксически подчинимую. Тем самым обычное отрицание не относится к сфере субъективной модальности.

4. О подчинимости вводных слов

Обратимся теперь к субъективной модальности первой группы, а именно, к вводным словам и оборотам типа *кстати, может быть, однако, впрочем*, не имеющим эксплицитного субъекта⁶. Примеры (1)–(3) из раздела 1 демонстрировали синтаксическую неподчинимость вводных слов. На самом деле, однако, вводные слова и обороты вовсе не все неподчинимы. Например, предложение (1), где вводный оборот находится в подчиненной позиции, не аномально:

(1) Коля считает, что защита состоится, *скорее всего*, в октябре.

Как показывает этот пример, вводный оборот *скорее всего* подчиним, т. е. возможен в подчиненной позиции, и цитируем: (1) передает неуверенность, которую, так или иначе, выразил Коля. Следовательно, есть такие вводные слова, для которых возможна, помимо акторечевой интерпретации, ориентированной на говорящего, синтаксическая, ориентированная на субъект подчиняющего предложения. Можно думать, что вводные слова, подобно другим эгоцентрическим элементам, делятся на две группы — одни являются первичными и обязательно требуют контекста речевого акта, а другие — вторичными и допускают контекстуализацию и относительно текстового субъекта. В таком случае для того, чтобы охарактеризо-

⁶ Вводные слова и обороты интересуют нас в данной главе только с точки зрения подразумеваемого субъекта — обороты с эксплицитным субъектом, типа *по-моему*, не рассматриваются; о прочих аспектах семантики вводности см. главу II.6.

вать поведение вводного оборота в подчинительном контексте, достаточно установить, является ли он первичным или вторичным эгоцентриком.

Невозможность употребления вводного слова в придаточном может быть связана не с тем, что оно принадлежит к классу первичных эгоцентриков и в силу этого не допускает синтаксической проекции, а просто с тем, что предикат и вводное слово семантически не согласованы (есть расхожие шутки, которые обыгрывают этот тип противоречия, например: *Как жаль, что вы, наконец, уходите!*). То, что такие правила согласования существуют и к тому же формулируются в достаточно общих терминах, можно показать на следующих примерах:

- (2) а. Хотя Наполеон, *как известно*, бежал из Москвы...
- б. *Когда Наполеон, *как известно*, бежал из Москвы...
- (3) а. *Хотя* в квартире, *конечно*, побывали, никакого мага там не оказалось;
- б. **Когда* в квартире, *конечно*, побывали, никакого мага там не оказалось.

Примеры (2б) и (3б) неправильны потому, что союз *когда* имплицитно подразумевает понимание придаточного предложения в значении процесса; между тем сферой действия вводных выражений *как известно* и *конечно* должен быть факт (см. о противопоставлении факт / процесс в Vendler 1967a, Арутюнова 1980, 1988, Падучева 1986б).

Конструкция с вводным оборотом в подчиненном предложении громоздкая, и очевидно поэтому она мало употребительна. Ср., однако, примеры из газетно-бюрократического языка и из современной литературы:

- (4) Сообщают, что Киссинджер, *кажется*, получит за свои мемуары два миллиона; Просим учесть, что Оргкомитет, *к сожалению*, не сможет обеспечить гостиницей всех иногородних участников конференции;
- (5) Мне было приятно за дядю Шуру, и я думал, что он, *наверное*, не хуже того героя гражданской войны, которого никак не может забыть тетя Соня (Р. Киреев);

А романы Достоевского изобилуют такими построениями:

- (6) Я только насчет того хотел, что они испортят ковры и, *пожалуй*, разобьют что-нибудь ("Идиот", с. 182);
Я давеча уже подумал, что, *может быть*, я и впрямь из счастливых ("Идиот", с. 88);
И наконец, мне кажется, мы такие разные люди на вид... по многим обстоятельствам, что у нас, *пожалуй*, не может быть много точек общих ("Идиот", с. 31); ...но мне кажется, что вы, *может быть*, несколько правы ("Идиот", с. 380);
<...> и так как я прежде всего убежден, что вы человек *все-таки* превосходный, то ведь мы, *пожалуй*, кончим тем, что дружески сойдемся ("Идиот", с. 419).

С синтаксической точки зрения картина осложняется тем, что в разговорной речи вводные слова относительно свободно перемещаются по фразе и могут "забредать" в придаточное, оставаясь по смыслу в главном, как в (7); и наоборот, подниматься из придаточного в главное, как в (8):

- (7) И соблазнить ее пытался, чтоб ей, *конечно*, угодить (Окуджава) = 'конечно, чтобы ей угодить';
- (8) Мы, *к сожалению*, знаем, что Наталья Николаевна справилась со своим заданием (Ахматова) = 'мы знаем, что, к сожалению, справилась'.

В разных языках правила разрешенных блужданий этого рода не в точности одинаковы (см. об аналогичных смещениях других сентенциальных операторов, в частности, отрицания, в Падучева 1969, Богуславский 1985). Так, фразу *Note, in contrast, that existential generalization with respect to the purely referential occurrence yields a sound conclusion* следует перевести не как 'заметим, напротив, что дает', а как 'заметим, что..., напротив, ... дает'. Мы ограничимся в дальнейшем предложениями с "нормированным" расположением вводных слов.

Итак, неподчинимость может быть вызвана не только принадлежностью вводного слова к числу первичных эгоцентриков (что исключает синтаксическую интерпретацию), но и обычным нарушением правил семантического согласования. Поэтому мы рассмотрим вначале, в разделах 4.а–4.б, подчинение вводного слова предикату с субъектом 1-го лица. В таком контексте подразумеваемый субъект подчиненного вводного оборота (как и подчиняющего предиката) – говорящий, так что интерпретация вводного оборота не синтаксическая, а, в конечном счете, акторечевая. Тем самым неподчинимость вводного оборота в придаточном может в этом случае объясняться только его семантической несогласованностью с подчиняющим предикатом. Далее в разделе 4.в мы будем рассматривать контексты с гарантированным семантическим согласованием и возможность замены 1-го лица подчиняющего предиката на 3-е: для вторичных эгоцентриков такая замена должна быть допустима, а для первичных – нет. Это позволит нам выделить класс первичных эгоцентриков среди вводных слов.

Мы ограничимся ниже преимущественно подчиняющим глаголом пропозициональной установки – речи, мысли, чувства, ощущения. В таком контексте возникают два субъекта сознания – говорящий и субъект установки. Они и суть два претендента на роль подразумеваемого субъекта вводного слова.

4.а. Семантические классы вводных слов

С семантической точки зрения ситуация, которая складывается в контексте, где вводный оборот подчинен глаголу пропозициональной установки (ПУ) такова, что одна пропозиция – выраженная в подчиненном предложении – входит в сферу действия двух предикатов, подчиняющего и вводного. Можно было бы подумать, что дело обстоит иначе – что две пропозициональные установки составляют сферу действия одна для другой. Иногда это так и есть. Так, в примере (1) один порядок вводных оборотов допустим, а другой – нет, поскольку этот порядок выражает различие в сфере действия; а именно, в (1а) субъект очевидности – говорящий; в (1б) это должны были бы быть редакторы, но так сказать нельзя:

- (1) а. *Очевидно, по мнению редакторов*, различия между заблуждением и ложью не существует;
 б. **По мнению редакторов*, различия между заблуждением и ложью, *очевидно*, не существует.

Но в нашем случае у вводного слова тот же субъект, что у ПУ, и проблемы сферы действия не встает: вводное слово и ПУ характеризуют, в сущности, одну установку, распределенную между двумя языковыми выражениями. Например, в (2) вероятность, выражаемая в *может быть*, дублирует один из компонентов, входящих в семантическое разложение глагола *бояться* (в соответствии с Wierzbicka 1969, Иорданская 1970, Зализняк 1983):

(2) Он боится, что она, *может быть*, его забыла.

Итак, нужно выявить правила семантического согласования, обеспечивающие возможность непротиворечивого соединения семантических компонентов, происходящих из этих двух источников — вводный оборот и пропозиционная установка. Для описания этого согласования нам понадобится семантическая классификация вводных оборотов. Деление будет производиться по нескольким основаниям.

Прежде всего, по чисто семантическому основанию среди вводных оборотов можно различить метатекстовые (такие как *между прочим, кстати* <сказать>, *скорее, тем не менее*) и оценочные, причем среди последних различаются такие, которые выражают:

а) оценку факта — *к счастью, на беду*;

б) оценку достоверности информации — *безусловно, кажется* (класс модальных показателей достоверности выделяется в Виноградов 1947: 739);

в) оценку соответствия ожиданию — *конечно, естественно, разумеется, действительно, в самом деле* (эта группа модальных слов исключена из числа показателей достоверности и выделена в отдельный класс в Яковлева 1988).

С точки зрения коммуникативного статуса ассоциированной пропозиции (см. о статусах пропозиции в разделе 5 главы I. 2) можно различить три группы вводных слов:

А. Вводные слова, сочетающиеся только с ассертивной модальностью ассоциированной пропозиции (т. е. в речевом режиме говорящий, употребляя данное вводное слово, утверждает или подразумевает, что ситуация в ассоциированной пропозиции имеет место). Так, в (3)—(5) ассоциированная пропозиция утверждается говорящим:

(3) Иван, *к сожалению*, в отпуске.

(4) *Честно говоря*, Бобби зарвался.

(5) *Тем не менее*, он преуспевает.

В контексте, где ассоциированная пропозиция не утверждается, употребить вводный оборот группы А нельзя. Например, эти вводные слова невозможны в вопросительном предложении, пример (6); или в условном придаточном, пример (7):

(6) *Иван, *к сожалению*, в отпуске?

(7) *Если Иван, *к сожалению*, в отпуске, вам придется ждать до сентября.

В. Вводные слова, предполагающие нейтральную модальность в ассоциированной пропозиции. Если вводное слово принадлежит к данной группе, то пропозиция составляет сферу действия соответствующего ему

оператора и сама по себе не утверждается говорящим; так, в (8), в отличие от (3), ассоциированная пропозиция вводного слова не имеет ассертивного статуса; здесь говорящий не утверждает никакого факта, а только сообщает свою догадку:

(8) Иван, *наверное*, в отпуске.

К этому типу относятся все парентетические показатели достоверности.

Указанное свойство показателей достоверности объясняет некоторые свойственные им ограничения сочетаемости. Так, в (9), вследствие наличия местоимения типа *-нибудь*, пропозиция имеет неутверждаемый статус; а следовательно, нет ничего, про что говорящий мог бы сказать, что это "к счастью"; отсюда аномальность (9б). Между тем в сфере действия *наверное*, как раз требующего нейтрального модуса ассоциированной пропозиции, та же пропозиция оказывается уместной, см. (9а):

- (9) а. Наверное, к нему *кто-нибудь* пришел.
б. *К счастью, к нему *кто-нибудь* пришел.

Аномальность примеров (10б), (11б) объясняется, напротив, тем, что *безусловно* требует от своей ассоциированной пропозиции нейтрального модуса, а у этих предложений, в силу их коммуникативной структуры, модус однозначно ассертивный (ср. несколько иное объяснение аномалии этого типа в Яковлева 1988):

- (10) а. Был у нас на курсе один студент;
б. **Безусловно*, был у нас на курсе один студент.
(11) а. Неожиданно автобус остановился;
б. **Безусловно*, неожиданно автобус остановился.

В предложении (12), которое отличается от (11) только коммуникативной структурой, ассоциированная пропозиция не имеет ингерентного иллокутивного предназначения к ассертивному употреблению, и аномалия устранена:

- (12) Автобус, *безусловно*, остановился неожиданно.

Вводные слова группы В, в принципе, могут употребляться в составе вопроса и даже в условном предложении:

- (13) Ты, *видимо* (*вероятно, кажется, вроде*), занят?
(14) Если ты, *может быть*, занят, скажи прямо,

что исключено для вводных слов группы А, примеры (6), (7).

С. Вводные слова, которые безразличны к модальности ассоциированной пропозиции. К этой группе относятся все вводные слова, которые выражают соответствие ожиданию. Они возможны и при ассертивной модальности (15а), и при нейтральной (15б):

- (15) а. Он, *конечно*, опять занят;
б. Если, *конечно*, он опять занят, ему же хуже.

И еще одно важное деление касается только показателей достоверности. Среди предикатов ментального состояния можно выделить два важных класса — предикаты, выражающие модус мнения, типа *считать*, и модус знания, типа *знать* (лингвистическая релевантность этих двух типов установок была показана в ряде работ, см. Дмитровская 1988, Зализняк 1992). В Яковлева 1988 введено соответствующее деление вводных

слов: вводные слова, выражающие модус мнения — это, например, *наверное, бесспорно, безусловно, несомненно, думается, без сомнения, вероятно, по всей вероятности, очевидно, должно быть, надо полагать, возможно, скорее всего, может быть*; они соотносятся семантически с глаголами *считать, думать, допускать*; и вводные слова, выражающие модус знания, в первую очередь — восприятия (*кажется, ясно, определенно, как будто, вроде*), соотносимые с глаголами *видеть, чувствовать, знать*. Правда, в Яковлева 1988 используется нестандартная терминология: про вводные слова типа *кажется* говорится, что они выражают "характерную" информацию, а типа *наверное* — "нехарактерную".

В Иоанесян 1993 предлагается выделить 3-й класс в том же ряду; к этому классу относятся *видимо* и *по-видимому*: если *кажется* уместно в контексте личного контакта субъекта сознания с ситуацией, а *наверное* — напротив при отсутствии контакта, то *видимо* выражает заключение на основе опосредованного контакта. Характерный контекст употребления слов *видимо* и *по-видимому* представлен примером (16); подчиненное *потому что* в контексте *по-видимому* выражает его обязательный семантический акт — оно вводит ту информацию, которая послужила говорящему основанием для его заключения:

- (16) Важное сведение, *по-видимому*, действительно произвело на путешественника сильное впечатление, потому что он обвел глазами дома, как бы опасаясь в каждом окне увидеть по атеисту. ("Мастер и Маргарита")

4.6. Семантическое согласование

Итак, если вводный оборот подчинен ПУ-предикату, то его ассоциированная пропозиция находится одновременно в сфере действия двух операторов, которые должны быть семантически согласованы друг с другом. Мы будем рассматривать только оценочные вводные обороты — метаязыковые, типа *впрочем, однако, кстати*, по большей части функционируют не как одноместные операторы, а как связки, соединяющие данную пропозицию с другой, и неподчинимы уже по одной этой причине, ср.:

Другой утверждал, что он [Чичиков] чиновник государственной канцелярии, и тут же присовокуплял: *а впрочем* черт его знает, на лбу ведь не прочтешь. ("Мертвые души")

Следующие правила согласования можно сформулировать в семантических терминах.

ПРАВИЛО 1. Вводный оборот, индуцирующий нейтральную модальность ассоциированной пропозиции, не сочетается с подчиняющим предикатом, который требует для той же пропозиции асертивного статуса:

- (1) *Я рад, что он, *наверное*, вернулся.
 *Я огорчен, что она, *бесспорно*, уехала.
 *Оказалось, что она *явно* уехала.
 *Известно, что он *определенно* мошенник.

И наоборот, подчиняющий предикат, который требует нейтральной модальности от пропозиции, не сочетается с вводным словом, индуцирующим асертивную:

(2) *Я уверен, что он, *к сожалению*, опоздает.

*А я думал, что он, *к счастью*, еще здесь.

В (3а) модальности согласованы, а в (3б) — нет:

(3) а. Я думаю, что он, *несомненно*, прав.

б. *Я знаю, что он, *несомненно*, прав.

В реальных текстах могут встретиться исключения из Правила 1, что, однако, не дает основания сомневаться в его принципиальной значимости:

(4) Удивительнее всего то, что, *очевидно*, с ним вместе исчез и миллиционер ("Мастер и Маргарита");

С какой же вы стати сказали ей прямо в глаза, что она "не такая". И, конечно, угадали. Оказалось, что и, действительно, *может быть*, не такая. Впрочем, я [Варя] не разберу. ("Идиот": 138) <...>

Мать могла понять из них [слов] только то, что дочь ее была смертельно влюблена во Владимира Николаевича и что *вероятно* любовь была причиной ее болезни. (Пушкин "Метель")

Во фразе (5) нарушение состоит в том, что *думал* в речевом контексте индуцирует контрфактическую модальность подчиненной пропозиции (сейчас ясно, что ошибался), которая тоже не сочетается с нейтральной, требуемой словом *наверно*:

(5) А кстати, я ведь думал, что отец *наверно* с Рогожиным уедет. ("Идиот", с. 138)

ПРАВИЛО 2. Вводный оборот, выражающий модус знания / восприятия, возможен только в контексте подчиняющего предиката знания / восприятия, см. (6); аналогично, оборот, выражающий модус мнения, сочетается только с подчиняющим предикатом мнения, см. (7). Это правило было сформулировано, в других терминах, в Яковлева 1988:

(6) а. Я чувствую, что за мной *определенно* следят.

Я чувствую, мне, *кажется*, придется уступить.

б. *Я чувствую, что он, *наверное*, где-то поблизости.

*Я почувствовал, что он *несомненно* устал.

(7) а. Я считаю, что ты, *несомненно*, справишься.

Я думаю, что ты *несомненно* прав.

Я думаю, она, *вероятно*, откажется.

б. *Я думаю, что Иван, *кажется*, в отпуске.

ПРАВИЛО 3 связано с количественной градацией вводных слов, введенной в Яковлева 1988: в каждом из двух классов показателей достоверности можно ввести деление на два подкласса: в первом субъект вводности указывает на достаточность имеющейся у него информации для утверждения ассоциированной пропозиции, а во втором — на недостаточность. Достаточность в классе слов с модусом знания выражают *явно*, *определенно*, в классе слов с модусом мнения — *бесспорно*, *безусловно*, *несомненно*, *думается*, *без сомнения* (остальные, соответственно, выражают недостаточность). Правило согласования состоит в том, что вводное слово не может выражать недостаточность информации, если подчиняющий предикат выражает обратное; таким образом, вводные слова, выражающие недостаточность информации, подчинимы только таким глаголам, как *думать*, *подозревать*, *говорить*, но не таким, как *чувствовать*, *видеть*:

(8) а. Он почувствовал, что его *определенно* (**кажется*) кто-то догоняет.

б. *Я видел, что он, *кажется*, был расстроен.

Я уверен, что он *несомненно* (**наверное*, **должно быть*, **возможно*) прав.

В соответствии с правилом 3 допустимо:

Я думаю, что ты, *наверное*, устал;

Я считаю, что он, *несомненно*, прав;

Я подозреваю, что она, *может быть*, забыла;

Я надеялся, что она, *может быть*, еще придет;

Добавлю, что он, *возможно*, вообще откажется.

В примере (9) это правило нарушено, что ощущается как шероховатость:

(9) Напрасно девицы уверяли, что человек, не писавший полгода, *может быть*, далеко не будет так тороплив и теперь, и что, *может быть*, у него и без них много хлопот в Петербурге ("Идиот": 272)

Есть и другие правила, которые носят уже частный характер и связаны, фактически, с отдельными словами. Так, не вполне корректно **Я опасюсь, что он, может быть, забудет*: дело в том, что у *может быть* есть общий положительный пафос (т. е. *может быть* отчасти похоже на *авось*), так что лучше сказать *Я надеюсь, что он, может быть, не забудет* или *Я опасюсь, что он может забыть*.

Разумеется, ощущение аномалии вызывают тавтологические повторы: **Я рад, что он, к счастью, уехал*; **Я не сомневаюсь, что он, несомненно, уехал*.

Одно замечание, касающееся метатекстовых парентез. Слова *однако* и *тем не менее* на первый взгляд почти синонимичны, но различаются подчинимостью: *однако* неподчинимо, что естественно, а *тем не менее* подчинимо:

Я не сомневался, что операция, *тем не менее* (**однако*), увенчается успехом.

Причина, видимо, в том, что *тем не менее* — это анафор; свойство отсылать к контексту естественно для анафора, а слову *однако* не прощается.

4. в. Пропозициональная установка с субъектом 3-го лица

Итак, имеется ряд общих правил семантического согласования подчиняющей установки с вводным словом. Они проверены на ПУ с субъектом 1-го лица: в этом контексте запрет на употребление того или иного вводного слова в подчиненном предложении, если он есть, может порождаться только семантическим рассогласованием, а не интересующей нас эгоцентрической семантикой вводного слова. В самом деле, при ПУ с субъектом 1-го лица деление вводных слов на первичные и вторичные эгоцентрики не может проявиться: в этом контексте подразумеваемым субъектом вводного слова все равно будет говорящий. Различие между первичной и вторичной эгоцентричностью дает себя знать только в контексте ПУ с субъектом 3-го лица.

Теперь мы сосредоточимся на таких контекстах, где в соответствии с правилами 1–3 употребление вводного слова при субъекте в 1-ом лице допустимо (тем самым мы гарантированы от того, что запрет сочетаемости

объясняется просто семантической несовместимостью двух установок), и будем смотреть, что происходит при замене 1-го лица ПУ-предиката на 3-е. Мы покажем, что вводные слова делятся на две группы, уже знакомые нам по дейксису: вторичные эгоцентрики, которые приемлемы в этом контексте и, следовательно, допускают помимо акторечевой также и синтаксическую интерпретацию; и первичные эгоцентрики, которые не употребляются в подчиненной пропозиции, т. е., следовательно, контекстуализируются только через речевой акт.

I. Вторичные эгоцентрики — это, например, *скорее всего* или *может быть*. Они могут подчиняться ПУ-предикату с субъектом 3-го лица и получают в этом контексте синтаксическую интерпретацию; т. е. они способны контекстуализоваться через субъект установки:

(10) а. Иван говорит, что во вторник он, *может быть*, придет.

б. Коля считает, что свадьба будет, *скорее всего*, в октябре.

Вводные слова этой группы являются вторичными эгоцентриками — в том смысле, что они допускают, наряду с акторечевой интерпретацией, когда подразумеваемый субъект — говорящий, также и синтаксическую, ориентированную на субъект установки. В Апресян 1986а глагол *показаться* был идентифицирован как относящийся к области вторичного дейксиса на основе того же аргумента, т. е. на основе возможности синтаксической проекции.

В разделе 1 мы говорили, что неподчинимость и нецитируемость — близкие понятия: второе является частным случаем первого. Связь между подчинимостью и цитируемостью нуждается, однако, в отдельном обосновании. В самом деле, мнение, выраженное с помощью предложения:

(10') Свадьба будет, *скорее всего*, в октябре,

безусловно, цитируемо: оно может быть адекватно передано, причем в тех самых выражениях, в которых его сформулировал автор. Что же можно сказать про его подчинимость? При подчинении оно меняет интерпретацию: подразумеваемый субъект вводного оборота *скорее всего* в (10') — говорящий, тогда как в подчиненном контексте это будет субъект установки. Однако частица *правда* трактовалась в разделе 3 как неподчинимая на том основании, что она НЕ меняет интерпретации. Так что изменение интерпретации естественно принять как раз за свидетельство подчинимости.

II. К первичным эгоцентрикам относится, например, *кажется*, которое не может быть подчинено ПУ-предикату с субъектом 3-го лица:

(11) а. Я чувствую, что мне, *кажется*, придется уезжать.

б. *Он чувствует, что ему, *кажется*, придется уезжать.

Первичными эгоцентриками являются вводные обороты, выражающие оценку факта (как *к счастью*) и метаязыковые — все они контекстуализируются только в речевом акте.

В примере (12) *все-таки* — первичный эгоцентрик:

(12) Я буду вынуждена сказать ему, что *все-таки* вы пришли с цветами (Петрушевская)

Порядок слов и контекст заставляет понять *все-таки* в (12) в метаязыковом значении: (12) = 'я буду вынуждена сказать ему, что, поскольку вы пришли с цветами, я считаю, что это дает вам определенные права';

т. е. остается впечатление, что здесь говорящий скорее цитирует самого себя, чем просто излагает свое мнение. Замена 1-го лица на 3-е в (12) невозможна.

При определенных условиях первично эгоцентрические вводные слова все-таки могут употребляться в подчиненной позиции. Однако это исключения, которые всегда имеют специальное объяснение. Так, в (13) *к сожалению* имеет интерпретацию, ориентированную на говорящего, что можно объяснить своего рода "дейктической проекцией" (*мне сообщили* = 'я узнал'):

(13) Только что мне сообщили, что оргкомитет, *к сожалению*, отклонил мой доклад.

В (14) вводное слово входит в состав обособленного оборота, т. е. ему соответствует отдельный речевой акт (ср. пример (5) из раздела 1):

(14) Белокурый несколько удивился, что ему удалось создать, довольно, *впрочем*, плохой, каламбур. ("Идиот", с. 10)

С другой стороны, вторичные эгоцентрики могут употребляться в подчиненной позиции не только с синтаксической интерпретацией, в соответствии с их определением, но и с речевой, и такое употребление вторичных эгоцентриков не является отклонением от нормы:

(15) Это он потому убежал, что ему, *верно*, трудно стало вам отвечать. ("Идиот", с. 218)

А того не знает, что, *может быть*, я, пьяница и потаскун, грабитель и лиходей, за одно только и стою, что вот этого зубоскала, еще младенца, в свивальники обертывал... ("Идиот", с. 223)

(16) Передайте ей, что Иван, *может быть*, приедет.

Примеры (13)–(16) показывают, что возможность употребления вводного слова в подчиненной позиции не обязательно означает, что оно будет иметь синтаксическую интерпретацию. С одной стороны, первичный эгоцентрик, в порядке исключения, может быть употреблен в подчиненной позиции, а интерпретация у него всегда акторечевая по определению. С другой стороны, вторичный эгоцентрик, для которого, напротив, употребление в подчиненной позиции является нормальным, может в этой позиции иметь, в порядке исключения, не синтаксическую, а речевую интерпретацию.

Не следует думать, что если эгоцентрик подчиним, то он допускает синтаксическую интерпретацию. Например, дейктические местоимения *я* и *ты* в русском языке типичные первичные эгоцентрики — они не могут иметь никакой интерпретации, кроме речевой. В то же время они могут употребляться в подчиненной позиции. Запрет на синтаксическую интерпретацию не вытекает из природы местоимения 1-го и 2-го лица. В венгерском языке, например, эти местоимения допускают синтаксическую интерпретацию.

4.2. Вводные слова в нарративе

Теперь посмотрим на выделенные две группы вводных слов — первичные и вторичные эгоцентрики — с точки зрения того, что нам известно о нарративе.

Вводные слова, которые идентифицируются как вторичные эгоцентрики, ведут себя в нарративе так же, как в разговорном дискурсе (что характерно для вторичных эгоцентриков в целом): имеют в подчиненной позиции синтаксическую интерпретацию, ориентированную на субъект подчиняющей установки. Ср. примеры (из романа Достоевского "Идиот"):

...и сам известил, что дачу, *может быть*, и займет. Лебедев знал утвердительно, что не "может быть", а наверно займет... (с. 230);

Князю пришло на ум, что Лебедев и действительно, *может быть*, жметса и кривляется потому только, что <...> выгадывает время (с. 219);

...меня наверно сочтут за ученика низшего класса... или скажут, что я, *может быть*, и хотел что-то высказать, но <...> не сумел "развиться" (с. 447);

Князю казалось иногда, что Ганя, *может быть*, и желал с своей стороны самой полной и дружеской искренности (с. 348);

Ему подумалось, что генерал, *пожалуй*, еще возьмет его и тотчас же отвезет в Павловск (с. 231);

Князь знал, что у Епанчиных в городе он *может* застать теперь одного только генерала, по службе, да и *то навряд* (с. 231).

Что представляет интерес, так это поведение в нарративе тех вводных слов, которые относятся к первичным эгоцентрикам: можно ожидать, что те конструкции с первично эгоцентрическими вводными словами, которые невозможны в разговорном языке в контексте субъекта 3-го лица, будут допустимы в нарративе за счет того уподобления 3-го лица 1-му, которое характерно для определенных повествовательных форм, см. главу II.7. И действительно, в примерах ниже предложение (а), разговорного языка, аномально, а предложение (б), нарративное, является правильным:

- (1) а. *Он чувствует, что ему *явно* не хватает Маши;
б. Он чувствовал, что ему *явно* не хватало Маши.
- (2) а. Я думаю, что слушатели, *наверное*, устали;
б. *Он думает, что слушатели, *наверное*, устали;
в. Он думал, что слушатели, *наверное*, устали и пора кончать.

В примере (3) первичный эгоцентризм в подчиненной позиции более или менее уместен, но только благодаря тому, что это свободный косвенный дискурс, и лицо субъекта фактически 1-е:

- (3) Глядя на старуху, Яков почему-то вспомнил, что за всю жизнь он, *кажется*, ни разу не приласкал ее. (Чехов. "Скрипка Ротшильда")

Итак, мы вправе сделать вывод, что противопоставление первичный / вторичный работает не только на дейктических элементах, но и в сфере субъективной модальности, т. е. на эгоцентрических элементах в целом.

Глава 6

КОММУНИКАТИВНЫЙ СТАТУС ВВОДНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

И вводные слова, и вводные предложения представляют интерес для лингвистической теории нарратива, причем по разным причинам. Вводные слова — потому, что почти всегда имеют подразумеваемым субъектом говорящего (ср. *наверное, в самом деле*; исключение — *по-твоему*) и тем самым принадлежат к числу эгоцентрических элементов языка. В главе II.5 было показано, что некоторые вводные слова допускают, помимо речевой, также и синтаксическую интерпретацию, что позволяет ввести разграничение первичной и вторичной субъективной модальности, параллельное к разграничению первичного и вторичного дейксиса.

Совсем по другой причине заслуживают внимания вводные употребления глаголов в личной форме, т. е. вводные предложения (*Он, я думаю, согласится; Лиза, говорят, вышла замуж*). Во вводном предложении субъект так или иначе выражен и вовсе не обязательно совпадает с говорящим. В точности наоборот, в контексте вводного предложения с субъектом непервого лица говорящий в каком-то смысле утрачивает свои позиции. Мы покажем, что этот тип вводных конструкций имеет принципиальное значение для понимания природы свободного косвенного дискурса с его исчезающим повествователем.

1. Вводное употребление глагола

Многие глаголы пропозициональной установки — глаголы внутреннего состояния, такие как *думать, знать, верить, бояться, надеяться*; интеллектуального воздействия — *доказывать, объяснять, уверять, убеждать* и под.; глаголы речи и, шире, передачи информации (*говорить, сообщать, утверждать, отрицать, писать* и пр.), а также некоторые глаголы восприятия — *видеть, чувствовать, замечать* и под. — допускают вводное употребление, которое определенным образом видоизменяет их смысл.

Вводному, или парентетическому, употреблению глаголов посвящена работа Utmsom 1970/1985. Речь будет идти о глаголах в личной форме, т. е. о вводных предложениях.

Прежде всего попытаемся найти формальные показатели вводного употребления глагола (или предикатива, ср. вводные обороты типа *как известно, очевидно* и под.).

Если в подчиненном предложении опускается союз *что*, это обычно означает, что гипотактическая конструкция заменяется на аппозитивную, т. е. главное предложение становится вводным:

(1) *Я думаю*, он согласится; *Он считает*, погода изменится.

Нормой для вводного предложения является свобода его расположения в предложении (*Я думаю*, он согласится; *Он, я думаю*, согласится; *Он согласится, я думаю*). Более того, этот признак может быть, видимо, положен в основу определения вводного предложения.

В грамматиках русского языка (см. Грамматика 1952/1960, т. 2, часть II: 165) для вводного предложения признается допустимым место в середине предложения и в конце, но не в начале. Это положение нельзя принять за общее правило — например, потому, что в этом случае предложения типа (1) не будут признаны содержащими вводную конструкцию, что противоречит интуиции. В то же время верно, что есть сложноподчиненные предложения с препозицией главного и опущенным союзом, в которых не хотелось бы признавать вводную конструкцию. Рассмотрим пример:

(2) *Он думает*, я его испугался.

Во-первых, в (2), в отличие от (1), нельзя изменить позицию главного предложения. Во-вторых, в смысл (2) входит семантический компонент, который, как будет показано ниже, противоречит общей семантике вводности: (2) = 'Он думает, что я его испугался, а на самом деле это не так'. Таким образом, в принципе не следует исключать возможности предложения с опущенным союзом *что*, в котором предложение с глаголом препозиционной установки является главным, а не вводным¹.

Среди показателей вводности важную роль играет также интонация; ср. ударное *я знаю* в (3а) и безударное в (3б):

(3) а. Он собирался прийти \, *я знаю* \;
б. Он собирался прийти \, *я знаю* ∪.

В (3б) глагол *знать* имеет вводное употребление; действительно, порядок слов здесь свободный (*Он, я знаю, собирался прийти; Я знаю, он собирался прийти*). А предложение (3а) эллиптическое — в нем "опущено" анафорическое *это*; порядок слов здесь закрепленный: компонент *я знаю* может стоять только в конце — в соответствии с общим правилом расположения нулевого анафорического знака по отношению к его антецеденту. Таким образом, отсутствие фразового ударения на глаголе является интонационным показателем вводного употребления.

¹ В английском языке опущение союза *that* широко распространено и вовсе не обязательно равносильно вводности.

Кроме собственно вводной, существует другая разновидность вводной конструкции, которую можно назвать вводно-союзной — с союзом *как*, например:

Я мещанин, как вам известно,

И в этом смысле демократ. (Пушкин. "Езерский")

2. Ограничения сочетаемости, характеризующие вводную конструкцию

Отметим сочетаемостные ограничения, которые должны получить объяснение при описании семантики вводных конструкций (там, где не оговорено обратное, речь идет о собственно вводной конструкции).

1. Вводного употребления не допускают некоторые фактивные предикаты (ср. Крейдлин 1983) — в частности, предикаты эмоционального состояния, например:

(4) *Я рад*, что занятий не будет — *Занятий, *я рад*, не будет.

Мне жаль, что занятий не будет — *Занятий, *мне жаль*, не будет.

2. Глагол мнения не допускает вводного употребления, если при нем есть отрицание (это явление было описано в Апресян 1978):

(5) *Я думаю*, погода изменится.

(6) а. *Я не думаю*, что погода изменится.

б. **Я не думаю*, погода изменится.

3. Характерной особенностью вводных глаголов является различие их сочетаемости с 1-м и с 3-м лицом² — собственно вводная конструкция чаще всего имеет глагол в 1-м лице, пример (7а), а при 3-м лице возникает аномалия (это различие отмечает Урмсон, который, однако, не дает ему объяснения):

(7) а. *У соседей, я вижу*, горит свет.

б. **У соседей, Иван видит*, горит свет.

(8) **Там, он ясно видит*, стоит человек;

**Изменения, он чувствует*, необходимы;

**Дети, он боится*, не спят.

С вводно-союзной конструкцией ситуация обратная; так, в (9б) союз *как* лучше опустить (пример на базе Апресян 1978):

(9) а. Осетровые рыбы, *как считают знатоки*, утратили свой былой вкус.

б. *Осетровые рыбы, *как я считаю*, утратили свой былой вкус.

*Последний указ, *как я утверждаю*, скоро отменят.

4. Имеется следующая корреляция между лицом субъекта во вводной конструкции и временной формой глагола: большинство ограничений на употребление того или иного лица, свойственных настоящему времени, в прошедшем снимается. Так, в (10)–(13) 3-е лицо (в отличие от 1-го) невозможно в настоящем времени и возможно в прошедшем:

² Между 3-м и 2-м лицом тоже имеются существенные различия, ср. *как вы знаете*, но **как он знает*; *как вы догадываетесь*, но **как он догадывается*. Однако 2-го лица мы здесь не касаемся.

- (10) а. *Погода, *ей кажется*, плохая.
 б. Погода, *ей казалось*, была плохая.
- (11) а. *Маша, *он видит*, бледна.
 б. Маша, *он видел*, была бледна.
- (12) а. *На кухне, *он ясно слышит*, кто-то есть.
 б. На кухне, *он ясно слышал*, кто-то был.
- (13) а. *Лиза, *он чувствует*, находится где-то поблизости.
 б. Лиза, *он чувствовал*, находилась где-то поблизости.

Во вводно-союзной конструкции то же самое, но для 1-го лица — оно невозможно в настоящем времени, хотя возможно в прошедшем:

- (14) а. *Дети, *как я боюсь*, не спят;
 б. Дети, *как я и боялся*, не спали.

К сочетаемостным ограничениям, представленным этими примерами, мы вернемся в разделе 4, где им будет дано объяснение, опирающееся на семантические формулировки раздела 3.

3. Семантика вводности

Для описания семантики вводной конструкции полезно разделить глаголы, допускающие вводное употребление, на следующие две группы. Группа 1 — глаголы мнения: *думать, считать, полагать, предполагать, рассчитывать* и под. Сюда же примыкают предикаты, соединяющие мнение с оценкой или с эмоциональным отношением (*бояться, надеяться, верить, быть уверенным* и т. п.). Группу 2 составляют фактивные глаголы — *знать, понимать, помнить* — а также глаголы, которые во вводном употреблении выражают умозаключение, сделанное на основе чувственного восприятия (*видеть, слышать, чувствовать, представлять себе, замечать, казаться* и др.).

Глаголы говорения во вводном употреблении часто служат для выражения или передачи мнения:

- Как *говорит* Аристотель, человек обладает свободой воли, потому что он в одинаковой мере властен в выборе добра и зла;
 Карфаген, я *настаиваю*, должен быть разрушен,

и в этом значении примыкают к группе 1. Кроме того, глаголы говорения во вводной конструкции могут иметь перформативное употребление (разумеется, в 1-м лице): *я вам скажу, напоминаю, напомню, замечу, повторяю, подчеркиваю, подчеркну, я заявляю, объявляю, сообщаю вам, я признаю, признаюсь, добавлю, уверяю вас, я обещаю, я предсказываю, я настаиваю, я гарантирую* и др.

Два типа вводных конструкций — собственно вводную и вводно-союзную — мы рассмотрим по отдельности.

Собственно-вводная конструкция

Именно эта разновидность вводной конструкции была предметом анализа в работе Urmson 1970/1985, где отмечено следующее. Обычно, делая утверждение, говорящий претендует на истинность всего своего выска-

зывания в целом. Между тем в предложении, состоящем из вводного глагола и индикативного компонента Р ("исходного придаточного"; мы будем называть его, вслед за Урмсоном, ассоциированным предложением вводного оборота), говорящий претендует прежде всего на истинность Р; что же касается вводного глагола, то он передает лишь эмоциональный фон данного высказывания; основания, которые говорящий имеет для своего суждения; степень его достоверности; логический путь, которым он к нему пришел, и т. д. Так, например, про вводный оборот 'I guess' Урмсон говорит: "It is put in to show that one is making one's statement without any specific evidence, that it is, in fact, a guess", Urmson 1970: 232. Аналогично, функция вводного I regret в предложении *He is, I regret, unwell* сводится к выражению эмоциональной реакции на сообщаемый факт.

Попробуем теперь выявить семантику вводной конструкции как таковой, т. е. описать семантическое различие между вводным употреблением ПУ-глагола и обычным, подчиняющим.

Начать следует с того, что семантика вводности существенно зависит от лица субъекта установки. В случае субъекта 1-го лица отличие вводного употребления от подчиняющего минимально — оно сводится к различию в коммуникативной значимости: при гипотактическом употреблении ПУ-глагола все предложение является коммуникативно значимым, а при вводном — только индикативный компонент. Коммуникативная значимость (термин из Крейдлин 1983) — это не вполне определенное понятие, заведомо включающее, однако, следующую совокупность свойств:

- 1) коммуникативно значимая часть входит в сферу утверждения в утвердительном предложении и в сферу вопроса — в вопросительном;
- 2) она несет новую информацию;
- 3) она может содержать внутри себя логический акцент, ср.:

- (а) *Я вижу, что там кто-то есть*;
- (б) *Я вижу, там кто-то есть*^.

При гипотактическом употреблении глагол может быть носителем акцента (*Я вижу*^, *что там кто-то есть*), а при вводном — нет:

- (в) **Там, я вижу*^, кто-то есть.

Впрочем, даже и это чисто коммуникативное различие между вводным и гипотактическим употреблением может утрачиваться: глаголы мнения в 1-м лице часто лишены коммуникативной значимости и в гипотактическом употреблении; так, в примерах (15), (16) вводное и гипотактическое употребления фактически синонимичны:

- (15) а. *Я думаю, что мы можем к нему пойти.*
б. *Я думаю, мы можем к нему пойти.*
- (16) а. *Боюсь, что мне не хватит на это времени.*
б. *Боюсь, мне не хватит на это времени.*

В самом деле, нормальная реакция на вопрос с вводным глаголом — это реакция на коммуникативно значимый, а не на вводный компонент.

Так, в примере (17) ответная реплика не является прямым ответом на вопрос (прямым ответом было бы *Да, именно это*; или *Нет, не это*):

- (17) – *Вы думаете*, именно это сломило его упорство?
– Я не думаю, я знаю.

Однако и при подчиняющем употреблении глагола мнения ответ обычно является реакцией не на главный, а на подчиненный компонент. Так, высказывание *Я думаю, что мы можем к нему пойти, правда?* означает ‘Правда ли, что мы можем к нему пойти?’, а не ‘Правда ли, что я так думаю?’. Ср. также пример (18), где ответная реплика направлена на подчиненный компонент; подчиняющий (*он утверждает*) лишен коммуникативной значимости, а именно, не входит в сферу вопроса:

- (18) Король. *Он утверждает*, что ты все равно женишься на принцессе? Генрих. Да, я все равно женюсь на принцессе. (Шварц. “Толый король”)

Есть, однако, разница: для вводного употребления глагола коммуникативная значимость исключена в принципе, а для подчиняющего такая возможность остается — в том числе и у глаголов мнения. Ср. следующий диалог:

- (19) – *Я считаю*, что Маша очень мила.
– *А я не считаю*, что она нахалка.

В первой реплике *я считаю* можно сделать вводным предложением практически без изменения смысла (*Маша, я считаю, очень мила*), а во второй — нельзя, поскольку здесь *я считаю* несет акцент.

Итак, главный аспект семантики вводной конструкции состоит в следующем. В гипотактической конструкции коммуникативной значимостью обладает, вообще говоря, все предложение; если в каких-то употреблениях главное предложение и лишено коммуникативной значимости, то это не закреплено синтаксической формой. Переход от гипотактической конструкции к вводной делает отсутствие коммуникативной значимости у “бывшего главного” предложения обязательным.

В контексте субъекта в 3-м лице в семантику вводной конструкции входит еще один компонент: ‘говорящий присоединяется к мнению цитируемого субъекта или по крайней мере не имеет противоречащего мнения’. Ср. (20а) и (20б):

- (20) а. Поезда, *считает Джон*, уже ходят.
б. *Джон считает*, что поезда уже ходят.

Высказывание (б) может быть сделано, в частности, в ситуации, когда говорящий видит, как Джон спешит на электричку; при этом сам говорящий знает, что поезда еще не ходят и что Джон торопится напрасно. Между тем высказывание (а) в этой ситуации невозможно: оно требует от говорящего по крайней мере отсутствия собственных знаний или убеждений, противоречащих мнению, которое он передает, ср. Угмсон 1970: 230. Иначе говоря, гипотактическая конструкция допускает “несочувственную” интерпретацию (неприсоединение говорящего к мнению или установке

субъекта), а для вводной такая интерпретация невозможна³ — она вступила бы в противоречие с одним из компонентов смысла вводной конструкции 'говорящий присоединяется к мнению цитируемого субъекта'.

Несочувственная интерпретация гипотактической конструкции не имеет сколько-нибудь последовательного формального выражения; соответствующее понимание достигается особым прагматическим сдвигом (аналогичным случаем прагматического сдвига является ирония, как она была описана П. Грайсом — Грайс 1985: 41–58), ср.:

- Он думает, что я его испугался. Как бы не так!;
- Он надеется, что его примут. Да куда ему!;
- Он боится, что она откажется. Да она рада-радешенька;
- Он рассчитывал, что ему заплатят. Не тут-то было!

Иногда такая интерпретация подчеркивается частицами:

- А он *еще* сомневается; И он *еще* надеется [после всего, что было];
- А он-*то* рассчитывал, что ему заплатят.

Для несочувственной передачи чужого мнения может быть использована и специальная лексема: *Он воображает, что его примут*. Разумеется, несочувственную интерпретацию допускают только нефактивные глаголы, ср. невозможность соответствующего понимания для предложений *А он-то знает, что его примут; Он-то догадывается, что она здесь* — несмотря на наличие тех же частиц.

Несочувственная интерпретация возможна и для бессоюзных изъяснительных предложений, если они не являются вводными, см. обсуждавшийся выше пример (2) *Он думает, я его испугался*.

Обязательность сочувственной интерпретации вводного предложения может вызвать сомнение; в самом деле, в примере (а) говорящий в его ипостаси говорящего, т. е. в настоящий момент, возможно, склонен отмежеваться от себя в прошлом; в (б) Пушкин приводит чужое мнение, скорее всего, с целью его последующего опровержения:

- (а) Теперь, *подумал я*, пути к примирению отрезаны.
- (б) Мария <...> увлечена была, *говорили мне*, тщеславием, а не любовью (Пушкин. Возражение критикам "Полтавы", цит. по Грамматика 1954, т. II, ч. 2: 164).

Однако эти примеры интерпретируются в нарративном режиме, где, как мы увидим в разделе 5, компонент 'говорящий присоединяется...' как раз пропадает.

Вводно-союзная конструкция

Как и собственно вводная, вводно-союзная конструкция употребляется в контексте глаголов мнения — прежде всего, в 3-м лице наст. времени. В этом контексте она используется для передачи чужого мнения, которое

³ Этим вводное предложение отличается от вводного оборота. Так, сказав *По предположению других ученых, Земля продолжает остывать* (пример из Апресян 1978), говорящий может дальше оспаривать это предположение. И не удивительно: это такой тип вводного оборота, где субъект несет на себе фразовое ударение, ср. особенно обороты *по-моему, по-твоему*; во вводном предложении субъект безударный.

служит говорящему основанием для его собственного суждения: *Как он рассчитывает, Маша вернется завтра*. Обычно это 3-е лицо бывает "авторитетным", ср.: *как считают специалисты, как утверждает Аристотель, как полагают метеорологи, как указывает академик Виноградов*.

Так же как и собственно вводная конструкция с субъектом в 3-м лице, вводно-союзная конструкция с глаголом мнения порождает в высказывании семантический компонент 'говорящий присоединяется к мнению субъекта установки' (или по крайней мере не имеет противоречащего мнения⁴), например:

Женщины их прекрасны и, *как слышно*, очень благосклонны к путешественникам (Пушкин. "Путешествие в Арзрум")

Наличие в семантике вводно-союзной конструкции этого компонента подтверждается следующими аргументами. Во-первых, в этой конструкции невозможен глагол *воображать*, в семантику которого входит несогласие говорящего с передаваемым мнением: **как воображает Бебель* (то же касается глаголов *заблуждаться*, *ошибочно считать*; англ. *allege, pretend*). Во-вторых, если говорящий излагает мнение, с которым он намерен полемизировать, он не может употребить вводно-союзную конструкцию:

(21) *Эти игры, *как утверждает автор*, детям вредны; я думаю, что это не так.

Надо сказать: *Автор утверждает, что эти игры детям вредны; я думаю, что это не так*. Аналогично, нельзя сказать:

*Как утверждают одни ученые, эти игры вредны, как утверждают другие, они полезны.

Между тем, фраза

Одни ученые утверждают, что эти игры вредны, другие — что полезны вполне законна.

Но основным контекстом для вводно-союзной конструкции является не глагол мнения, как для собственно вводной конструкции, а глагол с фактивной презумпцией; в этом контексте говорящий утверждает ассоциированную пропозицию как факт, а вводный оборот указывает на источник, из которого говорящий узнал данный факт (*как доказал Гедель; как обнаружил, показал, выяснил, догадался, заключил такой-то*), или просто выражает некоторое сопутствующее суждение, обычно метаязыкового характера (*как уже было сказано; как признает мой начальник*). Так, в предложении (22а), где глагол *чувствовать* имеет фактивное употребление, вводно-союзная конструкция возможна, а (22б), где говорящий не утверждает ассоциированную пропозицию от своего имени, звучит странно:

(22) а. Сосед, *как он сам чувствует*, зарвался.

б. **Как он чувствует*, изменения необходимы.

⁴ Особый случай — передача чужого способа выражения: *Как выражаются моряки, ветер крепчал* (Чехов); *У хорошей девки ни глаз, ни ушей, как говорят в народе*. Здесь говорящий отстраняется от способа выражения, хотя присоединяется к самой мысли, см. о цитировании главу 8.

Семантике вводно-союзной конструкции противостоят оценочные и субъективно-модальные компоненты в значении глагола:

*Как боится (не сомневается, верит, уверен, не исключает, охотно допускает, готов допустить, готов поклясться) Иван, изменения необходимы.

То же ограничение действует и при 1-м лице субъекта: *как я боюсь, не сомневаюсь, уверен и т. д., хотя собственно вводное употребление для этих глаголов вполне обычно: *Он, я боюсь, устанет.*

Вводно-союзная конструкция, в отличие от собственно вводной, не может служить перформативной формулой:

*Как я вам сообщаю, Иван приехал.

Ср. также *Он, я с вами согласен, сильно изменился* и **Как я с вами согласен, он сильно изменился.* Вводно-союзная конструкция обычно не употребляется в высказывании с неутвердительной иллокутивной функцией, в частности, в составе вопроса: **Как я надеюсь, ты собрался?* — при том, что собственно вводная конструкция легко допускает такое употребление: *Я надеюсь, ты собрался?*

4. Семантическая интерпретация сочетаемостных ограничений

Вернемся теперь к сочетаемостным ограничениям из раздела 2.

1. Невозможность собственно вводного употребления фактивных предикатов, см. пример (4), объясняется, видимо, не столько их фактивностью, т. е. наличием семантической презумпции истинности пропозиции, выраженной подчиненным предложением, сколько тем, что в этих предикатах заложена способность определенным образом предсказывать коммуникативную структуру этой пропозиции: для предложения с фактивным предикатом более естественно такое понимание, при котором придаточному соответствует также и прагматическая (эпистемическая, см. раздел 4 главы 2) презумпция, т. е. презумпция говорящего о том, что данный факт известен слушающему. Другими словами, придаточное при фактивном глаголе обычно не несет новой информации. Между тем при замене гипотактической конструкции на вводную бывшее придаточное получает максимальную коммуникативную значимость, т. е. его содержание подается как новое, неизвестное. Естественно поэтому, что преобразование главного предложения во вводное невозможно — ведь бывшее придаточное имеет презумпцию известности. Тем самым получает объяснение тот факт, что вводное употребление легко приобретают глаголы мнения/полагания: в предложениях с этими глаголами придаточное, нормально, не несет презумпции известности; так, для (27) нормальное прочтение — с главным фразовым ударением на *болен*, т. е. без презумпции известности:

(27) *Иван считает*, что болен\.

Для произнесения (27) как *Иван считает\, что болен*, требуется "мощный" контекст.

Показателен в этом отношении также глагол *знать*. Этот глагол фактивный, но допускает вводное употребление (*Вы, я знаю, были летом в*

Крым). Существенно, однако, что для *знать* возможно употребление, при котором он не имеет презумпции известности (ср. Schmerling 1971):

- (28) а. Он не знал \setminus , что там есть столовая \cup .
 б. Он не знал \setminus , что там есть столовая \setminus .

Во фразе (28а) есть презумпция известности факта, выражаемого в придаточном, а в (28б) ее нет. Таким образом, глагол *знать* не накладывает жестких ограничений на коммуникативную структуру предложения. Можно думать, что именно это "упрощает" ему вводное употребление. Глагол *сожалеть* в русском языке не допускает вводного употребления: **Я не смогу, сожалею, сегодня с вами встретиться*. Однако этот запрет обусловлен не фактивностью глагола *сожалеть*, а входящей в его смысл презумпцией известности факта, описываемого подчиненной предикацией. Так, англ. *I regret*, не имеющее этой презумпции (в англ. языке фраза *Madam, I regret that your son is dead* уместна в устах человека с фронта, который пришел сообщить матери о гибели ее сына, см. Urnson 1970/1985), допускает и вводное употребление: *He is, I regret, unwell*.

Интересно сравнить обороты *жаль* и *к сожалению*: они оба являются фактивными; при этом *жаль* не допускает вводного употребления, а *к сожалению* — это вводный оборот. Очевидно, дело в том, что слово *жаль* порождает презумпцию известности подчиненной предикации, а *к сожалению* не индуцирует такой презумпции — более того, *к сожалению* всегда вводит новую информацию:

- (29) а. Иванова, *к сожалению*, не будет;
 б. Иванова, *жаль*, не будет.

Впрочем, эта презумпция у *жаль* может подавляться:

- (29) в. Иванова \setminus , *жаль*, не будет.

Таким образом, препятствием к собственно вводному употреблению фактивного глагола служит не фактивная презумпция, касающаяся исходного придаточного, а прагматическая презумпция известности соответствующего факта слушающему. Дело в том, что вводное предложение должно "вводить" знание или мнение; а в толковании предикатов эмоции этот компонент хотя и есть, но занимает сугубо "фоновую" позицию.

2. Запрет на отрицание в составе вводной конструкции тоже очевидным образом связан с ее семантикой: коммуникативно значимая часть предложения (исходное придаточное) должна быть чьим-то мнением; между тем, если глагол мнения употреблен с отрицанием, то никакого мнения просто не выражается.

Глагол с отрицанием может иметь вводное употребление только в том случае, если в его собственный смысл входит идея отрицания наличия определенного мнения (или отказа от выражения суждения, от сообщения информации и т. д.), а добавление поверхностного отрицания порождает смысл, эквивалентный смыслу предиката выражения мнения или сообщения информации. При этом естественно, что без отрицания такой глагол не имеет вводного употребления, см. Urnson 1970/1985 и Апресян 1978:

- (30) а. *Я не сомневаюсь*, погода изменится.
 б. **Я сомневаюсь*, погода изменится.

- (31) а. *Не скрою*, он мне понравился.
 б. **Скрою*, он мне понравился.

Другие примеры конструкций такого рода: *я не отрицаю, он не ошибся, нельзя не согласиться, к чему скрывать*.

3. Запрет на употребление глагола в 3-м лице в примере (7) имеет следующее объяснение. Для глаголов внутреннего состояния и восприятия (а все глаголы в собственно вводной конструкции относятся именно к этому классу) различаются, в контексте субъекта 3-го лица, два употребления: одно — основанное на собственном признании субъекта о своем состоянии и другое — дескриптивное, основанное на тех или иных внешних признаках его поведения (см. Urmson 1970/1985, Vendler 1972, Pitcher 1965). Аномальность предложения (7б), а также (8), (10а)–(13а), объясняется тем, что они не допускают ни того, ни другого понимания: собственное признание субъекта, по условиям контекста, исключено, так как "репортаж" о состоянии синхронен самому состоянию, а дескриптивное употребление тоже невозможно, потому что внешние проявления состояний типа *видеть, чувствовать, казаться* слишком бедны.

Во вводно-союзной конструкции, напротив, субъект 3-го лица возможен всегда, а на 1-е лицо могут налагаться ограничения. А именно, субъект 1-го лица нежелателен при глаголах мнения, см. пример (9б) — в этом случае более уместна собственно вводная конструкция. В то же время, фактивные глаголы (*знаю, помню, понимаю, представляю себе, мне помнится*) и глаголы, допускающие фактивное употребление (*догадываюсь, подозреваю*) могут употребляться с 1-м лицом субъекта: *Она, как мне помнится, блондинка*. Кроме того, 1-е лицо возможно в контексте, где говорящий как бы "расслаивается" на два временных среза, что позволяет ему ссылаться на себя как на другое лицо. Например, нет аномалии в предложении *как я всегда говорю в таких случаях*, поскольку здесь человек цитирует себя самого, как если бы это было другое лицо. В примере (14) частица *и* порождает фактивную презумпцию, а ограничение на 1-е лицо субъекта, как мы видели, возникает во вводно-союзной конструкции только при глаголах мнения, т. е. при отсутствии презумпции факта (разница в грамматическом времени роли не играет). Таким образом, запрет на 1-е лицо во вводно-союзной конструкции касается только глаголов без фактивной презумпции⁵.

4. Обратимся теперь к ограничению на время вводного глагола, примеры (10)–(13). Вопрос можно поставить так. Почему в (10а)–(13а), где вводный глагол стоит в наст. времени, субъект 3-го лица недопустим, а при прош. времени, как в (10б)–(13б), вводное употребление глагола 3-го лица становится возможным? Ответ следующий. Дело в том, что прош. время в примерах (10б)–(13б) интерпретируется в нарративном режиме; эти фразы вырваны из контекста свободного косвенного дискурса, где фи-

⁵ Правда, союз *как* может иметь значение 'насколько', которое несколько ослабляет фактивность глагола; так, в (32б) степень уверенности меньше, чем в (32а):

- (32) а. *Я понимаю*, что мне пора уходить.
 б. *Как я понимаю*, мне пора уходить.

гура говорящего не предполагается правилами интерпретации, см. главу II.7. Третьеличный субъект вводного глагола — это единственный субъект сознания, участвующий в интерпретации таких предложений: в них вообще 3-е лицо функционально эквивалентно 1-му. К примерам этого рода мы вернемся в следующем разделе.

Переход к прош. времени может снимать запрет на 3-е лицо субъекта и в речевом режиме; так, *видел* в примере (33б) обозначает событие в прошлом, так что есть возможность передачи сведений от субъекта к говорящему:

(33) а. *У соседей, *Иван видит*, горит свет.

б. У соседей, *Иван видел*, горел свет.

Итак, какие же выводы о семантике вводного глагола можно сделать на основе этого анализа?

1. Глагол в собственно вводной конструкции обычно выражает мнение, так что его ассоциированная пропозиция имеет нейтральный статус.

2. В то же время при вводно-союзной конструкции ассоциированная пропозиция вводного глагола обычно имеет статус факта, ответственность за ее истинность берет на себя говорящий.

3. Субъект в 3-м лице в собственно вводной конструкции возможен только при условии, что есть способ передачи информации от 3-го лица к говорящему (так, *говорят* ⊃ 'говорящий слышал'). Однако это ограничение действует только в разговорном дискурсе. При нарративном режиме интерпретации субъект сознания один, и проблемы передачи информации от одного субъекта к другому не встает.

4. Корреляция между лицом субъекта и грамматическим временем глагола, демонстрируемая примерами (10)–(13), либо сводится к той же зависимости от режима интерпретации, либо элементарно объясняется возникновением возможности передачи информации от одного субъекта к другому.

5. Вводные предложения в нарративе

Итак, мы можем различить два типа вводности, которые идентифицируются основными значениями наших двух типов вводных конструкций: *нейтральный* тип, соответствующий нейтральному статусу ассоциированной пропозиции, и *фактивный*, когда ассоциированная пропозиция утверждается. Перейдем теперь к употреблению вводных предложений в нарративе.

Начнем с семантически более простого — фактивного типа вводности, т. е. того, который является основным для вводно-союзной конструкции;

(1) *Как выяснилось впоследствии*, подлодку заметили с гидроплана.

(2) *Как я и боялся*, дети не спали.

Этой конструкции можно дать следующее толкование (ниже *P* — глагол вводного предложения; *a* — его субъект; *Q* — ассоциированная пропозиция):

как $P(a)$, Q —

- 1) 'Говорящий утверждает, что ситуация Q , выражаемая в ассоциированной пропозиции, имеет место;
- 2) этот факт является содержанием коммуникативной установки P субъекта a .

В соответствии с этим определением, ассоциированная пропозиция вводного предложения в данном случае имеет статус утверждения, которое делает говорящий. То, что пропозиция утверждается говорящим как факт, выражено в примере (1) семантикой глагола *выясниться*, а в (2) — частицей *и*.

В нарративе, по общему правилу, говорящего заменяет повествователь. Так, в (3) повествователь сообщает нам, что первый тост был выпит за здоровье Чичикова и делает предположение, что читатели сами об этом догадались:

- (3) Первый тост был выпит, *как читатели, может быть, сами догадались*, за здоровье нового херсонского помещика. (Гоголь. "Мертвые души")

В случае собственно вводной конструкции, лишенной фактивной презумпции (например, в контексте вводного глагола мнения), дело обстоит иначе:

- (4) а. Ему, *я думаю*, это надоело;
б. Ему, *говорят*, это надоело.

Здесь, в силу семантического согласования с предикатом вводного предложения, ассоциированная пропозиция не имеет статуса факта: она является всего лишь мнением субъекта вводного предложения — как мнение и должен передать ее говорящий. Нужно, однако, учесть следующее. Как мы помним, после того как ПУ-глагол переходит во вводное употребление, его ассоциированное предложение становится, по своей синтаксической форме, главным, и, следовательно, оно не может быть высказано говорящим в речевом режиме без сопутствующей коммуникативной установки — модуса — самого говорящего: говорящий не может просто произнести предложение, он должен осуществить какой-то речевой акт. Если субъектом вводного предложения является сам говорящий, как в (4а), то необходимый модус задается глаголом вводного предложения; если же нет, как в (4б), то пропозиция нового главного предложения оказывается как бы без модуса, и в этой "трудной" ситуации она получает минимальный модус — его можно охарактеризовать как "сочувственное цитирование". Именно этот компонент, возникающий в речевом режиме как бы *вынужденно*, навязывает парентетической конструкции с субъектом не-1-го лица сочувственную интерпретацию, о которой шла речь в разделе 3а.

Теперь мы можем перейти к нефактивной вводной конструкции (с субъектом 3-го лица) в нарративе. В разговорном языке участие говорящего в контекстуализации этой конструкции вынужденное; оно обусловлено тем, что в речевом режиме высказывание не может существовать без той или иной коммуникативной установки говорящего. В нарративе такой необходимости нет. В результате, конструкция, где в речевом режиме сложным образом взаимодействовали два сознания — говорящий и субъект

вводного предложения, – упрощается в нарративе до такой, в которой остается одно, а именно, сознание субъекта вводного предложения – "персонажа". Возникает построение, где нет места для повествователя, повествователь выходит из игры. Так, в примере (5) единственный голос, который мы слышим, это голос Пьера; повествователь молчит:

- (5) Некрасивого, доброго человека, каким он себя считал, можно, *полагал он*, любить как приятеля. (Толстой. "Война и мир")

Из сказанного ясно, сколь принципиальна роль вводных глаголов (с субъектом 3-го лица) в семантике СКД. В самом деле, в разговорном дискурсе дело обстоит таким образом, что когда коммуникативная установка ДРУГОГО передается с помощью гипотактической конструкции, то за эту установку отвечает говорящий (говорящий несет ответственность по крайней мере за то, что имел место данный речевой акт или внутреннее состояние); соответственно, в повествовательном тексте гипотактическая конструкция обеспечивает присутствие повествователя, см. (6а). Во вводном употреблении глагол ПУ теряет коммуникативную значимость; тем самым, в разговорном дискурсе позиция говорящего ослабляется, а в нарративе позиция для повествователя исчезает вообще, ср. (6а) и (6б):

- (6) а. *Дук решил, что* надо наказать Анджело за его жестокость.
 б. Надо – *решил Дук* – наказать Анджело за его жестокость.

В (6а) повествователь рассказывает нам о ментальном акте Дука; в (6б) тот же ментальный акт представлен читателю непосредственно – без посредничества повествователя. См. подробнее в главе II.7.

Вводное предложение с субъектом не-1-го лица (как в примере (20а) из раздела 3) не принадлежит к числу активно используемых конструкций в разговорном языке. Между тем в нарративе, в силу изменения интерпретации (по правилам нарративной проекции), она получает широкое распространение: статус вводности – это основной статус для глаголов пропозициональной установки в СКД. Тем самым вводное предложение играет ключевую роль при построении лингвистической модели СКД.

Глава 7

НЕСОБСТВЕННАЯ ПРЯМАЯ РЕЧЬ И СВОБОДНЫЙ КОСВЕННЫЙ ДИСКУРС

1. Место СКД среди других повествовательных форм

Несобственная прямая речь как языковой феномен и свободный косвенный дискурс (англ. термин — *free indirect discourse*) как повествовательная форма являются предметом внимания в русской научной литературе, начиная с Волошинов 1930: 120, где уже содержится большое число ссылок на авторитетных авторов. Необычайный разноречивостью в терминологии отражает сложную природу явления; имеются термины с прямо противоположным значением. В McNale 1978 приводятся: во французском варианте — *style indirecte libre* (Bally, Lips), *discours direct impropre* (Kalik-Teljatnicova; ср. аналогичные русские термины "несобственная прямая речь" в Волошинов 1930 и "несобственно-прямая речь" в Jakobson 1957/1972); в немецком — *verschleierte Rede* (Kalepky), *erlebte Rede* (Lorck), *uneigentliche direkte Rede* и др.; в английском: *semi-indirect style* (Kruisinga), *represented speech* (Jespersen), *independent form of indirect discourse* (Curme), *quasi-direct speech*, *represented speech and thought*, или *represented consciousness* (Banfield). В близком значении употребляются термины *внутренний монолог* (Успенский 1970) и *narrated monologue*. Сам МакХейл использует термин "свободный косвенный дискурс" который, похоже, побеждает (ср., например, Oltean 1993¹). Именно им мы и будем пользоваться.

Принципиальный сдвиг в понимании природы СКД произошел в связи с развитием теории речевых актов. Сущность СКД в его противопоставлении другим повествовательным формам раскрывается в полной мере только при рассмотрении языковых фактов в контексте коммуникативной ситуации: "голоса" и "диалоги", о которых говорят Бахтин и Волошинов, можно теперь превратить из метафор в точно определенные термины.

¹ Термин "свободная косвенная речь" встречается в Булаховский 1954.

В главах 3–6 содержался анализ эгоцентрических слов и конструкций с точки зрения их ориентированности на разные аспекты коммуникативной ситуации. На этой основе мы можем теперь дать определение СКД в его противопоставленности традиционному нарративу. В дальнейшем мы будем сопоставлять СКД с традиционным нарративом преимущественно 3-го лица, так что в данной главе традиционный нарратив будет пониматься, если не оговорено противное, в узком смысле — как нарратив 3-го лица, т. е. ауториальная повествовательная форма.

Выше уже шла речь о свойствах естественного языка, непосредственно связанных с его использованием в канонической ситуации общения. Это дейктичность, состоящая в том, что обозначения объектов, равно как и участков времени или пространства, ориентированы на коммуникативную ситуацию и ее участников; экспрессивность (как самовыражение говорящего); и диалогичность, или коммуникативная направленность, состоящая в том, что язык предполагает не только говорящего, но и адресата, а точнее — синхронного адресата, слушающего. В разговорном дискурсе все эти свойства языка реализуются в полной мере. В нарративе они так или иначе редуцируются или модифицируются. Именно на разных способах редукции оказывается возможным построить разумную типологию повествовательных форм, и, в частности, дать определение СКД в его противопоставлении традиционному нарративу.

Традиционный нарратив отличается от речевого дискурса во всех трех названных аспектах — он не предполагает канонической коммуникативной ситуации с полноценным говорящим и синхронным адресатом; тем самым, в традиционном нарративе нет места ни для собственно дейктических элементов языка, ни для элементов с экспрессивно-коммуникативной ориентацией (имеется в виду основной корпус текста, собственно повествование; с “лирическими отступлениями” дело обстоит, конечно, иначе). Аналогом говорящего — распорядителем экспрессивных элементов² — в традиционном нарративе является экзегетический повествователь, не принадлежащий миру текста. Повествователь традиционного нарратива скрывает свое присутствие. Поэтому он вынужден отказаться от эгоцентрических элементов языка, по крайней мере от большей их части.

Прежде всего, он не имеет возможности пользоваться местоимением 1-го лица (иначе как в контексте метатекстовых предикатов и за пределами собственно повествовательных фрагментов) — ведь в мире текста он не существует. Тем более он не имеет права на такие эгоцентрические элементы, которые в силу их семантики ориентированы на 2-е лицо, поскольку 2-е лицо предполагает 1-е. Поэтому в традиционном нарративе исключены местоимение 2-го лица, императив, обращение и другие конструкции, ориентированные на 2-е лицо. Далее, повествователь традиционного нарратива, опять-таки в собственно повествовательном корпусе текста, не имеет права ни на какие речевые акты, кроме сообщения: сообщение — это

² Мы используем здесь образ присвоения языка говорящим из Benveniste 1958a.

речевой акт, который в минимальной степени предполагает наличие "активного" адресата.

Первичные эгоцентрические элементы возможны в традиционном нарративе только в "лирических отступлениях" — которые, как показывает само название, являются выходом за пределы нарратива в лирику, т. е. в литературную форму, которая предполагает другую коммуникативную ситуацию и где, соответственно, вступают в действие другие правила интерпретации. К лирическим отступлениям примыкают риторические — обращения повествователя к самому себе, к своему герою, выражение своего отношения к происходящему. Все это неповествовательные фрагменты литературного текста.

СКД, как и традиционный нарратив, не предполагает подлинной коммуникации в смысле кооперативного взаимодействия Я и Ты, ср. Toolan 1992: 130. Однако СКД, в противоположность традиционному нарративу, не требует редукции естественного языка. Дейктические и экспрессивно-диалогические элементы остаются в распоряжении автора, избравшего эту повествовательную форму, поскольку в СКД они меняют интерпретацию — хозяином-распорядителем эгоцентриков в СКД является не повествователь, а персонаж: персонаж "узурпирует" эгоцентрический пласт языка — как дейктическую, так и экспрессивно-диалогическую области. Возникает особая фигура, невозможная ни в разговорном дискурсе, ни в традиционном нарративе — 3-ье лицо, которое обладает всеми правами 1-го.

В традиционном повествовании все, что мы знаем о персонажах, нам рассказывает повествователь; СКД содержит элементы мимезиса — прямого воспроизведения голоса персонажа, см. McHale 1978, Toolan 1992.

Обе нарративных формы — и традиционный нарратив, и СКД — дают, выражаясь словами А. Банфилд, *unspeakable sentences*, т. е. предложения, которые невозможны, неправильны в разговорном языке, такие как *Накануне выпал снег* или *Четыре года спустя она вернется на родину*.

2. Косвенная речь: трансформационный подход

Для лингвистического анализа необходимо различать повествовательные формы и типичные для них языковые конструкции. А именно, трем повествовательным формам соответствует три типа языковых структур:

перволичная форма — прямая речь (ПР),

традиционный нарратив 3-го лица — косвенная речь (КР),

свободный косвенный дискурс — несобственная прямая речь (НПР).

Соответствие свободное: не каждое предложение традиционного нарратива представляет собой предложение КР, а конструкция с КР возможна в разговорном дискурсе (*Я сказал им, что я болен*); далее, несобственная прямая речь может быть использована как средство передачи слов или мыслей персонажа в тексте, который в целом не идентифицируется как СКД, ср. пример (2) из раздела 3 ниже; с другой стороны, в СКД вовсе не каждое отдельное предложение должно опознаваться как НПР. Т. е. речь

идет о том, что у каждой повествовательной формы есть характерная для нее языковая конструкция.

Косвенная речь — это один из способов передачи чужой речи. В принципе, следует говорить не только о передаче речи, но и мысли, чувства, восприятия — вообще, установки. Мы ограничимся речью, чтобы иметь возможность пользоваться традиционными терминами (прямая и косвенная речь): для других установок аналогичных терминов не существует.

Имеется два обычных способа передачи чужого высказывания — в прямой речи, как в (1), и в косвенной, как в (2) (несобственная прямая речь — это, конечно, необычный способ):

(1) Он сказал: "Я заболел".

(2) Он сказал, что он заболел.

В простом случае допустимы оба способа передачи:

(3) Он сказал: "Иван болеет." — Он сказал, что Иван болеет.

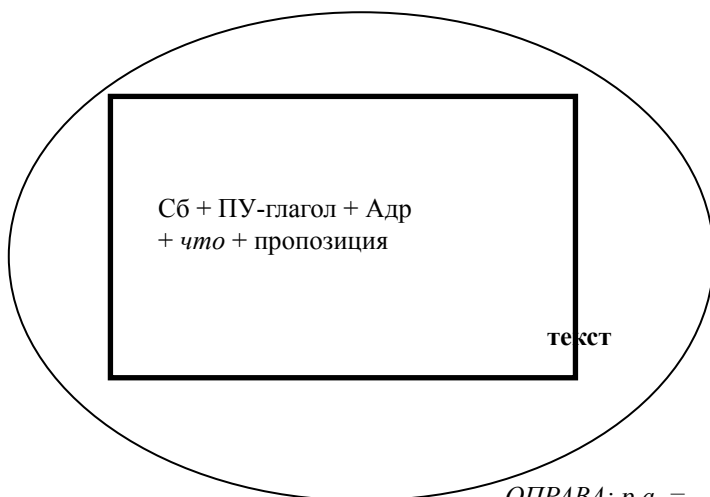
Но уже в чуть более сложном это может быть не так. Структурные различия между ПР и КР хорошо вырисовываются при рассмотрении преобразований, происходящих при гипотетической операции перевода прямой речи в косвенную. Ниже мы перечислим такие преобразования. Мы не предполагаем за этими преобразованиями никакой психологической реальности: не предполагаем реальной производности одной структуры от другой. Кроме того, далеко не всегда ПР можно перевести в КР и, с другой стороны, не любое предложение КР может быть представлено как полученное этими преобразованиями из ПР.

На схемах ниже представлена семантико-прагматическая структура (т. е. структура предложения в контексте речевого акта, см. Падучева 1985а: 30) предложений КР и ПР.

Сокращения: р. а. — это речевой акт; он характеризуется указанием говорящего (Г), слушающего (С) и иллокутивной функции (это может быть сообщение, пожелание, предупреждение, упрек и т. д.). Вводящее предложение состоит из субъекта (Сб), адресата (Адр) и глагола пропозициональной установки (ПУ-глагола). Как правило, ПУ-глагол — это глагол речи. Речевой акт понимается, по Бахтину, как "оправа", в которую вставлен текст (предложение). Такую же оправу составляет вводящее предложение по отношению к прямой речи.

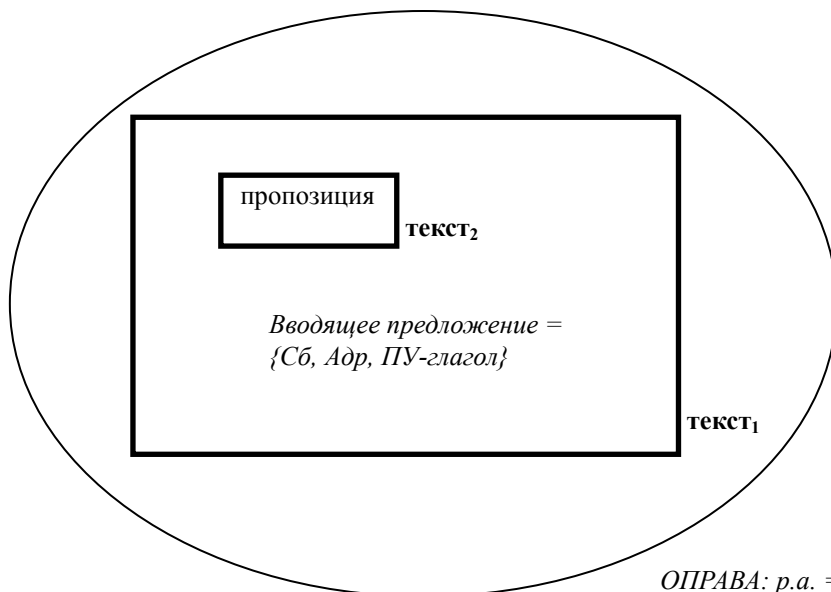
Предложение КР — это единое высказывание, и говорящий — хозяин всех его эгоцентрических элементов. В предложении ПР два текста — два высказывания, каждое со своим говорящим и адресатом: субъект вводящего предложения играет в своей сфере такую же роль эго, как говорящий — в своей. Сфера говорящего ограничена вводящим предложением: эгоцентрическими элементами текста распоряжается уже не говорящий, а субъект вводящего предложения.

(КР) Иван *сказал* <установка>, что он *заболел* <reported speech> =

ОПРАВА: *р.а.* =
{Г, С, иллокутивная функция}

(ПР) Иван *сказал* <установка>: "Я *заболел*". <прямая речь> =

ОПРАВА: *р.а.* =
{Г, С, иллокутивная функция}

Перевод ПР в КР происходит по следующим правилам (ср. Jespersen 1924/1958, глава XXI).

ПРАВИЛО I. Вставляется подчинительный союз и стираются границы между двумя текстами — кавычки; т. е. два текста объединяются в один.

ПРАВИЛО II. В языках с согласованием времен производится согласование времен главного и придаточного предложения. В русском языке происходит только изменение интерпретации временной формы; а именно, дейктическая интерпретация (ориентированная на наст. момент говорящего) заменяется на синтаксическую (ориентированную на наст. момент субъекта ПУ-глагола). Например, в высказывании *Иван болеет* дейктическая интерпретация наст. времени, а в *Он сказал, что Иван болеет* — синтаксическая, см. главу 4.

ПРАВИЛО III. Перестройка дейктических отсылок.

1) Если в составе прямой речи есть дейктические местоимения 1-го или 2-го лица, обозначающие, соответственно, субъекта или адресата пропозициональной установки, то в составе цитируемой речи они должны быть заменены на анафорические местоимения 3-го лица:

Иван сказал: "Я заболел". ⇒ *Иван* сказал, что он заболел;

Королева сказала *портному*: "Ты болван!" ⇒ Королева сказала *портному*, что он болван.

Классический пример неправильного употребления местоимений при передаче ПР с помощью КР (Пешковский 1938: 431) — фраза Осипа в "Ревизоре" Гоголя:

(4) Трактирщик сказал, что [я] не дам вам есть пока [вы] не заплатите за прежнее.

Здесь 1-е и 2-е лицо переключались из прямой речи трактирщика в ее косвенную передачу Осипом, в нарушение правила III. Заметим, что в венгерском языке не работает правило III (так же как в русском не работает правило II): местоимения 1-го и 2-го лица допускают синтаксическую интерпретацию.

Местоимения 1-го и 2-го лица в подчиненном предложении в составе КР в русском языке, в принципе, не исключены; дело в том, что номинация участников речевого акта в предложении КР — в том числе и в подчиненном предложении, т. е. в составе цитируемой речи, только дейктическая (в силу правила об обязательности дейксиса, см. главу I. 11): *Я сказал ему, что я заболел*. Аналогично, в контексте, где Г = Петр, фраза *Иван сказал Петру: "Ты шарлатан!"* будет передана (Петром) как *Иван сказал мне, что я шарлатан*. Если С = Петр, то фраза *Иван сказал: "Петр должен мне деньги и не отдает"* будет передана как *Иван сказал, что ты должен ему деньги и не отдаешь*. Так что назначение правила III — предупредить появление местоимений 1-го и 2-го лица, требующих синтаксической интерпретации.

Виртуозный переход к НПР — в следующем отрывке из поэмы Пушкина "Полтава":

Мазепа, в горести притворной,
К царю возносит глас покорный.
"И знает Бог, и видит свет:

Он, бедный гетман, двадцать лет
 Царю служил душою верной; <...>
 О, как слепа, безумна злоба!..
Ему ль теперь у двери гроба
 Начать учение измен
 И потемнить благую славу? <...>
 И ныне злобный недруг смел
Его седины опозорить!
 И кто же? Искра, Кочубей!
 Так долго быв *его* друзьями!..
 И с кровавыми слезами,
 В холодной дерзости своей,
 Их казни требует злодей!..

Казалось бы, текст в кавычках должен быть прямой речью Мазепы. В первый раз Мазепа упоминается в контексте эпистемических установок *И знает Бог, и видит свет*: для Бога и света Мазепа, действительно, *он*. Но сам себя Мазепа должен обозначать в своей речи в 1-м лице. Наименование в 3-м лице (*ему, его*) означает, что это внутренний монолог, т. е. НПР. Так что кавычки здесь поставлены, пожалуй, незаконно.

2) Если в составе ПР какие-то отрезки времени или участки пространства названы дейктически, т. е. через отсылку к субъекту или к адресату ПР, то в КР они должны быть переименованы — либо путем замены дейксиса на анафору, случай А, либо через дейктическую отсылку к говорящему данного речевого акта, случай Б:

- (5) Маша сказала *на перроне*: "Я буду ждать тебя здесь!" ⇒
 А. Маша сказала *на перроне*, что будет ждать меня там;
 Б. Маша сказала, что будет ждать меня *здесь* [если Г сейчас на перроне].
- (6) Маша *вчера* сказала: "Я приеду *завтра*." ⇒
 А. Маша *вчера* сказала, что приедет *на следующий день*;
 Б. Маша *вчера* сказала, что приедет *сегодня*.

Замены типа Б — это подстановки на базе денотативного тождества, которые не являются синонимическими преобразованиями; например, такие подстановки невозможны в пропозициональном контексте, если тождество неизвестно субъекту пропозициональной установки (см. об этом в связи с проблемой *de re / de dicto* в главе 2, раздел 7). Так, предложение КР, (7б), в отличие от (7в), не является адекватной передачей ПР (7а):

- (7) а. Эдип говорил: "Иокаста красавица".
 б. Эдип говорил, что его мать красавица.
 в. Эдип говорил, что его жена красавица.

Возможность Б возникает только в разговорном дискурсе, так что применительно к традиционному нарративу правило III.2 формулируется проще: дейктические слова, типа *сейчас; сегодня, вчера, завтра*, заменяются на анафорические — *в тот момент, в этот день, накануне, на следующий день*. Например, *Маша сказала: "Я вчера была на концерте"* ⇒ *Маша сказала, что накануне была на концерте*.

ПРАВИЛО IV. Если текст ПР содержит экспрессивно-диалогические элементы, он не может быть переведен в КР:

- (8) Иван воскликнул: "Какой у нее голос!";

Маша сказала: "Вот бы сейчас поесть!";
Он сказал: "Нет!" (ср. *Он сказал, что нет).

Дело в том, что говорящий, который теперь становится хозяином всего текста, не может "перевести на себя" ту экспрессию, которая содержится в высказывании субъекта прямой речи: экспрессия может быть только выражена (субъектом 1-го лица), она не может быть сообщена³. Таким образом, получается, что переход от ПР к КР обедняет полифоническое звучание текста: в ПР голоса говорящего и субъекта речи звучали как отдельные, а в КР, в норме, остается один только голос говорящего.

В сфере модальности есть соответствия, аналогичные соответствиям между дейктическими и анафорическими элементами, которые заменяют одни другие при переводе прямой речи в косвенную. Так, категорический отказ может быть выражен в ПР словами *Ни за что!*, а передан в КР — как *ни в какую*, ср.:

Она его уговаривает, а он твердит: "Ни за что!";
Она его уговаривает, а он ни в какую.

В то же время *ни в какую* не может быть использовано для выражения отказа в прямой речи. Есть разряд местоимений, специально предназначенный для сокращенной передачи чужой речи — *такой-то, так-то и так-то, то-то и то-то*. Ср.:

Доктор говорил: то-то и то-то указывает, что у вас внутри то-то и то-то; но если это не подтвердится по исследованию того-то и того-то, то у вас надо предположить то-то и то-то. (Толстой. "Смерть Ивана Ильича")

Есть общий прием, позволяющий компенсировать нарушение правил III и IV: чужой элемент из цитируемой речи говорящий может поставить — в буквальном или в переносном смысле слова — в кавычки, чтобы он звучал подчеркнуто как цитата, см. о цитировании главу II.8. Роль своего рода кавычек, маркирующих чужую речь в синтаксически подчиненном контексте, могут выполнять частицы. Так, фразу из примера (4), которая с точки зрения современных норм неправильна, можно сделать удовлетворительной, добавив одну из частиц *мол, дескать, де* (в другом контексте будет уместно *якобы*), см. Успенский 1970: 51.

В примере (9) *дескать* не спасает положения, поскольку здесь ни одна из точек зрения не выдержана последовательно — можно сказать либо *не мне, дескать* и *в вашу*, либо *не ему* и *в мою*, но тогда исключено обращение *деточка*:

(9) <...> он же дальше развивал свою мысль: *не ему, дескать, вмешиваться в вашу, деточка, бурную и интересную жизнь*. (Викт. Ерофеев. "Русская красавица")

В кавычки можно, однако, заключать слова, но не конструкции. Так, предложение (10а) грамматически неправильное, а в (10б) автокоррекция не может быть понята как принадлежащая синтаксическому субъекту, Маше, — она может принадлежать только говорящему:

(10) а. *Иван воскликнул, что *какой у нее голос*;
б. Маша призналась, что он кончил работу только вчера, *нет, позавчера*.

³ О выражении как особой функции языка см. Bühler 1934/1993; ср. Wierzbicka 1969: 33.

Не переводятся из ПР в КР предложения с характерным для прямой речи экспрессивным повтором; поэтому (11) однозначно опознается как НПР:

- (11) *Ему многое нужно узнать от француженки, очень многое.* (Чехов. "Сон репортера"; цитируется по Чудаков 1971)

Высказывание может быть непереводимо в КР, поскольку неясна его иллюкутивная функция, т. е. выражаемый им речевой акт:

- (12) "Я приду в два." = 'X обещал (или *грозился?*) прийти в два';
 "Приходи в два!" = 'X попросил (или *потребовал?*), чтобы Y пришел в два';

или потому, что глагол установки, требуемый по смыслу, не способен подчинять пропозицию: **Он засмеялся, что она давно ушла*; или потому, что предложение выражает косвенный речевой акт, и нет глагола, который бы точно передавал его содержание; ср. пример из басни Крылова "Осел и соловей", который приводит А. М. Пешковский:

- (13) А жаль, что не знаком
 Ты с нашим петухом —
 Еще б ты боле наострился,
 Когда бы у него немножко поучился.

Высказывание X-а *А жаль, что [ты] не знаком!* не адекватно передается словами X-у *жаль, что Y не знаком*. Дело в том, что фраза *А жаль, что не знаком...* выражает не столько сожаление, сколько упрек (ср. англ. перевод: *Shame on you!*), причем в форме косвенного р. а., и в этом источник ее непереводимости в КР: косвенные р. а. (так называемые *whimperatives* или *queclaratives*) всегда непереводимы в КР, поскольку специфическое осмысление слов и конструкций происходит в контексте отдельного высказывания, а для перевода в КР нужно извлечь предложение из этого контекста.

Трансформационное описание КР через ПР, при всей его ограниченности, выявляет некоторые важные аспекты структуры предложения КР, а именно, переход эгоцентрических элементов из одного подчинения в другое. Между тем аналогичное описание НПР (см. McHale 1978) уже не имеет смысла: перевод КР в НПР сводился бы к ликвидации последствий тех преобразований, которые происходили при переходе от ПР к КР. Эти преобразования не раскрывают главного в специфике СКД — механизма вытеснения повествователя персонажем, которому посвящен следующий раздел.

3. СКД: повествователь сходит со сцены

В нижеследующих примерах предложения НПР выделены курсивом:

- (1) Петя уже не думал теперь о подаче прошения. *Уже только ему увидеть бы Его, и то он считал бы себя счастливым.* ("Война и мир"; пример из Успенский 1970: 58)
- (2) – Я ее испугал. Надо было тише. – Он остановился и прислушался: сторож через вторую келейку прошел в сад ... *Надо было спрятаться.* (Толстой. "Два гусара")

- (3) Когда он [Юра] лежал под кроватью, возмущаясь ходом вещей на свете, он среди прочего думал и об этом. *Кто такой Воскобойников, чтобы так далеко заводить свое вмешательство? Хороша также и мама.* ("Доктор Живаго")

Во всех этих примерах повествовательный текст незаметно переходит во внутренний монолог героя. Так, в (2) второе *надо было* означает 'надо было персонажу', не повествователю; экспрессия в (3) тоже принадлежит персонажу.

Предложение НПР обладает характерными формальными чертами как прямой, так и косвенной речи. Признаков, сближающих НПР с КР, два:

- 1) субъект речи и мысли обозначается в 3-м лице⁴;
- 2) грамматическое время, обозначающее текущий момент в тексте, обычно прош. нарративное (впрочем, в русском языке оно может быть и настоящим, см. главу 9).

Все остальные формальные характеристики сближают НПР с ПР:

- дейксис ближний (проксимальный);
- допустимы обращения, императивы, вопросы, междометия и прочие экспрессивно-диалогические показатели;
- в избытке модальные и оценочные слова (*несчастный, бедный*).

Есть еще один признак, сближающий НПР с ПР — это изложение содержания пропозициональной установки при отсутствии эксплицитно выражающего ее глагола в гипотактической конструкции. Глагол установки может так или иначе присутствовать в контексте НПР, но чаще всего во вводном употреблении, на правах комментария:

Но, *вспомнил Шухов*, теперь и в больничке отлежу нет. (Солженицын. "Один день Ивана Денисовича")

СКД фигурирует в очерках истории и структуры нарратива прежде всего в связи с тенденцией к уменьшению роли повествователя в композиции текста. И в самом деле, эгоцентрическими элементами в СКД владеет персонаж. Таким образом, основная задача, которая возникает в связи с СКД, состоит в том, чтобы понять механизм устранения повествователя и передачи экспрессивов и других эгоцентрических элементов в распоряжение персонажа. Мы предлагаем для предложения НПР, пример (С), следующую "трансформационную историю". В качестве исходной для (С) принимается структура (А); Структура (В) получается в результате того, что пропозициональная приставка переходит во вводное употребление, а (С) получается из (В) тогда, когда этот вводный оборот опускается, т. е. становится имплицитным:

- (А) He said: "I am ill."
- (В) He was ill, he said.
- (С) He was ill ['he said'].

⁴ 1-е лицо в НПР не исключено, но оно обозначает не субъекта речи, а скорее адресата. Ср. отрывок из романа Домбровского "Хранитель древностей", написанного от 1-го лица, где передается, в НПР, рассказ шофера, а "я" обозначает повествователя: *Он сказал: если я хочу достать яблочек, то лучше всего мне говорить со сторожихой, тетей Дашей. Вон-вон ее дом на отшибе! только не рано ли я еду? Апорт-то ведь еще не снимали.*

Постулирование структуры (В), с вводным употреблением пропозиционального глагола, как промежуточной между предложением ПР, где пропозициональный глагол обязателен, и СКД, где его нет, представляется чрезвычайно плодотворным для семантического анализа СКД (роль вводной конструкции в интерпретации НПП отмечена Шарлем Балли, см. об этом Волошинов 1930: 141). В самом деле, в структуре (А) голос персонажа заключен в отдельный текст, а голос повествователя фигурирует на правах говорящего того речевого акта, в который вставлен этот текст, см. схему ПР в разделе 2. Между тем в структуре (В) нет асертивной пропозициональной приставки; но тем самым пропадает позиция и для говорящего-повествователя.

Этот эффект вводности — устранение говорящего — мы подробно рассматривали в главе II.6: когда пропозициональный глагол переходит во вводное употребление, то тем самым пропадает та синтаксическая позиция в предложении, которая составляет пристанище для говорящего в разговорном языке и, соответственно, для повествователя — в нарративе.

Суть перестройки, происходящей при переходе от (А) к (В), следующая. Эксплицитное отношение между субъектом установки и его речью (мнением, восприятием), выражаемое глаголом пропозициональной установки, превращается в имплицитное — такое же, как раньше было между Г и его высказыванием. Субъект вводящего предложения переходит в позицию, подобную позиции говорящего: он становится подразумеваемым субъектом своей установки. Но тогда говорящий уже не может подразумеваться — такой многоэтажной подразумеваемости язык не допускает. Соответственно, в нарративе не подразумевается повествователь.

Как было показано в главе II.6, в речевом дискурсе говорящий возникает в семантической структуре предложения с вводным оборотом по умолчанию — только потому, что в речевом режиме говорящего не может не быть: он стоит за каждым высказыванием. Между тем в нарративном режиме повествователя может не быть. Возникает дискурс, где господствующим является сознание персонажа, который, тем самым, оказывается говорящим в 3-м лице.

Подобное вытеснение повествователя обычно происходит не на всем протяжении текста, в целом причисляемого по его повествовательной форме к СКД, а лишь в каких-то его фрагментах. Повествователь может пропадать и возникать снова. Взаимодействие голосов повествователя и персонажа в СКД будет рассмотрено в разделе 5.

Вводное употребление глагола пропозициональной установки — это лишь одна из возможностей. Комментарий, эксплицирующий субъекта установки и ее тип, может находиться в соседнем предложении, ср. характерный пример

Припомнилось даже, как нанимали этот таксомотор у "Метрополя", был еще при этом какой-то актер не актер... с патефоном в чемоданчике. Да, да, да, это было на даче! (Булгаков. "Мастер и Маргарита"),

где конструкция, характерная для припоминания (*актер не актер*) синтаксически не подчинена глаголу *припомнилось*, который еще сохраняет связь с субъектом сознания: *припомнилось* — Лиходееву.

Итак, мы проследили, так сказать, генезис СКД, указав синтаксический прием, на базе которого эгоцентрические элементы языка контекстуализуются в СКД не так, как в речевом дискурсе (где они ориентированы на говорящего), и не так, как в традиционном нарративе (где они ориентированы на экзегетического повествователя — которого мы достаточно легко подставляем на место говорящего): предложение СКД — это содержание пропозициональной установки того персонажа (не говорящего и не повествователя), который был субъектом вводного предложения, быть может, впоследствии опущенного. Этот персонаж вытесняет повествователя и становится говорящим в 3-м лице.

4. Синтаксические маркеры СКД

Итак, субъект СКД — это функционально 1-е лицо. А тогда для того, чтобы идентифицировать текст как СКД, достаточно убедиться в том, что он, при замене 3-го лица на 1-е, может быть без семантических натяжек представлен как прямая речь этого 1-го лица. Сведение НПР к КР не дает никаких интересных прозрений, а сведение к ПР, напротив, весьма поучительно. Так, для примера (1) из раздела 3 мы получили бы следующее:

- (1') [Петя думал:] "Уже только мне увидеть бы Его, и то я считал бы себя счастливым!"

Анализ через сведение НПР к ПР годится в качестве теста, который можно использовать для идентификации СКД, ср. Успенский 1970: 59. Укажем несколько конструкций и языковых элементов, которые обычно считаются формальными маркерами СКД.

1) Неутвердительный речевой акт, например, вопрос. В традиционном нарративе вопрос возможен только в отступлениях. Например, это может быть метатекстовый вопрос повествователя, на который он сам же и отвечает:

- (а) Кто при звездах и при луне
Так поздно едет на коне? (Пушкин. "Полтава")

Между тем в СКД вопрос может принадлежать основному корпусу повествования, и субъект вопроса — персонаж:

- (б) Елена раздвинула портьеру, и в черном просвете показалась ее рыжеватая голова. Братьям послала взгляд мягкий, а на часы очень и очень тревожный. Оно и понятно. *Где же, в самом деле, Тальберг?* Булгаков. "Белая гвардия")

Субъект вопроса — братья Турбины; тот же субъект и у вводного *в самом деле*. В примере (в) вопросительные предложения выражают упрек (тоже персонажа):

- (в) Николкины голубые глаза <...> смотрели растерянно, убито. <...> За что такая обида? <...> Зачем понадобилось отнять мать, когда все съехались, когда наступило облегчение? (Булгаков. "Белая гвардия")

2) Другой формальный маркер СКД — обращение. В традиционном нарративе обращение возможно, опять-таки, только в неповествовательных

фрагментах текста — оно исходит от повествователя и адресовано к читателю. Между тем в СКД и авторы и адресаты обращений — персонажи:

Старший начинает подпевать. Глаза мрачны, но в них загорается огонек, в жилах жар. Но тихонько, *господа*, тихонечко! (М. Булгаков "Белая гвардия")

<...> и молодые Турбины не заметили, как в крепком морозе наступил белый, мохнатый декабрь. *О елочный дед наш*, сверкающий снегом и счастьем! *Мама, светлая королева*, где же ты? (там же)

В принципе, маркером СКД является любой первичный эгоцентрик. Однако в конечном счете решающим фактором всегда будет семантика: чтобы идентифицировать текст как СКД, надо убедиться в том, что его эгоцентрические элементы находятся в распоряжении персонажа, а не повествователя. Первичные эгоцентрики допустимы и в традиционном нарративе, но только в его неповествовательных фрагментах.

Как же читатель понимает, что в данном тексте данный эгоцентрический элемент интерпретируется через персонажа? Возьмем, например, предложение с глаголом в сослагательном наклонении, пример (1) из раздела 3. Маркировано ли оно синтаксически как НПР? Сослагательное наклонение в значении оптатива в (1) предполагает субъекта желания, и им может быть в традиционном нарративе повествователь, а в СКД — персонаж: наклонение — первичный эгоцентрик, и для него всегда есть эти две возможности. В данном контексте читатель однозначно выбирает вторую — потому, что понимает фразу как выражение желания, речевой акт персонажа; и, вообще, потому, что это обеспечивает большую степень связности текста; так, за большой буквой в слове *Его* уже стоит персонаж (эта большая буква принадлежит скорее Пете, чем Толстому), и, следовательно, субъект оптатива — тот же персонаж. Но в принципе оптативная конструкция может принадлежать и повествователю:

Ах, *если б здесь был Иван Николаевич!* Он узнал бы этого субъекта сразу! (Булгаков. "Мастер и Маргарита");

Его мнение ценили ... именно за то, что он знал всегда свое место. А между тем, *если бы только ведали* эти судьи, что происходило в душе у Ивана Федоровича. (Достоевский. "Идиот")

Между традиционным нарративом и СКД нет строгой границы, и один текст может иметь признаки и той и другой формы. Ю. В. Манн (1992) оперирует понятием *персональной повествовательной формы*, которая характеризуется, в основном, отрицательным признаком — через уменьшение роли автора в повествовании (иначе говоря, через уменьшение роли повествователя в интерпретации эгоцентрических элементов). Одним из примеров персональной формы служит рассказ Чехова "Каштанка", который, как известно, написан от лица собаки. Он обладает формальными признаками СКД, но в очень малой степени. Так, "персональный" способ названия объектов следует, скорее, трактовать как цитирование. Ср. *какой-то негодяй* в (4); *казачики* (в значении 'люди') в (5); или *незнакомец* в применении ко второму хозяину Каштанки, цирковому артисту, в (6):

(4) Каштанка стала обнюхивать тротуар, надеясь найти хозяина по запаху его следов, но раньше какой-то *негодяй* прошел в новых резиновых калошах и теперь все тонкие запахи мешались с острой каучуковой вонью.

- (5) Безостановочно взад и вперед проходили незнакомые заказчики.
 (6) Прodelав еще несколько подобных неважных фокусов, незнакомец схватил себя за голову.

Субъект оценки везде Каштанка; но предикаты оценки — это вторичные эгоцентрики, а они могут иметь персональную интерпретацию и в рамках традиционного повествования. Номинация *острая каучуковая вонь* в (4) принадлежит, скорее всего, повествователю.

Рассказ начинается со сбоя временной последовательности, типичного для СКД: сначала нам представлена *молодая рыжая собака*, которая *бегала взад и вперед по тротуару*, а потом — отступ назад во времени (flashback), мотивированный тем, что она вспоминает, как провела день. Характерна для СКД также игра на неоднозначной контекстуализации вводного слова (например, во фразе: *По-видимому, это был очень умный гусь*). Однако в целом в рассказе преобладает внешняя точка зрения⁵. Однозначным показателем СКД была бы персональная интерпретация таких эгоцентрических элементов, которые предполагают говорящего в роли субъекта речи, чего в "Каштанке" почти нет.

5. Повествователь возвращается: прош. нарративное в СКД

Анализ СКД, отрицающий повествователя, был предложен Балли (Bally 1930). В последние годы об отсутствии повествователя в СКД было в резко полемической форме заявлено в Banfield 1973, 1982, и с тех пор этот вопрос широко обсуждался; ср. возражения в McHale 1978, Toolan 1992. Спор носит, однако, абстрактный характер. Между тем, чтобы отстоять повествователя с чисто лингвистических позиций, достаточно показать, что в тексте, написанном в форме СКД, непременно есть такие языковые элементы, которые не могут быть объяснены иначе, как присутствием повествователя.

Вернемся снова к тем аспектам свободного косвенного дискурса, которые характеризуют его как косвенный — это 3-е лицо субъекта и прош. время глагола. Очевидно, здесь и следует в первую очередь искать аргументы.

Начнем с 3-го лица. В принципе, 3-е лицо предполагает наличие некоторого субъекта 1-го лица, для которого это 3-е лицо будет 3-м, и можно предположить, что таким 1-м лицом является повествователь (ср. в Toolan 1992: 69 о романе Г. Джеймса "The Ambassadors": "the source of the third-person pronouns used to denote Strether is a distinct narrator").

Конечно, можно утверждать, что 3-е лицо персонажа является таковым с точки зрения повествователя. Однако субъект 3-го лица в СКД не может служить единственным аргументом для постулирования повествователя в СКД: как это может быть, чтобы повествователь обеспечил нам косвенное обозначение субъекта (местоимением 3-го лица), после чего сам вышел из игры?

⁵ Рассказ Толстого "Холстомер", по содержанию тоже от лица животного, имеет еще меньше формальных признаков СКД.

Важно еще и другое: 3-е лицо субъекта в СКД имеет очень мало общего с обычным 3-м лицом. В самом деле, 3-е лицо в СКД ведет себя во всех существенных отношениях как 1-е, а не как 3-е (см. Зализняк, Падучева 1987, а также главу II.6): что это за 3-е лицо, если оно распоряжается эгоцентриками так, как будто обозначает говорящего? Есть и другие различия между 3-м лицом субъекта в СКД и обычным 3-м лицом. Например, субъекту СКД больше подходит местоимение, чем собственное имя⁶ (ср. характерное построение фразы в рассказе Чехова "Невеста": *Ей, Наде, было уже двадцать три года*).

Таким образом, с точки зрения лингвистической, если мы хотим получить полезные обобщения относительно семантики 3-го лица в целом, то 3-е лицо субъекта в СКД надо представить как условность стиля; в противном случае функции 3-го лица в СКД вступают в противоречие с тем семантическим инвариантом противопоставления 1-го и 3-го лица, который формулируется на других типах дискурса.

Совершенно иначе обстоит дело с прош. временем глагола. Семантика видо-временных форм в СКД безусловно сопоставима с семантикой тех же форм в традиционном нарративе и в разговорном языке. Представляется возможным дать описание времен в СКД такое, что оно будет служить только подтверждением того инварианта значения времени, который выявлен на других типах дискурса. И это описание опирается на допущение о присутствии повествователя. В самом деле, семантика НСВ прош. времени в нарративном значении предполагает синхронного наблюдателя (глава I.1), и роль такого наблюдателя не может выполняться в СКД персонажем, поскольку для него это время настоящее (время персонажа выражается наречием *сейчас*, см. главу II.3, а в русском языке часто и формой наст. времени). Остается предположить, что форма НСВ прош. в СКД обязана своим существованием повествователю. Рассмотрим пример:

- (1) В мокром тротуаре *отражалась* иллюминация, разноцветные огни плясали и подмигивали, и попробуй различи лужи! (Р. Киреев. "Неудачная попытка попасть в кафе в праздничный вечер")

Предложение (1) выражает содержание восприятия персонажа и естественно включается в СКД. Акт восприятия относится к наст. моменту персонажа, и форма прош. времени может быть объяснена через повествователя: прош. время выражает здесь, как и в традиционном нарративе, дистанцирование. Кого же и от чего? Повествователь должен быть свидетелем происходящего – иначе не возникнет акт. значения несов. вида. Остается предположить, что дистанцируется читатель: он видит то же, что видит повествователь, но то ли не синхронно, то ли издалека. А в таком

⁶ Ср. отрывок из "Белой гвардии", где имя собственное сперва мешает читателю понять фрагмент, начинающийся с *Да, пожалуй* как внутреннюю речь персонажа: *В наглых глазах маленького Шервинского мячиками запрыгала радость при известии об исчезновении Тальберга. Маленький улан чувствовал, что он, как никогда, в голосе <...> Да, пожалуй все вздор на свете, кроме такого голоса, как у Шервинского. Конечно, сейчас штабы, эта дурацкая война, большевики, Петлюра и долг, но потом, когда все придет в норму, он бросает военную службу, несмотря на свои петербургские связи, вы знаете, какие у него связи – о-го-го ... и на сцену.* "

случае функция прош. времени в СКД, в принципе, та же, что в традиционном нарративе.

Таким образом, в СКД, если базовое время — прошедшее, за этим прош. временем стоит повествователь, который, тем самым, присутствует, вообще говоря, на всем протяжении текста: повествователь и персонаж сосуществуют как конкурирующие сознания.

Приведенные факты свидетельствуют о необходимости усложнения теоретического аппарата нарративистики. В Benveniste 1959 предлагалась простая — и революционная — идея двух типов текстов: нарративные и речевые. Впоследствии было предложено понятие режима интерпретации (ключа), см. Падучева 1986а, которое позволяет давать разным фрагментам одного и того же текста интерпретацию в разных ключах (как при изменении ключа в нотной записи одной музыкальной пьесы). Примеры типа (1) показывают, что и это понятие является недостаточно гибким, поскольку может быть так, что в одном и том же предложении одни эгоцентрические элементы интерпретируются в персональном режиме, другие — в повествовательном. Более адекватным является понятие контекстуализации эгоцентрического элемента, см. Lyons 1978, Fillmore 1981: разные эгоцентрические элементы могут иметь в одном и том же предложении различную контекстуализацию. Ср. пример (2) — из того же рассказа Р. Киреева:

- (2) Одно целое они — как остро ощущала это Лидия Алексеевна, стоя рядом с ним перед запертой стеклянной дверью.

Здесь 'одно целое они' — это содержание ментальной установки персонажа; но повествователь тоже присутствует и проявляет себя по крайней мере трижды: в описании перцептивного состояния персонажа (*ощущала*), в прош. времени этого описания и в номинации персонажа собственным именем. При этом экспрессив *как остро* принадлежит снова персонажу.

6. Литературные мотивации СКД

Остается еще сказать о художественных функциях СКД — т. е. о его мотивации. Этот вопрос поднимается в McHale 1978, где СКД рассматривается как средство выражения иронии, эмпатии и полифонии.

Ирония и эмпатия — это две стороны одной и той же функции: "it is indicative of the complexity of FID that it is routinely naturalized both as a mode of ironic distancing from characters and as a mode of emphatic identification with characters" (McHale 1978: 275). Примером использования СКД с целью выражения иронического отношения к персонажу может служить рассказ Чехова "Скрипка Ротшильда":

<...> ему постоянно приходилось терпеть страшные убытки. Например, в воскресенье и праздники грешно было работать, понедельник — тяжелый день, и таким образом в году набиралось около двухсот дней, когда поневоле приходилось сидеть сложа руки. А ведь это какой убыток! ... но надзиратель уехал в губернский город лечиться и взял да там умер. Вот вам и убыток, по меньшей мере рублей на десять.

Или другой отрывок:

Тут больных было немного, и потому пришлось ему ждать недолго, часа три.

В главе 1 уже говорилось, что ироническое отношение автора к персонажу само по себе не требует постулирования присутствия повествователя: иронию можно представить как расхождение в точке зрения между персонажем и читателем. В самом деле, ирония — это когда прямое значение высказывания противоречит здравому смыслу. И функцию носителя здравого смысла автор может предоставить читателю.

Примером использования СКД для выражения авторской эмпатии к герою может служить рассказ Чехова "Невеста": заглавный персонаж — это та исходная позиция, с которой представляются читателю все остальные персонажи и события. Начало текста пестрит безличными предикатами:

Слышно было, как где-то *далеко* <...> кричали лягушки. *Чувствовался* май, *милый май!* *Дышалось* глубоко и *хотелось* думать <...> И *хотелось* почему-то плакать.

И, как выясняется, все они контекстуализуются через Надю. Так, вначале говорится:

...и теперь мать при вечернем освещении сквозь окно почему-то казалась очень молодой,

а чуть ниже сама Надя говорит:

А я вот сижу и смотрю на маму <...> Она *кажется* отсюда такой молодой!

Скорее всего, автор разделяет оценки, желания и прогнозы своей героини; но этот вопрос выводит нас за пределы компетенции лингвистики.

Тот же прием в рассказе А. П. Чехова "Архиерей", только здесь подразумеваемый субъект всех внутренних состояний ясен с самого начала:

<...> преосвященному Петру, который был нездоров уже три дня, *казалось*, что все лица <...> *походили* одно на другое; толпа все двигалась, и *похоже* было, что ей нет и не будет конца. Как было *душно*, как *жарко!* Как *долго* шла всенощная.<...> И *неприятно волновало*, что на хорах изредка вскрикивал юродивый. <...> *На душе было покойно* <...> *Скоро* и служба кончилась.

Повествователь, однако, тоже присутствует — например, это он сообщает нам, что преосвященный Петр был нездоров уже три дня.

Пример изображения событий "сквозь призму" ограниченного сознания — повесть А. И. Солженицына "Один день Ивана Денисовича". Несколько фрагментов с конструкциями, наиболее характерными для СКД:

В пять часов утра, *как всегда*, пробило подъем.

И барака *что-то* не шли открывать.

Насчет кума — это, *конечно*, он [бригадир] *загнул*.

Всегда Шухов по подъему вставал, а сегодня не встал. Сквозь сон чудилось — *то вроде* совсем заболел, *то* отходил маленько. Все *не хотелось*, чтобы утро.

А Шухов *лежал и лежал* на спрессовавшихся опилках своего матраса. *Хотя бы уж* одна сторона брала — или забило бы в ознобе, или ломота прошла. А то ни то ни се.

Хороший у него [латыша] самосад, крепкий в меру и духовитый. Буроватенький такой.

Повествователь последовательно изгоняется. Читатель узнает только о том, что в данный момент занимает Шухова, и автору иногда приходится прибегать к специальным ухищрениям, чтобы все-таки сообщить читателю

какие-то сведения, которые Шухову слишком хорошо известны, чтобы стать объектом его внимания именно в тот заданный "один день". Голос повествователя часто заключается в скобки:

Шухов тем временем натянул ватные брюки (повыше левого колена их тоже был пришит затасканный, погрязневший лоскут, и на нем выведен черной, уже поблекшей краской номер Ш-854).

Максимальная степень устранения повествователя — в тех случаях, когда СКД используется для изображения "потока сознания", см. о потоке сознания Долинин 1985: 206.

Одна из самых интересных функций СКД — намеренная неоднозначность в атрибуции установки ее субъекту: "the complication of the issue of who is speaking" (McHale 1978: 278). В СКД часто трудно отделить голос героя от повествователя. При этом в некоторых случаях очевидно, что неоднозначность атрибуции голоса составляет специальную цель автора (мотивировку предпочтения СКД перед другими повествовательными формами), т. е. должна рассматриваться как прием. Игра на многоголосии характерна, в частности, для М. А. Булгакова. Ср. несколько отрывков из "Мастера и Маргариты", из главы 7 о визите Воланда к Степе Лиходеву:

Особенно поразило Степу то, что графин запотел от холода. Впрочем, это было понятно — он помещался в полоскательнице, набитой льдом. Накрыто, *словом*, было чисто, умело.

Вводное *словом* формально должно принадлежать повествователю: Степа может думать, но не говорить. Далее оказывается, однако, что Степа регулярно пользуется вводными оборотами речевого ряда:

Вот этого самого незнакомца в берете, *воля ваша*, Степа в своем кабинете никак не видал; он решительно не помнил ничего о контракте и, *хоть убейте*, не видел вчера этого Воланда;

...он увидел, что шумит море <...> и что, *короче говоря*, он сидит на самом конце мола.

Степа употребляет даже обращения, т. е. как бы суммирует свои впечатления в форме отчета перед незримой аудиторией:

Совершенно свободно можно было бы, *граждане*, его [разговор с Берлиозом] и не затевать.

Окончательное решение — в пользу Степы, хотя некоторая неуверенность относительно атрибуции голоса — здесь, как и во многих других местах — остается.

В Pascal 1977: 54–55 описывается феномен усложненного СКД, когда высказывание одного персонажа представлено как пропущенное через сознание другого; т. е. взаимодействуют не персонаж с повествователем, а два персонажа друг с другом. Примером может служить рассказ Воланда о его договоре со Степой, переданный в несобственно-прямой речи, через восприятие Степы:

<...> и рассказал все по порядку. Вчера днем он приехал из-за границы в Москву, немедленно явился к Степе и предложил свои гастроли в варьете. Степа позвонил <...> и вопрос этот согласовал (Степа побледнел и заморгал глазами), подписал с профессором Воландом контракт на семь выступлений (Степа открыл рот), условился, что Воланд придет к нему для уточнения деталей в десять часов утра сегодня... Вот Воланд и пришел.

Итак, СКД расширяет репертуар используемых средств экспрессии, даже по сравнению с перволичным нарративом. Отличие его от традиционного нарратива — как 1-го, так и 3-го лица, которое и лежит в основе всех его художественных функций, состоит в отсутствии четких границ между сферами сознания разных субъектов — повествователя и персонажа, одного персонажа и другого. СКД служит поэтому более мощным инструментом полифонии, чем ПР, где границы между голосами обязательно выражены кавычками.

Глава 8

ФЕНОМЕН ЦИТИРОВАНИЯ

Чтобы до конца понять природу СКД, его надо отличить от смежных явлений, в первую очередь от того, что мы будем называть, используя термин из Jakobson 1957/1972, квазичитированием или даже просто читированием, как в Wierzbicka 1970/1982.

Цитирование часто отождествляется с несобственной прямой речью (ср. Ковтунова 1953, с одной стороны, и McHale 1978 — с другой), хотя в свете определения, введенного ранее для НПР, природа цитирования совершенно иная. Например, в следующем отрывке из "Мертвых душ" второе упоминание *произведения природы* — это цитата, вставленная в текст повествователя из речи персонажа, но никак не его НПР (в примерах ниже мы выделяем цитаты курсивом; авторское выделение оговаривается особо):

- (1) Когда полицеймейстер вспомнил было о нем [осетре], сказавши "А каково вам, господа, покажется вот это произведение природы?", подошел было к нему с вилкой вместе с другими, то увидел, что от *произведения природы* оставался всего один хвост.

Цитирование и НПР четко противопоставляются, в частности, в Vanfield 1982, Кожевникова 1994: 228. Феномен НПР, как мы выяснили, состоит в том, что повествователь передает персонажу свою функцию субъекта речи; между тем, цитирование (в нарративе) имеет место в том случае, если "вкрапление" голоса персонажа обнаруживается в высказывании, которое делается в целом от лица повествователя. При цитировании повествователь использует какой-то фрагмент высказывания персонажа (возможно даже высказывание целиком), но речевой акт остается за ним: субъектом речи остается сам повествователь. Таким образом, между НПР и цитированием — при том, что оба суть средства передачи чужого "слова" — имеется четкое различие, состоящее в том, что в НПР "слово" персонажа входит в контекст его же собственного речевого (ментального, перцептивного и т. д.) акта, быть может, не эксплицированного, а при цитировании "слово" персонажа используется в составе речевого акта повествователя.

Цитировать может не только повествователь персонажа, как в (1), но и один персонаж другого. Человек может даже цитировать самого себя: *Я ведь тебе уж и прежде растолковал, что я ее "не любовью люблю, а жалостью"* ("Идиот", с. 236). Цитирование возможно и в драматическом произведении, как показывает неоднократно использовавшийся пример из "Ревизора":

(2) О с и п. Трактирщик сказал, что не дам вам есть, пока не заплатите за прежнее. То, что в (2) мы имеем дело именно с цитатой, подтверждается тем фактом (отмеченным в Успенский 1970: 49), что ощущение нарушения нормы полностью снимается при добавлении частицы *мол* или *дескать*; например, литературная норма допускает

(2') Трактирщик сказал, что, дескать, не дам;

роль частицы сводится ровно к указанию того, что это цитата.

Вообще, цитирование, в том самом смысле, о котором идет речь, свойственно — в самой широкой мере — разговорному дискурсу; к цитированию относятся многие явления, описываемые в работе Николаева, Седакова 1994 как клише.

Имеет смысл различить два случая:

- 1) цитирование в контексте подчиняющего предиката пропозициональной установки;
- 2) вне такого контекста.

Когда мы ограничиваем рассмотрение контекстом 1), то очерчивается круг явлений, к которому применим термин "несобственно-косвенная речь" — аналог термина "несобственно-прямая речь", ср. Волошинов 1930: 120. В самом деле, однозначным свидетельством того, что перед нами цитата, является языковой элемент, "несобственный" для косвенной речи, т. е. такой, который при передаче прямой речи в форме косвенной следовало бы выбраковать. Однако цитатный характер того или иного фрагмента высказывания может и не проявляться в языковой неправильности, см. пример (1). Так что в термине "несобственно-косвенная речь" нет необходимости. Тем не менее два указанных контекста цитирования мы рассмотрим по отдельности.

1. Цитаты в контексте подчиняющего предиката пропозициональной установки

С лингвистической точки зрения наиболее интересен случай, когда имеются структурные признаки "незаконного" нахождения того или иного элемента в данном лексико-синтаксическом контексте — они и свидетельствуют о том, что перед нами цитата. Иначе говоря, самые яркие примеры цитирования порождаются феноменом нецитируемости, см. о нецитируемости в главе 5. При цитировании нарушаются стандартные нормы построения изъяснительного придаточного (в частности, правила синтаксической неподчинимости, описанные в главе 5): междометия, восклицательные предложения, повторы и неполные предложения, диалектизмы и слова

иностранного языка могут оказаться в подчиненной позиции, не имея на это законных оснований.

Цитироваться может не только номинация объекта, как в (1), но и конструкция, характеризующаяся синтаксической неподчинимостью:

(3) Она говорила потом, что была *так* довольна этим вечером.

В примере (2) эффект цитирования возникает как следствие синтаксической неподчинимости высказывания, содержащего дейктические элементы *я* и *вы*, которые ориентированы на речевой акт другого лица. Ту же природу имеет эффект цитирования в (4), где неподчинимый дейктический элемент оказался в придаточном предложении:

(4) Афанасий Иванович говорил долго и красноречиво, присовокупив, так сказать, мимоходом, очень любопытные сведения, что об этих семидесяти пяти тысячах он заикнулся теперь в первый раз и что о них не знал даже и сам Иван Федорович, который *вот тут* сидит ("Идиот", с. 55).

В самом деле, начало этого отрывка интерпретируется в повествовательном ключе: в *говорил* прош. нарративное; метаязыковое вводное слово *так сказать* отсылает к повествователю; и оценочный эпитет *очень любопытные* <сведения> тоже контекстуализуется через повествователя. Между тем *вот тут* ориентировано на персонаж (на Афанасия Ивановича) — повествователь, экзегетический, нигде не сидит и принимать участие в локализации объектов не может. В речь повествователя в определенный момент врывается цитата из речи персонажа — в речь, которая до этого места передавалась в косвенной форме.

В примере (4) частица *вот* обеспечивает однозначно дейктическое значение наречию *тут*; но *вот* может терять свое указательное значение и употребляться как своего рода заменитель кавычек¹:

(5) Он думал о том, что *вот* в его жизни было еще одно похождение или приключение, и оно тоже уже кончилось (Чехов. "Дама с собачкой")

В этом отношении *вот* подобно вышеупомянутым *мол*, *дескать* — с той разницей, что принадлежит литературному языку, а не разговорному. Так, в примере (6) это дважды повторенное *вот* позволяет, фактически, процитировать речевой акт угрозы:

(6) Акакий Акакиевич <...> сказал наотрез, <...> что он пришел из департамента за казненным делом и что *вот* как он на них пожалуется, так *вот* тогда они увидят. (Гоголь. "Шинель")

Прямую речь персонажа можно представить так: "Как я на вас пожалуюсь, так тогда вы увидите!". В примере (7) *вот* выступает тоже в функции *мол*, т. е. оправдывает смещенные — процитированные — дейктические указания: *мы* обозначает здесь, незаконно, субъекта передаваемой речи; *вы* в качестве обозначения адресата передаваемой речи (он же субъект надежды, выражаемой предшествующим *авось*) тоже незаконно; с помощью *там* доктор дистанцирует себя от этого адресата:

(7) Час, два проходит так. Но вот звонок в передней. Авось доктор. Точно, это доктор, свежий, бодрый, жирный, веселый, с тем выражением — что *вот вы*

¹ Примеры (4)–(7) взяты из Ковтунова 1953, с другой интерпретацией.

там чего-то испугались, а мы сейчас вам все устроим (Л. Н. Толстой. "Смерть Ивана Ильича")

Чего-то — это тоже цитата; в самом деле, субъект речи может выразить свое собственное состояние неопределенного, неизвестно чем вызванного испуга, словами "Я чего-то/что-то напугался"; но эти *чего-то, что-то* — первичные эгоцентрики; они неподчинимы и воспринимаются однозначно как цитата.

В примере (8) комический эффект можно объяснить тем, что в речи повествователя приводятся в качестве цитаты вводные слова (*наконец, все-таки, après tout*), равно как и номинации (*плутов, беспомощного юношу*), которые как бы употребил бы по соответствующему поводу князь Василий; при этом без предупреждения возникает мотив огромного состояния, который явно принадлежит уже самому повествователю, поскольку не вяжется с предшествующим мотивом сострадания:

- (8) Князь Василий имел вид человека, отягченного делами, усталого, измученного, но из сострадания не могущего, *наконец*, бросить на произвол судьбы и плутов этого беспомощного юношу, сына *все-таки* его друга, *après tout*, и с таким огромным состоянием. (Л. Н. Толстой. "Война и мир")

Более простой пример цитирования вводного слова (говорящий — точнее, говорящая — цитирует саму себя):

- (9) Я вынуждена буду ему сказать, что, *все-таки*, вы пришли с цветами. (Петрушевская)

Цитатное употребление вводного слова распознается здесь из смысла предложения: *все-таки* означает, что цветы являются аргументом для предпочтения "вас" некоему "ему". Между тем в (10) мы узнаем о том, что имеет место цитирование, только благодаря цитирующему выделению (отрывок взят из письма и курсив принадлежит автору письма):

- (10) Ты тогда сказала, что *наверное* уезжаешь в Италию. (Чехов. "Расстройство компенсации")

У Достоевского цитата часто оформляется как прямая речь. Однако если обращать внимание не на знаки препинания, а на лексико-синтаксическую структуру и смысл фразы, то, скажем, примеры (11), (12) идентифицируются как содержащие одну или несколько цитат, а пунктуационное оформление делает текст грамматически неправильным. Так, в (11) кавычкам противоречит наименование адресата в 3-м лице, а в (12) внутрь кавычек, оформляющих прямую речь, попадает союз *что*, вводящий косвенную:

- (11) Даже генерал <...> любезно спросил Лизавету Прокофьевну: "Не свежо ли ей, *однакоже*, на террасе?" ("Идиот": 328)
 (12) При этом он [Ганя] горячо высказал свое мнение, что князя весьма странно и бог знает с чего назвали "идиотом, что он думает о нем совершенно напротив и что, уж конечно, этот человек себе на уме". ("Идиот": 157)

Следует подчеркнуть, что цитирование — это вовсе не обязательно внедрение голоса персонажа в "авторское" повествование. Так, в рассказе В. Набокова "Круг", основную часть которого составляет поток воспоминаний героя, цитатой является то, что не принадлежит сознанию героя:

- (13) <...> и медленно восстал, расправил плечи его отец, Илья Ильич Бычков, le maître d'école chez nous au village;
- (14) цветы, цыпочки и вспотевшие виски стали тайными символами подбострастия, особенно когда он узнал, что отец был выпутан "нашим барином" из мелкой, но прилипчивой истории — угодил бы в глушь, кабы не его заступничество;
- (15) и тогда Иннокентий внутренне содрогался, сознавая свою измену народу.

В (13) автор номинации расшифровывается только в конце рассказа; это мать героини. В (14) цитатой — скорее всего, из речи отца — является не только номинация, заключенная в кавычки, но и весь конец фразы после тире. В (15) авторство формулы *измена народу*, скорее всего, не предполагается однозначным — это просто чужое сознание.

2. "Дескрипция или цитата?"

Проблема цитирования была поставлена, на заре современной семантики, в 1970 году, в статье А. Вежбицкой "Descriptions or quotations?" (Wierzbicka 1970/1982). Речь идет не о подчинительном, а об обычном контексте — преимущественно об именных группах, которые служат номинациями людей или физических объектов (обсуждаются такие наименования как *великий комбинатор* из романа Ильфа и Петрова "Двенадцать стульев"; *дама просто приятная* и *дама приятная во всех отношениях* из "Мертвых душ"; *Очень глубокая яма*; *Хорошее место для пикников* из "Винни-Пуха" и мн. др.).

Вопрос ставится следующим образом. Почему выражения типа *блестящий оратор*, *настоящий художник*, *круглый идиот*, *очень высокий мужчина*, *довольно хорошенькая девушка*, *изрядный мошенник*, как правило, не употребляются в позиции подлежащего (особенно — тематического)? В самом деле, если такие употребления все-таки имеют место, они однозначно воспринимаются как цитаты, а не как дескрипции, т. е. нормальные наименования объекта, ср. *Оратор замолк*, но **Блестящий оратор замолк*.

Ответ состоит в том, что в состав значения этих выражений входит субъективно-модальный компонент: "существенная часть содержания этих предикатов касается не обозначаемого лица, а отношения между этим лицом и говорящим, а точнее, выражает отношение говорящего к тому лицу, о котором идет речь" (Wierzbicka 1970/1982: 244). Так, фраза *Он настоящий мастер* означает 'Он действительно, в самом деле, мастер'; т. е. *настоящий* не входит в дескрипцию объекта, а выражает усиление утверждения. Это толкование улавливает компонент смысла, объясняющий причисление слова *настоящий* к экспрессивам: *настоящий* толкуется через *действительно*, а *действительно* = 'я не преувеличиваю, я говорю точно, поверьте мне'. Таким образом, характерным показателем цитаты является экспрессия. Экспрессия — это не просто субъективность, т. е. отсылка к говорящему субъекту: в семантику экспрессивных слов говорящий входит в самой "сильной" из своих ипостасей — в ипостаси субъекта речи.

Важно также, что в толкование именной группы с экспрессивным значением входит компонент, который уместен в составе предиката, но не

субъекта суждения: "Эмпирически доказуемый факт, что все экспрессивные элементы высказывания — все элементы, выражающие отношение говорящего к тому, о чем он говорит — <...> "висят" на предикате, а не на субъекте" (Wierzbicka 1970/1982: 244). Так, в примере ниже выделенная именная группа употребляется в предикатной позиции и была бы невозможна в позиции подлежащего:

- (16) Частые припадки его болезни сделали из него *совсем почти идиота* (князь так и сказал: идиота) ("Идиот": 32).

Таким образом, цитата в смысле Wierzbicka 1970/1982 возникает не только из-за столкновения двух сознаний, но и из-за того, что языковой элемент с экспрессивным значением, т. е. несущий явные следы присутствия субъекта сознания, попадает в неподобающую ему синтаксическую позицию.

В примере (17), из рассказа Чехова "Попрыгунья", цитирование не диагностируется лингвистически; выделенные обороты воспринимаются как цитаты из речи героини просто потому, что способ выражения рассматривается как несовместимый с голосом повествователя:

- (17) Каждый из них был чем-нибудь *замечателен* и *немножко известен* <...> или же хотя и не был знаменит, зато *подавал блестящие надежды*.

Если нет отчетливых свидетельств того, что "слово" персонажа вставлено в высказывание повествователя, то текст с экспрессивными и собственно эгоцентрическими элементами естественно трактовать как СКД. Так, фразу (18), которая в Кожевникова 1994: 244 приводится как пример несобственно-авторского повествования, т. е. цитирования, мы склонны трактовать как несобственную прямую речь, тем более, что это излагается содержание сна (Катерины Львовны):

- (18) А кот промежду ею и Сергеем трется, *такой* славный, серый, рослый да претолстый-толстый <...> и усы как у оброчного бургомистра. (Лесков. "Леди Макбет Мценского уезда")

Из сказанного ясно, что ННР и цитирование — это лингвистически различные способы внедрения чужого голоса. Это оправдано не только лингвистическими соображениями, но и литературоведческими: предпочтение того или другого может быть характеристикой стиля писателя. Например, как отмечено в Кожевникова 1994: 242, у Тургенева при передаче чужого сознания преобладают цитаты, тогда как Чехов шире использует ННР.

3. Цитирование и СКД

Влиятельная статья McNale 1978 усложняет проблему идентификации СКД из-за излишнего сближения несобственной прямой речи с цитированием. В этой статье ННР и цитирование рассматриваются как смежные точки "on a scale from purely diegetic to purely mimetic" (с. 258). Конечно, цитирование и ННР сходны — в обоих случаях повествователь частично уступает свои позиции персонажу. Однако между этими двумя явлениями есть принципиальная разница. Феномен ННР состоит в том, что повество-

ватель (Я) передает персонажу (другому) право на речевой акт, т. е. полностью устраняется из высказывания в пользу персонажа. При цитировании речь идет лишь о частичном вторжении другого в высказывание, которое говорящий вообще-то делает от своего лица. Неразличение НПР и цитирования есть, в конечном счете, следствие недооценки роли речевого акта в структуре текста.

Цитирование и НПР различаются не только структурно, но и функционально. При цитировании возникает двухголосие: к голосу Я, который является законным владельцем речи, примешивается — незаконно с точки зрения некоторой идеальной грамматической модели — голос другого. Между тем НПР тяготеет к монологической интерпретации: голос другого (а именно, персонажа) имеет тенденцию полностью вытеснить голос Я (повествователя).

Наконец, цитирование отличается от несобственной прямой речи по происхождению и по сфере употребления: СКД, построенный на несобственной прямой речи, — это чисто литературное образование, возникающее, согласно Vanfield 1982, на относительно поздней стадии развития литературного процесса — в XIX веке. Между тем цитирование — и то, которое современнейший литературный язык считает аномалией, как в примере из "Ревизора", и то, которое признается литературной нормой, с явными или подразумеваемыми кавычками, — свойственно разговорному языку и засвидетельствовано в древних памятниках. Пример из Успенский 1970: 50:

(19) Рече же имь Ольга, яко азъ уже мьстила есмь мужа своего (Ипатьевская летопись под годом 6454).

Примеры этого рода из греческого и древнеисландского приводятся в Jespersen 1924/1958: 348—349.

В Успенский 1970 НПР и цитирование последовательно различаются, но используемая автором терминология вводит в заблуждение: НПР рассматривается под названием "внутренний монолог" (хотя этот термин не охватывает многих контекстов — например, употребления несобственной прямой речи в контексте косвенного описания акта восприятия); а цитирование называется несобственно-прямой речью, при том, что этот термин используется в русской научной литературе как переводной эквивалент для англ. *represented speech* и франц. *style indirect libre*.

Конечно, в маргинальных случаях различие между НПР и цитированием может затемняться. Так, все высказывание целиком может быть цитатой — например, когда говорящий прибегает к клишированным выражениям (так, фраза *Спроси меня что-нибудь попроще!* — распространенная формула косвенного речевого акта отказа от ответа, мотивированного, якобы, сложностью вопроса). Однако за цитатой всегда виден говорящий и речевое намерение.

Возвращаясь к проблеме проведения границы между цитированием и СКД, подчеркнем, что "незаконные" явления, возникающие в контексте глагола пропозициональной установки (т. е. в структуре с гипотаксисом), по определению, относятся не к СКД: для СКД характерно именно отсут-

ствие эксплицитно выраженной установки. Сложнее диагностировать цитату в тексте, где нет никаких явных следов присутствия повествователя. Если в таком тексте эгоцентрические элементы интерпретируются через персонажа, то это СКД или персональный стиль. Цитата осознается только там, где голос персонажа накладывается на уже проявившего себя повествователя.

Итак, наш анализ позволяет сделать вывод, что явления интерференции голосов можно разделить на два класса — СКД и цитирование — с достаточной степенью надежности.

Глава 9

ВРЕМЯ В ТЕКСТЕ

1. Традиционный нарратив и прошедшее нарративное

Для традиционного нарратива базовое время — прош. нарративное. Оно же, для собственно повествовательной части текста, в сущности, и единственное. Временные соотношения в тексте выражаются грамматически не временем, а видом — чередованием форм СВ и НСВ.

Фигура наблюдателя, которая оказалась необходимой при описании семантики видового противопоставления (см. главу I.1), позволяет объяснить также и те, казалось бы неожиданные, семантические приращения, которые обнаруживают видовые формы в связном тексте. Правила, по которым происходят эти приращения, были известны (с пересчетом видовой системы классических языков на славянские) еще античным риторикам, Маслов 1984: 191. Будем считать, что русский глагол в форме СВ обозначает событие, а в форме НСВ — процесс/состояние (что в первом приближении верно), см. о событиях и состояниях Leech 1975: 4. Тогда эти правила принимают следующий вид.

ПРАВИЛО А. Соположенные или сочиненные формы СВ выражают последовательные события:

- (1) Григорий Иванович шумно *вздыхнул*, *вытер* подбородок и *начал* рассказывать (Зошенко);
- (2) Лизавета Ивановна *встала*, *вынула* ключ, *вручила* его Германну и *дала* ему подробное наставление. Германн *пожал* ее холодную руку, *поцеловал* наклоненную голову и *вышел*. ("Пиковая дама")

ПРАВИЛО Б. Аналогичным образом соположенные или сочиненные формы НСВ обозначают одновременные процессы или состояния:

- (3) Полки наши *возвращались* из-за границы. Народ *бежал* им навстречу. Музыка *играла* завоеванные песни. (Пушкин. "Метель")
- (4) Старая графиня*** *сидела* в своей уборной перед зеркалом. Три девушки *окружали* ее. Одна *держала* банку румян, другая коробку со шпильками <...>. Графиня *не имела* ни малейшего притязания на красоту, давно увядшую, но

сохранила все привычки своей молодости <...> и *одевалась* так же долго и так же старательно, как и шестьдесят лет тому назад. У окошка *сидела* за пальцами барышня, ее воспитанница. ("Пиковая дама")

Понятие наблюдателя позволяет вывести указанные текстовые значения форм СВ и НСВ из их значений в составе изолированного высказывания. Форма НСВ (в ее первичном значении, актуально-длительном, иначе — в прогрессиве) предполагает момент наблюдения, расположенный статически "в середине" ситуации; поэтому временная позиция наблюдателя при переключении его внимания с одной ситуации на другую может оставаться неизменной. Когда говорят, что в последовательности форм НСВ время не движется, это время наблюдателя не движется. Таково обоснование правила Б.

Между тем форма СВ в самой своей семантике содержит временную перспективу: значение формы СВ нельзя описать, не упомянув трех временных моментов — один, в котором событие еще не имело места, другой, когда оно наступило, и третий, из которого оно наблюдается. Таким образом, каждый раз, когда некоторое событие описывается с помощью глагола СВ, повествователь должен продвинуться вперед во времени, чтобы обеспечить ретроспективную точку отсчета для этого события. Отсюда правило А. (К тому же, наше восприятие времени иногда вносит в набор ситуаций упорядоченность, которой на самом деле может и не быть, ср. Успенский 1970: 103.)

Разумеется, правила А и Б допускают исключения. Но в принципе, если глагол имеет форму НСВ, то необходимо принять специальные меры, чтобы продвинуть время повествователя вперед, а если форму СВ, то нужен специальный контекст, чтобы время повествователя не двигалось.

Рассмотрим под этим углом зрения некоторые исключения из Правила А — о том, что формы СВ обозначают последовательность:

- (5) Я сегодня *убрала* квартиру, *купила* продукты и занавески *постирала*.
- (6) а. Все *зашумели*, *задвигались*, *заговорили*;
- б. *Посидели*, *поговорили*, *посмеялись*;
- в. Он *располнял* и *постарел*.

Эти исключения имеют очевидное объяснение: здесь события рассматриваются из одного и того же временного момента. Например, для (5) — это вечер сегодняшнего дня. Аналогично для (6). Таким образом, чтобы исключить для нескольких событий, обозначаемых с помощью форм СВ, последовательное понимание, нужно зафиксировать время наблюдения как единое для всех, что и достигается в (5), (6).

Чтобы сделать последовательными длящиеся события, т. е. нарушить правило Б, тоже нужны специальные средства. Так, в (7а) имеется показатель начинательности, без которого 2-е предложение было бы неправильно, ср. *и *привязывала*; в (7б) — обстоятельство, обозначающее законченный временной интервал (*несколько месяцев*); ср. также наречие *потом* (примеры — из рассказов Л. Петрушевской):

- (7) а. Я *ждала* [НСВ] их целый день. А потом *полезла* [СВ] на подоконник и *стала* [СВ] привязывать кусок провода.
- б. Они ее несколько месяцев *держали* [НСВ] там, а потом, через какое-то время, эту квартиру *раскрыли* [СВ].

- с. Ранса с пяти лет *клеила* [НСВ] коробочки для отца, он был инвалидом. Потом мать *умерла* [СВ].

Специальные средства необходимы и для того, чтобы "сдвинуть" время в ситуации, когда форма НСВ должна быть употреблена после формы СВ: при прямом соположении СВ и НСВ время, занимаемое имперфективной ситуацией, скорее, синхронно тому моменту, который фиксируется предшествующей формой СВ. В текстах (8), (9), где это не так, ощущается изысканная нестандартность; так в (8) "нормально" было бы *Девушка стала уговаривать* или *Девушка долго уговаривала*:

- (8) Она кинулась в кресло и *залилась* [СВ] слезами. Девушка *уговаривала* [НСВ] ее успокоиться. (Пушкин. "Метель")
 (9) Она *посмотрела* [СВ] на молодого царя... и выжидательно *молчала* [НСВ]. (Бунин. "Легкое дыхание")

Примеры стандартных употреблений:

- (10) *Пришел* [СВ] мужик в лес, *стал* [СВ] дрова рубить;
 Привалов *поздоровался* [СВ] с девушкой и *несколько мгновений смотрел* [НСВ] на нее удивленными глазами. (Мамин-Сибиряк)

Сопротивление ингрессивной интерпретации отличает русский НСВ прош. от многих претеритальных глагольных форм других языков, например, от простого прош. в английском; ср. пример из Carlson 1981: At sunrise I walked eastward — букв. 'Когда солнце встало, я шел на восток'; по-русски надо сказать *я пошел на восток*.

В Smith 1991 движение времени в тексте представлено как результат взаимодействия двух факторов — лексического (тип ситуации, способ глагольного действия, или таксономическая категория глагола, см. главу I.7) и грамматического (видовой формы). В самом деле, английский продолженный вид (Progressive Aspect) однозначно маркирует значение процесса/состояния, тогда как форма простого прошедшего остается неоднозначной. Между тем русская видовая система адекватно выражает как раз то противопоставление событие vs. состояние, на котором построены правила А и Б. Таксономические категории работают в русском языке на предварительном этапе выбора видовой формы.

Разумеется, правила А и Б не будут действовать в том случае, если связь между соположенными предложениями не временная, а какая-то другая — каузальная, изъяснительная и проч. Ср. начало рассказа В. Токаревой "Сказать — не сказать", где чередование видовых форм вообще не выражает временной последовательности:

Артамонова *поступила* [СВ] в училище легко, с первого раза. На вступительном экзамене *играла* [НСВ] Чайковского, Шопена и что-то для техники, сейчас уже *забыла что*, кажется, прелюд Скрябина. Киреев *поступал* вместе с ней, но *провалился* [СВ].

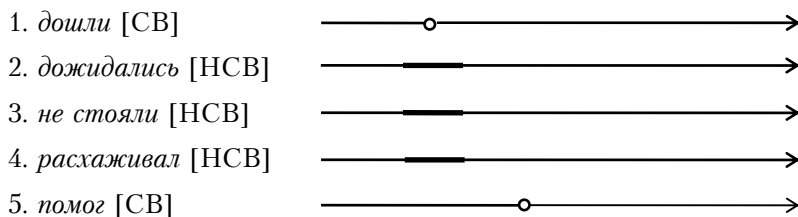
Далее мы будем представлять временную структуру текста с помощью диаграмм — приблизительно в стиле Маслов 1984: 184. Глаголам СВ соответствует временной интервал, не имеющий протяженности — это, так сказать, момент перехода в новое состояние: ○. Перфектное состояние, наступающее после того, как произошло событие, может входить в игру, и в этих случаях оно тоже указывается: (○—). Для глаголов НСВ могут различаться интервалы малой длины (—) для процессов и большой (—) для устойчивых состояний. В остальном различия по дли-

тельности временных интервалов в диаграмме не отражаются, поскольку не имеют структурной значимости. Расположение одного интервала под другим означает одновременность, справа от другого — последовательность. В результате, диаграмма указывает не только упорядоченность ситуаций во времени, но и их сосуществование, так сказать, в пространстве. Формы, которые интерпретируются в синтаксическом ключе, заключены в квадратные скобки: в этом случае временная локализация события, обозначенного такой формой, относительно других событий текста остается нефиксированной. Горизонтальные оси соответствуют течению времени. Вертикальная ось, незримая, — течению текста: все глаголы в личной форме пронумерованы в порядке их появления в тексте. Прямая речь, согласно главе II.7, составляет отдельный текст и в диаграмму не включается. Временные соотношения могут уточняться союзами и обстоятельствами. Некоторые из них отражаются в диаграмме.

Диаграмма 1 представляет временную последовательность ситуаций в отрывке из "Метели" Пушкина:

1. Они насилу *дошли* [СВ] до конца сада.
2. На дороге сани *ждали* [НСВ] их.
3. Лошади, прозябнув, *не стояли* [НСВ] на месте.
4. Кучер Владимира *расхаживал* [НСВ] перед оглоблями, удерживая ретивых.
5. Он *помог* [СВ] барышне и ее девушке усесться и уложить узлы <...>

Диаграмма 1

Ситуации, обозначаемые глаголами *ждали*, *не стояли*, *расхаживал* в НСВ, локализуются как синхронные тому моменту, который задается формой СВ глагола *дошли*, и только СВ глагола *помог* сдвигает время вперед (по отношению к той точке, которая задана предшествующим СВ, т. е. глаголом *дошли*).

Итак, мы можем констатировать, что в традиционном нарративе временная последовательность выражается формами вида (не времени!), причем нарративная интерпретация вида такая же как в изолированном высказывании, см. Падучева 1989б. Поскольку вид — вторичная дейктическая категория, изменения значения при переходе от речевой интерпретации к нарративной не происходит. Меняется только способ, которым фиксируется точка отсчета.

Роль наблюдателя, которая требуется семантикой основных видовых значений НСВ и СВ, может выполнять и повествователь и герой. Обычно

повествователь следует за персонажами. Повествователь может, однако, нарушать плавное течение текстового времени, ср. отрывок из романа Достоевского "Идиот" (с. 44):

Может быть, мы не очень повредим выпуклости нашего рассказа, если остановимся здесь и прибегнем к помощи некоторых пояснений.

Повествователь останавливается не в том смысле, что перестает повествовать, а в том, что его повествование не продвигает время вперед — оно касается давних отношений Настасьи Филипповны с Тоцким, предшествующих актуальному моменту текстового времени.

Нарративная интерпретация видо-временных форм возможна не только в прозе, но и в эпической поэзии. Например, в стихотворении Бродского "Сретенье" видо-временные формы интерпретируются последовательно в нарративном режиме.

1. Когда она в церковь впервые *внесла*
 2. дитя, *находились* внутри из числа
людей, находившихся там постоянно,
Святой Симеон и пророчица Анна.
 3. И старец *воспринял* младенца из рук
Марины; и три человека вокруг
 4. младенца *стояли*, как зыбкая рама,
в то утро, затеряны в сумраке храма.
 5. Тот храм *обступал* их, как замерший лес.
От взглядов людей и от взора небес
 6. вершины *скрывали*, сумев распластаться,
в то утро Марию, пророчицу, старца.
- И только на темя случайным лучом
7. свет *падал* младенцу; но он ни о чем
 - 8,9. не *ведал* еще и *посапывал* сонно,
покоясь на крепких руках Симеона.
10. А *было поведено* старцу сему
 11. о том, что *увидит* он смертную тьму
 12. не прежде, чем Сына *увидит* Господня.
 - 13,14. *Свершилось*. И старец *промолвил*: ["Сегодня,

реченное некогда слово храня,
Ты с миром, Господь, отпускаешь меня,
затем что глаза мои видели это
дитя: он — Твое продолженье и света

источник для идолов чтящих племен,
и слава Израиля в нем."] — Симеон
 - 15,16. *умолкнул*. Их всех тишина *обступила*.
Лишь эхо тех слов, задевая стропила,
 17. *кружилось* какое-то время спустя
над их головами, слегка шелестя
под сводами храма, как некая птица,
что в силах взлететь, но не в силах спуститься.

- 18,19. И странно им *было*. *Была* тишина
не менее странной, чем речь. Смущена,
20. Мария *молчала*. "Слова-то какие..."
21. И старец *сказал*, повернувшись к Марии:

["В лежащем сейчас на раменах твоих
падение одних, возвышение других,
предмет пререканий и повод к раздорам.
И тем же оружием, Мария, которым

терзаема плоть его будет, твоя
душа будет ранена. Рана сия
даст видеть тебе, что сокрыто глубоко
в сердцах человеков, как некое око."]

- 22,23. Он *кончил* и *двинулся* к выходу. Вслед
Мария, сутулясь, и тяжестью лет
24. согбенная Анна безмолвно *глядели*.
25. Он *шел*, уменьшаясь в значении и теле

для двух этих женщин под сенью колонн.
Почти подгоняем их взглядами, он
26. *шагал* по застывшему храму пустому
к белевшему смутно дверному проему.

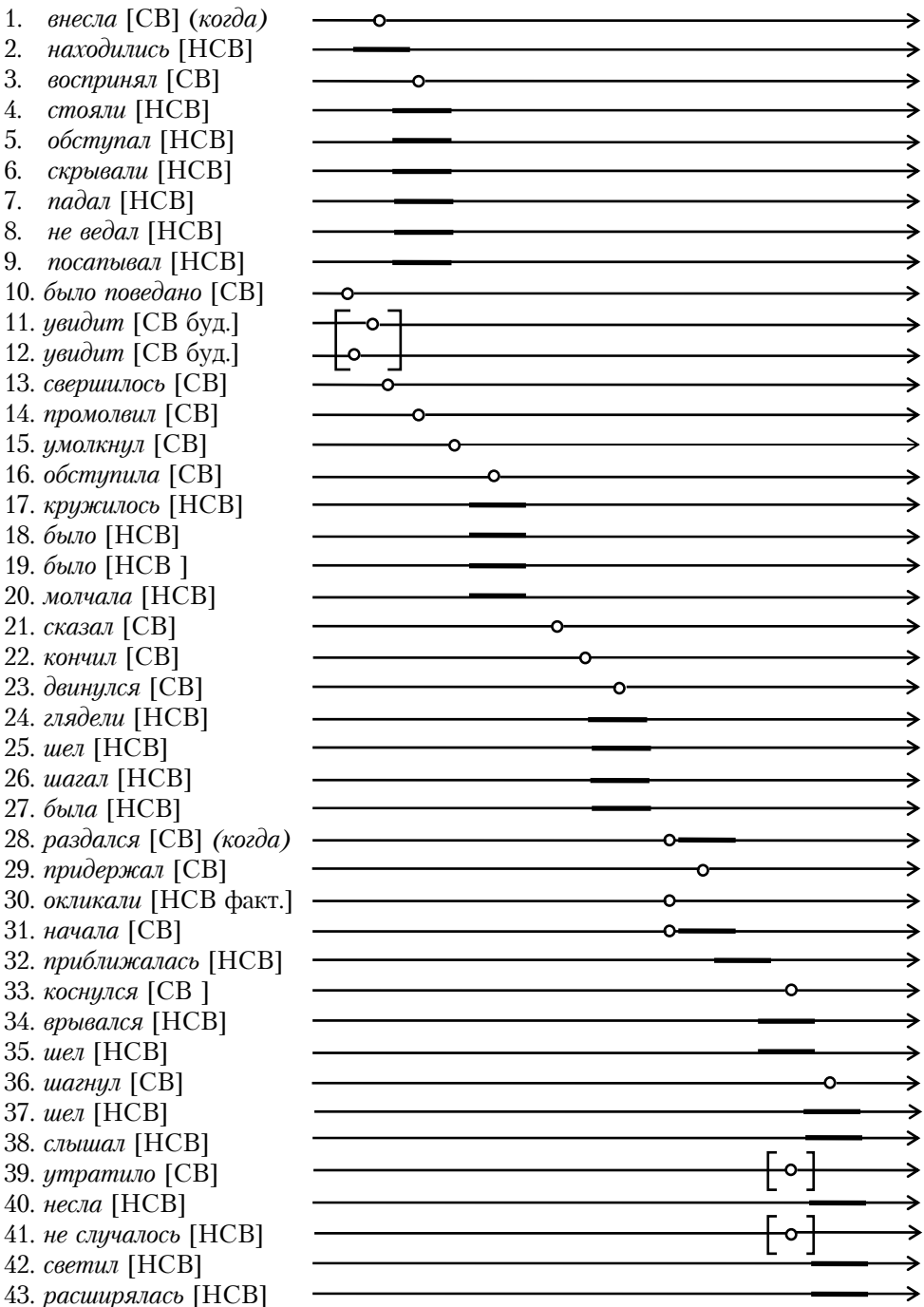
27. И поступь *была* стариковски тверда.
Лишь голос пророчицы сзади когда
28,29. *раздался*, он шаг *придержал* свой немного:
30. но то не его *окликали*, а Бога
31. пророчица славить уже *начала*.
32. И дверь *приближалась*. Одежд и чела
33. уж ветер *коснулся*, и в уши упрямо
34. *врывался* шум жизни за стенами храма.
35. Он *шел* умирать. И не в уличный гул
36. он, дверь отворивши руками, *шагнул*,
но в глухонемые владения смерти.
37. Он *шел* по пространству, лишенному тверди,

- 38,39. он *слышал*, что время *утратило* звук.
И образ младенца с сияньем вокруг
пушистого темени смертной тропею
40. душа Симеона *несла* пред собою,

как некий светильник, в ту черную тьму,
в которой дотоле еще никому

41. дорогу себе озарять не *случалось*.
42,43. Светильник *светил*, и тропа *расширялась*.

Диаграмма 2

Комментарии к отдельным глагольным формам.

Форма *было поведено* 10, СВ прош., пассив (которая может иметь статальную и агентивную интерпретацию, согласно Князев 1989), в данном случае имеет статальную, и потому обозначает событие, предшествовавшее текущему моменту текстового времени: это отступ в прошлое (flashback). В выражении предшествования странным образом принимает участие союз *а*: замена *а* на *и* сделала бы возможным акциональное понимание глагола, и тогда форма СВ нормально интерпретировалась бы в значении последующего события, согласно правилу А.

Формы СВ буд. времени *увидит* 11 и *увидит* 12 интерпретируются в синтаксическом режиме относительно временного момента, задаваемого формой *было поведено*.

Событие *свершилось* 13 связано отношением тождества с *внесла* и, следовательно, они должны быть одновременны.

НСВ прош. *окликали* 30 во фразе *Но то не его окликали, а Бога пророчица славить уже начала* может интерпретироваться двояко: 1) в значении НСВ общефактического (экзистенциального); 2) в значении перфектного состояния, наступившего в результате осуществления речевого акта — см. об этом значении перформативов в Кустова, Падучева 1994б. В любом случае событие предшествует текущему моменту текстового времени.

В контексте *не случилось* 41 отступ в прошлое выражен лексически — с помощью наречия *дотоле*. Здесь форма НСВ, будучи употреблена в общефактическом значении, выражает событие.

Следует оговорить, что диаграммы, подобные данной, можно построить только для таких фрагментов текста, в которых течение времени подчинено одному сознанию — в данном примере это сознание повествователя. При наличии нескольких сознаний пространственно-временной континуум распадается на отдельные несвязанные фрагменты. Иногда в таких случаях повествователь должен вмешаться, чтобы обеспечить синхронизацию. Такая ситуация зафиксирована Виноградовым 1980: 211) в "Пиковой даме", где в главе 2 говорится:

Однажды — это случилось два дня после вечера, описанного в начале этой повести, и за неделю перед той сценой, на которой мы остановились — однажды Лизавета Ивановна нечаянно взглянула на улицу и увидела молодого инженера <...>.

Итак, в традиционном нарративе базовое время — прош. нарративное, и оно выражает, как правило, текущий момент текстового времени. Формы наст. и буд. времени интерпретируются, в основном, в синтаксическом ключе. Буд. нарративное в независимой позиции — это вторжение повествователя. Ведь говоря о будущем, повествователь забегает вперед, приоткрывая нам то, что скрыто "завесой времени":

Я жадно вглядываюсь в этого человека <...> Я вижу, он вспылчив <...> Временами он неосторожно впадает в откровенность <...> О, поверьте мне, при этих условиях у него *будет* трудная жизнь и он наживет себе много врагов!

А мне все-таки жаль бедного Поклена! Что это за напасть, в самом деле! В ноябре 1636 года померла и вторая жена его. Отец сидит и в сумерках тоскует. Он *станет* теперь совсем одинок. (Булгаков. "Жизнь господина де Мольера")

Момент речи не принимает участия в интерпретации временных форм в нарративном режиме. Правда, перволичная форма требует на этот счет оговорок. Так, в повести Л. Н. Толстого "Детство. Отрочество. Юность" источником легкой иронии повествователя, хотя он и выступает как непосредственный наблюдатель описываемых событий, является взгляд на те же события с точки зрения его "нынешнего" настоящего момента, так что прош. время участвует в создании некой двойной временной перспективы.

Ниже речь пойдет о более изысканных для художественной литературы временных формах, таких как наст. речевое, наст. нарративное и наст. персональное (в СКД).

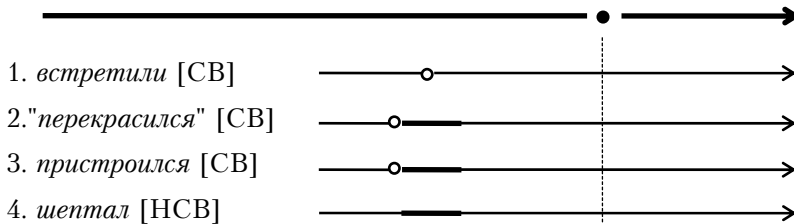
2. Речевой режим и настоящее речевое

Хорошим примером нарративного текста, в котором время интерпретируется в речевом режиме, может служить роман Ю. Олеши "Зависть", часть I, см. о времени в этом романе Раван 1988.

Речевой режим свойствен произведениям, написанным в форме дневника. Ср. отрывок из дневника И. А. Бунина "Окаянные дни":

1. *Встретили* Л. И. Гальберштата <...>
2. И этот "*перекрасился*".
3. Он, вчерашний белогвардеец, <...> уже *пристроился* при газете "Голос красноармейца".
4. Воровски *шептал* нам, что он "совершенно раздавлен" новостями из Европы.

Диаграмма 3

Комментарии к Диаграмме 3. Формы СВ — "*перекрасился*" 2 и *пристроился* 3 выражают, вопреки Правилу А, одновременные события, поскольку они референциально тождественны: *пристроился* — это конкретизация катафорически употребленного "*перекрасился*", т. е. раскрывает его содержание. Отношением одновременности связаны при этом не столько сами события, сколько их перфектные состояния. Временное соотношение между ситуациями 1 и 2 (тоже одновременность) порождается одновременностью события 1 (*встретили*) перфектному состоянию 2 ("*перекрасился*"). Форма НСВ *шептал* обозначает одновременность, по ПРАВИЛУ А. В интерпретации этого текста участвует момент речи: все сказанное относится к прошлому по отношению к настоящему времени говорящего.

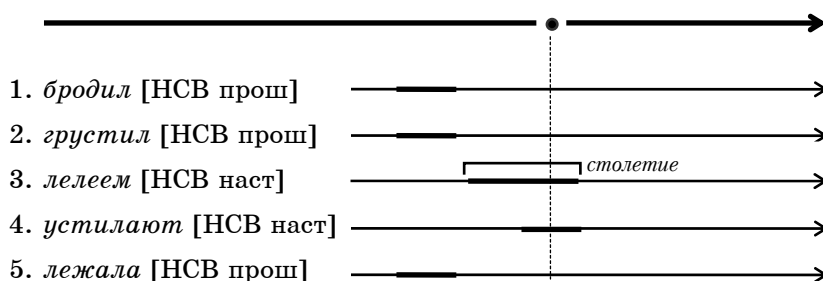
Для сравнения мы продемонстрируем речевой режим на нескольких стихотворных текстах. Стихотворение Анны Ахматовой "Смуглый отрок..." написано к столетнему юбилею основания лица и посвящено Пушкину:

1. Смуглый отрок *бродил* по аллеям,
2. У озерных *грустил* берегов,
3. И столетие мы *лелеем*
Еле слышный шелест шагов.

- Иглы сосен густо и колко
4. *Устилают* низкие пни...
5. Здесь *лежала* его треуголка
И растрепанный том Парни.

24 сентября 1911, Царское село

Диаграмма 4

В речевом режиме интерпретируются и многие другие стихотворения Ахматовой, например, "Я вижу всё..."; "На шее мелких четок ряд".

Стихотворение И. Бродского "Я вас любил ..." (проанализированное в Жолковский 1992), демонстрирует "усиленную эксплуатацию" возможностей речевого режима, поскольку имитирует исправление текста в ходе его создания:

Он [Бог], будучи на многое горазд,
не сотворит — по Пармениду — дважды
сей шар в крови, ширококостный хруст,
чтоб пломбы в пасти плавилась от жажды
коснуться — "бюст" зачеркиваю — уст!

Здесь имитируется речевой акт автокоррекции (см. главу II.5, раздел 3), что позволяет идентифицировать жанр стихотворения как псевдо-экспромт. Прием обнажает присутствие в тексте (обычно вначале скрытое) автора в роли создателя текста: текст представлен как создающийся автором в момент его восприятия читателем; тем самым имитируется выполнение условия, характеризующего каноническую речевую ситуацию — время создания текста говорящим синхронно времени его восприятия слушающим. Такое же присутствие автора-создателя отмечается А. К. Жолковским в стихотворении О. Мандельштама "Я пью за военные астры":

Я пью, но еще не придумал:
Из двух выбираю одно:
Веселое асти-спуманте
Иль папского замка вино.

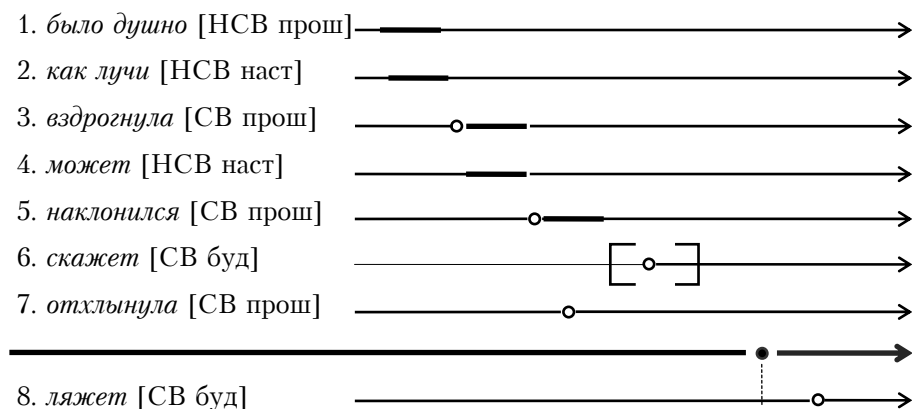
Наст. время речевого режима является обязательным условием для жанра псевдо-экспромта. В традиционном нарративе, для которого базовым временем служит прошедшее, речевой акт автокоррекции невозможен. В самом деле, одна из функций грамматического прошедшего в традиционном нарративе — отдаление времени повествования от времени восприятия текста читателем (равно как и пространственное отделение повествователя от читателя).

Лирическое стихотворение не только имеет говорящего в 1-м лице, но и имитирует наличие синхронного слушателя, что создает уместный контекст для автокоррекции. Лирический герой, в отличие от повествователя, может имитировать создание текста, синхронное его восприятию — в том числе текста, в котором он выражает чувства, которые он *как бы* испытывает в данный момент.

В статье Виноградов 1976 отмечается "игра времен" у А. Ахматовой как характерная черта ее стиля. Современная техника грамматического анализа позволяет изложить наблюдения В. В. Виноградова на более точном языке: "игра времен" — это смена режимов интерпретации, причем для Ахматовой характерен переход от нарративного режима интерпретации к речевому. Его можно продемонстрировать на стихотворении "Смятение".

1. *Было душно* от жгучего света.
2. А взгляды его, *как лучи*.
3. Я только *вздрагнула*: этот
4. *Может* меня приручить.
- 5,6. *Наклонился* — он что-то *скажет*.
7. От лица *отхлынула* кровь.
8. Пусть камнем надгробным *ляжет*
На жизни моей любовь.

Диаграмма 5

Комментарии к отдельным глагольным формам.

Стихотворение начато в нарративном режиме, ср. прош. нарративное *было душно* 1; поэтому вместо наст. времени *как лучи* 2 могло бы быть и прош.: *были как лучи*.

Будущее время глагола *скажет* 6 фактически интерпретируется в синтаксическом ключе — относительно подразумеваемого 'поняла': 'он наклонился, и я поняла, что он что-то скажет'; во всяком случае, будущее время отсчитывается в нарративном ключе — от временной точки, фиксированной действием *наклонился*, а не в дейктическом — от момента речи.

Время глагола *отхлынула* 7 отсчитывается от времени *наклонился* 5, последнего события в мире текста, а не от *скажет* 6, поскольку *скажет* — это событие во внутреннем мире героини, не соотношенное с текстовым временем.

В последнем предложении, на форме СВ буд. *Ляжет* 8, происходит переход к речевому режиму: будущее время отсчитывается от момента речи, а не от последнего момента, фиксированного в тексте событием *отхлынула*. Как говорит Виноградов, "ведь заключенное в них указание на буд. время дано не с точки зрения момента, когда *от лица отхлынула кровь*" (Виноградов 1976: 432). Таким образом, временное отношение между *отхлынула* и *ляжет* не такое же, как было раньше между *наклонился* и *скажет*: в *скажет* будущее отсчитывается от временного момента, фиксированного предшествующим событием в тексте, т. е. от времени *наклонился*, а *ляжет* обозначает будущее по отношению к настоящему моменту лирической героини и никак не связано с текстовым временем.

Как мы видим, стихотворение "Смятение" демонстрирует замечательный феномен — смену режима интерпретации. Она ощущается как некий "провал" перед последним двустушием. Будущее дает знать о наличии настоящего, определяемого моментом речи. Нечто подобное происходит в нарративе при переходе от основного повествования к эпилогу, который обычно имеет базовым временем настоящее, ср. эпилог в "Пиковой даме":

<...> Томский произведен в ротмистры и *женится* на княжне Полине; или в рассказе Чехова "Ионыч":

<...> Он одинок. *Живется* ему скучно, ничего его *не интересует*.

Наши диаграммы не отражают одного важного момента — динамики восприятия текста. Игра временами у Ахматовой состоит, в частности, в том, что об участии момента речи в интерпретации текста мы узнаем не сразу. Начало стихотворения интерпретируется в нарративном ключе, т. е. в *было душно* нет значения предшествования моменту речи: прош. понимается как прош. нарративное, которое фиксирует некий текстовый временной момент, не соотношенный с моментом речи, как в начальных фразах известных нарративов типа *Гости съезжались на дачу* или *Я ехал на перекладных из Тифлиса*. Неожиданное изменение точки отсчета в конце стихотворения, т. е. переход из одного режима интерпретации в другой, и составляет суть художественного приема: "нормальный" текст должен вписываться в какой-то один режим интерпретации — либо речевой, либо просто нарративный (о приеме как нарушении нормы см. Лотман 1970).

Подобная игра могла бы быть и в стихотворении "Смуглый отрок...": читатель, воспитанный на нарративе, сначала, скорее всего, ошибочно поймет прош. время в *бродил, грустил* в значении прош. нарративного. Однако речевой режим становится очевидностью уже с 3-й строки, и начальная ложная гипотеза быстро отбрасывается.

В стихотворении "Звенела музыка в саду..." начиная с середины 2-й строфы — наст. время и даже неповествующие речевые акты (*Как непохожи на объятья прикосновенья этих рук!*). Однако временные формы не допускают последовательной интерпретации в речевом режиме — наст. *поют* (*А скорбных скрипок голоса поют за стелющимся дымом*) в заключительной строфе понимается как наст. нарративное: временной интервал, обозначенный здесь формой настоящего времени, тождествен тому, который ранее был обозначен прошедшим.

Возможен и обратный сдвиг — из речевого режима в нарративный. Так, в начальных строках стихотворения "У самого моря" —

Бухты изрезали низкий берег,
Все паруса *убежали* в море,
А я *сушила* соленую косу —

формы СВ прош. *изрезали, убежали* интерпретируются в речевом режиме: это совершенные состояния, длящиеся в момент речи; однако этот момент речи так и не возникает: следующая форма НСВ прош. *сушила* интерпретируется в нарративном ключе.

Смену точки отсчета по ходу развития текста можно представить как смену приоритетного субъекта сознания — как переход от точки зрения рассказчика к точке зрения лирического героя, хотя они и совмещены в данном случае в одном лице.

3. Нарративный режим и настоящее нарративное

Одно из отличий наст. нарративного от прошедшего состоит в том, что наст. в силу своей неоднозначности, оставляет широкое поприще для игры интерпретациями: форма НСВ прош. однозначно соотнесена с текстовым временем; между тем форма наст. дает свободу выбора интерпретации — точкой отсчета может быть момент речи (время говорящего) и текстовое время, а последнее может интерпретироваться и как время повествователя и как время персонажа. Форма СВ прош. нейтральна по отношению к режиму интерпретации и допустима во всех видах дискурса, поскольку она совмещается как с базовым прош., так и с наст.

Наст. нарративное широко используется у Пастернака, для которого характерно "впадение в нарратив" — переход из речевого режима, свойственного лирике, в нарративный. Такой сбой в интерпретации временных форм представлен, например, стихотворением "Рассвет" (диаграмма доведена до строки 14, после которой время уже не движется):

1. Ты *значил* все в моей судьбе.
2. Потом *пришла* война, разруха,
3. И долго-долго о тебе
4. Ни слуху *не было*, ни духу.

И через много-много лет

4. Твой голос вновь меня *встревожил*.
5. Всю ночь *читал* я твой завет
6. И как от обморока *ожил*.

7. Мне к людям *хочется*, в толпу,
В их утреннее оживленье.
8. Я все *готов* разнести в щепу
И всех поставить на колени.

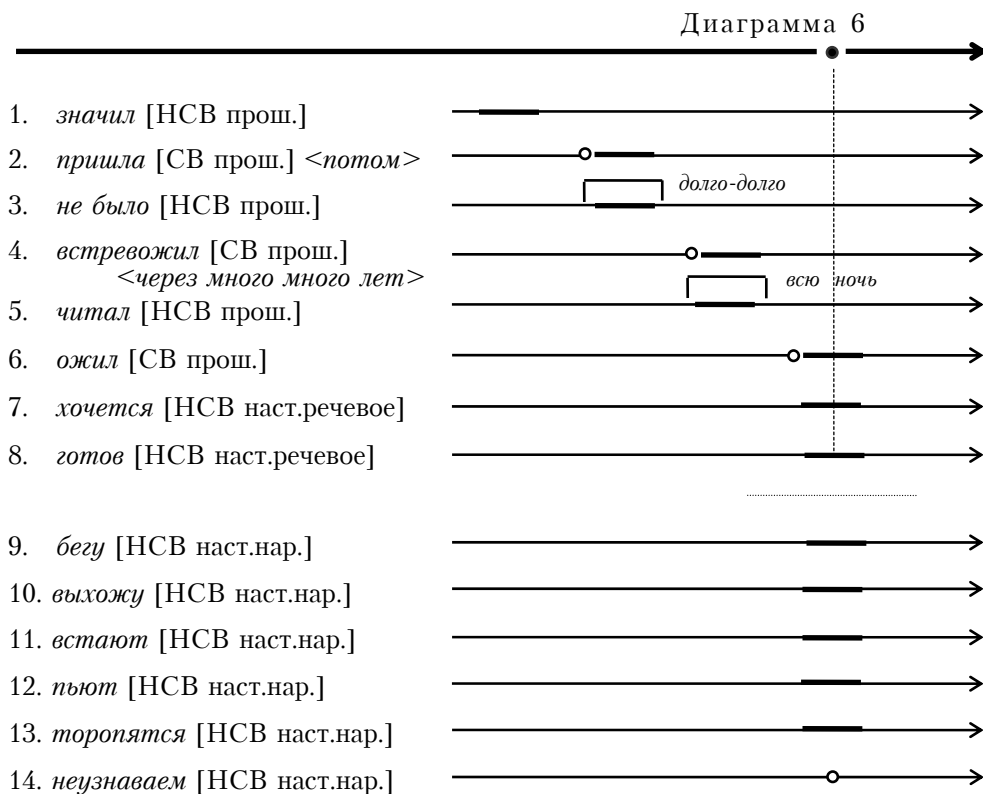
9. И я по лестнице *бегу*,
10. Как будто *выхожу* впервые
На эти улицы в снегу
И вымершие мостовые.

11. Везде *встают*, огни, уют,
- 12,13 *Пьют* чай, *торопятся* к трамваям.
В течение нескольких минут
14. Вид города *неузнаваем*.

15. В воротах вьюга *вяжет* сеть
Из густо падающих хлопьев,
И чтобы вовремя поспеть,
16. Все *мчатся* недоев-недопив.

17. Я *чувствую* за них за всех,
18. Как будто *побывав* в их шкуре,
19. Я *таю* сам, как тает снег,
20. Я сам, как утро, брови *хмурю*.

21. Со мною люди без имен,
Деревья, дети, домоседы.
22. Я ими всеми побежден,
23. И только в том моя победа.

Комментарии к отдельным формам.

Форма НСВ *значил* 1 однозначно понимается в значении прош. речевого — как состояние, кончившееся к моменту речи, а не в значении прош. нарративного, т. е. не как состояние, длящееся в некоторый момент текстового времени и подразумевающее синхронного наблюдателя (как, например, в строчке *Звенела музыка в саду*). Так что режим интерпретации с самой первой фразы осознается как речевой, и читатель ждет появления момента речи. Почему? Во-первых, потому, что глаголы устойчивого состояния, в отличие от действий или процессов, неспособны фиксировать текстовое время — это их лексическое свойство, ср. Булыгина 1982. Тем самым исключено понимание формы НСВ *значил* в нарративном значении. Во-вторых, осознанию режима как речевого способствуют дейктические *ты* и *моей* (аналогичное однозначно ретроспективное понимание формы НСВ в пушкинском *Я вас любил*, см. главу I.1).

События *читал* 5 и *ожил* 6 связаны отношением каузации. Поэтому временное соотношение здесь не исчерпывает сути дела.

Форма наст.времени *хочется* 7 может быть понята в речевом режиме: герой сообщает нам о своем состоянии в момент речи. Возникает момент речи, которого мы ждали. Однако тут же картина сбивается.

Форма *бегу* 9 уже не может интерпретироваться в речевом режиме — лирический герой не может на бегу произносить тот текст, который чита-

тель обязан воспринимать синхронно. Следовательно, здесь форма наст. времени должна пониматься в значении наст. нарративного: поэт рассказывает, что с ним было в некоторый момент в прошлом (ср. типичное употребление наст. нарративного: *И вот я бегу к нему*), а не что с ним происходит сейчас. Но тогда должно быть отвергнуто понимание, только что предложенное для *хочется*: действие *бегу* относится по смыслу к более позднему моменту, а в речевом режиме не может быть момента, более позднего, чем настоящий, который не был бы будущим. Во всяком случае, после *хочется* и *готов* соотносённость с моментом речи обрывается.

Фраза *В течение нескольких минут вид города неузнаваем* 14, вообще говоря, может пониматься двояко: то ли а) за несколько минут стал неузнаваем, то ли б) был неузнаваем в течении нескольких минут, а потом перестал. Буквально сказано б), хотя по здравому смыслу, конечно, а). Однако как обосновать понимание а) лингвистически? Оно может быть представлено как результат преобразования, которому подвергаются при переводе в наст. нарративное глаголы СВ с событийным значением: они переводятся в НСВ, который, тем самым, может пониматься в значении парного СВ; например, *в течении нескольких минут я понимаю* = 'за несколько минут я понял'. Аналогично, *в течение нескольких минут неузнаваем* = 'стал неузнаваем': здесь этому переводу в несов. наст. нарративное подвергнуто отглагольное прилагательное. Этот анализ подтверждает нарративный режим интерпретации всего фрагмента, начиная с *бегу* 9.

Однако *чувствую* 17 и весь последующий текст снова может интерпретироваться в речевом режиме.

Другой показательный пример пастернаковского впадения в нарратив — стихотворение "Разлука":

1. С порога <i>смотрит</i> человек,
Не узнавая дома.	12. Как морю <i>близки</i> берега
Всей линией приборя.
2. Ее отъезд <i>был</i> как побег,	
3. Везде <i>следы</i> погрома.	13. Как <i>заполняет</i> камыши
Волнение после шторма,
4. Повсюду в комнатах <i>хаос</i> .
Он меры разоренья	14. <i>Ушли</i> на дно его души
Ее черты и формы.
5. <i>Не замечает</i> из-за слез
И приступа мигрени.	В года мытарств, во времена
Немыслимого быта
6. В ушах с утра какой-то <i>шум</i> .	Она волной судьбы со дна
7. Он в памяти иль <i>грезит</i> ?
И почему ему на ум	15. <i>Была</i> к нему <i>прибита</i> .
8. Все мысль о море <i>лезет</i> ?	Среди препятствий без числа,
Опасности минуя,
Когда сквозь иней на окне	16. Волна <i>несла</i> ее, несла
9. <i>Не видно</i> света божья,
Безвыходность тоски вдвойне	17. И <i>пригнала</i> вплотную.
10. С пустыней моря <i>схожа</i> .	18. И вот теперь ее <i>отъезд</i> ,
Насильственный, быть может!
11. Она <i>была</i> так <i>дорога</i>
Ему чертой любовью,	19. Разлука их обоих <i>съест</i> ,
	20. Тоска с костями <i>сглохнет</i> .

21. И человек <i>глядит</i> кругом:
Она в момент ухода	Раскиданные лоскуты
И выкройки образчик.
22. Все <i>выворотила</i> вверх дном
Из ящичков комода.	И, <i>наколовшись</i> об шитье
С невынутой иглой,
23. Он <i>бродит</i> , и до темноты	25. Внезапно <i>видит</i> всю ее
24. <i>Укладывает</i> в ящик	26. И <i>плачет</i> втихомолку.

Стихотворение начинается в речевом режиме (наст. речевое в 1 *смотрит*, 5 *не замечает*; прош. ретроспективное в 2 *был как побег*, в 11 *была дорога*, 15 *была прибита*; буд. речевое в 18, 19, 20, т. е. это СКД). Хотя герой обозначен не 1-м лицом, а 3-м, только в последних двух строфах речевая интерпретация форм наст. времени становится невозможной, что однозначно вытекает из законов сочетаемости глагола с обстоятельством времени: фраза *Он бродит и до темноты Укладывает в ящик Раскиданные лоскуты* не допускает синхронной позиции наблюдателя, которая нужна для речевой интерпретации формы наст. времени. Обстоятельство *до темноты*, как все обстоятельства длительности с замкнутым интервалом, требует ретроспекции, а следовательно, прош. времени (см. Падучева 1989б): это трансформация в наст. нарративное фразы *Он бродил и до темноты укладывал* <...>. Аналогично, сочетание *внезапно видит* — результат нарративной трансформации сочетания с глаголом СВ прош. *внезапно увидел*, которое тоже требует ретроспективной позиции наблюдателя.

Стихотворение "Марбург" демонстрирует многократную смену режимов интерпретации временных форм. Один раз эта смена отмечена отбивкой (перед строкой *Тут жил Мартин Лютер. Там — братья Гримм*). Но если исходить из того, что в каждом фрагменте режим интерпретации должен быть какой-то один, то таких отбивок следовало бы сделать еще две (так что всего будет четыре фрагмента). Дело в том, что в отрывке

... Я сделал сейчас предложение,
Но поздно, я срейфил, и вот мне — отказ.

слово *сейчас*¹ употреблено в значении *сейчас-2* (см. главу 3), т. е. 'только что', в котором *сейчас* может употребляться только в одном режиме — в речевом. Но тогда начальный фрагмент

Я вздрагивал. Я загорался и гас.
Я трясся.

тоже должен был бы быть выдержан в речевом режиме; между тем, он может быть понят только в нарративном. Значит, между первым и вторым фрагментом происходит сдвиг точки отсчета: первый фрагмент фиксирует текстовое время (момент наблюдения), а во втором происходит переход в речевой режим, т. е. возникает момент речи².

¹ Мое внимание на это *сейчас* обратила И. Б. Левонтина.

² Вопрос о том, что это — языковая неудача или художественный прием, мы оставляем открытым. Ср. постановку этой задачи — на другом материале — в Шмелев Д. 1990.

В третьем, самом длинном фрагменте, который последовательно выдержан в нарративном режиме, используются только формы НСВ прош.: время стоит на месте, не продвигаясь вперед и не возвращаясь назад — вплоть до последней строфы этого фрагмента, где впервые появляется форма СВ прош. в составе обстоятельства времени (*Когда я упал пред тобой...*), и которое отводит время назад — к моменту получения отказа. Дальше внутренний монолог: *Как ты хороша!* и т. д. Фразы *Пропало. Отвергнуто* отсылают к сказанному ранее и не фиксируют собственных моментов текстового времени.

В последнем четвертом фрагменте речевой режим и богатая гамма времен: прош. (*Тут жил Мартин Лютер*), наст. (*И все это помнит*), буд. (*Нет, я не пойду туда завтра*). Дейктические местоимения — *тут, там* — подтверждают идентификацию режима как речевого, хотя собеседники у этого говорящего довольно плачевные: *Что будет со мною, старинные плиты?* Дальше Пастернак описывает смену событий на временном интервале от середины дня до утра следующего дня, нигде не выходя за пределы речевого режима. Ответив на вопрос "Что будет со мною?", автор переносится в то буд. время, к которому относится ответ (*Тоска пассажиркой скользнет по томам и с книжкой на оттоманке поместится*, т. е. герой поместится на оттоманке с книгой). Наст. время НСВ в последующем тексте — *Акацией пахнет и окна распахнуты* — понимается как относящееся к новой временной точке: это уже вечер. Дальше во фразе *фигуры сторожатся* наст. речевое: нельзя же заподозрить здесь нарративное преобразование формы СВ *посторонились!* Так же следует интерпретировать и *Ночь побеждает*. Наконец, в *Я белое утро в лицо узнаю* наст. речевое в моментальном значении (Leech 1975: 2). Поэт мастерски использует речевой режим для изображения последовательности событий — для чего он очень плохо приспособлен: ведь в нарративном режиме продвижение текущего момента времени вперед осуществляется с помощью формы СВ (или НСВ в значении СВ); а в речевом режиме с одним лишь наст. временем продвижение времени осуществляется неграмматическими средствами: время течет между высказываниями, каждое из которых описывает статическую ситуацию с неподвижным временем (см., однако, о динамической речевой ситуации в главе I.10).

4. Настоящее персональное в СКД

Наст. время в СКД отличается от наст. нарративного, поскольку это "настоящее" настоящее — оно обозначает наст. момент персонажа; например:

Беликов нервно засуетился. Ведь это в первый раз в жизни он *слышит* такие грубости. (Чехов. "Человек в футляре")

В принципе, наст. персональное — это наст. речевое, но с той оговоркой, что субъект речи выражен 3-м лицом. Отличие наст. персонального от наст. речевого, прежде всего, в том, что персонажи, в отличие от участников речевой ситуации, не только говорят, но и действуют. Их время движется. Поэтому в СКД формы НСВ в значении наст. персонального сво-

бодно чередуются с СВ прош., чего не было в лирических отрывках с речевым временем. Другая особенность СКД — та, что наст. момент персонажа может быть обозначен также прош. нарративным: это значит, что в игру вступает повествователь.

Речевой режим накладывает ограничение на говорящего в его ипостаси субъекта знания: говорящий знает только то, что уже было; повествователь в традиционном нарративе этим ограничением не связан; он знает будущее, он смотрит на настоящее из будущего, ср., например, в "Пиковой даме": *Эта минута решила его судьбу*³. Иначе говоря, наст. время обрекает субъект речи на ограниченное поле зрения: устраняется дистанция между действием и рассказом о нем, а без дистанции нет должной перспективы.

Наст. речевое противопоставлено в этом отношении и прош. и наст. нарративному, но не наст. персональному в СКД: персонаж в СКД не знает будущего в такой же мере, как рассказчик речевого режима, т. е. персонаж, имеющий 1-е лицо (как, например, в "Зависти" Ю. Олеси).

Употребление временных форм в СКД мы рассмотрим на примере отрывка из романа Булгакова "Белая гвардия".

Типология СКД не разработана, но ясно различаются две его разновидности. Первая — монологическая, когда последовательно выдержана точка зрения одного персонажа, воспринимающего, который в какой-то мере совмещает функции персонажа и повествователя, см. о семантике наст. времени в этой разновидности СКД в главе II.11. Другая разновидность — полифоническая, и "Белая гвардия" как раз полифонична в высокой степени. Главных персонажей несколько, и за редкими исключениями (как, например, в начале: *О, елочный дед наш, сверкающий снегом и счастьем!*), их голоса не сливаются в один, а звучат каждый по-своему. Кроме того, есть повествователь как представитель автора. И, главное, как естественно ожидать, есть игра на неоднозначности и неопределенности точки зрения. Неоднозначность составляет поэтический прием: автору требуется внимательный читатель, который задумается над неопределенностью и расшифрует загадки — такие, например, как междометие *Эх... Эх...*, принадлежащее, как выясняется со временем, Николке и играющее роль своего рода позывных радиостанции "Николка", ср. Иванов 1978: 137.

Присутствие повествователя в СКД упрощает читателю понимание временных соотношений в тексте: персонажи не в состоянии нести на себе весь груз выражения временной упорядоченности событий, особенно если их несколько. Основной временной каркас строит повествователь, а фрагменты, где побеждает персонаж, — это своего рода врезки крупным планом: повествователь на время предоставляет слово персонажу.

В СКД наст. время глаголов НСВ при обозначении статических ситуаций в актуальном и не актуальном настоящем персонажа сочетается с СВ прош. для текущих событий: формы СВ сдвигают точку актуального

³ Норма для традиционного нарратива — предположение, что к моменту рассказа о событиях они уже дошли до конца — иначе это жанр хроники. Богатейшее поприще для исследования составляют в этом плане романы Достоевского, в частности, "Бесы".

настоящего. Режим употребления видо-временных форм, при котором базовым временем является наст., обозначающее наст. момент персонажа, можно назвать персональным. Персональный режим эффективно эксплуатирует все временные формы.

Ниже мы проследим употребление времен в 1-й главке первой части "Белой гвардии".

Текст четко привязан к абсолютной хронологии — декабрь 1918 года. Отсчет текстового времени начинается с похорон матери. Персональная и повествовательная интерпретация временных форм чередуются. В 1-м абзаце прош. время и нарративный режим (*Велик был и страшен год по рождестве Христовом 1918*). Во 2-м наст. время; повествователь (*Но дни и в мирные и в кровавые годы летят как стрела*) постепенно уступает место персонажам (*О, елочный дед наш, сверкающий снегом и счастьем! Мама, светлая королева, где же ты?*). В 3-м абзаце время прош. нарративное и всезнающий повествователь (*Через год после того, как дочь Елена повенчалась с капитаном Сергеем Ивановичем Тальбергом, и в ту неделю, когда старший сын <...> вернулся на Украину в Город, в родное гнездо, белый гроб с телом матери снесли по крутому Алексеевскому спуску на Подол*), но в следующем 4-м абзаце прош. время интерпретируется уже как обоснованное речевым актом "воспоминание", т. е. это прош. персональное (*Когда отпевали мать, был май <...> Отец Александр, от печали и смущения спотыкающийся, блестел и искрился у золотеньких огней, и дьякон <...> мрачно рокотал слова церковного прощания маме, покидающей своих детей*). То же в 5-м абзаце, который начинается в прош. нарративном, а кончается внутренней речью Николки (*За что такая обида?*), который служит фокусом эмпатии автора и на протяжении следующих двух абзацев, выдержанных в прош. нарративном. Заключительное *И маму закопали. Эх... Эх!* — это по существу прямая речь.

После отбивки начинается новый фрагмент, для которого базовым временем является настоящее:

В ответ бронзовым, с гавотом, что *стоят* в спальне матери, а ныне Еленки, били в столовой черные стенные с башенным боем.

От этого наст. отсчитывается прош. с ретроспективным значением: *Покупал* [НСВ общефактическое] *их отец давно*. В начальной фразе фрагмента прош. персональное: *Много лет назад <...> изразцовая печка в столовой грела и растила Еленку маленькую...;* в заключительной — наст. персональное: *Но часы, по счастью, совершенно бессмертны*. Соответственно, и другие эгоцентрические элементы ориентированы на персонажей, ср. *по счастью*, и далее: *К ним [часам] все так привыкли, что если бы они пропали бы как-нибудь чудом со стены, грустно было бы, словно умер родной голос и ничем пустого места не заткнешь*. Тот же персональный дискурс идет до конца фрагмента.

Следующий фрагмент, который начинается словами *Но как жить? Как же жить?* (по поводу завета умирающей матери — *Дружно живите!*), целиком в наст. времени (*Турбину <...> двадцать восемь лет; и метет и метет, и не перестает; думается; не начинается; становится; воет и воет*

вьюга и т. д.), и голоса персонажей здесь окончательно заглушили повествователя.

Дальше идет буд. время — проlepsис, явное нарушение хронологии ("cataphoric reference to events that have not yet occurred in the story-world at the point of the text at which they are reported", Fleischmann 1991) — это вновь дает о себе знать повествователь:

<...> *упадут* стены, *улетит* сокол с белой рукавицы [на ковре], *потухнет* огонь в бронзовой лампе <...> А им *придется* мучиться и умирать.

Итак, общий принцип употребления времен в "Белой гвардии" — прош. и буд. нарративное для повествователя; наст. и прош. персональное для героев. Но в тех фрагментах, где голоса повествователя и персонажей смешиваются, смешиваются и режимы употребления времен. Повествователь отнюдь не уступает место персонажу, как в монологическом СКД, а, напротив, подчеркивает свое присутствие.

Нормы употребления наст. времени в СКД разные в разных языках. Так, фрагменты, выдержанные в наст. времени, в англ. переводе романа часто переходят в прош. время. Например, *Но как же жить* = But how, how were they to go on living? *Ну, думается* = Now, they thought. Русский нарратив вообще использует наст. время гораздо шире, чем английский — это касается не только СКД, но и традиционного нарратива. Объяснение, которое выводило бы этот факт из особенностей структуры языка, еще предстоит обнаружить.

Повествователь проявляет себя в "Белой гвардии", конечно, не только во времени; например, в романе описывается как наблюдаемое с близкого расстояния то, чего не могут видеть Турбины:

А в третьем от паровоза вагоне <...> вежливо и заискивающе улыбаясь, сидел Тальберг против германского лейтенанта и говорил по-немецки.

5. Время повествователя и время героя (по роману Набокова "Пнин")

Время принадлежит к числу излюбленных тем Набокова, см. Saputelli 1986. В романе "Пнин" Набоков дарит своему герою — профессору русской литературы — наблюдение над временем в "Анне Карениной" — о том, что для Анны и Вронского действие романа охватывает около четырех лет, а для Кити и Левина — с небольшим два. Роман "Пнин" позволяет сделать некоторые наблюдения, касающиеся связи времени с персонажем и возможности раздельного течения времени у персонажа и повествователя.

Фигура повествователя (поначалу экзегетического) в "Пнине" откровенно искусственна и намеренно противоречива (роман, вообще, известен своим распоясавшимся повествователем). Отметим несколько фактов, касающихся только первой главы.

1) В первом абзаце романа *сейчас*, о котором шла речь в главе II.3, раздел 5, подчеркивает присутствие повествователя в роли синхронного наблюдателя; при этом выясняется, однако, что Пнин сидел *рядом со сво-*

бодным местом напротив двух незанятых, а через несколько строк говорится: *Таким его мог бы увидеть попутчик; но если не считать солдата, севшего в одном конце, и двух женщин, занятых младенцем, в другом, Пнин был один в вагоне.* Если так, то где же помещался наблюдатель, который, судя по всему, должен видеть, в какие брюки Пнин одет и в какой позе сидит?

2) Кондуктор, с которым Пнин будет потом объясняться по поводу расписания поездов, находится в другом конце поезда и, следовательно, должен быть невидим для повествователя, поскольку тот имеет в зоне видимости Пнина. Между тем кондуктор виден повествователю так же хорошо, как и Пнин.

Получается, что повествователь и персонаж находятся как бы в несоизмеримых пространствах (что, впрочем, укладывается пока в условие нормы повествования с экзегетическим рассказчиком). Но этого мало. Оказывается, что и время повествователя протекает как бы отдельно от времени Пнина: повествователь не следует во времени за персонажем (как, скажем, Пушкин в "Пиковой даме"), а живет в своем времени. В доказательство этого положения приведем несколько фактов, касающихся семантики обстоятельств времени и частиц.

1. Течение текстового времени ориентировано на повествователя: во фразе *сейчас они во фланелевых штанах* слово *сейчас* фиксирует настоящий момент повествователя вне связи с какими бы то ни было событиями с персонажем.

2. Что значит *теперь* во фразе *Откроем теперь секрет: профессор Пнин по ошибке сел не в тот поезд?* В принципе, *теперь* значит 'после чего-то'. Но это *теперь* не может значить 'после чего-то, происшедшего с героем', поскольку пока что никаких событий с Пниным, едущим в поезде, не происходило: речь шла о 40-х годах и жизни Пнина в Европе, а современный Пнин описывается только в расширенном настоящем (*Ныне, в пятьдесят два года, он был помешан на солнечных ваннах* и т. д.), а не в актуальном. Следовательно, *теперь* тоже ориентировано на повествователя — оно значит 'после того, как повествователь рассказал то, что он рассказал'.

3. Дальше снова идут общие сведения о Пнине — о колледже, о том, что Пнин был не в ладу с вещами и т. д., — а затем второе возвращение повествователя к актуальному состоянию Пнина, опять-таки не мотивированное: *Что, впрочем, не меняет того факта, что Пнин ехал не в том поезде*, ср. наст. время *меняет* и прош. *ехал*.

4. Особенно характерно третье возвращение к актуальному Пнину: *И он все еще не знал, что сел не в тот поезд.* Это *все еще* не относится к какому бы то ни было временному интервалу диегетического мира — в этом мире время все еще не движется, поскольку в нем не произошло ни одного события; *все еще* апеллирует к времени повествователя, а именно, к временному интервалу, прошедшему между двумя последними возвращениями повествователя к актуальной ситуации в поезде.

Таким образом, получается, что повествователь не только находится в отдельном пространстве, но и имеет отдельно текущее время: это время

определяется только событиями, происходящими с ним, повествователем, и не касается персонажа.

Особый эффект связан с тем, что на данном этапе повествователь не называет себя даже местоимением 1-го лица: он не просто экзегетический, а еще и "скрывает" свое существование — только для того, чтобы, к недоумению читателя, возникнуть в качестве реального персонажа в последующих главах романа.

Глава 10

РАССКАЗ НАБОВОКОВА "НАБОР" КАК ЭКСПЕРИМЕНТ НАД ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ НОРМОЙ

Рассказ "Набор" (написанный в 1935 г.) — это одно из характерных набоковских издевательств над читателем. Впрочем, у читателя есть, чем отомстить автору, поскольку прочесть рассказ, оставшись в дураках, т. е. ровно так, как задумал автор, можно только однажды.

Рассказ, занимающий в общей сложности неполных пять страниц, делится на три части, разделенные в тексте отбивками.

В I части описывается пожилой человек, русский эмигрант (его имя — Василий Иванович — появится только во второй части), который возвращается в трамвае с похорон некоего профессора Д., погруженный в воспоминания о своей сестре, умершей несколько лет назад. Повествование характеризуется всеми возможными признаками персонального стиля, переходящего в СКД, а именно выделенным субъектом сознания и точкой отсчета для всех эгоцентрических элементов является персонаж (*нынче, в трамвае, возвращаясь с кладбища* — наст. время персонажа); экскламативы и парентезы принадлежат персонажу; и вообще, все внутренние состояния героя представлены изнутри, без посредничества повествователя, будь то в роли синхронного наблюдателя или в какой-либо еще:

...чудная, чудная душа [о сестре], на первый взгляд живущая умно, умело, бойко, но как ни странно, с удивительными просветами грусти, известной ему одному, за которые, собственно, он и любил ее так.

Здесь третье лицо легко заменяется на 1-е, поскольку это почти несобственная прямая речь.

Однако во II части неожиданно возникает местоимение 1-го лица, очевидно, принадлежащее повествователю, который, как мы теперь должны заключить, был синхронным наблюдателем всего происходившего с Василием Ивановичем в I части, хотя и не давал о себе знать. В первом абзаце II части местоимение 1-го лица появляется дважды, оба раза

в скобках, причем на второй скобке читатель начинает подозревать неладное:

Наконец (и этот момент я как раз и схватил, после чего уже ни на минуту не упускал из виду рекрута) Василий Иванович вышел.

В каком смысле повествователь называет своего героя рекрутом?

Первое вхождение в текст местоимения 1 лица, в первых скобках, еще более странно:

В трамвае <...> до самого конца уцелел <...> старый присяжный поверенный (тоже никому, кроме как *мне*, не нужный).

Раскручивая смысл, заключенный в слове *тоже*, мы заключаем: 1) что есть повествователь, которому нужен Василий Иванович (что естественно); 2) что повествователю нужен, кроме того, какой-то присяжный поверенный (личность которого останется не идентифицированной до самого конца).

Во втором абзаце II части (где Василий Иванович решает пока не возвращаться домой, а идет посидеть на скамейке в городском сквере) повествование возвращается в спокойный персональный стиль, намеченный в I части. Дейктические элементы — *недавно, вот сейчас* (в значении 'только что' — интерпретируются через героя; бессубъектное *двойное впечатление* — тоже, а уж *чувство <...> утомления, приятность* — заведомо описываются с внутренней точки зрения: субъектом сознания везде является Василий Иванович. Однако в третьем абзаце сгущаются метатекстовые элементы:

Хотелось бы *все-таки* понять, откуда оно, это счастье... Ведь *помилуйте*, человек стар¹, болен, на нем уже метка смерти.

Теперь 3-е лицо Василия Ивановича уже не поддается замене на 1-е, как это было в I части, и здесь можно предполагать присутствие повествователя: слышится, хотя пока не вполне отчетливо, голос, не принадлежащий Василию Ивановичу.

Дальше идут сведения о прошлом Василия Ивановича (сидящего в этот момент на скамейке в городском сквере), которые тоже более естественны со стороны повествователя, а не героя; впрочем, здесь был бы более уместен всезнающий повествователь, а тот, который нам представился в первом абзаце, как мы знаем, "подхватил" своего героя только что, в трамвае.

¹ Заметим, что высказывание *Человек стар* само по себе неоднозначно в отношении точки зрения: оно могло бы принадлежать "стороннему наблюдателю", но вполне уместно и со стороны нашего героя — по отношению к самому себе, но обращенное к кому-то (взгляд на самого себя со стороны), как в известном примере *Не дави живых людей, я еще не умерла*. Равным образом, *все-таки* и *помилуйте*, еще не свидетельствуют однозначно о присутствии постороннего лица. Только после того как появляется *метка смерти*, все предшествующие неоднозначности разрешаются в пользу наблюдателя. Неоднозначность точки зрения, безусловно, намеренная. Ср. неоднозначность слова *набор*, которое служит названием рассказа (в английском переводе — "Recruiting" — Набокову не удалось сохранить эту неоднозначность; впрочем, английские переводы произведений Набокова вообще, как правило, в меньшей степени рассчитывают на спонтанную сообразительность читателя).

Четвертый абзац — снова внутреннее состояние Василия Ивановича, описываемое с внутренней точки зрения. Особенно отметим вводное предложение:

...безумно боялась покойников, потому что, *как говорила*, не верила в бога.

Василий Иванович выступает в роли субъекта, эквивалентного говорящему в разговорном языке, который, пользуясь вводным оборотом, сочувственно передает чужие слова (см. о семантике вводности в главе II.6): *говорила*, что не верит в бога, сестра, а Василий Иванович принимает это за факт, который служит для него самого объяснением ее страха перед покойниками.

Но зато в пятом абзаце в полную мощь разыгрывается повествователь. Он называет себя в 1-м лице, опять-таки, только в скобках (*по моему*), но дает о себе знать с самого начала: метатекстовое *так вот* и дальше *эту сестру* — сам Василий Иванович не мог бы назвать свою сестру *этой*. Подтверждается, что вопрос об источниках счастья Василия Ивановича, поставленный в третьем абзаце, интересует повествователя, а не самого Василия Ивановича; а тогда, значит, и в третьем абзаце это был точно он. Повествователь на наших глазах конспективно суммирует свои наблюдения с целью выяснения источника "неприличного счастья" героя:

столь тяжелый, слабый, нерасторопный, что не мог ни встать с колен, ни сойти с трамвайной площадки (протянутые вниз руки милосердно склонившегося кондуктора — и, *по моему*, еще кто-то помогал из пассажиров).

Возникает "контрапункт" точек зрения: сам Василий Иванович заметил только помощь кондуктора. Теперь Василий Иванович описывается глазами внешнего наблюдателя — очевидно, того самого, который в этот момент производит свои калькуляции):

Он сидел тихо, <...> расставя широкие ляжки...

Очень существенна пейзажная зарисовка в конце II части — этот пейзаж видит, в первую очередь, повествователь, а не Василий Иванович (*Пчелы обслуживали цветущую липу над ним...*). Потом выяснится, что и Василий Иванович тоже держит какие-то элементы этого пейзажа в зоне внимания, так что Василий Иванович и повествователь составляют некоего единого наблюдателя этого пейзажа. Важно, что пока что Василий Иванович со всеми приписанными ему свойствами и состояниями — включая "неприличное", т. е. неуместное в его положении, счастье, — имеет место. Единственную точку напряжения составляет этот то возникающий то пропадающий повествователь, который является синхронным наблюдателем событий и, следовательно, неизвестно как умещается в замкнутом пространстве повествования, например, в трамвае.

Подлинное испытание ожидает читателя в III части. Здесь местоимение 1-го лица появляется в первых же строках:

...когда с ним и *со мной* случались такие припадки счастья,

причем это *я* уже никак не ограничивается ролью рассказчика-наблюдателя: начать с того, что это лицо — субъект эмоции, причем эмоция повествователя не то чтобы касалась повествуемых событий, что допустимо в традиционном нарративе (ср. *Сомненья нет: Увы! Евгений В*

Татьяну как дитя влюблен) — она преподносится читателю как факт самостоятельной значимости.

Через несколько строк загадка этого 1-го лица разрешается — читатель попадает при этом из огня да в полымя! Оказывается, что это *я* обозначает автора-создателя данного текста, так что все, что было до сих пор — не что иное как плод творческого воображения этого *я*. (Далее мы будем обозначать того, кто стоит за первым появившимся *я*, повествователя, *я-1*, а того, кто за вторым, автора-создателя, — *я-2*).

Если с появлением повествователя, при переходе от I части ко II, читатель должен был лишь скорректировать возникшую у него к этому времени картину происходящего — добавить в нее рассказчика-наблюдателя, то теперь читателю приходится полностью отказаться от всей этой картины: обнажается креативная рамка (Левин 1990), которая разрушает иллюзию реальности.

Оказывается, что в описываемом фиктивном мире данного текста нет Василия Ивановича как человека с данным именем, национальностью (и соответствующим ей мировосприятием, ср. *среди чужой берлинской тесноты* во II части), сестрой, возвращающегося с похорон: есть только человек, которого *я-1* "рекрутировал" в трамвае² и с которым рядом *я-2* сел на скамейку в сквере. Все остальные факты биографии и внутренней жизни Василия Ивановича суть создание нашего "автора" *я-2*, плод его творческого воображения:

и вот, спеша как-нибудь помрачнее и потипичнее меблировать утро Василия Ивановича, я и устроил ему эту поездку на похороны;

сестра возникла из сходства "Василия Ивановича" с общественной дамой, которую помню с детства [помнит *я-2*];

...И все это совершилось с головокружительной скоростью, потому что мне во что бы то ни стало нужно было вот такого, как он, для эпизода романа, с которым вожусь третий год.

Оказывается, далее, что не было чувства счастья у Василия Ивановича, которому посвящена II часть; оно было у "автора", нашедшего свою модель, — это было творческое счастье. К вопросу о том, почему "автор" *желал, чтобы <...> Василий Иванович разделял бы страшную силу моего блаженства*, мы еще вернемся.

Таким образом, весь текст, который мы только что прочли, вплоть до появления *я-2*, является созданием "автора" *я-2*. По аналогии со вставным рассказчиком, можно назвать "автора" *я-2* вставным автором. Главное отличие вставного рассказчика от вставного автора в том, что о существовании последнего читатель не предупрежден: до определенного момента мы принимали за фикцию первого порядка (т. е. как бы за реальность) то, что, как теперь оказывается, было фикцией второго. Вставной автор с

² На что рекрутировал "Василия Ивановича" *я-1* — не вполне ясно, поскольку роман пишет *я-2*, а не *я-1*; ср. также *был заповедно связан со мной, обреченный появиться на минуту в глубине какой-то главы, на повороте какой-то фразы* (отметим здесь аллюзию к известному месту из "Шинели" Гоголя: *не на середине строки, а скорее на середине улицы*): здесь *со мной* значит с *я-2*.

обязательностью проводит читателя через разрушение иллюзии реальности.

Когда Гоголь, в конце первой части "Мертвых душ", говорит, что боится разбудить Чичикова упоминанием его имени, возникает абсурдная ситуация:

Но мы стали говорить довольно громко, позабыв, что герой наш, спавший во все время рассказа его повести, уже проснулся и легко может услышать так часто повторяемую свою фамилию...

Такое соприкосновение реального и фиктивного мира не имеет разумной интерпретации (картина, складывающаяся из соположения текстовых и метатекстовых сущностей, противоречива). Набоков, между тем, благополучно избегает нисхождения в абсурд; дело в том, что его "автор" оказывается особого рода персонажем: он принадлежит миру вымысла, как и его рекрут. Это становится очевидно в последнем абзаце рассказа: тот, кого мы до сих пор называли "автор" *я-2*, т. е. сидевший на скамейке с "Василием Ивановичем", называется *мой представитель*³:

Мой представитель был теперь один на скамейке, и так как он передвинулся в тень, где только что сидел Василий Иванович, то на лбу у него колебалась та же липовая прохлада⁴, которая венчала ушедшего.

То *я*, от которого образовано здесь притяжательное местоимение *мой*, — это, как бы, уже *я* самого Набокова (*я-3*). Следовательно, вставной автор *я-2* — фикция; это такое же создание более высоко стоящего сознания, как Василий Иванович из I и II частей — создание вставного автора. "Автор" *я-2* — это очередной двойник настоящего автора. Если в традиционном нарративе автор имеет право на одного представителя, то здесь их три. В английском переводе рассказа (принадлежащем самому Набокову) развенчание вставного автора еще более однозначное: заключительный абзац начинается словами: *My representative, the man with the Russian newspaper.*

Двуликий персонаж *я-2* называется в 3 лице, так что его принадлежность к миру персонажей уже несомненна. Зато нарушения границы между вымышленным и реальным миром не происходит: не творец сидит на одной скамейке с героем, а два героя. Речь идет всего лишь о лингвистике: расширяется круг возможных интерпретаций местоимения *я* в нарративе.

Итак, соотношение между *я-2* и *я-3* выяснено. Посмотрим теперь на *я-1* и *я-2*. Персонаж *я-1* из II части может быть идентифицирован как рассказчик, и читатель с готовностью эту версию принимает. С другой стороны, *я-2*, который разрушает иллюзию реальности, вводится, в III части, как новое лицо:

³ Тем самым для полного понимания личности *я-2* читатель должен, вообще говоря, дойти до конца рассказа. Впрочем, теоретически в этом нет необходимости: как только субъекту *я* приписывается какой бы то ни было не метатекстовый предикат, он становится персонажем: "Any narration about oneself turns oneself into a character" (Connolly 1992).

⁴ Липовая тень или прохлада несколько раз фигурирует в рассказе — как символ мира, противопоставленного реальному — либо потустороннего, как на кладбище, либо вообще иного, в данном случае — мира вымысла (ср. Alexandrov 1991).

Рядом, на ту же <...> скамейку, сел господин с русской газетой. Описать этого господина мне трудно да и незачем, автопортрет редко бывает удачен.

И далее про "Василия Ивановича" говорится

Почему я решил, что человека, с которым я сел рядом, зовут Василий Иванович? —

как если бы у я-2 не было предшествующей совместной с Василием Ивановичем поездки в трамвае.

В конечном счете, правда, я-1 и я-2 отождествляются, но как бы нехотя: в последней сцене Василий Иванович представляется как человек, которого я сначала увидел опускаемым из трамвая и который теперь сидел рядом. Набоков заведомо не хочет, чтобы я-1 и я-2 был просто один и тот же человек, который сначала заметил "Василия Ивановича" в трамвае, а потом сел рядом с ним на скамейку. В самом деле, это должны быть разные сознания: ведь я-1 фигурирует на том этапе, когда Василий Иванович еще имеет нетронутой всю свою биографию, включая состояние счастья — я-1 интересуется только его причиной; между тем с момента появления я-2 счастья Василия Ивановича как не бывало. В то же время, свое имя этот человек имел еще в трамвае, т. е. находясь в ведении я-1, так что как минимум я-1 и я-2 должны обмениваться информацией. Между я-1 и я-2 обычное для Набокова отношение двойничества — относительно безболезненный способ преодоления абсурда, которым чревато столкновение мира реальности с миром вымысла.

Вернемся теперь к тому моменту текстового времени, когда я-2 говорит:

Почему я решил, что человека, с которым я сел рядом, зовут Василием Ивановичем?

В нашем поле зрения остались "автор" и "Василий Иванович" — пожилой человек на лавочке. С этого момента рассказ совпадает по своей композиции с картиной Вермеера Дельфтского "Художник и его модель": есть автор (входящий в картину как персонаж); есть модель (пожилой человек, сидящий рядом с ним а лавочке); и художественное полотно — это текст I и II части рассказа; в данный момент оно не должно быть видно особенно отчетливо, как и в картине Вермеера, где его загораживает собой художник. Начиная с этого момента мы ясно понимаем, что тема нашего текста отныне (а вообще говоря, и с самого начала) вовсе не судьба русского эмигранта, а "о поэте и поэзии". В тот момент, в котором мы сейчас находимся, я-2, вставной автор, рассказывает в форме Ich-Erzählung, о своих переживаниях по поводу происшедшего. Одновременно, он является синхронным наблюдателем того, что происходит с "Василием Ивановичем" дальше, т. е. выступает в роли рассказчика. Вопрос *Почему я решил <...>?* либо метатекстовый, либо обращен к читателю — в любом случае я-2 имеет на него право как рассказчик.

Иными словами, рассказ, проделав этот немислимый кульбит, как ни в чем не бывало возвращается в русло традиционного нарратива. Вставной автор, выступая в роли рассказчика, описывает нам, с одной стороны, свое состояние, а с другой — сидящего рядом "Василия Ивановича". "Василий

Иванович" теперь представлен глазами внешнего наблюдателя: что он делает, на что смотрит — обо всем этом рассказчик судит по внешним проявлениям (например: *только сновали зрочки за стеклами*); получается почти пародия на внешнюю позицию наблюдателя в смысле Успенский 1970.

Текстовое время не движется вплоть до того момента, как Василий Иванович начнет уходить. Прош. время глаголов интерпретируется как прош. нарративное — ситуация не соотнесена ни с каким настоящим моментом, которому бы она предшествовала; т. е. прош. обозначает синхронность моменту наблюдения. В частности, в прош. нарративном вставной автор описывает свои эмоции в текущий момент текста:

Какое мне было дело, что толстый старый человек, который <...> теперь сидел рядом, вовсе, может быть, и не русский? Я был так доволен им!

Ситуация настолько неабсурдная, т. е. два героя настолько приблизились друг к другу в созданной картине, что Набоков специально заботится о том, чтобы вернуть нам ощущение искусственности происходящего, напоминая, что одно из двух действующих лиц все-таки не обычный герой, а, как ни как, его, Набокова, представитель:

Василий Иванович <...> взглянул на мою газету, на мое загримированное под читателя лицо;

Мол, на самом деле я не обыкновенный читатель (газеты)⁵, а еще и писатель, который уже сочинил про него — не очень, правда, ясно, когда — данный текст (его I и II часть) и еще сочинит роман. Сомнение с точки зрения традиционных норм грамматической правильности нарратива вызывает употребление *вот*, опять-таки в скобках, при описании деревянного автомобиля, за которым следит взором Василий Иванович: (*вот упал набок, но продолжал ехать*). Дело в том, что нормальное употребление такого *вот* в контексте несов. вида требует наст. времени, ср. *вот бегают дворовый мальчик; вот парадный подъезд*. Законное употребление *вот* с прош. временем сов. вида — только в контексте действия главного персонажа, такого действия, которое сдвигает текстовое время, ср. в конце рассказа:

Вот с усилием он поднялся, выпрямился, переложил трость из одной руки в другую и <...> спокойно двинулся прочь.

И еще одно нарушение — форма наст. времени во вводном обороте: *если не ошибаюсь, навеки*. Откуда у я-2 это наст. время? Ведь до сих пор его время было прошедшее. В принципе, различие между я и он в нарративе состоит в том, что у он наст. момента нет вообще: 3-е лицо не имеет внетекстового существования; между тем 1-е лицо мы можем мыслить имеющим наст. время за пределами текста — это наст. время автора-творца. Но ведь я-2 — всего лишь вставной автор! Не стоит ли за этим наст. временем уже я-3, т. е. сам Набоков, который поднимет свое забрало в следующем абзаце?

⁵ Опять намеренная неоднозначность: *читатель газеты* и *читатель* — обычный человек, в противоположность писателю.

Как мы видим, эксперимент увенчался успехом: вставной автор, т. е. автор-творец, и он же персонаж; двойная степень фиктивности, и почти всюду этот усложненный нарратив поддается непротиворечивой семантической интерпретации. Эйхенбаум пишет по поводу метатекстовых фрагментов в "Шинели" Гоголя, что они "производят впечатление игры с повествовательной формой". Рассказ "Набор" — больше чем игра, это именно эксперимент, поиск новых возможностей трансформации речевого дискурса нарратив⁶.

Отклонения от стандартной структуры нарратива, демонстрируемые рассказом "Набор", можно сконцентрировать вокруг нескольких интересующих писателя тем:

- 1) отношение между творческим сознанием автора и образами, которые порождаются его воображением;
- 2) подход к собственному сознанию как к чужому (см. Connolly 1992);
- 3) чисто формальная тема — условности нарративного жанра и возможности их нарушения.

Тема 1 яснее всего обнаруживается в размножении субъекта речи. Традиционная фигура повествователя раздваивается: нормально, чтобы повествователь-наблюдатель был представителем настоящего автора в тексте (настоящий автор-создатель в тексте не присутствует); здесь же сначала возникает обычный повествователь, а потом появляется автор-создатель всей предшествующей части текста, который и сам в конце концов оказывается всего лишь персонажем рамочного текста.

С другой стороны, на фоне этой серии двойников автора, проходит последовательная линия намеков на то, что *я* и Василий Иванович — это одно и то же лицо или по крайней мере сходные личности:

с ним и со мной случались такие припадки счастья;

далее "Василий Иванович" и "автор" вместе являются совокупным наблюдателем пейзажа с трамваем и грузовиком во II части; наконец, отсюда идет и навязчивое желание "автора", чтобы "Василий Иванович" разделил его ощущение счастья.

Все эти намеки — тоже обыгрывание повествовательной нормы, позволяющей автору вселяться в героя, эмпатизировать ему и в той или иной степени с ним отождествляться. Разумеется, это пародия: нормально, чтобы автор разделял те чувства, которые по ходу событий испытывает герой, а здесь героя заставляют испытывать чувства, нахлынувшие на автора (правда, не без связи с героем, но в его ипостаси рекрута "на литературный фронт").

⁶ Иной опыт введения творящего автора в создаваемый текст описан в Жолковский 1992, где анализируются стихотворение Мандельштама "Я пью за военные астры" (*Я пью, но еще не придумал...*) и Бродского "Я вас любил" (*коснуться — "бюст" зачеркиваю — уст*), см. главу II.9, раздел 2. Разница между лирикой и нарративом в том, что в лирике автор "творит" в режиме наст. времени, и, подобно говорящему в разговорном языке, он имеет возможность исправлять текст по мере его создания; между тем для нарратива исходное время прошедшее; порождаемый мир дистанцирован от момента порождения текста, т. е. форма времени исключает понимание текста как порождаемого синхронно его восприятию.

Тема 2 – это игра на точке зрения, т. е. на смене дейктических номинаций одного и того же персонажа: один и тот же человек называется – в авторской речи – то в 1-м, то в 3-м лице (сюда же надо отнести находку *автопортрет редко бывает удачен*). Смена говорящего на протяжении одного текста в традиционном нарративе не допускается, см. главу II.1. Эта тема более подробно разрабатывается в рассказе "Тяжелый дым", а здесь является второстепенной. В этой связи вызывает, однако, подозрение фигура присяжного поверенного:

В трамвае <...> до самого конца уцелел еще один из бывших на кладбище – мало знакомый Василию Ивановичу старый присяжный поверенный (тоже никому, кроме как мне не нужный), и Василий Иванович некоторое время занимался вопросом, не заговорить ли с ним.

Трудно предположить, что это случайный персонаж, который в дальнейшем не работает – ведь про него прямо сказано, что он *нужен*. Внешне он походит на Василия Ивановича (ср. с выражением иронии на сильно запущенном лице), а в силу эмпатии вставного автора к Василию Ивановичу, и на вставного автора. Отождествление с я-2 объяснило бы *никому, кроме меня не нужный* – мне как автору присяжный поверенный нужен, поскольку он мой представитель, т. е. я сам. Однако предположение, что это тот самый человек, который в III части сядет на скамейку к Василию Ивановичу, т. е. "автор" я-2, но в той своей ипостаси, когда он еще изображается в 3-м лице, в котором он и появился в парке, приводит к противоречию: если присяжный поверенный – это я-2, это значит, что я-2 был на кладбище; кроме того, Василий Иванович отдаленно знаком с присяжным поверенным, но не с человеком, который сидит рядом на скамейке. Возможно, введение этой странной фигуры обусловлено желанием Набокова запутать соотношение между я-1 и я-2, с тем, чтобы у читателя заведомо не могло остаться ощущения, что он разгадал все загадки.

Теперь мы можем, сняв приемы и эксперименты над нарративной нормой, представить, как было дело. В традиционном нарративе имеются: автор, герой и представитель автора в мире героя – повествователь; повествователь может рассказывать историю из своей жизни, и тогда герой = представитель = я, что и имеет место в нашем случае (рекрут не герой, а скорее элемент пейзажа, поскольку важен только своей внешностью). В результате, тема рассказа "Набор" – как я нашел человека, подходящего по внешнему виду для *моего* романа, набросал этюд на эту тему и испытал счастье от творческой удачи.

Рассказ "Набор" представляет интерес не только как эксперимент над повествовательной нормой, но и с лингвистической точки зрения – в частности, в связи с разысканиями в области способов формализованного представления смысла текста. Рассказ наглядно показывает, насколько то, что естественно назвать смыслом текста, отлично от смысла предложения: если смысл предложения адекватно описывается статической структурой, то смысл текста – это не структура, а динамический процесс, в ходе которого одно понимание сменяется другим.

Глава 11

МОНОЛОГИЧЕСКИЙ СКД: ПРИМЕР АНАЛИЗА

В этой главе нас будет интересовать такое построение художественного произведения, когда текст выдержан в несобственной прямой речи целиком, т. е. когда можно говорить о свободном косвенном дискурсе как о повествовательной форме. Мы выбрали для анализа два рассказа Руслана Киреева — не столько по литературным, сколько по лингвистическим соображениям — они демонстрируют интересующее нас явление в чистом виде.

Типология СКД не разработана, но заведомо различаются две разновидности. Первая — монологическая, когда последовательно выдержана точка зрения одного персонажа, который в каком-то смысле совмещает функции персонажа и повествователя. Другая разновидность — полифоническая, которая представлена, например, романом М. Булгакова "Белая гвардия", см. раздел 4 главы II.9. Рассказы Р. Киреева, о которых идет речь, относятся к первой разновидности СКД.

1. Восприниматель

Типичный образец монологического СКД — рассказ "Ровно в семь у метро". Это как бы рассказ в рассказе, только место вставного рассказчика занимает персонаж, которого мы будем называть *восприниматель*: ту роль, которую в традиционном нарративе играет рассказчик, в СКД играет восприниматель. Все происходящее, прежде чем дойти до читателя, проходит сквозь сознание воспринимателя: читатель видит то, что ви-

дит восприниматель; представляет себе то, что представляется в данный момент мысленному взору воспринимающего, или то, о чем он вспоминает; слышит то, что воспринимающий думает (поскольку тот скорее не думает, а говорит про себя — существенно, какими словами он выражает свои мысли¹); и т. д. Ни одно существенное событие не происходит само по себе; читатель узнает о событиях только через реакцию, которую они вызывают у воспринимающего.

Коммуникативная ситуация, которая составляет основу СКД, — это не "повествователь — читатель", как в обычном нарративе (повествователь рассказывает, читатель слушает), а "персонаж — читатель" (персонаж проходит через последовательность внутренних состояний — ментальных, перцептивных, эмоциональных и т. п., — а читатель является их свидетелем). Однако СКД практически невозможен в чистом виде; повествователь в любом случае частично сохраняет свои позиции.

Герой-воспринимающий рассказа "Ровно в семь" — немолодая женщина (ее зовут Вера; имя выясняется не сразу, что типично для СКД), которая приехала много лет назад по вербовке в Москву и работает контролером в метро. Несложившаяся судьба, муж ее (или еще жених) пропал без вести на войне, и она так и живет одна, в маленькой комнатухе. В момент, с которого начинается отсчитываться время повествования, незадолго перед семью часами вечера, к Вере подходит товарка (она именуется Гусева), чтобы рассказать "новости" ("Володьку Опрятова с Загородней видели"); но у самой Веры все ее внимание поглощено девушкой (Вера называет ее "Цесарочка"), которая сейчас в вестибюле метро на своем обычном месте ждет молодого человека. Как мы узнаем из последующего, роман, развертывавшийся на глазах Веры, по всей видимости, идет к концу, и немудренное "действие" рассказа сводится к тому, что молодой человек не приходит на место встречи.

Все, что происходит с Верой во внешнем, событийном мире, ничтожно и неинтересно. Ее основной мир — это мир "перцептивных событий", сейчас сконцентрированных вокруг молодой девушки.

Несколько примеров, показывающих, как Вера "работает" в роли воспринимающего:

¹ В Лотман 1970: 326 обращено внимание на то, что в несобственной прямой речи не делается различия между речью и внутренней речью, т. е. мыслью: приводится отрывок из рассказа Л. Гумилевского "Фанатики" (1923), где выведен отрицательный герой мистер Хауер. "За мистером Хауером закреплен ломаный русский язык ("Здесь нэт масто политикэ"). Однако неправильность речи свойственна не только монологам героя, но и его мыслям. Внутренняя речь его передается так: *Затянув ремни, он посмотрел в зеркало <...> и подумал: «Этот страна достоин уважения».*

- (1) Расфуфыренная дамочка гневно вскинула голову. <...> Накрашенные губы приоткрылись, и оттуда выползло: "Грубьянка." *Встала на эскалатор, вниз поехала.*
- (2) "А ну-ка!" — окликнула она шмыгнувшего мимо мужчину. <...> *Загорел как негр, зубы блестят.* Вера отвернулась.
- (3) Придирчивым взглядом Вера обвела вестибюль. <...> *В стороне, у Федюшкиного лотка <...> стояла Цесарочка.*
- (4) Беспokoйно оглянулась. *Цесарочка стояла все там же, ждала.*
- (5) *На плече у Цесарочки висела замшевая сумка. Новенькая.* Прежде Вера не видела.
- (6) *Внизу прошумел очередной поезд, и не прошло минуты, наверх взлетел ангелочек со шляпой в руке.* <...> Вера глядела поверх голов, высматривая Цесарочкиного.
- (7) *А цесарочкиного нет.*
- (8) Ангелочек <...> двинулся обратно, но не один, с подружкой. *Гвоздики нюхала... Откуда, интересно, взялись они? Лишь шляпа была в руке у него, ничего больше [была — когда ехал вниз].*
- (9) На эскалатор смотрела Вера. *Черненький, в светлом плаще...* Она сжала холодный поручень. *Но нет, не он.*
- (10) *Никого что-то.*

Выделенные предложения являются описанием восприятий, а не самих событий, ясно не только из лексического контекста (*обвела взглядом, оглянулась*; ср. также *отвернулась* в (2): значит, до того — смотрела), но и из других особенностей структуры текста. Так, в (7) и (10) для утверждения отсутствия необходим субъект сознания, и это, очевидным образом, восприниматель; ср. также порядок слов в (9); опущенные подлежащие в (1), (8): подлежащее опущено, поскольку оно очевидно из контекста, в котором находится восприниматель (ситуативный эллипсис).

Оценки тоже принадлежат воспринимателю, ср. *расфуфыренная дамочка* в примере (1).

Обратимся к примерам, где развитие повествования идет через мысли и эмоциональные реакции воспринимателя. Точнее, это не мысль, а внутренняя речь. Она включает большое количество экспрессивов и диалогизмов — выражений и конструкций, которые получают свой полный смысл в речевом режиме, но допустимы и в СКД :

- (11) Приезжие — *они* замучили. То станет и стоит, как баран, то вместо пятака — *раз, гривеник* <...> Провинция! Сейчас кто только не ездит туда [на юг]! Мода. А ей *лично даром* не нужно. Она, *к вашему сведению*, жила там, когда вы еще на свет не родились (обращалась она, сердясь, неведомо к кому). <...> *пошла, толстозадая, шинель же чуть не до щиколоток. Укоротить не может!* На этот раз поднялось совсем немного, и все *почему-то* бабы. *Разъездились!*

Фраза *Ей лично даром не нужно* — это типичное *unspeakable sentence* в смысле Vanfield 1982, т. е. предложение, не возможное в речевом дискурсе

се: в речевом режиме это *лично* употребляется только в предложениях от 1-го лица, и здесь возможно лишь потому, что в СКД 3-е лицо — это, фактически, 1-е.

Любое описание явления внешнего мира в СКД погружено в ту или иную модальную рамку — эпистемическую установку субъекта сознания; соответственно, каждое высказывание имеет свой модус — это может быть восприятие, суждение, эмоциональная реакция и под. Представляет интерес модус умозаключения. В примере (12) предложения в этом модусе выделены курсивом; это заключения, которые делает, по одной ей известным признакам, восприниматель:

(12) а. В стороне <...> стояла Цесарочка. *Семь, значит.* Они всегда в семь встречаются.

б. Половина восьмого? *Скоро вестибюль опустеет.*

Последнее заключение Вера делает на том основании, что следующее время для назначенных свиданий — восемь.

Специфический модус для предложения СКД — это модус восприятия. Он проявляется в синтаксисе; так, подлежащее, если оно ясно из контекста (ясно — воспринимателю), часто опускается, ср. *Раньше всегда первым приходил; Гвоздики нюхала;* и многие другие.

Другие эгоцентрические элементы и конструкции, требующие субъекта сознания и ориентированные на воспринимателя (которые позволяют идентифицировать текст как СКД):

1) Модальности, в том числе, выраженные косвенным образом, например, в форме вопроса: *Только как она уедет отсюда?* (= 'никак не может').

2) Ирония: *Снизошла-таки [о Гусевой]! Вера улыбнулась про себя.* Упоминание об улыбке дает возможность читателю, даже непонятливому, понять, что "Снизошла-таки!" — это ирония.

3) Особый интерес представляют модусы, которые обеспечивают временные сдвиги. Пролепсис обеспечивается модусом предсказания: *Сейчас появятся;* или опасения: *Уйдет сейчас.* Вообще, форма буд. времени требует для своей полноценной интерпретации субъекта сознания, см. главу II.9. Отступ назад во времени (аналепсис, flashback) обеспечивается модусом воспоминания или представления; ср. *Раньше Цесарочкин тоже приносил цветы* — об этом Вера в данный момент текущего времени думает про себя, и одновременно, и таким образом про это узнает читатель.

Семантическая интерпретация текста в СКД требует восстановления модусов для всех СКД-предложений.

Характерная черта СКД — что эпистемические предикаты во вводном употреблении, с невыраженным субъектом, имеют подразумеваемым субъектом воспринимателя:

Сама, *знала*, расколется [Гусева];
 Как же все мы, *подумала*, врать любим!
 Откуда, *интересно*, взялись?

Знала, подумала — Вера; *интересно* — ей же.

Частица *дескать* с ее стереоскопической семантикой, исключающей употребление в традиционном нарративе, тоже находится в распоряжении воспринимателя: *Лоб наморщила* [Гусева] — *не понимает, дескать*; это Вера осознает, что Гусева делает вид, что не понимает.

Следующий пример демонстрирует совмещение сознаний:

(13) Хлопнул турникет. Гусева досадливо обернулась и — делать нечего! — пошла, толстозадая, шинель же чуть не до щиколоток.

Здесь по-прежнему ситуация подана в восприятии Веры; ее же оценка (*толстозадая*) и осуждение Гусевой за слишком длинную шинель. Но *делать нечего* выражает сожаление Гусевой. Тем самым в одной фразе совмещаются две точки зрения если не три: *досадливо* принадлежит, скорее, повествователю, чем Вере.

Обратимся к тем аспектам рассказа, которые предполагают фигуру повествователя, и к разграничению юрисдикций повествователя и персонажа. Хотя события попадают к читателю, просеянные сквозь сознание воспринимателя, за самим обозначением (в тексте) акта восприятия или речи/мысли стоит повествователь. Так, отрывки (14), (15) могли бы быть взяты и из традиционного нарратива:

(14) — Намазала рожу, — *процедила* Вера вслед.

(15) Вера глядела вверх голов, высматривая Цесарочкиного. *Даже* на цыпочки привстала.

В самом деле, *процедила* в (14) — это внешняя точка зрения; в (15) презумпции, входящие в смысл слова *даже*, осмысляются, в контексте первой фразы, повествовательской, скорее как презумпции повествователя.

Присутствие повествователя можно подозревать также во временном отступе, раскрывающем предысторию отношений "Цесарочки" с ее возлюбленным. Правда, за экспрессивы в этом отрывке может отвечать только Вера: *весь прямо-таки вытягивался; Счастливые были денечки!* И синтаксис с опущенными подлежащими тоже соответствует референциальной позиции Веры: опускаются имена персонажей, которые находятся в фокусе ее внимания. Однако модус этого отступления в таком случае не поддается идентификации: что это, воспоминание Веры? нет; рассказ незримому собеседнику? тоже нет. Конец этого пассажа окончательно обеспечивает Вере алиби: *За тяжелыми <...> стеклянными дверями здоровались, но этого Вера уже не видела.*

Трудность, с которой столкнулся автор в этом месте, имеет общий характер. Дело в том, что разные эпистемические установки в разной степени "удобны" для автора, избравшего СКД в качестве повествовательной формы: восприятия, суждения, умозаключения, предсказания персонажа-воспринимателя легко вплетаются в нить повествования, поскольку при этих модусах восприниматель находится с читателем по одну сторону эпистемического барьера — то, что должно быть ново для читателя, ново и для воспринимателя, и это естественным образом попадает в кадр повествования. Гораздо сложнее с модусом знания: в принципе, у персонажа нет оснований выкладывать свои знания без какого-либо повода. Поэтому автору приходится прилагать специальные усилия, чтобы оправдать "переклечение внимания" своего воспринимателя на какой-то участок его области знаний. Чаще всего это достигается переходом к модусу "воспоминание" или "представление". Ср. введенное в этом модусе, впрочем, довольно неуклюже, описание комнаты, где живет Вера: *И сразу вспомнила — повело вдруг — крохотную свою комнатушку.*

Обычно комнаты в нарративе описываются в модусе восприятия, например:

Проснулся он [Раскольников] желчный, раздражительный и злой, и с ненавистью посмотрел на свою каморку. Это была крошечная клетушка, шагов в шесть длиной, имевшая самый жалкий вид с своими желтенькими, пыльными и всюду отставшими от стены обоями (Достоевский "Преступление и Наказание")

Итак, мы видим, что в СКД восприниматель является представителем автора в мире текста — аналогично тому, как им служит повествователь в традиционном нарративе.

2. Время в СКД

Рассказчик в традиционном нарративе может быть главным персонажем ("Капитанская дочка") и второстепенным ("Выстрел"). То же верно и для воспринимателя в СКД. В рассказе "Неудачная попытка попасть в кафе в праздничный вечер" восприниматель является в большей степени главным героем и в меньшей — перцептивной рамкой для вставного рассказа. В "Неудачной попытке" пропорции между СКД и традиционным повествованием еще более сдвинуты в сторону СКД, по крайней мере в начале. Здесь в полную меру реализован типичный для СКД прием, апеллирующий к модусу знания воспринимателя, о котором уже шла речь: описываются внутренние состояния персонажа, которые являются реакцией на какие-то события, причем эти события составляют содержание его нынешних переживаний, и описываются только переживания, а как было

дело и что же произошло, восприниматель знает, а читатель должен догадаться по отдельным штрихам и намекам.

Если в "Неудачной попытке" убрать прием (состоящий в подаче событий через сознание воспринимающего), то раскрывающееся содержание достаточно банально. Пожилые любящие супруги — Лидия Алексеевна (Л.А.) и Иван Матвеевич (И.М.) — договорились со своей замужней дочерью и зятем, что те будут "встречать праздник" в их доме, а в последний момент, когда уже сделаны все приготовления, договоренность отменяется, и И.М., чтобы скрасить обиду, приглашает жену в кафе; поход оканчивается неудачей, поскольку советское кафе, как нам хорошо известно, — было предприятием не для слабых нервов.

Воспринимаемым является, опять-таки, женский персонаж. Даже там, где речь идет о внутренних состояниях И.М., их формулирует за него Л.А., поскольку они в каком-то смысле являются и ее собственными:

... помнишь пятьдесят второй [год], всю ночь гуляли? [Это как бы говорит Л.А.; на самом деле она переживает сказанное ранее] Он снисходительно гмыкал. Что ему пятьдесят второй, он и сейчас хоть куда — кавалер, всерьез озабоченный тем, как поинтереснее развлечь даму.

Эта идея трансляции внутреннего состояния от внешнего персонажа к воспринимаемому эксплицируется в конце рассказа: *Спиной чувствовала она насмешливые взгляды безмолвной молодой очереди, но не своей спиной — его.* Приходит на ум *...и плачу вашей слезой* из оперы Чайковского "Пиковая дама".

Внутренняя речь персонажа "оформляется" как обычная речь, ср. характерные для разговорной речи повторы (а), неполные предложения и компенсирующие добавки (б), предваряющие местоимения (в):

- (1) а. *Сами себе* осложняем жизнь. *Сами себе.*
Зачем понадобилось им туда, *зачем?*
Она выдержит, она, женщина, многое *выдержит*.
- б. И все это время суетились как пчелы. *И он и она.*
- в. Но теперь *что*, теперь помалкивай!

Начало рассказа все построено на недомолвках. Первые фразы: *Для нее это не было неожиданностью.* [Что "это"?] *Давно она опасалась в глубине души, что в последний день дети раздумают.* [Что дети раздумают делать?] Переживания героини сосредоточены на телефонном звонке, но сперва неясно, как он локализован во времени, поскольку вообще неясна временная и пространственная локализация событий, породивших те внутренние состояния героини, которые нам демонстрируются. Планомерное течение времени начинается с фразы, содержащей слово *сейчас*, которая, в конце концов, фиксирует начальный момент t_0 текстового времени: *Ну что бы, например, не сказать сейчас: "Ваня, ты ведь из-за меня пере-*

живаешь..."². Теперь выясняется, что вся только что предъявленная читателю цепь внутренних состояний героини (когда текстовое время не двигалось, поскольку ни каких актуально происходящих событий не происходило) имеет место под дождем, когда Л.А. и И.М. идут в кафе, и касается того, что, предшествовало выходу из дому. С момента, фиксированного этим *сейчас*, течение времени входит в обычное русло нарративного режима.

Нарративное использование формы НСВ прош. времени выводит на арену повествователя: за фразой *Лидия Алексеевна ускоряла шаг* с неизбежностью возникает синхронный наблюдатель. Дальнейшее развитие событий во времени обеспечивается обычным чередованием форм СВ и НСВ с повествователем в роли наблюдателя. Обратим внимание на фразу *Дважды вплюхивалась [в лужи]*: в соответствии с общим правилом (см. Падучева 1989а, Барентсен 1992), наречие, выражающее определенную кратность действия (*дважды*), требует ретроспективной точки отсчета, и, следовательно, эту фразу надо понимать так, что оба "вплюхивания" к этому моменту уже произошли, но фиксировались только задним числом.

В рассказе есть еще один фрагмент с необоснованной ретроспекцией: Л.А., погрузившись было в размышления о смерти, обрывает себя: *Прочь, Прочь! Беспечно заговорила о чем-то — кажется, об иллюминации*. Вводное *кажется* в данном контексте может означать только 'сейчас не помню точно, о чем', и это лишает читателя иллюзии, что он является прямым свидетелем сменяющих друг друга во времени обнаженных перед ним внутренних состояний воспринимателя: возникает модус воспоминания — по отношению к одному из событий, включенных в последовательную цепь, все остальные звенья которой имеют синхронный модус.

Спецификой СКД является употребление формы наст. времени для обозначения наст. момента персонажа, см. главу II.9 раздел 4. Наст. время в СКД принципиально отлично от настоящего нарративного (так наз. наст. исторического). Форма наст. времени в СКД понимается в значении близком к речевому — она обозначает одновременность ситуации настоящему моменту персонажа:

- (2) Не о себе, о ней *печется*, развлечь и отвлечь *норовит* [Л.А. интерпретирует действия И.М. в текущий момент текстового времени]

Употребления наст. времени в рассказе можно разделить на два класса.

² Временной анализ должен начинаться с установления начального момента текстового времени, см. об этом, например, Toolan 1992: 63. Так, для романа Набокова "Пнин" этот момент — сцена в поезде, которая относится к 1950 году; затем повествователь возвращает нас к пребыванию Пнина в Европе в 1924 году, к его детству, и т. д.

1) Наст. время употребляется в контексте, где состояние воспринимающего описывается через прямое цитирование его внутренней речи, т. е. в контексте неповествовательного предложения с той или иной маркированной иллокутивной функцией:

- (3) Ну что ж, их право;
- (4) Лично она ничего, но вот старый Иван Матвеевич... ;
- (5) <Танечка звонила — кто же еще? — сказала, что, к сожалению, не смогут, потому что...> Но какая разница — почему <...>!
- (6) Что ему пятьдесят второй [год], он и сейчас хоть куда — кавалер, всерьез озабоченный тем, как поинтереснее развлечь даму.

Здесь синтаксическая структура предложения такова, что другое время просто невозможно; наст. время принадлежит персонажу, который вытеснил повествователя в его роли субъекта речи.

2) В наст. времени ставится глагол, который обозначает статическую ситуацию — либо вписанную в контекст повествования, либо в расширенном настоящем, либо вневременную. В этом значении наст. время конкурирует с формой НСВ прош. повествователя, которая тоже может описывать статическую ситуацию, имеющую место в данный момент текущего времени. Выбор грамматического времени здесь до некоторой степени свободен, и иногда форму НСВ наст. можно заменить на НСВ прош. и наоборот. Можно думать, что прош. нарративное, употребленное в этом контексте, маркирует присутствие повествователя, а настоящее — победу персонажа. Так, форма прош. времени в контексте фразы

- (7) А ведь всего четыре года разница между ними

означала бы взгляд со стороны и появление на сцене повествователя: (*А ведь всего четыре года была разница между ними*). С наст. временем фраза звучит как размышление героини. Еще пример, где наст. можно заменить на прош. с тем же эффектом:

Трудно поверить, но с годами они все больше *стесняются* друг друга.

В (8) употреблено НСВ прош. — в узуальном значении; но наст. время тоже возможно — с той же разницей в значении:

- (8) Она *чувствовала* это всякий раз, когда *обижали* его.

С другой стороны, в (9), с НСВ узуальным, равно как и в (10), где НСВ обозначает устойчивое состояние, которое относится не только к прошлому, но и к будущему, прош. время сомнительно:

- (9) Он всякий раз *делает вид*, что не усматривает в этом ничего особенного;
- (10) Ребята *обожают* их [пончики с кремом].

Замена прош. на наст. невозможна, если состояние в данный момент текущего времени текста противопоставлено его отсутствию в какой-то иной; так, в (11) замена на наст. была бы возможна, если бы не ограничитель *в былые годы неведомой*:

(11) Однако эта стеснительность, которая разве что молодым к лицу, не *разъединяла* их, а *рождала* ощущение слитности, в былые годы неведомой.

В примере (12) заведомо предпочтительно отсутствие связки и, следовательно, наст. время:

(12) Хотя ей уж совсем ни к чему [*было] это кафе;

Может и ему ни к чему [*были] ее воскресные, скажем, завтраки;

У него [*были] сухие [ноги], а раз так, сообразит разве, что у кого-то могут быть мокрые?

Интересна форма наст. времени *молчит* в отрывке (13), который является прямым продолжением (5):

(13) И что уж оттягивать теперь? Впрочем, она ведь тоже *молчит*, не спрашивает ни о чем, будто ей и дела нет до "загадочного" звонка.

Здесь нет экспрессии — восприниматель просто описывает свое состояние; так что форма прош. времени не исключена. По-видимому, наст. время выражает синхронность состояния 'молчит' тому начальному моменту t_0 текстового времени, который возникнет через несколько фраз (форма *молчала* означала бы молчание в прошлом, в момент сразу после звонка). Тогда фрагменту (5) *Танечка звонила* надо приписать модус 'сейчас Л.А. переживает свою тогдашнюю догадку'.

Поскольку форма наст. часто употребляется в значении персонального настоящего, форма прош. времени несомн. вида, может пониматься — в СКД это более естественно, чем в традиционном нарративе — в значении персонального прошедшего, т. е. в значении предшествования наст. моменту персонажа. Так, в первой фразе рассказа (*Для нее это не было неожиданностью*) *не было* значит 'не явилось' — в момент, предшествующий данному, настоящему. Будущее время тоже отсчитывается от наст. момента персонажа:

(14) Ну что ж, мы и одни посидим.

Итак, мы видим, что повествователь — с его прош. нарративным — обязательно пропадает в тех предложениях, которые выражают экспрессию или какой-то другой речевой акт воспринимателя с маркированной иллокутивной функцией (*Ну что ж, их право!*), и обязательно выходит на поверхность в тех фрагментах текста, которые дают взгляд на воспринимателя со стороны (*Лидия Алексеевна ускоряла шаг*). В тех фрагментах, где выбор времени свободный, как в (4), наст. означает точку зрения персонажа, а прош. несомн. свидетельствует о присутствии повествователя.

Общее заключение состоит в том, что в СКД, даже в его монологической разновидности, присутствует два сознания: повествователь не исчезает полностью; он может не иметь отдельной идеологической позиции, но сохраняет темпоральную: в наст. времени персонаж в СКД виден (и "слы-

шен") читателю непосредственно; между тем вторжение повествователя с его прош. временем отдаляет описываемую ситуацию от читателя.

Наш анализ показывает, что помимо тех семантических связей в тексте, которые уже известны — референциальных, коннекторных, временных и проч., — при анализе СКД следует принимать во внимание связи между подразумеваемыми модусами воспринимателя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как пишет Г. А. Гуковский, "всякое изображение в искусстве образует представление не только об изображенном, но и — <...> не менее отчетливое — об изображающем" (Гуковский 1959: 200). Для словесного искусства это верно в большей мере, чем для любого другого, поскольку вытекает из самой природы языка: эгоцентричность — ориентация на говорящий субъект — заложена многообразными способами в структуру языка; без ориентации на говорящего субъекта язык не обладал бы своей уникальной и удивительной способностью с помощью весьма ограниченных средств достаточно точно и однозначно описывать бесконечные в пространстве и во времени реальные и нереальные миры. Разнообразные способы, которыми говорящий отображает себя в языковом тексте, лишь относительно недавно стали предметом внимания в лингвистике. Однако сейчас лингвистика уже накопила в этой области достаточный материал. Он и был положен в данной работе в основу изучения нарратива.

Итак, мы занимались проблемами нарратива, которые концентрируются вокруг понятия говорящего субъекта — сходствами и различиями между повествователем в нарративе и говорящим в разговорном дискурсе. Итоги работы можно рассматривать в двух аспектах: с точки зрения самой лингвистики и в плане задач изучения художественного текста. Начнем с лингвистики.

В естественном языке выявляется мощный пласт слов и конструкций, которые мы называли эгоцентрическими, поскольку их семантика ориентирована на фигуру говорящего. Обращение к нарративу дает возможность описывать семантику эгоцентрических элементов языка в более широкой сфере употребления, а именно, позволяет добавить к канонической коммуникативной ситуации обычного речевого общения неканоническую — условную, дефектную, иногда нарочито усложненную, искусственную, которая возникает между автором и читателем в нарративе. Проек-

ция на такую ситуацию позволяет увидеть в эгоцентрических элементах языка новые аспекты их значения. Особое нарративное значение эгоцентриков представлено в работе как порождаемое неканоничностью соответствующей коммуникативной ситуации.

Центральную роль в работе играет понятие режима интерпретации эгоцентрического элемента. Исходной для нас была оппозиция, введенная Бенвенистом — между планом повествования и планом дискурса. Но режим не то же, что план: у Бенвениста весь текст целиком должен относиться к одному плану; между тем режимы интерпретации могут на протяжении текста меняться, см. примеры в главе II.9. Более того, в одном и том же предложении разные эгоцентрики могут быть ориентированы на разных субъектов; возникает необходимость обращения к понятию контекстуализации эгоцентрического элемента (в духе Лайонза и Филлмора) — контекстуализация касается уже индивидуального эгоцентрика отдельно от остальных.

Понятие режима интерпретации позволяет расширить концептуальный аппарат, необходимый для описания регулярной многозначности: режим интерпретации — это новый параметр контекста, который ранее не принимался во внимание. Смена режима интерпретации меняет референциальную опору эгоцентрического элемента, не меняя его значения. Понятие режима интерпретации позволяет дать семантическое объяснение большому пласту языковых фактов — от варьирования частно-видовых значений до употребления времен во вводных предложениях.

Была предложена классификация эгоцентрических элементов (по нескольким признакам) и показана релевантность полученных классов для структуры нарратива.

1) С точки зрения роли, которую выполняет говорящий в толковании, эгоцентрические элементы делятся на такие, которые предполагают говорящего в роли субъекта речи, субъекта сознания, субъекта восприятия, субъекта дейксиса. Субъект сознания никак не ущемляется неполноценностью коммуникативной ситуации, так что слова и конструкции, которые предполагают говорящего в роли субъекта сознания, переходят из разговорного дискурса в нарратив без семантической деформации. Иначе обстоит дело с говорящим как субъектом дейксиса: автор нарратива может выражать свои оценки так же, как говорящий; но он не может идентифицировать объекты или участки времени/пространства опираясь на свою пространственно-временную позицию, поскольку он, в отличие от канонического говорящего в разговорном дискурсе, отделен от своего высказывания — в изображаемом мире ему нет места.

2) По степени определенности, с которой эгоцентрические элементы ориентированы в своей контекстуализации именно на участников речевого акта, они делятся на первичные (*итак, вот такой*) и вторичные (*вдруг, появиться*): первичные употребляются исключительно с акторечевой интерпретацией; вторичные отличаются меньшей жесткостью. В разговорном дискурсе вторичные эгоцентрики характеризуются тем, что допускают, помимо акторечевой, также и синтаксическую интерпретацию (т. е. контекстуализуются через субъект подчиняющего предложения). В нарративе, даже в аукториальной форме, вторичные эгоцентрики допускают персональную интерпретацию (ориентированную на персонажа); этим они отличаются от первичных, которые контекстуализуются в традиционном нарративе только через повествователя.

Между первой и второй классификацией есть внутренние связи, хотя и не однозначные: эгоцентрик с имплицитным субъектом речи всегда первичный; с субъектом сознания или наблюдения — всегда вторичный; но эгоцентрик с субъектом дейксиса может быть и первичный и вторичный.

Противопоставление первичных и вторичных эгоцентриков было продемонстрировано Ю. Д. Апресяном на материале дейксиса. Оказалось, что сфера применения этого противопоставления может быть гораздо более широкой. Например, пресуппозиции, которые могут иметь субъектом не только говорящего, но и синтаксически подчиняющий субъект, всегда были предметом недоумения (например, фраза *Учитель признался, что даже он решил эту задачу с трудом* приписывает самому учителю презумпцию о том, что его собственные затруднения удивили его больше, чем чужие). Теперь слова и категории с такими пресуппозициями просто попадают в широкий и достаточно хорошо описанный класс вторичных эгоцентрических элементов. Другое явление, которое "встает на свое место", попадая в класс вторичных дейктических элементов, — это широко распространенное в русском языке относительное употребление времен.

Поведение эгоцентрического элемента в разговорном дискурсе (например, допустимость синтаксической интерпретации) в значительной мере предсказывает его поведение в нарративе, т. е. возможность текстовой — анафорической — интерпретации. Однако вторичный и нарративный дейксис — это все-таки не одно и то же (ср. иную точку зрения в Lyons 1978, Апресян 1986а). Различие между синтаксической и нарративной интерпретацией эгоцентрика можно сравнить с различием между рефлексивизацией и анафорой.

3) Основными семантическими подклассами эгоцентрических элементов являются дейктические и модальные (большая часть эгоцентриков

попадает в один из этих подклассов, но есть конструкции, которые допустимы только в речевом режиме употребления языка, хотя не могут быть отнесены ни к дейксису, ни к модальности — например, автокоррекция: *Я видел ее вчера — нет, позавчера*, пример из Vanfield 1982). Изучение эгоцентрических элементов с модальным значением только начинается. Четкое определение таких классов как экспрессивный эгоцентрический элемент (в противоположность нейтральному); диалогический (в противоположность монологическому) остается задачей на будущее. Ясно, что толкование диалогического элемента включает не только фигуру говорящего, но и фигуру адресата (ср. *правда?* = 'не так ли? Подтверди'; *Разве?* = 'Я не думаю, что это так, а ты?'). Но не предполагает ли понятие говорящего само по себе наличия адресата? Надо думать, однако, что слова *я* и *здесь* в меньшей степени имплицитуют, соответственно, *ты* и *там*, чем наоборот. Тогда, следовательно, они менее диалогичны.

Одной из задач данной работы было исследование аналогии между дейксисом и субъективной модальностью. Изучение всех шифтеров в единой системе — прежде всего, подход к модальности под углом зрения дейксиса как более изученной категории эгоцентриков — оказалось продуктивным. Параметры, возникающие при изучении дейксиса, были перенесены на модальность, в частности, противопоставление первичный/вторичный эгоцентрик. Еще на заре структурной лингвистики привлекали к себе внимание пары типа *завтра — на следующий день, скоро — вскоре* и под., в которых первое слово дейктическое, а второе — анафорическое. Аналогичные пары существуют и в сфере модальности. Есть выражения, которые можно употребить только в косвенной речи — например, *ни в какую* (*Я его уговариваю, а он ни в какую*); в прямой речи (про самого себя) надо сказать *Ни за что!*

Типологии нарративных форм посвящено большое число исследований. Понятие повествовательной формы носится в воздухе, но еще не получило общего признания (ср. термин "тип повествования" в Кожевникова 1994). Из классических исследований на эту тему в русской традиции наиболее насыщенные материалом (такие как Виноградов 1980; Гукковский 1959) посвящены исключительно традиционному нарративу. В последние годы интерес к нетрадиционным формам нарратива резко возрос, что увеличивает потребность в обобщающем понятии.

Мы остановились на термине повествовательная форма, поскольку он уже начал появляться в литературе (ср. Манн 1992). Можно предложить в качестве варианта термин *коммуникативная форма* (повествования, стихотворения и, вообще, любого текста), поскольку лингвистическая характеристика трех основных форм основывается именно на предпола-

емой ими коммуникативной ситуации. Преимущества этого термина станут еще более очевидными, если принять во внимание также лирическую форму (где в коммуникативную ситуацию включен адресат), используемую не только в лирике, но спорадически также и в нарративе; так называемое *Du-Erzählung* — это деформированная лирическая форма.

Одна из главных языковых категорий при изучении нетрадиционных повествовательных форм — несобственная прямая речь. До сих пор эта категория была предметом внимания, в основном, литературоведов, см., в первую очередь, Волошинов 1930 (в Грамматике 1954 есть глава о несобственно-прямой речи, написанная В. Д. Левиным, но позднее эта тема выпала из поля зрения академической грамматики). В нашей работе структура НПР описана заново; выявлена конституирующая роль вводности в генезисе несобственной прямой речи. Вводность рассматривается как та синтаксическая ступенька, по которой повествователь сходит со сцены, уступая место (или, если пользоваться метафорой Бахтина, свой голос) персонажу.

В работе привлечено внимание к одному из не замеченных ранее аспектов связности текста — это связность на уровне модусов (модальных рамок). Связный текст — это не последовательность предложений, а структурно организованная совокупность речевых актов. Выявлена роль иллюкутивных и метатекстовых показателей в механизме связности текста, которая стала рельефно вырисовываться в самые последние годы благодаря работам Анны Вежбицкой.

Теперь о нарративе в аспекте поэтики (или, если воспользоваться неудачным термином из Morson, Emerson 1990, "прозаики"). В работе дано лингвистическое обоснование понятию повествовательной формы. Дана характеристика двух основных форм, в наибольшей степени различных по своим лингвистическим параметрам — традиционный нарратив (аукториальная форма по Ф. Штанцелю) и свободный косвенный дискурс, языковую основу которого составляет несобственная прямая речь. Перволичный нарратив (*Ich-Erzählung*) привлекает меньше внимания как форма более близкая к разговорному языку и потому более ясная.

Чтобы определить повествовательную форму в лингвистических терминах, достаточно охарактеризовать ее по двум параметрам:

- 1) какие эгоцентрики допустимы в данной форме;
- 2) в чьем распоряжении они находятся, т. е. кто в произведении данной формы замещает говорящего.

А именно, в традиционном нарративе (имеется в виду основной корпус, повествование, — лирические отступления имитируют каноническую ситуацию общения и в счет не принимаются) диалогические эгоцентрики

не употребляются — только собственно эгоцентрические; при этом первичные эгоцентрики контекстуализуются только через повествователя. В свободном косвенном дискурсе употребляются все виды эгоцентрических элементов, включая экспрессивные и диалогические, как в перволичной форме; и все они могут находиться в распоряжении персонажа. Свободный косвенный дискурс порождает невиданную в обычном языке фигуру — говорящего в 3-м лице.

Различительную роль при идентификации повествовательной формы играют только первичные эгоцентрики: вторичные употребляются во всех формах и везде имеют преимущественно персональную интерпретацию (т. е. контекстуализуются через персонажа), хотя повествовательная интерпретация для них тоже не исключена.

Более точные определения повествовательных форм (и выявление более тонких формальных свойств единиц, характеризующих каждую из них) оказались возможны благодаря обращению к теории речевых актов. Внимание к иллокутивному компоненту содержания предложения позволило внести ясность в проблематику типологии чужой речи. Подтверждена необходимость различения СКД и цитирования (которые не различались в Волошинов 1930). Цитирование лучше всего понимать в самом обычном значении слова: цитирование — это вкрапление элементов речи, принадлежащих персонажу, в речь повествователя (и, вообще, слов одного субъекта в речь другого). При цитировании слова персонажа оторваны от его речевого акта; в НПР этого соединения разных голосов в одном высказывании нет.

Опровергнуто положение, которое было в полемически заостренной форме высказано в Vanfield 1982, — о том, что в СКД пропадает повествователь: доказано присутствие повествователя в любом СКД с прош. нарративным в качестве базового времени. А именно, форма прош. времени в СКД не может быть объяснена иначе как присутствием повествователя: для персонажа время происходящих с ним в данный момент событий настоящее — и никакое другое.

Одним из стимулов для данной работы послужил упрек Бахтина (в адрес "структурной", т. е. "непрагматической", лингвистики) в неразличении предложения и высказывания и в пренебрежении высказыванием вообще. В последние два десятилетия формальный аппарат высказывания был разработан в лингвистике достаточно основательно. Тем самым оказалось возможным придать точный смысл бахтинским метафорам — *голос*, *диалог* и другие. Одна из таких ценных метафор — *оправа*. Бахтин говорит о том, что в высказывании предложение вставлено в оправу совершенно

иной природы. Оправа — это речевой акт, в контексте которого употреблено предложение.

Существенно было осознать, что в связном тексте оправы разных предложений соединены в единый *каркас*. Формальным аналогом бахтинского понятия диалога могло бы быть понятие метатекстового каркаса текста (в духе работы Wierzbicka 1971/1978). Вежицка говорит о необходимости разделения двух гетерогенных компонентов — текста и метатекста. Можно, однако, пойти дальше и поставить вопрос о метатекстовой структуре текста. В принципе, анализ текста должен выявить его метатекстовый каркас.

Речь идет об отдельном аспекте связности текста, который до сих пор не принимался во внимание. И В. В. Виноградов (1980), и Г. А. Гуковский (1959) исходили из того, что структура текста определяется единством стоящего за ним сознания, и это было, с очевидностью, сознание повествователя: только о повествователе Гуковский говорит как о "носителе оценок, носителе разума, понимания изображенного"; "образ носителя сочувствия или неприязни, носителя внимания к изображаемому" — это все только повествователь. Т. е. речь шла о едином сознании, единой точке зрения, "которая определяет весь состав изображенного в произведении" (с. 200). В нашей работе показаны языковые средства, через которые текст отражает не только сознание повествователя, но и сознание персонажей. Одно, уже упоминавшееся, — это вторичный дейксис. Другое — несобственная прямая речь, со всеми ее лингвистическими атрибутами. В свободном косвенном дискурсе монологического типа персонаж-восприниматель просто подменяет повествователя. Что же касается полифонического СКД, то в нем разные сознания сосуществуют, и чтобы понять текст, нужно обнаружить метатекстовый каркас, который соединяет разные проявления этих сознаний в некую единую композицию.

Непосредственную ценность для анализа литературного произведения должно представлять возникшее в лингвистике недавно, но набирающее силу понятие наблюдателя. Семантический анализ фигуры говорящего выделяет в качестве одной из ролей говорящего роль субъекта наблюдения. Так возникает одна из ипостасей говорящего — наблюдатель. Наблюдатель имеет непосредственное отношение к важному противопоставлению сцена vs. сводка (*scene vs. summary* по Friedman 1955): сцена отличается от сводки тем, что предполагает непосредственного наблюдателя происходящего, который для сводки необязателен. В классическом перволичном нарративе весьма часты нарушения правдоподобия, связанные с тем, что рассказчик не может быть непосредственным свидетелем сцены,

которую он описывает. Выразительные примеры на этот счет обнаружил Гуковский (1959: 217) у Гоголя в "Старосветских помещиках", ср.:

<...> на лице ее [Пульхерии Ивановны] *выразилась* такая глубокая, такая сокрушительная сердечная жалость, что я не знаю, мог ли бы кто-нибудь в то время глядеть на нее равнодушно.

Не исключено, что Гоголь не против этого нарушенного правдоподобия и что здесь (как и во многих других местах) идет игра на рассказчике à la Набоков¹. Нам важно подчеркнуть, что сейчас обнаружение такого рода фактов уже не требует никакой особой "литературоведческой проницательности": наблюдатель выявляется в тексте обычным семантическим анализом. Так, присутствие наблюдателя в примере выше предсказывается лексической семантикой слова *выразиться*.

Мы продемонстрируем предлагаемый лингвистический подход к анализу композиции текста на "классическом" объекте литературоведения — рассказе И. А. Бунина "Легкое дыхание". Выготский (1968) мастерски раскрыл существо примененного Буниным приема — разрушение "фабульного материала", прежде всего, временных связей между событиями. При этом, как говорится в Жолковский 1992: 151 — на наш взгляд справедливо, — бунинскую повествовательную технику в этом рассказе нельзя назвать модернистской. Почему? Какие отступления от естественной временной последовательности нормальны для традиционного нарратива, а какие воспринимаются как модернизм?

Ниже приведена диаграмма течения времени, подобная тем, которыми мы пользовались в главе II.10, но более сжатая: ее компонентами служат не отдельные видо-временные формы, а целые повествовательные блоки. Короткие временные интервалы соответствуют событиям или сценам; более длинные — сводкам. Диаграмма отражает взаимную упорядоченность только смежных временных интервалов. Возвраты в прошлое не упорядочены между собой — их упорядоченность, скорее всего, и структурно нерелевантна.

¹ Например, такой же противоречивый — уже не в перцептивном, а в идеологическом плане — образ рассказчика в "Повести о том, как поссорились...": на протяжении всей повести он являет собой миргородского обывателя, а в конце оборачивается болельщиком за род человеческий и произносит "Скучно на этом свете, господа!" (Гуковский 1959: 222).

Временная схема рассказа, конечно, необычна: продвижения текстового времени вперед на протяжении повествования не происходит вообще; рассказ заканчивается на том самом моменте текстового времени, с которого начался. Однако временная схема — это не единственный вид структурных отношений в тексте: главную роль в рассказе играют модусные связи.

Блоки, из которых состоит рассказ, имеют каждый эксплицитный модус. Каждая часть представляет собой либо суммарное изложение событий (сводку), либо сцену. Сцена, как было сказано, отличается тем, что требует наблюдателя — им может быть повествователь или герой (возможно, оба). Сводка не требует наблюдателя, хотя и не исключает: в принципе, субъект, в любой из своих четырех испостасей, может быть везде.

1. **На кладбище** (сцена). Здесь один субъект — повествователь. Он отчетливо виден в роли наблюдателя, а также и субъекта сознания; например, он является субъектом весьма нетривиальной положительной

эмоции (*новый крест из дуба, крепкий, тяжелый, гладкий, такой, что на него приятно смотреть*): кому приятно, если не повествователю? Базовое время рассказа — наст. речевое.

2. **Гимназические годы Оли Мещерской** (суммарное изложение от лица повествователя). Здесь наблюдателя не требуется. "Толки" пересказывает повествователь.

3. **У начальницы** (сцена, которая начинается словами *ее неожиданно позвали к начальнице* и из которой читатель узнает о "падении"). Наблюдателем и воспринимателем в этой сцене является уже не только повествователь, но и сама Оля Мещерская. Она же подразумеваемый субъект упомянутого *неожиданно*. Нельзя не заметить, что в этой сцене она является не только объектом эмпатии повествователя, но и симпатии автора (вопреки Выготскому).

4. **Убийство** (суммарное изложение от лица повествователя): *А через месяц <...> застрелил ее на платформе вокзала.*

5. **Рассказ казачьего офицера** (суммарное изложение от лица офицера).

6. **Дневник** (суммарное изложение от лица Оли Мещерской).

7. **Классная дама Оли Мещерской**. Это сцена, но, так сказать, в "наглядно-примерном" ключе, что типично для нарратива, использующего в качестве базового времени настоящее²: все события представлены как повторяющиеся. Наблюдателем является повествователь, который неотступно следует за персонажем в каждом из его монотонно повторяющихся действий (*а потом, когда проберешься среди луж под стеной монастыря и повернешь налево, увидишь...*).

8. **Прошлое классной дамы** (суммарное изложение от лица повествователя).

9. Продолжение блока 7: **классная дама на могиле Оли Мещерской**.

В части 10 вводится, в модуле воспоминания классной дамы, подслушанный ею **разговор о легком дыхании**.

11. **Ветер**:

легкое дыхание снова рассеялось в мире <...> в этом холодном весеннем ветре.

Цель нашего анализа — показать, что несмотря на все "искусные прыжки рассказа" (Выготский 1968: 202), он строго укладывается в рамки традиционного нарратива. Гуковский (1959: 209) говорит по поводу некоего второсортного писателя 30-х годов XIX века, что он "легко и без моти-

² Ср., например, в романе Олеши "Зависть": *Он моется как мальчик, дудит, приплязывает, фыркает <...> Полощет горло он с клеветом. Под балконом останавливаются люди и задирают головы. <...> Утром он пьет два стакана холодного молока: достаёт из буфета кувшинчик, наливает и пьет, не садясь.*

вировок переходит от одного героя к другому, перескакивая через время и пространство". У Бунина все путешествия повествователя в пространстве и времени строго мотивированы сцеплением соответствующих модусов. Нет ни одного необоснованного перескока во времени: аналепсис в частях 2 и 8 — это отход назад в прошлое "вдоль по персонажу"; аналепсис в 5, 6 и 10 объясняется тем, что это, соответственно, рассказ, дневник и воспоминание.

Смена персонажа при переходе от 6 к 7 компенсируется тем, что новый персонаж — классная дама — попадает на уже введенное ранее место и время. Ср. начало этой части: *Город за эти апрельские дни стал чист, сух* — эта фраза возвращает повествование во время и место, к которому относится начало рассказа (*Апрель, но дни серые*).

В рассказе богатое многоголосие — Оля Мещерская отражается в целой гамме голосов, в том числе, ее дневник, воспоминание классной дамы о подслушанном разговоре с подругой, "толки", заявление казачьего офицера судебному следователю, размышления классной дамы — *и как совместить с этим чистым взглядом то ужасное, что соединено теперь с именем Оли Мещерской* — и проч. Но каждый голос вводится с помощью эксплицитной модальной рамки, и этими рамками виртуозно манипулирует повествователь. Он показывает события глазами (и сознаниями) разных людей, но всегда из своих рук. Целостность композиции обеспечивается единством стоящего за текстом сознания — это сознание повествователя. Именно эти структурные свойства рассказа создают у нас ощущение традиционного нарратива. Те нормы, нарушение которых могло бы восприниматься как модернизм, здесь строго соблюдены.

В качестве примера модернистского повествования мы рассмотрим рассказ Набокова "Круг"³.

Как и у Бунина, начало и конец рассказа относятся к одному и тому же моменту времени и одному и тому же месту: это парижское кафе, конец 20-х годов. Основное же содержание рассказа касается России и времени гораздо более раннего — оно подано в форме воспоминаний, в которые погружается герой, сидя в кафе после случайной встречи, уже в эмиграции, с женщиной, которую он девочкой знал в России.

Сцена в кафе разорвана на две части, которые, немотивированным образом, достигают читателя в порядке обратном хронологическому. Это дает рассказу его замечательное начало —

Во-вторых, потому, что в нем разгорелась бешеная тоска по России. Тем самым о событии, которое послужило толчком для погружения героя в глубины его памяти, мы узнаем только в последнем абзаце:

³ Мое внимание к этому рассказу привлекла Маргарита Ди Челье.

Перейдя через площадь, он вошел в кафе, заказал напиток, привстал, чтобы вынуть из-под себя свою же задавленную шляпу. Какое ужасное на душе беспокойство...

Но еще более интересный модернистский прием в рассказе — это регулярное вмешательство повествователя, тоже немотивированное, в представленное нам сознание (*represented consciousness* по Есперсену) героя.

Модус воспоминания введен эксплицитно, что является большим подарком для читателя:

...он вспомнил прошлое со стеснением сердца, с грустью <...> Все это прошлое поднялось вместе с поднимающейся от вздоха грудью.

Воспоминания — это естественный повод для обращения к свободному косвенному дискурсу. И действительно, формальные показатели СКД здесь обнаруживаются в большом количестве: несобственная прямая речь (*и Боже мой, как он их всех ненавидел*); диалогические элементы, в которых герой выступает как 1-е лицо, будучи формально 3-м:

Да, он чувствовал себя суровым плебеем;

во фразе *До какой глубины спускаешься, Боже мой!* 2-е лицо — это уже почти 1-е. Модус воспоминания всячески подчеркивается; так, иногда перечисляются не события, а только образы, всплывающие в сознании героя, например:

— а если еще углубиться, можно вспомнить, как снесли старую школу в конце села и построили новую. *Закладка, молебен на ветру, К. Н. Годунов-Чердынцев, бросающий золотой, монета в л и п а е т ребром в глину <...>.*

Однако в этот поток воспоминаний то и дело врывается посторонний голос. Этот голос не поддается никакой непротиворечивой атрибуции. В некоторых случаях его можно интерпретировать как взгляд — оценивающий — героя на себя в прошлом из настоящего (т. е. из кафе), например:

В ранней юности Иннокентий охотно верил рассказам (*идиотическим*) о его [Годунова-Чердынцева] дорожных наложницах.

Но этот голос называет себя на *мы*, а значит, это может быть только сознание, отдельное от третьеличного героя⁴; скорее всего, это повествователь — которому, однако, нет места в потоке сознания героя (точнее — не было бы в традиционном нарративе):

⁴ Один из приемов в модернистской литературе состоит в расшатывании принципа самождества субъекта речи (иначе — тождества точки зрения) на протяжении текста. Именно так истолкован в Успенский 1994: 244 следующий отрывок из стихотворения Хлебникова "Немогичей и немичей..." (на который в свое время обратил внимание Р. О. Якобсон), где происходит смена субъекта речи в пределах одной фразы:

"О, пощади меня, панич",
Но тот "не можем" говорю.

он вспомнил прошлое, с грустью — с какой грустью? да, с грустью, еще недостаточно исследованной нами;

не забудем, кроме того, чувств известной части нашей интеллигенции, презирающей всякое неприкладное естествоиспытание;

она быстро шагала, в высоких зашнурованных сапожках, <...> хлеща себя — чем? — кажется, кожаным поводком по синей в складку юбке.

В последнем примере вопрос *чем?* может задавать и вспоминающий герой сам себе, но скорее это тот самый повествователь, который только что подбирал эпитеты к грусти. Можно даже предположить, что повествователем является сам герой, который на ходу облакает свои воспоминания в рассказ; но это не спасет положения. Игра на неоднозначной интерпретации, несомненно, сознательная.

Множественность интерпретаций — это то, что роднит великий литературный шедевр с рядовым абсурдом. Выготский (1968) приводит несколько десятков интерпретаций шекспировского "Гамлета" — разных объяснений противоречивости поведения героя. Но множественность семантических интерпретаций сродни отсутствию одной какой бы то ни было последовательной интерпретации, т. е. абсурду. Основой для поиска новых интерпретаций является в конечном счете противоречивость текста. Во всяком случае наличие одной прямой интерпретации уменьшает тексту шансы быть интересным.

Таким образом, в "Круге" можно видеть два отступления от норм традиционного нарратива: одно — это нарушение повествователем границ чужого сознания; другое — неопределенность личности повествователя.

Средняя часть рассказа — описание обеда у Годуновых-Чердынцевых — дана целиком с внешней точки зрения, причем смена повествовательной формы — переход от СКД к традиционному нарративу и передача управления эгоцентрическими элементами в руки повествователя — оформлена торжественно:

После этого были еще другие случайные встречи, а потом ... Ну-с, пожалуйста: жарким днем в середине июня ...

Жарким днем в середине июня по сторонам дороги размашисто двигались косари, <...> "Бог помощь", сказал Илья Ильич, проходя; <...> Иннокентий молча шагал рядом, вращая ртом (лушил семечки).

В этой части повествователь открыто выступает в роли непосредственного наблюдателя событий; так, о куске пирога, свалившемся от неловкого движения Иннокентия под стол, этот голос заявляет, в скобках: (*там его и оставим*). В конце повествователь снова сходит со сцены, и опять доминирующим субъектом сознания, речи и восприятия остается герой; но теперь это уже не воспоминания, а события, разворачивающиеся в актуальном времени:

и он все дивился, что и Таня и ее мать не поминают покойного и так просто говорят о прошлом, а не плачут навзрыд, как ему, чужому, хотелось плакать — *или может быть держали фасон?* [вопрос героя] Появилась [восприятие героя] бледная, темноголовая девочка лет десяти.

Далее до конца рассказа идет СКД (ср. *Странно: дрожали ноги. Вот какая потрясающая встреча*) — обычный, если не считать того, что последняя фраза начинается с *во-первых*, а чтобы дойти до *во-вторых* и *в третьих*, надо вернуться, по кругу, в начало рассказа.

Так же как нарратив позволяет яснее понять значение разговорных элементов языка, модернизм ярче вырисовывает то, что служит нормой для традиционного повествования. Но это уже другая тема.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Адр	— адресат
акт.	— актуально-длительное значение несов. вида
буд.	— будущее (время)
Г	— говорящий
дв.	— двунаправленное значение несов. вида
дскр.	— дескриптивное значение несов. вида
Д	— действие
ИГ	— именная группа
КР	— косвенная речь
МН, ↑	— момент наблюдения
МР, •	— момент речи
наст.	— настоящее (время)
нерез.	— нерезультативное значение несов. вида
несов. вид	— несовершенный вид
НПД	— несобственно-прямой дискурс
НПР	— несобственно-прямая речь
НСВ	— несовершенный вид
Об	— объект
прош.	— прошедшее (время)
ПР	— прямая речь
ППУ	— предикат пропозициональной установки
ПУ	— пропозициональная установка
ПУ-глаголы	— глаголы пропозициональной установки
ПУ-предикаты	— предикаты пропозициональной установки
рез.	— результативное значение несов. вида
р.а.	— речевой акт
сов. вид	— совершенный вид
С	— слушающий
Сб	— субъект
СВ	— совершенный вид
СКД	— свободный косвенный дискурс
ТО	— точка отсчета
факт.	— общефактическое значение несов. вида
Ipft	— глаголы imperfectiva tantum
Pft	— глаголы perfectiva tantum
t ₀	— начальный момент текстового времени
t _f	— момент достижения итогового состояния
ι	— йота-оператор (оператор дескрипции)
ρ (S)	— итоговое состояние ситуации S
⊃	— знак логического и семантического следования: A ⊃ B = из A следует B
]	— знак отрицания
> и <	— отношение включения между временными интервалами: a > b — a включает b; a < b — a включено в b.
⇒	— знак преобразования
Интонационные пометы:	<ul style="list-style-type: none"> ↘ — главное фразовое ударение, каденция ↗ — второстепенное ударение, антикаденция \\ и // — контрастные ударения ∪ — знак безударности — граница тоновых групп

В угловые скобки <> заключается текстовый контекст.

В квадратные скобки [] заключаются метатекстовые пояснения и ситуативный контекст.

ЛИТЕРАТУРА¹

Ссылки на литературу в тексте оформлены следующим образом: фамилия автора (авторов), год выхода работы, иногда также страница. При ссылках на западные работы, переведившиеся на русский язык, могут быть указаны, через косую черту, два года — год выхода оригинала и год выхода перевода, например: Vendler 1967/1982. Страницы в таких случаях указаны по русскому переводу. Например, Church 1956/1960: 345 означает, что английский оригинал вышел в 1956 г., перевод — в 1960-м, и ссылка дана на 345-ю страницу русского перевода. Если такая работа цитируется по оригиналу (что в ряде случаев оказывалось предпочтительнее), то ссылка дается сокращенно, т.е. в ней указывается только год выхода оригинала. Например, Austin 1962: 158 означает, что английский оригинал вышел в 1958 г., и именно на него (конкретнее, на страницу 158 оригинального издания) и дается ссылка. При расшифровке таких сокращений в списке литературы они оформлены также через косую черту, например, Austin 1962/1974.

* * *

- Авилова 1976 — *Авилова Н. С.* Вид глагола и семантика глагольного слова. М.: Наука, 1976.
- Апресян 1974 — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. М.: Наука, 1974.
- Апресян 1978 — *Апресян Ю. Д.* Языковая аномалия и логическое противоречие. — В кн.: *Tekst. Język. Poetyka. Zbiór studiów.* Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk: Ossolineum, 1978, с. 129—151.
- Апресян 1978 — *Апресян Ю. Д.* Языковая аномалия и логическое противоречие. — В кн.: *Tekst. Język. Poetyka.* Wrocław ets.: Ossolineum, 1978, р. 129—151.
- Апресян 1980а — *Апресян Ю. Д.* Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели "Смысл ⇔ Текст". Wien, 1980.
- Апресян 1980б — *Апресян Ю. Д.* Принципы семантического описания единиц языка. — В кн.: *Семантика и представление знаний.* Тарту, 1980. (Уч. зап. Тартуского ун-та, № 519).
- Апресян 1985а — *Апресян Ю. Д.* Принципы описания значений граммем. — В кн.: *Типология конструкций с предикатными актантами.* Л., 1985, с. 61—65.
- Апресян 1985б — *Апресян Ю. Д.* Синтаксические признаки лексем. — "Russian linguistics", 1985, vol. 9, № 2—3, с. 289—317.
- Апресян 1986а — *Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. — В кн.: "Семиотика и информатика", вып. 28, М., 1986, с. 5—33.

¹ В составлении библиографии принимал участие С. А. Крылов.

- Апресян 1986б — *Апресян Ю. Д.* Перформативы в грамматике и в словаре. Известия РАН. Серия лит-ры и языка, т. 45, № 3, 1986, с. 208–223.
- Апресян 1988а — *Апресян Ю. Д.* Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке. — В кн.: Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. М., 1988, с. 57–78.
- Апресян 1988б — *Апресян Ю. Д.* Языковые аномалии и точки роста новых явлений. — В кн.: Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Всесоюзная школа-семинар “Боржоми-88”. Тезисы докладов и сообщений. Москва, 1988, с. 263–270.
- Арутюнова 1976 — *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976.
- Арутюнова 1980 — *Арутюнова Н. Д.* Сокровенная связка. Известия РАН. Серия лит-ры и языка, т. 39, 1980, N 4.
- Арутюнова 1981 — *Арутюнова Н. Д.* Фактор адресата. Известия РАН. Серия лит-ры и языка, т. 40, 1981, N 4, с. 356–377.
- Арутюнова 1982 — *Арутюнова Н. Д.* Лингвистические проблемы референции. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике, вып. 13. М.: Прогресс, 1982, с. 5–40.
- Арутюнова 1983 — *Арутюнова Н. Д.* Тождество или подобие? — В кн.: Проблемы структурной лингвистики 1981. М.: Наука, 1983, с.3–22.
- Арутюнова 1988 — *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Атарова, Лескис 1980 — *Атарова К. Н., Лескис Г. А.* Семантика и структура повествования от третьего лица в художественной прозе. — “Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка”, 1980, т. 39, № 1.
- Барентсен 1992 — *Барентсен А.* Об обстоятельствах ограниченной кратности действия в русском языке. Часть I. — *Studies in Slavic and general linguistics*, v. 17, Amsterdam 1992, 1–66.
- Бахтин 1972 — *Бахтин М.* Проблемы поэтики Достоевского. — М., 1972.
- Бахтин 1979 — *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. — 360 с.
- Бенвенист 1974 — *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. — М., 1974.
- Богуславский 1985 — *Богуславский И. М.* Исследования по синтаксической семантике. М., 1985.
- Бондарко 1971 — *Бондарко А. В.* Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971. — 239 с.
- Бондарко 1983 — *Бондарко А. В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л.: Наука, 1983. — 208 с.
- Бондарко 1990 — *Бондарко А. В.* (отв. ред.). Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990.
- Бондарко, Буланин 1967 — *Бондарко А. В., Буланин Л. Л.* Русский глагол. Л., 1967.
- Булаховский 1954 — *Булаховский Л. А.* Русский литературный язык первой половины XIX века. М., 1954.
- Булыгина 1980 — *Булыгина Т. В.* Грамматические и семантические категории и их связи. — В кн.: Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980, с. 320–355.
- Булыгина 1981 — *Булыгина Т. В.* О границах и содержании прагматики. Известия РАН, Серия лит-ры и языка, т. 40, 1981, N 4, с. 333–342.
- Булыгина 1982 — *Булыгина Т. В.* К построению типологии предикатов в русском языке. — В кн.: Семантические типы предикатов. // Отв. ред. Селиверстова О. Н. М.: Наука, 1982, с. 7–85.
- Булыгина 1990 — *Булыгина Т. В.* Я, ты и другие в русской грамматике. — В кн.: *Res philologica*. Филологические исследования. Памяти акад. Г. В. Степанова. М.; Л., 1990, с. 111–126.

- Булыгина, Шмелев 1987 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. О семантике частиц *разве* и *неужели*. — "НТИ", сер. 2, № 10, 1987, с. 23–30.
- Булыгина, Шмелев 1989 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Ментальные предикаты в аспекте аспектологии. — В кн.: Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов, М.: Наука, 1989, с. 31–54.
- Булыгина, Шмелев 1990 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Аномалии в тексте: проблемы интерпретации. — В кн.: Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М., 1990, с. 94–106.
- Булыгина, Шмелев 1994 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Оценочные речевые акты извне и изнутри. — В кн.: Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994, с. 49–59.
- Вежбицка 1968 — Вежбицка А. наброски к русско-семантическому словарю. — НТИ, сер. 2, 1968, № 12, с. 23–28.
- Виноградов 1947 — Виноградов В. В. Русский язык. М.; Л., Учпедгиз, 1947.
- Виноградов 1976 — Виноградов В. В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976.
- Виноградов 1980 — Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980.
- Винокур 1990а — Винокур Г. О. Филологические исследования. Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1990.
- Винокур 1990б — Винокур Г. О. Я и ты в лирике Баратынского. — В кн.: Винокур Г. О. Филологические исследования. М., Наука, 1990, с. 241–249.
- Волошинов 1930 — Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. — Ленинград, 1930.
- Выготский 1968 — Выготский Л. С. Психология искусства. М.: Искусство, 1968, 576 с.
- Гаврилова 1975 — Гаврилова В. И. Особенности семантики, синтаксиса и морфологии глаголов присоединения. — Семиотика и информатика, вып. 6. М., ВИНТИ, 1975, с. 144–164.
- Гаспаров 1990 — Гаспаров М. Л. Композиция пейзажа у Тютчева. — В кн.: Тютчевский сборник. Таллинн: Ээсти Раамат, 1990, с. 5–31.
- Гловинская 1982 — Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М.: Наука, 1982. — 155 с.
- Гловинская 1983 — Гловинская М. Я. О соотношении частных видовых значений с главными значениями видов. — В кн.: Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках. М.: Наука, 1983.
- Гловинская 1986 — Гловинская М. Я. Теоретические проблемы видо-временной семантики русского глагола. Автореф. докт. дисс. — М.: 1986.
- Гловинская 1989 — Гловинская М. Я. Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм. — В кн.: Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. — М.: Наука, 1989.
- Грайс 1985 — Грайс Г. П. Логика и речевое общение. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985, с. 217–237.
- Грамматика 1954 — Грамматика русского языка. Том 2. Синтаксис. Часть 1. М.: Изд-во АН СССР, 1954, 703 с. — Часть 2. М.: Изд-во АН СССР, 1954, 444 с.
- Грамматика 1952/1960 — Грамматика современного русского литературного языка: т. I. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1960; т. II. Синтаксис. М.: Наука, 1954
- Грамматика 1980 — Русская грамматика. Т. 1–2. М.: Наука, 1980.
- Гуковский 1959 — Гуковский Г. А. Реализм Гоголя. М.; Л.: ГИХЛ, 1959.
- Дмитровская 1988 — Дмитровская М. А. Знание и мнение: образ мира, образ человека. — В кн.: Арутюнова Н. Д. (отв. ред.). Логический анализ языка. Знание и мнение. М., Наука, 1988, с. 6–17.
- Долинин 1985 — Долинин К. А. Интерпретация текста. М.: 1985. — 288 с.

- Достоевский 1957 — *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений. Т. 6. Идиот. М.: ГИХЛ, 1957.
- Жолковский 1992 — *Жолковский А. К.* Блуждающие сны. М., 1992. — 430 с.
- Жолковский 1995 — *Жолковский А. К.* Philosophy of composition. — В кн.: Жолковский А. К. Инвенции. М.: Гендальф, 1995, с. 45–56.
- Зализняк 1967 — *Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967.
- Зализняк, Падучева 1974 — *Зализняк А. А., Падучева Е. В.* О контекстной синонимии единственного и множественного числа существительных. — Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. М.: ВИНТИ, 1974.
- Зализняк 1978 — *Зализняк А. А.* Краткий русско-французский словарь. М.: Русский язык, 1978.
- Зализняк 1983 — *Зализняк Анна А.* Семантика глагола *бояться* в русском языке. — "Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка", 1983, т. 42, № 1.
- Зализняк 1987 — *Зализняк Анна А.* О типах взаимодействия семантических признаков. — В сб.: Экспериментальные методы в психолингвистике. М., 1987.
- Зализняк 1990 — *Зализняк Анна А.* О понятии "факт" в лингвистической семантике. — Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М., 1990.
- Зализняк 1992 — *Зализняк Анна А.* Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. Мюнхен, 1992, 201 с.
- Зализняк 1995 — *Зализняк Анна А.* Опыт моделирования семантики приставочных глаголов в русском языке. — Russian linguistics, v. 19, 1995, p.143–185.
- Зализняк, Падучева 1982 — *Зализняк А. А., Падучева Е. В.* Семантические явления в высказываниях от 1-го лица. — В кн.: Finitis duodecim lustris. Сб. статей к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. Таллинн: Ээсти раамат, 1982.
- Зализняк, Падучева 1987 — *Зализняк Анна А., Падучева Е. В.* О семантике вводного употребления глаголов. — В кн.: Вопросы кибернетики. Прикладные аспекты лингвистической теории. М., 1987, с. 80–96.
- Золотова 1973 — *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973.
- Золотова 1982 — *Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 368 с.
- Иванов 1978 — *Иванов Вяч. Вс.* Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М.: Радио и связь, 1978. — 184 с.
- Иванов 1979 — *Иванов Вяч. Вс.* Категория определенности — неопределенности и шифтеры. — В кн.: Категория определенности — неопределенности в славянских и балканских языках. М.: Наука, 1979, с. 90–118.
- Иванчикова 1979 — *Иванчикова Е. А.* Синтаксис художественной прозы Достоевского. — М., 1979.
- Иоанесян 1993 — *Иоанесян Е. Р.* Классификация ментальных предикатов по типу вводных ими суждений. — В кн.: Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993, с. 89–95.
- Иорданская 1970 — *Иорданская Л. Н.* Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства. — В кн.: Машинный перевод и прикладная лингвистика, вып. 13. М.: МГПИИЯ, 1970.
- Исаченко 1960 — *Исаченко А. В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким, ч. 2. — Братислава: Изд-во Словацкой АН, 1960, 577 с.
- Квятковский 1966 — *Квятковский А. П.* Поэтический словарь. М., 1966.
- Кжижкова 1967 — *Кжижкова Е.* Адвербиальная детерминация со значением места и направления. — Вопросы языкознания, 1967, № 2.
- Киселева, Пайар, Разлогова 1994 — *Киселева К. Л., Пайар Д., Разлогова Е. Э.* Конечно, или "чужая правда". — "Русистика сегодня", 1994, № 1, с. 74–77.

- Князев 1989 — *Князев Ю. П.* Акциональность и статальность: их соотношение в русских конструкциях с причастиями на *-н*, *-т*. München: Otto Sagner, 1989. — 271 S. (= Specimina philologiae slavicae, Bd. 81)
- Ковтунова 1953 — *Ковтунова И. И.* Несобственно-прямая речь в русском литературном языке. — Русский язык в школе. — 1953, № 2.
- Ковтунова 1986 — *Ковтунова И. И.* Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986.
- Кожевникова 1994 — *Кожевникова Н. А.* Типы повествования в русской литературе XIX—XX вв. Москва, 1994. — 335 с.
- Козинцева 1991 — *Козинцева Н. А.* Временная локализованность действия и ее связи с аспектуальными, модальными и таксисными значениями. Л.: Наука, 1991.
- Кошмидер 1962 — *Кошмидер Э.* Очерк науки о видах польского глагола. — В кн.: Вопросы глагольного вида. М.: Изд-во иностр. лит., 1962, с.105—167.
- Крейдлин 1983 — *Крейдлин Г. Е.* О некоторых особенностях синтаксического поведения предикатов с сентенциальными актантами. — Семиотика и информатика, вып. 21, М., 1983, с. 76—88.
- Крейдлин, Падучева 1974 — *Крейдлин Г. Е., Падучева Е. В.* Взаимодействие ассоциативных связей и актуального членения в предложениях с союзом *А*. — Научно-техническая информация, сер. 2, 1974, № 9, 10.
- Кронгауз 1984 — *Кронгауз М. А.* Тип референции именных групп с местоимениями *все*, *всякий* и *каждый*. — В кн.: Семиотика и информатика, вып. 23. М.: ВИНТИ, 1984, с. 107—123.
- Крылов 1984а — *Крылов С. А.* Категория детерминации в безартиклевом языке: теоретические проблемы. — В кн.: Семиотика и информатика, вып. 23. М.: ВИНТИ, 1984, с. 124—154.
- Крылов 1984б — *Крылов С. А.* К типологии дейктических систем. — В кн.: Лингвистические исследования. Типология. Диалектология. Этимология. Компаративистика. Часть I. М.: Наука, 1984, с. 138—148.
- Крылов, Падучева 1992 — *Крылов С. А., Падучева Е. В.* Общие вопросы дейксиса. — В кн.: Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992, с. 154—194.
- Кузнецов 1949 — *Кузнецов П. С.* К вопросу о *praesens historicum* в русском литературном языке. — Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. Вып. 8, 1949.
- Курилович 1962 — *Курилович Е.* Деривация лексическая и деривация синтаксическая. — В кн.: Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962, с. 57—70.
- Кустова 1994 — *Кустова Г. И.* Глаголы изменения: процесс и наблюдатель. — НТИ, сер. 2, 1994, № 6.
- Кустова, Падучева 1994а — *Кустова Г. И., Падучева Е. В.* Словарь как лексическая база данных. — Вопросы языкознания, 1994, № 3.
- Кустова, Падучева 1994б — *Кустова Г. И., Падучева Е. В.* Перформативные глаголы в неперформативных употреблениях. — В кн.: Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1994, с. 30—37.
- Левин 1970 — *Левин Ю. И.* Об одной группе союзов русского языка. — Машинный перевод и прикладная лингвистика, М.: 1970, вып. 13.
- Левин 1981 — *Левин Ю. И.* Об особенностях повествовательной структуры и образного строя романа В. Набокова "Дар". — Russian Literature IX (1981), p. 191—230.
- Левин 1990 — *Левин Ю. И.* Биспациальность как инвариант поэтического мира В. Набокова. — Russian linguistics, XXVIII, 1990, p. 45—124.
- Лобанова, Степанова 1973 — *Лобанова Н. А., Степанова Л. В.* Употребление видов глагола. М.: Изд-во МГУ, 1973.
- Лотман 1970 — *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. М., 1970.

- Лотман 1988 — *Лотман Ю. М.* В школе поэтического слова. Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М.: Просвещение, 1988, с. 107—123.
- Манн 1992 — *Манн Ю. В.* Об эволюции повествовательных форм (вторая половина XIX в.). Изв. Академии Наук. Серия литературы и языка, т. 51, № 1, 1992.
- Маслов 1948 — *Маслов Ю. С.* Вид и лексическое значение глагола в русском языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1948. — Т. 7, № 4, с. 303—316.
- Маслов 1965 — *Маслов Ю. С.* Система основных понятий и терминов славянской аспектологии. — В кн.: Вопросы общего языкознания. Л.: 1965, изд-во ЛГУ.
- Маслов 1973 — *Маслов Ю. С.* Универсальные семантические компоненты в содержании грамматической категории совершенного/несовершенного вида. — Советское славяноведение, 1973, № 4, с. 73—83.
- Маслов 1975 — *Маслов Ю. С.* Русский глагольный вид в зарубежном языкознании последних лет. — Вопросы русской аспектологии. Воронеж: Гос. Воронежский педагогический ин-т, 1975, с. 28—47.
- Маслов 1984 — *Маслов Ю. С.* Очерки по аспектологии. Л., 1984. — 263 с.
- Мельчук 1974 — *Мельчук И. А.* Опыт теории лингвистических моделей "Смысл ⇔ Текст". Часть 1. Семантика, синтаксис. М.: Наука, 1974. — 314 с.
- Мельчук 1985а — *Мельчук И. А.* Семантические этюды. I. "Сейчас" и "теперь" в русском языке. — "Russian linguistics", vol. 9, № 2—3, 1985.
- Мельчук 1985б — *Мельчук И. А.* Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. — Wien, 1985.
- НЗЛ—XIII — Новое в зарубежной лингвистике, вып. XIII. Логика и лингвистика. М.: Радуга, 1982.
- НЗЛ—XVI — Новое в зарубежной лингвистике, вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985.
- Николаева 1983 — *Николаева Т. М.* Функциональная нагрузка неопределенных местоимений в русском языке. Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1983, т. 4, № 4, с. 342—353.
- Николаева, Седакова 1994 — *Николаева Т. М., Седакова И. А.* Ценностная ориентация клишированных речений в русской речевой коммуникации. — *Revue des études slaves*, LXVI/3, 1994, p. 607—625.
- Падучева 1967 — *Падучева Е. В.* Международная конференция по семиотике в Польше. — НТИ, сер. 2, 1967, № 2.
- Падучева 1969 — *Падучева Е. В.* Семантический анализ отрицательных предложений в русском языке. — Машинный перевод и прикладная лингвистика, вып. 12. М.: 1969, с. 5—35.
- Падучева 1974 — *Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса. М.: Наука, 1974. 292 с.
- Падучева 1977 — *Падучева Е. В.* Понятие презумпции в лингвистической семантике. — "Семиотика и информатика", вып. 8, М., 1977, с. 91—124.
- Падучева 1982а — *Падучева Е. В.* Значение и синтаксические свойства слова *это*. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики 1980. М.: Наука, 1982, с. 76—91.
- Падучева 1982б — *Падучева Е. В.* Прагматические аспекты связности диалога. — Изв. АН СССР. ОЛЯ, т. 41, № 4, 1982.
- Падучева 1982в — *Падучева Е. В.* Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла. — "Семиотика и информатика", вып. 18. М., 1982, с. 76—119.
- Падучева 1984 — *Падучева Е. В.* О семантических связях между басней и ее моралью (на материале басен Эзопа). — В кн.: Паремнологические исследования. М.: Главная редакция восточной литературы, 1984, с. 223—251.
- Падучева 1985а — *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985.
- Падучева 1985б — *Падучева Е. В.* Семантические типы ситуаций и значение *всегда*. — В кн.: Семиотика и информатика. Вып. 24. М.: ВИНТИ, 1985.

- Падучева 1986а — *Падучева Е. В.* Семантика вида и точка отсчета. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка, т. 45, 1986, № 5, с. 413–424.
- Падучева 1986б — *Падучева Е. В.* О референции языковых выражений с непредметным значением. — НТИ, сер. 2, 1986, № 1.
- Падучева 1987 — *Падучева Е. В.* Слова, подчиняющие косвенный вопрос: список или семантический класс? — В кн.: Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. Тезисы докладов рабочего совещания. М.: Институт языкознания, 1987.
- Падучева 1988 — *Падучева Е. В.* К семантической классификации временных детерминантов предложения. — Язык: система и функционирование. — М.: Наука, 1988.
- Падучева 1989а — *Падучева Е. В.* К поискам инварианта в значении глагольного вида: вид и лексическое значение глагола. — НТИ, сер. 2, № 12, 1989.
- Падучева 1989б — *Падучева Е. В.* О семантике грамматических категорий времени и вида в повествовательном тексте. В кн.: Семиотика и информатика, вып. 29, М.: ВИНТИ, 1989.
- Падучева 1989в — *Падучева Е. В.* Идея всеобщности в логике и в естественном языке. — Вопросы языкознания, 1989, № 2, 15–25.
- Падучева 1990 — *Падучева Е. В.* Субъективная модальность и синтаксическая неподчинимость. — In: Z. Saloni (ed.). *Metody formalne w opisie języków słowiańskich.* Białystok, 1990, p. 91–108.
- Падучева 1991а — *Падучева Е. В.* Говорящий: субъект речи и субъект сознания. — В кн.: Логический анализ языка. Культурные концепты М.: Наука, 1991, с. 164–169.
- Падучева 1991б — *Падучева Е. В.* Отпредикатные имена в лексикографическом аспекте. — НТИ, сер. 2, 1991, № 5, с. 21–31.
- Падучева 1992а — *Падучева Е. В.* К сочетаемости обстоятельства времени с видом и временем глагола: точка отсчета. — НТИ, сер. 2, 1992, № 3, с. 34–40.
- Падучева 1992б — *Падучева Е. В.* Таксономическая категория и формат толкования глагольной лексемы — Haenelt K. S., Wanner L. (eds.) *International workshop on the Meaning — Text Theory.* Darmstadt, 1992.
- Падучева 1993 — *Падучева Е. В.* Говорящий как наблюдатель: об одной возможности применения лингвистики в поэтике. — "Изв. РАН. Сер. лит. и языка", т. 52, 1993, № 3, с. 33–44.
- Падучева 1994 — *Падучева Е. В.* Таксономические категории глагола и семантика видового противопоставления. — "Семиотика и информатика", вып. 34, М., 1994, с. 7–31.
- Падучева 1995 — *Падучева Е. В.* В. В. Виноградов и наука о языке художественной прозы. — Изв. РАН. Серия лит. и языка, т. 54, 1995, № 3, с. 39–48.
- Перцов 1994 — *Перцов Н. В.* Лингвистические заметки о поэме А. С. Пушкина "Домик в Коломне". — Знак. Сборник статей по лингвистике, семиотике и поэтике. — М.: Русский учебный центр, 1994, 278–297.
- Пешковский 1938 — *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.
- Плунгян 1988 — *Плунгян В. А.* О некоторых свойствах грамматических оппозиций. // НТИ, 10, 1988, с. 18–22.
- Поспелов 1957 — *Поспелов Н. С.* Несобственно-прямая речь и формы ее выражения в художественной прозе Гончарова 30–40-х годов. — В кн.: Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. IV. М.: 1957.
- Поспелов 1966 — *Поспелов Н. С.* О двух рядах грамматических значений глагольных форм времени в современном русском языке. — ВЯ, 1966, № 2.
- Прозорова 1992 — *Прозорова Л. А.* Семантика отношений характеристики: место и действие. — В кн.: Арутюнова Н. Д. (отв. ред.). Логический анализ языка. Модели действия. М.: Наука, 1992, с. 102–107.

- Путеводитель 1993 — Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993.
- Рассудова 1968 — Рассудова О. П. Употребление видов глагола в русском языке. М.: Изд-во МГУ, 1968. — 140 с.
- Рахилина 1989 — Рахилина Е. В. Отношение причины и цели в русском тексте. — Вопросы языкознания, 1989, № 6, с. 46—54.
- Санников 1989 — Санников В. З. Русские сочинительные конструкции. М.: Наука, 1989.
- Селиверстова 1964 — Селиверстова О. Н. Опыт семантического анализа слов типа *все* и типа *кто-нибудь*. Вопросы языкознания, 1964, № 4, с. 80—90.
- Селиверстова 1982 — Селиверстова О. Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов русского языка. — В кн.: Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982.
- Смирницкий 1956 — Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М.: Изд-во лит-ры на иностранных языках, 1956.
- Степанов 1984 — Степанов Г. В. К проблеме единства выражения и убеждения (автор и адресат). — В кн.: Контекст 1983: Литературно-теоретические исследования. М., 1984.
- Томмола 1986 — Томмола Х. Аспектуальность в финском и русском языках. *Neuvosto-liitto instituutin vuosikirja*. Helsinki, 1986, № 28.
- Топоров 1995 — Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа "Прогресс — Культура", 1995 — 624 с.
- Успенский 1970 — Успенский Б. А. Поэтика композиции. М.: Искусство, 1970. 225 с. English translation: Uspensky 1973 — Uspensky B. A poetics of composition. Berkeley: University of California Press, 1973.
- Успенский 1994 — Успенский Б. А. Избранные труды. Т. II. М.: Гнозис, 1994.
- Филлмор 1981 — Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10 — М.: Прогресс, 1981.
- Чудаков 1971 — Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971.
- Шведова 1960 — Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Изд-во АН СССР, Наука, 1960.
- Широкова 1982 — Широкова Е. Г. Частица *-таки*: семантика и условия употребления. М.: ВИНТИ, 1982, вып. 19, с. 137—147.
- Шмелев А. 1990 — Шмелев А. Д. Парадоксы идентификации. — В кн.: Тождество и подобие. Сравнение и идентификация. М.: Наука, 1990, с. 33—51.
- Шмелев 1958 — Шмелев Д. Н. Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке. — Вопросы языкознания, 1958, № 6, с. 63—75.
- Шмелев 1959а — Шмелев Д. Н. О значении вида в повелительном наклонении. — Русский язык в школе, 1959, № 4.
- Шмелев 1959б — Шмелев Д. Н. О некоторых особенностях употребления местоимений и наречий в разговорной речи. — Русский язык в национальной школе. 1959, № 6, с. 14—18.
- Шмелев 1960 — Шмелев Д. Н. Абстрактное и относительное употребление форм времени русского глагола. — "Русский язык в национальной школе", 1960, № 6, с. 3—10.
- Шмелев 1968 — Шмелев Д. Н. Лексика современного русского языка. М., 1968.
- Шмелев Д. 1990 — Шмелев Д. Н. Языковая небрежность и поэтическая вольность. — В кн.: *Res philologica*. Филологические исследования. Памяти акад. Г. В. Степанова (1919—1986). М.: Наука, 1990, с. 460—464.
- Эйхенбаум 1969 — Эйхенбаум Б. М. О прозе. Л.: Худ. лит-ра, 1969.
- Якобсон 1985 — Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. — 455 с.
- Якобсон 1987 — Якобсон Р. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. — 461 с.

- Яковлева 1988 — Яковлева Е. С. Согласование модусных характеристик в высказывании. — В кн.: Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988, с. 278–302.
- Alexandrov 1991 — *Alexandrov V. E.* Nabokov's otherworld. Princeton Univ. Press 1991.
- Austin 1962/1986 — *Austin J. L.* How to do things with words. Oxford: Clarendon press, 1962. — 119 p. — Сокращенный рус. пер.: Остин Дж. Л. Слово как действие. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986, с. 22–131.
- Bally 1912 — *Bally Ch.* Le style indirect libre en français moderne. — *Germanisch-Romanisch Monatsschrift* IV, 549–556, 597–606.
- Bally 1930 — *Bally Ch.* Antiphrase et style indirect libre. — In: N. Bøgholm et al. *A Grammatical Miscellany Offered to Otto Jespersen on his Seventieth Birthday* (Copenhagen: Levin, Munksgaard), p. 331–340.
- Bally 1932/1955 — *Bally Ch.* Linguistique générale et linguistique française. Paris, 1932. — Рус. пер.: Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1955.
- Banfield 1973 — *Banfield A.* Narrative style and the grammar of direct and indirect speech. — *Foundations of language*, X, 1973, p. 1–39.
- Banfield 1982 — *Banfield A.* Unspeakable sentences: narration and representation in the language of fiction. Boston etc.: Routledge & Kegan Paul, 1982.
- Bar-Hillel 1954 — *Bar-Hillel Y.* Indexical expressions. — "Mind", 1954, v. 63, p. 359–376.
- Benveniste 1958a/1974 — *Benveniste É.* De la subjectivité dans le langage. — *Journal psychol. norm. et pathol.*, 1958, № 3, p. 258–265. — Рус. пер.: Бенвенист Э. О субъективности в языке. — В кн.: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с. 292–300.
- Benveniste 1958b/1974 — *Benveniste É.* Les verbes délocutifs. — *Studia linguistica et litteraria in honorem L. Spitzer.* Bern, 1958. — Рус. пер.: Бенвенист Э. Делокутивные глаголы. — В кн.: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с. 320–328.
- Benveniste 1959 — *Benveniste É.* Les relations de temps dans le verbe français, BSL, t. 54, 1959. — Рус. пер.: Бенвенист Э. Отношения времени во французском глаголе. — В кн.: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с. 270–284.
- Benveniste 1966/1974 — *Benveniste É.* Problèmes de linguistique générale. Paris: Gallimard, 1966. — Рус. пер.: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. — 447 с.
- Bertinetto 1986 — *Bertinetto P. M.* Tempo, aspetto e azione nel verbo italiano. Firenze — Presso l'accademia della Crusca, 1986.
- Bierwisch 1967 — Bierwisch M. Some semantic universals of German adjectivals. — *Foundations of Language*, v. 3, № 1, 1967, p. 1–36.
- Böer, Lycan 1976 — *Böer S. E., Lycan W. G.* The myth of semantic presupposition. — *Work. Pap. Linguist. Ohio*, 1976, № 21, p. 1–90.
- Bogusławski 1972 — *Bogusławski A.* К вопросу о семантической стороне глагольных видов. — *Z polskich studiów slawistycznych. Ser. 4, Językoznawstwo. Prace na VII Międzynarodowy Kongres slawistów, Warszawa.*
- Bogusławski 1981 — *Bogusławski A.* On describing accomplished facts with imperfective verbs. — In: *The Slavic verb.* Copenhagen: Rosenkilde and Bagger, 1981, p. 34–40.
- Bolinger 1977 — *Bolinger D.* Another glance at main clause phenomena. — *Language*, v. 53, p. 511–519, 1977.
- Booth 1961 — *Booth W. C.* The rhetoric of fiction. Chicago: University of Chicago Press, 1961.
- Brecht 1974 — *Brecht R. D.* Deixis in embedded structures. — *Foundations of language*, 1974, № 11, p. 489–518.
- Bronzwaer 1970 — *Bronzwaer W. J. M.* Tense in the novel: An investigation of some Potentialities of linguistic criticism. Groningen: Walters-Noordhof, 1970.
- Bühler 1934/1993 — *Bühler K.* Sprachtheorie. Stuttgart, 1934. — Рус. пер.: Бюлер К. Теория языка. М., 1993. — 502 с.

- Carlson 1981 — *Carlson G.* Aspect and quantification. — In: *Syntax and Semantics*, vol. 14. Tense and Aspect. N.Y. etc.: Acad. press, 1981, p.31–64.
- Carlson 1985/1986 — *Carlson L.* Dialogue games. An approach to discourse analysis. Dordrecht, Holland: D. Reidel, 1985. — Сокращенный рус. пер.: Карлсон Л. Соединительный союз BUT. — Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. Логический анализ естественного языка. М.: Прогресс, 1986, с. 277–299.
- Castaceda 1979 — *Castaceda H.-N.* On the philosophical foundations of the theory of communication: reference. — In: *Contemporary perspectives in the philosophy of language*. Minneapolis, 1979, p. 125–146.
- Caton 1976 — *Caton C. E.* Comments on: Z. Vendler. Illocutionary suicide. — In: *Issues in the philosophy of language*. Ed. A. F. MacKay, D. D. Merrill. New Haven etc.: Yale univ. press, 1976, p. 147–161.
- Chaput 1990 — *Chaput R. P.* Temporal and semantic factors affecting aspect choice in questions. — *Slavic aspect*. Ed. by Thelin N. Amsterdam, 1990.
- Chatman 1978 — *Chatman S.* Story and discourse: narrative structure in fiction and film. Ithaca, N.Y., Cornell University Press, 1978.
- Church 1956/1960 — *Church A.* Introduction to mathematical logic, vol. 1. Princeton: University press, 1956, 378 p. — Рус. пер.: Черч А. Введение в математическую логику. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. Т. I. 484 с.
- Chvany 1984 — *Chvany C. V.* Backgrounded perfectives and plot-line imperfectives: towards a theory of grounding in text. — In: M. Flier, A. Timberlake (eds.) *The scope of slavic aspect*. Columbus, Ohio: Slavica publishers, 1985, p. 247–273.
- Comrie 1976 — *Comrie B.* Aspect. Cambridge et al.: Cambridge University press, 1976. — 142 p.
- Comrie 1985 — *Comrie B.* Tense. Cambridge et al.: Cambridge University press, 1985. — 139 p.
- Connolly 1992 — *Connolly J. W.* Nabokov's early fiction. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 1992.
- Culioli, Paillard 1987 — *Culioli A., Paillard D.* A propos de l'alternance imperfectif/perfectif dans enonçies imperatifs. — *Revue des études slaves*. V. 59, № 3, 1987, p. 527–534.
- Dahl 1975 — *Dahl Ö.* On generics. — In: *Formal semantics of natural languages*. L.: Cambridge univ. press, 1975, p. 99–111.
- Dahl 1985 — *Dahl Ö.* Tense and Aspect Systems. Oxf. — N.Y.: Basil Blackwell, 1985. — 213 p.
- Dik 1978 — *Dik S.* Functional grammar. Amsterdam, North-Holland, 1978.
- Donnellan 1979 — *Donnellan K. S.* Speaker reference, descriptions and anaphora. — In: *Contemporary perspectives in the philosophy of language*, ed. by P. A. French, H. E. Uehling, jr., and H. K. Wettstein. Minneapolis: University of Minnesota, 1979, p. p. 28–44.
- Ducrot 1970/1982 — *Ducrot O.* Les indéfinis et l'énonciation. — *Language*, № 17, 1970, p. 91–107. Рус. пер.: Дюкро О. Неопределенные выражения и высказывание. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике, вып. 13, М.: Прогресс, 1982, с. 263–291.
- Ehlich 1982 — *Ehlich K.* Anaphora and Deixis: Same, Similar or Different. — In: Jarvella R. T., Klein W. (eds.). *Speech, place and action*. N.Y.: Wiley and sons, 1982.
- Ehrich 1982 — *Ehrich V.* Da and the System of Spatial Deixis in German. — In: Weissenborn T., Klein W. (eds.). *Here and there*. Cross-linguistic Studies on Deixis and Demonstration. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1982.
- Ehrlich 1990 — *Ehrlich S.* Point of View. Routledge, 1990.
- Fillmore 1971 — *Fillmore Ch. J.* How to know whether you're coming or going. — *Linguistik*. Athenäum, 1971, p. 369–379.
- Fillmore 1976 — *Fillmore Ch.* The need for a frame semantics within linguistics. — *Statist. Meth. Linguist.*, 1976, vol. 1, p. 37–41.
- Fillmore 1977 — *Fillmore Ch.* The case for case reopened. — In: *Syntax and semantics*. V. 8, N.Y. etc. 1977, p.59–81.

- Fillmore 1981 — *Fillmore Ch.* Pragmatics and the Description of Discourse (first published in: Berkeley Studies in Studies in Syntax and Semantics 1, V-1—V-21, 1974). — In: P. Cole, ed. *Radical Pragmatics*. N.Y.: Academic Press, 1981.
- Fillmore 1982 — *Fillmore C. J.* Towards a descriptive framework for spatial deixis. — In: *Speech, place and action*. Ed. R. J. Jarvella, W. Klein. Chichester etc.: J. Wiley and sons, 1982, p. 31—60.
- Fleischmann 1991 — *Fleischmann S.* Toward a theory of tense-aspect in narrative discourse. — In: Gvozdanovic J., Janssen A. J. M., Dahl Ö. (eds.). *The function of tense in texts*. Amsterdam — Oxf. — N.Y. — Tokyo, 1991, p. 75—97.
- Flier 1985 — Flier M. The scope of prefixal delimitation in Russian. — In: M. Flier, A. Timberlake (eds.). *The scope of Slavic aspect*. Columbus, Ohio: Slavic publishers, 1985.
- Forsyth 1970 — *Forsyth J.* A Grammar of Aspect. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.
- Fraser 1974 — *Fraser B.* A partial analysis of vernacular performative verbs. — In: *Toward tomorrow's linguistics*. Wash.: Georgetown Univ. press, 1974, p. 121—127.
- Frege 1892/1977 — *Frege G.* Sinn und Bedeutung. — *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*, № 100, Фреге Г. СМЫСЛ и денотат. — В кн.: Семантика и информатика. М.: ВИНТИ, 1977, вып. 8, с. 181—210.
- Friedman 1955 — *Friedman N.* Point of view in fiction: the development of a critical concept. — In: *Publications of the modern language association of America*, 1955, vol. 70, № 5, p. 1160—1184.
- Gardiner 1932 — *Gardiner A.* The theory of speech and language. London, 1932, 2nd ed., Oxford, 1951.
- Gazdar 1979 — *Gazdar G.* Pragmatics. N.Y. etc.: Acad. press, 1979. 186 p.
- Geach 1962 — *Geach P.* Reference and generality. Ithaca, N.Y., 1962.
- Genette 1980 — *Genette G.* Narrative discourse. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1980.
- Givón 1978 — *Givón T.* Definiteness and referentiality. In: *Universals of human language*. Stanford: Univ. press, 1978, vol. 4. Syntax, p. 293—330.
- Goffmann 1981 — *Goffmann E.* Forms of talk. Oxford, Blackwell, 1981.
- Green 1976 — *Green G. M.* Main clause phenomena in subordinate clauses. — *Language*, v. 52, 1976, p. 382—397.
- Grzegorzczkova 1973 — *Grzegorzczkova R.* Problemy kwantyfikacji w grupie verbalnej. — In: *Liczba, ilość, miara. Materiały Konferencji Naukowej*. Warszawa, 1973.
- Heny 1981 — *Heny F.* (ed.) Ambiguities in intensional contexts. — Dordrecht — Holland. D. Reidel, 1981. — 285 p.
- Holquist 1990 — *Holquist M.* Dialogism: Bakhtin and his world. L., N.Y.: Routledge, 1990
- Hooper, Thompson 1973 — *Hooper J. and Thompson S. A.* On the applicability of root transformations. — *Linguistic inquiry*, v. 4, 1973, p. 465—498.
- Hopper, Thompson 1980 — *Hopper P. and Thompson S. A.* Transitivity in grammar and discourse. — *Language* 1980, v. 56, p. 251—299.
- Huddleston 1971 — *Huddleston R. D.* The sentence in written English. L.: Cambridge univ. press, 1971. 271 p.
- Ingham 1986 — *Ingham N. W.* The case of the unreliable narrator: Leskov's "White eagle". — *Studies in Russian literature in honor of V. Setchkaev*. Slavica publishers, 1986, p. 153—165.
- Jakobson 1936/1985 — *Jakobson R.* Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. TCLP, VI, 1936. Рус. пер.: Якобсон Р. О. К общему учению о падеже. — Якобсон Р. Избранные работы. М.: 1985, с. 133—175.
- Jakobson 1957/1972 — *Jakobson R.* Shifters, verbal categories and the Russian verb. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1957. Рус. пер.: Якобсон Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. — В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972, с. 95—113.

- Jakobson 1960/1975 — *Jakobson R.* Linguistics and Poetics. — In: *Style in Language*, ed. by Th. A. Sebeok. Cambr. (Mass.), 1960. — Рус. пер.: Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика. — В кн.: Структурализм: за и против. М.: Прогресс, 1975, с. 193–230.
- Jakobson 1961/1983 — *Якобсон Р.* Поэзия грамматики и грамматика поэзии. — В кн.: *Poetics. Poetyka. Poetika.* Warsaw, 1961, pp. 397–417. Цит. по изд.: Семиотика. М.: Прогресс, 1983, с. 462–482.
- Jespersen 1924/1958 — *Jespersen O.* The Philosophy of Grammar. London, 1924. — 359 p. — Рус. пер.: Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958. — 404 с.
- Kamp 1979 — *Kamp H.* Events, instants and temporal reference. — Bäuerle R., Egli U., von Stechow A. (eds.) *Semantics from different points of view.* Berlin: Springer, 1979.
- Kamp 1981 — *Kamp H.* A theory of truth and semantic representation. — In: J. Groenendijk, Th. Janssen, and M. Stokhof (eds.). *Formal methods in the study of language, Part I.* Mathematisch Centrum, Amsterdam, 1981, pp. 277–322.
- Kamp 1991 — *Kamp H.* The perfect and other tenses in French and English. — In: *Tense and Aspect in English and French.* Deliverable R 2.3.B, 1991
- Kaplan 1978 — *Kaplan D.* Dthat. — In: *Syntax and Semantics*, v. 9. N.Y., 1978, p. 221–243.
- Karttunen 1971 — *Karttunen L.* Definite descriptions with crossing coreference. — *FL*, 1971b, vol. 7, p. 157–182.
- Karttunen 1973a — *Karttunen L.* Presuppositions of compound sentences. — *LI*, 1973, vol. 4, p. 169–193.
- Karttunen 1973b — *Karttunen L.* La logique des constructions anglaises a complément prédicatif. — *Langages*, 1973, № 30, p. 56–80. — Рус. пер.: Карттунен Л. Логика английских конструкций с сентенциальным дополнением. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985, с. 303–332.
- Karttunen, Peters 1979 — *Karttunen L., Peters S.* Conventional implicature. In: *Syntax and semantics.* N.Y. ets.: Acad. press, 1979, vol. 11. Presupposition, p. 1–56.
- Keenan 1972 — *Keenan E.* On semantically based grammar. — *Linguistic inquiry*, 1972, 3, № 4, p. 413–462.
- Keenan, Hull 1973 — *Keenan E., Hull R.* The logical presupposition of questions and answers. — In: *Presuppositions in philosophy and linguistics.* Ed. J. Petöfi, D. Franck. Frankfurt a. M.: Athenäum, 1973, p. 441–466.
- Kempson 1975 — *Kempson R. M.* Presupposition and the delimitation of semantics. Cambridge: Univ. press, 1975, 235 p.
- Kiefer 1977 — *Kiefer E.* Some semantic and pragmatic properties of WH-questions and the corresponding answers. — *Statist. Meth. linguist.* 1977, vol. 3, p. 42–71.
- Kim 1979 — *Kim J.* Causation, Emphasis and Events. — In: *Contemporary Perspectives in the philosophy of language.* — Minneapolis: Univ. of Minnesota press, 1979.
- Kučera 1985 — *Kučera H.* Aspect in Negative Imperatives. // *The Scope of Slavic Aspect.* Columbus, Ohio: Slavica Publishers, Inc. 1985.
- Lakoff 1975/1985 — *Lakoff G.* Pragmatics in natural logics. In: *Formal semantics of natural language* / Ed. E. L. Keenan. Los Angeles, 1975, p. 253–286. Рус. пер.: Лакофф Дж. Прагматика в естественной логике. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985, с. 303–332.
- Langendonck 1979 — *Langendonck W.* Indefiniteness, exemplars and kinds. — In: *The semantics of determiners.* L., 1979, p. 211–231.
- Leech 1969 — *Leech G.* Towards a semantic description of English. London: Longmann, 1969.
- Leech 1975 — *Leech G. N.* Meaning and the English Verb. London: Longmann, 1975 (first published 1971), 131 p.
- Leech 1983 — *Leech G. N.* Principles of pragmatics. London: Longman, 1983.

- Lehmann 1989 — *Lehmann V.* Besonderheiten der Verwendung von *videt* “sehen”, *slyšat* “hören” im Russischen und die Konservierung alter Sprachzustände. // Slavistische Linguistik 1988. München, 1989.
- Leinonen 1982 — *Leinonen M.* Russian aspect. “Temporal'naja lokalizacija” and definite/indefinite. Helsinki: Neuvostoliitto — Instituutin vuosikirja, v. 27, 1982.
- Levinson 1983 — *Levinson St.* Pragmatics. London — N.Y., Cambridge University Press, 1983.
- Lewis 1946 — *Lewis C. I.* An analysis of knowledge and valuation. La Salle, 1946. 171 p.
- Lewis 1972 — *Lewis D.* General semantics. — In: Semantics of natural language / Ed. D. Davison. et al. Dordrecht: Reidel, 1972, p. 169–218.
- Linsky 1967/1982 — *Linsky L.* Reference and referents. — In: Linsky, L. Referring. N.Y., 1967, p. 116–131. — Рус. пер.: Линский Л. Референция и референты. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Лингвистика и логика (проблемы референции). М.: Прогресс, 1982, с. 161–178.
- Lyons 1978 — *Lyons J.* Semantics. L. etc.: Cambridge univ. press, 1978. Vol. I, II. — 897 p.
- Mayenowa 1974/1978 — *Mayenowa M. R.* Teoria tekstu a tradycyjne zagadnienia poetyki. — Tekst i język. Problemy semantyczne. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1974, s. 299–311. — Рус. пер.: — Майенова М. Р. Теория текста и традиционные проблемы поэтики. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М., Прогресс, 1978, с. 425–441.
- McCawley 1971 — *McCawley J. D.* Where do noun phrases come from? — In: Steinberg D. D., Jakobovits L. A. (eds.) Semantics. Cambridge, Mass., 1971, p. 217–231.
- McCawley 1981 — *McCawley J. D.* Everything that linguists have always wanted to know about logic but were ashamed to ask. Oxford: Blackwell, 1981. — 508 p.
- McHale 1978 — *McHale B.* Free Indirect Discourse: A Survey of Recent Accounts. PTL: A Journal for descriptive Poetics and Theory of literature 3, 1978, 249–287.
- Mehlig 1981/1985 — *Mehlig H. R.* Satzsemantik und Aspektsemantik im Russischen (Zur Verbklassifikation von Zeno Vendler). — Slavistische Beiträge, Bd. 147. München: Verlag Otto Sagner, 1981, S. 95–151. — Сокращенный рус. пер.: Мелиг Х. Р. Семантика предложения и семантика вида в русском языке. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. — М.: Прогресс, 1985, с. 227–249.
- Mehlig 1991 — *Mehlig H. R.* Экзистенциальные и экспликативные вопросы. — Russian linguistics, v. 15, 1991, p. 117–125.
- Mehlig 1992 — *Mehlig X. P.* Предельность и неопредельность в пространстве и во времени. — In: Reuther, Th. (Hrsg.). Slavistische Linguistik 1991. Referate des XVII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens Klagenfurt. München, 1992, p. 242–250 (= Slavistische Beiträge. Band 292).
- Miller 1970 — *Miller J. E.* Stative verbs in Russian. — Foundations of Language, vol. 6, No.4, 1970, p. 488–504.
- Miller 1982 — *Miller G.* Some problems in the theory of demonstrative reference. — In: Speech, Place and Action: Studies in deixis and related topics. Chichester, 1982, p. 61–72.
- Mittwoch 1976 — *Mittwoch A.* Grammar and illocutionary force. — Lingua, 1976, vol. 40, p. 21–42.
- Moens, Steedman 1988 — *Moens M., Steedman M.* Temporal ontology and temporal reference. — Computational linguistics. V. 14, № 2, 1988, p. 15–28.
- Morris 1938/1983 — *Morris Ch.* Foundations of theory of signs. Chicago, 1938. — Рус. пер.: Моррис Ч. Основания теории знаков. В кн.: Семиотика. М., 1983, с. 37–89.
- Morson, Emerson 1990 — *Morson G. S., Emerson C.* Mikhail Bakhtin: Creation of prosaics. Stanford: Stanford UP, 1990.
- Mourelatos 1981 — *Mourelatos A. P.* Events, processes and states. — Syntax and semantics, 1981, vol. 14, p. 191–212.

- Oltean 1993 — *Oltean S.* A Survey of the Pragmatic and Referential Functions of Free Indirect Discourse. In: *Poetics Today* 14: 4 (Winter 1993). The Porter Institute for Poetics and Semiotics, 1993.
- Paducheva 1987 — *Padučeva E. V.* La particule ŽE: sémantique, syntaxe et prosodie. — Les particules énonciatives en Russe contemporain, v. 3. Université de Paris 7, 1987.
- Paducheva 1990 — *Paducheva E. V.* Deixis in a narrative text: General strategies of interpretation. — *Carina amicorum. Carin Davidson septuagenariae* 28.3.1990 oblata. Åbo: Åbo Academy Press, 1990.
- Partee 1972 — *Partee B. H.* Opacity, coreference and pronouns. — In: *Semantics of natural languages*. Dordrecht — Holland, D. Reidel, 1972, p. 415–441.
- Partee 1976 — *Partee B. H. (ed.)*. *Montague grammar*. N.Y. — San Francisco — London: Academic Press, 1976.
- Partee 1984 — *Partee B. H.* Nominal and temporal anaphora. — In: *Linguistics and philosophy*, 1984, № 7, p. 243–286.
- Pascal 1977 — *Pascal R.* The Dual Voice: Free indirect speech and its functioning in the nineteenth-century European novel. Manchester: Manchester University Press, 1977.
- Pavan 1988 — *Pavan S.* Tempi narrativi e tempi commentativi in "Invidia" di Ju. K. Olesha. — In: *Problemi di morfosintassi delle lingue Slave*. Bologna: Pitagora Editrice, 1988.
- Peirce 1940 — *Peirce C. S.* The philosophy of Peirce. Selected Writings, N.Y., Harcourt, Brace, 1940.
- Peterson 1979 — *Peterson P. L.* On representing event reference. — In: *Harvard studies in syntax and semantics*, № 11. N.Y., 1979, p. 325–355.
- Pitcher 1965 — *Pitcher G.* Emotion. — *Mind*, v. 74, № 295, 1965, p. 324–346.
- Pomorska 1980 — *Pomorska K.* Заметка о письме Татьяны. — In: *Alexander Pushkin. Symposium II*. Ed. A. Kodjak et al. Columbus (Ohio): Slavica Publishers, 1980, p. 61–66.
- Pomorska 1982 — *Pomorska K.* Tolstoy — contra semiosis. — In: *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, № 25–26. Columbus, Slavica, p. 383–390.
- Quine 1953/1982 — *Quine W. Van O.* Reference and modality. In: *Quine W. Van O.* From a logical point of view. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1953. — Рус. пер.: Куайн У. О. Референция и модальность. — В кн.: *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. 13. *Логика и лингвистика (проблемы референции)*. М.: Радуга, 1982, с. 87–108.
- Quine 1960 — *Quine W. O.* Word and object. Cambridge (Mass.): Cambridge UP, 1960, 193 p. — Сокращенный рус. пер.: Куайн У. О. Слово и объект (гл. I и V). — *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. 18. *Логический анализ естественного языка*. М.: Прогресс, 1986, с. 24–98.
- Quine 1971 — *Quine W. O.* The inscrutability of reference. — In: *Semantics: An interdisciplinary reader in philosophy, linguistics and psychology*. Cambridge, 1971, p. 142–154.
- Reichenbach* 1947 — *Reichenbach H.* Elements of symbolic logic. N.Y.: The MacMillan Co, 1947, 437 p.
- Reinhart 1975 — *Reinhart T.* Whose main clause? — In: *Harvard studies in syntax and semantics*, № 1, 1975, p. 127–171.
- Ross 1970 — *Ross J. R.* On declarative sentences. In: *Readings in English transformational grammar* / Ed. R. Jacobs, P. S. Rosenbaum. Waltham (Mass.): Ginn, 1970, p. 222–272.
- Russell 1940 — *Russell B.* An inquiry into meaning and truth. L., 1940
- Russell 1955/1957 — *Russell B.* Human Knowledge. — Рус. пер.: Рассел Б. Человеческое познание. Его сфера и границы. М.: Изд-во иностр. лит., 1957.
- Russell 1920/1982 — *Russell B.* Descriptions. — In: *Russell B.* Introduction to Mathematical Philosophy. 2d ed. London, 1920, p. 167–180. Рус. пер.: Рассел Б. Дескрипции. — В кн.: *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 13. М.: Прогресс, 1982, вып. 13, с. 41–54.
- Sadock 1977 — *Sadock J. M.* Aspects of linguistic pragmatics. — In: *Proc. Texas conf. on performatives, presuppositions and implicatures* / Ed. A. Rogers et al. Arlington, 1977, p. 67–78.

- Saputelli 1986 — *Saputelli L. N.* The longdrawn sunset of Fialta. — In: Connoli J. W., Ketchian S. I. (eds.). Studies in Russian Literature in honor of Vsevolod Setchkaev. Columbus: Slavica publishers, 1986, p. 233–241.
- Schiebe 1979 — *Schiebe T.* On presuppositions in complex sentences. — In: Syntax and semantics, vol. 11. Presuppositions. N.Y. etc.: Acad. press, 1979, p. 127–133.
- Schmerling 1971 — *Schmerling S. F.* Presupposition and the notion of normal stress. — In: CLS—VII, Chicago, 1971.
- Scott 1970/1981 — *Scott D.* Advice on modal logic. — In: Philosophical problems in logic. Recent developments, ed. D. Lambert. Dordrecht (Holland): D. Reidel, 1970, p. 143–173. — Рус. пер.: Скотт Д. Советы по модальной логике. — В кн.: Семантика модальных и интенциональных логик. М.: Прогресс, 1981, с. 280–317.
- Searle 1969/1982 — *Searle J. R.* Speech acts: An essay in the philosophy of language. L. etc.: Cambridge univ. press, 1969. — 171 p. Рус. пер. одной из глав: Серл Дж. Референция как речевой акт. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Лингвистика и логика (проблемы референции). М.: Прогресс, 1982, с. 179–202.
- Searle 1975/1986 — *Searle J. R.* Indirect speech acts. — In: Syntax and Semantics. N.Y.: Acad. press, 1975, vol. 3, p. 59–82. Рус. пер.: Серл Дж. Косвенные речевые акты. В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986, с. 195–222.
- Searle 1979 — *Searle J. R.* Expression and meaning. London, 1979. — 187 p.
- Smith 1983 — *Smith C. S.* A theory of aspectual choice. — Language, vol. 59, № 3, 1983, p. 479–501.
- Smith 1991 — *Smith C. S.* The parameter of aspect. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1991.
- Spielhagen 1883 — *Spielhagen F.* Beiträge zur Theorie und Technik des Romans. Leipzig, 1883.
- Stalnaker 1972 — *Stalnaker R. C.* Pragmatics. — In: Semantics of natural language / Ed. D. Davidson, R. Harman. Dordrecht: Reidel, 1972, p. 380–397.
- Stanzel 1970 — *Stanzel F. K.* Typische Formen des Romans. Göttingen, 1970.
- Strawson 1964/1982 — Strawson P. F. Identifying reference and truthvalues. — In: Theoria, XXX, 1964, p. 96–118. — Рус. пер.: Стросон П. Ф. Идентифицирующая референция и истинностное значение. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика (проблемы референции). М., Радуга, 1982, с. 109–133.
- Syntax and Semantics 1979 — Syntax and Semantics, vol. 11. Presuppositions, N.Y., 1979.
- Tarski 1941/1948 — *Tarski A.* Introduction to Logic. N.Y., 1941. — Рус. пер.: Тарский А. Введение в логику и методологию дедуктивных наук. М.: Изд-во иностр. лит., 1948. 261 с.
- Timberlake 1982/1985 — *Timberlake A.* Invariance and the syntax of Russian aspect. — P. J. Hopper (ed.). Tense-Aspect: between Semantics & Pragmatics. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins Publishing Co., 1982, p. 305–311. — Рус. пер.: Тимберлейк А. Инвариантность и синтаксические свойства вида в русском языке. — Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. Современная зарубежная русистика. М.: Прогресс, 1985, 261–285.
- Timberlake 1985a — *Timberlake A.* The temporal schemata of Russian predicates. — In: Issues in Russian morphosyntax. Ed. by M. S. Flier, R. D. Brecht. Columbus (Ohio): Slavica Publishers, 1985, p. 35–57.
- Timberlake 1985b — *Timberlake A.* Reichenbach and Russian aspect. — In: M. Flier, A. Timberlake (eds.) The scope of Slavic aspect. Columbus, Ohio: Slavica publishers, 1985, p. 153–168.
- Toolan 1992 — *Toolan M. J.* Narrative: a critical linguistic introduction. London, 1992.

- Urmson 1970/1985 — *Urmson J. O.* Parenthetical verbs. — In: *Philosophy and ordinary language*. Caton Ch. E. (ed.). Urbana, Univ. of Illinois Press, 1970, p. 220–240. — Рус. пер.: Урмсон Дж. Парентетические глаголы. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985, с. 196–216.
- Vendler 1967a — *Vendler Z.* Linguistics in Philosophy. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1967
- Vendler 1967b — *Vendler Z.* Causal relations. — *J. Philos.*, 1967, vol. 64, № 21, p. 704–713. — Рус. пер.: Вендлер З. Причинные отношения. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. Логический анализ естественного языка. М.: Прогресс, 1987, с. 264–276.
- Vendler 1972 — *Vendler Z.* Res cogitans. Ithaca: Cornell University Press, 1972.
- Vendler 1976 — *Vendler Z.* Illocutionary suicide. — In: *Issues in the philosophy of language*. Ed. A. F. McKay, D. D. Merrill. New Haven; London: Yale univ. press, 1976, p. 135–146. Рус. пер.: Вендлер З. Иллокутивное самоубийство. — Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985, с. 238–250.
- Voorst 1992 — *Voorst J.* The aspectual semantics of psychological verbs. — *Linguistics and philosophy*. V. 15, № 1, 1992
- Waugh 1990 — *Waugh L.* Discourse functions of tense-aspect in French: Dynamic Synchrony. — In: N. Thelin (ed.). *Verbal aspect in discourse*. Amsterdam: John Benjamins, 1990.
- Weinreich 1963/1970 — *Weinreich U.* On the semantic structure of language. — In: Greenberg, J. H. (ed.). *Universals of language*. Cambridge (Mass.), 1963, p. 114–171. Рус. пер.: Вейнрейх У. О семантической структуре языка. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике, вып. 5. Лингвистические универсалии. М., 1970, с. 163–249.
- Wiebe 1994 — *Wiebe J. M.* Tracking point of view in narrative. — *Computational linguistics*, vol. 20, Number 2, June 1994, p. 233–287.
- Wierzbicka 1967 — *Wierzbicka A.* On the semantics of the verbal aspect in Polish. — In: *To honor Roman Jakobson*. The Hague — Paris: Mouton, 1967, p. 2231–2249.
- Wierzbicka 1969 — *Wierzbicka A.* Dociekania semantyczne. Wrocław etc.: Ossolineum, 1969.
- Wierzbicka 1970/1982 — *Wierzbicka A.* Descriptions or quotations? — In: *Sign, Language, Culture*, t. I. The Hague-Paris, 1970, p. 627–644. (Рус. пер.: А. Вежицкая. Дескрипция или цитация? — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике, вып. 13. Лингвистика и логика (проблемы референции). М.: Радуга, 1982, с. 237–262.
- Wierzbicka 1971/1978 — *Wierzbicka A.* Metatekst w tekście. — In: *O spójności tekstu*. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1971, s. 105–121. — Рус. пер.: Вежицкая А. Метатекст в тексте. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике, вып. 8. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978, с. 402–421.
- Wierzbicka 1980 — *Wierzbicka A.* *Lingua mentalis*. Sydney etc.: Acad. press, 1980. 367 p.
- Wierzbicka 1984 — *Wierzbicka A.* Rev. of: G. Leech, *Principles of Pragmatics*. London: Longmann, 1983. *Journal of the Australian Linguistic Society*, 1984 (4), № 1, p. 99–109.
- Wierzbicka 1987a — *Wierzbicka A.* English speech act verbs. A semantic dictionary. — Sydney etc.: Academic press, 1987.
- Wierzbicka 1987b — *Wierzbicka A.* Boys will be boys. — *Language*, 1987, vol. 63, № 1.
- Wierzbicka 1991 — *Wierzbicka A.* *Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction*. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter 1991.
- Wilson 1975 — *Wilson D.* Presuppositions and non-truth — conditional semantics. L.: Acad. press, 1975. 371 p.
- Wunderlich 1980 — *Wunderlich D.* Methodological remarks on speech act theory. — In: *Speech act theory and pragmatics*. Searle J. et al. (eds.). Dordrecht etc.: Reidel, 1980, p. 291–312.
- Zholkovsky 1985 — *Zholkovsky A.* Iz zapisok po poëzii grammatiki. On Pasternak's figurative voices. // *Russian linguistics*, 1985, vol. 9, № 2–3, p. 385–386.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

Настоящий указатель состоит из 2 частей: 1) указатель авторов научных текстов; 2) указатель источников примеров. Для зарубежных авторов дана русская передача фамилии и инициалов, затем в скобках дано исходное написание латиницей. Символ «b» после номера страницы означает вхождение в библиографию к книге.

1. Авторы научных текстов

Настоящий указатель включает имена авторов научных текстов.

В конце указателя после знака * даны страницы со ссылками на коллективные труды.

- Авилова Н. С. 86–87, 420b
Александров В. Е. (Alexandrov V. E.) 389
Апресян Ю. Д. 3, 9, 12, 15–16, 25, 33, 42, 85, 97, 99, 101, 109, 125, 137, 143, 150–151, 153, 161, 165, 169, 174, 200, 226, 264, 266, 268–269, 288, 292–293, 298, 303, 305, 318, 323, 327, 330, 407, 420b–421b
Арутюнова Н. Д. 61–62, 64, 216, 245, 304, 311, 421b
Атарова К. Н. 204, 421b
Балли Ш. (Bally Ch.) 218, 244, 299, 310, 335, 345, 428b
Банфилд А. (Banfield A.) 200, 214, 219, 287, 308, 335, 337, 348, 354, 360, 396, 408, 410, 428b
Бар-Хиллел И. (Bar-Hillel I. // Bar-Hillel J. // Bar-Hillel Y.) 245, 428b
Баранов А. Н. 427b
Барентсен А. (Barentsen A.) 184, 401, 421b
Бахтин М. М. 195, 217–218, 221, 225, 335, 338, 410–411, 421b
Бенвенист Э. (Benveniste E.) 4, 13, 170, 265, 286–287, 336, 350, 406, 421b, 428b
Бертинетто П. М. (Bertinetto P. M.) 428b
Бирвиш М. (Bierwisch M.) 428b
Боас Ф. (Boas F.) 224
Богуславский А. (Boguslawski A.) 21, 49, 53, 428b
Богуславский И. М. 243, 312, 421b
Боер С. Э. (Boer S. E.) 236, 242, 428b
Болинджер Д. Л. (Bolinger D. L.) 297, 299, 428b
Бондарко А. В. 10–11, 24–25, 28–29, 36, 48, 50, 64, 109, 128, 131, 150, 289, 291, 295, 421b
Брехт Р. Д. (Brecht R. D.) 197, 428b
Бронзваер У. Дж. М. (Bronzwaer W. J. M.) 429b
Буланин Л. Л. 10, 29, 421b
Булаховский Л. А. 335, 421b
Будыгина Т. В. 15, 28–29, 34, 56, 67, 89–90, 95, 97, 106, 122, 125, 127, 131, 140, 147, 149, 154–155, 187, 211–212, 221, 238, 257, 264, 267, 303, 376, 421b–422b
Бут У. Ч. (Booth W. C.) 216, 428b
Бюлер К. Л. (Bühler K. L.) 218, 342, 429b
Вежбицкая А. (Wierzbicka A.) 4, 9, 12, 16, 18, 26, 45, 62, 85–86, 94, 106, 110, 117, 126, 130, 135, 140, 142, 153–154, 156, 158, 182–185, 191, 208, 222–225, 227–231, 238, 262, 276, 298, 302–303, 309,

* Составлен С. А. Крыловым.

- 313, 342, 354, 358–359, 409, 411, 422b, 435b–436b
- Вейнрейх У. (Weinreich U.) 223, 435b
- Вендлер З. (Vendler Z.) 3, 28–29, 61–62, 81, 90–92, 96, 101, 103, 106–107, 110, 122, 131–133, 138, 143–145, 149, 154, 156, 229, 311, 331, 435b
- Вибе Дж. М. (Wiebe J. M.) 435b
- Виноградов В. В. 9, 154, 195, 202, 209–210, 217, 258, 292, 298, 313, 369, 372–373, 408, 411, 422b
- Винокур Г. О. 196, 209–210, 422b
- Витгенштейн Л. (Wittgenstein L.) 224
- Во Л. (Waugh L.) 265, 435b
- Волошинов В. Н. 208, 217, 335, 345, 355, 409–410, 422b
- Воорст Дж. (Voorst J.) 109, 435b
- Вундерлих Д. (Wunderlich D.) 436b
- Выготский Л. С. 205, 219, 412, 414, 417, 422b
- Гаврилова В. И. 98, 422b
- Газдар Дж. (Gazdar G.) 222, 225, 230, 430b
- Гардинер А. Х. (Gardiner A. H.) 218, 430b
- Гаспаров М. Л. 217, 422b
- Гжегорчикова Р. (Grzegorzczukowa R.) 300, 430b
- Гивон Т. (Givón T.) 245, 430b
- Гич П. Т. (Geach Paul T.) 430b
- Гловинская М. Я. 4, 9–10, 12, 16, 21–22, 24, 27, 29–30, 32–33, 35–37, 41, 44, 46, 49, 85, 94–97, 99, 109, 115, 117–118, 124–125, 150, 153–155, 159, 163, 183, 185–186, 288, 422b
- Гофман Э. (Goffmann E.) 265, 430b
- Грайс Х. П. (Grice H. P.) 11, 19, 21, 189, 225, 237, 240, 327, 422b
- Грин Дж. М. (Green G. M.) 297–299, 430b
- Гуковский Г. А. 201, 214, 217, 405, 408, 411–412, 414
- Даль Э. (Dahl Ш.) 285–286, 296, 429b
- Ди Челье М. (Di Ceglie, M.) 415
- Дмитровская М. А. 314, 422b
- Долинин К. А. 352, 422b
- Доннеллан К. (Donnellan K.) 429b
- Есперсен Й. О. Х. (Jespersen J. O. H.) 261, 335, 340, 416, 430b
- Женетт Ж. (Genette G.) 219, 430b
- Жолковский А. К. 101, 216–217, 233, 371, 392, 412, 423b, 436b
- Зализняк А. А. 85, 122, 150, 423b
- Зализняк Анна А. 5, 31, 62, 148, 150, 243, 294, 313–315, 349, 423b
- Золотова Г. А. 128, 264, 423b
- Иванов Вяч. Вс. 5, 380, 423b
- Иванчикова Е. А. 257, 423b
- Ингам Н. У. (Ingham N. W.) 216, 430b
- Иоанесян Е. Р. 315, 423b
- Иорданская Л. Н. (Iordanskaja L. N.) 313, 423b
- Исаченко А. В. (Issatschenko A. V.) 37, 104, 119, 147–148, 154, 423b
- Калепки Т. (Kalepky Th.) 335
- Калик-Телятникова (Kalik-Teljatnicova) 335
- Камп Х. (Kamp H.) 168, 271, 294, 431b
- Каплан Д. (Kaplan D.) 248, 431b
- Карлсон Г. (Carlson G.) 364, 429b
- Карлсон Л. (Carlson L.) 429b
- Карттунен Л. (Karttunen L.) 241–243, 431b
- Карцевский С. И. (Karcevskij S.) 14, 304
- Кастаньеда Х.-Н. (Castaceda H.-N.) 429b
- Катон Ч. (Caton Ch.) 429b
- Квятковский А. П. 208, 423b
- Кемпсон Р. М. (Kempson R.M.) 242, 431b
- Курм Дж. О. (Curme J.O.) 335
- Кжижкова Е. (Křížkova H.) 143, 423b
- Ким Дж. (Kim J.) 142, 431b
- Кинэн Э. Л. (Keenan E.L.) 235–236, 431b
- Киселёва К. Л. 280, 303, 324b
- Китайгородская М. В. 423b
- Кифер Ф. (Kiefer F.) 236, 431b
- Князев Ю. П. 122, 125–128, 134, 369, 424b
- Ковтунова И. И. 199–200, 209–210, 354, 356, 424b
- Кожевникова Н. А. 204, 206–208, 211, 215, 282, 354, 359, 408, 424b
- Козинцева Н. А. 139, 424b
- Комри Б. (Comrie B.) 87, 93–94, 128, 285, 429b
- Конноли Дж. У. (Connolly J. W.) 389, 392, 429b
- Кошмидер Э. (Koschmieder E.) 25, 123, 424b
- Крейдлин Г. Е. 222, 323, 325, 424b
- Кройзинга Э. (Kruisinga, E.) 335
- Кронгауз М. А. 424b
- Крылов С. А. 5, 122, 245, 273, 424b
- Куайн У. ван О. (Quine W. van O.) 245, 247, 250–254, 433b
- Кузнецов П. С. 424b
- Курилович Е. (Kuryłowicz J.) 10, 97, 424b
- Кустова Г. И. 35, 96, 103, 113, 122, 156, 162, 369
- Кучера Г. (Kučera H.) 114, 431b

- Кюльоли А. (Culioli A.) 66, 77, 429b
 Лайонз Дж. (Lyons J.) 77, 247, 259–261, 267, 269, 350, 406–407, 432b
 Лакофф Дж. (Lakoff G.) 227, 247, 432b
 Лангендонк У. (Langendonck) 257, 432b
 Левин В. Д. 409
 Левин Ю. И. 204, 217, 388, 424b
 Левинсон С. (Levinson St. C.) 240–241, 432b
 Левонтина И. Б. 378
 Лейбниц Г. В. (Leibnitz G. W.) 250
 Лейнонен М. (Leinonen M.) 37, 41, 47, 56, 63–64, 432b
 Леман Ф. (Lehmann V.) 15, 432b
 Лесскис Г. А. 204, 421b
 Ликан У. Г. (Lycan W.G.) 236, 242, 428b
 Линский Л. (Linsky L.) 244, 432b
 Липс (Lips) 335
 Лич Дж. Н. (Leech G. N.) 96, 110, 163–165, 221, 224–225, 227–228, 269, 294, 362, 379, 432b
 Лобанова Н. А. 73, 424b
 Лорк (Lorck) 335
 Лотман Ю. М. 201, 217, 373, 395, 424b–425b
 Льюис Д. (Lewis D.) 247–248, 432b
 Льюис К. И. (Lewis C.I.) 231, 432b
 Ляшевская О. Н. 5
 Майенова М. Р. (Mayenowa M. R.) 217, 286, 432b
 Мак-Коли Дж. (McCawley J.) 251, 256, 432b
 Мак-Хейл Б. (McHale B.) 335, 337, 343, 348, 350, 352, 354, 359, 432b
 Манн Ю. В. 207, 282, 347, 408, 425b
 Маслов Ю. С. 3, 9–10, 24, 27, 31, 33–35, 42, 51, 67, 82, 84–86, 89, 93–94, 104–105, 113, 118–120, 122–124, 148, 155, 286, 362, 364, 425b
 Мелиг Х.-Р. (Mehlig H. R.) 36, 93, 106, 122, 197, 432b
 Мельчук И. А. (Mel'čuk I.A.) 176, 183–184, 271, 273, 425b
 Миллер Дж. (Miller G.) 247, 433b
 Миллер Дж. Э. (Miller J. E.) 122, 432b
 Миттвох А. (Mittwoch A.) 229, 433b
 Монтегю Р. (Montague R.) 222, 248
 Моррис Ч. У. (Morris Ch.) 221–222, 224, 248, 433b
 Морсон Дж.С. (Morson G. S.) 217, 409, 433b
 Мунс М. (Moens M.) 106, 433b
 Мур Дж. Э. (Moore G. E.) 237, 263
 Мурелатос А. П. (Mourelatos A. P.) 86
 Николаева Т. М. 184, 355, 425b
 Оквист Л. (Equist L.) 428b
 Олтин С. (Oltean S.) 335, 433b
 Остин Дж.Л. (Austin J. L.) 161, 225–227, 428b
 Паван С. (Pavan S.) 370, 433b
 Падучева Е. В. (Paduceva E.V. // Padučeva E. V.) 4–5, 27, 30, 34–36, 41, 54, 59, 62, 85, 96, 103, 122, 127, 133, 150, 153, 156, 162, 167, 169, 184, 186, 200, 204, 213, 219, 222, 232, 243, 245, 247, 252, 257, 261–262, 265, 269, 271, 273, 289, 300, 302–303, 307, 311, 312, 338, 342, 349–350, 365, 369, 378, 401
 Пайяр Д. (Paillard D.) 66, 77, 280, 303, 423b, 429b
 Парти Б. Х. (Partee B. H.) 197, 222, 433b
 Паскаль Р. (Pascal R.) 352, 433b
 Перцов Н. В. (Pertsov N. V.) 426b
 Петерс С. (Peters S.) 242, 431b
 Петерсон П. Л. (Peterson P. L.) 251, 257, 433b
 Пешковский А. М. 17, 211, 290, 340, 343, 426b
 Пирс Ч. С. (Peirce Ch. S.) 433b
 Питчер Г. (Pitcher G.) 331, 433b
 Платон (Plato) 209
 Плунгян В. А. 86, 88, 426b–427b
 Поморска К. (Pomorska Kr.) 202, 218, 433b
 Поспелов Н. С. 171, 426b
 Прозорова Л. А. 295, 427b
 Разлогова Е. Э. 281, 303, 423b
 Рассел Б. (Russell B.) 200, 248–249, 251, 258–259, 261, 287
 Рассудова О. П. 10, 22, 24, 30, 36, 38, 40, 42, 44–45, 48–49, 51, 56, 60, 64, 66, 69, 72, 74, 76, 78–79, 295
 Рахилина Е. В. (Rakhilina E. V.) 427b
 Рейнхарт Т. (Reinhart T.) 253, 434b
 Рейхенбах Г. (Reichenbach H.) 3, 12, 169, 248, 268–269, 285–286, 293
 Розенцвейг В. Ю. 53
 Росс Дж. Р. (Ross J. R.) 228, 434b
 Санников В. З. 427b
 Сапутелли Л. Н. (Saputelli L. N.) 382, 434b
 Седакова И. А. 355, 425b
 Селверстова О. Н. 126, 140, 186, 427b
 Сёрл Дж. Р. (Searle J. R.) 227–228, 244, 253, 434b

- Скотт Д. (Scott D.) 248, 434b
 Смирницкий А. И. 98, 427b
 Смит К. С. (Smith C. S.) 93, 364, 434b
 Сталнейкер Р. Ч. (Stalnakker R. C.) 231, 235, 246, 249, 434b
 Степанов Г. В. 216
 Степанова Л. В. 73, 424b
 Стивман М. (Steedman M.) 106, 433b
 Стросон П. Ф. (Strawson P.F.) 233, 242, 244, 434b
 Сэйдок Дж. М. (Sadock J. M.) 222, 434b
 Тарский А. (Tarski A.) 435b
 Тимберлейк А. (Timberlake A.) 5, 10, 31, 42, 91, 183, 293, 435b
 Томмола Х. (Tommola H.) 113–114, 427b
 Томпсон С. А. (Thompson S. A.) 290, 297, 430b
 Тулан М. Дж. (Toolan M. J.) 216, 219, 337, 348, 401
 Уилсон Д. (Wilson D.) 242, 436b
 Урмсон Дж. О. (Urmson J. O.) 323–326, 330–331, 435b
 Успенский Б. А. 217, 245, 262–263, 335, 342–343, 346, 355, 360, 363, 391, 416, 427b
 Ушаков Д. Н. 306
 Филлипенко М. В. 66
 Филлмор Ч. Дж. (Fillmore Ch. J.) 207, 237, 261, 266, 275, 350, 406, 427b, 430b
 Флайер М. (Flier M.) 106, 122, 145, 430b
 Флейшман С. (Fleischmann S.) 290, 382, 430b
 Форсайт Дж. (Forsyth J.) 10, 13, 22, 24, 36, 48–51, 59, 67, 83, 112, 286, 430b
 Фреге Г. (Frege G.) 233, 241–242, 249, 430b
 Фрейзер Б. (Fraser B.) 430b
 Фридман Н. (Friedmann N.) 206, 214, 411, 430b
 Хаддлстон Р. (Huddleston R.) 430b
 Халл Р. (Hull R.) 235–236, 431b
 Хени Ф. У. (Heny F. W.) 250, 430b
 Холквист М. (Holquist M.) 217, 430b
 Хомский Н. (Chomsky (A.) N.) 219
 Хоппер П. Дж. (Hopper P. J.) 290, 297, 430b
 Чапут Р. П. (Chaput R.P.) 39, 47, 55–56, 429b
 Чвани К. В. (Chvany C. V.) 290, 429b
 Чёрч А. (Church A.) 231–232, 429b
 Четман С. (Chatman S.) 219, 429b
 Чудаков А. П. 203, 215, 282, 343, 427b
 Шведова Н. Ю. 303, 308, 427b
 Шиббе Т. (Schiebe T.) 235, 253, 434b
 Широкова Е. Г. (= Борисова Е. Г.) 307, 427b
 Шмелёв А. Д. 34, 67, 89–90, 95, 97, 127, 147, 154–155, 187, 238, 257, 281, 303, 421b–422b, 427b
 Шмелёв Д. Н. 304–305, 307, 378, 427b
 Шмерлинг С. Ф. (Schmerling S.F.) 330, 434b
 Шпильгаген Ф. (Spielhagen F.) 214, 434b
 Штанцель Ф. К. (Stanzel F. K.) 204, 409, 434b
 Эйхенбаум Б. М. 208, 392, 427b
 Элих К. (Ehlich K.) 268, 429b
 Эмерсон Ч. (Emerson C.) 217, 409, 433b
 Эрих₁ В. (Ehrich₁ V.) 268–269, 429b
 Эрлих₂ С. (Ehrlich₂ S.) 219, 245, 429b
 Якобсон Р. (Jakobson R.) 10, 182, 197–198, 219, 224, 258–259, 307, 335, 354, 416, 427b, 431b
 Яковлева Е. С. 313–316
 Якубова Н. М. 5
- * * *
- *Грамматика-1952 288, 322, 422b
 *Грамматика-1954 327, 409, 422b
 *Грамматика-1960 288, 322, 422b
 *Грамматика-1980 11, 24, 66, 70, 72, 276, 298–300, 307, 310, 422b
 *Словарь Ушакова 306
 *Словарь языка Пушкина-1961 271

2. Источники примеров

В этот указатель включены имена авторов текстов (преимущественно художественных), которые послужили источниками примеров. Ссылка на некоторую страницу означает, что на этой странице анализируется текст или фрагмент текста, принадлежащий данному автору.

Иногда на соответствующей странице авторство примера не указано или указано сокращенно (например, дана ссылка на роман «Мастер и Маргарита» без указания

имени автора; развёрнутая ссылка должна была бы включать имя «М. А. Булгаков») ; в указателе отсылки подобного типа учтены в расшифрованном виде – так, как если бы любая сокращенная ссылка была бы развёрнутой (например, в вышеописанном случае номер страницы включен в статью «Булгаков М. А. ») . Страницы, где ссылка появляется лишь в сокращенном виде (либо дана имплицитно или не дана вообще), в указателе поданы курсивом.

В конце после знака *** даны номера страниц, содержащих ссылки на сборники текстов.

- Аверинцев С. С. 160, 274
Аксенов В. П. 204
Ахматова А. А. 210, 287, 311, 371–374
Беккет С. (Beckett S.) 204, 239, 264–265
Бродский И. А. 213, 264, 366–369, 371, 392
Булгаков М. А. 49, 139, 199, 203, 206–207, 209, 214–215, 219, 277–283, 286, 291, 309, 315, 316, 345–347, 349, 352, 369, 380–382, 394
Бунин И. А. 204–205, 213, 233, 364, 370, 412–415
Бютор М. (Butor M.) 212
Вампилов А. 69–70, 72, 73, 74, 76, 135, 170, 173, 179
Вермеер Дельфтский 390
Вульф В. (Woolf V.) 206
Высоцкий В. С. 212
Гоголь Н. В. 130, 201, 208, 211, 214, 274, 306, 315, 333, 340, 354–355, 356, 358, 388–389, 412
Горький М. 274
Гумилевский Л. 395
Джеймс Г. (James H.) 214–215, 348
Джойс Дж. (Joyce J.) 206–207
Довлатов С. Д. 215, 275, 278
Домбровский Ю. 344
Достоевский Ф. М. 208, 214, 217–218, 233, 248, 257, 282, 306, 311, 316–317, 319, 320, 347, 355–356, 357, 359, 366, 380–381, 399, 422b.
Евтушенко Е. 274
Ерофеев Вен. 202, 219
Ерофеев Викт. 283, 296, 342
Замятин Е. 138
Зорин Л. 26
Зошенко М. М. 142, 288–289, 295, 362
Ильина Н. 116, 134, 167, 177, 179
Ильф И. А. 141, 358
Казаков Ю. П. 212–213
Киреев Р. 212, 311, 349–350, 394–404
Кристи А. (Christie A.) 216
Крылов И. А. 343
Кутырин Ю. А. 117
Лермонтов М. Ю. 135, 205, 211, 214–217, 286, 289, 309, 373
Лесков Н. С. 208, 216, 359
Лотман Ю. М. 158
Лоуренс Д. (Lawrence D.) 206
Мамин-Сибиряк Д. Н. 364
Мандельштам О. Э. 217, 371, 392
Маяковский В. В. 82
Миллн А. (Milln A.) 212, 260, 358
Набоков В. В. 160, 201, 203–204, 209–210, 219, 233, 272, 275, 279–281, 283, 286–287, 357–358, 382–384, 385–393, 401, 415–418
Окуджава Б. Ш. 216, 311
Олеша Ю. К. 206, 214, 370, 380, 414
Пастернак Б. Л. 174, 212, 270, 272, 278–283, 344, 374–379
Петров Е. 358
Петров-Водкин К. С. 204
Петрушевская Л. С. 319, 357, 363
Платонов А. П. 68, 80, 82
Поляновский Э. 275
Прутков К. П. 306
Пушкин А. С. 20, 161, 175, 202, 203–205, 209, 214, 216, 255, 270–271, 273, 275, 277, 279, 280–282, 286, 291–292, 316, 323, 327–328, 340, 346, 362–365, 369, 373, 383, 399
Ромм М. И. 61
Рубцов Н. 168
Самойлов Д. 270
Соколов Саша 175–178
Солженицын А. И. 344, 351–352
Твардовский А. 50
Токарева В. С. 283, 296, 364
Толстой Л. Н. 203, 218, 279–280, 282, 334, 342–343, 357, 370, 382
Топоров В. 158
Трифонов Ю. В. 204, 295
Тургенев И. С. 305, 359

- Тютчев Ф. И. 217
Флобер Г. (Flaubert G.) 215
Фолкнер У. (Faulkner W.) 206
Хемингуэй Э. (Hemingway E.) 206
Хлебников В. В. 416
Хрущёв Н. С. 61
Чайковский П. И. 400
Чернышевский Н. Г. 258
Чехов А. П. 50–51, 203–204, 207, 211,
215–216, 230, 270, 288, 304, 320, 328,
343, 347–351, 356–357, 359, 373, 379
- Шварц Е. Л. 326
Шекспир В. (Shakespeare W.) 219, 417
- * * *
- **Ипатьевская летопись 360
**Онежские былины 262
**Русские челобитные 263

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ*

абзац 196

абсурд 249, 389, 390, 417

автокомментарий 163; контекст ~я 163, 165

автокоррекция (самокорректировка) 309, 372, 408; речевой акт ~ и 372; см. имитация

автор 199, 201–202, 206–210, 215–217, 245, 292, 318, 337, 347, 351, 379–380, 385, 388–393, 399, 405–406; ~-создатель (художественного текста) 201–202, 371, 388, 392; ~-творец 392; вставной ~ 389–390, 392–393; настоящий ~ 389, 391–392; ~ номинации 253, 255–257, 262, 358; диалогический vs. тоталитарный статус ~а 218; замысел ~а 219; недосмотр ~а 205; отделенность ~а от своего высказывания 219; диалогические отношения между ~ом и персонажами 217; отождествление ~а с героем 392; уменьшение роли ~а 347. См. время, голос, двойник, комментарий, местонахождение, мнение, момент, образ, объект симпатии, оценка, представитель, присутствие, устранение, фокус эмпатии, эмпатия (~а); ирония; позиция; поле зрения; сознание

агенс 17; невыразимый ~ 100; подразумеваемый 100. См. каузатор-~; субъект-~; цель (~а)

адвербиал см. наречие

адресат 20, 75–77, 79–80, 100, 161, 174, 208–212, 214, 216, 248, 260–263, 267–270, 289, 302–303, 305, 336–337, 339, 347, 357, 408–409; внеположный ~ 309; внешний ~ 209–210; внутренний ~ 209–210, 212; синхронный ~ 199, 208, 289–290, 336; синхронный ~-слушатель 214; ~ рассказчика 212; ~ речи 200, 211; ~ передаваемой речи 356; ~ прямой речи 341; ~ пропозициональной установки 338,

340; воображаемое присутствие ~а 211; дистанцирование от ~а 356; имитация наличия ~а 209; способность к идентификации 261. См. персонаж-~; действие (~а); момент; восприятие; контакт; ориентация; отсылка; информация; побуждение

акт: иллокутивный ~ 226; локутивный ~ 226; ментальный ~ (~ мысли) 81, 334, 354, 381, 398, 404; перцептивный ~ (~ восприятия) 354, 360, 398; ~ действия 18, 120, 184, 188–189

акт речевой (~ речи) 35, 66–67, 79, 82, 96, 114–116, 164–165, 224–228, 231–232, 244–245, 264, 299–303, 308–310, 318–319, 333–334, 336–338, 398, 341, 343, 345–347, 354, 356, 360, 369, 381, 404, 409–410; косвенный ~ ~ 57, 228, 343, 360; неповествующий ~ ~ 374; неутвердительный ~ ~ 346; побудительный ~ ~ 75, 83, 278, 302; эксплицитированный ~ ~ 354; ~ ~ экспрессивного типа 302; ~ ~, выражаемый императивом 67; ~ ~ воспринимаемого 403; ~ ~ повествователя 354; особые типы ~ ~ов 81; обломок ~ ~а 304; право на ~ ~ 360; совершение ~ ~а 116. См. участник (~ ~а); теория (~ ~ов); состояние; условия успешности; функция; автокоррекция, вопрос, желание, ирония, непротивление, осуждение, побуждение, предложение, признание, приказ, просьба, разрешение, совет, требование, угроза, упрек, утверждение

актант 37, 49, 186, 227; ~-ситуация 62; ~-факт 62; конкретно-референтный ~ 109; множественный ~ 126; пропозициональный ~ 61; родовой ~ 109; семантический ~ 98, 135, 149, 232; обязательный семантический ~ 142, 315; сентенциальный ~ 341–322; синтаксический ~ 276, 282; ~

* Составлен О. Н. Ляшевской. Составитель благодарит Е. В. Падучеву за внимательное отношение и доброжелательную критику, а также С. А. Крылова, давшего ценные рекомендации по составлению указателя.

- глагола 135; ~ оператора; ~ предиката 61; ~ предикатива 322. *См.* сочетаемость глагола; *ср.* валентность
- актуальность** 28–30; ~ события 158, 159
- акцент:** логический ~ 133, 325–326; главный логический ~ 48, 74; рематический ~ 49; фразовый ~ *см.* ударение
- акциональность** 52
- аллюзия** 204; интертекстовая ~ 219
- аналепсис** 415
- анализ** грамматический ~ 372; семантический ~ 10, 412; прагматический ~ 52; лингвистический ~ 198, 216, 337; литературоведческий ~ 198; ~ текста 198, 216; ~ художественного текста 200; ~ высказывания 52
- аналог** (заместитель): ~ говорящего 200–201, 206, 209, 234, 336, 265, 267, 276, 409; ~ слушающего 208; *ср.* представитель
- анафор** 270–274; чистый ~ 270; нулевой ~ 270
- анафора** 247, 269–270, 317, 407; временная ~ 164, 170, 197, 274; именная ~ 197; ~ к моменту времени, фиксированному в тексте 275; аналогия между именной и временной ~ой 197; замена дейксиса на ~у 341
- аномалия** 44, 52, 73, 168, 185, 188, 239, 317, 323, 360; средство преодоления ~и 79; семантическая ~ 237
- аномальность** высказывания 236
- антецедент** 247, 270, 322; дейктический/недейктический ~ 270; предложение~ 65
- антоним** 22, 303
- антропоцентричность** 222
- апозитив** 309
- аргумент:** естественный ~ модальных операторов 232; прагматический ~ 76; аргумент ПУ 252
- артикл:** дейктический определенный ~ 246; дейктическое употребление определенного ~я 247
- аспектология** 24; традиционная ~ 118
- ассерция** 59, 116, 156–157; главная ~ 41; ~ высказывания 243; ~ предложения 243. *Ср.* статус
- атемпоральность** 132, 289
- барьер** эпистемический 399
- бенефициант** 190
- бехабитив** 227
- ближний:** ближее *vs.* дальнее 36. *См.* ~ дейксис
- будущее (время)** 13–14, 25, 100, 171, 291, 293, 369, 373, 379, 382, 397, 403; ~ грамматическое 171; ~ нарративное 291, 369; ~ речевое 378; СВ ~его 369, 372–373. *См.* время; интерпретация
- будущее** 169, 171, 174, 380, 402; близкое ~ 114; настоящее в ~ем 25; настоящее запланированного ~го 115; отнесенность действия/события к ~ему 83, 115. *См.* момент
- важность** коммуникативная *см.* значимость
- валентность** семантическая 135; *ср.* актант
- вариант:** контекстный ~ нулевой *vs.* ненулевой 211; нейтрализованный ~ значения 20
- варьирование:** отношение свободного ~я 70; ~ частновидовых значений 406
- вводность** 322, 324, 332, 387, 409; показатели ~и 322; семантика ~и 387; статус ~и 334; эффект ~и 345
- вежливость** 66, 77, 80. *См.* эффект ~и
- вердиктив** 227
- взаимодействие:** кооперативное ~ 337; речевое ~ 223; семантическое ~ 41–42, 59
- вид** 9, 12, 24, 54, 66–67, 78, 84–85, 89, 93, 95–96, 165, 167, 169, 171, 195, 269, 285–286, 288, 293, 362, 365; грамматический ~ 78; лексикографически исходный ~ 106; многократный ~ 108; грамматичность категории ~а 88; классифицирующий *vs.* словоизменятельный подход к ~у 92, 95; словоизменятельная трактовка ~а 88; область определения категории ~а 25; правила выбора ~а 67; возможность предсказания ~а 84; универсальные семантические компоненты в содержании грамматической категории ~а 31; замена НСВ на СВ 71, 74; взаимодействие СВ и НСВ с обстоятельствами времени 42, 55; ~ в императиве / индикативе 66; универсальные семантические компоненты в содержании грамматической категории ~а 31; семантика польского ~а 182; семантика славянского ~а 85, 122; перевод отглагольного прилагательного в "несовершенный вид" 377; собственно грамматическая семантика ~а 88. *См.* значение; глагол; интерпретация; употребление; образование (~а); конкуренция; предопределенность

- вмешательство:** идеологическое ~ повествователя 206; ~ повествователя в представленном нам сознание (represented consciousness) 416
- внимание:** зона ~я 153; центр ~я 247; центр ~я говорящего 49; переключение ~я 51, 399; ~ на начальной фазе действия 68, 81–83; ~ на конечной фазе действия 82
- возможности** сочетаемостные 104
- вопрос** 14, 57, 59, 210, 229, 268, 314, 326, 344–346, 397; частный ~ 37; общий ~ 54, 56; косвенный ~ 301, 306–307; риторический ~ 229, 306–307; метатекстовый ~ 390; метатекстовый ~ повествователя 346; контекст ~а 42, 56; исходное предположение ~а 236; пресуппозиция ~а 236; речевой акт ~а 301; субъект ~а 346; подразумеваемый субъект ~а 264; ~ с вводным глаголом 325. См. пресуппозиция, сфера, сфера действия (-а); предположение
- вопросительность** 245
- восклицание** косвенное 302, 308
- восклицательность** 302
- воспоминание** см. модус "воспоминание"
- восприиматель** (эксперимент) 394, 398–400–404 414; линия ~я 399. См. акт речевой, речь, сознание, состояние, точка зрения (~я); персонаж~
- восприятие** 142, 264; обозначение акта ~я в тексте 398; ~ художественного текста 201; динамика ~я текста 373; чувственное ~ 324; ~ ситуации адресатом 211; ~ персонажа 349. См. время, момент, ситуация, глагол, предикат, субъект, модус (~я)
- восстановление** модусов 397
- впадение** в нарратив 374, 377
- время** 46, 66, 96, 119, 122, 159, 162, 165–168, 171, 200, 246, 285, 288, 362, 379, 382, 399, 414–415; абсолютное ~ акта речи 246; абстрактное ~ 139; абстрактный показатель ~и 138; актуальное ~ 418; базовое ~ 210–211, 214, 350, 362, 372–373, 381, 410, 414; включенное ~ 139, 164, 166, 169, 171, 176–177; включенный показатель ~и 136, 138, 168–169, 172–173, 176–180; несинхронный включенный показатель~и 176; имплицитный показатель включенного ~и 170; внетекстовое ~ 274; гномическое ~ 140; грамматическое ~ 167, 171–172, 290, 344; нарративное ~ 290; нарративные формы ~и 290; натуральное ~ 287; немаркированное ~ 289; ненастоящее ~ 25; неточное ~ 42, 177; объемлющее ~ 164, 166, 171; объемлющий показатель ~и 41–42, 136, 168–179; недейктический объемлющий показатель ~и 178; относительное ~ 292; речевое ~ (~ речи) 286, 290, 293, 380; сюжетное ~ 169; текстовое ~ 275, 286, 290–292, 295, 365–366, 369, 373–374, 376, 378–379, 381, 383, 390–391, 401, 403, 413; показатель текстового ~и 169; текущее ~ 379, 397, 402; отдельно текущее ~ 383; точное ~ 41; ~ восприятия текста слушающим 371; ~ восприятия текста читателем 372; ~ героя 382; ~ говорящего 2138 (абсолютное ~ акта речи); 374; настоящее ~ говорящего 162, 173–174, 271, 290, 292; ~ наблюдателя 114, 169, 363; настоящее ~ наблюдателя 136, 161, 165, 290, 293; ~ персонажа 349, 374; ~ повествователя 206, 274, 289, 363, 374, 380, 382–383; настоящее ~ повествователя 272; ~ наблюдателя-повествователя 290; читательское ~ 390; отстранение ~и персонажей от реального ~и автора 13, 402; ~ глагола в НСВ 159; ограничения на ~ вводного глагола 331; ~ перформативного глагола 161; ~ придаточного предложения 286; ~ завершения действия 41; ~ наблюдения 363; ~ наблюдения ситуации 26; ~ наблюдения события 100; ~ повествования 372; ~ разворачивания событий 206; ~ рассказа 206; ~ ситуации 169, 295; ~ события 286; ~ создания текста говорящим 371; (грамматическая) категория ~и 13, 25, 159, 245; форма ~и 115, 159, 289, 370, 381; показатель ~и 41–42, 49, 167–168, 172, 175, 180; нереферентный показатель ~ 41; функции глагольных ~ 210; движение ~и в тексте 364; продвижение текстового ~ вперед 413; течение ~и 365–366, 369, 382–383, 401, 412; раздельное течение ~и 382; употребление ~ (временных форм) 25, 100, 171, 173, 211, 214, 380–381, 401, 406; общий принцип употребления ~ 382; нарративное употребление ~ 287; относительное употребление ~ 171, 173, 293, 407; переносное употребление ~ 25; выбор грам-

- матического ~ 402; выбор ~ свободный 403; замена прошедшего ~и на настоящее 26; употребление прошедшего ~и в значении будущего 299; идентификация ~и 406; перескок во ~и 415; отсчет ~и 290, 381; объективный отсчет ~и 290; субъективный (дейктический) отсчет ~и 290; обозначение участков ~и 336. *См.* настоящее; прошедшее; будущее; граммема, значение, интервал, интерпретация, момент, наречие, обстоятельство, сдвиг, семантика, точка (~и); игра, согласование (~); локализация (во ~и); сочетаемость; режим; ситуация; множественность; инвариант; определенность / неопределенность (~и завершения)
- всеобщность** *см.* слова кванторные
- вывод:** семантический ~ 11; формализация ~а дискурсивных импликатур 225
- выделенность:** степень ~и объекта в поле зрения 247
- вымысел** 201. *См.* мир (вымысла)
- выражение:** клишированное ~ 360; метатекстовое ~ 277; метаязыковое ~ 309; образное ~ 99; референтное ~ 245–246, 248–249; языковое ~ 244, 313. *См.* референт; сфера действия
- выражение:** лексическое ~ 11; синтаксическое ~ 11; формальное ~ 327; способ ~я значения 223. *См.* средства (~я); предикат; постулат
- выразительность** *см.* средства выразительности
- высказывание** 195, 201, 218, 225–226, 230, 232, 338, 345, 354, 359–360, 406, 410 аномальное ~ 234; изолированное ~ 363, 365; истинное ~ 227; неперебиваемое в КР ~ 343; отрицательное ~ 36; утвердительное ~ 36; императивное ~ 80; независимое ~ 195; побудительное ~ 66, 75; речевое ~ 201; идиоматическое ~ 307; самостоятельное ~ 307, 309; семантика ~я 169; содержание ~я 299; форма ~я 299; перлокутивный аспект ~я 226; иллюкутивный аспект ~я 226; контекст ~я 167, 343; отделенность автора от своего ~я 219; отделенность ~я от говорящего 208; отчуждение ~я от субъекта речи 286; иллюкутивное соотношение между предложением и ~ем 230. *См.* информативность, истинность, компонент, смысл, содержание, тема (~я); отрицание; предназначение; пространство; уровень; фон; цель; центр; согласие / несогласие, принятие / неприятие (~я собеседника)
- генезис** *см.* речь (НПР); дискурс (СКД)
- генерализация** 136, 140; контекст ~и 138; запрет на ~ю 140
- герой** 337, 365, 381–382, 385–386, 389, 391–393, 413, 416–418; главный ~ 204, 399; лирический ~ 209, 372–374, 376; ~ 1-го лица 416; отождествление автора с ~ем 392. *См.* время, голос, сознание, точка зрения (~я); лицо; момент; монолог; состояние; *ср.* персонаж
- гипотаксис** *см.* структура с ~ом
- гипотеза:** ~ о глобальной структуре текста 196; перформативная ~ 228
- глагол** 35, 45, 48–49, 52, 56, 61, 69, 85, 88, 93, 97, 101, 104–108, 120, 123, 165, 186, 252, 321, 328, 330, 333; акциональный ~ 51–52, 151; аспектуально дефектный ~ 108; атемпоральный ~ 129, 131–136, 140; вводный ~ 323, 325, 331, 333–334; волитивный ~ 105; вспомогательный ~ 68; "географические" ~ы 99; двунаправленный ~ 41, 58; делимитативный ~ (= ~ ограничительного способа действия) 97, 154; дефектный ~ 86, 93; динамический ~ 148; иллюкутивный ~ 227–228; семантически исходный ~ 107; таксономически исходный ~ 106; квазисинонимичные ~ 158; ментальный ~ 61, 105, 152; метатекстовый ~ 277; многоактный ~ 148; моментальный ~ 23, 34, 51–52, 81, 87, 93, 95, 101, 110, 115, 124; мотивирующий ~ 89, 95, 149; моторнократный ~ 44, 144; моторно-некратный 44, 46; начинательный ~ 68, 70; неконтролируемый ~ 120; непарные ~ы 16, 67, 70, 85, 124, 123, 178; неперформативный ~ 162, 165; непредельный ~ 16, 18–19, 86; непронизводный ~ 70, 82, 95, 97, 123, 148; нефактивный ~ 327; парные ~ы 16, 32–33, 44, 67, 84, 98, 106, 110, 113, 116, 122, 137, 155, 164, 182, 186; перформативный ~ 115–116, 161–165, 226–228, 232, 300, 304; предельный ~ 16, 18, 20, 22, 30, 67, 80, 86, 155; претерито-презентный ~ 96; пропозициональный ~ *см.* ПУ-глагол; производный ~ 107; реверсивный ~ 22; семиотические ~ 158; стативный (= стальной) ~ 28, 81; фазовый ~ 81, 144–

- 145; фактивные ~ 241, 324, 329–331; ~ imperfectiva tantum 84, 122, 124, 126, 136, 143; ~ perfectiva tantum 84, 122; ~ интеллектуального воздействия 321; ~ восприятия 61, 152, 266, 281, 321, 324, 331; ~ говорения 15, 21, 82, 241, 306, 324; ~ движения 100, 115, 120; ~ диспозиции 105; ~ издавания звуков 143, 148; попытки ~ постепенного изменения 109; ~ неконтролируемой каузации 158; ~ присоединения/приобретения контакта 98; ~ мнения 152, 201, 213, 266, 298, 306, 323–324, 326–331, 333; ~ "неизменения" 153, 155; ~ отношения 28, 252; ~ эмоционального отношения 324; ~ полного охвата 157; ~ оценки 108, 324; ~ передачи информации 35, 81, 321; ~ перемещения 99; ~ полагания 329; ~ преграды 157; ~ принадлежности объекта к классу 158; ~ "бесперспективного протекания" 93; ~ речи 86, 96, 107, 158, 161, 321, 338; ~ стереоскопической семантики 150; ~ эмоции (эмоциональные ~) 105, 266; ~ непосредственного эффекта 35; ~ с абстрактным значением 129; ~, выражающие относительное расположение предметов 157; ~, обозначающие принадлежность, соотношение часть-целое, тождество, подобие, равенство, происхождение, назначение 130; ~ на *-ну* 119, ~, дейктически обращенные на исходный пункт движения 82, ~, допускающие фактивное употребление 331; ~, не допускающие безуспешной попытки 35; ~, у которых из НСВ наст. семантически следует СВ прош. 35; ~ с внешним пределом 123; ~ с внутренним количественным пределом 186; взаимодействие ~а с временным локализатором 16; употребление ~а 106, 125; запрет на употребление ~а в 3-м лице 331. См. сочетаемость глагола; актанта, время, диатеза, лицо, наклонение, сдвиг (значения), семантика, смысл, субъект (~а); класс(ы), классификация (~ов); форма (залоговая, личная, неличная ф. ~а); вопрос (с вводным ~ом); презумпция; императив; пара (видовая); ситуация; членение; категория (таксономическая); СВ; НСВ; *ср.* предикат
- глаголоупотребление** см. класс(ы) (~ий)
- говорящий** 12, 19–20, 38, 53, 59, 62–64, 73, 75, 77–80, 100, 163–164, 169, 173–174, 178–180, 197, 200–201, 204, 208–210, 212–213, 216–224, 226–229, 232, 234–235, 237–239, 241, 244–248, 250–269, 276, 280–281, 285–286, 288–292, 294–295, 299–303, 308–310, 312–315, 317–319, 321, 324–328, 331–334, 336–342, 345–346, 348–349, 357–360, 372, 379, 387, 405–406, 408, 411; ~ субъект 218, 277, 405; канонический ~ 406 полноценный ~ 260; реальный ~ 265; ~ в 3-м лице 337, 345–346, 410; ~ как субъект восприятия 264; ~ как субъект действия 262; ~ как субъект речи 263, 276, 280; ~ как субъект сознания 263; ~ vs. наблюдатель 266; гипотеза ~его 229; допущения ~ его 228; исходные допущения ~их 221; поведение ~его 219; социальный приоритет ~его 76; эмоциональная реакция ~его 80, 325; суждение ~его 328; убеждения ~его 326; ограничение на ~его 380; смена ~его (*недопустимость*) 393; отделенность высказывания от ~его 208; потенциальный конфликт ~его и субъекта ПУ 250. См. аналог (заместитель), время, голос, знания, местоположение, мир, мнение, намерение, оценка, поле зрения, презумпция, присутствие, референция, сознание, состояние, сфера, точка зрения, устранение, фокус эмпатия, цель, экспрессия (~его); неопределенность; ориентация; отсылка; внимание; дистанцирование; жест; момент; состояние; установка; субъект сознания — ~; наблюдатель~
- говорящий-повествователь** 345
- голос** 335; чужой ~ 354, 359; ~ автора (авторский ~) 218, 258; ~ героя 352; ~ говорящего 342; ~ ДРУГОГО 360; ~ персонажа 345, 348, 354, 357, 360–361, 380, 382, 402; ~ повествователя 345, 352, 359–360, 382; ~ субъекта речи 342; ~ Я 360; атрибуция ~а 352. См. интерференция (~ов)
- градатив** 117–118
- грамматика** 85, 108, 120, 223, 300; традиционная ~ 85, 95; трансформационная ~ 297, 308; ~ Монтэго 222; ~ лексической семантики 97. См. семантика (~и)
- грамматичность** категории вида 88
- граммема** 9; ~ вида (видовая ~) 9, 21, 24, 85, 89, 126, 163, 178; ~ времени 21, 90, 126, 163, 178; набор ~ в составе глаголь-

- ной формы 66; ограничение сочетаемости видовых ~ 88; собственное значение ~ы 11; употребления ~ы 25. *См.* синтактика, предпосылка (исходная семантическая п. ~ы), сочетаемость глагола (с ~ами СВ и НСВ); настоящее; прошедшее; НСВ; СВ
- группа** партитивная ~ 189; нереферентность партитивной ~ы 190; семантическая ~ 84; субъектная ~ 134
- группа именная (ИГ)** 255, 358; неопределенная ~ ~ 255, 257; нереферентная ~ ~ 191; определенная ~ ~ 257; референтная ~ ~ 250; слабоопределенная ~ ~ 257; дейктическая семантика ~ ~ы 256; структура ~ ~ы 253, 256; толкование ~ ~ы 358. *См.* денотат, референт, референция (~ ~ы); постпозиция, препозиция; статус
- группа количественная (КГ)** 103, 182–190; неопределенная ~ ~ 188–190. *См.* пропозиция (с КГ)
- дальнее** vs. ближнее 13
- движение** направленное 148, 120; однонаправленные ~я 118; исходный пункт ~я 82; конечный пункт ~я 186. *См.* глаголы (~я); время
- двойник** автора 392; ~ настоящего автора 389
- двойничество:** отношение ~а 390
- двунаправленность** 22
- двухголосие** 360
- дейксис** 225, 245–247, 259, 269, 276, 283–284, 298–299, 309, 407–408; собственно ~ 268–269; ближний (проксимальный) ~ 344; временной ~ 269; вторичный ~ 169, 265–266, 268–269, 283, 285, 293, 318, 321, 407, 411; ~, ориентированный на наблюдателя 268; нарративный ~ 268–270, 272, 407; первичный ~ 265–266, 268–269, 283–285, 298, 321; пространственный ~ 100, 267–269, 293; ~ 1-го и 2-го лица 271; правило (закон) обязательности ~а 100, 174, 271, 340; замена ~а на анафору 341; аналогия между ~ом и вводными словами, субъективной модальностью 197. *См.* субъект, сфера (~а)
- дейктичность** 245, 336; первичная ~ 295–296
- действие** 10, 16–18, 22, 35, 49, 56–57, 81, 101, 103–107, 109–112, 114–115, 122, 124, 143–145, 149, 156, 190, 376, 391; абстрактное ~ 112; актуально длящееся ~ 112; безуспешное ~ 20; длящееся ~ 120; единичное ~ 60; завершенное ~ 41, 53, 109, 164–165; контролируемое ~ 56, 81; гарантированно контролируемое ~ 114; многократное ~ 123; множественное ~ 143–144; моментальное ~ 120, 156; противоположно направленное ~ 10, 22, 38; неконтролируемое ~ 27, 56; новое ~ 83; обусловленное ситуацией ~ 77; контекстно обусловленное ~ 83; обычное ~ 107, 110, 112, 115, 120; однократное ~ 125; ожидаемое ~ 72; повторяющееся ~ 213; узуально повторяющееся ~ 10; регулярное ~ 48; узуальное ~ 14, 147, 168; речевое ~ 161, 165–166, 225, 302; само собой разумеющееся ~ 71; ~, допускающее безуспешную попытку 74; ~, достигшее предела 32, 53; ~, не делящееся на фазы 81; ~, предполагающее процесс в объекте, не синхронный деятельности субъекта 112; ~ адресата, обусловленное контекстом данного р.а. 71; ~ главного персонажа 391; ~ в развитии 107, 109–112; ~ с акцентом на результате *см.* достижения; ~ с накоплением результата 112; глаголы ~я 27, 103–104, 106, 109, 111, 115, 143; глаголы, обозначающие заключительную фазу ~я 82; окончание (завершение) ~я 17, 21, 41; отнесенность ~я к будущему 83; предельный срок исполнения ~я *см.* deadline; разобщенность ~я с моментом речи 37, 43, 46, 48, 50, 57, 62; расчленение ~я на последовательные акты 184, 188–189; немедленное совершение действия 70; совпадение начала ~я с моментом речи 82. *См.* акт, кратность, место, мотивированность, направленность, обусловленность, предел, результат, фаза (~я); референция; дистанция; тенденция; побуждение; настоящее; способ ~я
- действительность** 218. *См.* фрагмент (~и)
- декаузативизация** 141
- делимитатив** 106–107, 109, 118, 121, 125, 145–147, 149, 151, 154, 187; производный ~ 145; ~, мотивированный инактивным процессом 146; показатель ~а 136. *См.* тест (на ~)
- денотат** 249; ~ именной группы 250

- дериват** семантический 100
- деривация** семантическая ~ 97, 162
- описание** 249, 254, 256–257, 358; определенная ~ 255. *См.* оператор; сфера действия; употребление
- детерминатив** *см.* сочетаемость глагола (с количественными ~ами)
- дефектность:** семантическая ~ набора значений видовой формы 122
- деятельность** 16–17, 42, 104, 107, 109, 111–112, 114, 118–119, 128–129, 131, 133–135, 137–151, 153, 156, 186–187, 189; собственно ~ 147; аккумулятивная ~ 107; конкретная ~ 17, 147; многоактная ~ 107, 118–119; неконтролируемая ~ 141; неопределяемая ~ 109, 127; однородная ~ 149; первичная ~ 109; предельная ~ 109; производная ~ 109; разноименная ~ 149; специфицированная ~ 112; физиологическая ~ 141; целенаправленная ~ 101, 103; ~, неомогенная результату 112; ~ с внешним пределом 144; ~ с накоплением результата 119; с ингерентной целью 145; ~, ведущая к результату 112; ~, не имеющая внутреннего предела 16; глаголы ~и 71, 103, 120, 125–126, 144–148, 151; ~ конкретной деятельности 147; завершение ~и 41, 104; продолжительность ~и 147; проявление состояния в ~и 146. *См.* итог, предел, результат, субъект (~ и); точка зрения; процесс
- диалектизмы** 355
- диалог** 217, 289, 335. *См.* теория (~а)
- диалогичность** 280, 309, 336
- диалогизм** 206, 217, 396
- диатеза** 152; бессубъектная ~ 158; производная ~ 101
- диктум** 227
- динамичность** 128, 141; ~ vs. статичность 127
- динамика** 91, 114. *См.* восприятие (текста)
- дискретность** ситуации 45
- дискурс** 225, 349; персональный ~ 381; разговорный ~ 198, 200, 209, 245, 266, 273, 290, 320, 332–337, 340–341, 355, 405–407; речевой ~ 336, 345–346; ~ без повествователя 345; виды ~а 374. *См.* импликатура, план (~а)
- дискурс свободный косвенный (СКД)** (free indirect discourse) 204, 206–207, 214, 276, 280, 321, 331, 334–337, 343–354, 359–361, 370, 378–380, 382, 385, 394–395, 397, 399, 401, 403–404, 409–410, 416–418; монологический СКД 394, 403, 411; полифонический СКД 394, 411; усложненный СКД 352; семантический анализ СКД 345; генезис СКД 346; синтаксические/формальные маркеры СКД 346; показатели СКД 416; формальные признаки СКД 347; художественные функции СКД 350. *См.* субъект (СКД)
- диспозиция** 105, 130. *См.* глагол (глаголы ~и)
- дистанцирование** 349; ~ повествователя ситуации от читателя 289; ~ ситуации от говорящего и слушающего 289
- дистанция** между действием и рассказом 380
- дистрибутивность** 23, 27, 40–41; контекст ~и 41
- дифференциация** лексических значений глагола 99
- длительность:** ~ ограниченная / неограниченная 31; ~ незакончившейся ситуации 170; показатель ~и 136, 167, 170, 172, 177, 180; замкнутый показатель ~и 172, 175, 177–178, 180; незамкнутый показатель ~и 172, 175, 177; неистекший показатель ~и 175, 178, 180; показатель "интенсивной" ~и 138. *См.* обстоятельство; предел
- дневник** 209, 214, 370
- долженствование** 54
- дополнение** 61, 183; прямое ~ 182, 186; пропозициональное ~ 61; уточняющее ~ 75; ~ в партитиве 189; контекст ~я конкретно-референтного статуса 16
- достижения** (действия с акцентом на результате) 107, 109–113, 126, 154, 156
- достоверность:** показатели ~и 313–314, 316; модальные показатели ~и 313; парентетические показатели ~и 314; степень ~и 299, 325. *См.* оценка (~и информации)
- ДРУГОЙ** 360. *См.* голос, мир (~ого); установка
- дублирование** *см.* повтор
- дыры** (holes) 241–242
- единица:** грамматическая ~ 222, 297; лексическая ~ 106, 195; языковая ~ 9, 59, 195, 199, 297. *См.* коммуникация; текст; язык

- единичность** 11, 26–27, 39–40, 42, 46–47, 54, 58; контекст ~и 27, 47
- единственность** энциклопедическая 247
- единство** сверхфразовое 196.
- жанр**: литературный ~ 198; нарративный ~ 392; повествовательный беллетристический ~ (fiction) 195, 385; речевой ~ 224; обыгрывание законов повествовательного ~а 392; эксперимент в области новых возможностей ~а 392; ~овое различие 210. *См.* норма
- желание**: речевой акт выражения ~я 303. *См.* субъект ~я
- жест** указательный: ~ ~ говорящего 199, 247, 248, 260; реальный или воображаемый ~ ~ говорящего / слушающего 259
- зablуждение**: иллокутивное ~ (illocutionary fallacy) 228; перформативное ~ 228
- загородки** (hedges) 205
- задача** таксономическая 109
- заклучение** на основе опосредованного контакта 315
- законченность** 164
- закономерности** синтаксические 167
- залог**: активный ~ 161; пассивный ~ 98. *См.* форма
- замена**: синонимическая ~ 160; квазисинонимическая ~ 158
- заместитель** говорящего *см.* аналог
- заместитель-персонаж** 265
- заместитель-повествователь** 265
- занятие** 28–29, 91, 108, 114, 147, 149; глаголы ~я 129, 146, 149
- записки** 214
- зарисовка** пейзажная 387
- затруднения** морфологические vs. семантика 104
- затычки** (plugs) 241
- знак** 222; нулевой анафорический ~ 322; немотивированный языковой ~ 225
- знание**: ~ языка 219, 239; по знакомству / по описанию 261. *См.* модус, предикат, субъект (~я);
- знания**: фоновые ~ 218, 223; фоновые ~ говорящего и слушающего 221; экстралингвистические ~ 219; ~ говорящего 326. *См.* фонд
- значение** 11, 74, 195, 222, 224; абстрактное ~ 129; вторичное (производное) ~ 10–11, 285, 293; вырожденное ~ 25; генерализованное ~ 151; грамматическое ~ 223; дейктическое ~ 173, 179, 246, 270, 273, 295, 356; собственно дейктическое ~ 293; делексикализованное ~ 130; делимитативное ~ 97; дескриптивное ~ 248; инвариантное ~ 290, 295; ингрессивное ~ 148; интенциональное vs. экстенциональное ~252; истинностное ~ 232, 235, 250, 252; исходное ~ 107; конвенциональное ~ 238, 242; лексическое ~ 16, 28; метаязыковое ~ 318; нетривиальное 115; номинативное ~ 85; обобщенно-личное ~ 212; контекстно обусловленное ~286; оценочное ~ 108; собственно оценочное ~ 300; первичное (основное) ~ 10, 11, 13, 32, 86, 107, 125, 199, 285, 287, 363; переносное ~ 157, 249; прагматическое ~ 221; прямое ~ 81, 305, 351; стандартное ~ 98; текстовое ~ 363; тривиальное ~ 86; устойчивое ~ 21; частное ~ 10–11, 31; ~ гиперболической множественности 108; ~ раздельной множественности 105; единство vs. множественность ~ 10; исчисление ~й 25; список ~ 9, 25; основное грамматическое ~ словоформы 285; актуальное членение лексического ~я 56; экзистенциальное коммуникативное членение лексического ~я 36, 43, 46, 48–49; *См.* компонент, нестандартность (~я), дифференциация
- значение видовое** (аспектуальное) 6, 9, 12, 16, 25, 28–29, 42, 66–67, 84–86, 89–90, 97, 107, 115, 125, 159, 161, 164–165, 170–171, 286; актуально-длительное ~ ~ (прогрессив) 10, 15–16, 18–19, 21, 23–24, 28–29, 35, 40, 42, 45, 67–68, 81–82, 85, 100, 107–108, 112, 115, 120, 122, 124–125, 128, 150, 156, 161–162, 165–166, 170–171, 173–178, 180, 182–185, 187, 269, 275, 286, 288, 363; синхронное актуально-длительное ~ 191; акциональное ~ ~ 43, 48–52, 56–57, 64; дистрибутивное ~ 27; дуративное ~ ~ 10, 12, 15, 42, 180, 184; завершенное ~ ~ 165; завершенное синхронное ~ ~ 165; идиоматическое ~ вида 88; имперфектное ~ ~288; инвариантное ~ ~ 9, 85, 94, 102; конкретно-процессное ~ 10; континуальное (длительное) ~ ~10, 86, 97, 125, 170; многократное (итеративное) ~ ~ 10, 11, 15, 20–21, 23, 26, 68, 70, 86, 90, 97, 104, 107, 117, 213, 286; моментальное (instantaneous) ~ 163, 165; наглядно-примерное ~ 213; неактуальное ~ 29; неактуально-длительное ~ 28, 67;

- неопределенно-кратное неузуальное ~ ~ 26; общефактическое ~ ~ 12, 15, 19, 26–27, 19, 23–24, 26, 31–32, 36, 39, 41–42, 45, 48–52, 61–62, 69, 81, 83, 22, 166, 171, 176–177, 275, 369; двунаправленное ~ ~ 10, 22, 33; конкретное 43–44, 46–47; непередельное ~ ~ 10, 19, 21, 33, 42; нерезультативное ~ ~ 10, 22, 33, 286; результативное ~ ~ 10, 33–34, 20–22, 32, 34, 42, 47, 50–51, 53, 57, 61, 286; экзистенциальное ~ ~ 43, 45–48, 51–52, 286–287, 294–296, 369; основное ~ ~ 85; перфектное ~ ~ 13, 62, 154, 158, 160; перформативное ~ ~ 165–166; постоянно-непрерывное ~ ~ 10; потенциальное ~ ~ 10, 11, 183, 286; процессное ~ 98–100; событийное (~ "СВ") 154, 158, 160, 288, 290, 377; стативное (статальное) 28–29, 96, 98–99, 100, 105; узуальное ~ ~ 10, 27, 88, 100, 108, 125, 171, 286, 402; частное видовое (частновидовое) ~ 9–10, 24–25, 85, 107–108, 115, 167, 120; ~ ~ перформативов 166; ~ славянского вида 85. См. парадигма
- значение видо-временное** (аспектуально-временное) 140, 162–163, 170
- значение временное** (~ времени) 59–60, 108, 161, 163, 285, 293; базовое ~ ~ 286; нарративное ~ ~ 291, 349; ~ ~ относительно 273; ретроспективное ~ ~ 22, 151, 296, 381; речевое ~ ~ 401. См. инвариант (~ ~я)
- значимость:** коммуникативная ~ (= важность) 38, 325–326, 329, 334; структурная ~ 365
- игра:** языковая ~ 134, 141; ~ времен (временами) 372–373; ~ интерпретациями 374; ~ на неоднозначной интерпретации 417; ~ на неоднозначности 210; ~ на неоднозначной контекстуализации вводного слова 348; ~ на неоднозначности и неопределенности точки зрения 380; ~ на рассказчике 412; ~ с повествовательной формой 392
- идентификация** 245–246, 259, 261, 281; ~ объекта 245–246, 257, 259, 261, 281, 405; способность к ~и 257, 261; показатели ~и 281. См. субъект (~и); пропозиция
- идиоматичность** НСВ 88
- иерархия** базовая таксономической категории 104, 109–110
- известное** 281
- известность** 222, 245. См. презумпция ~и
- изобразительность** 99; элемент ~и 99
- иллокуция** 227
- имитация:** ~ речевого акта автокоррекции 371; См. текст (~ создания)
- императив** (повелительное наклонение) 56, 66–67, 69, 78–79, 81, 90, 210, 231, 302, 307, 336, 344; отрицательный ~ 67; семантика ~а 231; субъектное употреблений ~а в значении условного наклонения 302; употребления ~а 67, 76, 302; ~ в НСВ 66–71, 74–76, 79–83. См. неподчинимость
- имперфектив** 107; бесприставочный ~ 123; вторичный ~ 123
- имперфективация** 90, 95; вторичная ~ 89; видовая пара, образованная ~ 89
- импликатура** 20–22, 57, 69, 87, 156–157, 237; ~ дискурса (conversational implicature, дискурсивная) 225, 237, 239; коммуникативная ~ 20–21, 50, 237–238; конвенциональные ~ 242; ложная ~ 255; неотделимость ~ы 240; подавление ~ы 239. См. вывод
- импликация** 13, 18, 74, 86, 92, 123; ~ в толковании 18
- импульс** начальный 112
- имя** 249, 254; собственное ~ 246, 256, 349–350; счетные vs. несчетные ~а 197; смысл ~и 249. См. понимание (~и); употребление
- инвариант** 25, 288–289; семантический ~ 24; смысловой ~ 10; ~ видового значения (видовой) 9, 85; ~ нетривиальных видовых соотношений 102; ~ семантики СВ 153; ~ значения времени 349; семантический ~ противопоставления 1-го и 3-го лица 349
- ингрессив** 147–149, 151; показатель ~а 136
- индикатив** 66–67, 81, 230
- интенционал** придаточного предложения 252
- интервал:** актуальный ~ 46; включенный ~ 164–166; временной ~ (~ времени) 14, 17, 27, 29–31, 41–42, 46, 110, 131, 134, 138, 147, 165, 168, 170, 172, 179, 383; замкнутый (истекший) 170, 172, 175, 177–178, 180–181, 363; имплицитный ~ 14; конкретно-референтный ~ 175; незамкнутый ~ 31, 172; неистекший ~ 170, 175, 177; объемлющий ~ 165–166, 179;

- ограниченный ~ 30; референциальный ~ 173, 164, 170, 172, 175, 177, 294; сверхдольгий ~ 27, 29, 127, 131, 134–135, 137, 147, 149, 168; сверхкраткий ~168; синхронный ~ 17; статический ~ 111, 113; ~ vs. точка 162, 168. См. обстоятельство; локализация; согласование
- интерпретация** 112, 115, 136, 188, 198–199, 286–287; агентивная ~ 369; акторечевая ~310, 312, 318–319, 407; актуально-длительная ~ 36, 112; анафорическая ~ 407; дейктическая ~ 271, 275, 292–293, 340; единичная ~ 39; ингрессивная ~ 364; каузальная ~ 158; конкретно-референтная ~ 140; многократная ~ 35, 52; монологическая ~ 360; нарративная ~ 292, 365–366, 407; несочувственная ~ 326; общефактическая ~ 36; персональная ~ 207, 283, 320, 348, 381, 407, 410; перфектная ~ 158; повествовательная ~ 207, 381, 410; собственно процессная ~ 114; результативная ~ 45, 50, 53, 57; речевая ~ 319, 321, 378; синтаксическая ~ 266, 293, 310, 312, 318–321, 340, 407; семантическая ~ 196, 198, 201, 310; непротиворечивая семантическая ~ 392; сочувственная ~ 327; стальная ~ 369; тендентивная ~ 118; экзистенциальная ~ 44, 286, 287, 292–293; ~ (грамматического) времени 210, 378, 340; ~ процессов 114, 118; ~ текста 196, 201, 219, 347, 370, 407; ~ видо-временной формы 162; ~ временной формы; ~ эгоцентрических элементов 283; изменение (смена) ~и 199–200, 210, 318, 334, 337; правила ~и 196, 199–201, 332, 337; неединственность ~ и на собственно языковом уровне 219; сбой в ~ временных форм 374; условности ~и языковых элементов 199; участие момента речи в ~ текста 373. См. режим (-и); множественность (-й); сдвиг; игра; ориентир
- интерференция** голосов 361
- интонация** 223–224, 287, 297, 302, 305, 322
- информативность:** ~ высказывания 19. См. постулат(ы) (-и)
- информация:** имплицитная ~ в тексте 244; лексикографическая ~ 133; лексикографически существенная ~ 132; ложная ~ 304; характерная / нехарактерная ~ 315; ~, заключенная в контексте 11; неизвестная адресату ~ 75–76; новая ~ 75, 330; семантическая ~ 104; фоновая ~ 290, 370; достаточность / недостаточность ~и 316; отказ от сообщения ~и 330. См. передача; функция
- инцептив** 113, 118, 120–121, 132, 148; приставочный ~ 147
- ирония** 303, 305, 327, 350–351, 397; ~ повествователя 370; скрытая ~ автора 216; речевой акт ~и 303, 305
- исчисление** 120. См. значение; категория
- искренность** см. условия ~и
- исполнитель** референциальный 267
- использование** нарративное 401
- истинность** 231, 234, 250; ~ всего высказывания vs. исходного придаточного 325; ответственность за ~ пропозиции 332. См. презумпция; постулат(ы), условия (-и)
- история** трансформационная 344
- итератив** 104, 108, 113–114, 120, 125; чистый ~ 110; значение ~а 105
- итерация:** показатель ~и 136; ограничения на ~ю 139; тривиальное значение ~и ситуации 93.
- итог** 187; количественный ~ 87, 97; запланированный количественный ~ 189; незапланированный количественный ~ 187; незапланированный ~ 187–188; окончательный ~ 189; промежуточный ~ 87, 187–189; ~ деятельности 187; достижение ~а 87. См. ситуация
- кавычки** 340–342, 353, 357–358; подразумеваемые ~ 360; явные ~ 360; заместитель ~ 356
- каламбур** 219
- каркас** 410; временной ~ повествования 380, 401; метатекстовый ~ 410–411;
- картина** мира 222; ~ происходящего 388
- категория:** грамматическая ~ 285; значение грамматической ~и 285; дейктическая ~ 245; дейктическая грамматическая ~ 259; вторичная дейктическая ~ 287, 365; первичная дейктическая ~ 287, 293; классифицирующая ~ 84–85; лексическая ~ 241; первичная (исходная) ~ 105, 107; производная ~ 105, 107; словоизменятельная ~ 85; таксономическая ~ (Т-категория) 103–109, 112, 114, 116, 118, 120, 122, 142, 145, 156, 364; конкретная Т-- 109; малая Т-- 108, 114, 120, 156; непроемная Т-- 125; обоб-

- шенная Т-- 109; первичная Т-- 105—109, 120; производная Т-- 105, 107, 109, 120, 125; Т-- базовой иерархии 110; Т-- глагола в узуальном употреблении 125; Т-- НСВ 111; Т-- парного НСВ 110; иерархия Т--й 104; исчисление Т--й ~ 105; ~ постоянных свойств и соотношений 124. См. область определения (-и); классификация (Т--й); время
- категоричность** 66
- каузатив** 153
- каузатор** 141—142, 146; агентивный ~ (-агенса) 16, 17; активный ~ 17; фоновый ~ 156
- каузация** 104, 111; скрытая ~ 142; неконтролируемая ~ 158; отношение -и 376. См. глагол
- квазисинонимия** СВ и НСВ 158
- квазицитирование** 354
- квант** см. ситуация
- квантификация** универсальная - показатели ~ 185
- квантор** 222; ~ общности 139, 168; ~ существования 168; ~ существования по моменту времени 19
- класс** аспектуально релевантный ~ 117; грамматический 302, 308; грамматический иллокутивный ~ 301—302; естественный семантический ~ 21; тематический ~ 121; формальный ~ 84; -ы глаголов 9, 16, 97, 106; глагольные ~ ы по Вендлеру 90, 101, 103; лексические ~ы глаголов 9, 67, 74, 88; семантические ~ы глаголов 87; тематические ~ы глаголов 137, 157; ~ы глаголов НСВ семантические/лексические 35; ~ы глаголуупотреблений 16; иллокутивные ~ы предложений 301; ~ ситуаций 106; ~ы слов 17; семантические ~ы слов 16; таксономический ~ характеризуемой ситуации 140; свойство -а 130. См. глагол
- классификация:** семантическая ~ 313; семантическая ~ глаголов 84; таксономическая ~ глаголов 122, 124; ~ таксономических категорий 107; семантическая ~ вводных слов и оборотов 313; ~ иллокутивных функций 247; срез -и 107; ~ эгоцентрических элементов 406
- клише** 355
- количество** 189—190, 222; неопределенное ~ 189; показатели -а 182, 185, 187, 189
- комиссивы** 227
- комментарий** 344, 345; ~ автора 206; прямой ~ в повествовании 214
- коммуникация** 200, 219, 235—236, 337; единица -и 218. См. постулаты, условия (-и)
- комплименты:** ответы на комплименты 224
- композиция** 411 художественная ~ 216; ~ текста 214, 412; ~ художественного текста 200, 217. См. целостность
- композиционность:** принцип -и значения 241
- компонент** 83, 104; аппозитивный ~ 236; ассертивный ~ 54, 57, 59—60, 87, 154, 156, 236; атрибутивный ~ 244; вводный ~ 325, 236; гетерогенный ~ 156; главный ~ 326; денотативный ~ 222—223; диалогический ~ 308; диктальный ~ 230; избыточный ~ 21; имплицитивный ~ 243; имплицитный ~ 236—237; инвариантный ~ 10; индикативный ~ 325; инцептивный ~ 153—156, 160; иллокутивный ~ 307, 409; коммуникативно значимый ~ 325; конвенциональный ~ 238; неконвенциональный ~ 244; неассертивный ~ 41, 232; нейтральный ~ 243; "непогашенный" ~ 154; неустойчивый ~ 54, 154, 156—157, 243, 294; отчетливый ~ 37; оценочный ~ 256, 329; перфектный ~ 153—154, 156—157, 294; грамматический перфектный ~ 294; подразумеваемый ~ 56; подчиненный ~ 326; побочный ~ 209; подчиняющий ~ 326; прагматический ~ 79, 222—223; презумптивный ~ 87; результативный ~ 41; семантический ~ 21, 27, 31, 34, 43, 48, 54, 61, 104, 209, 222, 236—237, 239; синтаксический ~ 303; смысловой ~ 25, 232; субкатегориальный ~ 112; субъективный ~ 222—223; субъективно-модальный ~ 329, 358; существенный ~ 26; универсальный ~ 31; установочный ~ 222—224; устойчивый ~ 21; фактивный ~ 64; фоновый ~ 156, 209, 224, 236, 243; экспрессивный ~ 222—223, 308; факультативный ~ 114; факультативный ~ ситуации 91; ~ высказывания 243, 307; ~ значения 21, 26, 37, 54, 60, 64, 79, 222, 224, 256, 294, 308; общий ~ значений 42; ~ содержания предложения 409; ~ толкования 21, 33, 39, 43, 104, 126; непротиворечивое соединение семантических ~ов 313; общие законы взаимодействия с ассертивными и презумптивными ~ами 59. См. статус

- конатив** 111–112, 114, 156
- конверсия** см. словообразование (по -и)
- конкретизация** 370
- конкуренция** видов 53
- коннотация** 56
- константа** 18
- констатация** факта 36
- конструкция:** аппозитивная ~ 323; вводная ~ 280, 321–328, 330–333, 344–345; собственно вводная ~ 323–324, 329, 331–332; вводная ~ с субъектом в 3-м лице 328; парентетическая ~ с субъектом не-1-го лица 333; вводно-союзная ~ 323–324, 327–329, 331–332; гипотактическая ~ 326; иллокутивные ~ 224; линейно-интонационная ~ 297; нейтральная ~ 332–333; нефактивная ~ 333; номинализованная ~ 61, 64; немодальные ~ 309; опативная ~ 347; подчинительная ~ 334; синтаксическая ~ 9, 140; фактивная ~ 332; эгоцентрическая ~ 397, 405; экспрессивная ~ 308; языковая ~ 337–338; ~ с косвенной речью 337; -, ориентированные на 2-е лицо 336; замена гипотактической ~и на вводную 322, 329; семантическая интерпретация ~й 198. См. контекстуализация (~и); цитирование
- контакт** адресата с повествователем непосредственный ~ 289; контекст личного ~а субъекта сознания с ситуацией 315. См. заключение
- контекст** 11–12, 14, 20–21, 23–26, 30, 33, 56, 65, 77, 79–80, 83, 85, 87–88, 90, 93, 115–116, 122–123, 125, 135, 155, 158, 161–164, 171, 178, 186–187, 189, 195, 198, 221, 232, 239, 245, 267, 295, 305, 308, 318, 343, 358, 360, 396; аспектуально однозначный ~ 85; благоприятный ~ 44; временной ~ 131; внеязыковой ~ 34, 71; диагностический ~ 90, 160; диалогический ~ 306–307; изъяснительный ~ 178; исторический ~ 198; коммуникативный ~ 195; лексико-синтаксический ~ 355; лексический ~ 11, 19, 23–24, 29, 33, 178, 396; литературный ~ 198; минимальный ~ 11; модальный ~ 240, 250; непрозрачный ~ 251; неэкстенциональный ~ 249–250, 257; отрицательный ~ 27; парадигматический ~ 281; подчиненный ~ 318; подчинительный ~ 65, 302, 306, 311, 358; полемический ~ 36; прагматический ~ 33, 46, 50, 61, 159; предельный ~ 46; прозрачный ~ 251; пропозициональный ~ 341; противоречащий ~ 31, 154, 294; референциально прозрачный ~ 250; речевой ~ 50, 316; синтаксический ~ 11, 23–24, 29–30, 33, 355; синтаксически подчиненный ~ 342; ситуативный ~ 11, 23–24, 30, 50; социальный ~ 198; специальный ~ 44, 146; уместный ~ 47, 372; утвердительный ~ 56; частный ~ 12; экзистенциальный ~ 44, 46; языковой ~ 71; языковой/внеязыковой 39; влияние ~а 31; набор ~ов 24; параметры ~а 125, 164; релевантные параметры ~а 25, 55, 161–162; частные признаки ~а 15. См. параметр, релевантность (~а); вопрос; генерализация; дистрибутивность; единичность; кратность; многократность; нейтрализация; неконтролируемость; отрицание; падеж; припоминание; ретроспекция; узальность; цитирование; информация
- контекстуализация** 407 ~ главного предложения 266; ~ конструкции 333; ~ предложения 267; ~ эгоцентрического элемента 310, 350, 406; ~ относительно текстового субъекта 310; ~ через персонаж 410 ~ через повествователя 356, 410. См. игра
- континуум** пространственно-временной 369
- контрагент** 292
- контрадикторность** 64
- контрапозиция:** закон ~и 234
- контрапункт** см. точка зрения
- контролируемость** 52, 107, 127–128, 144
- контроль:** гарантированный ~ 114; неявный ~ 116; семантический ~ 90; контекст неполного ~я 111.
- контур** экспрессивный интонационный 307
- концепт** 253; ~ оценочного типа 256; ~ характеризующего типа 256; ~ (смысл) предложения 231; ~ (смысл) референтного выражения 245, 249
- конъюнкция** логическая 222
- кооперативность** см. предположение о ~и 238
- кооперация:** принцип ~и 237–239, 254–255
- координата:** прагматическая ~ 247; действительные ~ы 245; центр системы пространственно-временных ~ 202
- корреферентность** 245
- корпус:** основной ~ 199; собственно повествовательный ~ текста 336

- коррелят** видовой 90; многократный 89; тривиальный 89, 93. *Ср.* партнер
- кратность** 15, 26–27, 34, 39, 43, 45–46, 48, 52, 58 139; неопределенная ~ 24, 26–27, 39; определенная ~ 24, 26; потенциальная ~ 40, 44, 46–48; ~ действия 401; ~ ситуации 40, 45–47; контекст ~и 27, 42; показатели ~ 44, 136, 139. *См.* обстоятельство; ситуация; следствие
- критерий**: ~ Маслова (функциональный ~) 104–105, 117–118, 120, 123; квазисловеские ~ 123; экстенционально эквивалентный ~ 105; однозначный ~ видовой парности 90; ~ речевого режима 287
- критика** литературная 198
- кульминация** - отбрасывание ~и 106
- кумулятив** 109
- лексема** 9, 29, 85, 88, 92, 95, 105, 109; аспектуально не соотнесенные ~ы 34; парные ~ы 85; самостоятельные ~ы 88. *См.* словоформы (одной ~ы)
- лексика** 223; официальная ~ 77; экспрессивная ~ 308
- лингвистика** 198, 221; ~ текста 196
- лирика** 199, 208–210, 337, 409. *См.* ситуация (коммуникативная); язык (~и) 209
- литература**: художественная ~ 244, 370. *См.* теория (~ы); язык (х. ~ы)
- лицо** 162, 174, 213, 393; авторитетное ~ 328; 1-е ~ 161–163, 210, 324, 336, 340–341, 372, 378, 380, 385–388, 391, 393, 397, 416; 1-е ~ денотативное vs. грамматическое 162; не-первое ~ 162, 321; 2-е ~ 161, 210, 336, 340; 2-е ~ диегетическое / экзегетическое 210; 2-е ~ обобщенно-личное 211–213; 3-е ~ 341, 344, 348, 378–379, 385–386, 391, 393, 397; семантика 3-го ~а 349; замена 1-го ~а на 3-е 319, 346; ограничения на употребление ~а 323; семантика ~а в поэзии 210; уподобление 3-го ~а 1-му 320; глагол 1-го ~а 161, 323; глагол 3-го ~а 323, 327; запрет на употребление глагола в 3-м ~е 331; субъект 1-го ~а 162, 312, 317, 325, 331, 333, 342, 348; субъект 3-го ~а 317–318, 320, 328, 331, 333, 348–349; субъект не-1-го ~а 334; ~ главного героя 204; ~ вводного глагола 323; ~ субъекта во вводной конструкции 323; ~ субъекта установки 325. *См.* инвариант; местоимение, герой, дейксис, наречие, нарратив; конструкция; повествование; функция
- логика** 221; двузначная ~ 235. *См.* семантика (в ~е); суждение (в ~е)
- ложность** 231, 234; ~ пресуппозиции 234
- локализатор** пространственный / временной 62; пространственный ~ 149; взаимодействие глагола с временным ~ом 16
- локализация**: абсолютная ~ 269; относительная ~ 269; временная ~ (~ во времени) 25, 42, 83, 127, 129–131, 133, 135; конкретная временная ~ 137; абстрактная временная ~ 133, 139; временная ~ в обычных временных интервалах 141; точная временная ~ процесса 19; временная ~ ситуации 13, 29, 167; временная ~ события 365, 400; пространственная ~ 25, 142–143, 270; пространственная ~ события 401; пространственная ~ субстанции 142; ~ в сверхдолгих интервалах 29. *См.* неопределенность
- маркированность** аспектуальная 106
- материал** - разрушение "фабульного материала" 412
- междометия** 224, 344, 355, 380
- мера** - показатели ~ 189. *См.* сочетаемость глагола
- место** 415; ~ действия 201; показатель ~а действия 49. *См.* обстоятельство (~а)
- местоимение** 169, 340, 349; анафорические ~ 270, 292; анафорические ~ 3-го лица 340; возвратные ~ 292; вопросительные ~ 306; дейктические ~ 202, 246, 248–249, 319, 379; дейктические ~ 1-го или 2-го лица 340; личные ~ 319; неопределенные ~ 248, 282; обобщенно-личные ~ 211; отрицательные ~ 306; ~ предвещающее ~ 400; притяжательные ~ 389; слабоопределенные ~ 261; указательные ~ 189, 246; инклюзивное / эксклюзивное *мы* 248; ~ 1-го лица 246, 336, 340, 384–385, 387; ~ 2-го лица 246, 309, 336, 340; ~ 3-го лица 348; ~ 1-го и 2-го лица в венгерском языке 319; интерпретация ~я *я* в нарративе 389; употребление ~й 210, 247
- местонахождение (местоположение)**: ~ автора 201; ~ говорящего 82; ~ наблюдателя; ~ повествователя 201
- метатекст** 410
- мегафора** 99, 335, 410; ~ с делимым и неделимым миром 135

- метафоричность:** повышенная ~ 219; ~ НСВ 99
- метаязык** семантический 223, 231
- механизм** - семантический ~ двунаправленного значения 38
- мимезис** 348
- мир:** внешний (событийный) ~ 244, 395; внутренний ~ 205, 210, 373; возможный ~ 234, 242; вымышленный ~ (~ вымысла) 201, 215, 244, 389; диегетический ~ (~ текста) 203, 209–210, 214, 336, 373, 383, 388, 399; изображаемый ~ 407; не-реальный ~ 405; реальный ~ 201, 209, 242, 244, 253, 257, 274, 389; 405; фиктивный ~ 388–389; ~ настоящего 135; ~ "эпистемических событий" 395; столкновение ~а реальности с ~ом вымысла 390; расстояние во времени и в пространстве между повествователем и изображаемым ~ом 206; ~ героя 393; ~ говорящего 136, 253, 256–257; настоящий ~ говорящего 136; ~ ДРУГОГО 210; ~ персонажа 205, 389; ~ субъекта ПУ 253, 256–257; см. картина (~а); состояние (~а); метафора; утверждения (о ~е); персонаж
- мнение** 332–333; чужое ~ 327; ~ автора 201; ~ говорящего 319, 326; ~ субъекта 327. См. глагол, модус, передача, предикат, субъект (~я)
- многоактность** 120, 149
- многоголосие** см. полифония
- многозначность:** намеренная ~ 219; регулярная ~ 97, 105, 147, 406
- многократность** 11, 20, 23, 27, 40–41, 90; потенциальная ~ 40, 45; контекст ~и 11, 15, 27, 30, 105, 120, 123; ~ ситуации 40. См. тест (на ~)
- множественность** 40; гиперболическая ~ 108; дистрибутивная (распределенная) ~ 185; распределенная / нераспределенная по времени ~ 187; раздельная ~ 105, 117, 119; собирательная ~ 185, 188; ~ интерпретаций 417; ~ семантических интерпретаций 417
- модальность** 25, 232, 245, 269, 283, 342, 397, 408; ~ в широком смысле 300; асертивная ~ 313–315; контрфактическая ~ 316; нейтральная ~ 243, 313–316; объективная ~ реальности 301; реальная ~ 302; субъективная ~ 258, 297–300, 309–310, 320, 408; субъективная ~ первичная vs. вторичная 321; показатели субъективной ~и 298–299, 301, 310; эпистемическая ~ 300; аналогия между дейксисом и субъективной ~ю 197. См. соглашение (~ ей)
- модель:** идеальная грамматическая ~ 360; стандартные грамматические ~ 302; словообразовательная ~ 107; семантика словообразовательной ~и 120. См. толкование
- модернизм** 412, 415, 418
- модификатор** 160
- модус** 333, 397–399, 403; асертивный ~ 314; минимальный ~ 333; нейтральный ~ 314; подразумеваемый ~ 404; синхронный ~ 401; эксплицитный ~ 299, 413, 416; восстановление ~а 397; сцепление ~ов 414; ~ "воспоминание", 397, 399, 401, 414, 416; ~ восприятия 316, 397; ~ знания 314–316, 399; ~ знания воспринимателя 399; ~ мнения 314–316; ~ ожидания 244; ~ предсказания 397; ~ "представление" 397, 399; ~ суждения 397; ~ умозаключения 397; ~ эмоциональной реакции, 397. См. восстановление (~ов); связность; слова (вводные)
- момент** конкретно-референтный 87; референциальный ~ 164, 168–169, 171–172, 178–179, актуальный ~ текстового времени 366; данный ~ текущего времени 402; будущий ~ 377; настоящий ~ 158–159, 275, 286, 327, 391, 370, 377; настоящий ~ адресата 286; настоящий ~ говорящего 260, 273, 275, 286, 291, 340; настоящий ~ персонажа 273, 349, 379, 380, 401, 403; настоящий ~ субъекта подчиняющего ПУ-предиката 273; настоящий ~ субъекта ПУ-глагола 340; настоящий ~ лирического героя 373; настоящий ~ повествователя 383; общий настоящий ~ автора и читателя 201; ~ в прошлом 12, 377; ~ восприятия 259, 371; ~ времени 17, 27, 415; ~ завершения действия 58; ~ наблюдения 10, 12, 31, 86–87, 104, 112–114, 117–119, 153, 155–156, 159, 161, 179, 295, 363, 378; ~ речи 12–13, 19–20, 26, 37, 41, 54, 57, 60, 63, 70, 74, 86–87, 116, 154, 158–159, 161–163, 165, 171–176, 178, 260, 273, 275, 275, 285–287, 290–292, 294–295, 370, 370, 373–374, 376, 377, 378; включенный ~ речи 165; статичный ~ речи 162; ~ речи - точка 162, 171; ~ речи - интер-

- вал 162; ~ текстового времени 376, 379, 390, 413. *См.* фаза; одновременность; ориентация; предшествование (-у речи)
- ментальность** перформатива 165
- монолог** внутренний ~ 335, 341, 344, 360, 379; внутренний ~ героя 207
- мораль** в басне 213
- морфема:** диминутивные ~ 224
- морфология** 223. *См.* семантика -и
- мотивация** литературная 350. *См.* побуждение
- мотивированность** 199; ~ действия ситуацией 79; ~ повествователя 206
- мотивировка:** семантическая ~ 189; ~ предпочтения СКД перед другими повествовательными формами 352. *См.* ~ побуждение
- наблюдаемость** 142, 209; ~ ситуации 128
- наблюдатель** 12, 19, 31, 42, 99—101, 113—114, 118, 129, 133, 137, 141—143, 150—151, 153, 166, 169—170, 173—174, 176, 179, 181, 184, 211, 266—270, 272, 285, 292—293, 295, 362—363, 365, 387, 411—414; актуальный ~ 100; внешний ~ 169, 205, 387, 390; естественный ~ 207; непосредственный ~ 411, 418; непосредственный ~ событий 216, 272, 370; перемещающийся ~ 99; ретроспективный/проспективный ~ 159, 169; ретроспективный ~ 112, 139, 166, 179, 184—185, 378; синхронный ~ 110, 112, 133, 138—139, 151, 159, 165—166, 169, 176, 184—185, 349, 376, 378, 382, 385, 387, 390, 401; сторонний ~ 205; тривиальный ~ 178—179; домысливание -я 100; перемещения -я во времени 114; расстояние между -ем и наблюдаемым объектом 266; ~ vs. говорящий 266. *См.* время, местонахождение, присутствие (-я); дейксис; повествователь; синхронность; ситуация; рассказчик-~
- наблюдатель-говорящий** 169, 179, 411. *См.* позиция₁
- наблюдатель-персонаж** 179
- наблюдатель-повествователь** 136, 169, 179, 392. *См.* время, позиция₁ (~-я)
- наблюдение** *см.* время, момент, объект, состояние, субъект (~я); эгоцентрик
- набор** *см.* граммема; контекст; признак
- назначение** *см.* предназначение
- наименование** 253; ~ в 3-м лице 357
- наклонение** 66, 230, 232, 245, 300, 347; желательное ~ (опатив) 245—246, 347, 300; изъявительное ~ 66, 83, 301; повелительное ~ *см.* императив; сослагательное ~ 347; сослагательное ~ в значении опатива 347; условное ~ 302
- накопление:** ~ эффекта 186, 188. *См.* действие, деятельность
- намерение** 56, 60; коммуникативное ~ 74, 226, 232, 255, 297, 300—302, 304; ~ говорящего 54, 74, 226, 255, 261, 360; ~ субъекта 54, 111, 114, 146, 165
- намеренность** 144—146
- направленность** коммуникативная ~ 336; дейктическая ~ действия на конечную точку 82
- наречие** (адвербиал) 11, 14, 82, 125, 172, 186, 200, 246, 275, 349, 356, 363; дейктические ~ 291; качественные ~ образа действия 28; кванторное ~ 100, 139; модальные ~ 300; неопределенные ~ 282; пространственные ~ 269; фреквентативные ~ 28, 139; ~ времени (временные ~) 100, 139, 166, 271, 274; употребление временных -й 100; ~ однократности 27; "- 1-го лица" 246. *См.* сфера действия
- нарратив** 13, 196, 198—200, 208—214, 219, 245, 261, 266, 268—269, 273, 276, 286, 289, 320, 332—334, 336—337, 345, 354, 373—374, 382, 391—392, 394, 405, 407—409, 414, 418; собственно ~ 210; нетрадиционный ~ 202, 408; традиционный ~ 199—200, 202, 204, 206—207, 214—215, 268, 272, 276—278, 283, 336—337, 340—341, 346—347, 349, 353, 362, 365, 369, 372, 379—380, 382, 387, 389—390, 392—394, 398—399, 401, 403, 406, 408—409, 412, 414—418; усложненный ~ 392; ~ лирической формы 212; ~ 1-го лица (классический) (Ich-Erzählung) 204, 206, 353, 379, 409, 411; ~ 3-го лица 204, 206—207, 209, 214, 337; норма -а 203; норма традиционного -а 417—418; структура -а 344, 393, 406; лингвистическая структура -а 202; отклонение от стандартной структуры -а 392; семантика -а 195; типология -а 202. *См.* повествователь, ситуация, теория, язык (-а); впадение (в ~); дейксис; *ср.* повествование
- нарративистика** 350
- нарушение** 391. *См.* норма; правдоподобие; правило; правильность; связность; согласование; хронология

- наследование:** правила -я 240. См. пресуппозиция
- настоящее (время)** 13–14, 20, 26, 96, 100, 108, 125, 134–136, 140, 150, 158–159, 161–163, 169–176, 178, 199, 286–287, 289, 323, 331, 340, 349, 369, 372–374, 377, 379–382, 385, 391, 401–403, 410, 414; ~ атемпоральное 135; актуальное ~ 380; ~ актуально-длительное 173–175, 180; базовое ~ 374; ~ внетекстовое 370; ~ всевременное (omnitemporal) 135; гномическое ~ 100, 245; ~ дейктическое 135, 177; ~ дескриптивное 171, 178; ~ запланированного будущего 115; ~ моментальное 163; ~ нарративное (~ историческое, praesens historicum) 13, 25, 90, 105, 120, 116, 159–161, 164–166, 171, 177–178, 181, 184, 287–290, 327, 344, 370, 374, 377, 379–380, 401; неактуальное ~ 380; ~ относительное 178, 273; ~ персональное 370, 379–380, 382; ~ повествовательное 288; ~ предстоящее 115, 174–175; ~ предстоящего действия 170; расширенное ~ 150, 383, 402; ~ речевое 163, 370, 378–380; ~ речевое в моментальном значении 379; ~ узуальное 170, 174–175; ~ экспрессивное 289; граммема ~ 135, 172, 178; вневременное толкование грамеммы ~ 131; ~ в будущем 25; несочетаемость глагола СВ с граммемой ~ 172; НСВ -его 152, 159, 165, 288–289, 379–380, 402; сочетаемость формы ~ 289; употребление ~ 96, 288, 377, 401; употребление ~ в значении прошедшего 96; См. время; функция; трансформация
- настоящее** см. мир (-его); момент; точка отсчета (в -ем)
- натяжка** семантическая 346
- начинательность** 147; показатель -и 363.
- неассертивность** результативного компонента 42
- невыразимость** синтаксическая 101
- незнание** 307
- неизвестное** 281, 329
- неизвестность** 222, 245. См. субъект -и
- нейтрализация:** частичная ~ 27; ~ противопоставления 15; контекст -и 27, 90; контекст -и видового противопоставления 90
- неконвенциональность** 240
- неконтролируемость** 127; контекст -и 111
- ненамеренность** 141
- неоднозначность** 33; лексическая ~ 97, 132; референциальная ~ 270; намеренная ~ в атрибуции установки ее субъекту 352; ~ атрибуции голоса 352. См. игра (на -и)
- неологизм** 148
- неожиданность** 281. См. субъект (-и)
- неопределенность** 58, 189–190, 417; временная ~ 21, 41, 42; ингерентная ~ 189; ~ времени 41; ~ времени завершения 41–43, 46, 48, 58; ~ времени завершения действия 43, 48; ~ времени завершения ситуации 41; ~ временной локализации 34; ~ для говорящего 188; ~ количества 189–190; ~ местоимений 248; ~ момента завершения действия 21; временная ~ НСВ общефактического 21. См. предел, субъект (-и); игра (на -и)
- непарность** (видовая) глагола 122, 124; семантически не обоснованная ~ 124
- неподчинимость** 308, 312, 318; синтаксическая ~ 297–298, 302, 304, 306–309, 310, 356, 361; правила синтаксической -и 355; синтаксическая ~ вводных слов 310; синтаксическая ~ императива 307; ~ вводного оборота 312. См. цитирование
- неполноценность:** коммуникативная ~ 208, 286, 406
- непонимание** 300,
- неправильность:** языковая ~ 355; ~ в разговорном языке 337; ~ фразы 12; ощущение -и от употребления 77
- непрозрачность** референциальная 250
- непротивление** 78, 80; речевой акт -я 78
- несовместимость** семантическая 318,
- несогласие** эмфатическое 300; ~ с высказыванием собеседника 300
- несогласованность** семантическая 312
- несочетаемость** глагола СВ с граммемой наст. 172; ~ НСВ с эксплицитными показателями просьбы 76
- нестандартность** 364; ~ значения 98
- неудача** коммуникативного акта 236
- неустойчивость** 154
- нецитируемость** 297, 303, 308, 318, 361
- неэквивалентность:** семантическая ~ переводов 190
- неэксплицитность** 232, 299, 301
- новое** 329
- номинация** 357–358; вторичная ~ 150; дейктическая ~ 340, 393; пейоративная ~ 262; ~ участников речевого акта 340. См. автор, субъект (-и); цитирование (-и)

- объекта); объект; персонаж (~ п. собственным именем)
- норма** 97, 209; литературная ~ 360; повествовательная ~ 204; ~ повествования 383; ~ повествовательного жанра 385; стандартные ~ построения изъяснительного придаточного 355; традиционная ~ 391; нарушение ~ы 355, 373, 415; нарушение повествовательной ~ы 202. См. нарратив; правильность; НСВ
- НСВ** 10, 13, 31–33, 25, 31, 35, 37, 40–43, 50–51, 53–60, 63–64, 66–72, 74–83, 85–86, 88–90, 92, 94–100, 102, 104–107, 111–121, 123, 134, 150, 152–160, 163–164, 166, 170–171, 177, 182–190, 286–288, 349, 362–365, 369–370, 373–374, 376, 377, 379–380, 401–403; дефектный глагол ~ 86, 93; парный (глагол) ~ 16, 33, 84, 98, 106, 110–113, 116, 153, 155–156, 182, 186–187; непарный глагол 178; значение (семантика) ~ 10–12, 15, 18–27, 29–43, 45, 47–64, 66–70, 79, 81, 83, 86, 88–90, 99, 104, 108, 112, 116–117, 151, 161, 164–166, 176–177, 180, 184–189, 191, 275, 288–289, 294–296, 365, 369, 381, 402; инвариантное значение ~ 85, 94; употребление ~ 31–32, 43, 47–48, 50, 52, 69, 79–80; запрет / ограничение на употребление ~ в контексте количественной группы 182, 187–188; запрет на результативное употребление ~ 50; интерпретация ~ 36, 44, 53, 412; понимание ~ 40, 44–45, 48, 50, 376; граммема НСВ 10–12, 15, 26, 84–85, 89; глаголы ~, не допускающие актуально-длительного значения 35; ~, семантически производное от СВ 94; См. значение видовое; настоящее; прошедшее; императив; вид; функция (~)
- область** временная и пространственная 248; дейктическая ~ 337; экспрессивно-диалогическая ~ 337
- область определения:** данной грамматической категории 25; ~ ~ категории вида 25; ~ ~ категории времени 25
- обобщенность** 212–213
- обозначение:** ~ привычек и предрасположений 28; см. объект; время; пространство. Ср. номинация
- оборот:** безличный модальный ~ 277; субъективный ~ речи 203; обособленный ~ 319; синтаксический ~ 297
- оборот вводный** 276, 279, 299, 310–313, 315–316, 322, 344, 387, 391; метатекстовый ~ ~ 313; метаязыковые ~ ~ 315, 318; обобщающий ~ ~ 282; оценочный ~ ~ 313, 315; первичный ~ ~ 318; подчиненный ~ ~ 312; ~ ~ с ментально-эмоциональным значением 280; ~ ~, выражающие оценку факта 318. См. классификация (~ -ов); неподчиненность, субъект (~ -а)
- образ** 197, 392; ~ автора 195, 201, 217; ~ читателя 215–216
- образование** префиксальное 90; супpletивное ~ 90; сложные случаи префиксального / супpletивного -я вида 89
- обстоятельство** 27, 40–41, 104, 170, 178, 186, 363, 365; уточняющее ~ 75; ~ в нетематической позиции 14; ~ времени 11–14, 19, 21, 27, 41–42, 55, 68–70, 82, 88, 103, 115, 132, 154, 159–160, 164–165, 167, 169, 171–172, 294–295, 379; объемлющее ~ времени 134; рематическое ~ времени 42; тематическое ~ времени 42; точечное ~ времени 41; семантика ~ времени 383; ~ длительности 10, 14, 31, 88, 103, 106, 126, 134, 160, 164, 175, 177, 365; обычное ~ длительности 140; ~ длительности с замкнутым интервалом 378; ~ кратности 11, 14, 184, 187; ~ места 100, 125, 142, 149; ~ кратности 14; побочные ~ процесса 64; ~ срока 45; ~ цели 57, 128, 144–145, 149, 151; эксплицитное ~ длительности / кратности 42; ~, допустимые в контексте НСВ общефактического 42; семантика -а срока завершения 104. См. вид
- обусловленность** 74; лексическая ~ 126; ~ ситуацией 75; ~ действия ситуацией 71–72, 77, 80
- общение:** диалогическое ~ 162. См. ситуация, постулат(ы) (речевого -я)
- объект** 188, 190, 245, 269, 269, 406; абстрактный ~ 25; внеязыковой ~ 244; индивидуализированный ~ 232; исчисляемый ~ 184, 186; конкретно-референтный ~ 27, 39, 109; неисчисляемый ~ 186; нереперентный ~ 109; пространственный ~ 99, 101, 174; контекст -а в родовом статусе 16; ~ наблюдения 266; ~ речи 210; ~ симпатии автора 414; ~ эмпатии повествователя 414; обозначение -ов 336; способ называния -а 245; персональный способ называния -а 347; номинация

- ов 282; расстояние между наблюдателем и наблюдаемым -ом 266. См. выделенность, состояние, статус (-а); процесс (в -е); действие; подлежащее
- объяснение:** историческое ~ vs. семантика 104; семантическое ~ 122
- обязательство** эпистемическое 263
- ограничение** 330; лексические ~ 51; прагматические ~ 247; сочетаемостные ~ 42, 51, 88, 178, 183, 189, 314, 323–324; ~ определенное и эксплицитное vs. неопределенное 87. См. время; говорящий; итерация; параметр; побуждение; ситуация; сочетаемость глагола; употребление
- ограничитель** 402
- одновременность** 161, 164, 168–169, 171, 184, 195, 285, 365, 370, 401; ~ моменту наблюдения 178; ~ с моментом речи 159, 163–165; субъективная vs. объективная ~ с моментом речи 163; ~ ситуации с моментом речи 271; абсолютная ~ ситуации с моментом речи 163; ~ ситуации настоящему времени повествователя 272; ~ событию перфектному состоянию 370; ~ текущему моменту текстового времени 369; отношение ~и 370
- однозначность** 11. См. референция
- однократность** 18, 40. См. наречие; обстоятельство
- однородность** семантическая 27
- одобрение** 300,
- ожидание** 54; ~ продолжения (suspence) 290. См. модус, субъект (-я); оценка
- окраска** экспрессивная 304
- оператор** 36, 54, 59, 62, 310; миропорождающие ~ 242; модальные ~ 240–241; естественный аргумент модальных ~ 232; одноместный ~ 315; референциальный ~ 222; семантический ~ 27, 42; синтаксические ~ 241; смещение синтаксических ~ 312; эпистемические ~ 240–241; ~ дескрипции 251; ~ отрицания 240, 242. См. актанта, сфера действия
- описание:** лексикографическое ~ 305; лингвистическое ~ 202; трансформационное ~ 343; традиционное ~ значения СВ 87; контекст косвенного ~я актов восприятия 360; принцип экономии ~я 11
- опора** референциальная эгоцентрического элемента 406
- оправда** 338, 410;
- определенность** (= конкретная референтность) 58, 69; временная ~ 54, 87; пространственно-временная ~ повествователя 203; референциальная ~ 268; ~ времени завершения 41; ~ времени завершения процесса 58; ~ морально-эмоциональных установок повествователя 206; ~ наступления итогового состояния 58; ~ показателя 188
- определитель** количественный 88, 182
- оптатив** см. наклонение; субъект -а
- ориентация** (ориентирование): двойная ~ 270; лексикографическая ~ 196; синтаксическая ~ 196; временная ~ ситуации 269; ~ на адресата 270; ~ на говорящего 270, 346; ~ на повествователя; ~ на момент речи 180; ~ на семантику 196; ~ не на порождение текста 196; ~ ситуации в пространстве 267; пространственная ~ повествователя 205. См. элемент
- ориентир** 267, 270; дейктический ~ 270; пространственно-временной ~ 201; пространственный ~ 269; ~ для интерпретации 286
- осмысление** см. уровень (-я); ср. интерпретация
- осуждение** 300; речевой акт ~я 303, 305. См. функция (иллокутивная)
- отчуждение** высказывания от субъекта речи 286
- отвержение:** эмфатическое ~ высказывания собеседника 307
- ответ:** прямой ~ 326; отказ от ~а 360. См. комплимент
- отделение** пространственное 372
- отказ:** категорический ~ 342. См. информация; ответ; суждение
- отнесенность** временная предложения 323
- отношение:** временное ~ 64, 171; диалогическое ~ 217, 280; имплицитное ~ 345; квазисинонимическое ~ 159; нестандартные семантические ~ 97; перфектное ~ 124; причинно-следственные ~ 64; причинные ~ 61; противительное ~ 64; семантическое ~ 84, 89, 95, 98; структурные ~ в тексте 413; эксплицитное ~ 345; эмоциональное ~ 137; семиотическое ~ между означающим и означаемым 130; ~ временной преемственности 64; ~ текста к моменту речи 13; ~ текста к речевой ситуации 13. См. варьирование; двойничество; каузация; одновременность; тождество; глагол (-я); персонаж
- отрезок** временной 174

- отрицание** 25, 59, 125, 240–241, 243–244, 301, 310, 323, 330; обычное ~ 310; поверхностное ~ 330; скрытое ~ 298; запрет на ~ 330; контекст ~я 56, 90, 156; контекст скрытого ~я 56; смещение ~я 312; ~ глагола СВ в неотрицаемом виде 55; ~ намерения 56; ~ пропозиции 54; ~ СВ 56. *См.* оператор, сфера действия (~я)
- отступ** в прошлое (назад во времени) (flashback) 348, 369; временной ~ 398,
- отступление** 346; лирическое ~ 199, 203, 206, 208–209, 211, 337, 409; риторическое ~ 203, 206, 209, 211, 337
- отсылка**: анафорическая ~ 170, 179; дейктическая ~ 340–341; скрытая ~ 58; ~ к адресату речи 200; ~ к говорящему 200, 223, 341; ~ к моменту речи 294; ~ к объективной ситуации 79; ~ к персонажу 208; ~ к субъекту ПР 341
- оценка** 137, 143, 149, 396, 406; количественная ~ 191; отрицательная ~ 151; положительная / отрицательная ~ 301; субъективная ~ 215; авторская ~ (~ автора) 201, 206, 283; ~ говорящего 262; ~ допустимости понимания 255; ~ достоверности информации 313; ~ ситуации 300; ~ соответствия ожиданию 313; ~ факта 313, 318; носитель ~и 411 фактор ~и 79. *См.* оборот вводный; глагол, предикат, субъект (~и)
- очевидность** 73; интуитивная ~ 106. *См.* субъект ~и
- падеж**: именительный темы 309; дательный бенефактивный 190; род. партитивный ~ 183. *См.* партитив
- пара видовая** 34, 45, 52, 81, 84–85, 88, 90, 93, 95–97, 99, 101–102, 104–107, 110, 115, 118–120, 123–126, 130, 143, 152, 157, 162; собственно видовая ~ 120; видовая ~ с исходным НСВ 118; видовая ~ с исходным СВ 110; видовая ~, образованная имперфективацией 89; делимитативная ~ 97; минимальная ~ 62; многократная ~ 43–45, 90, 123–124; начальная ~ 95; нестандартная ~ 85, 97; нетривиальная 97; перфектная ~ 95, 99, 116, 152, 154–155, 157–158, 160; предельная ~ 43, 51–52, 89–90, 92–95, 97–102, 121, 143, 145; типичная предельная ~ 89; потенциальная предельная ~ 99; грамматически релевантная ~ 95; сёмельфактивная ~ 143; стандартная ~ 85, 97, 120; тривиальная ~ 89, 93, 95, 97, 123, 162; стальной-моментальная ~ 96; чистовидовая ~ 45, 89, 92–93, 118
- парадигма**: неполнота видовой ~ы 122; дефектная / полная ~ частновидовых значений 108; дефектная функциональная ~ 121. *См.* смена (~ы)
- параметр** 25, 117; независимый ~ 18; релевантный ~ 25, 55; ограничение ~а ситуации 87. *См.* контекст; процесс; сдвиг
- parenthesis** 385; метатекстовая ~ 317
- парность** 93; видовая ~ 34, 88, 90, 182. *См.* критерий
- партитив** (родительный партитивный) ~ 183, 189–190; сочетаемость ~а 189; ~ во французском языке 189–190; запрет на НСВ при ~е 190. *См.* дополнение (в ~е)
- партнер** видовой 109, 113. *Ср.* коррелят
- пассив** 369; семантика ~а 125
- пафос** положительный 317
- пердуратив** 187
- передача**: несочувственная ~ чужого мнения 327; ~ информации от одного субъекта к другому 332. *См.* глагол; речь; установка; голос; экспрессив
- переменная** несвязанная 232
- пересмысление** 73
- перлокуция** 227
- персонаж** 204, 206, 209–211, 214–215, 217, 265, 268, 270, 272, 276, 278–282, 291–292, 337, 344–354, 355–356, 359–361, 366, 379, 380–383, 384, 389–390, 392–395, 398–400, 402–403, 406, 409–410, 414–415; внешний ~ 400; второстепенный ~ 212, 399; выделенный ~ повествования 213; главный ~ 380, 399; случайный ~ 393; ~ вставного рассказа 399; ~ диегетического мира 210; ~ текста 203; действие главного ~а 391; ~ как субъект речи 276; ~ как субъект оценки 283; ироническое отношение к ~у 350; вытеснение повествователя ~ем 343; номинация ~а собственным именем 350; смена ~а 415; диалогические отношения между адресатом и ~ами 217. *См.* восприятие, время, голос, мир, сознание, точка зрения, хронология, экспрессия (~а); момент; речь; состояние; цитата; ситуация; контекстуализация; отсылка; заместитель~; рассказчик~; наблюдатель~; повествователь~

- персонаж-адресат** 212
- персонаж-восприиматель** 401, 411
- перспектива** временная 363; двойная временная ~ 370
- перфект** 96
- перфектность** 18, 21, 37, 43, 54, 57–58, 63, 87
- перформатив** 81, 110, 161, 163–165, 369
- перформативность** 226
- план** 406 лексический ~ 85; ~ повествования vs. ~ речи (дискурса) 287, 406. См. прошлое
- пласт:** эгоцентрический ~ языка 337
- побуждение** 78, 300; ~ без временных ограничений 71; мотивированное ситуацией ~ 79; настойчивое ~ 77; речевой акт настойчивого ~я 77; неожиданное для адресата ~ 80; простое ~ 79–80; речевой акт простого ~я 79; смягчающее ~ 308; ~ к действию 67, 76, 81; ~ к немедленному действию 71; ~ к действию как мотивированное ситуацией 79; мотивация ~я 75; мотивировка ~я адресата к действию 76; обоснование ~я 75.
- поведение** 108, 114, 147, 149–150; тип ~я 125; глаголы ~я 119, 129, 146, 149–151
- повествование** (= нарратив) 204, 336, 347–348, 354, 366, 385–386, 401, 408–409, 415; авторское ~ 357; несобственно-авторское ~ 208, 359; аукториальное ~ 204; основное ~ 373; ~ от 1-го лица 201, 206, 213; ~ от 2-го лица 212; ~ от 3-го лица 204; ретроспективное перволичное ~ 215; старозаветное ~ 214; традиционное 215, 399; основной корпус ~я 346; тип ~я 408. См. план ~я 287, 406
- повествователь** 202–203, 206, 208, 212–216, 255, 265, 268–269, 272, 276–282, 282, 286, 288–289, 321, 333–334, 337, 343–351, 354–357, 359–361, 366, 369, 372, 380–383, 385–388, 392–395, 398–399, 401–406, 409–411, 413–418; безличный ~ 206; всезнающий ~ 205–206, 386; диегетический ~ 203; объективный ~ 206; перволичный ~ 211; персонафицированный ~ 203, 214; прагматически мотивированный ~ 205; субъективный ~ 215; эгзегетический (= имплицитный) ~ 203–206, 214, 278, 336, 346, 356, 382, 384; экзегетический ~ vs. рассказчик 203; ~ нарратива 209; ~ традиционного нарратива 336; ~ в роли синхронного наблюдателя 382; вторжение ~я 369; суммарное изложение от лица ~ 414; обращение ~я к самому себе 212; вытеснение ~я 343, 345; идентификация ~я 410; неопределенность личности ~я 417; отношение ~я к ситуации 288; отношения между ~ем и читателем 280, 289; состояние во времени и в пространстве между ~ем и изображаемым миром 206; сдвиг от одного типа ~я к другому 203. См. вмешательство, время, голос, ирония, местонахождение, мотивированность, позиция₁, презумпция, присутствие, пространство, сознание, устранение, эмоция (~я); вопрос; дистанцирование; контакт; момент; определенность; ориентация; ситуация; дискурс; контекстуализация; ориентация; НСВ; говорящий--; заместитель--; наблюдатель--
- повествователь-наблюдатель** см. наблюдатель-повествователь
- повествователь-персонаж** 205
- повествователь-рассказчик** 169
- повествователь-Я** 205
- повтор** (дублирование) 308, 343, 355, 400; тавтологический ~ 317
- повторение** возможное ~ 58; многократное ~ ситуации 89. См. ~ ситуация
- подлежащее** 98, 100–101, 141, 152, 186, 300, 358; активное/пассивное ~ 98; тематическое ~ 358; ~ подчиняемого предложения 266; ~, обозначающее пространственный объект 99, 101; опущение ~его 396–397, 399; позиция₁ ~его 359
- подразумеваемость** многоэтажная 345
- подструктура** толкования 104
- подтверждение** 310
- подход:** словоизменительный vs. классифицирующий 92, 95; комплементаристский ~ 224; логический (семантический) vs. прагматический ~ 224, 234–235; трансформационный ~ 337. См. вид, прагматика, пресуппозиция
- подчеркивание** 300,
- подчинимость** 318; синтаксическая ~ 310
- позиция:** вводная ~ 272; временная ~ 295; независимая ~ 369; подчиненная ~ 302, 307, 310, 317, 319–320, 356; предикатная ~ 359; пространственно-временная ~ 407; рематическая ~ 36; референциальная ~ 399; синтаксическая ~ 345, 359; синтаксически независимая ~ 268, 273, 297; синтаксически подчиненная ~ 273,

- 280; тематическая ~ 15, 20, 255; темпоральная ~ 403; обстоятельство в нетематической ~ и 14; ~ подлежащего 359; ~ придаточного предложения 297; ~ для говорящего-повествователя 345; ~ наблюдателя 112; внешняя ~ наблюдателя 169; внутренняя ~ наблюдателя 169; временная ~ наблюдателя 42, 133, 169, 173, 363; непротиворечивая временная ~ наблюдателя 172; несинхронная ~ наблюдателя 134, 159; ретроспективная ~ наблюдателя 35, 42, 45, 166, 295, 378; синхронная ~ наблюдателя 133, 159, 165–166, 179, 378; внутренняя ~ наблюдателя-говорящего 170; временная ~ наблюдателя-повествователя 291; диалогическая ~ повествователя 206; пространственно-временная ~ повествователя 215; внешняя / внутренняя ~ экзегетического повествователя 206
- позиция:** идеологическая ~ 218, 403; идейные ~ автора и повествователя (*соотношение*) 215–216; эмоционально-идеологическая ~ повествователя 215
- пожелание** 338
- поле зрения** 289–290; общее ~ ~ 232; ограниченное ~ 380; общее ~ ~ автора и читателя 201; общее ~ ~ говорящего и слушающего 259; общее ~ ~ говорящих 247; общее ~ ~ собеседников 21; нахождение объекта в общем ~ ~ говорящих 247. *См.* степень (выделенности объекта в ~е ~)
- полифония** (= многоголосие) 195, 217, 219, 350, 352–353
- положение** вещей 24
- понимание:** акциональное ~ глагола 369; актуально-длительное ~ 12, 114; собственно актуально-длительное понимание 114; актуальное ~ НСВ в определенно-кратном значении 30; буквальное ~ 73; временное ~ 60; генерализованное ~ 140; конкретно-процессное ~ 114; многократное ~ глагола НСВ 45; общефактическое ~ 12, 185; общефактическое ~ НСВ 45; первичное ~ 136; перфектное ~ СВ 153; прозрачное ~ имени (de re) 251–257, 341; непрозрачное ~ имени (de dicto) 251–257, 341; результативное ~ 35, 39, 44–47, 57, 123; результативное ~ НСВ 44, 48, 50; результативное vs. нерезультативное ~ глаголов НСВ 33; результативное ~ НСВ общефактического 40; ретроспективное ~ формы НСВ 376; событийное ~ СВ 153; статальное ~ 98; тендентивное ~ 114; узуальное ~ 174; экзистенциальное ~ 52; динамический процесс ~я 196; ~ смысла 196; ~ текста 11
- понятие** парное 12; модальное ~ 310
- попытка** 28; безуспешная ~ 23, 35, 45, 74; вероятная безуспешная ~ 69; допустимая безуспешная ~ 45; безрезультатная ~ 67; ~ достичь цели 112; ~ совершения действия 21; глаголы ~и 156; ~ глаголы безуспешной ~и 45
- поричание** 300,
- порождение** *см.* ориентация; спонтанность
- порядок слов** 223, 318, 322, 396; закрепленный ~ ~ 44
- последовательность** 365; временная ~ 364–365, 365; естественная ~ 412; ~ событий 379; ~ состояний объекта 17; ~ фаз 16; ~ фаз ситуации 94; ~ временных фаз 17; ~ форм НСВ 363; сбой временной ~ 348
- постпозиция:** эмфатическая ~ ИГ 308
- постулат:** коммуникативные ~ 239; ~ информативности 19, 237–239; ~ истинности 237; ~ коммуникации 237; общие ~ прагматики 23; ~ релевантности 20, 237; ~ речевого общения 225; ~ ясности выражения 237
- потенциал:** иллюкутивный ~ 230; иллюкутивный ~ императивного предложения 231; неопределенный ~ 230,
- потенциальность** 41. *См.* узуальность
- поток сознания** 352, 416
- поэзия:** лирическая ~ 199; нарративная ~ 208; эпическая ~ 208, 366
- поэтика** 199, 217, 409
- правдоподобие:** нарушенное 412; нарушение ~я 411
- правило:** грамматическое ~ 108; семантические ~ 85, 120, 190; нарушение общеязыковых ~ 199. *См.* трансформация; интерпретация
- правильность:** нарушение ~и 26; традиционная норма грамматической ~и 391
- прагматика** 39, 218, 221–222, 224–225, 245; автономная ~ 222, 224–225, 235, 238; комплементаристская ~ 230; лингвистическая ~ 218, 221, 223–225; ~ видового противопоставления 18; ~ референции 225; границы ~и 221–222; общие законы ~и 11; комплементаристский подход к ~е 224; прагматический подход к

- ~е 224; семантический подход к ~е 224.
См. постулат(ы), семантика (~и)
- предел** 20, 23, 104, 111, 189; внешний ~ 123, 144, 186; внутренний ~ 34, 53, 86, 186; качественный ~ 97; количественный ~ 186–187; количественный ~ - показатели 45; количественный ~ действия 182; ~ действия 10, 22, 186, 189; ~ действия естественный 69; ~ деятельности 143, 147, 185, 190; ~ деятельности субъекта 151; ~ длительности ситуации 31; достижение ~а 18, 20–22, 26, 30, 33, 50, 53–56, 59, 69, 81, 86, 156; неопределенность ~а 188; переход к ~у 89. См. деятельность; процесс; результат; ситуация
- предельность** 85, 93, 149
- предикат** 311; атемпоральный ~ 136; безличный ~ 351; вводный ~ 312; вводное употребление ~ 397; ментальный ~ 62; метатекстовый ~ 203, 278, 336; метатекстовый ~ в безличном употреблении 278; модальный ~ в безличном употреблении 264; подчиняющий ~ 312, 315–316; фактивный ~ 241, 323, 329; фактивный ~-контейнер 62; эпистемический ~ 397; ~ вводного предложения 333; ~ восприятия 266, 279, 316; ~ знания 316; ~ мнения 316, 330; ~ оценки 348; ~ пропозициональной установки см. ПУ-предикат; ~ сообщения информации 330; ~ суждения 359; ~ со значением сходства и подобия 281; употребление ~ов 264, 278, 397. См. состояние; ср. глагол
- предикатив** с сентенциальным актантом 321
- предикация** подчиненная предикация 330
- предложение**, 11, 14, 61, 195–196, 218, 225, 229–230, 232, 322, 326, 330, 338, 343, 409–410; ~-антецедент 65; ассоциированное ~ 333; вводное ~ 256, 272, 321–322, 327, 329, 332–334, 346, 387, 406; вводное нефактивное ~ 334; вводное ~ с субъектом не-1-го лица 321; вводящее ~ 338; вежливое ~ 79; вечные ~ 245; вопросительное ~ 229, 287, 301, 306–307, 313, 346; восклицательное ~ 229, 301–302, 308, 355; главное ~ 12, 209, 257, 273, 286, 292, 297, 299, 311, 322, 326, 329; грамматически anomальное (неправильное) ~ 184, 200, 342; изъяснительное бессоюзное ~ 327; императивное ~ 301; индикативное ~ 301; истинное ~ 231; ложное ~ 231; нарративное ~ 320; независимое ~ 302; неоднозначное ~ 11, 26; неповествовательное ~ 402; неподчинимое ~ 302; неполное ~ 355, 400; отдельное ~ 337; перформативное ~ 225, 227; побудительное ~ 69, 75, 301, 307; побудительное с НСВ 75; повествовательное ~ 226; подчиненное ~ 266, 280, 311–312, 317, 323, 329, 340; подчинимое ~ 302; придаточное ~ 12, 257, 292, 298, 301, 303, 311, 329–330, 356; синтаксически неподчинимое ~ 298; сложное ~ 303; сложноподчиненные ~ 322; соположенные ~ 364; соседнее ~ 11; условное ~ 239, 314; условное придаточное ~ 42; утвердительное ~ 14, 287, 301, 303; эллиптическое ~ 322; unspeakable sentence 396; ~ исходного придаточного 330; ~ КР 337–338, 341, 343, 345; ~ ПР 338; ~ тавтологического тождества 224, 238–239; семантика ~я 232; тип ~ 232; типы ~ по цели высказывания 301. См. класс
- предложение**: речевой акт ~я 80; речевой акт вежливого ~я 77
- предмет** речи 210; ~ суждения 252,
- предназначение** (назначение): иллокутивное ~ 232, 302; ингерентное иллокутивное ~ 314; неопределенное иллокутивное ~ 308; показатели иллокутивного ~я 300, 303; коммуникативное ~ (предложения) 287, 303; коммуникативное ~ (высказывания) ~ 49
- предопределенность**: однозначная ~ 78; строгая ~ вида 78. См. пара
- предостережение** 300,
- предположение**: исходное ~ вопроса 236; ~ о кооперативности 238
- предпосылка** 55–56; исходная ~ НСВ 86, 92; исходная ~ СВ 86, 92; лексическая ~ 52, 155; семантическая ~ 88; исходная семантическая ~ грамемы 86
- предрасположение** 28
- представление**: адекватное ~ смысла 11; ~ смысла предложения 229; ~ смысла текста 216; ~ структуры текста 196; адекватное ~ структуры текста 196; семантическое ~ предложения 34; 135; способ ~я денотата 249
- представитель**: ~ автора 265, 380, 389, 391; ~ автора в мире героя 393; ~ настоящего автора в тексте 392; ~ читателя 216
- предстояние** 110–111, 113–115, 121; значение ~я 115, 187; глагол ~я 115

- предтекст** 291,
предупоминание 72
предупреждение 21, 338
предшествование 12, 161, 168, 195, 285—286, 295, 381; выражение ~я 369; ~ моменту речи 159, 171, 287, 291, 373; ~ наст. моменту персонажа 403; ~ настоящему времени наблюдателя 291; ~ ситуации моменту речи 273, 286; ~ точке отсчета, 287
прекращение состояния 88; ~ итогового состояния ситуации 43
преобразование: нарративное ~ формы СВ 379; синонимическое ~ 341
препозиция эмфатическая ИГ 308
прерывность 139, 142
пресуппозиция (презумпция) 37, 42, 55—57, 59, 87, 107, 118, 139, 156—157, 223—225, 233, 236—237, 239—240, 243—244, 398, 407; история понятия ~ 242; неотрицаемая ~ 55; ожидаемая ~ 242; прагматическая (эпистемическая) ~ 331; прагматическая ~ 235, 330; семантическая ~ 234—235; семантическая ~ истинности пропозиции 329; фактивная ~ 330—331, 333; ~ говорящего 262; ~ повествователя 398; ~ вопроса 236; ~ известности 329—330; ~ факта 331; ложность ~и 234; наследование ~и 242; неустрашимость ~ 239; подход к ~и логический (семантический) / прагматический 234—235; развенчание ложных ~й слушающего 304; глагол с / без фактивной ~и 328, 331. См. статус
признак: категориально значимый ~ 129; конституирующий ~ 36; неустойчивый ~ 31, 87; параметризуемый ~ 117; привативный ~ 30; семантический ~ 25, 34; 128; семантический ~ универсальный 93; условный ~ 85; устойчивый ~ 132; характеристический ~ 42; высокая степень ~а 300; набор независимых ~ов 25; положительное / отрицательное значение ~а 30, 38—39
признание: речевой акт ~я 302
призыв 300
прием 400; демагогический ~ 254, 256; поэтический ~ 380; синтаксический ~ 346; упрощенный ~ 25; художественный ~ 201, 204, 232, 373
приказ: речевой акт ~а 76—77
припоминание 50
приращение: семантическое ~ 362; прагматические ~ 79
приставка: асертивная пропозициональная ~ 345; делимитативная ~ 146; начинательные ~ 147—148; перформативная ~ 304; пропозициональная ~ 344—345
присутствие (в тексте): ~ автора 258, 371; ~ говорящего 209, 258; ~ наблюдателя 137, 217, 412; ~ повествователя 214, 277, 281, 283, 348—349, 360, 380, 386, 398, 402—403, 410; ~ точки зрения говорящего 258
причина 57; ~ события 61
пробел лексический (lexical gap) 124, 147
прогрессив 103; семантика английского ~а 106
продуктивность 148
проекция 267, 269, 270, 287; дейктическая ~ 260—261, 267, 319; нарративная ~ 268, 269—270, 293, 334; простая ~ 269; синтаксическая ~ 267, 269, 273, 293, 298, 310, 318; ~ языка 207; правила ~и (= наследования) 240—241
проза 366; лирическая ~ 208
прозаика 409
произведение драматическое 355; литературное ~ 201; художественное ~ 201. См. композиция (художественного ~я)
производность 10; лексическая ~ НСВ от СВ 92; семантическая ~ 118; таксономическая ~ 106; формальная ~ 118; ~ во второй степени 107; реальная ~ структуры 338; направление ~и 106
происшествия (happenings) 101, 103, 105, 107, 109—111, 113, 117, 124, 156—157; ~ с фоновым каузатором 156; глаголы ~я 144
пролепис 382, 397
прономинализация 247
пропозиция 61—62, 64, 231—232, 243, 310, 343; ассоциированная ~ 313—316, 328, 332—333; подчиненная ~ 318; родовая ~ 28; синтаксически подчиняемая пропозиция 310; ~ с количественной группой 189; ~ со значением идентификации 62; ~ главного предложения 333
просодия 223—224
пространство 168, 383, 414; художественное ~ 217; ~ высказывания 213; денотативное ~ текста 270; ~ повествования замкнутое 387; ~ повествователя 289; ~ ситуации 269; обозначение участков ~а 336

- просьба** 21, 76, 79; речевой акт ~ы 76
- противопоставление** грамматическое ~ 84, 88; дейктическое ~ 13; инвариантное ~ 84; контекстное ~ 11–12, 25; семантическое ~ 29, 53, 56, 62, 106; тривиальное ~ 102
- противоречие** 64, 311; логическое ~ 64
- протогипотетический** глагол СВ 86
- процесс** 10, 50, 52, 54–57, 61–62, 67, 71, 82, 87, 93–95, 98–99, 103–104, 111, 114, 122, 128, 131, 133–135, 138–142, 144–146, 148, 151, 168, 311, 376; динамический ~ 97, 393; инактивный ~ 127, 141–142, 144–145; одновременные ~ 362; предельный ~ (accomplishments) 17, 90–92, 98, 107, 110–111, 118, 121, 124; глаголы ~а 18, 20, 114, 141; глаголы инактивного ~а 148; глагол предельного ~а в СВ, 116; глаголы, выражающие непределительный ~ 19; глаголы со значением ~а, расчленяемого на фазы 80
- процессность** 93
- прошедшее (время)** 12–14, 19, 25–26, 31, 37, 70, 96, 115, 134, 134, 136, 151, 159, 179, 171, 199, 210, 275, 286–287, 289, 291, 323, 331–332, 348–350, 370, 372–374, 378–382, 391, 401–404, 410; ~ актуально-длительное 176; базовое ~ 374; ~ грамматическое 171, 372; ~ нарративное 13, 152, 159, 161, 166, 176–177–181, 273, 287–289, 291–292, 344, 348, 356, 362, 369, 373–374, 376, 379–382, 391, 402–403, 410; ~ натуральное 287, 403; ~ нейтральное 289; ~ общефактическое ~ 69, 81, 176–177, 180; ~ персональное 381–382; ~ перфектное 293; ~ ретроспективное 378, 381; ~ речевое 20, 376; эпистолярное ~ 261; НСВ ~его 68–69, 81, 152, 166, 171–172, 176–177, 179, 287–288, 349, 364, 369, 373–374, 379, 401–403; СВ ~его 152, 174, 289, 292–293, 369, 374, 378–380, 391; граммема ~ 131, 135–136; функция ~ в СКД 350; употребление ~ в значении будущего 299
- прошедшее** 13, 171, 374; употребление настоящего времени в значении ~его 96
- прошлое** 20, 370, 402; план ~ого 285. См. момент в (~ом); отступ (в ~); точка отсчета (отнесенная в ~)
- псевдо-канонический** см. ситуация (коммуникативная)
- псевдо-экспромт** 371–372
- психологическая** реальность 338
- ПУ-глагол** 252, 312, 321, 325, 333–334, 338, 343–345, 360; ~ с субъектом 3-го лица 318; употребление ~а 325, 345
- ПУ-предикат** 199, 249–250, 268, 300, 315, 317–318, 345, 355; подчиняющий ~ 266, 273, 355. См. сфера действия (~а)
- путь** 100; логический ~ 325
- разговор** 198, 201
- разобщенность**
- разрешение:** речевой акт ~я 78
- разряд** морфологический 88
- рамка** креативная ~ 217, 388; модальная ~ 397, 409; эксплицитная модальная ~ 415 исходная/неисходная падежная ~ 108–109; перцептивная ~ для вставного рассказа 399
- рассказ** 414; ретроспективный ~ 206; вставной ~ 399; ~ в рассказе 394
- рассказчик** 203–205, 214, 380, 389–391, 394, 399, 411; вставной ~ 203, 205, 388, 394; ненадежный ~ 216; ограниченный ~ 216; ~ речевого режима 380; экзегетический ~ 383; ~ vs. экзегетический повествователь 203. См. адресат, точка зрения (~а); игра (на ~е); повествователь--
- рассказчик-наблюдатель** 387, 388
- рассказчик-персонаж** 206
- рассказчик-Я** 204, 217
- рассогласование** семантическое 317
- реакция:** диалогическая ~ 203, 303; ответная ~ 307
- реализация:** прямая неидиоматическая ~ грамматического противопоставления 88
- реальность** 388, 390; психологическая ~ 338; семантическая ~ 104; иллюзия ~и 210, 217, 388–289
- реверсивность** 22
- редукция** естественного языка 337; ~ речевой ситуации 209
- редупликация** экспрессивная 224
- режим:** анафорический ~ 292; дейктический ~ см. речевой; нарративный ~ 13–14, 25, 31, 136, 161, 165, 169–172, 177–180, 265, 268, 270, 272–275, 286–292, 295–296, 327, 332, 345, 366, 370, 373, 377–379, 381, 401; персональный ~ 350, 380; разговорный ~ 270; речевой ~ 13, 19, 31, 171–173, 176, 178, 180, 211, 214, 265, 268, 271, 273–274, 276, 280, 286–290, 294–296, 313, 332–333, 345, 370–374, 376–380, 396–397; синтаксический

- ~ 171, 173, 266, 273, 292, 369; ~ (ключ) интерпретации 13, 161, 258, 271, 286, 332, 373–374, 376, 378, 406; ~ употребления 154, 170–171, 211, 214, 380–381
- результат** 10, 13, 33–34, 37–38, 41, 45, 47, 49–51, 55–57, 63, 82, 87, 103–104, 111, 116, 156, 187, 190; (= достижение предела) 56; аннулированный ~ 10, 30; количественный ~ - достижение 187; соответствующий цели ~ 111; ~ действия 56–57; деятельности ~ 42; ~ процесса 57, 98–99; ~ фаз действия 17; получение ~а 111; сохранение ~а 63; постепенное приближение к ~у 94. См. достижения
- результативность** 20, 34, 40, 42–43, 45–48, 50, 57
- релевантность** 406 семантическая ~ 124; ~ контекста 44. См. постулат (~и)
- рема** предложения 289
- ремарка:** эксплицитная ~ 207; сценические ~ 90
- рематичность** 50
- репер** 170, 179
- реплика** ответная 326
- репортаж** 163; прямой ~ 163; синхронный ~ 162, 206, 401; контекст ~а 165
- ретроспектива** 14
- ретроспективность** 34
- ретроспекция** 15, 18–19, 26–27, 30–31, 42, 177, 291, 296, 378; контекст ~и 15, 30–31
- референт** 244, 267; ~ дейктического выражения; ~ именной группы
- референтность** 253; конкретная ~ см. определенность; ~ в мире говорящего 256
- референция** 222, 232, 244–245, 253, 259, 263; дейктическая (указательная) ~ 201–202, 245; интродуктивная ~ 190; конкретная ~ 252, 257; неконкретная ~ 151; неопределенная ~ 257; ограниченная ~ 253, 256; однозначная ~ ИГ 248; прагматически обусловленная ~ 246; прямая ~ 247; смещенная (метонимическая) ~ 247; ~ говорящего 253; ~ в неэкстенциональных контекстах 225; ~ к конкретному событию 158; ~ субъекта ПУ 253, 255; ~ в мире субъекта ПУ 256–257; ~ как действие vs. как результат 244; однозначность ~и 259–260. См. прагматика, сдвиг, субъект, теория (~и)
- рефлексивизация** 407
- речь:** авторская ~ 393; внутренняя ~ 381, 396, 400, 402; разговорная ~ 311; спонтанная разговорная ~ 309; цитируемая ~ 340, 342, 356; чужая ~ 342; передача чужой ~и 207, 217, 338; сокращенная ~ чужой речи 342; типология чужой ~и 410; ~ воспринимающего 401–402; ~ персонажа 356, 400; ~ повествователя 356, 410 ~ субъекта ПУ 345; акт ~и см. акт речевой; универсум ~и 247. См. адресат, время, глагол(ы), момент, объект, план, предмет, субъект, фигура (~и); оборот
- речь косвенная (КР)** 257, 298, 309, 337–338, 340–346, 355–357, 408; свободная ~ ~ 335; несобственно-~ ~ 355; перевод КР в НПР 343; переход (перевод) ПР в КР 338, 342–343. См. высказывание; конструкция; предложение₁
- речь прямая (ПР)** 204, 257, 309, 337–344, 346, 353, 356–357, 381; переход (перевод) ~ ~и в КР 338, 342–343; адекватная передача ~ ~и 341. См. предложение₁, субъект, текст (~ ~и)
- речь прямая несобственная (НПР)** 207, 217, 335, 337–338, 340, 343–346, 352, 354–355, 359–360, 385, 394, 409, 411, 416; генезис НПР 408
- род₁** литературный 208–209
- род₂** (существительного) 85
- роман:** ~ в письмах 214; полифонический ~ 217
- самоубийство** иллюкутивное 76, 229
- СВ** 13, 16, 22, 24, 32–33, 35, 37, 40–41, 46, 53–62, 64, 67, 72, 74, 76–77, 80–81, 83–90, 92–103, 105–107, 110–112, 114, 116–117, 119–121, 123, 147, 152–160, 165, 172, 174, 177, 182–183, 185–188, 292, 294, 362–365, 369, 373–374, 378–380, 391, 401; исходный ~ 114; парный (глагол) ~ 32–34, 113, 116, 118, 377; значение ~ 13, 18, 21, 32, 47, 53–54, 56, 58, 86–87, 88, 90, 99, 117, 154, 160, 213, 288–289, 293, 317, 365, 377, 379; инвариантное значение ~ 85; семантика СВ 56–57, 63, 116, 156; граммема ~ 26, 89, 295; инвариант семантики ~ 153; перфектное / событийное понимание ~ 154
- сверхкраткость** процесса в объекте 112
- сводка** 411, 413; сцена vs. ~ 411
- свойство** 100, 105, 122, 130, 140, 144; глаголы ~ ~а 145; глаголы постоянного ~а 101, 147; референциальные ~а субъекта 130

- связка** 315; нулевая ~ 140; отсутствие ~и 403
- связность** 207; ~ на уровне модусов 409 ~ на уровне подразумеваемых модусов 404; ~ текста 217, 245, 283, 409, 411; семантическая ~ текста: референциальная, коннекторная, временная 404; степень ~и текста 347; нарушение механизма ~и 217
- сдвиг** 110, 117; временной ~ (~ времени) 287, 363–364, 397; ~ времени вперед 365; ~ текстового времени 391; категориальный ~ 109; прагматический ~ 327; семантический ~ 151; фазовый ~ 69; ~ значения параметра 117; ~ лексического значения глагола 100; ~ интерпретации 196, 200, 209; ~ из речевого режима в нарративный 374; ~ референции 270; ~ точки отсчета 378
- семантика**₁ 104, 221, 224–225; ~ грамматики 223; лексическая ~ 17, 33, 84, 90, 109, 159, 187, 223, 412 лингвистическая ~ 61, 221; ~ морфологии 109; ~ прагматики 223; ~ синтаксиса 109; стереоскопическая ~ 281, 398; формальная ~ 235, 248; функционально-истинностная ~ 222, 225; историческое объяснение vs. ~ 104; границы ~и 222; ~ в логике 221; логический подход к ~е 222. См. грамматика
- семантика**₂ см. значение
- семельфактив** 118–121; парный ~ 120; ~ в СВ 119
- сила** утвердительная 301
- синоним** 96; контекстный ~ 130
- синонимия** 96
- синтаксис** 196, 221; границы ~а 223. См. семантика ~а
- синтактика** грамемы 24, 26
- синхронизация** 369
- синхронность** 26; ~ моменту наблюдения 391; ~ настоящему времени наблюдателя 291; ~ точке отсчета 287; ~ состояния 403
- сирконстант** 37, 125, 186; сочетаемость глагола с ~ами 126
- система**: русская видовая ~ 364; семиотическая система 221
- ситуация** 95, 135, 167, 199, 201–202; -- каузатор 158; актуальная ~ 383; вневременная ~ 25, 28, 131; вневременная ~ 402; внешняя ~ 74, 76; возобновляемая ~ 45; воспроизводимая (потенциально кратная) ~ 46; динамическая ~ 127–128, 156; дистрибутивная ~ 27; длящаяся (во времени) ~ 26, 90, 92, 127; достигшая предела ~ 40, 49, 62; единичная ~ 26, 40, 48; законченная ~ 26; имперфективная ~ 364; конкретно-референтная ~ 168; контролируемая ~ 127; многократная ~ 27; множественная ~ 27; намеренная ~ 127; невозпроизводимая ~ 44; неконтролируемая ~ 127; неопределенно-кратная ~ 18; непредельная ~ 48; непрерывная ~ 134; ограниченная в своем протекании ~ 186; определенно-кратная ~ 30; потенциально прерывная ~ 133; прагматически нейтральная ~ 256; прерывная ~ 134; синхронная ~ 365; статическая ~ 127–128, 380, 402; статическая ~ с неподвижным временем 379; членимая на фазы ~ 102; внеязыковая ~ 244; каноническая ~ 259, 269, 271, 286, 289, 336, 405; коммуникативная ~ 200, 211, 260, 336–337, 409; коммуникативная ~ лирики 208, 210; коммуникативная ~ нарратива 201–202, 216, 265, 268–269; коммуникативная ~ персонаж - читатель 395; коммуникативная ~ псевдо-каноническая 289; неканоническая ~ 265, 267; наблюдаемая / ненаблюдаемая ~ 128; неполноценная ~ 208, 286, 406; динамическая речевая ~ 162; каноническая речевая ~ 259–262, 174, 265, 276, 302, 371; неканоническая речевая ~ 100, 260–261; полноценная / неполноценная речевая ~ 208; редуцированная речевая ~ 207–208; статическая речевая ~ 162; ~ с естественным концом 19; ~ с качественным пределом 97; ~ с количественным итогом 87; ~ с неопределенной кратностью 39; ~ с ретроспективным наблюдателем 184 ограничение на протекание ~и во времени 186; преодоление ~и 199; распределенность ~и во времени 40; распределенность ~и по некоторому классу участников 40
- сказ** 208
- скачки** (achievements) 90, 92, 95–97
- следование** 161, 168; ~ за моментом речи 171
- следствие** 38, 54, 57, 87, 116, 156, 240; логическое ~ 234, 236; семантическое ~ 59, 234, 236, 242; естественное семантическое ~ 33; семантическое ~ кратности 46; ~ из факта 58; ~ из факта осуществления 38; ~ из факта осуществления дей-

- ствия 63; ~ перехода 95; ~ факта 58. *Ср.* статус
- словарь** 16, 85, 88, 104
- слово** 297; анафорические ~ 408; вводные ~ 229, 258, 261, 276, 280, 297–299, 301, 310–314–321, 348, 352, 356–357; вводные ~, выражающие модус знания / мнения 315; первичные вводные ~а 310; первично эгоцентрические вводные ~а 319–320; аналогия между дейксисом и вводными ~ами 197; нормированное расположение вводного ~а 312; употребление вводного ~а 357; вопросительные ~ 52, 301, 306; дейктические ~ 200, 245–246, 248–249, 258–259, 267–268, 270, 287, 298, 341, 408; собственно дейктические ~ 272; дейктические ~ первичные / вторичные 268; употребление дейктических / недейктических ~ 270; дискурсивные ~ 278; индексальные ~ 245; кванторные ~ 185, 246; метаязыковое ~ 356; модальные ~ 79, 232, 264, 300, 313, 344; общеотрицательные ~ 309; общеутвердительные ~ 309; оценочные ~ 283, 344; предикатные ~248; указательные ~ 245; чужие ~ 387; эгоцентрические ~ 258, 405; экспрессивные ~ 358; ~, близкие по смыслу 84; ~ иностранного языка 356; значение ~а 222, 242, 297; семантический тип ~ 11. *См.* класс(ы), порядок (~); неподчинимость, цитирование; субъект
- словообразование** по конверсии (выражаемое меной парадигмы) 98
- словоформа** 11, 92; ~ы одной лексемы 85.
- слушатель** 336; синхронный ~ 199, 260, 372; воздействие на ~я 226
- слушающий** 19, 208, 210, 216, 221, 227, 235, 238–239, 245, 247, 259–262, 267–268, 289, 338. *См.* аналог, цель (~его); время; дистанцирование; жест; знания; поле зрения; презумпция
- смысл** 195–196, 198; интенциональный ~ 252; иронический ~ 304; неактуальный ~ 30; первичный ~ 287
- событие** 20, 61–62, 64–65, 67, 80, 101, 113, 130, 142, 155, 158–159, 163, 362, 364, 369, 383–384; длящееся ~ 363; единичное ~ 58; конкретно-референтное ~ 30; ментальное ~ 159; незавершившееся ~ 163; неконтролируемое ~ 51–52; одновременные ~ 370; однократное ~ 27, 108; описываемое ~ 12; перцептивное ~ 158; повторяющееся ~ 101, 414; потенциально кратное ~ 58–59; последовательные ~ 362; последующее ~ 369; текущее ~ 380; точечное (моментальное) ~ 168; узуально повторяющиеся ~ 10; не контролируемое субъектом состояния ~ 153; не расчлененное на фазы ~ 81. *См.* актуальность (~я)
- совет:** речевой акт ~а 76
- согласование:** правила ~я 311; семантическое ~ 79, 315; гарантированное семантическое ~ 312; правила семантического ~ 313, 315; нарушение правил семантического ~ 312; семантическое ~ с предикатом вводного предложения 333; ~ времен 340; ~ времен главного и придаточного предложения 340; ~ модальностей 316; ~ по длине временного интервала 134; ~ по точке отсчета 173, 175
- содержание:** пропозициональное ~ (~ предложения) 21, 230–231; ситуативное содержание фразы 20; ~ высказывания 224, 239, 249; ментальной установки персонажа 350; ~ ПУ 344, 346; ~ утверждения 237
- создатель (текста)** 201, 215, 217, 371. *См.* автор--
- сознание** 359, 369, 389–390, 392, 403, 411, 415–416; представленное нам ~ (represented consciousness) 416; чужое ~ 392, 417; творческое ~ автора 392; ~ героя 416; ~ говорящего 333; ~ персонажа 334, 380, 411; ~ повествователя 206, 369, 411, 415; ~ субъекта вводного предложения 334. *См.* субъект (~я)
- сообщение** 219, 259, 330, 336, 338
- соположение** прямое СВ и НСВ 364
- состояние** 10, 16, 29, 61, 86, 90, 93–97, 101, 103, 109, 114, 116, 126–132, 135–138, 141–142, 144–146, 153–159, 376, 402; актуальное ~ 30, 88; внутреннее ~ 334, 385, 387; волитивное ~ 28, 137; временное ~ 107, 114, 116, 126, 128, 133–142, 144, 146, 151; длящееся ~ 14, 125; единичное ~ 137; интенциональное ~ 137; исходное ~ 97, 110; итоговое ~ *см.* результат; ментальное ~ 28, 138, 141, 395; модальное ~ 137; новое ~ 86, 114, 153; обобщенное ~ 28–29; обобщенное ~ по Вендлеру 138, 149; ; первичное ~ 109; перфектное ~ 109–111, 113–114, 116–117, 121, 158–160, 364, 369–370, 374;

- перцептивное ~ 395; прекратившееся ~ 19; результирующее ~ 294; устойчивое 28, 126, 128, 130–142, 144, 147, 149–151, 157, 364, 402; устойчивое эмоциональное ~ 137; эмоциональное ~ 28, 141, 264; ~ воспринимателя 403; внутреннее ~ воспринимателя 401; внутреннее ~ героя 400; ~ говорящего 263; ~ мира 130; ~ наблюдения 137; ~ обладания 38; ~ объекта 16, 114; ~ субъекта 87, 113, 128; внутреннее ~ персонажа 399; перцептивное ~ персонажа 350; эпистемические -я говорящих 222; глаголы -я 18, 93, 103, 137, 144; глаголы (предикаты) внутреннего -я 278, 321, 331; глаголы (предикаты) временного -я 138, 140, 148; глаголы (предикаты) ментального -я 143, 279, 314; глаголы перфектного -я 116; глаголы (предикаты) устойчивого -я 70, 138–139, 145, 147, 150, 376; глаголы (предикаты) эмоционального -я 158, 323; глаголы каузации эмоционального -я 158; глаголы каузированного эмоционального -я 137; глаголы, выражающие ~ 19
- сочетаемость:** затрудненная ~ 21; морфологическая ~ 103; свободная (лексически-неограниченная) ~ 42; синтаксическая ~ 103, 126; спорадическая ~ 14
- сочетаемость глагола** 128, 144; ~ ~ с актантами 126; ~ ~ с граммемами СВ и НСВ 84; ~ ~ с обстоятельствами времени 378; ~ ~ с количественными определителями (детерминативами) 182–183; ~ ~ с показателями меры и количества 182; ~ ~ с сирконстантами 126; ограничение сочетаемости видовых граммем с фазовыми глаголами 88
- союз** 323, 365, 369; подчинительный ~ 340; постпозитивно употребленный ~ 299; гипотактическое употребление -а 325
- список** 120; словарный ~ 11
- спонтанность** порождения текста 210
- способ действия** 86, 95, 97, 107, 110, 125, 143, 149, 364; глаголы ~ маркированного способа действия 86, 107, 110; глаголы ~ многоактного способа действия 143; глаголы ~ начинательного способа действия 95; глаголы ~ немаркированных способов действия 125; ~ ограничительного способа действия 97
- статальность** производная 125
- статичность** 128; ~ vs. динамичность 127. См. ситуация
- статус** асертивный (ассерционный) ~ 243–244, 314–315; асерционный ~ позиции 243; диалогический vs. тоталитарный ~ см. автор; атрибутивный ~ 243; имплицативный ~ 243; коммуникативный ~ 313, 321; коммуникативный ~ компонентов толкования (*ассерция, презумпция (пресуппозиция), следствие, неустойчивый компонент, импликатура, фон*) 21, 155–157; коммуникативный ~ позиции 243; конкретно-референтный ~ 256; конкретно-референтный ~ объекта 39; неассертивный ~ компонента 42; нейтральный (неутверждаемый) ~ 332; нейтральный ~ позиции 314, 243; презумптивный ~ 243; утвердительный ~ 223; презумптивный ~ компонента 87; референциальный ~ именной группы 252; референциальный ~ момента наступления итогового состояния 42; референциальный ~ термов 256
- стиль** 372; нарративный ~ 393; персональный ~ 207, 361, 385–386; протокольный ~ 205; эпический ~ 13; ~ писателя 359; условность -я 349
- стихотворение** 408; лирическое ~ 198, 372
- структура** акцентная ~ 37; коммуникативная ~ 36, 44, 49, 143, 314; лексико-синтаксическая ~ 357; линейно-интонационная ~ 304; поверхностная ~ 153; семантико-прагматическая ~ 338; семантическая ~ 149; статическая ~ 393; художественно релевантная ~ 195; ~ с гипотаксисом 360; ~ предложения 239, 305, 338, 343; ~ ситуации 92; ~ текста 196, 360, 396, 411; статистическая ~ текста 196; темо-рематическая ~ текста 289; ~ толкования 112; ~ языка 92, 405
- структурность:** принцип -и 114
- субъект** 29, 49, 54–56, 86, 100–101, 103, 119, 127–130, 132, 135–136, 139, 141, 184, 210, 262, 269–270, 281, 312, 316, 332, 354, 387, 406, 413; --агнс 100; активный ~ 51–52, 56, 98–99; говорящий ~ см. говорящий; грамматический ~ 142; имплицитный (нев्यраженный) ~ 397, 407; квантифицированный ~ 139; конкретно-референтный ~ 44, 135; модальный ~ 301; мыслящий ~ 117; неактивный ~ 56, 126, 98–99, 141; неодуше-

- ленный ~ 101, 132, 141–142; одушевленный ~ 128; пассивный ~ 98; подразумеваемый ~ 264, 266, 269, 277–281, 300, 312, 317–318, 320–321, 345, 397, 414; родовой ~ 136, 139; самодвижущийся (self-moving) ~ 98–99; синтаксический ~ 266, 342, 408; текстовый ~ 310; целеполагающий ~ 86, 146; цитируемый ~ 326–327; эксплицитный 310; ~, контролирующей ситуацию 52, 129; ~ вводного оборота 278, 280, 312, 318; ~ вводного предложения 321, 323, 332–334; ~ вводного слова 312, 317, 320; ~ волитивного состояния 263; ~ вопроса 264, 346; ~ (предиката) восприятия 264–266, 276, 279, 281, 406, 418; ~ вторичного эгоцентрика 269; ~ дейксиса 100, 265, 276, 406–407; ~ деятельности 146, 149–150; ~ диалогических реакций 203; ~ СКД 349; ~ желания 264, 300, 347; ~ знания 380; ~ идентификации 281; ~ ментального состояния 263; ~ метатекстового оборота 278; ~ мнения 157; ~ наблюдения 411; ~ надежды 356; ~ неизвестности 257; ~ неожиданности 264, 281; ~ неопределенности 264, 282; ~ номинации 253, 256, 282; ~ ожидания 264; ~ оптатива 347; ~ оценки 129, 149, 203, 263–264, 283, 348; ~ очевидности 312; ~ ощущения сходства и подобия 264, 287; ~ подчиняющего предложения 266, 408; ~ пропозициональной установки (ПУ-предиката) 250–251, 253, 255–257, 266–268, 273, 312, 317–318, 320, 325, 328, 338–341, 345; ~ речи 263, 276, 280, 286, 295, 356, 401, 407; ~ прямой речи 341–342; ~ референции 253, 257; ~ сознания 129, 149, 152, 157, 202, 209, 245, 263–265, 269–270, 276, 280–283, 301, 312, 315, 332, 359, 385–386, 396–397, 407, 413; доминирующий ~ сознания 418; приоритетный ~ сознания 374; смена ~а сознания 283, 374; ~ состояния 153; ~ суждения 359; ~ уверенности 266; ~ эмоции 387; ~ положительной эмоции 413; ~ эмоционального состояния 263; ~ эпистемического обязательства 263. См. деятельность, лицо, мнение, намерение, сознание, состояние, установка, цель (-а); высказывание; передача; эгоцентризм
- субъективность** 206, 358,
- суждение** 231, 252, 325; вневременное частное ~ 135; метаязыковое ~ 328; сопутствующее ~ 328; моральное ~ 207; отрицательное ~ 306; атрибуты -я 231; ~ в логике 231; отказ от выражения -я 330. См. модус, предикат, предмет, субъект (-я)
- существительное** 85; референциально неполноценное ~ 262
- сфера:** ~ говорящего 339; личная ~ говорящего 136; ~ вопроса 326; ~ вопроса - в вопросительном предложении 325; ~ дейксиса 284; ~ употребления языковой единицы 199; ~ употребления языка 200
- сфера действия** 135–136, 307, 312, 313; ~ ~ вводных выражений 311; ~ ~ вопроса 55; ~ ~ общего вопроса 55; ~ ~ дескрипции 251; ~ ~ наречия 134; ~ ~ операторов 59, 310, 315; ~ ~ отрицания 54–55, 60, 223; ~ ~ ПУ-предиката 251; ~ ~ ПУ 252; ~ ~ частицы 60
- схема:** временная ~413; ~ толкования 109
- сцена** 411 413 ~ vs. сводка 411
- сюжет** 393; главный ~ 203
- тавтологичность** смысла 249
- таксономия:** лексическая ~ 106; ~ Вендлера 107
- текст** 195–196, 201–202, 244–245, 285, 338, 360, 369, 371, 390–392, 405–406, 410–411; грамматически неправильный ~ 357; лирический ~ 209; литературный ~ 199, 219; монологический ~ 393; намеренно неоднозначный ~ 219; нарративный ~ 195, 198, 210, 350, 370; повествовательный ~ 196, 198, 201–202, 207–208, 261, 265, 268, 276, 286, 334, 344; предшествующий ~ 272, 286; рамочный ~ 392; связный ~ 362, 410 речевой ~ 350; связный ~ 409; художественный ~ 196, 200–201, 207–208, 217, 219, 232, 245, 258, 405; ~ с обобщениями 282; основная единица ~а 196. См. мир, теория (-а)
- тема** 14; ~ высказывания 49, 56; ~ предложения 255; ~ текста 390. См. падеж
- тематизация** 51; ~ процесса 50
- тенденция** 110–111, 113–114, 121, 124–125
- теория:** ~ речевых актов 218, 225, 231, 335, 409; лингвистическая ~ диалога 218; ~ литературы 198; ~ нарратива 244, 265, 387; лингвистическая ~ нарратива 321; ~ текста 196; ~ референции 218, 244–245;

- лингвистическая ~ референции 245; ~ актуального членения 56
- терм** конкретно-референтный 232, 250, 253, 256; индивидуальный ~ 252
- термин**: грамматический ~ 114; общесемантический ~ 104
- тест**: грамматический ~ 89; синтаксический ~ 299; ~ на делимитатив 146; ~ на многократность 123–124
- техника** повествовательная 412
- тождество**: отношение ~а 369; денотативное ~ 341; ~ в конкретно-референтном vs. родовом смысле 23; семантическое ~ видовых форм 90. См. глагол
- тождественность** денотативная 150
- толкование** 85, 153, 406; модели ~я 120; метод ~я 9; ~ в системе "Лексикограф" 103
- точка** 168; временная ~ 17, 114, 167, 268, 373, 379;
- точка зрения** 217, 245, 263, 342, 398, 411; внешняя ~ ~ 278, 348, 398, 417; внутренняя ~ ~ 386–387; синхронная ~ ~ 189; контрапункт ~ ~ 387; переход от ~и ~ рассказчика к ~е ~ лирического героя 374; ~ ~ воспринимающего 380, 399; ~ ~ говорящего 263; ~ ~ персонажа 394, 403; ~ ~ на ситуацию внешняя / внутренняя 257; ~ ~ на ситуацию синхронная 188; ~ ~ на деятельность синхронная 190; экспоненты ~и ~ 283. См. присутствие
- точка отсчета** (point of reference) 9, 12–15, 17–21, 26, 37, 41, 70, 87, 133, 153–154, 159, 161, 167, 169, 176, 178, 261, 274–275, 286, 291, 293–295, 365, 385; внутренняя ~ ~ 138; дальняя ~ ~ 14; естественная ~ ~ 154; несинхронная ~ ~ 69, 83, 160, 169, 174–175; проспективная ~ ~ 83; ретроспективная ~ ~ 12–15, 21, 26, 30–31, 42–43, 46, 48, 160, 165, 169, 176–180, 286–287, 363, 401; синхронная ~ ~ 12–15, 18–19, 23, 26–27, 40, 42, 137, 159–160, 166, 169, 173–180, 184, 286, 296
- традиция**: приближение к ~и 90
- трактовка**: словоизменительная ~ вида 88
- трансформация**: контекстно обусловленная (мотивированная) ~ общезыковых правил 199; нарративная ~ 378; ~ в наст. нарративное 378
- требование**: речевой акт ~я 77
- тройка** видовая 123
- угроза** 300; речевой акт ~ы 303, 306, 356
- ударение**: контрастное ~ 36–37; фразовое ~ (= акцент) 36, 39, 52, 322; главное фразовое ~ 36, 42, 329
- узуальность** 27, 41; осложненная потенциальностью ~ 28; эксплицитно выраженная ~ 27; контекст ~и 14; ~ с "наглядно-примерным" оттенком 28
- указание**: смещенное ~ (deferred ostension) 247; дейктическое смещенное ~ 356; эксплицитное ~ 20
- уместность** предложения в контексте 235,
- упорядоченность** временная: ~ ~ ситуаций 365; событий ~ 380,
- употребление**: абсолютное ~ 270; автономное ~ 250; актуальное ~ 29; актуально-длительное ~ 51; акциональное ~ 48; анафорическое ~ 247, 270, 273; аномальное ~ 188; аспектуально однозначное ~ 93; ассертивное ~ 314; безличное ~ 264, 278; вводное (паранетическое) ~ 278–279, 321–326, 329–331, 333–345, 397; собственно вводное ~ 329–330; запрет на вводное ~ 330; (формальные) показатели вводного ~я 322; генерализованное ~ 125, 130; гипотактическое ~ 325; дейктическое ~ 245–247, 273; демагогическое ~ 255; дескриптивное ~ 331; допустимое ~ 188; катафорическое ~ 370; косвенное ~ 308; нарративное ~ 287–288; неагентивное ~ 116; неперформативное ~ 162; нереперентное ~ 189; обобщенноличное ~ 213; общефактическое ~ 31, 48, 69; основные ~ 31; относительное ~ времен 171, 173, 293, 407; первичное (исходное) ~ 106; переносное ~ времен 25; перфектное ~ 153–154; перформативное ~ 35, 161–165, 324; подчиняющее ~ 325–326; предельное ~ 44; результативное ~ 34, 43, 48, 50, 52; синтаксическое ~ 16; событийное ~ 153; субъектное ~ 302; узуальное ~ 31, 125; фактивное ~ 328, 331; цитатное ~ 357; ~ в скобках 272; ~ видов (видовых форм) 64, 100, 381; ~ видов в контексте нейтрализации 90; предсказание возможности/невозможности употребления видовой формы 88; ~ СВ 90; контекст ~я имен и дескрипций 251; парадигматический тип ~я языка 200; правила ~я 224. См. режим, сфера, условие (~я); неправильность; ср. значение
- упрек** 338; речевой акт ~а 57, 150

- уровень:** денотативный ~ 189, 186; поверхностный ~ 100; прагматический ~ анализа высказывания 52; субкатегориальный ~ 121; ~ осмысления 219. См. интерпретация
- условие:** ~ для употребления обязательное (необходимое) 12; достаточное ~ 22; ~ уместного употребления 73; контекстное ~ 158, 165; предварительное ~ 87
- условия:** ~ искренности 235; ~ истинности 222–235; ~ коммуникации 199, 260; ~ о единстве мира 201; ~ связности текста 245; ~ успешности речевого акта 76, 227, 237
- условность:** ~ стиля 349. См. интерпретация
- установка** 338–339; коммуникативная ~ 333; коммуникативная ~ говорящего 36, 333; коммуникативная ~ ДРУГОГО 334; ментальная ~ персонажа 350; морально-эмоциональные ~и повествователя 206; эпистемическая установка 399, 341; эпистемическая ~ субъекта сознания 397; эксплицитно выраженная ~ 360; ~ субъекта 327; передача ~и 338
- установка пропозициональная** 232, 241, 283, 300–301, 312–313, 338; чужая ~ ~ 253; ~ ~и говорящих 221; аргумент ~ ~и 252; предикат ~ ~и см. ПУ-предикат. См. субъект (~ ~и)
- устранение:** ~ автора 215; ~ говорящего 345; ~ говорящего от личного участия в ситуации 79; ~ повествователя полное / частичное 204; механизм ~я повествователя 344
- утвердительность** 245
- утверждение** 263; неуверенное ~ 228; экзистенциальное ~ 45; ~ предложения 306; ~ существования 130; ~ факта 36; ~я о мире 130; усиление ~я 358; речевой акт ~я 301
- утрата** семантически мотивированная 117
- участник** 74; ~ речевого акта 73, 174, 245, 303–304, 340; ~ ситуации 27, 40, 263, 267, 271, 336; ~ ситуации главный/ неглавный 101; ~ ситуации обязательный 141; ~ ситуации фиктивный 211; время существования ~ов ситуации 131
- фабула** 215, 393
- фаза:** временная ~ 86, 120, 128; динамическая ~ 110; конечная ~ 116; процессная ~ 34, 52; начальная ~ действия vs. действие в целом 80; подготовительные ~ ситуации 54–55; последовательные ~ действия 18, 184, 188; 189; последовательные ~ процесса 18, 86; последовательные ~ ситуации 86; последовательные ~ состояния 18–19; последовательные временные ~ 24; срединная ~ 19; момент начала динамической ~ы 91; выделение ~ы процесса 83. См. последовательность; результат
- фактичность** 34, 36–37, 39, 42, 64
- факт** 36, 61–62, 64–65, 130, 311, 328, 333, 387; единичный ~ 46; ~ vs. процессов 62; ~ vs. событие 64; ~ vs. событие 65; ~ осуществления действия 38
- фигура** речи 254, 256
- фикция** первого / второго порядка 388,
- фильтр** 242
- финитив** 125
- фокус** 58–59; ~ толкования 41
- фокус эмпагии** 247; ~ ~ автора 381; ~ ~ говорящего 245; ~ ~ повествователя 264
- фон** 116, 156–157; эмоциональный ~ высказывания 325; ср. статус
- фонд:** общий ~ знаний 21, 232; общий ~ знаний говорящих 247
- форма:** аукториальная ~ 207–208, 214, 407, 409; залоговая ~ глагола 125; некратная ~ 28; личная ~ 13, 25, 321–322, краткая ~ прилагательного 140; повествовательная (нарративная) ~ 199–200, 204, 206–207, 210–212, 214–215, 219, 245, 276, 320, 336–338, 345, 347, 399, 409, 417; пропозициональная ~ 232
- формализация** см. вывод (дискурсивных импликатур)
- формат** толкования 103, 105, 107, 109, 111, 120, 156
- формула:** интродуктивная ~ 204; перформативная ~ 329; пожелательные ~ 264
- фрагмент:** метатекстовый ~ 392; неповествовательный ~ текста 346–347; собственно повествовательный ~ 336; процессный ~ 51; процессный ~ ситуации 59; статический ~ ситуации 91; ~ действительности 92; ~ литературного текста 337
- фразеологизм** 297
- функционирование** языка 198, 201
- функция:** вторичная ~ 13; дейктическая ~ 13; диалогическая ~ 13; назывная ~ 178; текстовая ~ 68, 109, 195, 290; фоновая ~ 290; художественная ~ 353; ~ от значе-

- ния 365; -и глагольных времен 210; ~ наст. нарративного 290; функция 3-го лица 349; ~и НСВ 75, 89; изменение ~и языковых элементов 199. *См.* язык
- функция иллокутивная** (illocutionary force) 75, 79, 224–228, 230–232, 263, 304, 306, 338, 343; ингерентная ~ ~ 229; маркированная ~ ~ 402–403; неутвердительная ~ ~ 329; полная ~ ~ 230; ~ ~ выражения осуждения 306; ~ ~ отвержения ложной информации 304; ~ ~ речевых актов 227; ~ ~ угрозы 307; показатели ~ ~и 245; ~ ~и НСВ 75; реакция на иллокутивную ~ю предшествующего высказывания 80. *См.* классификация (~ ~и)
- хронология:** абсолютная ~ 381; нарушение ~и 382; ~ персонажа 292,
- целостность** 85, 87, 92, 106; композиционная ~ (текста) 202, 206, 415; ~ структуры текста 202; ~ структуры художественного текста 200
- цель** 17, 41, 57, 103, 111, 187–188, 316; дискретная ~ 143, 147; иллокутивная ~ 227; количественная ~ 188; коммуникативная ~ высказывания 150; ~ агенса 187; ~и говорящего и слушающего 221; ~ субъекта 151, 187–188; субъективная ~ субъекта 151; показатель ~и 49, 136; достижение ~и 94, 103, 111–112, 115; глаголы достижения ~и 143; неадекватная формулировка ~и 189. *См.* обстоятельство (~и); деятельность; субъект; попытка; результат
- ценность:** художественная ~ текста 196
- центр:** коммуникативный ~ высказывания 21. *См.* внимание
- цикл** временной 47
- цитата** 342, 354–355, 357–360; сплошная ~ 208; ~ из речи персонажа 356
- цитирование** 208, 255, 319, 342, 347, 354–361, 402, 410 сочувственное ~ 333; ~ вводного слова 357; ~ конструкции, характеризующей синтаксической неподчиненностью 356; ~ номинации объекта 356; контекст ~я 355; синтаксический контекст ~я 355; происхождение ~я 360; сфера употребления ~я 360; эффект ~я 356
- частица** 59, 125, 224, 232, 307, 318, 327, 333, 342, 355–356; вопросительные ~ 301; диалогические ~ 303; модальные ~ 303, 306; субъективно-экспрессивные ~ 224; семантика ~ 383. *См.* сфера действия ~ы
- часть₁:** коммуникативно значимая ~ 325; собственно повествовательная ~ текста 362
- часть₂:** показатель ~и 183
- числительное** 184–185
- число** 85, 222
- читатель** 199, 201–202, 208–210, 217, 281–282, 289, 334, 347, 349, 351–352, 372, 374, 376–377, 380, 384–390, 393–395, 398–401, 404–405, 414–416; отношения между повествователем и ~ем 280, 289. *См.* образ, представитель, точка зрения (~я); время; время; дистанцирование; момент; поле зрения; ситуация
- шифтер** 258, 408
- шкала** степеней проявления 117
- эгоцентризм** 321, 349, 406, 408–409; вторичный ~ 269, 283, 312, 317–320, 348, 407; диалогический ~ 409; модальный ~ 265; первичный ~ 283, 312, 317–320, 407, 410; первичный/ вторичный ~ 408; собственно эгоцентрический ~ 410; ~ с имплицитным субъектом речи 407; ~ с субъектом дейксиса 407; ~ с субъектом сознания или наблюдения 407; хозяйин-распорядитель ~а 337. *См.* субъект
- эгоцентричность** 200, 248, 299, 405; вторичная ~ 317; первичная ~ 298–299, 310, 317; ~ референции 245
- экзерситив** 110, 115, 227
- экономия** описания - принцип ~и 11
- эксclamатив** 385
- экспликация** 54; ~ в толковании 17
- экспозитив** 227
- экспрессив** 224, 350, 358, 396, 398; передача ~а 344
- экспрессивность** 66, 336
- экспрессия** 218, 289, 301, 308–309, 342, 358, 403; ~ говорящего 309; ~ персонажа 344; средства ~и СКД 353
- элемент** анафорический ~ 342; дейктический ~ 245–246, 249, 258–260, 265, 268–270, 273, 287, 289, 320, 336–337, 342, 356, 386, 407; вторичный дейктический ~ 268–269, 273, 310, 407; неподчинимый дейктический ~ 356; первичный дейксический ~ 269, 273; диалогический ~ 416; индексальные ~ 245; метатексто-

- вый ~ 276, 386; модальный ~ 407; разговорный ~ языка 418; указательные ~ 245; эгоцентрический ~ 197—198, 200, 206—207, 209, 234, 245, 258, 261, 265, 267, 276, 293, 320—321, 336, 343—344, 346—348, 350, 360, 381, 385, 397, 405, 407—408, 410, 417; вторичный эгоцентрический ~ 310, 407; монологический эгоцентрический 408; нейтральный эгоцентрический ~ 408; первичный эгоцентрический ~ 302, 312, 336, 337, 407—408, 410; эгоцентрический ~ с модальным значением 408; эгоцентрический ~ текста 339; эгоцентрический ~ разговорного языка 336; правила употребления эгоцентрических ~ов 200; редукция эгоцентрических ~ов 209; экспрессивный ~ 222, 359, 408, 410; распорядитель экспрессивных ~ов 336; ~ с экспрессивно-коммуникативной ориентацией 336; экспрессивно-диалогический ~ 337, 341; языковой ~ 200, 348, 355; языковой ~ с экспрессивным значением 359. *См.* классификация
- эллипсис** ситуативный 396
- эмпатия** 350; авторская ~ 351; ~ вставного автора 393; ~ повествователя 264, 414. *См.* объект, фокус (~и);
- эпилог** 373
- эпитет** оценочный 356
- этноцентричность** 222
- эффeкт:** иллокутивный ~ 79—80; ~ 357; оптический ~ 120; пародийный ~ 283; побочный прагматический ~ 257
- Я** 337, 360; ~ vs. ДРУГОЙ; голос ~ 360. *См.* рассказчик-~; повествователь-~
- явления** главного предложения (main clause phenomena) 297, 299
- язык:** естественный ~ 201, 222, 259, 262, 405 литературный ~ 199, 210, 218, 356; логический ~ 222; разговорный ~ 199—201, 209—210, 219, 261, 267, 273, 295, 320, 333—334, 337, 345, 349, 356, 360, 387, 409; единицы разговорного ~а 199; редуцированный ~ 199, 337; ~ лирики 209; ~ нарратива 199; ~ повествования 200
- ярлык** 54
- Aktionsart 364
- Continuous 165
- deadline (предельный срок исполнения действия) 55
- Du-Erzählung 408
- ego 339
- egocentric particulars 200
- Ich-Erzählung 204, 206, 353, 379, 409, 411
- imperfectiva tantum *см.* глагол (~ ~)
- main clause phenomena 297, 299
- Past Indefinite 12, 286
- Past Perfect 12, 286
- Past Simple 364
- perfectiva tantum *см.* глагол (~ ~)
- point коммуникативный 156
- praesens historicum 287,
- Present Continuous (прогрессив), 163
- Present Perfect 286, 293
- Progressive 93, 106, 189, 364
- queclarative 343
- Simple Present 163
- Du-центричность 200
- unspeakable sentences 337
- whimperative 228, 343

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	3
 Часть I СЕМАНТИКА ВРЕМЕНИ И ВИДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	
ГЛАВА 1 СЕМАНТИКА ВИДА И ТОЧКА ОТСЧЕТА	9
1. В поисках инварианта видового значения.....	9
2. Противопоставления, выражаемые контекстом.....	11
3. Толкование актуально-длительного значения несовершенного вида.....	16
4. Семантические связи между общефактическим и актуально- длительным значением НСВ.....	19
ГЛАВА 2 ОПЫТ ИСЧИСЛЕНИЯ ЧАСТНЫХ ВИДОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ	24
ГЛАВА 3 ОБЩЕФАКТИЧЕСКОЕ И АКЦИОНАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ НСОВЕРШЕННОГО ВИДА	32
1. Семантические компоненты НСВ результативного.....	34
2. Общефактическое экзистенциальное.....	43
3. Общефактическое конкретное.....	46
4. Акциональное значение несовершенного вида.....	48
ГЛАВА 4 О ТАК НАЗЫВАЕМОЙ КОНКУРЕНЦИИ ВИДОВ	53
1. Постановка задачи.....	53
2. НСВ результативное vs. СВ.....	54
3. НСВ результативное и частицы.....	59
4. Общефактическое значение и факт.....	61
ГЛАВА 5 СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА НСОВЕРШЕННОГО ВИДА ИМПЕРАТИВА	66
1. Компонент “внимание на начальной фазе”.....	68
2. Компонент “немедленно”.....	70
3. Компонент “обусловленность действия ситуацией”.....	71
4. Иллокутивные функции НСВ в побудительных высказываниях.....	75
5. Лексический комментарий.....	80
ГЛАВА 6 ВИД И ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГЛАГОЛА	84
1. Вид как классифицирующая категория.....	84
2. Инвариантные значения несовершенного и совершенного вида.....	85
3. Видовые пары.....	89
4. Лексическая семантика и видовая парность.....	90
5. Типы семантических соотношений в видовых парах.....	93
6. Так называемые нестандартные семантические соотношения в ви- довых парах.....	97

ГЛАВА 7 СЕМАНТИКА ВИДОВОГО ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ И ТАКСОНОМИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ГЛАГОЛА	103
1. Т-категория и ее формат толкования.....	103
2. Первичные и производные Т-категории.....	105
3. Т-категории и видовые пары.....	110
ГЛАВА 8 ТАКСОНОМИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛОВ IMPERFECTIVA TANTUM	122
1. Понятие таксономической категории глагола.....	122
2. Общий обзор таксономических категорий глаголов <i>Ipft.</i>	126
3. Постоянные свойства и соотношения.....	129
4. Состояния.....	136
5. Непредельные инактивные процессы.....	141
6. Деятельности.....	143
7. Занятия и поведения.....	149
ГЛАВА 9 ПЕРФЕКТНЫЕ ВИДОВЫЕ ПАРЫ	152
1. Перфектное значение глагола СВ.....	153
2. Перфектные пары.....	154
3. Классы глаголов, образующих перфектные пары.....	157
4. Перфектное значение и контекст.....	158
ГЛАВА 10 ВИД И ВРЕМЯ ПЕРФОРМАТИВНОГО ГЛАГОЛА	161
ГЛАВА 11 О СОЧЕТАЕМОСТИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ С ВИДОМ И ВРЕМЕНЕМ ГЛАГОЛА	167
1. Семантическая классификация показателей времени.....	167
2. Значения видо-временных форм НСВ в наст. и прош. времени.....	170
3. Сочетаемость показателей времени и длительности с основными значениями НСВ в наст. и прош. времени.....	172
ГЛАВА 12 НЕСОВЕРШЕННЫЙ ВИД В КОНТЕКСТЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ОПРЕДЕЛИТЕЛЕЙ	182
1. Расчленение действия на последовательные акты.....	184
2. Понятие количественного предела.....	186
3. Незапланированный итог.....	187
4. Неопределенность количества.....	188
5. Партитив.....	189

Часть II СЕМАНТИКА НАРРАТИВА

ВСТУПЛЕНИЕ К ЧАСТИ II	195
ГЛАВА 1 ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИКИ	198
1. Эгоцентрические элементы языка в неканонической ситуации общения.....	198
2. Традиционный нарратив. Повествователь как аналог говорящего.....	201
3. Свободный косвенный дискурс.....	207
4. Нарратив и лирика. Аналоги слушающего в нарративе.....	209
5. Типология повествовательных форм.....	214

6. Повествователь и автор. "Образ читателя".....	216
7. Проблемы поэтики, связанные с фигурой говорящего	218
ГЛАВА 2 СЕМАНТИКА, ПРАГМАТИКА, РЕФЕРЕНЦИЯ	221
1. Предмет и границы прагматики.....	221
2. Речевые акты, иллокутивные функции.....	225
3. Предложение и высказывание. Пропозиция.....	231
4. Пресуппозиции и другие неассертивные компоненты смысла.....	233
5. Коммуникативный статус пропозиции.....	243
6. Референция и дейксис.....	245
7. Имена и дескрипции в неэкстенциональных контекстах.....	250
ГЛАВА 3 ЭГОЦЕНТРИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЯЗЫКА.	
РЕЖИМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ	258
1. Каноническая ситуация общения	258
2. Эгоцентрические элементы языка. Примеры	261
3. Говорящий и его ипостаси.....	262
4. Первичный и вторичный дейксис	265
5. Пример. Режимы интерпретации наречий времени	271
6. Прочие типы эгоцентрических элементов	276
ГЛАВА 4 ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ И ВИДА	285
1. Режимы интерпретации времени.....	286
2. Настоящее нарративное (praesens historicum).....	288
3. Режимы интерпретации временных форм. Примеры.....	291
4. Есть ли у русского глагольного вида собственно дейктическое значение?.....	293
ГЛАВА 5 СУБЪЕКТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ:	
ИЛЛОКУТИВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ И ВВОДНЫЕ СЛОВА	297
1. Синтаксическая неподчинимость.....	297
2. Субъективная модальность.....	299
3. Иллокутивные показатели.....	301
4. О подчинимости вводных слов.....	311
ГЛАВА 6 КОММУНИКАТИВНЫЙ СТАТУС ВВОДНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ	321
1. Вводное употребление глагола.....	321
2. Ограничения сочетаемости, характеризующие вводную конструкцию	323
3. Семантика вводности.....	324
4. Семантическая интерпретация сочетаемостных ограничений.....	329
5. Вводные предложения в нарративе	333
ГЛАВА 7 НЕСОБСТВЕННАЯ ПРЯМАЯ РЕЧЬ И СВОБОДНЫЙ КОСВЕННЫЙ ДИСКУРС.....	335
1. Место СКД среди других повествовательных форм.....	335
2. Косвенная речь: трансформационный подход.....	337
3. СКД: повествователь сходит со сцены	344
4. Синтаксические маркеры СКД.....	346
5. Повествователь возвращается: прош. нарративное в СКД	348
6. Литературные мотивации СКД	351

ГЛАВА 8	ФЕНОМЕН ЦИТИРОВАНИЯ	354
1.	Цитаты в контексте подчиняющего предиката пропозициональной установки	355
2.	"Дескрипция или цитата?"	358
3.	Цитирование и СКД.....	360
ГЛАВА 9	ВРЕМЯ В ТЕКСТЕ	362
1.	Традиционный нарратив и прошедшее нарративное	362
2.	Речевой режим и настоящее речевое	370
3.	Нарративный режим и настоящее нарративное	374
4.	Настоящее персональное в СКД.....	380
5.	Время повествователя и время героя (по роману Набокова "Пнин").....	383
ГЛАВА 10	РАССКАЗ НАБОКОВА "НАБОР" КАК ЭКСПЕРИМЕНТ НАД ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ НОРМОЙ	385
ГЛАВА 11	МОНОЛОГИЧЕСКИЙ СКД: ПРИМЕР АНАЛИЗА	394
1.	Восприниматель	394
2.	Время в СКД.....	399
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	405
	СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	419
	ЛИТЕРАТУРА	421
	ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	437
	ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	443

Елена Викторовна Падучева

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Семантика времени и вида в русском языке
Семантика нарратива

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева

Оригинал-макет подготовлен В. Гусевым
Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 17.07.2010. Формат 70×100 1/16.
Усл. п. л. 38,7.

Издательство «Языки славянской культуры».
№ госрегистрации 1037739118449.
Phone: 95-171-95 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: (499) 255-77-57, тел.: (499) 246-05-48, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Зубовский проезд, 2, стр. 1
(Метро «Парк культуры»)